

Київ · Темпора · 2010

Кирилл ГАЛУШКО

Украинский НАЦИОНАЛИЗМ:

ликбез для русских,

или КТО и ЗАЧЕМ придумал Украину

УДК 323.17(477)(09)
ББК 66.1(4УК)
Г 15

Редактор: Катерина Туз
Коректор: Юлія Желєзна
Дизайн та верстка: Марія Кисельова

Галушко Кирило
Украинский национализм: ликбез для русских, или Кто и зачем придумал
Г 15 Украину: Київ: Темпора, 2010. – 632 с.: іл.
ISBN 978-966-8201-45-5

Що означає слово «націоналізм»? Де шукати витоків цього поняття та яка його історія? Кому зобов'язаний український народ (а отже – Україна) своєю державністю? Які сценарії розвитку нашої країни найближчим часом та яка роль у цьому «свідомих українців» – «націоналістів»? Відповіді на ці та багато інших запитань ви можете знайти у книзі відомого історика Кирила Галушка.

Видання орієнтоване, насамперед, на зацікавленого читача, якому небайдуже українство й усе, що з ним пов'язане, який любить свою Батьківщину (і не тому, що так радить вулична реклама-цитата із В. Сосюри: «Любіть Україну!», а тому, що так відчуває серцем і душею), зрештою, це видання – для всіх, хто читає російською та шанує українське.

Что означает слово «национализм»? Каковы корни этого понятия и его история? Кому обязан украинский народ (а значит – Украина) своей государственностью? Каковы сценарии развития Украины в ближайшее время и роль в этом «сознательных украинцев» – «националистов»? Ответы на эти и многие другие вопросы вы можете найти в книге известного историка Кирилла Галушко.

Издание ориентировано, прежде всего, на заинтересованного читателя, которому небезразлично все украинское, который любит свою Родину (и не потому, что так советует уличная реклама-цитата из В. Сосюры: «Любите Украину!», а потому, что так чувствует сердцем и душой), в конце концов, это издание – для всех, кто читает по-русски и почитает украинское.

УДК 323.17(477)(09)
ББК 66.1(4УК)

ISBN 978-966-8201-45-5

СОДЕРЖАНИЕ

Украинское прошлое: фундамент украинского национализма

Современный украинский национализм: становление

Современный украинский национализм: попытки реализации

После 1991: эволюции и революции

Будущее Украины: сценарии

СПИСОК КАРТ

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ КАРТ

ГРАНИЦЫ:
- государственные
- прочие

СТОЛИЦЫ И ЦЕНТРЫ:
- ЯССЫ — государств
- Нежин — прочие

НАЗВАНИЯ:
- ЛАТВИЯ — государств
- Запорожье — административно-территориальных единиц
- БУКОВИНА — исторических областей
- *ЧЕРКЕСЫ* — народов

СОКРАЩЕНИЯ:
- Вел. — великий
- Вл. — владения
- Герц. — герцогство
- Зап. — западный
- Кн. — княжество
- Кор. — королевство
- Респ. — республика

ЦИФРАМИ НА КАРТАХ ОБОЗНАЧЕНЫ:

1 Ярославское княжество
2 Ростовское княжество
3 владения Великого княжества Московского
4 княжество Феодоро
5 владения Генуэзской республики
6 Византийская империя
7 Трапезундская империя
8 владения Османской империи
9 герцогство Пруссия
10 владения Австрийских Габсбургов
11 Королевство сербов, хорватов и словенцев
12 Российская Федерация

НЕОБХОДИМЫЕ ЭПИГРАФЫ

Вот колыбель отечества нашего! Вот земля, которая была поприщем громких подвигов предков наших! Вот страна, в которой Россия приняла вид благоустроенной державы, озарилась лучами Христианства, прославилась мужеством сынов своих, осветилась зарею просвещения и начала быстрый полет свой, вознесший ее на высочайшую ступень славы и величия. Возобновляю в памяти моей знаменитые дела победоносных Славян, вслушиваюсь в отголоски их славы, и спешу видеть те места, которые были свидетелями величия их. С этой целью еду я в Малороссию.

Письма из Малороссии, писанные Алексеем Левшиным. 1816

• • • •

Здесь я уже почитал себя в чужих краях, по самой простой, но для меня достаточной причине: я перестал понимать язык народный; со мной обыватель говорил, отвечал на мой вопрос, но не совсем разумел меня, а я из пяти его слов требовал трем переводу. Не станем входить в лабиринт подробных и тонких рассуждений; дадим волю простому понятию, и тогда многие, думаю, согласятся со мною, что где перестает нам быть вразумительно наречие народа, там и границы нашей родины, а по-моему, даже и отечества.

Князь Иван Долгорукий. Путешествие в Киев в 1817 году

• • • •

Хохол по природе, кажется, сотворен на то, чтоб пахать землю, потеть, гореть на солнце и весь свой век жить с бронзовым лицом.

Лучи солнца его смуглят до того, что он светится, как лаком покрыт, а весь череп его изжелта позеленеет… Я с ними говорил. Он знает плуг, вола, скирду, горелку, и вот весь его лексикон. Если бы где Хохол пожаловался на свое состояние, то там надобно искать причину его негодования в какой-либо жестокости хозяина, потому что он охотно сносит всякую судьбу и всякий труд, только нужно его погонять беспрестанно, ибо он очень ленив: на одной минуте пять раз и вол, и он заснут и проснутся; так, по крайней мере, я заметил его в моих наблюдениях… Хохла трудно было бы отделить от Негра во всех отношениях: один преет около сахару, другой около хлеба. Дай Бог здоровья и тем, и другим.

Князь Иван Долгорукий. Путешествие в Киев в 1817 году

• • • •

Итак, добрые галичане еще не забыли, что они были некогда детьми Святой Руси и братья нам по происхождению, по языку, по вере.

А. Глаголев. Записки русского путешественника. 1823

• • • •

Мы еле справляемся с одной нацией [поляками], а эти дурные головы хотят разбудить еще и мертво похороненную русскую нацию.

Начальник австрийской Львовской полиции о «Русской троице» – «будителях» русинов-украинцев. 1837

• • • •

Пусть же народ украинский сохраняет свой язык, свои обычаи, свои песни, свои предания; пусть в братском общении и рука об руку с великорусским племенем развивает он на поприще науки и искусства, для которых так щедро наделила его природа, свою духовную самобытность во всей природной оригинальности ее стремлений; пусть учреждения, для него созданные, приспособляются более и более к местным его потребностям. Но в то же время пусть он помнит, что историческая роль его – в пределах России, а не вне ее, в общем составе государства Московского.

Из дневника славянофила Юрия Самарина. 1850*

* Цитаты из «путешествий» даются по Алексею Толочко

Словом, земляки наши, давая называть себя Русью, Черкасами и чем угодно, сами себя называют только людьми и не присваивают себе никакого собственного имени.

Пантелеймон Кулиш. Записки о Южной Руси. 1856

....

Мы имеем против себя не только правительство, но и ваше общественное мнение. Мы имеем против себя даже собственных земляков-недоумков. Нас горсточка, тех, кто сохраняет веру в свое будущее, которое, по нашему глубокому убеждению, не может быть одинаковым с будущим великорусского народа.

Пантелеймон Кулиш – Сергею Аксакову. 1858

....

А раз чувство [духовной потребности] будет – у кого-то из национальных, у кого-то – из экономических соображений, – будет необходимость политической независимости Украины. И задача эта встанет на повестке дня политической жизни Европы и не сойдет с нее, пока не осуществится.

Иван Франко. 1895

....

Идеал национальной независимости в любом восприятии, культурном и политическом, лежит для нас пока что, с нашей нынешней перспективы, за пределами возможного. Пусть так. Но не забудем же, что тысячи тропинок, которые ведут к его осуществлению, лежат простотаки под ногами, и что только от нашего осознания этого идеала, от нашего согласия в нем будет зависеть, пойдем ли мы теми тропинками по направлению к нему, или может, повернем на совсем иные тропы… Мы должны сердцем чувствовать свой идеал, должны разумом понимать его, должны применить все силы и способы, чтобы приближаться к нему, иначе он не будет существовать, и никакой мистический фатализм не создаст его нам, а развитие материальных отношений первым растопчет и раздавит нас, как слепая машина.

Иван Франко. За пределами возможного. 1900

1. Одна, единая, неделимая от Карпат до Кавказа, самостоятельная, свободная, демократическая Украина – республика рабочих людей – вот национальный украинский идеал.

2. Все люди – твои братья, но москали, ляхи, венгры, румыны и евреи суть враги нашего народа, пока они господствуют над нами и эксплуатируют нас.

3. Украина – для украинцев. Итак, выгони отовсюду с Украины чужаков-угнетателей.

Микола Михновский.
Десять заповедей Украинской народной партии. 1902

* * * *

Мы от своего имени не отрекаемся, мы есть русский народ и наш язык есть русский язык, но чтобы никто не мог баламутить, что наш народ и московский народ – то одно-единое, – потому мы называем себя украинцами. Поскольку мы – одно, а россияне «русские» – то иное; наша история – одно, а их – иное.

Степан Томашивский.
Притча о двух соседях, которые имели одно имя. Львов. 1909

* * * *

Теперь, когда украинцы начинают громко говорить, как это делает Донцов со товарищи, что всякая надежда на Россию есть утопия, и что остается искать спасения только в сепаратизме, я говорю вам: бойтесь его! Если вы будете продолжать вашу политику, Донцовы будут исчисляться не единицами и не десятками, а сотнями, тысячами, миллионами.

Петр Милюков. Речь в Государственной Думе. 19 ноября 1914 г.

* * * *

Все поколения нынешних украинских деятелей воспитаны на театре, откуда пошли любовь ко всякой театральности и увлечения не столько сущностью дела, сколько его внешней формой. Например, много украинцев действительно считали, что с объявлением в Центральной Раде самостоятельной Украины Украинское государство является свершившимся фактом. Для них украинская вывеска была уже чем-то, что они считали незыблемым.

Гетман Павел Скоропадский. Воспоминания. 1919

Даже в кругах университета Святого Владимира была такая мысль, что теперь следует подтянуться, поскольку все то украинство, которое раньше было, – то была оперетка, а теперь оно идет вглубь. Я лично исповедую в этом отношении полную свободу. Пусть будет борьба двух культур, это область, где насилия не нужно.

Гетман Павел Скоропадский. Воспоминания. 1919

• • • •

Должно быть более государственниками, чем националистами, помня, что еврей, поляк или москаль, которые твердо стоят на почве украинской государственности, являются ее лучшей опорой, нежели украинцы, которые грезят о федерации.

Дмитро Донцов.
Международное положение Украины и Россия. 1918

• • • •

Возлагать вину за то, что произошло, на внешние, будто бы тяжкие обстоятельства, мы не имеем права. Международное положение всех соседних наций было такое же тяжкое, а может еще и тяжелее, чем наше. В руине нашей виновны только мы сами, и причина той руины лежит не вне нас, а в нас самих.

Воззвание «К украинским хлеборобам». 1920

• • • •

В книге этой понятие Нации отождествляется с понятием Государства. Нация для нас – это все жители данной Земли и все граждане данного Государства, а не «пролетариат» и не язык, вера, племя. Если я пишу в этой книге о нас – «мы, украинские националисты» – это значит: мы, которые хотим Украинского Государства, включающего все классы, языки, веры и племена Украинской Земли.

Вячеслав Липинский. Письма к братьям-хлеборобам. 1926

К ЧИТАТЕЛЮ

Пояснение на всякий случай

ЭТА КНИГА – плод желания автора прояснить (как для себя, так и для читателя) исторические корни современного украинского государства и развитие той идеологии, которая вызвала его появление на свет Божий, – украинского национализма. Национализм я изначально трактую нейтрально, т. е. как объективное явление истории последних двух столетий, и поэтому не тороплюсь давать ему оценку как чему-то «плохому» или «хорошему». Национализм можно оценивать уже по его конкретным проявлениям…

В современной Украине многие политики (традиционно для деятелей этой отрасли общественной жизни во всех странах) пытаются в своей риторике представить себя воплощением не только «чаяний народных», но и «национальной идеологии», «национальной истории», «патриотизма». И я искренне надеюсь, что данная книга поможет читателю самостоятельно разобраться в тех критериях, которые он может использовать для оценки слов и деяний «этих деятелей».

Возможно, что эта книга поможет также понять, почему нынешняя украинская «элита» откровенно некомпетентна и социально безответственна. И главное – найти аргументы, чтобы убедить себя и других в том, что так не должно быть и в дальнейшем, а заодно попытаться сообразить, как быть должно (то есть «что делать?»).

Предостережения на всякий случай

ЭТА КНИГА – НЕ политическая пропаганда или агитация. Автор не имеет отношения к политике, партиям, выборам и т. п.

ЭТА КНИГА – НЕ научная монография.

ЭТА КНИГА – ЛИКБЕЗ для непосвященных, т. е. обзор вполне известных специалистам и, в основном, очевидных фактов, малоизвестных большинству обычных русскоязычных (и не только) граждан Украины (и бывшего СССР), поскольку эти факты «забыты», «непопулярны», «неприятны», «неполиткорректны» или «невыгодны».

ВАМ СТОИТ ЭТО ПОЧИТАТЬ, если Вы живете в России и если Вам интересно, почему так много людей в Украине подвергают сомнению очевидную для россиян извечную близость и братство русского и украинского народов.

ВАМ СТОИТ ЭТО ПОЧИТАТЬ, если Вы живете в русскоязычных регионах Украины и если Вам интересно, откуда и почему на Вас свалилась «незалежность» (правда, совсем не очевидно, что в украиноязычных регионах все это знают).

ВАМ СТОИТ ЭТО ПОЧИТАТЬ, если Вы живете в русскоязычных регионах Украины и Вы хотите понять причины того, что происходило и что сейчас происходит со страной, которая является и Вашей Родиной тоже (правда, совсем не очевидно, что в украиноязычных регионах все это знают).

ВАМ НЕ СТОИТ ЭТОГО ЧИТАТЬ, если Вы уже и так все знаете и Ваше мнение является для Вас единственно верным и правильным. Здесь я ничем не смогу помочь (боюсь, что кто-то другой – тоже).

ВАМ НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ЭТО ЧИТАТЬ, если Вы – самый-самый большой и преданный патриот Украины, свято уверены в том, что знаете, каким было ее прошлое, каково ее настоящее и каким будет ее будущее. Многое Вам тут может не понравиться. Зачем же портить себе нервы?

ВАМ НЕ НУЖНО ЭТОГО ЧИТАТЬ, если Вы не можете перенести без скрежета зубовного физическое существование таких людей, как:

- украинцы вообще
- украинцы западные
- украинцы восточные
- русские в Украине
- русские в России
- поляки
- евреи
- крымские татары
- «американцы»

Возможно, кто-то из перечисленных мог когда-либо вызвать у кого-либо из читателей какое-то раздражение. Но в мире, в котором мы живем, живут разные – в том числе и эти – люди. И всем нам сосуществовать придется ***вместе****. Поэтому, как говорят психоаналитики, «давайте об этом поговорим».*

ВИРУС, ИЛИ НАЦИОНАЛИЗМ ВООБЩЕ

Давайте попытаемся разобраться в явлении национализма как такового, поскольку без этого не поймем логику мышления национализма *украинского*.

Национализм существует в большом мире более универсальных политических идеологий (либерализм, социализм, консерватизм), многих религиозных конфессий, с которыми вступает в различные конъюнктурные союзы или конфликты. К сожалению, это дополнительно запутывает его изучение, поэтому мы попробуем отделить (насколько это возможно) национальное чувство от других составляющих разных идеологий, попытаемся отмежеваться от черно-белых стереотипов, а главное – постараемся докопаться до его сути и показать, как «это все видит» современная общественная наука.

1. Национализм «как мы его помним»

Однозначность и ясность в понимании того, что же такое в действительности национализм, существовала только при советской власти. Тогда все знали, что это –

> *идеология и политика в национальном вопросе, основа которых – идеи национального превосходства и национальной исключительности, трактовка нации как высшей внеисторической формы общности. В условиях восходящего развития капитализма – идейное знамя буржуазии в борьбе против феодализма и национального гнета…*

Социализм призван создать почву для преодоления национализма на основе утверждения национального равноправия, суверенитета и содружества народов.

Но, слава Богу, времена «*однозначности и окончательной ясности*» уже миновали, как это ни печально для тех, кто хочет иметь упрощенное представление об окружающем мире. В советское время национализм был очевидным идеологическим врагом, который кроме социального видел в общественной и политической жизни еще одно измерение – *национальное*. «Вредность» такого видения мира состояла в том, что национальное чувство может быть *разно*направленным – в отличие от определенной и ясной «классовой позиции». Например: в Польше есть пролетариат, который в силу своей классовой природы *должен* любить советскую власть, но пока он ощущает себя «польским» (т. е. национальным), он может к этой «непольской» власти относиться враждебно. «Классовое сознание», которое подразумевает принадлежность к определенной социальной группе и готовность защищать ее экономические и политические интересы, – это проверенная *форма идеологической борьбы*, поэтому оно имеет вполне постижимые вид и логику, а значит – научно, т. е. *рационально*, обосновано. А вот национальное чувство – это очень сильная *эмоция* «семейного», т. е. кровнородственного характера, причем с неопределенным социальным и политическим векторами (неясно, против кого дружим). А такая неопределенность явно усложняет жесткий контроль над этой самой эмоцией.

Логика коммунистической идеологии в оценке реалий XIX–XX вв. была приблизительно таковой:

- пролетариат и беднейшие слои крестьянства склонны выражать себя в симпатии к коммунистической (социалистической) идее;

- городская буржуазия (предпринимательские круги) – в буржуазном рыночном либерализме;

- клерикалы (духовенство), родовая аристократия, зажиточное крестьянство, милитаристские круги («военщина») и другие отсталые или невежественные люди придерживаются консервативных и националистических (шовинистических) взглядов.

Получалось, что пролетариат – передовой отряд грядущего коммунизма, буржуазия – опора современного капиталистического общества, а третья мрачная компания – это дремучие и, фактически, уже отжившие феодальные нравы. То есть каждый общественный слой жил как бы в своей «исторической эпохе». Судьба непролетарских слоев была уже предрешена, а дни «сочтены» в трудах классиков марксизма. Характерно, что, согласно той же коммунистической логике, националистические настроения используются мировым капиталом, чтобы расколоть идеологически нестойкие прогрессивные силы. В конечном счете, носители буржуазных, консервативных и националистических взглядов останутся в «предыстории человечества», а «настоящая история» начнется с наступлением коммунистического общества*.

Единственная ситуация, хоть как-то признающая и узаконивающая национальное движение с точки зрения коммунистической идеологии, – это национально-освободительная борьба прогрессивных сил против сил империализма, колониализма, реакции и т. п. У «малых» и «угнетенных» все же было какое-то оправдание – но не для всех! Национальное движение, которое ориентируется не на тех, *на кого следовало бы*, попадает в разряд «буржуазно-националистических». Этническое движение, которое в силу местных примитивных социальных реалий не может угодить в «буржуазные», клеймится несколько иначе: «трайбалистская (племенная) группировка»**. В социалистическом обществе (т. е. в СССР) национальное угнетение исчезает, поэтому национально-освободительных движений не может быть в принципе – все культурные запросы народов СССР удовлетворены, все национальности везде представлены, всем хорошо. При социализме национальные отличия постепенно растворяются в надэтнической «новой общности людей – советском народе». Правда, растворяются они *на основе культуры и языка лишь одного народа – русского*, который и выполняет свою историческую миссию надежного «растворителя» инородцев***.

* Хотя, если подумать, откуда ж тогда история возьмется – ведь если исчезнут все враги, то не будет борьбы, страстей и свершений, а значит, никаких исторических событий происходить не будет.

** Как мы (советские люди) помним, «трайбалистская группировка» «Инката» была в ЮАР конкурентом «прогрессивному» Африканскому национальному конгрессу (первые представляли этническую группу коса, а вторые – зулу. Или наоборот?).

*** При этом интересно, в своей РСФСР русский народ (в отличие от других «братских республик» СССР) даже своей отдельной партийной организации не имел – не возникало потребности в таковой!

Казалось, распад Советского Союза продемонстрировал результат очевидной недооценки национального фактора, который весьма быстро подорвал дотоле незыблемую интернационалистскую идеологию. «Националистическое мракобесие», оставшееся во вчерашнем дне, вдруг ожило и начало формировать жизнь сегодняшнюю, расселив «единый советский народ» по «национальным квартирам» и толкнув эти осколки «великого целого» на попытку построить «самостийную» жизнь. В общем, умер «советский народ».

Но с последним утверждением мы вынуждены не согласиться, и скажем, что «пациент скорее жив, чем мертв», лишь до поры до времени рассредоточившись по новым государствам. Пока поддерживается сильная ностальгия по *идеализированному* прошлому и пока не повеяло оптимистическими перспективами в будущем, живы будут и «советские люди», *homo soveticus*, – просто теперь они дремлют под личиной «новых наций». Хорошо это или плохо – вопрос для отдельного обсуждения, но такова правда жизни.

2. Национализм с точки зрения либерализма

Как бы странно это ни звучало, но взгляд просвещенного и либерального Запада на явление национализма очень похож и логически близок к советскому. Казалось бы, Запад активно использовал различные националистические движения для подрыва сил и раскола своего коммунистического противника и, по идее, должен питать к ним симпатию. Но это лишь на первый взгляд.

Как известно, в борьбе с заклятым врагом все средства хороши, и если тут может пригодиться национализм, то почему бы и нет? Поэтому, например, очередной блокбастер о Рэмбо с Сильвестром Сталлоне в главной роли посвящался «героическому народу Афганистана», который борется за свое освобождение от советских оккупантов. Однако вскоре пришлось уже с других позиций оценить «свободолюбивый афганский народ», который к этому времени увлекся поддержкой исламского терроризма против Запада. Оказалось, этот «народ» состоит из нескольких разных, часто враждующих между собой народов (пуштунов, таджиков, узбеков и еще почти двух десятков этнических групп), противостояние которых можно при необходимости усилить, поставив на более «прозападную» этническую группу, а потом попытаться снова образовать афганский народ, но уже

«пользующийся плодами демократии». То есть этносы и нации тут выступают *не как цель, а как средство.* И среди прочего, в изначальные и последовательные задачи либерализма совсем не входит поддержка националистических настроений как таковых.

Не имеет смысла метать громы и молнии против «двуличия и коварства» Америки и Запада, стоит просто обратиться к самой логике либерального мышления, которая в «национальном вопросе» бывает весьма схожа с коммунистической. Суть здесь в том, что эти обе, внешне конкурирующие между собой, идеологии являются продуктом *одного видения мира* – универсального проекта европейского и американского Просвещения XVIII в. Ведь задачей Просвещения является перестройка мира *на общих, одинаковых для всех справедливых основаниях.* К ним относятся такие общие для социалистической и либеральной традиций понятия, как глобальные «свобода», «общественное благо», «демократия». Эти явления однозначно необходимы для всех стран и народов, а их внедрение в жизнь и является сутью социального прогресса. Различие между социалистами и либералами состоит лишь в видении конкретного *пути* и соответствующей экономической и политической философии достижения цели. Это различие разводит далеко в разные стороны, но изначальные цели – одинаковы и глобальны.

Несмотря на исторические изменения в трактовке понятий социализма и либерализма, в любом случае и здесь, и там мы видим желание сделать мир *одинаковым*, пусть и во «всеобщем счастье»… А посему – чем меньше культурного разнообразия, этнических, религиозных конфликтов в мире, тем проще этот мир подогнать под один шаблон, особенно если стартовая позиция крепка и есть политическая воля*. Посему в идеале либерализма (в т. ч. в его нынешнем работающем воплощении – глобального либерального капитализма) мир отнюдь не должен разрываться националистическими страстями, все должны дружить, жить в мире и демократии, убирать границы, а главное – покупать и продавать. Но остается проблема с существованием национальных государств, которые вносят хаос сложностью своих взаимоотношений, смутным понятием «национального бизнеса», «отечественного производителя», подрывающим интернациональность капитала как глобального мотора экономического и социального прогресса. Мир все никак не успокоится в своем бурном разнообразии…

* Исходя из этой логики, большие корпорации предпочитают очень большие рынки: ведь для Китая можно разработать одну общую бизнес-стратегию, – и потребителей будет сразу более миллиарда, а представьте себе затраты на прорву всяких мелких и карликовых государств, где разные языки, стандарты, законодательство!

Существование конфликтных зон, где люди истребляют друг друга из-за происхождения, языка, цвета кожи или вероисповедания, в свою очередь, выстраивает определенные политические и с ними связанные бизнес-стратегии. Понятно, что эти бизнес-стратегии должны быть прибыльными. Тогда активизируется хиреющий от «разрядки» военно-промышленный комплекс, усиливаются «внешние угрозы», возникают «хорошие» и «плохие», «перспективные» и «невыгодные» национализмы – все основывается на той же прагматичной оценке, что и у советских идеологов. Такая логика, более капиталистическая, чем либеральная, должна особенно почитать борьбу с терроризмом: враг безлик и вездесущ, посему бороться с ним можно бесконечно.

Но если вернуться к принципам, то становится непонятно, существует ли какая-нибудь универсальная (то есть солидная и признанная, «научно обоснованная» и «политкорректная») идеология, которая бы поддерживала национализм? Если к универсальным мы относим либеральную и социалистическую, то, похоже, что нет. Но в результате национализм не только жив-здоров, но и крепчает. Значит, это кому-нибудь нужно. Значит, что-то его постоянно подпитывает по ту сторону прекрасных и карамельных идей Просвещения. Поэтому, чтобы разобраться, логично начать сначала, то есть с рождения самой «нации».

3. Слово «нация» и два основных его значения

Исходя из того, что главная всемирная организация после Второй мировой войны – это Организация Объединенных *Наций*, а после Первой мировой – Лига *Наций*, то, видимо, с 1919 г. мировое сообщество не видит других общностей людей, совокупность которых могла бы представлять человечество.

Заметим, что эта уверенность – явление достаточно новое с исторической точки зрения. Конкретную политическую и правовую роль понятие «нация» играет лишь с XVIII в. Охватило это «национальное» поветрие Европу в первой половине XIX века, а весь остальной мир поддался ему в XX столетии. Итак, корни национализма нужно искать в Европе, откуда сей «вирус» распространился.

Что интересно, без Просвещения и здесь не обошлось. Что еще интереснее, так это то, что само слово «нация» имеет весьма разный смысл,

и существование этого изначального разночтения хронически подрывало и подрывает мировую стабильность.

Но давайте по порядку, представим «карьеру» этого слова в соответствии с изложением киевского историка Георгия Касьянова.

Слово «нация» происходит от латинского *natio* (род, племя). Сначала этот термин имел несколько пренебрежительный смысл: в Древнем Риме так называли группы чужаков из определенного региона, обычно объединенных кровными связями. Эти люди не имели прав граждан Рима. Еще так называли отдаленные варварские народы. В общем, слово «народ» обычно применялось к «своим», а «нация» – к чужакам. После 212 г., когда права гражданства получили все свободные обитатели Империи, «нациями» начали называть представителей определенных регионов.

В Средневековье «нациями» были как далекие народы, так и землячества – купцов или студентов. Так себя именовали с конца XIII века представители определенных группировок на церковных соборах. Но обычно это понятие не имело выраженного этнического содержания, обозначая скорее ситуативные группы по интересам, основанные на территориальной, этнической или политической общности. Постепенно слово приобретало черты престижности. В XV в. понятие «нация» попадает в юридические документы. В 1486 г. применяется название «Римская империя немецкой нации», которое уже несколько ближе к современности.

Приблизительно в XVI в. в Англии стали отождествлять понятие «нации» с «народом», применяя его для обозначения всего населения страны. Это отождествление и положило начало блестящему взлету термина «нация». Но! Это определение было *территориально-политическим*, а не этническим или языковым. Окончательно оформилось такое значение слова в риторике французского Просвещения последней четверти XVIII в., в лозунгах Великой французской революции. В дальнейшем слово «нация» стало популярным среди тех народов, где процесс образования наций совпадал с процессом формирования централизованного государства и чья элита была относительно культурно однородной. То есть, в такую «нацию» включалось все население страны, независимо от этнического происхождения. Так это понимали во Франции и Англии – передовых государствах XIX в. Там «нация» стала политическим символом, синонимом суверенности народа; становление нации являлось составляющим процесса демократизации, элементом гражданственности, патриотизма. Поэтому в английском и французском языке *понятие «нация» является синонимом «страны», «государства».* По мере демократизации (а без этого – никуда) государство становится выразителем воли не правителей, а народа,

сознательных граждан, поэтому понятие государственных интересов часто заменяется «национальными интересами». Именно в таком значении подразумевались те нации, которые вошли в Лигу наций и ООН, то есть понятия *государство–нация–народ* – синонимы.

Мы добавим от себя, что прорыв «нации» как политического символа в результате деятельности просветителей был вызван еще и тем, что Просвещение дезавуировало, разоблачало священную суть монаршей власти и планомерно разрушало «абсурдную» религиозную веру. Это вело к утрате традиционных социальных «кумиров» и традиционной лояльности к «власти от Бога», которая до того была свойственна подданным. «Король умер», но кто же «да здравствует»? Изменился источник суверенной власти, пошатнулась вера, изменилось понимание того, что же является соединительной тканью общества. Поэтому вера именно в нацию логично стала во Франции XIX века «гражданской религией». Нация-народ стала источником суверенитета и объектом лояльности населения, которое *превратилось из «подданных монархии» в «граждан национального государства»*. И если раньше *сувереном*, источником права, был монарх, божий помазанник, то теперь им стал народ-нация.

Но в Центральной и Восточной Европе утвердилось иное понимание нации, связанное с влиянием немецкого языка, интеллектуальных традиций (через университеты региона) и существованием многонациональных империй. Германия была до 1871 г. расколота на несколько отдельных государств и вольных городов, поэтому образовался синонимичный ряд: *нация–народ* (люди, объединенные общей культурой, языком, традициями), а вот *государство* по понятным причинам в этот ряд не вошло. В широком ареале влияния немецкой культуры нация представлялась как *культурно-языковая,* т. е. *этническая, общность.* Объединение в одно государство, государственная интеграция были тогда лишь целью немецкой нации.

Интеллектуальные элиты славянских народов (и русских в том числе) в XIX в. обучались преимущественно в немецких университетах или же находились под влиянием немецкой философии и обществоведения, а потому усвоили именно этническую трактовку нации. Тем более что большинство славянских народов не имело своих независимых государств и лишь вступало в стадию «национального возрождения», «национализма».

Своеобразно поддержало эту трактовку распространение идей социал-дарвинизма, в котором законы борьбы за существование, выживания сильнейших биологических видов и популяций были перенесены на социальные реалии. Возникают идеи глобальной конкуренции и борьбы рас, наций. Ранний романтический национализм, главным воплощением

которого был иррациональный «народный дух», все чаще уступает место уже «научным» идеям исключительности и национального превосходства. Именно по причинее нормальной человеческой реакции на национальный снобизм и возникает негативное восприятие понятия «национализм», однако этот снобизм отнюдь не воплощает в себе всю суть национальных лозунгов, которые несли идеи и свободы, и прав человека, и «европейского дома». Не будем и мы упрощать сложные вещи – хотя порой и хочется.

В общем, мы видим, что значений и смыслов нации было создано более чем достаточно для того, чтобы запутать «национальный вопрос» и трактовку национализма и поставить массовое понимание всех этих явлений в зависимость от идеологически и политически ангажированных черно-белых оценок (ведь хочется проще!). *То есть в споре по вопросу «нации» спорящие могут говорить о разных вещах и по этой же причине вообще не понимать друг друга.*

Как мы увидим в дальнейшем, доминирующими стали именно *территориально-политическая (гражданская)* и *этническая* трактовки.

4. Существуют ли нации в «объективной реальности»?

По словам британского социолога и историка Чарльза Тилли, нация – «одно из наиболее запутанных и наиболее ангажированных понятий политического словаря». И здесь с ним не поспоришь. Как мы видим, в восприятии нации, существующей как слово пару тысяч лет, а по нынешним трактовкам – уже 200 лет, наличествуют противоположные позиции, которые, как это ни удивительно, касаются и самой возможности ее существования, ее *реальности*. Нам-то кажется, что нации, хороши они или плохи, но давненько живут и действуют…

Однако существует социальная наука, и она старается все, что нам кажется очевидным, подвергать сомнению. За что мы ее, может, и не любим, но порой ценим.

Так вот, логика науки состоит и в том, чтобы не доверять тем вещам, которые существуют в сознании людей и кажутся им очевидными, не проверив их научными объективными методами исследований. Исходя из этого скепсиса, тот факт, что десятки миллионов человек считают, что французская (немецкая, итальянская, польская и т. д.) нация существует, является пока всего лишь социальным фактом

(представлением, разделяемым большим количеством людей), но еще *не объективной реальностью.* Понятие «нация» два столетия влияет на повседневную жизнь миллионов, но многие ученые подозревают, что при этом нация – штука выдуманная (или надуманная), и является одной из тех несуществующих вещей (давайте продолжим список: рай на земле, коммунизм, национальные интересы вдали от родины и т. д.), за которые уже умерли многие миллионы.

С точки зрения объективности, мы должны были бы иметь научные (проверяемые) параметры принадлежности к определенной нации, конечно, если она – явление этой самой объективной реальности*. В принципе, нам давным-давно известны основные антропологические параметры жителей Украины и в целом, и по регионам (эти данные систематизировал еще выдающийся украинский антрополог Федор Вовк 100 лет назад). Но это – просто «внешние черты» людей, проживающих издавна на определенной территории, при этом многие из них могут называть себя украинцами и многие – нет.

Максимальное число «объективных показателей» вроде бы исчерпывается у ученых следующим списком:

- Общность территории
- Общее правовое пространство
- Общий рынок
- Общность происхождения
- Общность антропологического строения
- Общность языка
- Общность религии
- Общность культуры и традиций
- Общая историческая память, переживания, мифология

Мы видим, что эти признаки можно сгруппировать по таким проблематикам: *государственно-правовая, этногенетическая* и *культурно-ментальная.*

Для нации желательно проживать на достаточно компактной территории, чтобы иметь национальное государство или претендовать на его создание в определенных логических границах; общий национальный рынок может образоваться и до создания государства (например, Немецкий таможенный союз, созданный до образования Германского рейха), а может возникнуть уже в своем государстве; общее правовое пространство

* При Гитлере пытались использовать объективные показатели принадлежности к арийской расе (лицевой угол и другие данные антропометрии, родословные), не особо, впрочем, удачные.

естественно формируется тоже в пределах границ одного государства (ибо только государство это пространство формирует).

Существенные нюансы разрушают ясность этих признаков: есть нации, не имеющие своей государственности, разделенные между другими государствами или рассеянные по многим чужим государствам; есть нации, пользовавшиеся государственностью до того, как стали нациями; есть такие, которые стали нациями до того, как получили государственность. На первый взгляд, неясно, что на что влияет... Даже если отбросить вопрос о государственности и оставить просто «территориальность», то нас озадачат евреи, ухитрившиеся создать Государство Израиль в Палестине после двух тысячелетий рассеяния по многим странам, да и те же украинцы, сначала разделенные в своем расселении между Россией и Австрией, потом между СССР, Польшей, Румынией и Чехословакией, а также диаспора, к которой как раз без проблем можно было отнести понятие «политическая нация», в отличие от части ее сородичей на украинской территории.

Швейцарская нация говорит на четырех равноправных языках, бельгийцы – на двух, на английском или испанском говорят многие нации разных государств*.

Французская нация выросла в недрах французской монархии и обязана ей теми границами, в которых она сформировалась. Иначе мы бы имели сейчас дело, например, с отдельными (северо)французской и провансальской нациями или же с еще более сложным набором бретонцев, пикардийцев, гасконцев, бургундцев и т. д. Социально французская нация состояла сначала из буржуазии, а потом распространилась на все слои общества вследствие всеобщего образования на стандартном французском языке и изучения истории Франции. Культурная массовая (национальная) унификация Франции, как показал исследователь Юджин Вебер, – это уже плоды образовательной политики III Республики (1871–1940) и, видимо, последствия совместного пребывания на войне в окопах мужского населения страны в 1914–1918 годах.

Германцы-англосаксы оказались на одном острове с кельтами (валлийцы, шотландцы, корнуолльцы), в Средние века воевали с ними, окончательно покорили наиболее упрямых шотландцев в 1707 г. и создали «Соединенное королевство Великобритании». Попытка интеграции оказалась

* Правда, Бельгия как целостное государство от своего валлонско-фламандского двуязычия (на самом деле есть еще и немецкоязычные регионы) имеет значительные проблемы. А вот как легко нарезать политические нации из широких этноязыковых пространств, показывает пример Панамы, созданной как независимое государство (отрезанное от Колумбии) под постройку американцами Панамского канала.

успешной, и можно говорить об общебританской нации, «созданной» и «работающей» в XVIII–XX вв. (пути ее формирования прекрасно показала английский (британский?) автор Линда Колли).

Однако сейчас, на пороге XXI в., несмотря на общую англоязычность, крепнут региональные и этнические сепаратизмы Британского острова. Говорящие по-английски шотландцы и лишь частично сохранившие свой валлийский язык жители Уэльса все равно считают себя отдельными нациями. И они взрастили свой «сепаратизм» в наиболее демократичном и либеральном обществе нового и новейшего времени – Великобритании.

Поэтому валить все проблемы национализма как «национально-освободительного движения» на жесткий прессинг разных деспотических и тоталитарных режимов, видимо, не стоит. Если люди имеют склонность сохранять, и развивать те качества, которые делают их *уникальными, интересными, отдельными, непохожими, они любят свои особые традиции и обычаи,* то сделают это или благодаря определенной политической ситуации, или вопреки ей.

Проблемная ситуация всегда возникает вокруг инициаторов, которые «задают уровень» этнической проблемы, масштаб претензий этнической группы. После всего сказанного ситуация активизации чьего-то национализма может казаться *искусственной*, но эта «искусственность» *хаотически, но стабильно* возникает в разных точках планеты, опирается на различные исторические обстоятельства и имеет различные программы на будущее. Значит, национальные лозунги все же представляют собой объективно и стабильно работающий фактор общественной жизни.

Поляки явно были в XIX в. нацией, несмотря на раздел Речи Посполитой между Россией, Австрией и Пруссией. Относительно наличия у них в XIX в. единого национального рынка существуют большие сомнения. Но они сформировали свое политическое сознание задолго до 1795 г. (третий раздел), когда еще имели свою государственность. Но это было тогда, когда слово «нация» еще не приобрело своего сегодняшнего значения. И похоже, что смысл, вкладываемый в слово «нация» у поляков, сильно изменился за столетие без своего государства. Сначала он был *классовый* (шляхта Речи Посполитой как «политическая нация»), а потом стал *этнический* (с присоединением всех говорящих по-польски низших классов). Однако *территориальные претензии поляков остались государственными* в исторических границах 1772 г. (т. е. до разделов), включая давно «вросшие» в Польшу Литву, Беларусь (составляющую Великого княжества Литовского) и Правобережную Украину, где до 1917 г. статусная элита (знать) была польской. Параллельно в XIX в. на той же исторической арене «возродились» *литовцы* с освеженной претензией

на самостоятельность, и бывшие *русины – украинцы*, которые попытались строить нацию частично на «исторической польской территории». Так когда же и в каких пределах возникла польская нация, и какую роль в этом сыграла государственность? Что было в начале, а что потом? Как сочетать этнические границы и государственные?

У чехов нация сформировалась в XIX в., а их государственность (Чешское/Богемское королевство) свой этнический чешский характер утратила еще в Средневековье, а потом перешла под власть австрийских Габсбургов. Своей уже современной государственности без особого выяснения отношений с австрийцами они добились в 1918–1919 гг.; и у них сразу все «заработало», поскольку они были к самостоятельной национальной жизни уже психологически и экономически готовы. Этому предшествовало их «национальное возрождение» XIX в.

Ирландцы не имели единой государственности и в Средние века, были завоеваны Англией в XII–XVI столетиях. Во второй половине XIX в. они посчитали себя нацией и в 1921 г. через вооруженную борьбу добились независимости, хотя уж прожили вместе с англичанами существенно дольше, чем украинцы с русскими. Ну и ради чего? Ведь даже свой гэльский язык ирландцы забыли давным-давно и перешли на английский. «Самоопределиться» захотелось… Наверное, видели они в этом какой-то смысл.

Нация – это все же социальная группа, и ее могла бы определить социология. Но если взять ее мэтров, то русский эмигрант Питирим Сорокин (1889–1968), зачинатель системных исследований американской социологии, считал нацию не органично общественной, а лишь сборной (искусственной) группой людей, которую невозможно вычленить ни по отдельным признакам, ни на основе скомбинированных свойств. То есть он постулировал невозможность постижения нации в понятиях социологии. Два других классика, француз Эмиль Дюркгейм (1858–1917) и немец Макс Вебер (1864–1920), так же как и Сорокин, определенно сочувствовали националистическому мышлению, и нация для них *уже существовала как данность*. Они просто исходили из ее существования де-факто. Дюркгейм отождествлял нацию с общей политической волей, которая

> *настойчиво выражается, имеет право быть учтена и даже признана, что она является единственным продолжительным (надежным) основанием государства.*

Вебер же считал, что нация – это

> *своего рода чувственная общность, равнозначным воплощением которой было бы ее собственное государство, которое создается нацией, производящей его из себя. (Витиевато, но суть понять можно: «чувственная общность».)*

То есть восприятие обоих «великих» не исходило из того, что нация – «искусственна», они лишь утверждали, что она является продуктом *либо общей воли*, либо *общих чувств*. То есть она оказывалась *за пределами рациональности и поэтому не являлась «научной проблемой»*, а скорее ситуацией обычной реальной жизни, сферой политики, а не науки. В вопросе «национальных сомнений» на определенных территориях Дюркгейм предлагал поступать проще и проводить плебисциты*, чтобы выяснить мнение самих людей, к кому же они себя относят, а не выводить это неким теоретическим «научным путем».

Волюнтаристское (волевое) или чувственное (эмоциональное) восприятия всегда поддерживались политиками и политическими идеологами: если в обществе «живет» важное, эмоционально насыщенное слово «нация», значит, нация существует, и понятие это нужно просто соответственно трактовать и развивать как идею «к практическому употреблению». Политика ведь как такового не должно беспокоить, существует ли объективно что-то, важно то, верит ли в это его аудитория, а при демократии – еще и *электорат*. Если голосующие *верят* в нацию, то какие могут быть сомнения в ее существовании? Политик вообще по роду своей деятельности не должен об этом думать. Он живет и резонирует с обществом, взывает к нему и предлагает ему себя в качестве «выразителя его интересов», а насколько удачно он резонирует – можно измерить рейтингом популярности политика и уже дальше раскладывать на социологические составляющие. Главное, что у него не должно быть слишком много заметных сомнений, если таковых нет у его избирателей.

Наиболее ярко и полно выразил «чувственное» восприятие нации выдающийся французский историк и публицист Эрнест Ренан (1823–1892):

> *Это общее чувство, этот постоянный плебисцит, который продолжается изо дня в день и создает нацию, этот великий союз, который опирается на сознание*

* Плебисцит – всенародное голосование по какому-либо значимому поводу (в отечественной практике – референдум).

«Протонационалисты»

Никколо Макиавелли (1469–1527) и Мартин Лютер (1483–1546). Один – вполне циничный прагматик, другой – религиозный реформатор. Для одного государственное единство Италии и «освобождение родины от варваров» было очевидной самоцелью, для другого тем же была религиозная независимость немцев от Рима и Библия на немецком языке. Италия и Германия образовали национальные государства через триста с лишним лет после смерти обоих деятелей, но явно не без их усилий.

> *жертв, которые уже были вместе принесены, и готовность принести их в будущем».*

Поскольку нация живет в сознании людей, то не является по своей природе твердокаменным, запрограммированным и неизменным образованием. Чувства, как известно, преходящи. Поэтому, согласно Ренану, нация может жить, а может и умирать, но для этого не обязательно физически уничтожать ее членов: они могут просто «расхотеть» считать себя отдельной нацией, утратить чувство общности или волю к его поддержанию. (Правда, что-то не припоминается за XX в., чтобы сложившиеся нации умирали, кроме как физически, – скорее *рождаются* все новые и новые.)

Если говорить об «общем чувстве», то упомянутые выше Эмиль Дюркгейм и Макс Вебер в своих определениях были весьма близки к Ренану, так же как и исследователь проблем национализма Хью Сетон-Уотсон, который считает, что нация существует тогда, когда «*значительное количество людей из определенной общности считает себя нацией или ведет себя так, как будто эта нация существует*». Общая суть всех этих размышлений

«великих умов» сводится к осознанию той проблемы, что *нация живет в сфере субъективных представлений людей, в их сознании, но при этом опирается на определенные объективные факторы в разном сочетании и с разной приоритетностью (язык, территория, религия, историческая память, политический опыт и т. д.)*

Именно тот способ, каким представители нации «распоряжаются» этими объективными факторами, какое значение им придают, и является решающим в определении того, какой же характер национализма у этой нации. А также – *один ли он или их несколько.*

5. Национализм «вообще». Общие значения и смыслы национализма

В отличие от слова «нация», слово «национализм» с точки зрения истории уж точно недавнее. Впервые его употребили как определенное социальное и политическое понятие немецкий философ Иоганн Готфрид Гердер и французский консервативный церковный автор Огюстен де Барюэль в конце XVIII в. В начале следующего, XIX в., когда слово «нация» уже имело определенный политический смысл, «национализм» поминали изредка. По-английски слово употребили в 1836 г. в богословском понимании доктрины о богоизбранных нациях. С тех пор термин часто отождествляли с национальным себялюбием, но обычно отдавали предпочтение таким понятиям, как «национальность» и «национальная принадлежность» в значении пылкого национального чувства или национальной самобытности.

В последующее время национализм приобрел в общественной и обыденной жизни несколько значений и смыслов, основные из которых таковы:

- Процесс образования и становления наций.
- Чувство и сознание принадлежности к нации.
- Язык, символика, мифология нации.
- Социальное и политическое движение от имени нации.
- Доктрина или идеология нации, общая и конкретная.

Это перечисление характерно для современного обществоведения и изложено британским ученым Энтони Смитом.

У нас бы первое значение могли традиционно отнести к изучению *этногенеза* – процесса образования этноса, но понятия «этноса» и «нации» не тождественны. Можно по многим причинам и относительно любого народа поспорить по поводу того, когда возник данный этнос, а когда (и возникла ли) – нация.

Вторая характеристика может существовать без обязательной привязки к языку, символике или политическому движению. Человек может быть пламенным патриотом Украины, что проявляется, например, в «болении» за украинских спортсменов на олимпийских соревнованиях или за футбольную сборную, за «своих», и при этом не особо владеть украинским языком и не питать симпатий к каким-то украинским национальным движениям. Но с определенной точки зрения данный человек – несомненный украинский националист.

Язык и символика вполне могут существовать без особого идеологического обоснования в силу исторической преемственности культурной традиции и общего исторического опыта. Под символикой подразумевается не только герб, флаг и гимн (это атрибуты не столько национальности, сколько государственности), но и общие значимые события – достижения и трагедии. Тарас Шевченко как выразитель национального духа и его могила на Тарасовой горе в Каневе – явления, как мы понимаем, совсем не обязательно политического или идеологического характера. Они значимы в ином, более глубоком смысле, ближе к иррациональному чувству судьбы народа, говорящего по-украински, точно так же, как эмоции, испытываемые на кургане казацкой могилы, или в храме Святой Софии, или при виде с киевских гор. Для армян и евреев столь же значимы акты геноцида, холокоста, и поэтому не только язык, религия, но и историческая, человеческая память об этих трагедиях объединяют эти рассеянные (диаспорные) народы по всему миру. Вряд ли это чувство можно считать всего лишь проявлением навязанного идеологического заказа.

Национальное чувство неотделимо прежде всего от той *эмоциональной составляющей*, которая присутствует и в сентиментальных воспоминаниях о «малой» или «большой родине», мыслях о преемственности поколений, о потомстве как о продолжении рода, ощущении принадлежности к какой-то общей, коллективной судьбе.

Для национализма очень важны определенные атрибуты, которые должны обладать престижностью, – название страны, ее государственность, ее история, ее культурные институты (от *национальной* библиотеки

Нация растет: «Третье сословие пробуждается»

Этот рисунок, давно известный нам из школьных учебников, на самом деле означал, что французская нация, включавшая ранее духовенство и дворянство, будет теперь пополнена и буржуазией. Через сто лет к ней добавится крестьянство. Французская революция придала уже давно существовавшему государству французских королей национально-гражданский смысл и обогатила жестокой борьбой за свободы. Франция становилась из монархии национальным государством и классической гражданской нацией XIX в.

до *национальной* академии наук и *национальной* оперы). *Национальная* сборная должна быть лучшей и побеждать, а если нет, то вся нация за нее переживает, а поражение традиционному сопернику может восприниматься обществом чуть ли ни как *национальное* унижение.

К распространенному у нас представлению о национализме более близки уже упомянутые четвертое и пятое значения (социальное и политическое движение от имени нации; доктрина или идеология нации, общая и конкретная), – политизированные. Правда, они не могут существовать без третьего значения (язык и символика), которое дает им определенный «фон звучания» и визуальный образный ряд.

Как *социально-политическое движение* национализм не особо отличается от других «игроков» на политической арене, но работает с акцентом на культурные приоритеты. К таким приоритетам относится особое внимание к культурным проявлениям нации – ее истории, искусству, литературе, языку, традициям, ритуалам, фольклору. Если движение социалистической или либеральной ориентации реализует, прежде всего, определенную социально-экономическую программу, то национализм может иметь таковую (и это сделает его «левым» или «правым» национализмом), а может не иметь*, добиваясь исключительно культурных целей – языкового равенства или приоритета, защиты национального меньшинства, поощрения или возрождения определенной национальной культуры. Последнее будет уже не только борьбой за повышение социального статуса своей культуры (от второразрядной или униженной до равноправной или приоритетной), но и (пусть и неявно) политическим шагом. В начале XX в. харьковские жандармы весьма правильно замечали, что даже если украинская газета (т. е. газета на украинском языке) и не «лезет в политику», сам факт печати на украинском уже является делом политическим и чреватым, ведущим к «южнорусскому сепаратизму».

Если нам кажется, что националистическое движение возникает *по форме* сразу как явно политическое (с митингов, протестов, политических партий и т. п.), то это неверно. Национализм часто был *политическим* лишь по скрытому содержанию и по последствиям. Во всяком случае, в нашем регионе Центрально-Восточной Европы национализм возник в виде литературных обществ, собраний любителей фольклора, товариществ для народного просвещения и исторических кружков первой половины XIX в. Лишь затем он «дорос» до идеологической стадии, а она, в свою очередь, переросла в политическую – стадию борьбы за мобилизацию масс на реализацию националистической идеологии.

Это было убедительно показано в работах чешского исследователя национализма Мирослава Гроха. Он попытался проследить пути развития национальных движений тех «малых» (или, точнее, «негосударственных») славянских народов, которые населяли в XVIII – начале XX вв. земли Центральной Европы. К концу XVIII столетия они на карте «потерялись» и «растворились», а на протяжении XIX в. – «нашлись» и «возродились».

* В своей изначально социальной неидеологичности национализм похож на движение «зеленых», только одни выступают за определенную культурную среду, а другие – за сохранение окружающей природной среды. Но экологическое движение потенциально всегда более «левое» в силу протестного политического темперамента; с национализмом сложнее.

Понятно, что к русским это не относится (народ не просто государственный, а очень и очень «державный»), но вполне подходит для чехов, словаков, хорватов и украинцев. Также не особо это касается к поляков, поскольку им не было нужды заново «открывать» себя как отдельную нацию – после третьего раздела Речи Посполитой в 1795 г. они не успели забыть о том, кем они являются, и просто испытывали на результативность разные стратегии и тактики борьбы за независимость – от вооруженных восстаний до медленной «органической работы».

В общем, если предварительно и наиболее общо суммировать, то

национализм – это комплекс идей и представлений, в котором ведущее место занимает нация, ее интересы и задачи.

Но наполнение этого комплекса (который сам по себе – не более чем оболочка, внешняя форма) более конкретным содержанием зависит уже от националистической идеологии, которая может быть весьма и весьма разной.

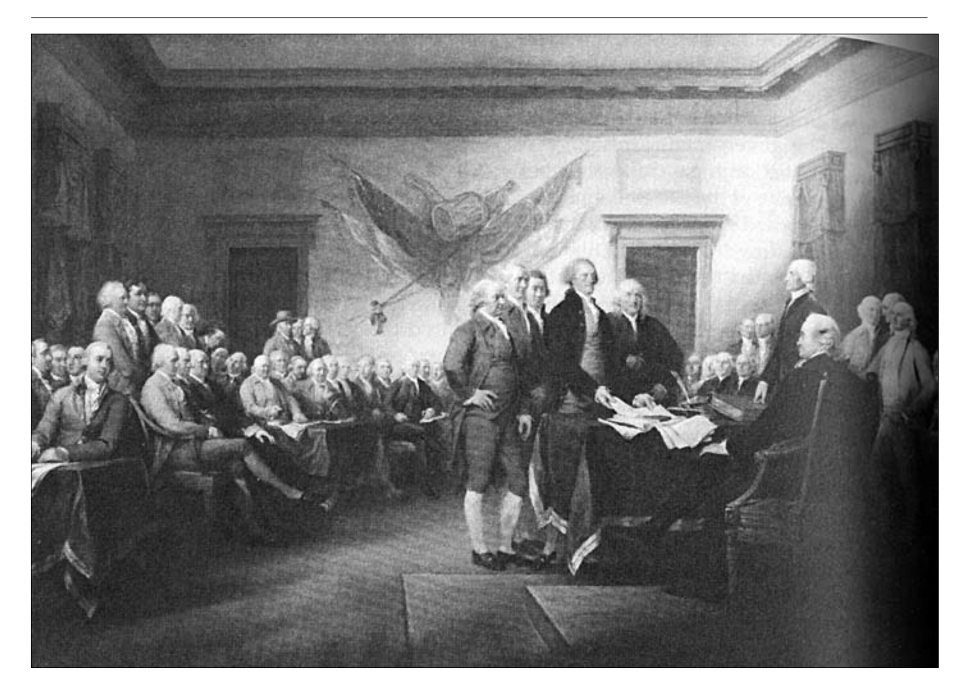
6. «Конкретный» национализм, или Националистическая идеология

Если говорить о задачах, наиболее полно объединяющих различные националистические идеологии, то их три, и они направлены на достижение расцвета и благополучия нации:

- национальная автономия (государственность);
- национальное объединение (интеграция);
- укрепление национальной идентичности.

Теперь мы можем дать более конкретное определение, опять-таки следуя за Энтони Смитом:

Национализм – это идеологическое движение за достижение и сохранение автономии, единства и идентичности населения, представители которого считают, что они составляют реальную или потенциальную «нацию».

«Вашингтон с новым и праведным законом» (Тарас Шевченко)

Принятие Декларации независимости США, 1776. Торжество гражданских принципов Просвещения. Государство и нация – тождественные, объединенные независимо от этнических корней идеалистическим проектом отцов-основателей. Чернокожих рабов демократия пока не касалась, но все нужные принципы уже были заложены.

Еще одно «рабочее» определение дает российский исследователь Владимир Малахов:

> *Национализм – это политическая идеология, в которой «нация», понимаемая в качестве культурно гомогенного [однородного] сообщества, выступает источником суверенитета, преимущественным объектом лояльности и предельным основанием легитимности власти.*

Мы видим, что эти определения – взаимно дополняющие, поскольку у Смита «национализм» более «динамичное» понятие, а у Малахова – более «статичное», у Смита – это реализующееся идеологическое

движение, а у Малахова – суть самой идеологии. Понятие «*потенциальной* нации» объясняет мотивы деятельности националистов, которые хотят политически «разбудить» и активизировать население определенной территории, апеллируя к его до поры скрытым, неявным чувствам солидарности на этнической или территориально-земляческой почве. Для исторической памяти украинцев, чехов, словаков существует общее понятие «будители», которое относится к отцам-просветителям и отцам-основателям нации. «Воспрянув ото сна», эта общность людей воспринимает идею нации как свою общую судьбоносную идею, начинает себя считать «*реальной* нацией» и именно с этим лозунгом политически реализуется – добивается автономии, независимости, культурного возрождения, внешнего признания и т. д. То есть существует определенный пороговый критерий массовости, распространенности, признанности национальных чувств.

Если говорить об условиях, когда потенциальная нация становится реальной, – то это тот момент, когда большинство людей, представляющих ту общность, к которой взывают националисты-будители, им «поверит» и начнет считать себя нацией. То есть у людей в результате активности националистов формируется *национальная идентичность*, которая изменяет их видение окружающего мира. Они начинают его воспринимать через призму интересов своей нации (своего представления об этих интересах). Фактор большинства наиболее важен в условиях международных демократических стандартов, порожденных XX в.: мы знаем, что даже в самых продвинутых демократиях, несмотря на гарантии прав меньшинств, общую судьбу всегда определяет большинство. Критерий массовости важен как для консенсуса «внутри», так и для мирового общественного мнения, которое является источником внешней легитимности, а соответственно – и поддержки чьих-то национальных требований. Но понятно, что большинство бывает относительным и абсолютным, и всегда кто-то будет не согласен, имея на то, заметим, тоже вполне демократические права.

В реальном мире, как мы знаем, приснопамятные демократические принципы не действуют механически, а потому нуждаются во внешней поддержке. Народное волеизъявление может быть просто проигнорировано, поскольку неудобно соседям-конкурентам или противоречит неким геополитическим интересам великих держав. Аргументы для непризнания всегда найдутся. К тому же, представляет собой проблему четко и обоснованно: *обозначить территорию, на которой мы определяем позицию большинства.* Если по поводу

автономии или независимости Косово будет голосовать вся Сербия, то результат будет один, а если только Косово – то иной. То есть, разделив большую территорию на меньшие, можно изменить пропорции большинства и меньшинства. В качестве аргументов по обоснованию пределов территории используются исторические, административные, этноязыковые, но побеждают чаще всего незамысловатые аргументы военной силы, массовой мобилизации и твердой политической воли. После чего границы меняются, а учебники истории переписываются. Если маятник политического успеха не склоняется в другую сторону, то сложившееся положение закрепляется и считается естественным и правильным.

Для успешности «реальной нации», достигшей суверенитета, необходимо, чтобы национальная идентичность была доминирующей во всех слоях общества, необходимых для его нормального функционирования. То есть, не «заработает», не будет «успешной» та нация, членами которой себя считают только крестьяне или только рабочие: необходим компетентный политический и экономический менеджмент, силовые структуры, администрация – то есть полноценный *социальный организм*, который может нормально *функционировать*, а нация будет *жить*.

Поэтому в спектре научных представлений используют порой такие, казалось бы, образные понятия и биологические аналогии, как *«этносоциальный организм»* и *«этнополитический организм»*. Недостаточно принадлежать к одной нации по происхождению – нужно ведь еще много чего для нормальной жизни. Иначе получаются нереализованные амбиции и чрезмерная социальная и политическая цена националистических «упражнений». Я имею в виду, что для каждой нации существует определенный «аттестат зрелости», на который нужно сдать экзамен. Правда, ситуации исторические бывают разные и кому-то так и не дают возможности попасть на этот экзамен: геноциды, депортации, проигранные войны, двойные стандарты. К нациям можно отнести мысль Никколо Макиавелли касательно потенциальной успешности «государей»: важны не только целенаправленные разумные усилия – еще и *фортуна*. Но в любом случае, что особенно важно отметить:

> *воспринятая национальная идентичность – неистребима, если она стала социальным фактом («достаточно много людей считает, что эта нация существует»). Сущностная социально-психологическая черта национального чувства – это то, что, единожды возникнув, в большинстве случаев уже не исчезает, а лишь меняет формы выражения.*

Национальное чувство – «безвозвратно» по своей природе, к нему можно что-то еще добавить, что-то убрать, но не более того – ведь это способ видения мира. Национальное чувство можно только «удовлетворять» или «не удовлетворять» со всеми вытекающими последствиями. Однако если есть время и мощные системные ресурсы (как, например, у тоталитарного государства), то это чувство можно существенно погасить путем идеологической обработки и уничтожения наиболее заметных его носителей. Здесь простой пример – Украина в составе СССР.

*Конечно, всегда наблюдаются процессы ассимиляции, «слияния и поглощения», но тут весьма силен фактор «порога»: **формирование «сознательного ядра» национальной элиты**. Тогда, если физически выживает или удерживается от ассимиляции какое-то количество национально ориентированных энергичных людей, то они, если дать им свободу выражения и информационные ресурсы, «из гроба поднимут» родимую нацию – примеров множество. Для них составляет проблему лишь политический климат в обществе: отсутствие свободы слова является наилучшим средством против распространения национализма (если он не является господствующей идеологией).*

Конечно, сказанное – слишком общо, но все немногочисленные исключения в данном случае скорее подтверждают правило. Для любителей компьютерных аналогий можно привести иной пример: национальная идентичность добровольно инсталлируется «пользователем», а затем выполняет функцию фильтра и систематизатора входящей и исходящей социальной информации. У каждого человека есть такие – не только приобретенные, но и врожденные – «программы»: например половая идентичность, когда интерпретация окружающей реальности и восприятие других людей во многом диктуются тем, что я – мужчина или женщина. Ведь у каждого из нас есть культурно обусловленные стереотипы «мужского» и «женского» поведения. И у каждого есть «программы», регулирующие наше отношение к обществу, стране, миру. Всем людям для социально-психологической стабильности нужна какая-то четкость, априорное знание о себе и о других людях, чтобы переживать меньше стрессов из-за излишних сомнений. Варианты того, «что делать?» и «кто виноват?», лучше знать

несколько заранее, до проблемной ситуации*. То же и с национальной идентичностью. Человек – существо социальное, он невозможен без своей социальной среды, и даже занимаясь исключительно собой или своей семьей, он иногда задумается: а что же это такое есть вокруг меня? и зачем оно? и в чем смысл этого совокупного многолюдного сосуществования?

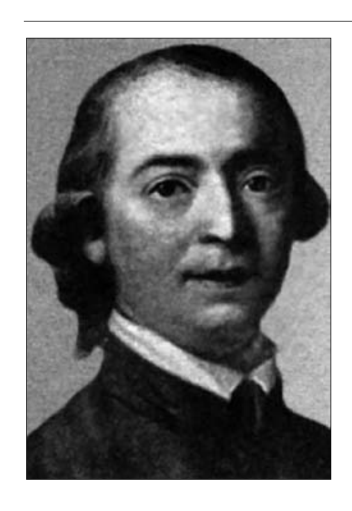
7. Национальная идентичность — условие комфортной социальной жизни?

На поставленный вопрос национальная идентичность отвечает наиболее просто: поскольку «нация» в своем обыденном значении – понятие кровнородственное, то она – просто очень большая семья, в которой немножко подрастерялись родственные связи, а в целом – это то, что ассоциируется с понятиями *«свои»* и *«наши»*, четко очерченная комфортная *территория* или *люди*.

Вне этнических признаков работают разные культурные критерии близости или отдаленности. Например, эти люди – не моей национальности, но в принципе они тоже «свои», поскольку давно живут рядом с нами. (Это характерно проявлялось в Голландии, оккупированной гитлеровцами в годы Второй мировой войны: будучи германским народом, голландцы могли бы «спокойно» перенести «исчезновение» своей большой еврейской общины, но нидерландская нация с соответствующими последствиями для себя вступилась за евреев, потому что «это – наши евреи, и не чужим их трогать».)

Советский Союз в отстаивании своих геополитических интересов выступил в тяжелой и неблагодарной роли агрессора-«цивилизатора» вне своих давно «утрамбованных» зон влияния – например, в Афганистане. Но Афганистан – не Европа, не давно уже пройденная Средняя Азия (Российская империя прошла ее в 1860–1870-х годах), не братья-славяне, которых можно интенсивно и «взаимно полюбить», а заодно и политически «пригреть» при минимальных затратах. В Афганистане советская универсальная идеология «пролетарского интернационализма» посягнула на самую крепкую *традиционную* (будь она хоть трижды «отсталой») *идентичность* и проиграла консолидации традиционного общества перед попыткой обратить его

* Этим руководствуются некоторые политики, изначально создавая политически удобный «образ врага».

Отец центральноевропейского национализма

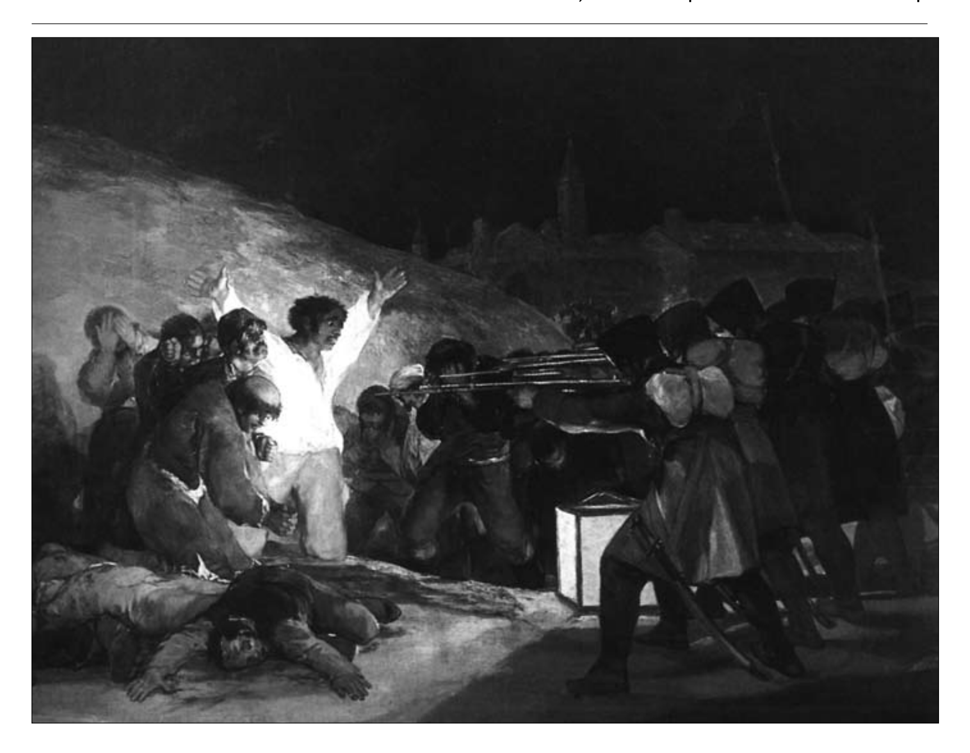
Йоган Готфрид Гердер (1744–1803) – немецкий философ, духовный отец этнического национализма (хотя вряд ли он об этом догадывался). Его идеи о том, что «варварские» культуры (представленные народным творчеством) равны по своей ***культурной самоценности*** *античной классике, были революционны для XVIII столетия. Интеллектуальная элита Центральной и Восточной Европы обратилась к своим этническим корням, что повлекло для этого региона необратимые последствия. Самобытная культура создавала отдельный народ, а народ начинал претендовать на государственность.*

в «цивилизацию». «Афганцы» – этнично весьма разнообразные – были и остались другими. Кроме того, их укрепляла (помимо «помощи коварного Запада») еще и идентичность религиозная, несводимая к вопросам этноса, нации и т. д. Поэтому имеет смысл развести – и не только в примере с Афганистаном – проблемы этничности и проблемы религиозности.

Очень важно уметь отделить проблемы цивилизационные (по религиозно-культурному принципу), как более глобальные, от проблем этнических, которые остаются в основном внутрицивилизационными*. Но в определенные исторические периоды и в определенных ситуациях религиозная идентичность заменяет национальную (от крестовых походов до казачьих войн), тем более тогда, когда «национальной» еще не было как таковой. А бывают ситуации, когда религия – составляющая национальной идентичности (сложно найти итальянца или поляка – не католика).

Социальная идентичность – сложнее и противоречивее в обыденной жизни, поскольку на одной территории «поселяет» чужих людей: более богатых и более бедных, живущих по-разному и вызывающих друг у друга смешанные чувства – зависти, боязни, опасности, неудовлетворенности, укор в неуспешности, неудачах или наоборот, демонстрацию превосходства и снобизма. То есть *социальная идентичность чревата конфликтностью*. Пролетариат, «осознав себя», скорей всего начнет конфликтовать с буржуазией, а выскочка, став из преступника власть предержащим, будет живым укором всем, кто живет честно.

* Правда, есть нации, разделенные по конфессиональному признаку, что лишь усугубило их трудности на историческом пути (например, религиозные войны XVII в. выкосили немцев вполовину).

Новые нации оживают

Революционные и наполеоновские войны, принесшие европейским народам понятие «свобода», принесли и понятие «нация», обратившееся против самих французов. Эмоционально-плакатная картина Франсиско Гойи (1814), показывающая расстрел испанских патриотов, – яркий тому пример. Кризис монархий и иноземная оккупация пробудили национально-патриотические чувства и в Испании, и в Германии, и в других странах.

Наша же психология склонна иметь для самосохранения и опоры комфортное поле некоего согласия и взаимной симпатии, общей разделяемой эмоции, чувства «братства» – т. е. солидарности. Самый простой пример – футбольный матч, объединяющий в одной эмоции представителей разных социальных слоев: от работяг до олигархов. (Национальные идентичности крепнут на матчах, в которых играет национальная сборная. Общая радость или общее разочарование разделяется очень большим количеством разных людей. Сборная объединяет чувства болельщиков конкурирующих в национальном чемпионате клубов. Они ощущают, что есть *еще большая общность* «наших».) Вот тогда этот коварный национальный вирус и вживляется в человеческий организм. А выше «нации» есть только

«символическая сборная мира». Есть очень четкий «потолок» идентичностей. Выше нации «прыгнуть» некуда, разве что Евросоюз когда-нибудь покажет другой пример – правда, наверное, нескоро.

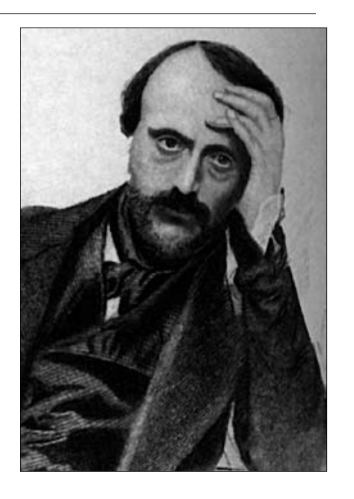
То есть, для сложной современной жизни состоявшаяся национальная идентичность чаще комфортней и предпочтительней, чем социальная, ставшая наибольшим источником ежедневных стрессов и неудовлетворенности жизнью. Социальная идентичность и стала почвой для великих социальных революций, повлекших за собой отнюдь не социальную гармонию. Это является одним из факторов популярности национальных идей как *психологически стабилизирующих, психотерапевтических* именно в эпоху модернизации XIX–XX вв. – период развития молодого капитализма с его материальной поляризацией. Раньше религия освящала неравенство («всякая власть – от Бога»), но плоды Просвещения избавили европейцев от такого оправдания бедности, поставили их перед лицом персональной ответственности за свою судьбу. А это, как и всякое право и необходимость выбора, очень сложно, а порой неприятно.

Когда общество интенсивно меняется, изменяются нормы поведения, «правила игры», нормы морали, разрушаются привычные общественные группы (как, например, у нас в 1990-е годы), – и к какой солидарности (и с кем) людям тянуться? С кем найти некую стабильность, единение, на чье плечо опереться? Именно такие условия в разных исторических ситуациях объединяли людей вокруг этнических и национальных идентичностей. Советская ностальгия «старых песен о главном» выражала тоску по былой солидарности и совместным достижениям, а также – воспоминания о счастливой и полной иллюзий молодости. Вспыхнувшая в Украине в 1990-х пламенная, надрывная и массовая любовь к братьям Кличко и успешному тогда киевскому «Динамо» тоже выражала эту потребность, поскольку это были немногие в то время значимые успехи хоть чего-то украинского, что повлекло за собой вспышку национальной спортивной солидарности. Это было попыткой ощутить что-то хорошее в настоящем*. Здесь мы видим характерный и для сегодняшней Украины живой конфликт двух разновекторных «единений» и, соответственно, двух идентичностей, ориентированных: одно – в известное (а потому надежное) советское прошлое, а другое – в неизвестное украинское будущее.

* Я часто упоминаю спорт, и это неслучайно, поскольку спортивные страсти последнее столетие являются удобным и показательным полигоном выражения национальных эмоций. Не все помнят, что принципом Олимпийского движения является непризнание рейтингов национальных побед («главное – участие»), а что все в реальности делают? Подсчитывают медали по странам, какая нация быстрее, выше и сильнее.

А ведь пока экономические реалии не уравняют большинство украинского постсоветского населения в обеспеченном «среднем классе», ежедневное наглядное неравенство будет интенсивно портить всем настроение. Это является одной из постоянных причин оживления национальных проявлений, которые людей *уравнивают*. Лозунг «свобода, равенство и братство» отнюдь не является антинационалистическим, это, к примеру, – политическая программа *французской нации*.

И тут резонно спросить: а как же проявления шовинизма, национального превосходства и исключительности? Они-то людей и не уравнивали, а как раз наоборот. Однако можно вспомнить Омара Хайяма. Отвечая на вопрос, почему Аллах позволяет есть виноград, но запрещает пить вино, Хайям сказал приблизительно следующее: «Посмотри, если в человека швырнуть глиной – ничего не с ним случится, а вот если из глины сделать кирпич, то результат будет совсем другим». Чувство меры в практической реализации – одно из самых труднодостижимых свойств для всех общественно-полезных идей. Поэтому любая идеология является палкой о двух (и более) концах. Строительство того же «советского рая» стоило десятков миллионов невинных жертв, а кому-то удалось построить социальное государство без рек крови. Очевидно, что национальное чувство невозможно без какого-то противопоставления «своих» и «чужих» – но без этого не могут существовать вообще любые социальные группы (как «мужчины» возможны лишь при существовании «женщин» и наоборот). Да и не припоминается что-то заметного количества людей, которые бы

За Европу национальных отечеств

Джузеппе Мадзини (1805–1872). Известный нам как революционный демократ, он пытался объединить в борьбе за единство и независимость Италии и гражданский, и этнический национализмы: создать национальное итальянское государство свободных людей. «Весна народов» 1848 г. пустила по этому тернистому, но многообещающему пути многие европейские нации. Будущее Европы Мадзини видел как союз свободных демократических наций. Поэтому его можно считать одним из провозвестников Европейского Союза.

к «своим» относили все человечество. К сожалению, пропуском в когорту «граждан мира» является либо всеми признанная гениальность, либо очень большое количество денег. А похвастаться первым или вторым могут весьма немногие.

8. Нация и национализм как вопрос о курице и яйце

Наиболее изношенная тема в вопросах исследования национализма: что возникло раньше – нация или национализм? Это – вполне и спор о возникновении идей вообще, об отношении духа и материи. Одни считают, что если бы не было нации, то националистическая идеология не смогла бы возникнуть. Другие (в научных кругах они доминируют) – что сначала возникла идеология, разработанная национальной интеллигенцией, а потом ею были охвачены широкие массы, которые в результате этого стали нацией. Последняя позиция наиболее ярко представлена Бенедиктом Андерсоном, который назвал нации «*воображаемыми сообществами*». То есть, он просто сформулировал то, что не желали сформулировать (хотя могли бы при желании) Вебер, Дюркгейм и Сорокин. То есть, согласно Андерсену, нация – это некий виртуальный «ежедневный плебисцит» Ренана, то есть ее нужно постоянно себе «воображать». А на самом деле ее не существует. Ничего страшного для националистов в этом подходе нет, поскольку он просто лишний раз напоминает об истинных корнях этой идеологии – эмоциях и вере обычных людей.

Такой («конструктивистский») подход считается новым, он является очень популярен последние лет пятнадцать и тешит гордость многих ученых тем, что наука наконец-то демифологизировала очередное чрезмерно политизированное понятие. Хочу заметить, что в практике националистических политиков истина о «воображаемости» наций жила последние двести лет, поскольку суть национальной политики всегда состояла в том, чтобы способствовать формированию «национального сознания», идентичности, то есть помочь как можно большему числу людей «вообразить» то же самое, что и «сознательные искренние патриоты». Только поскольку это была и есть политика, то никто не будет рассуждать о том, что «все в мире относительно, и моя идея – ничем не лучше других», – ведь в политике так никто не делает, хотя вся она состоит из того, чтобы заставить кого-то во что-то или кому-то *поверить*, «*вообразить*».

Стоит более внимательно присмотреться ко многим разумным многочисленным авторам, мыслящим национально, ведь можно было и сто лет назад увидеть все составляющие процесса этого «воображения», вполне искренне описанные. Поэтому сложно понять, что здесь открыто нового. Старая ситуация в науке – убить прорву времени на то, чтобы глубокомысленно доказать то, что и так давно очевидно для нормального скептичного человека. В том-то и проблема науки о нациях и национализме, что она расцвела почему-то с 1960-х, хотя ее объекты (нации и национализм) уже лет сто с лишним активно действовали. Просто все идеи уже были раньше, только их не стремились энергично использовать: – при тогдашнем состоянии наук об обществе и культуре этот вопрос не был столь актуален (а может, был неприятен); ведь упомянутая позиция классиков социологии, видимо, состояла в том, что они не считали нацию объектом науки, поскольку она была царством политики. Объективно ее нет – так чего из-за этого огород городить. Уместно еще уточнить, что все они были патриотами своих наций, то есть мыслили национально. А кто начал мыслить национально, тому уже все равно, «воображенное» его сообщество или нет. Да и какова ситуация была для Дюркгейма и Вебера: когда французы и немцы сошлись в мясорубке Первой мировой, какой бы самый объективный ученый француз или немец мог себе позволить сказать: «Ребята, ведь никакой французской (немецкой) нации нет, разойдитесь!» Очевидно, что понятия, *за которые умирают*, имеют силу конечной, последней реальности, максимальной для обычного живого человека. Поэтому патриоты могут успокоиться: постулирование современной наукой «воображенности» наций ничего плохого с ними не сделает, поскольку их (нации) пока еще очень интенсивно продолжают «воображать». Замечу, что все «общественные» понятия о больших коллективах людей, как и само слово «общество», – воображаемые, поскольку просто задают удобное для анализа условное поле исследования.

Но есть одна действительно важная проблема: может ли быть нация, если понятия этого в известном нам современном смысле (или в двух известных – этническом и гражданском) нет? Вынуждены признаться, что действительно, никак не может быть. И если нация у нас родилась усилиями Просвещения, Французской революции, войн народов против Наполеона, идеалистической философии, этнографии и романтизма, то *до них наций не было*. То есть, не было наций *этнических*. Были *сословные*, которые использовали это слово, но не в том смысле, как его использовал современный национализм. Поэтому будет откровенно неправильным говорить об «украинской нации» до XIX века. До этого существовал *украинский этнос*, который себя выражал и отстаивал в иных формах и понятиях, чем теперь, да и называл сам себя очень по-разному.

Дискредитация национализма

Нацистский режим сделал все слова с частицей «наци» бранными. Хотя нацизм Гитлера не был даже «этническим национализмом» – он был ***расовым****. Он мог и среди носителей немецкой культуры и языка найти «неполноценных» и «дегенеративных». При этом забывают, что* ***большинство демократий, установленных в Западной и Центральной Европе в результате Второй мировой войны, были результатом борьбы именно национальных освободительных движений.*** *Шарль де Голль перед войной по взглядам был близок к крайне правым, но именно его национализм не позволил ему стать коллаборационистом. Однако память об ужасах холокоста и лагерей смерти склоняет многих просто перестать использовать слово «национализм» относительно того, что им в действительности является, используя вместо него синонимы и эвфемизмы.*

Важный нюанс: нация является коллективом равноправных людей, имеющих некое общее происхождение (или кровное, или территориальное). До эпохи Просвещения идея равенства не была принята в традиционных (досовременных) обществах, опирающихся на сословное деление, которое было жестче, чем этническое. Мы знаем, что аристократия всегда была космополитической. В Чехии правили Люксембурги, в Польше – литовец Ягайло, а в Испании – Габсбурги. В большинстве тогдашних европейских народов высшие слои видели свое происхождение отличным от происхождения народных масс: польская шляхта была «сарматами», казаки – «хазарами», а Рюриковичи

обязательно должны были быть варягами, призванными к славянам из-за моря. Для человека главной считалась его сословная и династическая лояльность, верность малой группе и очень даже конкретному сюзерену, а не какому-либо массовому абстрактному национальному коллективу. У подавляющего большинства населения идентичность была сугубо и узко местническая (мы – местные). Обозначались чувства большей общности лишь в ситуации кризисов и войн, которые обостряли ксенофобию, конфессиональные и солидарно-«патриотические» чувства больших масс людей. Например, война шотландцев против Англии в начале XIV в., когда в защиту своего шотландского короля истово сражались кельты-горцы и германцы-англы с низин. Англы были верны своему сюзерену и по ряду причин очень не любили англичан, хотя часть последних была их прямыми родственниками. То есть средневековая монархия чем-то походила на позднейшую политическую нацию (но без общегражданских прав), где главное – верность, лояльность, а не происхождение. Говоря современным языком, часть английской «этнической нации» была частью шотландской «политической нации» и верна шотландскому королю. Характерно, что шотландцы и доселе отличаются по своему происхождению и утратили свои «языки», что, однако, не мешает им считать себя шотландцами и порой проявлять сепаратизм.

Такие проявления национализма до эпохи современных наций называют «*протонационализмом*»: его время уж точно приходит в эпоху Возрождения и Реформации, в век Макиавелли (зачинателя итальянского национализма) и Лютера (немецкого).

Еще один нюанс: политические проекты (а нация – это, несомненно, политический проект) до XX в. всегда были преимущественно делом *элит* – образованных, думающих о «высоких материях», знатных, имеющих статус и возможности, позволявшие заниматься политикой. Эти элиты и «производили» идентичности, лозунги и сверхзадачи для широкого использования. «*Национальное самосознание появилось в тех слоях населения, которые имели европейский масштаб сознания*» (немецкий исследователь Отто Данн). Для дальнейшей национализации им нужно было «уравнять» себя с социальными низами, что означало демократизацию, которая, в свою очередь, делала народные массы объектом все более интенсивной мобилизации или пропагандистской обработки. Нужно учитывать, что до середины XIX в. значительная часть европейцев была еще безграмотна, не владела «высокими понятиями», – а ее уже видели частью определенных наций. Демократия порождает «электорат», массовый политический ресурс, за который элите надо бороться. А если «нация» не имеет государства, то без «возбуждения» масс эту государственность не вернуть и не построить.

В общем, «нация» – определенно продукт XIX в. Она возникает в сознании интеллектуальной элиты, которая в результате этого обречена на вечный диалог с народом, узаконивающий своими культурными особенностями национальные претензии, но слабо ориентирующийся в тех вещах, которые делают его «нацией» в глазах элиты. Нация реализуется через национализм, то есть они – «близнецы-братья». *Нация* – коллектив, общность, *национализм* – его действия, жизнь, реализация. Сам же «народ» просто себе жил, работал и не знал, какие страсти бурлят в просвещенных умах эпохи. Как писал украинский национальный деятель Пантелеймон Кулиш в середине XIX века, тогдашние украинцы скорее назвали бы себя просто людьми, нежели украинцами. Правда, в XXI в. ситуация изменилась (пока только для 56 % граждан Украины), что и явилось результатом действия национализма.

Крайне упростив, можно сказать, что *нация – это сообщество людей, считающих себя нацией.* Но этот декларативный шаг накладывает определенные обязательства, а самое главное то, что данное сообщество берет ответственность за себя – исключительно на себя. И вступает этим в очень жесткую конкуренцию с другими такими же, а вакуума власти быть не может. Кто слаб – обычно страдает. А не посчитал бы себя отдельной нацией – жил бы себе спокойно. Меньше претензий – меньше разочарований. Ибо и человек, только родившись на свет, как раз и начинает сталкиваться с проблемами. Страсти житейские – плата за существование. Нации в этом весьма похожи на людей. «Вообразил» себя – готовься к борьбе за свое существование. «Либеральный» мир XXI в. в этом плане не стал добрее.

А что же за люди те, которые живут себе столетиями «просто так», а потом становятся нацией? Дело в том, что «вообразить» совсем уж искусственную вещь так, чтобы она полноценно «зажила», – очень сложно. Поэтому нации опираются в основном (не все, конечно) на свои этнические, то есть культурно-языковые, корни – на *этнос.* У последнего есть некое, пускай примитивное, самосознание, представление о своем «стандарте», позволяющее французам считать «своими» других французов, близость определенных параметров образа жизни, общей истории, переживаний, часто – религии и многих других моментов. *Этнос тоже может считаться воображенным сообществом* (поскольку этническое происхождение – это не медицинский диагноз и не отдельный биологический вид), но гораздо более укоренен, чем нация (берущая уже «взрослым» мировоззрением). Этнос начинает «работать» с человеком сразу – с его первых слов и материнской колыбельной, т. е. с языка и бытовой культуры, системы житейских представлений и ценностей. Этносы – одни из самых стабильных сообществ людей, хотя история ко многим

из них часто была немилосердна. Но в этом смысле только геноцид, изгнание, рассеяние могут растворить этнос (правда, некоторые, например евреи и армяне, и это смогли пережить), да еще, может, современное общество, размывающее традиционные культуры в процессе индустриализации, модернизации, урбанизации, миграций.

Изначальная стадия отношений между этносом и нацией такова: первый обычно не знает, что он «нация», а в результате распространения национализма на все более широкие слои народа этой нацией становится. Даже если конца не видно – он очевиден и когда-то обязательно случится, поскольку национализм *необратим при наличии определенных этнических ресурсов и благосклонности фортуны*. Это не значит, что национальное развитие работает как механический будильник (завели, а потом он прозвенит), объективных факторов в его пользу, действительно, маловато, но субъективные факторы национального видения мира могут весьма сильно «завести». Исторический опыт свидетельствует, что уж если и не зазвенит в результате, то так испортит жизнь себе и окружающим, что пусть лучше звенит. Одни ирландцы, баски, палестинцы и курды чего стоят! Нереализованный, но «хотящий» национализм – часто бóльшая проблема, чем реализованный.

Выше говорилось, что до национализма не было наций. Однако было что-то похожее на гражданскую нацию в ее роли «суверена» и «правящего класса». До Просвещения уже использовалось слово «нация» в политическом смысле: – это была упомянутая «сословная нация» (дворянство и церковные иерархи; в науке используется еще термин «*политический класс*»). Самый яркий пример – шляхта Речи Посполитой. Она была правящей *политической нацией* разного этнического происхождения. Ее более широким аналогом является современная гражданская нация, которая включает в себя всех граждан национального государства, независимо от социального и этнического происхождения. Поэтому для наиболее везучих европейских государств эта «сословная нация» через этапы демократизации (революций и реформ, уравнения в правах) превратилась в *гражданскую нацию*, где гарантированы права и свободы каждого человека при общей опоре на культуру титульного этноса. Для восточноевропейских негосударственных (изначально или временно) наций перспективы образования *из этнических наций гражданских* затормозились консервативными многонациональными империями (Российской, Османской, Германской, Австрийской), и достижение желаемого уровня для некоторых настало лишь после 1989 года. «Сверхзадача» *европейского национализма* – национальное государство, объединенное на основе

национальной идентичности, культурной и социальной интеграции, гражданских свобод. Логичен для национализма и дальнейший тщательный уход за возведенным строением.

И последние уточнения: **до момента построения стабильного интегрированного национального государства все идейные и политические течения данной нации**, **которые ставят целью повышение статусов этой нации** (политических, культурных, экономических), **независимо от партийной принадлежности** (левые, правые, центристы, радикалы, умеренные) **могут считаться составляющими национализма**. То есть, по сути, националистами являются и Тарас Шевченко, и Степан Бандера.

Потом, когда национальное государство построено и считается стабильным в смысле общей идентичности, националистами можно назвать ту часть политического спектра, которую **особенно** беспокоит национальная проблема, то есть обычно правых радикалов. Но, повторюсь, это все относится к устоявшимся государственным образованиям, а Украина пока в этом плане вызывает сомнения. Значит, пока что **национализм для Украины актуален не как праворадикальное движение, а как весь комплекс идей, направленных на построение жизнеспособного украинского государства**.

АТРИБУТИКА УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА: территория, язык и символика

Прежде чем обратиться к украинской истории и тому, как возник и развился украинский национализм, имеет смысл охарактеризовать те основные «активы» и ресурсы, на которые он сегодня опирается, и символы, которыми пользуется. К очевидным ресурсам можно отнести украинский народ (этнонацию), проживающий как в Украине, так и вне ее, граждан Украины всех национальностей (украинскую гражданскую нацию), территорию современного украинского государства (как пространство реализации «национальной программы»), украинский язык как основной этнокультурный ресурс (позволивший, как основной культурный критерий, выделить в свое время отдельный украинский народ), национальную и государственную символику.

1. Украинская этнонация

По данным переписи населения 2001 г., в Украине проживало 37,5 млн этнических украинцев (77,8 % населения страны). Поскольку графа «национальность» в украинских паспортах отсутствует, то в число украинцев по переписи попали те люди, которые сами захотели так себя назвать. По сравнению с 1989 г. (последней советской переписью), доля украинцев в населении Украины увеличилась на 5,8 %, что вызвано не каким-то особым демографическим ростом украинцев, а тем, что с тех пор часть людей, ранее определявших себя как «русские», изменила свою идентичность.

Поскольку ныне все население Украины сокращается, то и количество украинцев с 2001 г. тоже должно было сократиться где-то до 34 млн.

За пределами украинского государства проживает, по официальным данным, около 7 млн украинцев (преимущественно в России, приграничных районах Словакии и Румынии, США, Канаде, Южной Америке), количество которых за последние два десятилетия сократилось (с 12 млн) вследствие ассимиляции.

2. Украинская гражданская нация

Поскольку на референдуме 1 декабря 1991 г. провозглашение независимости Украины поддержало 90 % населения (т. е. существенно больше, чем процент этнических украинцев), то украинцы являются не единственными «инициаторами» суверенной Украины. В частности, «за» проголосовало и 55 % русских, проживающих в Украине. Следовательно, мы можем вполне обоснованно говорить, что за судьбу украинского государства «отвечают» не одни лишь украинцы: она является общей ответственностью граждан всех национальностей. Всего неукраинцев в стране – 22,2 %, а 17,3 % составляют русские; соответственно, доля остальных этнических групп (числом до 130) – это 4,9 %. Единственный регион, где этническое меньшинство численно превалирует над украинцами, – Автономная Республика Крым.

3. Территория

Государственные образования, создаваемые в прошлом русинами-украинцами (или при их участии), до XX в. не носили названия «Украина» и не совпадали по размерам с Украиной нынешней. Это могла быть Русь или Русская земля, могли быть разные княжества (Киевское, Галицкое, Волынское, Черниговское и др.), Великое княжество Русское, Войско Запорожское и т. д. В XIX в. появление современного национализма определило границы существующих и будущих национальных

государств по этно-лингвистическому принципу: там, где итальянцы, – Италия, где поляки – Польша, где чехи – Чехия. Когда русины-украинцы достигли соглашения между Львовом и Киевом о том, что они все-таки «украинцы», то это уже было чисто техническим вопросом: «украинское пространство» уже было очерчено этнографами и лингвистами лет за 50 до того.

Политическая система континента еще опиралась на терминологию феодальных времен (где наций не существовало), но новый, *национальный,* принцип легитимности государственности уже прорывался в реальную политику. Узаконила новое устройство Первая мировая война.

Во второй половине XIX в. украинское национальное движение начало оперировать понятием *«украинские земли»*, которое охватывало всю территорию расселения украинцев, – независимо от того, Австрийская это империя или Российская. В этом новом видении пространства уже не имели значения историко-правовые аргументы, например: «входила ли Слободская Украина в состав Гетманщины-Малороссии?», «имеют ли значение границы Речи Посполитой на 1772 год?». Уже нет. Модель национального государства, распространявшаяся по Европе, исключала старые договоры, давая новым нациям карт-бланш испытать себя.

Итак. Современное государство под названием «Украина» своими пределами опирается на ареал расселения украинцев. Ранее на этот ареал уже опиралось украинское государство в 1917–1918 гг. В нынешних административных пределах Украина существует с 1954 г. и повторяет контуры Украинской ССР, возникшей в 1919–1921 гг. в результате оккупации территории Украинской Народной Республики (УНР) войсками большевистской России. В принципе, «советская Украина» почти дублирует границы УНР, обозначенные III Универсалом Центральной Рады в 1917 г. Наибольшими (и «де-юре», и «де-факто») пределы Украины были в 1918 г. при гетмане Павле Скоропадском. Единственным добровольным воссоединением Западной и Восточной Украины был Акт воссоединения 22 января 1919 г., когда Западноукраинская Народная Республика вошла в состав УНР.

Границы УССР формировались Рижским договором с Польшей (1921), передачей части территории Донбасса РСФСР (1925), присоединением в результате Пакта Риббентропа-Молотова Западной Украины (1939), Северной Буковины и Южной Бессарабии (1940), передачей Молдавской АССР в состав Молдавской СССР (1940), присоединением Закарпатья (1945), передачей Крыма из состава РСФСР (1954). Современная Украина – унитарное государство, однако имеет в своем составе автономию – АР Крым (с 1992).

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЦЕВ
ЛИТВА
БЕЛАРУСЬ
РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ПОЛЬША
СЛОВАКИЯ
ВЕНГРИЯ
РУМЫНИЯ
МОЛДОВА
Минск
Гродно
Брянск
Брест
Пинск
ВАРШАВА
Люблин
Холм
Краков
Перемышль
Львов
Тернополь
Хмельницкий
Луцк
Ровно
Житомир
КИЕВ
Чернигов
Глухов
Батурин
Сумы
Курск
Воронеж
Белгород
Харьков
Полтава
Переяслав-Хмельницкий
Черкассы
Винница
Умань
Кировоград
Днепропетровск
Запорожье
Луганск
Донецк
Ростов-на-Дону
Ужгород
Ивано-Франковск
Черновцы
Каменец-Подольский
Яссы
КИШИНЕВ
Тирасполь
Одесса
Николаев
Херсон
Белгород-Днестровский
Измаил
Евпатория
Симферополь
Севастополь
Бахчисарай
Феодосия
Керчь
Новороссийск
Краснодар
Стародуб
Днепр
Десна
Припять
Днестр
Дон
Северский Донец
Кубань
ПОДЛЯШЬЕ
ХОЛМЩИНА
ПОЛЕСЬЕ
ВОЛЫНЬ
ГАЛИЦИЯ
ПОДОЛЬЕ
ЗАКАРПАТЬЕ
БУКОВИНА
БЕССАРАБИЯ
БУДЖАК
ПРАВОБЕРЕЖЬЕ
СРЕДНЕЕ ПОДНЕПРОВЬЕ
ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ
СЕВЕРЩИНА
СТАРОДУБЩИНА
СЛОБОЖАНЩИНА
ЗАПОРОЖЬЕ
НОВОРОССИЯ
ДОНБАСС
СЕВЕРНАЯ ТАВРИЯ
КРЫМ
КУБАНЬ
АЗОВСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
ТЕРРИТОРИЯ, ЗАСЕЛЕННАЯ УКРАИНЦАМИ
(в пределах современной Украины)
на 1550 г.
на 1640 г.
на 1800 г.
Граница украинской этно-языковой территории в начале XX в.
0 100 200км

ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА УКРАИНЫ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ГРУППЫ УКРАИНЦЕВ
ЛИТВА
БЕЛАРУСЬ
РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ПОЛЬША
СЛОВАКИЯ
ВЕНГРИЯ
РУМЫНИЯ
МОЛДОВА
Минск
Гродно
Брянск
Стародуб
Гомель
Брест
Пинск
ВАРШАВА
Люблин
Холм
Краков
Перемышль
Львов
Луцк
Ровно
Житомир
КИЕВ
Белая Церковь
Чернигов
Путивль
Сумы
Курск
Воронеж
Белгород
Харьков
Полтава
Переяслав-Хмельницкий
Черкассы
Тернополь
Хмельницкий
Винница
Умань
Кировоград
Днепропетровск
Запорожье
Луганск
Донецк
Ростов-на-Дону
Ужгород
Ивано-Франковск
Черновцы
Каменец-Подольский
Яссы
КИШИНЕВ
Тирасполь
Одесса
Николаев
Херсон
Белгород-Днестровский
Измаил
Симферополь
Севастополь
Феодосия
Керчь
Краснодар
Новороссийск
Силистра
Днепр
Десна
Припять
Днестр
Дон
Северский Донец
Кубань
лемки
бойки
гуцулы
АЗОВСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
бойки Этнографические группы украинцев
ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА
Б белорусы
x болгары
В венгры
L гагаузы
Г греки
• караимы
(крымские татары
▲ крымчаки
П поляки
Y румыны и молдаване
Р русские
0 100 200 км

Между этнической и гражданской нациями

Два указанных понятия могут вполне проиллюстрировать на украинской практике и социологические диаграммы, и этнографические карты (как в данном случае). Почему вообще образовалось какое-то пространство, называемое «Украина»? Потому что есть территория, заселенная украинцами. По мере формирования их национальной идентичности в результате воздействия украинского национального движения региональные самоназвания (русины, полтавцы, казаки) уступили место общему этнониму. Но это – самосознание и самоназвание. Если же «отложить» сей психологический фактор и обратиться к историческим воззрениям, то, начиная с местных позднесредневековых князей и разнообразных казацких гетманов, вполне было понятно, в каких пределах уже тогда проживает тот народ, который потом себя назвал «украинцами». Достаточно вспомнить цитатку Хмельницкого: «по Львов, Холм и Галич». Это у нас нация «этническая».

Право наций на самоопределение вполне отводит Украине место на политической карте, но современная нация в суверенном государстве – «гражданская», и включает в себя граждан всех национальностей. Поэтому в украинском национальном проекте надо находить достойное место и тем этническим меньшинствам, которые проживают кампактно в своих ареалах (венгры, болгары, румыны, крымские татары, русские Крыма), и тем, которые рассеяны по городам и городским агломерациям (русские, евреи, белорусы, грузины, армяне). «Рассеянные меньшинства» показать на карте сложнее. Что до «исторических регионов» Украины – их по разным критериям выделяют разное число и в разных пределах. У каждого автора своя версия…

Украина, как и всякое государство, может подразделяться на части. Области, которых 24, тут не столь существенны. Украинские этнографы, историки и географы выделяют несколько (кто-то больше, кто-то меньше) историко-этнографических регионов. Западные и северные составляют ядро этнических земель украинского народа (как бы он когда себя не называл), заселенное еще в раннеславянские и древнерусские времена, вследствие чего пребывание украинского населения здесь не перерывалось. Другие регионы были заселены украинцами позднее – в XVII–XIX веках, уже в иных исторических условиях. Порою украинцы были не единственными поселенцами, мигрировавшими на новые земли.

Мы изложим субъективно «усредненный» список исторических регионов:

- **Среднее Поднепровье**, делящееся на **Правобережье** и **Левобережье**. Здесь – основное поле исторической активности украинского народа, тут с древнерусских времен возникает представление об «Украине» – пограничье, том месте рядом с центром Руси (на юг, запад и на восток от Киева), где происходят жизненно важные события. Этот регион был исторической «Русской землей» и центром государства Богдана Хмельницкого. Освобожден от татар в 1362 г. литовским князем Ольгердом. Левобережье-Гетманщина в качестве «Малороссии» как автономное образование находилось под протекторатом Московского государства с 1654 г. В 1760–1780-х годах утратила самоуправление. Правобережье было включено в состав Российской империи лишь в 1793 г. после второго раздела Речи Посполитой. Эти территории были частью Украинской Народной Республики (УНР) в 1917–1918 гг.
- **Подолье** охватывает основную часть Подольской возвышенности. Входило в состав Галицко-Волынского государства, после раздела которого было включено в Великое княжество Литовское как автономная земля; потом ее северо-западная часть вошла в состав Польши. В 1672–1699 гг. Западное Подолье было занято Турцией, а Восточное до 1676 г. входило в состав автономного государственного образования под правлением гетмана Петра Дорошенко, вассала Османской Порты. К Российской империи Подолье было присоединено в 1793 г. В 1917–1919 гг. – часть УНР.
- **Галиция** находится в украинском Прикарпатье. В 1199–1349 гг. (с перерывами) являлась частью Галицко-Волынского государства. В XII–XIV вв. этот край периодически подпадал под политическое влияние Венгрии и Польши, а с конца XIV в. перешел под власть Короны Польской. Этим землям досталось более всего западных европейских культурных, правовых и религиозных влияний. Нынче значительная часть украинского населения – греко-католики и католики. После первого раздела Польши (1772) эта

земля вошла в состав Австрийской империи. Именно в этом регионе продолжительное время сохранялись архаические черты украинской культуры (самоназвание «русины»). С распадом Австро-Венгрии здесь была создана Западноукраинская Народная Республика, которая в 1919 г. воссоединилась с УНР. По условиям Рижского договора (1921 г.) территория Галиции вошла в состав Польши. В 1939 г. после начала Второй мировой войны была оккупирована Советским Союзом и присоединена к УССР.

- **Закарпатье** (или **Подкарпатская Русь**). Расположено на южных склонах Восточных Карпат. Здесь живут украинцы, много венгров, а также немцев, румынов, словаков, в горных районах обитают субэтносы лемки и бойки. Вопреки распространенному мифу, Закарпатье никогда не входило в состав Древней Руси. Уже с X–XI вв. эта территория, населенная потомками племени белых хорватов, была захвачена Венгрией, в составе которой она находилась до присоединения Северной Венгрии к Австрии в 1541 г. С восстановлением венгерской автономии в границах Австро-Венгерской империи в 1867 г. она вошла в ее состав, а после распада и передела Австро-Венгрии в 1919 г. отошла к Чехословакии. В 1938 г. была провозглашена Карпатская Украина, но ее тут же оккупировала Венгрия. Закарпатье было включено в состав УССР в 1945 г.
- **Буковина** – один из полиэтничных регионов Украины. Кроме украинцев, в частности – гуцулов, здесь живут румыны, молдаване, немцы, евреи, поляки, русские-раскольники (с XVIII в.). С XII в. входила в состав Галицкого, со временем Галицко-Волынского, княжества. В начале XIV в. была захвачена Венгрией, а с 1359 г. стала частью Молдавского княжества (затем под протекторатом Османской империи). В 1775 г. западная часть (кроме Хотинщины) была занята Австрией. Попытка присоединиться к независимой Украине была сорвана в 1919 г. румынской аннексией. В 1940 г. край был присоединен к УССР.
- **Волынь** охватывает Волынское Полесье, а также область Волынской возвышенности. Исконная территория славянского племени волынян и Волынского княжества. С середины XIV в. земли Волыни входят в Великое княжество Литовское как автономное княжество. С 1569 г. – в составе Речи Посполитой. В 1793–1795 гг. Волынь в результате разделов Речи Посполитой отошла к Российской империи. В 1918–1919 г. – в составе УНР. В 1921–1939 гг. большая часть Волыни входила в состав Польши. В 1939 г. оккупирована СССР, передана УССР. В 1942 г. – до начала 50-х гг. – один из основных регионов, где разворачивалось движение сопротивления УПА.
- **Полесье** включает в себя полосу вдоль северной границы страны. С середины XIV в. земли Полесья входят в Великое княжество Литовское.

Обретение цветов

Герб Русского воеводства XV в. Цвета современного украинского флага происходят от герба Галицкой Руси: золотого льва на лазоревом поле. Сам же лев как эмблема связывается с князем Львом Даниловичем (княжил в 1264–1300 гг.), в честь которого его отец, Данило Галицкий, назвал основанный им город Львов.

Знамя русинов

Знамя «Русской гвардии» из Яворова, Галиция, во время революции 1848 г. Первый шаг к «массовому» сине-желтому флагу, поскольку вышивать льва – достаточно неудобно. В дальнейшем в Галиции сверху располагалась золотая полоса цвета фигуры (льва), ниже – лазоревая, цвета самого щита.

При Богдане Хмельницком они вошли в состав казацкого государства. После 1654 г. левобережная часть Полесья входит в состав Гетманщины под протекторатом московского царя (район Чернигова вошел в состав Московского государства еще в 1503–1619 гг., а западная часть Полесья – только с 1793 г.). В 1917–1918 гг. – в УНР.

- **Северщина** – регион, который соответствует области Новгород-Северского Полесья. Своеобразная переходная этнокультурная зона между Украиной и Россией. Северная часть ее (западная часть нынешней Брянской области) входит в состав России, население здесь русифицировано и в основном утратило украинскую идентичность. Со второй половины XIV в. Северщина входит в состав Великого княжества Литовского. В 1503–1619 гг. – в составе Московского царства, в 1619–1649 гг. – Речи Посполитой, с 1649 г. – в Гетманщине. В 1917–1919 гг. – в составе УНР.

Далее представлены земли, занятые украинцами уже после XV в.

- **Запорожье** охватывает основную часть степных земель Нижнего Поднепровья. С самого начала формирования украинского этноса и до конца XVIII в. было пограничьем с кочевыми народами. Земли Запорожья входили в состав Великого княжества Литовского в 1392–1430 гг. Их название в XV–XVI вв. – Дикое Поле. Но со временем началась новая волна колонизации, которая длилась вплоть до XVIII в. Она была связана с формированием и развитием здесь запорожского казачества. С началом Хмельнитчины Запорожье вошло в казацкое государство, а в 1667–1686 гг. находилось под двойным московско-польским

протекторатом, с 1686–1711 гг. – под московским. В 1734–1775 – обширная территория вольностей Войска Запорожского. Лишь после окончательного включения региона в состав Российской империи в 30-50-х годах XVIII в. началось отторжение от Запорожья территорий и колонизация их сербами, молдаванами, болгарами, белорусами, греками. В 1709 г. и 1775 г. (окончательно) Сечь на Запорожье была ликвидирована российскими властями. В 1917–1918 гг. – в составе УНР.

- **Слобожанщина (Слободская Украина)** включает северо-восток Украины и близлежащие районы России. Эти земли также формировались на границе оседлого и кочевого населения. Продолжительное время Слобожанщина была частью Дикого Поля между Речью Посполитой, Россией и Крымским ханством. Заселение региона, территория которого с XV в. стала принадлежать Московскому государству, началось в последние годы XVI в. и продолжалось на протяжении XVII–XVIII вв. – сюда уходило население из Среднего Поднепровья от войн и опустошений времен Хмельнитчины и Руины (1650–1670-е гг.), при этом украинцы расселялись не только в пределах современной украинской части Слобожанщины, а и на территориях нынешних Курской, Белгородской, Воронежской, Тамбовской областей России. Параллельно происходило заселение региона и русскими поселенцами, в частности служилыми людьми и беглыми крестьянами, а со второй половины XVIII в. – и крепостными, переселенными на «слободные земли», на которых до 1765 г. сохранялось местное самоуправление по украинскому образцу (полки). В 1917–1918 гг. – в составе УНР. Поскольку границы между УССР и РСФСР проводились не по этническим границам, то Слобожанщина оказалась разделена в основном линией северной границы Харьковской губернии.
- **Донбасс** расположен в юго-восточной части Украины. Эти земли пережили несколько волн славянских миграций. Эта территория была промежуточной между землями Войска Запорожского и Войска Донского. Окончательная волна переселения XIX в. – колонизация региона украинцами и русскими. Потом край стал одним из центров индустриализации в России и СССР. В 1917–1918 г. – в составе УНР.
- **Таврия** – Нижнее Поднепровье и западное Приазовье, север Крыма – типичная степная территория, заселенная продолжительное время кочевыми племенами. Славяне сюда попадали эпизодически. До конца XVIII в. здесь кочевали ногайские едичкульская и джамбуйлуцкая орды. Вместе с тем, на территорию региона в XVII–XVIII вв. проникали казаки, которые устраивали здесь зимовники, а потом колонизировали Кинбурнскую косу. После конфликта с Петром I в 1709–1734 гг. здесь (на территории

Крымского ханства) находилась Олешковская Сечь. Однако целенаправленная колонизация началась лишь с конца XVIII в. – в ней принимали участие наравне с украинцами из Среднего Поднепровья также русские (военные поселенцы, крестьяне и сектанты), сербы, болгары, албанцы, немцы, шведы, греки и т. п. Ногайцы в основном были изгнаны российскими властями в Прикавказье или Османскую империю. В 1917–1918 гг. – в УНР и Украиской Державе гетмана П. Скоропадского.

- **Крым** – геополитически хорошо изолированный регион, который включает степной Крым и Крым горный. Еще в конце VII в. до н. э. здесь возникли греческие города-колонии, которые просуществовали как самостоятельные полисы вплоть до их подчинения Римской империи в I в. н. э. Позднее южное побережье Крыма входило в состав Византийской империи. Здесь жили тавры, киммерийцы, скифы, греки, готы, гунны, хазары, печенеги, половцы, евреи, армяне, караимы, крымчаки. Также здесь жили и варяги, которые с 60-х гг. X в. захватили территорию бывшего Боспорского царства (Тмутаракань – но это преимущественно территория Кубани). Русская колония просуществовала вплоть до татарского нашествия. Существование заметного славянского населения в Крыму в древнерусские времена – исторический (вернее политический) миф. В XV в. здесь существовали генуэзские колонии и независимое княжество Феодоро (одно из немногих государственных образований местного происхождения – православные готы и греки). Пришедшие татары ассимилировали значительную часть этого пестрого этнического субстрата, в результате чего образовался крымскотатарский этнос, имеющий древние местные корни. В 1433 г. образовалось Крымское ханство, которое включало в себя Крым и часть Нижнего Поднепровья, а также возглавлялось представителями династии Гиреев; оно просуществовало до 1783 г. (под протекторатом Османской империи в 1475–1774 гг.). В это время сюда переселялись греки, румыны, грузины. В 1783 г. ханство было присоединено к Российской империи. Последняя украинская колонизация Крыма началась в конце XVIII в. и охватила степные районы. Сюда переселялись также русские, белорусы, чуваши, мордвины, чехи, немцы, болгары, эстонцы; при этом крымско-татарское население под давлением русских властей частично было вынуждено эмигрировать в Османскую империю. В 1917–1921 гг. крымские татары провозгласили свой суверенитет в Крыму. В 1918 г. крымское краевое правительство признало власть гетмана П. Скоропадского. В 1921 г. была образована Крымская АССР в составе РСФСР, в пределах которой (1923–1933) существовала определенная территориальная автономия крымских татар и других народов Крыма (национальные районы). В 1944 г. Крымская АССР была ликвидирована, а крымские татары депортированы в

Сибирь, Узбекистан и Казахстан. В 1954 г. Крымская область была передана УССР. После реабилитации крымских татар и ряда постановлений Президиума Верховного Совета СССР (1956, 1967, 1989 гг.) произошло возвращение крымских татар в Крым, которое в особенности активизировалось после 1989 г. Сейчас в Крыму по официальным данным большую часть населения составляют русские (в 2001 г. – 58,3 %, украинцы – 24,3 %, крымские татары – 12 %).

- **Новороссия** – территория Запорожья и Едисана, где кочевали ногайцы. Охватывает низовья Днепра и Буга, на запад к Днестру. В I–II вв. побережье было периферийной частью Римской империи. В 1483–1791 гг. эта территория отходила то к Османской империи, то к ее вассалу Крымскому ханству. В 1790–1791 гг. во время очередной российско-турецкой войны здесь действовало Черноморское казацкое войско атамана Антона Головатого. Колонизация украинцами началась сразу после захвата региона Российской империей и изгнания ногайцев. Территория колонизировалась также русскими, евреями, болгарами, белорусами, молдаванами, не говоря уже о полиэтничной Одессе. В 1917–1918 гг. – в составе УНР и Украинской Державы гетмана П. Скоропадского. Отдельная страница в истории края – существование в 1924–1940 гг. на левобережье Днестра Молдавской АССР в составе УССР, которая была передана в 1940 г. Молдавской СССР, а в наше время является самопровозглашенной Приднестровской республикой.

- **Южная Бессарабия (Буджак).** На рубеже VII и VI вв. до н. э. здесь была основана греческая колония Тира. В I–II вв. н. э. регион был частью Римской империи. В конце VII в. в Нижнюю Бессарабию переселились тюрки-протоболгары, и она в конце VII в. и до начала

Корни символики

Серебряная монета Владимира Святого. Именно его княжеский знак, называемый с XIX в. «тризуб», положен в основу герба независимой Украины в 1918 и 1992 гг. Различные варианты этого довольно загадочного знака использовались многими Рюриковичами, начиная с «двузуба» Олега Вещего, Ольги, Святослава. Предположений о значении тризуба и его глубинном смысле – великое множество. Вероятно, что это родовой тотем, может быть, сокол. После Владимира многие князья вернулись к разным вариантам «двузуба».

VIII в. входила в Болгарское царство. Постепенно славянское население под давлением степных кочевников отошло на север. На Нижнем Дунае в древнерусские времена упоминаются бродники и берладники – предположительно славянское население, ведущее «казацкий» образ жизни. Контроль над Южной Бессарабией и Нижним Дунаем Руси или Галицкого княжества (что отражалось на советских исторических картах) – один из исторических (политических) мифов. Средоточием полиэтничного населения оставался Белгород, расположенный на Днестровском лимане. Этот город имел и итальянское, и молдавское, и венгерское названия. С середины XIV в. территория Бессарабии входила в Молдавское княжество. В 1484–1538 гг. нижняя часть Бессарабии была отвоевана у Молдавии Османской империей и стала известной под названием Буджак, а город Белгород – как Аккерман. Здесь в XVI в. поселились и кочевали ногайцы. В 1812 г. вся Бессарабия отошла к Российской империи. В 1828–1856 гг. здесь находилось Дунайское казачье войско (1856–1868 – Новороссийское казачье войско), которому было предоставлено самоуправление. На протяжении 1918–1940 гг. Бессарабия входила в состав Румынии. В 1940 г. после присоединения к СССР Нижняя Бессарабия, населенная украинцами, болгарами, гагаузами, русскими, чехами, молдаванами, албанцами, была передана УССР.

4. Язык

Процесс возникновения украинского языка достаточно трудно проследить по той причине, что древнейшие письменные памятники восточных славян долгое время писались на книжном древнерусском (церковнославянском/староболгарском) языке. Какой язык был разговорным в Древней Руси, тем более в отдельных ее частях, – сказать сложно. Известно, что было киевское «койне»*, галицкое «койне», а язык Церкви и летописей существенно отличался от языка князей, дружинников и торговых людей. (Хотя мне, как киевлянину, приятно, что мои земляки называли себя «кыянами» и тысячу лет тому назад, и сейчас.)

Если брать «проукраинскую версию» историков языка, то, по их мнению, исследования древних письменных памятников, свидетельства

* Койне – общеупотребительный язык. По примеру афинского диалекта в Древней Греции.

исторической диалектологии говорят о том, что «протоукраинский диалектный массив», «праукраинский язык» сформировался, начиная со второй половины XII в., то есть еще до монголо-татарского нашествия. Для «протоукраинского диалекта» были характерны тесные языковые взаимодействия с западно- и южнославянскими диалектными зонами; «проторусскому» были свойственны контакты с финно-угорскими и балтийскими языками. К концу XIII в. глубокие фонетические изменения имеют уже не общевосточнославянский характер, а «ограниченную сферу распространения», что является показателем существования отдельного украинского языка*. Заметим здесь, что исторические языковые вопросы – из наиболее политизированных, и к ним мы вернемся в следующей главе. В любом случае, *диалекты* украинского (как диалекты любого европейского языка) гораздо старше, чем литературный, официальный и стандартизированный украинский язык. Каждый из них состоял из живой речи живых людей со времен формирования славянских племен и локальных стабильных украинского групп населения до современности.

До XVIII в. существовали различные формы «староукраинского книжного языка», которые то популяризовались, то уходили в тень польского, а впоследствии были вытеснены бюрократическим и литературным русским. В литературную сферу бытовой разговорный украинский язык постепенно входит с XVII в. (поэзия), но окончательно закрепляется в первой половине XIX в., после выхода в свет «Энеиды» Ивана

Гербообразование «по Руси»

Малый герб Украинской Народной Республики, принятый Центральной Радой в марте 1918 г. Эскиз Василия Кричевского. Преемственность государственности, как видим, ведется с древнерусских времен. В тогдашних дискуссиях тризуб как национальный символ победил предлагаемый некоторыми плуг, который бы составил неплохую компанию на складе хозяйственного инвентаря серпу и молоту.

* Украинцы / Под. ред. Н. С. Полищук, А. П. Пономарева. – М.: Наука, 2000. – С. 64–65.

1.

2.

Гербообразование «по Запорожью»

(1) Герб Войска Запорожского, гравюра 1622 г. Казак с мушкетом фигурировал и на многих украинских военных знаменах XVII–XVIII вв.

(2) Государственная печать Украинской Державы (1918). Эскиз Георгия Нарбута. Здесь подчеркиваются традиции украинской государственности уже времен казачества, важного для имиджа гетманата Скоропадского.

Котляревского (1798), творчества Тараса Шевченко и западноукраинских просветителей (издания «Русалки Днестровой», 1837). С середины XIX в. украинский язык подвергся в Российской империи ряду запретов, особенно в прикладном и образовательном его использовании. В австрийской Галиции таких запретов не было, хотя и случались подобные нереализованные проекты. К концу XIX в. украинский стандартный язык* более-менее сформировался и стал стилистически обогащаться, занимая и формируя необходимые ниши художественного, публицистического, научного, официально-делового, эпистолярного стилей. В период украинского культурного возрождения 1920-х годов разрабатывалась научная и техническая терминология, было стандартизировано правописание.

В последующий период украинский язык целенаправленно лексически обеднялся путем замены в словаре все большего числа украинских слов русскими соответствиями (кальками) и сокращением числа украинских школ и изданий на украинском языке. Его алфавит подгонялся под русский путем устранения «непохожих» букв, например звонкой «ґ». Это было составляющей процесса растворения украинцев в новой общности «советского народа». После провозглашения независимости 1991 г. украинский постепенно начал восстанавливать себя в правах в Украине,

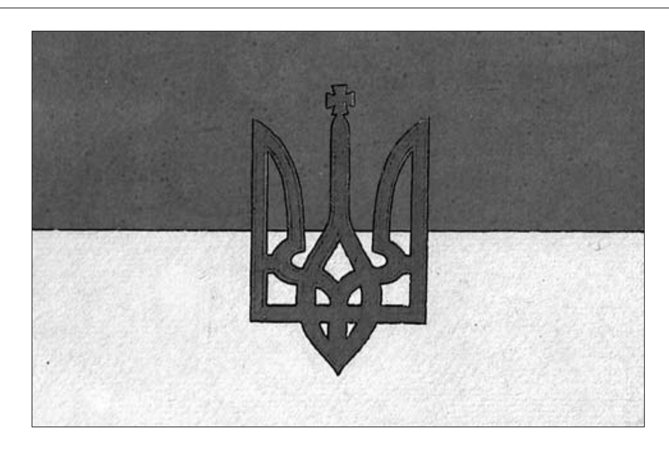
* Очень часто путается «литературный» язык и «стандартный», общеупотребительный, общепонятный и официальный. Литературный украинский, равно как и русский, немецкий и прочие, появился гораздо раньше, чем стал стандартным, с четко разработанными стилями и правописанием. Последняя заметная стандартизация русского языка относится к 1918 г. (реформа правописания).

став ее государственным языком. Он вполне спокойно обслуживает все сферы жизни украиноязычных регионов Украины. Он может удовлетворять все коммуникативные потребности общества. Вне официальной сферы украинский редко используется в русскоязычных регионах Украины, за что никого не обижают.

Есть еще смешанный украинско-русский язык «суржик», кроме просторечья используемый лишь в современной литературе (Богдан Жолдак или Лесь Подервянский). Суржик в исполнении Верки Сердючки многими в России может по незнанию приниматься за украинский язык, но на самом деле они сильно отличаются. Продвигаясь вверх по культурной лестнице, носитель «суржика» обычно перерастает, в зависимости от среды, в человека, говорящего нормально по-украински или по-русски. Объективно в Украине существует ситуативный билингвизм: люди используют один из языков в зависимости от конкретных обстоятельств, и зависит это во многом от региональной специфики. Такая фактическая ситуация делает излишним вопрос о дискриминации русского языка в Украине: здесь ситуация обычного бардака, т. е. каждый в вопросе языка *делает*, что хочет, и *говорит* так, как хочет. Ущемления в употреблении русского языка нет. Возможно, это свобода, возможно – беспорядок. Тут каждый понимает в силу своих убеждений.

Украинский язык прибегает к активным внешним заимствованиям там же, где и в русском языке появляются «креативные менеджеры», «драйверы» и «операционные системы». То есть, думать и говорить по-украински – это не проявление отсталости и кретинизма, для многих людей это – норма. В ряде русифицированных регионов Украины бытует мнение, что украинский язык не может обслужить многие сферы жизни, является результатом банального невежества и умственной лени, нежелания впитать в себя что-то из культуры и представления, что все «нерусские» – отсталые жлобы и уроды. По-украински ухитряются даже думать (без вреда для здоровья) многие вполне разумные и приличные люди (даже не националисты и не фашисты). Активное нежелание признать украинский язык необходимым для жизни Украины и ограничить его статус (это у нас случается под выборы) является проявлением хамства и варварства – то есть *жить в Украине, но плевать на все проявления того, что ее Украиной делает*. Таких людей к цивилизованным и культурным отнести сложно.

Ну а если уж украинский считать совсем узко бытовым и устаревшим, то его соратником в этом плане является древнееврейский

Небо над полем

Первый общеукраинский флаг, учрежденный после объединения Украинской Народной Республики и Западноукраинской народной республики в январе 1919 г. Несколько ранее, при Павле Скоропадском (1918), утвердилось геральдически «неверное» расположение полос: по правилам геральдики на флаге, образованном из цветов герба, вверху должен находиться цвет геральдической фигуры (льва – желтый или золотой), а внизу – ее «поля» (фона – синий, голубой). Однако за 1917 г. стало ясно, что «украинские цвета» в массовом восприятии обычных украинцев далеки от буржуазной геральдики и ассоциируются с наиболее очевидным образом бескрайнего неба и (столь же бескрайнего) пшеничного поля. Поэтому теперь сверху – синий, а внизу – желтый.

(иврит), сформировавшийся до нашей эры, вышедший из употребления во II в. н. э. и «оживленный» лишь в конце XIX в., обслуживающий все сферы жизни современного Израиля – страны очень не бедной в отношении интеллекта, науки, технологий и образования. Проблемами сохранения своего языка и его контроля над многими сферами жизни озабочены не только украинцы и евреи, но и многие европейские народы, – например, французы. Это также беспокоит русских, принимающих близко к сердцу судьбу русского языка в России и вне ее, принимающих соответствующие программы и соответственно их финансирующих. Это является лишь проявлением цивилизованности, включающей в себя заботу обо всем своем культурно уникальном наследии.

Уточним, что по «лексикону» (т. е. словарю) к украинскому языку ближайшими являются белорусский, польский, словацкий и русский. Ближайшим к русскому является болгарский (т. е. все тот же книжный

церковнославянский, или староболгарский)*. Это свидетельствует о том, что стандартный украинский почковался от языка старого разговорного, а стандартный русский – уже от языка книжного и бюрократического. Поэтому, кстати, многие в свое время в России считали, что «Пушкин не имеет стиля» – ну куда ему до Державина? Просто Пушкин обогащал русский язык (для него самого – второй родной после французского) живой народной речью, а не официальным полуцерковнославянским «высоким штилем».

Существенно, что еще одним из «источников» украинского национализма является и русский язык, который практически используется третью населения Украины как основной язык общения, а остальные – по ситуации. Но роль и значение русского языка в Украине в контексте развития украинского национализма зависит от идентичности (меры украинского патриотизма) его носителей и объема использования в различных сферах общественной жизни. Пока что во многих существенно важных из них (СМИ, книгопечатание, публичная сфера ряда регионов) русский является конкурентом украинского, безальтернативно доминируя. Языковое «равновесие» пока не достигнуто, но, с другой стороны, «русскоязычный ресурс» еще очень мало используется для консолидации украинской гражданской нации.

5. Символика

Национальным гимном украинцев, а теперь и государственным (с 1918 г. и с 1992 г.) является «Ще не вмерла Україна», написанный под впечатлением гимна сербского движения и опубликованный надднепрянским поэтом и этнографом Павлом Чубинским в 1863 г. Музыку написал галицкий композитор священник Михайло Вербицкий. В XIX в. как национальные гимны также использовались «Завещание» Тараса Шевченко, «Боже Великий Единый» Олександра Конисского. Гимном галицких украинцев во время революции 1848 г. считался «Мир вам, братья, мы приносим» Ивана Гушалевича.

* Это не националистические бредни, а вполне известные профессиональным языковедам подсчеты, преимущественно даже и не украинские.

Малым гербом Украины (большой – бесконечно «разрабатывается») с 1992 г. является «тризуб» – княжий знак Владимира Великого, который он чеканил на своей серебряной монете. Тризуб уже был гербом украинского государства в 1918–1920 гг. Большой герб должен будет включать также символы Галиции (стоящий золотой лев) и Надднепрянщины (казак с мушкетом). Эти три наиболее популярные символа представляют традицию украинской государственности – от Киевской Руси к Руси Галицкой, а потом к казацкому государству Хмельницкого.

Цвета украинского флага – синий и желтый. Флаг с сине-желтым или желто-голубым сочетанием цветов происходит от цветов средневекового галицкого герба (золотой лев на лазоревом поле), а порядок полос (какой цвет сверху) до 1918 г. не был установлен. Флаг использовался в Галиции с 1848 г., а на Надднепрянщине – с 1905 г.

УКРАИНСКОЕ ПРОШЛОЕ: фундамент украинского национализма

1. Право давности

Определенное видение прошлого – подоплека всех современных политических конструкций, национализм в этом плане – не исключение. Нация без истории – невозможна. Это касается, как «состоявшейся» нации, обосновавшейся в своем национальном государстве, так и той, которая еще борется за самореализацию в собственном «политическом теле». Как бы то ни было, а все политические претензии любой нации концентрируются вокруг понятия суверенитета, государственности. А они ни на кого с неба не падают: они исторически «вызревают», проходят сложные эволюции, трансформируясь в современный институт национального государства.

Понятно, что термин этот (национальное государство) исторически столь же относительно нов, как и сам национализм, но то, что основной политической единицей современного мироустройства является именно национальное государство или же производные от него, – сомнений нет. С тех пор, как национальное видение мира в XIX в. уже предусматривало узаконения такого понятия, как «*право наций на самоопределение*», все общности людей, претендующие на то, что они «отдельная нация», увлеченно занимаются именно «самоопределением». Для внешнего признания самоопределения и последующего пополнения рядов мирового сообщества наций необходимы некоторые основания. Исходной предпосылкой для соревнования за границы, статусы и суверенитеты является трудноопределимое, но всегда игравшее свою существенную роль *право давности*.

Когда в XVI–XVII вв. в Западной Европе формировалось общее представление о правовых категориях, в него неотъемлемой частью вошло и право давности. Оно не обязательно должно подтверждаться некими документами, а просто *быть* элементом традиционных представлений, не доказуемой истиной, а ощущаемой *правдой*. Его суть – в извечном (и в силу этого – должном) существовании определенных вещей.

Для политических коллизий Европы раннего Нового времени характерно отстаивание «извечных прав и вольностей», что мы можем вполне наглядно ощутить в схожей риторике Оливера Кромвеля и Богдана Хмельницкого. Ведь заметим, что и долгая борьба парламентской партии в Англии, и жесткое выяснение отношений Войска Запорожского и Короны Польской концентрировались вокруг разной трактовки «извечных прав» и прерогатив – или английского парламента и монарха, или Войска и монарха. В принципе, и те, и другие апеллировали к давним документам, актам, хартиям, привилегиям и прочему, но это не меняет сути их борьбы – *восстановление давнего и справедливого, которое несправедливо ущемлено нововведениями*. В те времена общественное сознание явно не было готово к тому, чтобы требовать чего-то «хорошего, но нового», поскольку общественный порядок был действительно *традиционным*; все декларированные изменения основывались на просто ином (обновленном) понимании давней традиции. Поэтому изначально и Революция парламента, и Революция Хмельницкого были революциями в призабытом сегодня истинном смысле этого слова (revolutio) – «возврат к предыдущему состоянию». Где-то в такой же логике работает и национальное сознание, невозможное без опоры на древнюю национальную историю. Для того чтобы человек набрался храбрости требовать установления *кардинально нового* порядка, нужны были плоды Просвещения с пафосом человеческого разума и его способности преобразовать мир.

Политические претензии нации, в том числе и украинской, исходят из существования актуальной или давней/недавней несправедливости (оккупации, зависимого статуса, неполного суверенитета), а необходимость исправления ситуации обуславливается тем, что раньше было иначе. Необходимо доказать две вещи:

- что данный народ существовал издавна и очень давно жил на определенной территории;
- что он всегда желал «самоопределиться» и, возможно, имел уже в этом смысле некие достижения (например, государственность, которая была утрачена).

С обоснованием этих двух аргументов связаны сопутствующие моменты: соревнования «кто раньше здесь поселился», «кто древнее всех на свете» и где находится «родина слонов». В этих плоскостях могут как развиться плодотворные исторические исследования, так и бурно возбуять национальные *комплексы неполноценности*, которые находят компенсацию в пламенном доказывании глубочайших исторических корней своей нации, желаемой автохтонности*, ее древнего могущества, в очевидном историческом и культурном превосходстве над ближайшими конкурентами («это мы их всему научили») и т. п. Очень часто усилия в этом направлении приводят к необычайной исторической абсурдности, чему примеры мы видим регулярно. Из европейских народов только венгры не утруждают себя доказывать свою полную «закоренелость» и необычайную древность на территории Венгрии: все их учебники истории начинаются с главы «Обретение Родины», ибо точно известно, что в Подунавье они забрели в IX в.

С упомянутыми двумя вопросами очень много сложностей: вспомним спор евреев и палестинцев. Последние, может, и появились на землях Израиля/Палестины позже евреев, но все же *тысячу триста лет назад*. Кто же теперь может эту землю считать своей? Понятно, что евреи не добровольно покинули Землю Обетованную, но и не палестинцы их изгнали оттуда. Однако не будем углубляться в ближневосточный конфликт, а вернемся в «наши палестины».

Если украинцы вообще хотят на что-то претендовать в этом мире (на то, что они являются отдельным народом и заслужили свою государственность и независимость), то необходимо доказать, что они издревле жили в Украине, никуда не удалялись, героически боролись против всех внешних агрессоров, могут похвастаться преемственностью государственных традиций, были лишены своей независимости незаконно и поэтому должны обрести ее вполне легитимно, – т. е. они *выстрадали* свой нынешний державный статус и имеют моральное и историческое право на свою независимость. Все это может доказать лишь определенная трактовка прошлого Украины. В тексте этого раздела мы дадим необходимый объем той информации о прошлом, которая позволила украинскому национализму в XIX и XX вв. постулировать то, что украинцы имеют на что-то право «в истории», то есть некий общий исторический опыт определенного коллектива и некие «исторические права». Это все в комплексе невозможно без понимания исторической эволюции «украинской» идентичности: самоназвания

* Автохтоны – коренное население определенной местности.

украинцев менялись, но народ (или этнос, если хотите «по-научному») никуда не девался, продолжал свои тысячи и миллионы жизней на все той же земле, он лишь изменял свой взгляд на мир в зависимости от эпохи и исторической ситуации. Большинство украинцев во все времена, как и большинство людей вообще, обычно волновали проблемы бытовые и семейные (кусок хлеба заработать и детей воспитать), но этот поток бытия иногда выплескивался в «историческую сферу» – что-то *происходило*, – то, что потом дало нынешнюю Украину.

2. «Нет проблемы — нет человека», или История как конкуренция современных мифов

В широких массах читающей публики бытует мнение, что иногда можно открыть или восстановить «*историческую правду*». Эта мысль верна лишь отчасти. Мы действительно можем обнаружить определенные, часто скрываемые или извращаемые, факты, которые становятся уже внешней оболочкой для того смысла, который потом в них вкладывает историк, публицист, а уж тем более политик. Одно дело – вещи доселе неизвестные и открываемые «впервые»; гораздо сложнее с фактами известными, но сознательно скрытыми, заретушированными (пример – те же сталинские репрессии, вновь «открытые» в Перестройку).

Главную же проблему понимания истории составляет то, как понимали эти факты (и замечали ли их вообще) люди *того времени, когда непосредственно происходили эти события*, и какой смысл сами участники в них видели. Вот, например, те же репрессии: советский режим перемалывал миллионы невинных жизней, а подавляющее большинство граждан было счастливо в самой лучшей стране и регулярно шло на заклание с тупым недоумением скотины, сдаваемой любящим хозяином на мясо. Чья правда «правдивей» – тех, кто считает, что коммунистический режим издевался над людьми, лишая их человеческого облика и подобия, или тех, для кого это были лучшие годы жизни, молодость, счастье, героизм и романтика, Великая Победа, спокойные времена стабильности и некоего благополучия? Человека, дошедшего в 1945 г. до Берлина, обычно уже не беспокоило то, что еще четыре года тому назад его страна была союзницей Гитлера и делила с ним Восточную Европу. Этот человек искренне думал, что спас

Европу от фашизма. Однако те, кого он освободил в 1945 г., положили сорок лет, чтобы «освободиться от освободителя» в 1989–1991 гг. Почему-то хотели свободы венгры в 1956 г., и чехо-словаки в 1968 г., и та же польская «Солидарность», – и хоть пытались они изменить свой политический режим, было ясно, кто, в конечном итоге, держит тех в узде. Для кого-то все ужасы закончились в сорок пятом, а для кого-то это был лишь год смены одного оккупанта другим. Все же споры о памятниках солдатам-освободителям упираются не в то, в чем виновны или невиновны эти солдаты (которые, как и все солдаты, исполняли свой долг), а в то, *что пришло вслед за этими солдатами-освободителями,* и что «освобожденным» это освобождение принесло. Настоящий освободитель освобождает от кого-то «плохого» и оставляет жить в свободе. Хотя чаще бывает так, как писала Леся Украинка: «*освободишься сам – будешь свободен, освободят тебя – будешь рабом*». Поэтому, хоть советский народ и заплатил за победу над фашизмом бесспорно больше всех, но некий объем свободы народам Европы (правду не утаишь) оставила после изгнания гитлеровцев отнюдь не советская власть, а «западные союзники».

Способность преодолеть традиционные стереотипы своего «комфортного» исторического воспитания («мы всегда были хорошими») для чего-то более перспективного, ради честного будущего является показателем цивилизованности, взрослости человека разумного, то есть его способности признать неприятные факты и разделить *ответственность.* Ведь желание огульно отрицать все, что не нравится, и стараться поверить в то, чего не было, – это проявление психологической безответственности, исторического инфантилизма. Ребенок думает, что его не увидят, если он закроет глаза и не будет смотреть на других. Кто не признает ошибок, тот их обязательно повторяет.

Поэтому историческая, цивилизационная роль послевоенных германских канцлеров, которые выглядели не всегда гордыми и извинялись за преступления своих соотечественников во время войны, будет всегда более значимой, чем роль властей нынешней России, правопреемника советской империи, отказывающихся признать всем известный факт оккупации Прибалтики в 1940 г. и геноцид украинцев в 1933 г. Гордые русские никогда не извиняются (и ведь никто же не говорит, что это сделали «только русские», – *но это были советские*)? Конечно, потому что никому ничего плохого не делали? *Никогда?* Желание русского человека жить в гармонии и внутреннем комфорте понятно, но вряд ли стоит верить, что все народы России вошли в ее состав «добровольно» и с радостью (последняя иллюзия явно отличает царскую и советскую Россию от других колониальных империй). Банальные факты порой неприглядны, но они многое объясняют в сегодняшних

реалиях – например, судьбы Кавказа или то, почему поляки, эстонцы или западные украинцы «не любят» Россию. А за что, собственно, им ее любить?

Папа римский уже 130 лет пользуется догматом о своей непогрешимости, но Иоанн-Павел II позволил себе извиниться и за инквизицию, и за крестовые походы. Кто его за язык тянул? Сколько недавно проблем было из-за польского кладбища «орлят», погибших в боях с украинцами за Львов в 1918 г.: может ли стоять памятник этим борцам «за Польшу» в «украинском Львове»? Слава и Богу, и людям, теперь стоит, ибо у всех своя правда и каждый воевал за свою родину, хотя для кого-то эта родина сегодня уже на чужой территории. «Мертвые сраму не имут».

Важно то, что *понимание проблем прошлого всегда обусловлено настоящим, а не наоборот,* как могло бы показаться. Погром «войсками Юрия Боголюбского»* Киева в 1169 г. не нес для его современников той смысловой нагрузки, как для многих современных украинских историков: для людей XII в. это был особо жестокий случай княжеской «усобицы», для сегодняшнего дня – начало конфликтов за древнерусское наследие между *будущими* Россией и Украиной. Человек, живший в XII или XVIII вв., не может создать проблем человеку, живущему в XXI в., поскольку он уже давно умер да и жил реалиями своего времени, он просто не понял бы тех проблем, которые беспокоят нашего современника. Зато *понимание его дел* потомками происходит с точки зрения правильности или оправданности, в зависимости от того, что нас сейчас особенно беспокоит. Если бы украинцы были уже органичной частью «триединой русской нации» (как это мыслилось в XIX в.) или окончательно растворились в «советском народе» (как желалось в XXв.), поход «Боголюбского» или мотивы измены гетмана Мазепы мало бы кого интересовали. Оба бы уже давно канули в Лету «смутных» исторических периодов («*нет проблемы – нет человека*»).

Наш язык по своей природе идеологичен и делает подавляющее большинство будто бы нейтральных прилагательных и определений в сфере «исторического» *сразу оценочными суждениями*. Историк так же, как и националист, *конструирует* свой «объект исследования» в процессе отбора, формулирует то, что он исследует, и догадывается часто о том, что он в результате «откроет». Самый простой пример: как называть военные события 1941–1945 гг. на территории Украины – «*Второй мировой войной*», «*советско-германской*» или «*Великой Отечественной*»? В каждом коротком определении (и каждое – справедливо) уже содержится некая оценка не только 1941–1945 гг., но и 1939–1941 гг., и вопроса об «освобождении» или «оккупации», да и всего «советского периода истории». Правда, даже наиболее нейтральное первое определение имеет двойной смысл: кто был

* Ниже, в пункте о Руси, я объясню, почему в кавычках.

с Гитлером, а кто – против в 1939–1941 гг.? 22 июня 1941 г. отнюдь не компенсирует и не извиняет Пакта Молотова-Риббентропа.

Все это – неизбежные симптомы того, что узаконение историческими аргументами оснований и лозунгов современных идейных и политических течений – одна из исходных *способностей* и *свойств* исторической науки. Другой вопрос – интенсивность применения этой способности, чтобы еще оставалось место и для науки вне политики, если таковое вообще возможно.

Как показывает практика, сегодня не существует неразрешимого противоречия между официозными спекуляциями политического характера и «чистой наукой». Историки могут заниматься той истиной, которая соответствует их академическим модам, но для широких масс населения, далеких от нюансов исторического метода, история всегда останется мифологической, дающей, как и любой миф, *простое объяснение некоторым сегодняшним проблемам*. Для *политиков* отклик «электората» на политический процесс должен быть быстрым, на уровне подсознательного, всякие сомнения и томления духа – вредны, ибо заставляют людей думать. Поэтому политикам выгодна максимально упрощенная история, в минимальном количестве слов отвечающая на максимальное количество вопросов.

Такая мифичность прошлого – не есть просто заговор демагогов, поскольку люди ведь не могут все засесть в библиотеку, чтобы в миллионах томов «истории» найти правду. Люди просто верят в тот вариант правды, который отвечает на их сегодняшние вопросы, в духе, продиктованном их личным опытом, социальной и культурной средой. События 2004 г. в Украине были показателем борьбы двух мифов – украинского и постсоветского. Один хотел найти *украинское* новое и перспективное, другой – *советское* старое и как-то его облачить в новые одежды.

То есть эти мифы, как все современное мировоззрение, дают представление и о прошлом, и о будущем, задавая смысл жизни нынешней. За каждым из этих мифов – своя реальность, конкурирующая с другой прямо сейчас. Изменения в настоящем заставят склониться чашу весов и в прошлом, внеся ясность в доселе смутные и неразрешимые для граждан проблемы.

Зачем же создаются мифы? Попробуем ответить:

- Миф является способом самоидентификации общества или нации в мире, его отождествления с определенной политической, культурной, этнической традицией, поскольку отвечает на вопрос «кто мы?» и задает систему координат для оценки минувших или сегодняшних событий.

- Миф о прошлом позволяет протянуть нить из прошлого через настоящее в будущее и спрогнозировать его некий желаемый вариант.
- Миф является средством междуусобной борьбы различных общественных или политических групп, государств между собой с целью дискредитации противника и утверждения собственной системы ценностей; твое пространство – там, где разделяют твои убеждения; пока живет миф о счастливом советском прошлом, сохраняется шанс и для «возвращения» в этот «утраченный рай».
- Исторические мифы используются властями при управлении обществом для обоснования единственной правильности сегодняшнего положения вещей.
- Мифы имеют как психотерапевтическую функцию, ослабляя определенные комплексы и страхи общества, так и мобилизирующую, направляя агрессию на внутренних и внешних врагов.
- Мифы подкрепляют человеческую уверенность в том, что *то*, что человек делает или хочет сделать сегодня, уже ранее делалось или хотя бы предполагалось. Это уменьшает сегодняшнюю ответственность, сваливая ее груз на предшественников, которые и «заварили всю кашу». Но зато человек уже не одинок в истории.

Мы подбираем себе подходящие мифы, и именно они становятся нашей *правдой* (меняется наш опыт, меняются убеждения, меняются мифы – меняется наша правда). *Украинский миф* (и о самом существовании украинскости, и о ее прошлом, и о ее грядущем) всегда нес в себе черты правды, некой достоверности. Это достаточно добротный миф, раз в него поверили и другие, поскольку за его исповедование или распространение людей сажали в тюрьмы, убивали или морили голодом. В этом смысле нет никакой разницы между «украинским мифом» и «украинской правдой», *между ними нет противоречия*, ведь наша жизнь полна иллюзий, но эти иллюзии порой заставляют нас жить и придают жизни определенный смысл. Миф – как вера в справедливость своих сегодняшних притязаний и планов, как вера именно в *светлое* будущее, хотя мы знаем, что бывают и плохие времена.

Поэтому что-то «демифологизировать» – процедура неприятная, поскольку размывает ясность представлений сегодняшнего дня, частично

выбивая из-под них историческую почву. Переосмысление прошлого заставляет людей освежить свои настоящие предпочтения, провериться лишний раз, за что же, собственно, все «борются». Но и демифологизация не оставляет после себя пустоты, *поскольку разочарование в одном мифе лишь создает новые или обращает к другому старому мифу,* ранее отвергаемому или сомнительному. Разочаровавшись в советском мифе, постсоветские (а по натуре все те же советские) люди прониклись еще толком не апробированым национальным мифом, но у части из них разочарование в национальном (скорее в его экономических реалиях, нежели в исторической «достоверности») вновь оживило ностальгический советский миф. И это несмотря на то, что мы знаем, что его жизнеспособность в идеалистических массовых представлениях гораздо крепче его реальной жизнеспособности экономической, культурной и человеческой – Союз ведь *сам помер*). Украинцам «демифологизироваться» порой тоже полезно, чтобы лучше разобраться не только в своем прошлом, но и в настоящем. Это – позволю себе высказаться как историк – нестрашно, поскольку некая возможная горькая правда вряд ли сможет поколебать фундаментальные основания «украинской веры», или же украинского национализма. *Да и мифы свои надо периодически модернизировать, дабы соответствовали реалиям времени.* Нельзя терять свежесть восприятия, ведь «устаревший миф» – это как «предыдущая война», к которой, согласно поговорке, всегда готовятся нынешние генералы.

С украинским «шароварным» (или «этнографическим») мифом, уместным в романтическом XIX в., уже неудобно в XXIв., который требует более системного и глобального мышления. Фольклор и всю нашу разнообразную «этнику» важно любить и знать, но, как уместно заметил еще восемьдесят лет назад украинский историк Вячеслав Липинский, «*когда едешь на мотоцикле с газетой в кармане, новых дум запорожских уже не создать*»…

3. Украинцы-трипольцы, или Насколько украинцы «тормознутый» народ

В гиперпатриотическом видении происхождения украинцев пересекаются две проблемы: *генетическая* и *лингвистическая*, которые путаются многими авторами, исследующими украинский этногенез*. Здесь

* Этногенез – процесс возникновения определенного этноса.

Хлеборобы, да не те

Трипольскую культуру многие псевдоученые связывают с праукраинцами. На этом сосуде конца IV тысячелетия до н. э., найденном в 2002 г., обнаружено древнейшее в Восточной Европе изображение плуга. Он, что характерно, тогда был совершеннее, чем орудия труда гораздо более поздних славян, к которым мы можем отнести украинцев. (Фото из журн. «Корреспондент», № 8, 2006)

конкурируют между собой простительное с точки зрения патриотизма желание максимально «удревнить» украинцев и вполне очевидное – оставить их при этом славянами. Но многие чрезмерно увлеченные патриоты в порыве своего древноукраинолюбия доходят до абсурда, забывая о том, кто вообще такие украинцы.

Последние годы в Украине стало популярно в национал-патриотическом политическом лагере, среди коллекционеров и предпринимателей от «черной археологии», вести происхождение украинцев от *трипольской культуры* – ранней земледельческой культуры эпохи энеолита, т. е. меднокаменного века, существовавшей в период 5400–2750 гг. до н. э. Подсознательно возникает желание повысить «статус» этой культуры до «цивилизации». Немного углубимся в вопрос.

Трипольскую культуру открыл известный археолог Викентий Хвойка в 1898 г. (Правда, с других «сторон» ее уже открывали в Галиции и Румынии.). Название свое она получила от села Триполье (под Киевом), в котором во время раскопок Хвойка сделал наиболее значимые находки, которые, собственно, и позволили ему выделить эту культуру. Трипольская культура является современницей цивилизаций Древнего Египта и Месопотамии. Находки говорят о ней как о сообществе ранних земледельцев; они оставили

после себя весьма симпатичную орнаментированную керамику, антропоморфные фигурки почитаемых древними художниками женских образов и остатки поселений, которые иногда достигали огромных размеров («протогорода»). В силу экстенсивного характера их земледельческого хозяйства (т. е. обрабатываемая земля в течение нескольких десятков лет истощалась, и приходилось регулярно перемещать поселения) в некоторых местностях трипольские поселения расположены через каждые пару-тройку километров. Ареал этой культуры охватывает территорию в лесостепной зоне от восточных склонов Карпат до Волыни и Днепровского Левобережья. Наиболее богаты на трипольское наследие Винницкая и Черкасская области.

Теперь о «*цивилизации*». Конечно, существует множество определений этого понятия, и в какие-то достаточно «широкие» из них Триполье явно вписывается. Но если говорить конкретно о той эпохе, то ранняя цивилизация – это когда существуют такие признаки, как: *социальное расслоение, государство, письменность, города и дворцово-храмовые комплексы*. Они позволяют хоть как-то вообще отделить первые цивилизации от других современных им обществ и культур. Иначе мы можем спокойно называть «цивилизациями» практически любые древние сообщества. Так, кстати, многие и поступают: «кельтская цивилизация», «германская», «славянская». Но это определение – гипербола, и посему уместно как публицистическое преувеличение, «высокий штиль». Поэтому я не пугаюсь изданий с названием «Трипольская цивилизация» – на здоровье, было бы грамотно. Но я веду речь о другом: о некоем *комплексе неполноценности*, который заставляет людей провозглашать *именно первенство* «трипольской цивилизации» в ряду других древних цивилизаций, а значит – здесь возникает «конкуренция» древних, ранних цивилизаций.

У трипольцев происходило определенное социальное расслоение, но очень медленное и не столь значимое (т. е. определить его по типам жилищ или погребений сложно, «дворцов» пока не нашли). Из вопроса о социальном расслоении прямо можно судить о государственности, имущественной и властной иерархии. Религиозная сфера социальной жизни у трипольцев еще не отделилась от иных; соответственно, храмов, которые являются одним из неотъемлемых признаков известных нам ранних цивилизаций, пока не найдено. Для такого достаточно простого общества вряд ли была необходима письменная фиксация происходящего, ведь для возникновения письменности необходима какая-то социальная потребность, когда устная передача информации уже не удовлетворяет. Быт же трипольцев был несложен, потребности управления не предполагали фискальной политики и ведения архивов, а религиозная жизнь – записи священных

текстов. Пытаются, правда, некоторые пытливые умы трактовать элементы орнамента на керамике как письменность, но максимум, что это могло быть, – просто какие-то символы, идеограммы, имеющие священное значение для солнечного культа (та же свастика). Видимо, украинская земля и тогда уже была достаточно щедра для своих обитателей, не требуя от них сверхусилий. А ведь первые цивилизации возникли в более сложных условиях – надо было рыть оросительные каналы, организовываться, формировать для выживания социальную иерархию (так было и в Египте, и в Месопотамии), воевать с соседями за их запасы. Жесткая борьба за ресурсы... А у трипольцев поселения в основном не укреплялись – значит, комфорта хватало. Людям для прогресса нужно разрешение больших проблем, а не гармония с природой. А у трипольцев, видимо, была гармония.

Еще одна проблема украинских трипольцев – корни этой культуры, ведь она пришла на украинскую территорию из румынских Карпат и в Румынии она называется «культура Кукутень». То есть правильно писать – «культура Кукутень-Триполье». *Значит трипольцы в ущербной «национальной логике» – это скорее румыны. Это даже можно считать первой «румынской оккупацией», если кому-то охота.* Хотя украинские и румынские древнелюбы могут, теоретически, поделить эту культуру пополам (наверное, это проще, чем делить черноморский шельф): шел себе кукутенец-румын, переплыл Днестр – стал трипольцем-украинцем.

Если же считать, что народ-носитель культуры пришел оттуда, откуда эта культура генетически происходит, можно покопаться еще глубже (нужно же найти «украинские корни»!) – земледелие к нам пришло с Балкан, а туда – из Малой Азии. И несли его определенные люди, значит нужно вести украинский род непосредственно от народов Средиземноморья и Ближнего Востока. Во всяком случае, антропологически (по физическому строению) «трипольцы» именно оттуда и происходят: как пишет антрополог Сергей Сегеда, по данным основных известных могильников (правда, из-за обычая кремации их немного), мы имеем дело с чертами представителей «*западного варианта древнесредиземноморского типа, который был достаточно распространен среди энеолитического населения Балкан и некоторых регионов Центральной Европы*». При этом они вступали в смешанные браки с соседями, что обогащало трипольскую «антропологию».

Ну а самая большая проблема с трипольцами – это то, что мы никак не можем их считать славянами, а украинцы пока еще остаются таковыми. Ведь славяне – это часть индоевропейской языковой семьи.

Украинцы изначально, в этническом смысле, определяются все же по языку – украинскому, восточнославянскому, индоевропейскому. Трипольцы, хоть тресни, *не были индоевропейцами*.

Однако некоторые ученые говорят, что нужно изучать *историю народа, а не языка* (этногенез, а не глоттогенез). Но им я отвечу, что тогда речь идет лишь о населении определенной территории (в данном случае Украины, – иначе как определить пределы «народа»), которое на протяжении исторического и доисторического времени в этническом отношении изменялось, смешивалось (какие-то народы мигрировали через наши земли, обогащая наших предков своим генофондом, влияя на их внешность, язык и политическую принадлежность). В этом случае мы можем говорить лишь о судьбах пестрого населения территории (окончательно оформившейся в XX в.), включая в него очень многие, весьма далекие от нынешних украинцев этнические группы: от готов до гуннов, булгар, венгров, печенегов, половцев, ногайцев, греков, итальянцев и еще многих и многих. Добавим и вполне законную компанию нетитульных «коренных народов» Украины: крымские татары, гагаузы, караимы, крымчаки, корни которых уходят как минимум в Средневековье. Они имеют отношение к тому *народу*, который здесь жил? Если он измеряется *территорией* Украины, то несомненно. Но если речь идет об истории украинского народа-*этноса*, то он (как, впрочем, и все другие европейские народы) провел свою до- и историческую жизнь в таких сложных симбиозах, смешениях, миграциях, что исходные «параметры» позволяли бы образоваться особому «руському народу» (из потенциальных украинцев и белорусов), а не украинскому. И могло бы население Среднего Приднепровья «иранизироваться», а не «славянизироваться» по языку – тогда нашими (украинскими) ближайшими родственниками были бы осетины, а не белорусы. Но в данном случае государственные претензии украинской нации заставляют нас следить прежде всего *за судьбой украинцев*, а не вообще всех, кто здесь побывал или живет. Это просто диктует мне тема книги – я же пишу не «историю народов Украины», меня беспокоят украинские националисты. Поэтому я строго постулирую: *если нет индоевропейцев, нет славян, – то нет и украинцев*.

Добавим, что после трипольцев население этой земли сменилось столь многократно, что если какая-то часть их потомков и дожила до формирования восточных славян, то это явно не сыграло какой-то четко фиксируемой роли в украинском этногенезе. Генетически трипольцы «в телах» украинцев, несомненно, присутствуют, но как и практически все народы, которые побывали на территории Украины, поскольку полного замещения

населения тут никогда не было.

Да, конечно, трипольцев роднит с украинцами еще и их любовь к земледелию, хаты-мазанки у них похожие, землю любили и т. д. Это чудесно, но тут можно заметить, что образ жизни и мировоззренческие симпатии у земледельческих народов, живущих, тем более, на одной территории (климат, ландшафт, почвы), должны быть похожи в силу хозяйственной и бытовой целесообразности (вряд ли «трипольцы», если бы были не украинцы, стали бы вить гнезда на деревьях). Кстати, в древнерусский период мазанок у нас не существовало, эта традиция в определенный момент утратилась…

Так что о «первой цивилизации» мы можем забыть. Уместно заметила археолог Наталия Бурдо:

> *«Это чистая правда, что трипольские протогорода лежали в руинах, когда возникли египетские пирамиды. Правда также и то, что история начинается не в Шумере, если подразумевать именно изобретение земледелия как «начало истории», первый шаг к цивилизованной жизни. Однако этот шаг был сделан тоже не в Украине. Ведь в то время, когда древние жители Анатолии (территория современной Турции) начали одомашнивать злаки и приручать диких предков овец и коз, территории нашего края процентов на 50 еще покрывал ледник».*

Псевдоисторическая индустрия, развившаяся на эксплуатации наследия ни в чем не повинных трипольцев, активно растет: сооружаются частные музеи, цена на трипольские находки увеличивается (часто безосновательно), «черная археология» и подделки процветают, а частные коллекции успешно пополняются. Поэтому «трипольская наука» не может останавливаться в своем развитии.

Еще одно важное и плодотворное усовершенствование идеи об украинцах-трипольцах – это открытие в недрах трипольской цивилизации *«древнейшего государства Аратта»*. Частный музей в селе Триполье называется «Древняя Аратта-Украина». С горным городом-государством Аратта воевали древние шумеры и разгромили его, после чего оставшиеся жители разбрелись по округе. В древней мировой истории рассматривается несколько версий местонахождения Аратты: от Закавказья до Южного Ирана. Но бредовая мысль о походе шумеров на Украину никому, кроме отечественных «народных академиков», в голову не приходила. Правда, в этом деле наконец-то заработало братство восточных славян: украинский

изобретатель Аратты-Украины Ю. Шилов обратился к «великому открытию» московского коллеги А. Кифишина. Последний обнаружил на стенах неолитического святилища Каменная Могила (возле Мелитополя) древнейший «протошумерский архив», уходящий в прошлое на 20 тысяч лет и говорящий о том, что шумеры в Месопотамию пришли именно отсюда. Видимо, уничтожая Аратту через 15 тысяч лет, они просто заметали следы. К сожалению, никому, кроме озаренного А. Кифишина, этот архив (состоящий из символических изображений-пиктограмм на каменных глыбах) так не открыл своих тайн. У меня есть правдоподобная версия, опирающаяся на мнение другой секты любителей Триполья и Каменной Могилы, считающей, что через эту Могилу проходит особенно сильное космическое излучение. Возможно, А. Кифишин просто «перебрал» излучения и ему открывается из космоса нечто, недоступное менее «заряженным» исследователям.

Возьмем еще один немаловажный аспект: если «трипольцы» – это украинцы, то украинцы принадлежат к числу самых «тормознутых» народов в истории. Подумайте сами: достигнув 5 тысяч лет назад стадии развития «почти цивилизации», они потом вообще непонятно чем занимались, если на пороге III тысячелетия новой эры не могут определить, чего хотят от себя и окружающих. Это все равно, что сказать: все то время, пока другие народы писали всемирную историю, украинцы были “в поле” или любовались “садком вишневым коло хаты”. Что же тогда получается? Очень конкретно неисторический народ…

Однако последний приведенный аргумент – для меня бессмысленный, поскольку он уместен лишь в пределах ущербной логики мышления гиперпатриотов. Они всегда смогут привести в ответ список коварных врагов, которые и помешали нам достичь величия, – пойдут монголы, поляки, москали, сионисты с их всемирным заговором, американцы. Единственное, что меня «успокаивает», это то, что подобные комплексы свойственны не одним украинцам. В России среди той же категории людей популярна теория о древней «Гиперборее» на севере России, которая создала мировую цивилизацию в эпоху ледникового периода, что это и есть самая первая и настоящая Русь, и родина нордических ариев, что Новгороду – 5000 лет (да хоть миллион…, тогда почему не «Старгород»?). В спорах убогих по обе стороны украинско-российской границы может варьироваться лишь мера исторического невежества, ксенофобии и шизофрении. Объединяет зато их всех – неприятие «официальной науки», которая скептически относится к таким формам современного шаманизма. Подсознательно все эти эпохальные открытия являются следствием комплекса неполноценности

или второсортности, «отсталости». У украинцев – потому что государство молодо и не отягощено великими свершениями в современности, их тянет в прошлое, где хочется с пеной у рта доказывать про Украину-«родину слонов» и идею «всеобщего первородства» (украинцы – первые индоевропейцы и т. д.). У россиян – страдания по поводу утраченной империи и статуса сверхдержавы. Взлелеянный блок братских славянских стран позорно и с энтузиазмом разбежался, продался врагам; поляки, чехи, словаки, болгары служат «натовским агрессорам». «Родина российской государственности» Киев оказался за границей; где искать теперь начало России – неясно (поэтому проще отрицать существование Украины), в мире главенствует «коварный Запад», ошейник НАТО все сильнее сжимается на шее свободолюбивого русского медведя. Тут уж не одну Гиперборею из лапы высосешь. Самое неприятное, что чувство «вечно осажденной крепости» (которое прямиком ведет к поиску внутренних врагов, буржуазных наймитов и безродных космополитов) лишь взращивается официальной идеологией современной России. Не одиноки, увы, украинцы в душевных болезнях.

Кстати, трипольцы с большой теплотой поминаются в новейшей «Истории России» под редакцией директора Института российской истории РАН А. Н. Сахарова*. Неужели россияне тоже вмешаются в раздел «трипольского наследства»?

4. Украинцы — нечистые арийцы

Мое отступление в индоевропейские дебри вызвано тем же подозрением, что и в случае с трипольцами: что усердные поиски в этом направлении древнеукраинолюбов обусловлены не столько историческим интересом как таковым (что может быть интереснее, чем загадки глубокого прошлого?), сколько *проявлением еще одной формы комплекса национальной неполноценности.*

Трипольский вариант «древность, несмотря ни на что» и «мы стали великими раньше всех», «права всеобщего первородства» является зеркальным отражением арийской темы.

Итак, еще одним объектом страсти древнеукраинолюбов являются индоевропейцы-арии. Учитывая, что «арийская проблема» утратила за последние 50 лет политическую остроту, эти изыскания могут показаться чисто

* * См. пункт «Сахаровщина».

академическими: проблема старая, из «любимых», по этому поводу долго ломала копья еще советская историческая и лингвистическая наука. Правда, революции не произошло: прародина индоевропейской языковой семьи продолжает блуждать от Центральной Европы до Малой Азии и Урала. Некоторые нынешние украинские авторы, ныряя в этот изрядно замутненный поток, пылко желают доказать, что Украина обязательно является именно «прародиной» индоевропейцев, а украинцы, соответственно, – самые первые индоевропейцы (поскольку они здесь – на прародине – и остались).

В трипольской и арийской проблемах откровенно слабо стыкуются данные двух наук – археологии и лингвистики, или даже трех, если добавить физическую антропологию. Археологи могут определить некие материальные культуры (а это целый комплекс способа хозяйствования, предметов труда, быта, войны и культа, духовная культура), проследить их изменения во времени и наследование, преемственность в последующих культурах. Антропологи – восстановить внешний вид древних. *Но если нет каких-либо местных или внешних письменных свидетельств того, что это за народ, на каком языке он говорил, то мы* ***не можем определить его этничность***.

Эта простая, но важная мысль еще в 1786 г. пришла в голову английскому лингвисту Уильяму Джонсу – и как раз относительно индоевропейцев. Он озадачился тем, что общность языковых характеристик не означает совпадение материальной культуры и внешних черт людей: англичане и большая часть жителей Индостана – индоевропейцы, но они даже разного цвета! Когда данные лингвистики не соответствуют данным антропологии или археологии, то возможны лишь предположения и гипотезы. Тогда каждая ступенька «вглубь» – это сокращение достоверности: чем глубже, тем больше иных возможных вариантов, всё становится сомнительней, и не что-то одно, а вообще все подобные умозаключения. В принципе, если материально-культурную преемственность проследить достаточно глубоко (вплоть до неолита), то можно вывести современный этнос как неизменную величину из древности в 8 тысяч лет (некоторые псевдоученые так и делают). Когда набирается целый ряд таких гипотез, то их адепты могут разделяться по признаку большего или меньшего «археологического патриотизма» – в зависимости от того, насколько далеко они готовы экстраполировать в прошлое гораздо более поздние реалии (например, тех же современных украинцев).

Никто не спорит с аргументированным выводом археолога Леонида Залізняка о том, что можно проследить преемственность археологических культур лесной и лесостепной зоны Украины на протяжении бронзового и железного веков. Но дальнейшие выводы могут отличаться. Нам известно, что «на выходе» эта преемственность выдала нам исторически

достоверных восточных славян, зафиксированных в письменных источниках середины первого тысячелетия новой эры. Поскольку местная часть восточных славян в дальнейшем здесь оставалась и превратилась в результате последующего исторического пути в украинцев, то возникает вопрос: насколько далеко в прошлое была эта цепочка культур этнически украинской? Если считать, что эти древние сообщества за две с лишним тысячи лет до «официального славянства» (повторюсь: середина первого тысячелетия новой эры) *вообще не изменялись*, то, конечно, – это украинцы. Но ведь мы знаем, что где-то в V–IV тысячелетии до н. э. на территории нынешней Украины или «в окрестностях» стал распространяться индоевропейский язык, который начал распадаться на рубеже IV–III тысячелетий; от него впоследствии ответвились хетты, арии (восточная группа индоевропейских языков), греки, германцы, балто-славяне и проч. Это важно, поскольку *украинцев вообще выделяет изначально язык, а не материальная культура*. **Весь «список» народов зиждется на изначальном языковом признаке**. Потом уже, за последние двести лет, в эпоху формирования современных наций, все больший интерес вызывает *идентичность**. Четко «поймать» момент смены общностью людей языка мы не можем – это длительный процесс. Он не может быть строго «вычислен» на основании археологических данных, поскольку они опираются на изучение *вещей*. Мы можем утверждать, что индоевропейские языки действительно распространялись, их носители мигрировали и ассимилировали другие сообщества людей, это где-то происходило, но огромный «проходной двор» евразийских степей, границей которого с лесным ареалом Западной и Центральной Европы является украинская лесостепь, скрывает этот процесс где-то в своих доисторических недрах.

Древние люди были весьма подвижны и «проносились» через украинскую территорию задолго до появления скотоводства и основанного на нем кочевого образа жизни. Простой пример – днепро-донецкая культура эпохи неолита (существовала в конце 5 – середине 3 тысячелетия до н. э.), степные соседи трипольцев. Эти охотники, рыболовы и собиратели пришли к нам из Прибалтики, а их сородичи достигли Дона и даже Приаралья. А ведь они еще пешком шли, а не ехали (кстати, их-то и подозревают современные археологи в некой праиндоевропейскости). При таком масштабе миграций определить, где ж эта точка, из которой распространились индоевропейские языки, практически невозможно.

* Одновременное распространение демократии, грамотности и национализма с XIX в. сделало ключевой проблему самоидентификации и политических ориентаций широких масс населения. Язык же переходит в категорию второго по значению признака, хотя для негосударственных народов он играл порой большую роль. Факт создания нацией национального государства уже делал главными условиями стабильности именно идентичность и лояльность.

Слои лексических заимствований в украинском языке
(источник: Тищенко К. Мовні контакти: свідки формування українців. – К., 2006)

Археология языка

Стратиграфия (описание последовательных слоев) лексических заимствований в украинском языке. Украинский язык в своем словаре содержит заимствования, показывающие, с кем и когда сталкивались наши предки. Поскольку люди на территории Украины жили и до выделения праславянского языка, то сохранились заимствования и дославянского периода. (По Константину Тищенко)

№ п/п	Период времени	Название языково-исторического пласта	Примеры	
			из топонимии	из лексики (по-украински)
27	с XIX в.	англицизмы, американизмы		трамвай, труси, ділер, брокер, хай тек, драйв, шоу-бізнес
26	с XVIII в.	русизмы	Северодонецк, Утино, Изобильное, Уютное, Укромное	вислуга, союз, котлован, промисловість, баранка
25	с XVII в.	экзотизмы		томат, банан, ананас, гамак, шоколад
24	XVI–XVIII вв.	немецкие германизмы	Лемберг (Львов), Блюменталь, Розенталь	дах, фах, льох, брухт, друк, хутро, страйк, рахунок, дякувати, рятувати, ґвалт, смак, файний
23	XV–XVIII вв.	валахизмы	Репосул, Репедзел, Репеда, Рипа	царина, зґлягатися
22	XV–XVIII вв.	полонизмы	Кролевец, Свирж, Блотница, Злочив, Янпиль	криж, ковадло, простирадло, шлюб, кодло, плентатися, певний, принаймні, дощенту

№ п/п	Период времени	Название языково-исторического пласта	Примеры	
			из топонимии	из лексики (по-украински)
21	XIV–XVI вв.	литуанизмы	Кудрявец, Жавинка, Локня, Полошки, Радивилов	пелька, періщити, нишпорити, джиґун, ремесло, толока, гаразд
20	XIV в.– 1475 г.	генуэзские итализмы	Солдайя (Судак), Чембало (Балаклава), Джалита (Ялта), Алустон (Алушта), Камилле (Аю-Даг)	скриня, шкарбун, барило, пляшка, стрічка, бенкет, кошт, решта
19	XIII–XVII вв.	татаризмы	Крым, Бахчисарай, Черкассы, Кременчуг, Хаджибей (Одесса), Ахтиар (Севастополь), Ахмечет (Симферополь)	чабан, отара, табун, аркан, бунчук, торба, батіг, байрак, гарба, гарбуз, тютюн, кіш, могорич, харциз, бугай, орда, козак, ватага, сарай
18	XIII–XVII вв.	мадьяризмы (угризмы)	Унгвар (Ужгород), Мункач (Мукачево), Берегсас (Берегово)	чота, хутір, кучма, гусар, гайдук, ґазда, леґінь
17	с 988 г.	византийские грецизмы	Херсон (Херсонес), Феодосия	грамота, дяк, миска, макітра, огірок, левада (*ранее через готский язык*: церква, хрест,піст, піп)
16	IX–XIII вв.	печенежские и половецкие тюркизмы	Варух, Печенежин, Кагарлык, Кичкас, Ингул, Изюм	шатро, курган, ковпак, товар, лоша, бур’ян, яруга

№ п/п	Период времени	Название языково-исторического пласта	Примеры	
			из топонимии	из лексики (по-украински)
15	840–920 гг.	скандинавские (старошведкие) германизмы	Глебовичи, Ольжичи, Игоревка, Кенугардр (Киев)	щогла, стяг
14	VIII–IX вв.	хазарские тюркизмы	Козара, Козаричи, Козары, Козаривская	козарлюга
13	VI–XIII вв.	монголизмы (гуннские, аварские и др.)	Умань, Унава, Онут, Внуды, Вовниг, Обашин, Ображин	табір, корогва, жупан, каган, хохол, гиря, вертеп, халява; *потом*: чавун, пиріг, курінь, баламут, богатир
12	166–375 гг. и до VII в.	готизмы, гепидизмы	Мерефа, Мурафа, Молода, Гутило, Щира, Тирихва, Терехтемиров	виноград, буква, верблюд, художник, полк, князь, хліб, хлів, дошка, серга, шеляг, мито, лихва, щирий, цебро
11	со 102 г.	латинизмы	Тячев, Текив, Домница, Трояны, Рымив	цибуля, редька, оцет, глек, коляда, цятка, цегла, поганий, русалка, чинш
10	с V в. до н. э.	эллинизмы	Ялта, Алушта, Меганом, Мисхор, Ольвия, Пантикапей	корабель, комора, колиба
9	с сер. I тыс. до н. э.	кельтизмы	Галичина, Горганы, Радоробель, Сейм, Есмань, Диканька	боярин, слуга, влада, ліки, бевзь, чебрець, щит, лудити, молитися, сало, брага, монисто/ намисто

№ п/п	Период времени	Название языково-исторического пласта	Примеры	
			из топонимии	из лексики (по-украински)
8	VII–IV вв. до н. э.	иллиризмы	Карпаты, Самбор, Горынь, Иква, Говтва, Медоборы	цап, чіп, борть, поратися
7	с I тыс. до н. э.	праславянский слой	Стебник, Стырь, Сан, Ирпень	коса, граблі, сніп, пшениця, полоти, цілина, теля, кожух, рукавиці, полотно, посуд, пила, відро, човен, пиво, сад, ягода
6	с I тыс. до н. э.	иранизмы	Днепр, Днестр, Хорол, Прут, Дортоба, Артополот, Слепород	Бог, хата, бачити, дбати, тривати, жвавий, збіжжя, почвара, темрява
5	XI–VII вв. до н. э.	фракизмы	Товтры, Серет, Ятрань, Иртица	цівка, тяма, кпини
4	с II тыс. до н. э.	кавказские пелагизмы	Пселл, Ворсткла, Субот	зубр, черешня, осокір, вино, олія, морока, меч, шарпати
3	с II тыс. до н. э.	феннизмы	Воронеж, Борзна, Сож, Киев	дуб, сом, щука, щупак, щур
2	с II тыс. до н. э.	балтизмы	Сквира, Шандра, Желянь, Ивот	сват, перст, ярчук
1	с III тыс. до.н. э.	праитализмы (центрально-европеизмы)	Ромны, Солучка, Товмень, Телемень, Тумень	молот, горн, мана, Господь, говіти

Реконструкции древнейшего общего пласта индоевропейских языков позволяют лишь определить умеренный климатический пояс (не было, например, в тогдашнем лексиконе слова «пальма»), который, как известно, достаточно протяженный.

Стоит отметить, что территория Украины – одна из действительно легитимных в науке «прародин» индоевропейцев. Индоевропейские страсти, несомненно, интересны, но, но, но… Они влекут за собой множество чрезмерно скользких допущений, спор по поводу которых, особенно на уровне «украинцев-ариев», является абсолютно бессмысленным. Тем более, что результат в переделах «православной цивилизации» всегда один и тот же: где арийцы, сам и злой семит неподалеку. Представляю себе ужас древнеукраинолюбов, если вдруг таки изыщется трипольская письменность и расшифровка покажет, что они были родственниками ближневосточных прасемитов (что весьма вероятно с учетом балкано-анатолийских корней их культуры). Тогда что ж окажется: украинцы произошли даже не от румын, а от евреев? Придется срочно доказывать, что коварные семиты-трипольцы угнетали арийцев-украинцев прямо на их дорогой арийской прародине. Зато легко объяснится «отставание» местных: если древние украинцы и славяне еще 5 тысяч лет назад оказались в тисках мирового сионизма, то все это время прошло в борьбе, а не в мирном созидательном труде.

Одно есть утешение: учитывая национальный стандарт в виде чернявого и кареглазого хлопца с усами и чубом-оселедцем, а порою даже с горбатым носом, на роль «белокурых бестий» украинцы претендовать уж точно не смогут.

5. Переселение народов, или Наконец-то явление предков

Итак, поскольку сохранялась «преемственность культур» лесостепной зоны, в I тыс. до н. э. в украинской лестостепи и лесу обитали люди-земледельцы, которые жили здесь давненько, и тысячу или две тысячи лет тому назад заговорили на индоевропейском языке, в местном варианте – тяготеющим в перспективе «разродиться» славянскими.

Рядом (если из лесу выйти) обитали разнообразные кочевые «иранцы» – киммерийцы, скифы и сарматы, которые вели энергичный и державный образ жизни, досаждая оседлым соседям от Греции до Палестины и портя жизнь внешним гостям-захватчикам типа своих арийских

«родственников» – персов царя Дария. Учитывая нрав степняков, соседние лесные жители явно чего-то им отстегивали и равнялись на них относительнопрестижного образа жизни. Долгое соседство могло порождать такие гибридные сообщества, как «скифы-пахари» Геродота, которые в отечественной литературе часто подозреваются в определенной «праславянскости». Видимо, это могла быть наиболее ассимилированная кочевыми иранцами группа аборигенов-земледельцев. Ее дальнейшую судьбу нам проследить сложно: развила ли она в себе большую «славянскость», или интенсивно растворилась среди ираноязычных, или ее потом «переассимилировали» готы, шедшие теми же краями, – сказать сложно.

А в лесу, тем временем, продолжали свой неспешный хлеборобский труд предки славян (в том числе и украинцев). Иногда они выглядывали из-за деревьев и интересовались, что происходит в Большом Мире? Отвечаем: там сначала происходила ротация разных иранцев, потом во II в. н. э. стало еще интересней, поскольку к Нижнему Дунаю вышли римские легионы, а из Прибалтики наведались германцы-готы.

Римляне породили у древнеукраинолюбов желание приобщиться к римскому наследию. Но мы не будем комментировать интересную мысль о том, что римляне дошли до нинешнего Каменца-Подольского, построили там мост через Днестр и запечатлели его на колонне Траяна в Риме. Думаю, римляне бы тоже воздержались от комментариев. Они просто не знали о прекрасном будущем городе Каменце и что им обязательно нужно построить мост через Днестр. Не знали, потому что им это было не нужно. *Просто незачем*.

Германцев-готов в советское время рекомендовалось не замечать, поскольку они портили своей «немецкостью» славный период выхода на историческую арену «исторических славян». Наиболее впечатляет из этого периода *черняховская культура* III–V вв. н. э., которая охватывала территории от юго-восточной Польши до Румынии и до левобережья Днепра. Ее можно считать одной из культур римской периферии, которые цепочкой протянулись вдоль границ Империи с варварским миром от Шотландии по Рейну и Дунаю. Этнически черняховская культура была пестрой: сами готы, сарматы, поздние скифы, гето-даки, славяне и анты. На наших украинских землях готы, видимо, представляли власть и контролировали племенные союзы своих данников из вышеперечисленных народов. Интенсивность готской колонизации (заселения) неизвестна, поскольку их североевропейские антропологические черты лишь слегка прослеживаются в обнаруженных погребениях той эпохи (да и то только у мужчин). Но даже если это были в основном военные дружины (хотя они мигрировали с семьями), то они хорошо «обрастали бытом», беря себе жен из местного населения. (Ведь когда вест- и остготы, изгнанные гуннами, двигались

потом по землям Империи до Италии и Пиренеев, они успели стать достаточно многочисленными народами.) Известно нам и «государство Германариха», и факт, важный для исследователей украинского прошлого, как готы расправились с антами (еще одними, согласно определенным версиям, «первыми украинцами» или даже зачинателями первой украинской государственности).

Еще один важный момент черняховской культуры для выяснения украинского этногенеза – это то, что «черняховцы» своих покойников не сжигали, а хоронили. А это полезно знать в том смысле, что до принятия христианства Владимиром мы не имеем антропологического материала восточных славян-язычников (они своих сжигали) – мы не знаем, как выглядели носители праславянских зарубинецкой, волынско-подольской, киевской культур. То есть мы знаем, как выглядели жители Руси, а вот как местное население выглядело до них, – только относительно «черняховцев». Промежуток между ними в 500 лет, как показывают данные антропологии (по Сергею Сегеде), мало что изменил во внешности того сообщества людей, которое обитало в Среднем Поднепровье со времен готов и дожило до киевских князей – то есть население этого региона первой половины I тыс. н. э. без заметных последующих примесей стало летописными «полянами». Разве что с востока на Левобережье добавилось «северянам» аланских черт, а предки летописных «уличей» и «тиверцев» успели существенно отодвинуть гето-даков (будущих молдаван и румын) на юго-запад в прутско-днестровском междуречье*.

В глубине лесов, о чем без конца спорят археологи, в пределах зарубинецкой и киевской культур (или же еще севернее) происходило по пока неясному сценарию перемещение славян и балтов. К северо-востоку от тех и других земли были заняты финно-уграми. Непонятно, какие археологические культуры были «чисто» славянскими, а какие – полиэтничными.

А вот с антами проще – они были вполне заметными славянами.

Анты – это не самоназвание «ант», с тюркского – это присягнувший союзник-данник (есть еще иранская этимология – «живущие на краю»). Анты – это какая-то часть славян, которая вступила в контакты с тюрками-гуннами и выступила против господствующих готов. За смерть антских вождей, распятых готами по римскому обычаю, отомстили их гуннские союзники. Этот «союз племен» исторически возник в связи с гуннами во второй половине IV в., поучаствовал в «переселении народов» на земли Рима,

* Последние исследования антропологического типа «черняховцев» вынуждают сомневаться в том, что некремированные покойники были славянами. Значит, проблема становится еще веселей: почему же неславянская часть «черняховцев» так похожа на будущих славян Древней Руси? Видимо, публика так перемешивалась и языки и культурные заимствования так вольно перемещались, что вопросы «расовой чистоты» и украинцев, и славян, и вообще всего древнего населения Украины мы можем спокойно игнорировать как большую научную иллюзию прошедшего XX в.

особенно досаждая Константинополю в VI в., и в последний раз упомянут в 602 г. по случаю разгрома антов другими тюрками – аварами. Археологически анты связываются с Пеньковской культурой, возникающей в Среднем Поднепровье и полосой, уходящей к Дунаю.

И археологические, и исторические данные говорят о том, что анты вступили в активную военно-политическую жизнь в сообществе черняховской культуры/готского государства, самоопределились в процессе гуннского нашествия, но «пропустили» его через себя дальше на запад. Затем они поучаствовали (параллельно с более западным потоком славян-склавинов) в нашествии на Восточно-Римскую империю (Византию), результатом чего стали богатые клады в Поднепровье. Вполне возможно, что анты были частью той среднеднепровской «группы товарищей», которая потом стала полянами и северянами, но часть из них удалилась на Балканы, на более богатые (не в смысле почв, а в смысле добычи) земли. Так что в контексте «украинскости» нужно явно «делиться» и со славянами-«болгарами», и со славянами-«македонцами». Но анты являются нашими бесспорными предками. К их же числу относятся *склавины* – носители культуры Прага-Корчак, которые расселились от Днепра до Праги и часть которых тоже ушла на Балканы. Существенных различий между антами и склавинами не было, если не считать несколько различных исторических обстоятельств и точек выхода на историческую арену. Мысль о том, что анты могли быть предками «восточных украинцев», а склавины – «западных», мы можем отбросить, поскольку и с тех пор население Украины так перемешивалось, что концов уже не найти. Возникновение этих различий нам уместно перенести уже в недавние имперские эпохи – ничего древнего в них нет.

Для столь энергичной военной деятельности и миграции славянам нужно было психологически «вырваться» из «внеисторического» существования в недрах спокойного лесостепного пространства. Для этого желательны банальные социально-экономические изменения, связанные с самим фактом соседства высокоразвитой римской цивилизации. Всякая экономическая система (мир-экономика) территориально подразделяется на центр, полупериферию и периферию, разрастаясь или сжимаясь по линиям торговых путей и структурам властных связей. Влияние развитых цивилизаций состоит еще и в том, что они задают «модель потребления» элитам соседних варварских народов. (Если кто-то думает, что глобализация – процесс новый, то это неверно.) Для варваров жизнь усложняется, поскольку появляются труднодостижимые престижные вещи. Их можно или купить, или захватить. Для этого нужно перераспределить ограниченные ресурсы своего племени и организовать коллектив «заинтересованных пайщиков» (военную аристократию). Поэтому вся европейская германо-гето-дако-славяно-сарматская периферия Рима с Империей и торговала, и воевала,

а по мере ее ослабления периферия превращалась из данника в союзника, а потом кромсала тело Империи и селилась на ее территории. Как сегодня люди гонятся за новейшим представительским автомобилем, так и тогда свойственная цивилизации страсть к показному накопительству пленяла славянские души, а зарытые клады – тому наглядное свидетельство. Все это – потенциально *историческая* черта. Аграрные лирики-«трипольцы» остаются уже точно в глубоком прошлом, поскольку когда есть стяжательство, легче всего реализуемое через право силы, значит не за горами и государственность. Наступает конец патриархального имущественного равенства.

В любом случае, история украинцев могла начаться только тогда, когда начинается история вообще, а именно – *начинают происходить события, которые кем-то фиксируются*. Если вы единолично не изобретаете письменность, то о вас напишут более грамотные соседи. В этом смысле у трипольцев ничего не происходило вообще. А анты втянулись в политику и войну с более развитым, уже давним историческим образованием (Восточной Римской империей, или, как мы привыкли называть, – Византией) – и сразу угодили в анналы истории. Как это ни печально для поклонников украинского и вообще славянского исторического величия, все, что было до этого, покрыто густым туманом сомнений и неизвестности.

Стоит упомянуть в этом смысле и идею Нестора Летописца в «Повести временных лет» о дунайской прародине славян (раньше они-де на Дунае обитали). Мы знаем, что края «исторических славян», т. е. на VI в., – это от Праги до Киева, а на Дунае была граница с Римом. Но *история* славян действительно начинается именно с Дуная – ведь именно там, на границе, все интересное, *историческое,* и происходило: и для римлян относительно германцев и славян, и для самих славян. Отметим: *историю народов* хочется, конечно, вести от того гипотетического места, где они «возникли», но гораздо легче это получается делать от того места, где с ними начало что-то *происходить, впечатлять*, завоевывая на века жизненно важными впечатлениями историческую память живых людей. Приднепровские и прикарпатские славяне *зашевелились* и, пропустив мимо себя на запад гуннов и их союзников, вышли из лесу, начали завоевывать себе новую жизнь в новых местах. То есть формировать свою активную жизненную и историческую позицию. «Дунай» для славян был тем же, что «Украина» для более поздних русинов. Но об этом – позже.

Ведущий украинский историк первой четверти XX в. Михаил Грушевский вел генеалогию украинцев от антов: жили там же (в Украине, Среднем Поднепровье), отличались по названию от склавинов, ставших, по идее, западными славянами. Но археология классика уже несколько поправляла, давая более ясную картину тогдашнего славянского мира. Однако в представлениях о себе и о мире у славян Руси анты ничего после себя не оставили. Их имя, прожившее 100 с лишним лет

и умершее вместе с определенным политическим союзом, было не славянским. Вполне вероятно, что очевидное славянское сообщество от Лабы до Днепра (археологическая культура Прага-Корчак) порождало разные политические образования, зависимые, как и политика сегодняшнего дня, от множества ситуативных обстоятельств. «Анты» – это такое временное образование, военно-политический союз, созданный, размытый и рассеянный Великим переселением народов, образование политическое, а не чисто этническое. Их совпадение с Пеньковской культурой для дальнейшей украинской и славянской истории, похоже, несущественно, поскольку славянство «расползалось» преимущественно от конкретно названного сообщества «склавинов». И делится на западных славян, восточных и южных более чем условно (а скорее – политически и географически).

6. «Откуда есть пошла» земля Руськая и где в это время были украинцы?

Посланцы скорым шагом
Отправились туда
И говорят варягам:
«Придите, господа!

Мы вам отсыплем злата,
Что киевских конфет;
Земля у нас богата,
Порядка в ней лишь нет».

Варягам стало жутко,
Но думают: «Что ж тут?
Попытка ведь не шутка –
Пойдем, коли зовут!»

А. К. Толстой. История государства российского от Гостомысла до Тимашева. 1868

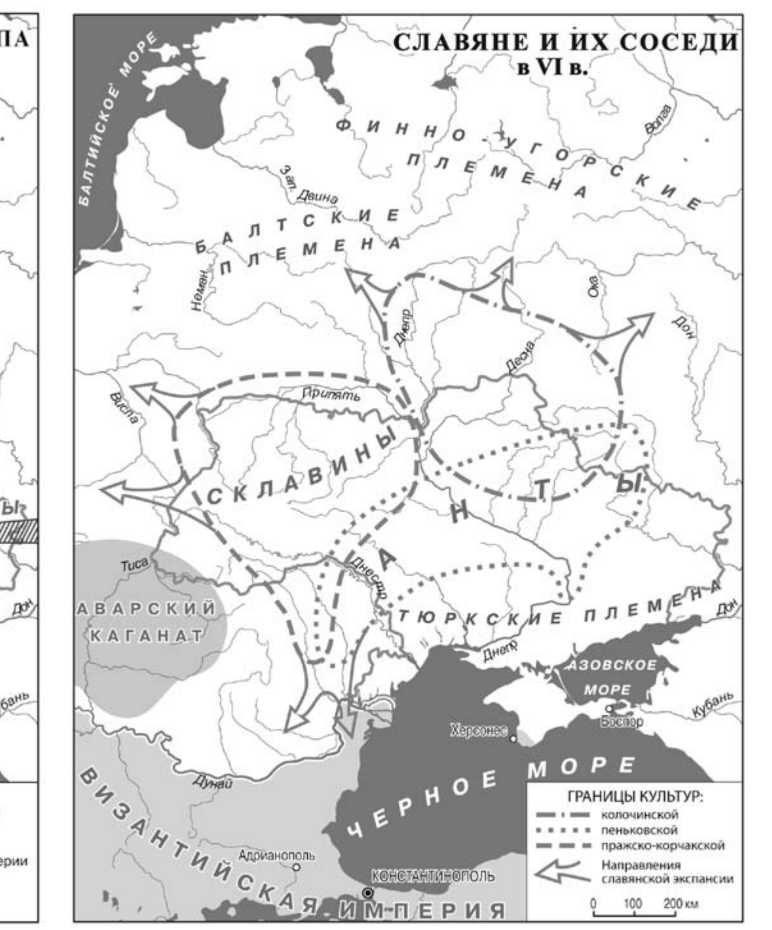
В VII–VIII вв. территории Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы были разделены между двумя большими тюркскими каганатами – Аварским (с центром в нынешней Румынии) и Хазарским

(с центром в Прикаспии). Авары контролировали западную часть Украины, а хазары – центр и восток. На Волыни или где-то рядом с ней авары, судя по летописи, «примучивали» дулебов, а более восточные племена (опять же – судя по летописи) платили дань хазарам вплоть до прихода скандинавов-варягов.

Промежуток времени с 602 г. (когда из текстов исчезают анты) по 882 г. (приход Олега и убийство Аскольда и Дира в Киеве) является весьма темным относительно *исторической Руси – Среднего Поднепровья*. Непонятно, откуда взялось слово «Русь», которым во времена Нестора (начало XII в.) уже называли потомков полян и северян (в частности – и громадное государство Рюриковичей вообще), и кто здесь учинил государственность («начал первее правити»). Существует много гипотез, которые, как всегда, делятся согласно принципу большего патриотизма (здесь уже украинские и русские приоритеты до поры до времени совпадают). На этом поле битвы, как известно, конкурируют *норманисты* и *антинорманисты*. Последние (это славянские «истинные патриоты») считают, что указанные в летописи варяги (скандинавские викинги) лишь захватили уже существующее сильное полянское княжество с местной династией и что слово «Русь» не имеет к скандинавам никакого отношения, коренясь где-то на югах, а не на севере. Вариантов ответов на вопросы, кто и когда тут был, что «нескандинавское» означает эта Русь (а слово – неславянское) и почему у Аскольда, предшественника Олега Вещего, тоже неславянское имя, – множество.

Норманистам спокойнее – все имеющиеся более или менее надежные письменные источники говорят в их пользу. Арабские источники отличают «народ Русь» от славян, и, описывая похороны знатного руса, живописуют (как мы знаем) скандинавский погребальный обряд (княгиня Ольга, мстя древлянам за мужа Игоря, тоже применяет его разные варианты) и утверждают, что русы правят славянами, а существует их три группы (две из которых отождествляют с Киевом и Ильменскими краями). Византийский император Константин Багрянородный в труде «Об управлении Империей» совсем уж распинает антинорманистов, приводя названия днепровских порогов на языке русов и на языке славян. Последние – вполне знакомые украинские слова, первые же – вполне переводимые слова *староскандинавские*. Олег – уж никуда не денешься, звал себя «Хельг», Игорь – «Ингвар», Ольга – «Хельга». С родоначальником Рюриком и так все понятно. В общем, непонятно точно, где и когда возникло название определенной группы людей «Русь», но в IX–X вв. так определенно назывались скандинавские викинги, правящие в Киеве и округе. Замечу, что ничего удивительного здесь нет: викинги-норманны успешно основывали государства на завоеванных землях от Ирландии до Сицилии, и никто (кроме непосредственно

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА
в III–IV вв.
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
ФИННО-УГОРСКИЕ ПЛЕМЕНА
БАЛТСКИЕ ПЛЕМЕНА
ГЕРМАНСКИЕ ПЛЕМЕНА
Зона формирования славян
ГОТЫ
ГУННЫ
АЛАНЫ
Зап. Двина
Волга
Неман
Днепр
Припять
Десна
Ока
Дон
Висла
Днестр
Тиса
Дунай
Кубань
АЗОВСКОЕ МОРЕ
Херсонес
Боспор
ЧЕРНОЕ МОРЕ
Адрианополь
КОНСТАНТИНОПОЛЬ
ВОСТОЧНАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ
Граница черняховской культуры
Граница Римской империи до 270 г.
0 100 200 км

СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ
в VI в.
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
ФИННО-УГОРСКИЕ ПЛЕМЕНА
БАЛТСКИЕ ПЛЕМЕНА
СКЛАВИНЫ
АНТЫ
ТЮРКСКИЕ ПЛЕМЕНА
АВАРСКИЙ КАГАНАТ
Зап. Двина
Волга
Неман
Днепр
Припять
Десна
Ока
Дон
Висла
Днестр
Тиса
Дунай
Кубань
АЗОВСКОЕ МОРЕ
Херсонес
Боспор
ЧЕРНОЕ МОРЕ
Адрианополь
КОНСТАНТИНОПОЛЬ
ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
ГРАНИЦЫ КУЛЬТУР:
колочинской
пеньковской
пражско-корчакской
Направления славянской экспансии
0 100 200 км

Гей, славяне!

Эта карта отражает современные взгляды украинских и польских археологов на ареал раннего славянства в III–V вв. При советской власти польские и советские археологи спорили о том, откуда вышло славянство: с берегов Вислы и Одера или Днепра. Когда социалистический лагерь развалился, оказалось, что отстаивание более западной славянской родины – результат не только понятного польского патриотизма, но и обоснование послевоенных границ по Одеру-Нейсе: важный идеологический момент. К тому же надо было дать достойный ответ псевдоисторическим представлениям идеологов Третьего Рейха о древних владениях германских племен в Восточной Европе. После 1989 г. некоторые давние тайные сомнения польских археологов вдруг стали их общепринятым мнением: Пшеворская культура центральной и юго-восточной Польши, лет сто официально претендовавшая на славянскость, вдруг оказалась никем иным как германцами-вандалами. Последние, как выяснилось, обитали там несколько столетий, прежде чем удалиться на запад для занятий «вандализмом» и овладения Африкой. До VI в. славян на территории современной Польши не было, и пришли они туда из украинской лесостепи. Экспансия из этого ареала и привела к образованию классической славянской Пражской культуры. Что ж до российских вариантов славянской родины, то таковых (из «вменяемых») предложено не было, поскольку на территории европейской части нынешней России в те давние времена упрямо проживали финно-угры.

Я, замечу, совсем здесь не навязываю Украину в качестве «родины слонов» в новой версии, – славянской на смену арийской. Это поляки сами отказались… Не знаю, – со слезами ли на глазах. Зато теперь известен важный критерий отличия славянских археологических культур от германских: «примитивность быта». Мало что изменилось с тех пор, товарищи!

пострадавших) особо по этому поводу не горевал. Неслучайно, что в эстонском языке Швеция до сих пор называется *Rootsi*. Разные викинги сначала торговали, а потом осели на «восточнославянском пространстве» – одни в Полоцке, другие – в Турове, третьи – в Старой Ладоге, Белоозере и этнически пестрых балто-скандинавско-финско-славянских краях Приильменья. Просто для гордых «восточных славян», особенно, когда была еще великая Российская империя или СССР, было обидно получить свое государство от «немчуры», хотя Российской империей правили, собственно, те же этнические немцы Романовы (они не могли остаться русскими *по крови*, женясь с начала XVIII в. в почти каждом поколении на немках). Но обижались государи (немка Екатерина II, например), что вполне понятно, «за державу» из-за политического престижа.

Вопрос установления государственности в науке уже не стоит так болезненно – это долгий процесс развития социальных институтов. Факт завоевания славянских племен другой этнической группой (скандинавами) как фактор усиления неравенства должен был, очевидно, этот процесс ускорить. То же можно сказать и о хазарах. Может, варяги просто выгнали хазар и унаследовали их систему управления и эксплуатации территории, не зря ведь киевские князья-конунги именовали себя еще и «каганами» (хазарским титулом). В общем, интенсивность и пропорции варяжско-хазарско-славянского симбиоза IX в. установить сложно. Но вообще, по сути, говорить о *территориальном* государстве с попыткой учредить местную администрацию и нормы обложения населения можно лишь с Ольги, Владимира и Ярослава. До того оно было «торгово-разбойничьим» и функционировало по всем известному принципу рэкета (вымогательство дани в обмен на «защиту») на речных путях бассейна Днепра. Зимой князь ходил в полюдье (собирал дань с подчиненных племен), а в теплый сезон удалялся торговать или воевать в какую-нибудь богатую южную страну (Византию, Хазарию, Халифат). От степных тюрок-булгар князь Святослав мог позаимствовать свою привычку выбривать голову, оставляя длинный клок волос (сейчас известный всем как украинский «оселедец»). С середины X в. варяги все больше растворяются среди славян, но при Владимире и Ярославе прибывают новые шведские дружины (Ярослава вообще было тяжело вернуть из Швеции), а брак Ярослава Мудрого с Ингигердой мог вообще привести к шведскому языку общения при дворе. Хотя, впрочем, ненадолго.

Хочется спросить, а где же в это время были (пра)украинцы? Ответ прост: – там же, где и раньше, – от Карпат до Десны. В более западных районах радикальных перемещений населения не происходило. То есть «*семь украинских племен*» (волыняне, белые хорваты, древляне, уличи, тиверцы,

поляне, северяне) «заняли свои места» к IX–X вв. лишь условно, поскольку в действительности были прямыми потомками и наследниками местного населения первой половины и середины I тыс. н. э. Какие-то перемещения наблюдались лишь на границе степи, где местная людность была вынуждена реагировать на движения кочевников. То есть пока варяги вели свою активную «историческую» жизнь на Горе в Киеве, в округе продолжали свою неспешную жизнь древние украинцы. Они постепенно растворяли в своей среде немногочисленных скандинавов, а наиболее продвинутые из украинцев уже привыкали к новому самоназванию «Русь». До появления написанного слова «Украина» оставалось лет двести.

7. «Руси» настоящие и липовые

Теперь о терминах. Скажем сразу (и никто из специалистов по Древней Руси со мной не поспорит), что не использовались тогда такие термины, как: «Древняя Русь» (это понятно), а также «Киевская Русь», «Южная Русь», «Западная Русь», «Северо-Восточная Русь», введенные историками XIX в. Что точно, так это то, что Русь была *одна-единственная*. И понималась она в *двух смыслах: как непосредственно Русская земля* (Среднее Поднепровье: Киев–Чернигов–Переяславль) и как вообще все *конгломератное государство* Рюриковичей, однако последнее – в понимании соседних государств и дальних европейских хронистов. Для самих жителей государства Рюриковичей (имею в виду тех, кто оставил после себя письменные свидетельства) Русь до середины XIII в. находилась в округе Киева. Остальное было – «земли» и «волости» смоленские, суздальские, новгородские и т. д.

Географическое растягивание названия «Русь» произошло от удобства перечисления (удобнее сказать: «Южная Русь», а не перечислять несколько княжеств: Чернигов, Киев, Галич, Владимир (Волынский), Переяславль, Новгород-Северский), которое оказалось удобным идеологически – назвать «какой-нибудь Русью» то, что Русью не являлось. Например, после этого можно было вместо «просто Руси» начать употреблять термины «Русь Киевская» и «Русь Московская», а это позволяло говорить о перенесении «центра» или «столицы» Руси из Киева (это, мол, – «Южная Русь») в «Северо-Восточную Русь». Если бы не изобрели таких понятий, то нельзя было бы объяснить, почему Московское княжество, которого еще не

существовало, когда монголы брали Киев, вдруг решило «собирать русские земли». Не из накопительских соображений, а как обиженный «наследник», желающий вернуть «отчину». Если у нас Русь переносится поближе к Москве, то можно прекратить вспоминать о том, что соседнее Великое княжество Литовское называлось «Великое княжество Литовское, Жемаитское и Руськое». В XIV–XVI вв. «Русью» назывались нелитовские земли этого княжества, в т. ч. и все тот же Киев. То есть Русь со своего места никуда не «съехала». Но если мы забываем про литовско-руськое государство и пишем лишь о «Литве», то она – явный захватчик. Зато с момента подчинения московскими князьями других зависимых от Орды княжеств можно сразу жирно обвести новообразование и написать на карте «Русское государство», хотя те, кто жил на «правильной» Руси, по понятным причинам именовали это образование всего лишь «Московским государством». Однако если не написать на Москве «русское», то как же потом говорить о «воссоединении» Украины с Россией? Единой была Русь, и, соответственно, воссоединяется тоже Русь.

Но пусть новые слова не заменяют нам реалий тех времен, когда была просто «Русь»*. Поэтому в X–XII вв. тот, кто был за пределами Среднего Поднепровья, не относил себя к *непосредственно* Руси. Если новгородцы или суздальцы собирались ехать в Киев, то говорили «еду в Русь» (примеров в летописях предостаточно), а сами они были не какие-то «русские», а «новгородцы» и «суздальцы», «смоляне» и т. д. Для жителей же Руси использовался вполне понятный и логичный этноним «*русин*», который в академических российских и советских переводах почему-то (интересно, почему?) заменяется на «*русский*» или «*русский родом*». Тогда почему аналоги - «угр*ин*», «грек*ин*» – не переводятся как «венгр» или «грек»? Как тогда переводить употребляемое в XVI в. в «Южной Руси» слово «москви*тин*»? Может, просто не надо переводить, а то какие-то двойные стандарты получаются? Опять же в древнерусской литературе слово «русский» употребляется чаще всего в форме «*руський*», что вполне сохранилось в украинском языке именно относительно Руси, а не нынешних русских-великороссов, которые называются «росіяни». Это различие в употреблении говорит о том, что для украинского языка, развившегося на землях «настоящей Руси», слово «Русь» не является синонимом «России». В России же – наоборот. Если мы читаем научную монографию о «формировании российской государственности», то это не означает что ее «действие» происходит в России, отнюдь – без Киева не обойтись.

Термин «Киевская Русь» возник конъюнктурно – как обоснование того,

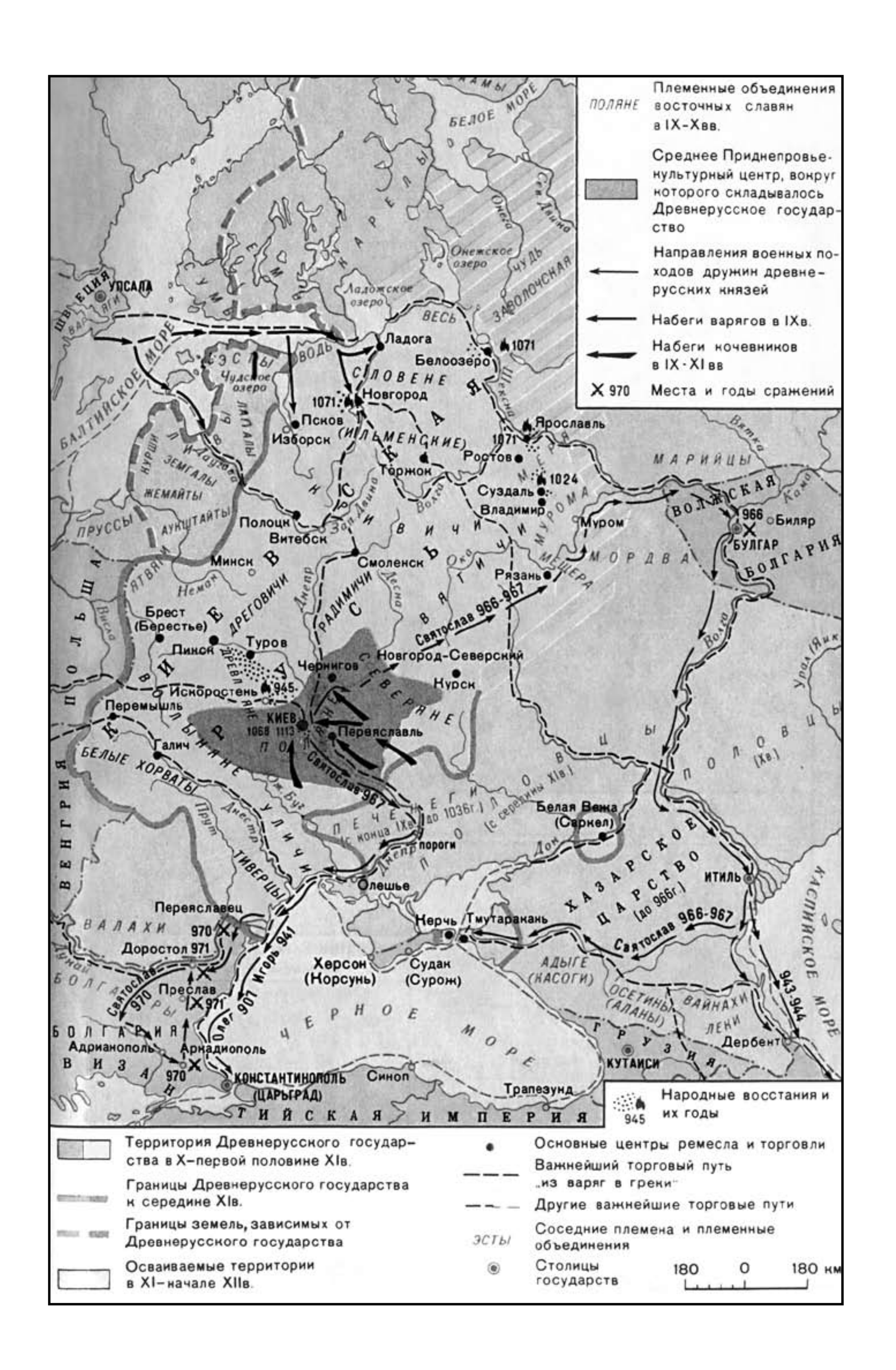
* В дальнейшем цитировании по вопросу «Руси и России» я часто опираюсь на работы Василия Балушка, Евгена Наконечного и Наталии Яковенко.

что Русь потом, на этапе перехода к «собиранию русских земель», стала «Московской». Но «Московской Руси» *быть не может*, поскольку Русь находилась в очень конкретном месте – в Киеве, а если уж не в Киеве – то в Среднем Поднепровье, а если не в нем, то в «Южной Руси». И нигде больше!

Это один из болезненных аспектов прений российских и украинских историков по поводу того, кому принадлежит наследие Киевской Руси. Украинцы считают, что им, поскольку Русь – одна, и никуда не переезжала (Киев, вроде, тоже пока на месте). Россияне – что после упадка Киева в результате монгольского нашествия невыполненная ранее миссия «воссоединения древнерусских земель» была исполнена Москвой. Хотя собственно русские земли были уже в XIV в. вполне успешно воссоединены Литвой. И литовско-русское государство осуществило это объединение в основном мирным путем, а не в результате продолжительных войн – как Москва. И когда к 1654 г. Московское государство «добралось» наконец до исконной Руси, там, оказывается, давно жили какие-то люди со своим мнением о том, где находится Русь. И Богдан Хмельницкий позволял себе именоваться *«единовладец и самодержец руський»*, «князь киевский и руський». Он-то думал (видимо, по наивности!), что владения Войска Запорожского, включавшие тогда Среднее Поднепровье, и есть та Русь, «единовладцем» которой он в то время действительно являлся. Он даже начал сам собирать русские земли, очевидно, претендуя на Беларусь. Но куда ж «русские»-то с Руси подевались?

Однако чтобы меня не заподозрили в русофобии (не относительно Руси, а относительно русских), приведу цитату из монографии вполне корректного российского советского автора – В. А. Кучкина (Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. – М., 1984):

> *«Хотя термин “древнерусский Северо-Восток” и тождественный ему термин “Северо-Восточная Русь” употребляются в литературе по истории нашей страны уже много десятков лет, географически они до сих пор точно не определены. Обычно под Северо-Восточной Русью понимают территорию Волго-Окского междуречья. Такое понимание правильно для древнейшего периода, но тогда к этому району не прилагалось понятие “Русь”. Последнее вошло в употребление только после монголо-татарского завоевания. […] А к тому времени государственная территория здесь вышла далеко за пределы Волго-Окского междуречья. Следовательно, под термином “Северо-Восточная Русь” в разные периоды должны пониматься*

ПОЛЯНЕ Племенные объединения восточных славян в IX–Xвв.
Среднее Приднепровье — культурный центр, вокруг которого складывалось Древнерусское государство
Направления военных походов дружин древнерусских князей
Набеги варягов в IXв.
Набеги кочевников в IX–XI вв
Х 970 Места и годы сражений
945 Народные восстания и их годы
Территория Древнерусского государства в X–первой половине XIв.
Границы Древнерусского государства к середине XIв.
Границы земель, зависимых от Древнерусского государства
Осваиваемые территории в XI–начале XIIв.
Основные центры ремесла и торговли
Важнейший торговый путь „из варяг в греки“
Другие важнейшие торговые пути
ЭСТЫ Соседние племена и племенные объединения
Столицы государств
180 0 180 км
БЕЛОЕ МОРЕ
Онежское озеро
Ладожское озеро
Чудское озеро
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
ШВЕЦИЯ
УПСАЛА
Ладога
Белоозеро
Новгород
Псков
Изборск
Ярославль
Ростов
Торжок
Суздаль
Владимир
Муром
Полоцк
Витебск
Минск
Смоленск
Рязань
Брест (Берестье)
Пинск
Туров
Чернигов
Новгород-Северский
Курск
Искоростень
Перемышль
КИЕВ
Переяславль
Галич
Белая Вежа (Саркел)
пороги
Олешье
БУЛГАР
Биляр
ИТИЛЬ
Керчь
Тмутаракань
Херсон (Корсунь)
Судак (Сурож)
Переяславец
Доростол
Преслав
Адрианополь
Аркадиополь
КОНСТАНТИНОПОЛЬ (ЦАРЬГРАД)
Синоп
Трапезунд
КУТАИСИ
Дербент
СЛОВЕНЕ (ИЛЬМЕНСКИЕ)
КИЕВСКАЯ РУСЬ
ВЕСЬ
ЗАВОЛОЧСКАЯ ЧУДЬ
КАРЕЛЫ
ЕМЬ
СУМЬ
ВОДЬ
ЭСТЫ
ЛИВЫ
ЛАТГАЛЫ
КУРШИ
ЗЕМГАЛЫ
ЖЕМАЙТЫ
АУКШТАЙТЫ
ПРУССЫ
ЯТВЯГИ
КРИВИЧИ
МЕРЯ
МУРОМА
МЕЩЕРА
МОРДВА
МАРИЙЦЫ
ВОЛЖСКАЯ БОЛГАРИЯ
ДРЕГОВИЧИ
РАДИМИЧИ
ВЯТИЧИ
ДРЕВЛЯНЕ
СЕВЕРЯНЕ
ПОЛЯНЕ
ВОЛЫНЯНЕ
БЕЛЫЕ ХОРВАТЫ
УЛИЧИ
ТИВЕРЦЫ
ПЕЧЕНЕГИ (с конца IXв. до 1036г.)
ПОЛОВЦЫ (с середины XIв.)
ХАЗАРСКОЕ ЦАРСТВО (до 966г.)
АДЫГЕ (КАСОГИ)
ОСЕТИНЫ (АЛАНЫ)
ВАЙНАХИ
ЛЕНИ
ГРУЗИЯ
ВАЛАХИ
БОЛГАРИЯ
ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
ПОЛЬША
ВЕНГРИЯ
Святослав 966-967
Святослав 967
Святослав 970
Игорь 941
Олег 907
943-944
Днепр
Волга
Ока
Десна
Неман
Висла
Днестр
Прут
Дон
Кама
Вятка
Онега
Урал (Яик)

Закрепим советскую границу!

Карта из советского учебника 1989 г. «История СССР с древнейших времен до 1861 г.», называется «Киевская Русь в 9–начале 12 в.».

Понятно, что эта карта – не продукт творчества авторов этого, да и других учебников. Учебные карты, как и все прочие, исходили из ведомства геодезии и картографии (до Хрущева подчинявшегося НКВД), и последнюю «редакцию» для школьных учебных атласов эта карта прошла там в 1986 г. Будучи идеологически выверенной, она несет все очевидные проявления российско-советской геополитики (часть из них, признаем, удобна и украинской), которые вкладывают в историю заряд «исторически обоснованных» территориальных претензий и кое-что явно перевирают.

Но особенно интересно то, что для учебника 1989 г. все-таки было внесено еще одно маленькое изменение по сравнению с атласом 1986 г.: появилось в «легенде» новое обозначение - «Границы земель, зависимых от древнерусского государства». Ранее были просто подчеркнуты названия «племен, плативших дань Древнерусскому государству». В чем причина смены формулировок? Что произошло между 1986 и 1989 гг., что понадобилось на карте быстро «закрасить» Прибалтику в «наши цвета»? Ну, все мы догадываемся… Так что «историческая картография» – увлекательное поле для исследований…

Русское государство на карте так «мощно» выходит на Черное море, как никогда не выходило. Реальной границей Руси (и славян), позволяющей хоть какой-то государственный контроль, практически всегда была ***граница лесостепи и степи****, а вот находящийся южнее город Белгород (Днестровский) имел славянское (и не только) население. Но он не показан на этой карте, в отличие от Олешья (на Днепре), в существовании которого как постоянного поселения ученые весьма сомневаются. Уличи и тиверцы интенсивно посажены буквально на морской берег, чего за ними не замечалось. На Дону, таки да, было славянское население, потом все ушедшее от половцев к Переяславлю. Но это не означает, что славяне были в Тмутаракани, кроме русского (варяжского) князя с дружиной, нанимаемого временно местными купцами для своей защиты. Очевидно, что восточнороманские народы (будущие румыны-молдоване) просматриваются только в районе южной Румынии. Будущие прибалты и финны были обречены когда-нибудь таки подчиниться русским. Закарпатье тут входит в Киевскую Русь, чего никогда не было (был эпизод с Галицкой Русью, но ненадолго и в XIV в.). То есть, где возможно, на этой карте в Киевской Руси достигаются и преодолеваются границы СССР. Спасибо, что Суздаль и Владимир-на-Клязьме все-таки оказались между меря и мурома, но на место Москвы по возможности «натянуты» кривичи и вятичи. Хотя, может, уже и дошли… Остается также загадкой, почему Владимир-на-Клязьме на карте есть (основанный в 1108 г., в самом конце хронологии этой карты), а вот его прототип – Владимир, который на Волыни, тоже солидный город, и на сто лет старше (Владимир Святой основал), – нет. Видимо, «будущую столицу» Руси нужно было показать по возможности пораньше и без похожих более старых названий. И как же могли потом Москва и Петербург претендовать на все эти огромные земли, если столица из Киева не «переехала» во Владимир, а потом в Москву?*

различные, хотя и частично совпадающие по территории географические регионы. Характерной чертой этих регионов была их принадлежность одной определенной династии древнерусских князей, именно Юрию Долгорукому и его потомкам. Поэтому под "Северо-Восточной Русью" следует понимать ту конкретную сравнительно компактную территорию с центром в Волго-Окском междуречье, которой владели в определенные хронологические периоды Юрий Долгорукий или его потомство».

И еще, из более «свежего», из монографии: Западные окраины Российской империи. – М., 2007.

«О терминах.

В источниках X–XIII вв. Русью именовали территории Среднего Приднепровья, а позднее – православные земли, входившие в состав Речи Посполитой. Исторически этот термин охватывал территории современной Украины и Белоруссии, за исключением Буковины, Закарпатья, Крыма и причерноморского побережья междуречья Днестра и Дуная. В отношении этих земель Константинопольский патриархат в первой половине XIV в. впервые стал употреблять термин Micra Rosia ("Малая Русь") для обозначения земель киевского церковного престола вплоть до вхождения Киевской митрополии в состав Московского патриархата в 1686 г., в отличие от Megale Rosia ("Великая Русь") в отношении территорий, которые образовались после распада Киевской Руси, т. е. Галицко-Волынского княжества, Владимиро-Суздальских земель и Новгородского княжества. Из официальных документов терминология проникла в церковную письменность. "Руським воеводством" в составе Польской Короны называли только Галицко-Волынское княжество (с начала XV в.). Топоним "Украина" вошел в обиход лишь в конце XVII в. для обозначения земель Киевского и Брацлавского воеводств. Помимо терминов "русинские" и "руськие", для территорий современной Беларуси в период XIV–XVII вв. было также характерно употребление самоназвания "литвины", исторически обусловленного вхождением этих территорий

в состав Великого княжества Литовского. Дабы не запутаться в дебрях исторических топонимов и самоназваний, наиболее корректным по отношению к XIII–XVII вв. будет употребление терминов "Русь" и "русинский"».

Как видим, вне официальных учебников российской истории (да и советских учебников аналогично) далеко не все так просто и очевидно в вопросе, где же у нас Русь. Следует отдать должное авторам последней цитируемой книги за смелый переход на корректную терминологию, ведь слово «руський» или «русинский» вместо «русский» и столь четкая локализация Руси вне Московского государства может оказаться для российской читающей публики несколько неожиданными. Факты-то в основном давно известны, а вот с терминологией до сих пор проблемы. Надеюсь, что вненаучных санкций это за собой не повлечет.

Я замечу, что пятисотлетнее присвоение наследия Руси Московским государством/Россией не должно особо беспокоить украинцев, поскольку Киев действительно пока на месте. *Хочешь пользоваться своим наследием – пользуйся*. Это более существенно беспокоит моих сограждан в другом смысле – государственно-правовом: вот была Русь, а на ее государственное наследие и традицию претендует Россия, поскольку она «воссоединяла русские земли». В этом смысле Украина выглядит не совсем естественно, поскольку связка Русь-Россия для тех же русских в обыденном восприятии очевидна. А это означает, что Киев – часть России. Что, собственно, и легко усмотреть в некоторых российских учебных пособиях *(см. раздел про «Общую историю»)*.

По поводу проблемы дележа Руси со свойственной ему иронией высказался киевский историк Алексей Толочко:

«Киевская Русь умерла, не оставив завещания и не разобравшись с делами. Умерла, когда дела были в наихудшем состоянии, а имущество как раз описывали для конфискации. Добрые люди растянули то, что осталось, да и зажили себе, беспечально проматывая остатки когда-то значительных владений. Наследники появились позднее, с сомнительными бумагами и неясной степени родства с покойным. Как всегда бывает в подобных случаях, выяснение прав превратилось в долгую тяжбу между претендентами. Хватало взаимных обвинений в самозванстве, апелляций к крови, земле, особой любви к покойному. Пока продолжался процесс, имение

превратили в руины».

8. Об «Украйне»

Название «Украина» употребляется впервые в Ипатьевской летописи под **1187** г., когда говорится о преждевременной смерти переяславльского князя Владимира Глебовича: *«Плакашася по нем вси переяславци... О нем же Украйна много постона»*. Двумя годами позже князь Ростислав прибыл *«ко украйне* и *взя два городы Галичкыи»*. В 1213 г. вспоминается «Волынская Украина» и «вся Украйна». То есть понятие, подразумевающее «край», «окраину», применялось как к западным, так и восточным частям Южной Руси. Нужно учитывать, что «центр» и «окраины» были недалеки друг от друга: от Киева или Галича, или Переяслава до некоторых «окраин» было не более полусотни километров. С XIV–XV вв. понятие «Украина» из просто «окраины» трансформируется по смыслу в «край», «краину» [сов. укр. «страна»]. Уж больно велики были окраины. В XIV–XV вв. так называли Северщину и Переяславщину, в XVI в. – Нижнее Поднепровье, Подолье, Полесье, Холмщину, Закарпатье. Упоминаются такие земли, как "Украина Руськая" (вся Западная Украина). Нельзя утверждать, что все упоминания слова «Украина» касаются исключительно территории нынешней Украины, ведь окраин было много. Например, Новгород для Москвы был «немецкой украйной».

Впоследствии возникает стойкая ассоциация, связывающая "Украину" и казаков. С XVI в. Украина была местом основных Интересных Событий для населения Среднего Приднепровья. Казачество и Запорожская Сечь, обосновавшиеся на границе Дикого Поля, могло бы вызвать у нас ассоциации с тем самым, стоящим на границе половецких степей Переяславским княжеством, впервые упомянутое как «украйна». Всеобщее распространение термина «Украина» поэтому логично относится ко второй половине XVII в., когда вся Надднепрянщина становится казацкой Украиной. В фольклоре Украина обычно ведет себя крайне эмоционально, точно так же, как и в 1187 г.: стонет и плачет, по ком-то горюет. Малороссия стала отечеством официальным (она фигурировала в православном восприятии Киева, повлиявшем и на восприятие светских образованных людей), охватывая земли Левобережья. А Украина с XVII в. становится отечеством эмоциональным, не ограниченным узкими рамками Гетманщины*. Как во всем, связанном с эмоциями в восприятии

* К вопросу о том, что именно считалось Украиной в XVII в., мы еще вернемся ниже.

отчизны, сложно четко ограничить в географии «пределы» этого чувства. Можно любить одну шестую часть суши, можно любить село или область. Но в целом Украина стала региональным народным названием для Надднепрянщины, попав в официальные названия до XX века лишь однажды – в виде Слободско-Украинской губернии, просуществовавшей до 1835 г. и ставшей потом Харьковской.

9. Были ли украинцы «пассионариями» и случались ли в их истории циклы?

Добавлю тут несколько слов относительно «энергетических теорий этногенеза» (самая известная – Льва Гумилева) и теорий циклов. Они предполагают, что появление новых народов связано с какими-то «энергетическим толчками» и «микромутациями», вследствие которых появляется большее число «*пассионариев*» – людей, заряженных на реализацию каких-то сверхценных идей вопреки самосохранению. Возникают большие войны, «героические эпохи» и т. д. То, что иногда происходят какие-то *большие события*, а потом случаются долгие *спокойные времена*, наводит на мысли о том, что этот энергетический заряд исчерпывается, народ приходит в упадок, а дотоле величественный Рим гибнет. То же чередование во времени *больших событий* и *спокойных времен* является аргументом и в пользу теории исторических циклов, или, как это называют относительно украинцев (у Ярослава Дашкевича), – «*осцилляций*» (колебаний). Осцилляция – это такая синусоида «национальной активности»: при Руси – вверх, при Литве – вниз, при казаках – вверх, при России – вниз, в XX в. – вверх.

Скажу сразу, что с теориями исторических циклов я пока категорически не согласен, поскольку единственными доказательными циклами для общественной жизни пока являются лишь циклы экономической конъюнктуры Николая Кондратьева и электоральный цикл, если договорено, что выборы каждые N лет. Иные циклы, кроме природных, – от лукавого.

Каждому человеку отмерено прожить определенный достаточно короткий срок, и за это время он может проявить свою пассионарность, сдержанность или пассивность. Во всякое время хватает пассионариев, только формы для их самовыражения в разные времена возникают по-разному.

Кто-то идет на Сечь и в казаки, кто-то – в армию короля (царя), кто-то – в пожарные и космонавты, а кто-то – в вечные революционеры. Возникший кризис или война дает им возможность развернуться более заметно для историков и они (историки) говорят: «Опа, пошел цикл подъема!».

Изучение истории в общих чертах, как это, увы (но вряд ли возможно иначе), принято в школе или вузе, создает упрощенную картину – для изложения оставляют лишь «этапные моменты». На самом деле каждый год происходило огромное количество событий, очень важных для людей, живущих в том году. Им было все равно, какой тогда был цикл, эпоха, формация и прочее.

И вообще, как можно, оставаясь в переделах науки, верить в теории типа гумилевской, которая хоть и блестяще изложена, имеет одно существенное «но»: эти «пассионарные толчки» или «микромутации клеток», на которых все строится, пока не обнаружены представителями профильных естественных наук. Например, генетиками или геофизиками. Даже если сейчас не происходит «пассионарный энергетический толчок» (Гумилев так и не определился – это из недр земли или из космоса) и его нельзя зафиксировать с помощью приборов, то люди-пассионарии же, согласно этой же теории, есть всегда, и они должны отличаться на клеточном уровне, эти качества должны входить в их генетический код. Но пока – увы… Не обнаружено. А без доказательства пассионарности, запускающей процесс этногенеза, все последующие обобщения уважаемого историка остаются обычной интеллектуальной спекуляцией на темы циклов, чем до него занимались и древние греки, и иные интересующиеся. Нет ничего нового. И остаемся мы с банальным объяснением: да, Гитлер был пассионарием (это модное слово), но объяснить мы это можем также, как тысячи людей до нас: определенные социальные обстоятельства, политическая ситуация, некоторый талант, некоторые проблемы с головой… А результат – ого! Ничего нам нового не объяснено Львом Гумилевым. Вообще же этому популярному автору можно возразить (не углубляясь в «микромутации»): *все явления, которые он пытается объяснить некой «энергетикой», имеют более простые и понятные объяснения*.

История происходит каждый день, и только происходящие *сегодня* события и являются окончательной исторической реальностью живого нормального человека. Ему все равно, что сейчас – придуманный умными историками цикл «спада» или «подъема», ведь захочет человек – будет подъем, не захочет – будет спад. И вопрос лишь в банальном желании изменить течение жизни. Иногда наступают кризисы и случаются «революции», и каждое событие остается загадкой для науки: почему, какие факторы,

сколько в этом случайности, а сколько закономерности? Теории циклов, как и теории прогресса и исторических формаций, являются лишь попыткой придать хоть какой-то смысл хаосу социальной жизни в истории. *Для человека ключевыми в истории являются только те семьдесят или около того лет, в которые он живет*. И «смысл истории» – человек в данный конкретный момент, смотрящий в прошлое и ищущий в нем ответы на вопросы современности. Сменится эпоха – сменится смысл.

Кто попадал в действительно критические обстоятельства, понимает (обычно post factum), что теоретически повернуть ход событий можно в разные стороны… Хорошо сидеть в кабинетах и сочинять "циклы", "схемы" и т. п. – а вот выйти и *изменить историю*?

Кстати, некоторым это действительно удавалось.

10 . Русь и ее народность

Государство Русь было коллективной собственностью рода Рюриковичей, «семейным бизнесом»; его стабильность зависела преимущественно от состояния внутрисемейных отношений. К сожалению (для подданных государства), у Рюриковичей не существовало обычая строгого наследования верховной власти старшим сыном. Поэтому приходилось все время делить на всех сыновей, а им – спорить из-за старшинства. С учетом высокой плодовитости князей приходилось делить на все большее и большее число пайщиков. Поэтому понятие «феодальная раздробленность» к Руси имеет весьма отдаленное отношение. Ведь тогда можно заметить, что (за исключением сильных боярской аристократией Галича и Новгорода) всюду мера раздробленности была прямо пропорциональна росту поголовья Рюриковичей. Такие же проблемы стояли все время перед франкскими королями из династий Меровингов и Каролингов*. В западной Европе это называют «долевым королевством». Но на Руси, в отличие от Франции, не сформировалась феодальная система в ее классическом варианте. То, насколько «древнерусский феодализм» непохож на «настоящий», ставит под сомнение

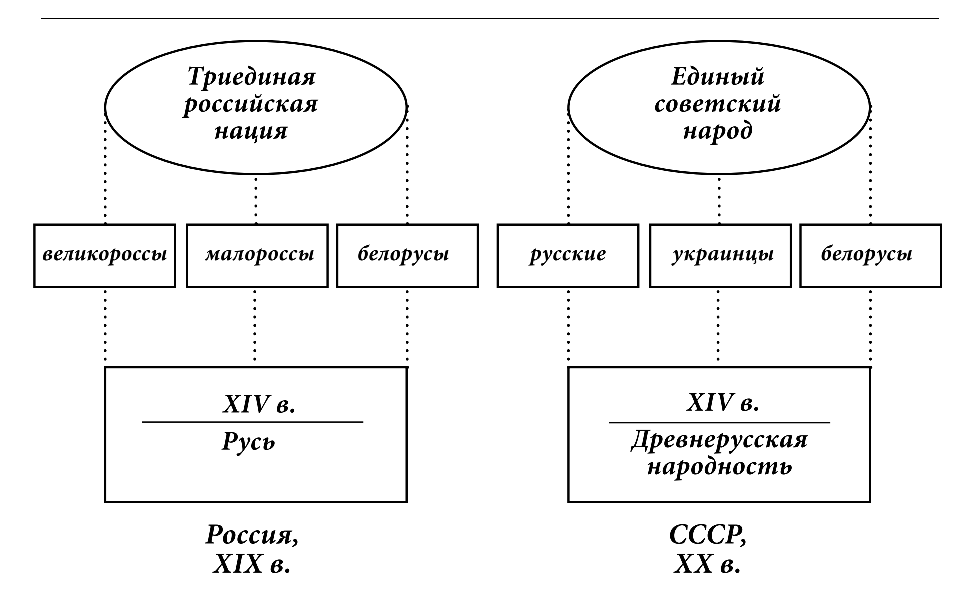
* Каждый член рода имел право на долю в наследстве, поэтому королевство все время дробилось, а консолидация зависела от того, удастся ли кому-то из братьев-дядей-племянников убедить других родственников в своем подавляющем превосходстве. Для этого приходилось родственников или истреблять, или «делать им предложения, от которых они не могли отказаться».

необходимость вообще употреблять этот термин относительно наших тогдашних реалий. Но это уже вопрос не ко мне.

Повторюсь: на Руси князья или вырезали кровнородственных конкурентов, или достигали временного консенсуса – «триумвирата Ярославичей» или чего-то подобного. Члены рода мигрировали в зависимости от ситуации по городам и весям. Иногда случалось, что части Семьи «пускали корни» на определенных землях, что укрепляло эти территориальные образования. У них получалось с обзаведением «отчиной». Святославичи в Чернигове, «Рогволожи внуки» в Полоцке, Ростиславичи в Перемышле и Прикарпатье, младшие Мономаховичи в Ростове–Суздале–Владимире.

Но не было стабильной династии в Киеве. Киев был полем для военной игры в «высшей лиге» старших князей, которые опирались на свои ресурсы в регионах. Но сразу заметим, что Русь *не имела официальной столицы в узком значении этого слова*. Это отнюдь не является чем-то уникальным для тех времен, когда у государей были в основном различные резиденции. К Парижу как к столице древние французы привыкли лишь к концу XII – в XIII в., когда там начали «застревать» разные органы администрации – те, которые раньше мигрировали вместе с королем по стране. Киев, как «мать городов русских», имел статус некоего исторического *старейшинства*. Оно и переносилось на князя, который сидел в Киеве, даже если он совсем не старейший по возрасту. Эта система действовала до последней трети XII в. После, чтобы считаться самым главным, уже было необязательно находиться непосредственно в Киеве. Но это отнюдь не значит, что кто-то мог «перенести столицу» куда либо. Скорее начали возникать новые столицы, отвечающие реалиям фактического распада единого политического пространства. Киевское государство, начиная с XI века (и уж точно с 1132 г.), стало лишь конгломератом меньших более крепких территориальных образований – тоже по сути государств, которые имели свою власть и администрацию, армию, внешние сношения и союзы. Пребывание в Киеве тешило самолюбие князя, но не давало ему гарантированных шансов на продолжение своей «великокняжеской» династии в стольном граде Владимира и Ярослава. Конкуренты выгоняли его в среднем через пару-тройку лет, а за это время он терял свои более надежные владения в регионах. Как переносили эту чехарду, сопровождаемую часто разграблением города, тогдашние киевляне, не берусь судить, но сочувствую землякам. В любом случае Киев был *безусловной религиозной столицей*, священным центром, и оставался таковым до монголов, несмотря на многочисленные попытки создать альтернативные престолы.

Исходя из вышесказанного, нельзя утверждать, что кто-то из последующих князей мог или желал *«перенести столицу»*. «Старейшинство»

Найдите отличия

Тут мы схематически изобразили то, как официально видели историческое развитие восточных славян в Российской империи («тюрьме народов») и в СССР («решившем национальный вопрос»). Не думаю, что довольно бурное развитие этнографии, языкознания, антропологии и научных теорий национализма за сто лет внесли что-то новое в эту удобную картинку. Такой взгляд «для массового употребления» всегда пригодится – и в 1910, и в 2010, и в 2110, если официальная Россия склонна расширять свои границы за счет соседей. А если еще и соседей приучить к этой картинке, то вопрос вообще упростится. Смотрите российские телеканалы, самые правдивые в мире!

нельзя перенести на «молодое» место. Наиболее увлеченные своими региональными интересами князья могли просто оставить в Киеве после себя «выжженную землю» (как намек конкурентам не лезть в их дела) и марионетку, представляющую их интересы, но они не могли утвердить «центр государства» в каком-либо ином месте – там они могли создать уже свои, новые «столицы». Киевская Русь все более превращалась в конфедерацию разбросанных по огромному пространству волостей с князьями. Их эфемерное единство было лишь сомнительной солидарностью чрезмерно разросшейся за 200 лет семьи, ведь князья вели обычную жизнь космополитической аристократии, роднясь и вмешиваясь в другие семейные дела и конфликты (половцев, поляков, венгров, скандинавов, вплоть до связей с Германией, Австрией и Англией).

Смутные образы

На картинке мы видим расплывчатые образы великокняжеской киевской семьи на фресках Софии Киевской (XI в.), которая разъехалась по Руси и зачала все дальнейшие провинциальные династии – от Владимира (на Волыни), Галича и Чернигова до Ростова, Суздаля и Владимира-на-Клязьме. Что пишут о Руси современные российские историки? Кроме параноидальных явлений, отраженных в творчестве директора Института российской истории РАН академика Сахарова, бывают (что приятно) и вполне вменяемое изложение. Вот, например, ***«Очерки истории России»****, изданные в Украине по договоренности украинской и российской Академий*

*наук в 2007 г. (Нариси історії Росії / за ред. А. О. Чубарьяна. – К., 2007.) Правда, почему-то это – продукт Института **всеобщей** истории РАН... С учетом состояния души «профильного» института, приятно знать, что бывает и лучшее. Процитируем.*

«Очевидно, однако, что житель Киева, а тем более Новгорода, не говоря уже о других городах и селах Восточной Европы X – начала XII в., был бы страшно удивлен, если бы внезапно узнал, что он – подданный Древнерусского государства.

Во-первых, он вряд ли представлял себе, что такое «государство». Само это слово появилось в источниках только в XV в. […] Русское слово «государь» стало употребляться в современном значении только при Иване Грозном.

Во-вторых, даже если бы ему пояснили значение этого слова, он все равно не знал бы, что означает название государства, в котором он живет. Словосочетания «Древнерусское государство» и «Киевская Русь» ему ни о чем не говорили.

Представления тогдашнего человека о месте го проживания определялись тем, в какой «земле» он пребывал. Прежде всего, человек мыслил себя в масштабах одного города. Характерна в этом смысле титулатура князя по названию или стольного града, или центра земли, которой он управлял.

Патриотические чувства древнерусского человека были обусловлены его принадлежностью к тому, что сегодня называют «малой родиной». Вместе с тем каждый житель Древней Руси, как справедливо заметил Борис Флоря, знал, что он живет в Русской земле. Другой вопрос, была ли она для него государством. К тому же само понятие «Русская земля» неоднозначно. (с. 103). Мы помним, что пространство «Русской земли» имеет очень разные размеры – в «узком смысле» и в «широком», в политическом, в конфессиональном и т. д.

«Сегодня уже вполне понятно, что в этническом плане население Древней Руси нельзя представить как «единую древнерусскую народность». Оно довольно четко делилось на несколько этнических групп – с различной внешностью, языком, материальной и духовной культурой. Вопреки всей воображаемой близости, они отличались системами метрологии [мер и весов] и словообразования, диалектными особенностями языка и любимыми видами украшений, традициями и обрядами. Не менее сложно на формально-логическом уровне пояснить, как события, которые происходили в IX–XVII вв. в Киеве и Чернигове, Владимире Волынском и Переяславле Южном, Минске и Берестове, могли касаться истории России, которая разворачивалась преимущественно на периферии и далеко за пределами той Руси (аж до Дикого Поля, Заполярья, Урала, Сибири и Дальнего Востока).

*Однако российские историки с нерушимой уверенностью начинают отсчет времени существования **нашего** государства именно от **этого** мгновения и от **этих** территорий. При этом чаще всего основываются на убеждении, что и та земля, и наша – в принципе – Русская земля. (с. 105)*

Для нас же, украинской публики, достаточно наличия некоторых «сомнений» в оценках людей, которые изучают Древнюю Русь гораздо дольше и профессиональнее, чем автор данной научно-популярной книжки, – может, они все-таки не зря во всем сомневаются?

Мы знаем из школьных учебников, что упомянутая раздробленность угнетала все прогрессивные умы того времени, и вопрос заключался лишь в том, когда же кто-нибудь «прозреет» и возьмется за восстановление единства. Но этому процессу воспрепятствовали татаро-монголы. Потом миссию «собирания русских земель» взяло на себя дотоле никому неведомое Московское княжество. Была Русь Киевская, стала Русь Московская. Но о «липовых» Русях мы уже поминали… Вопрос в следующем: а какого лешего она должна была непременно стать «единой», если она таковой практически никогда не являлась? Для нее естественным состоянием был конгломерат князей, земель и волостей. Тогда надо писать о том, что Московское государство с таким же основанием «собирало» и земли распавшейся Золотой Орды, как наследник и борец за единство – и ведь собрало. И уделять этому в учебниках столько же места, как и «собиранию» Руси, поскольку было собрано существенно больше.

В нашем обыденном понятии Русь представляет собой некое единство не только Рюриковичей, но и народа. Мы слышали о *«древнерусской народности»*, которая является «колыбелью трех братских народов – русских, украинцев, белорусов». Но мне (и не только мне) очень сложно представить, как население полиэтнической империи, – объединяющей вперемешку племена славян, тюрков, балтов и финноугров, будучи неграмотным, не говоря на общем языке, имея отдельные племенные, городские (а скорее – просто местные, волостные) самосознания, традиции и религиозные представления, ориентируясь на местную власть, а не на какой-то абстрактный и далекий Киев, – *могло ощутить свою целостность не на уровне элиты, хоть как-то способной это единство вообще ощутить, а на уровне народа.* Как можно стать древнерусской народностью, если живешь так, как твои предки за тысячу лет до тебя, и с опозданием на год-два узнаешь, что в ближайшем городище сменился князь/наместник, который 100 лет назад был варягом или хазаром, а сейчас русин. Разве что раз в год появятся власти – зайдут дань собрать – и все…

Что могло породнить балтийско-североморского новгородца с жителем карпатских горных долин? Словене новгородские считаются пришедшими из ареала западных славян, т. е. они весьма отдаленные родственники каким-нибудь околокиевским полянам. У них даже не было общего телеканала и любимого сериала. И программы новостей, где бы им рассказывали, «что происходит в столице, а что – в регионах». Как великий князь киевский принимал отчет «младших князей» о социально-экономическом развитии разных частей государства и журил их за бездеятельность в деле объединения Руси?

Посему, короче: если и была «древнерусская народность», то в нее входили лишь представители княжеской, боярской, дружинной и торговой элиты, а не «народность», в которую запихивают широкие народные массы. Народ – отдельно, а элита – отдельно.

Это – абсолютная норма, т. е. банальное правило для *досовременного общества*. Даже если мы говорим о «*современной* французской нации» (а не какой-то средневековой «народности»), то сначала она – это монархи, аристократы, дворяне и частично священнослужители (с учетом того, что католическая Церковь – наднациональное образование), с конца XVIII в. (Революция!) – буржуазия, и лишь с рубежа XIX–XX вв. добавилось к ней крестьянство (результат всеобщего обязательного образования и службы в армии). И это последние 200 лет одного из самых развитых европейских государств! Ну куда тут совать Русь с ее «единой народностью»? Она была такой, какой была, – со всеми присущими ей чертами общества той эпохи и того месторасположения. Не хочу ее унизить, но и не хочу «придумать» Русь такой, какой она быть просто не могла.

Кто-то думает, что древние русичи осознавали себя единым русским народом, но все, что мы о них знаем, – это летописи и документы, написанные на церковнославянском книжном (в основе – староболгарском) языке представителями этой самой элиты в рукописях времен существенно более поздних. Эта «документация» обслуживала идеологические претензии определенных князей на более высокий статус (то есть, имеем древнерусские PR-технологии) или функционировала в рамках общерусской православной церкви, жившей интересами церкви православной вообще и интересами Константинополя в частности. Мы почти не имеем свидетельств о том, на каком языке обычные люди *говорили*. (И странно, никто в берестяных грамотах не написал: «Аз есмь представитель древнерусской народности».)

Древнерусская народность – это выражение, по своей логике идентичное понятию «кавказской национальности». Нет такой национальности: есть Кавказ и множество его народов. Точно также есть огромная Русь – и множество ее составляющих.

И говорили эти люди Руси на *разных диалектах*, которые сейчас относятся к *разным языкам*. Поскольку диалекты (живые локальные языки) – существа очень живучие, то они и сейчас регионально весьма близки группам древнерусского населения (кроме индустриальных регионов и областей целенаправленной ассимиляции). Например, кривичи четко прослеживаются на языковой карте и через тысячу лет от Полоцка через Смоленск и дальше на северо-восток.

РАЗДРОБЛЕНАСЦЬ НА БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ
Цэнтры княстваў да іх распаду на ўдзелы
Цэнтры ўдзельных княстваў
1223 Гады першага ўпамінання населеных пунктаў у летапісе
Маштаб 1:4 000 000
НАЎГАРОДСКАЯ ЗЯМЛЯ
Браслаў
Зах. Дзвіна
ПОЛАЦК
Віцебск
СМАЛЕНСКАЕ
СМАЛЕНСК
КНЯСТВА
ПОЛАЦКАЕ КНЯСТВА
АЎКШТАЙТЫ
Нямунас
ЯЦВЯГІ
Вілія
Лукомль
Орша
Друцк
Лагойск
Барысаў
1102
Копысь
Мсціслаў
1150
Заслаўе
Мінск
Магілёў
1267
1136
Крычаў
Дняпро
Гродна
1127/28
Нёман
1252
Навагрудак
1136
Слаўгарад
1252
Ваўкавыск
1252
Слонім
Капыль
1274
Клецк
1127/28
Слуцк
1116
Пціч
1142
Рагачоў
Бярэзіна
Сож
Чачэрск
1159
ЧАРНІГАЎСКАЕ
Камянец
1276
ТУРАЎСКАЕ КНЯСТВА
1213
Рэчыца
Гомель
1142
Брэст
Кобрын
1287
Пінск
ТУРАЎ
КНЯСТВА
Зах. Буг
Прыпяць
Давыд-Гарадок
1100
1155
Мазыр
Брагін
1147
Прыпяць
Дняпро
ЧАРНІГАЎ
Дзясна
ГАЛІЦКА-ВАЛЫНСКАЕ КНЯСТВА
КІЕЎСКАЕ КНЯСТВА
ПЕРАЯСЛАЎСКАЕ КНЯСТВА

Белорусский фронт

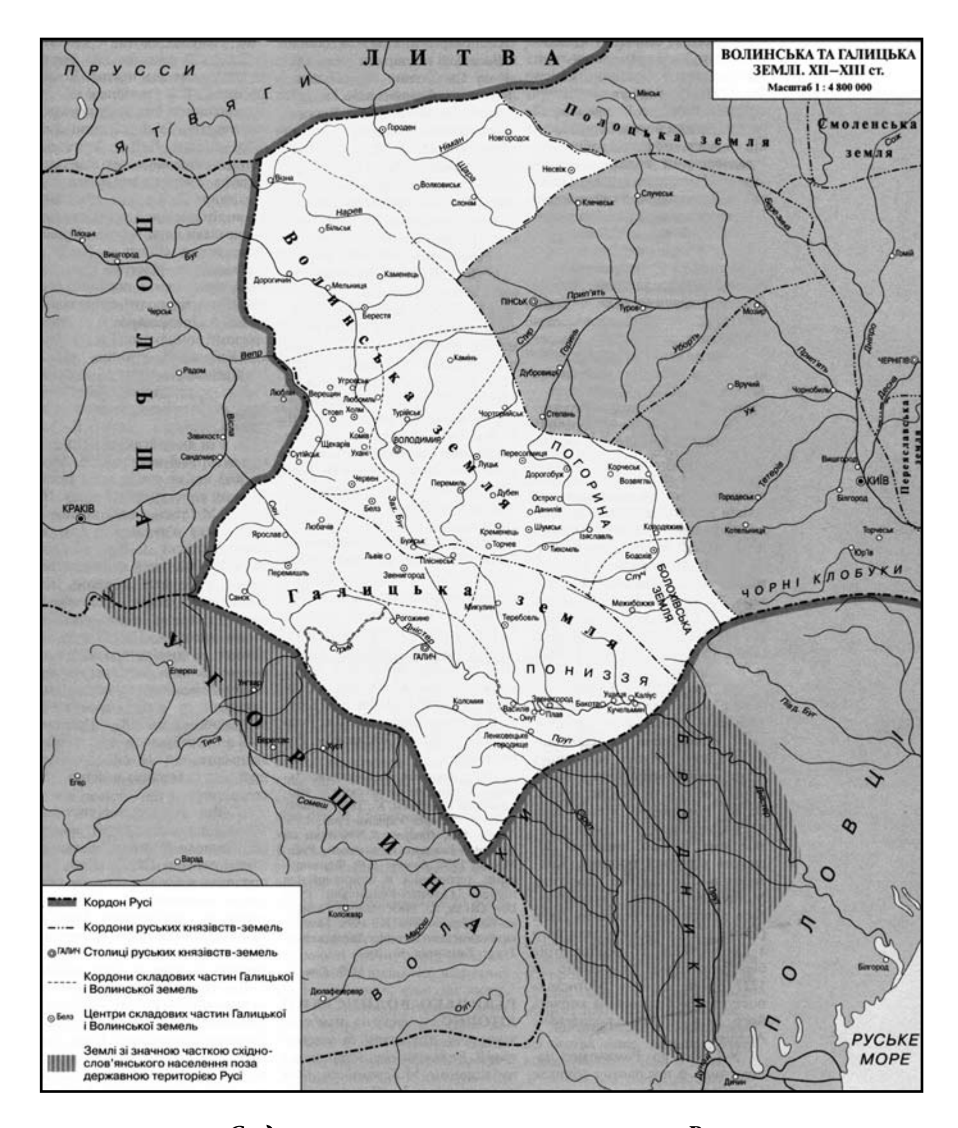
Пока заочно выясняют отношения российские и украинские историки, уместно спросить: а как дела в Белоруссии? В колыбели трех братских народов, как известно, был еще кто-то третий – хотя о его существовании «два старших брата» при дележе наследства обычно склонны забывать. Или его уже «выплеснули» из колыбели? Картографически нам отобразит ситуацию ***«Атлас истории Беларуси в средние века. 6 класс»*** *(Минск, 2005). Оценку событий мы осветим по* ***«Очеркам истории Беларуси»*** *для студентов высших учебных заведений авторства П. Г. Чигринова (Минск, 2007). И первое, и второе издания были просто приобретены в Белоруссии, и я не знаю, насколько они отражают официальную или неофициальную «историческую политику». Тем не менее, нельзя игнорировать голос третьего соучастника единой колыбели.* ***Но оказывается, что этот участник даже не успел в данную колыбель и прилечь.*** *Далее выделение, как обычно, мое. – К. Г.*

«В общем же во второй половине XII – начале XIII в. на территории Беларуси складывалась группа земель-княжеств (Полоцкое, Минское, Туровское, Пинское, Новогрудское, Гродненское, Брестское), которая явилась основой выделения ***белорусской народности, формирования белорусского языка и общебелорусской государственности.***

Таким образом, ***Полоцкое княжество является первым из известных нам государственных образований белорусов.*** *Оно возникло в конце первого тысячелетия н. э., еще* ***до образования Киевской Руси*** *как сильного централизованного государства. Полоцкое княжество в результате военно-политических усилий сохраняло независимость на протяжении ряда веков и даже тогда, когда непродолжительное время входило в состав Киевской Руси» (с. 33) То есть, белорусы так и не успели толком полежать в нашей общей колыбели. И далее: «Каждому из этих княжеств, как и в целом всей белорусской земле, угрожала опасность извне. С севера все более зловеще нависала угроза со стороны ордена меченосцев. С запада им угрожали князья польские. Определенная опасность (прежде всего для белорусских земель) исходила и от владимиро-суздальских земель с востока, черниговских – с юго-востока, галицко-волынских – с юго-запада. Сопротивляясь этим* ***экспансионистским устремлениям****, белорусские земли-княжества проводили гибкую внешнюю политику, вступая в соглашения и союзы, зачастую и с языческими Литвой и Ятвягией». (с. 45).*

Конечно, в данном случае мы видим попытку создать «группу княжеств», «подтянутую» к современным границам Белоруссии. Брест, например, тяготел обычно к Волыни, а не к Полоцку. А Смоленск, на всех российских этнографических картах до 1917 г. относящийся к белорусам, тут почему-то не упоминается... Однако просто отметим тенденцию выпасть из «колыбели».

Упомянутые выше ***«Очерки истории России»*** *российских авторов не особо с этим и спорят: «Так, земля Полоцкая после смерти Изяслава Владимировича [в 1001 г.] фактически* ***вышла из состава Древнерусского государства, превратившись в суверенное княжество****. Интересно, что эту территориальную потерю вполне лояльно восприняли и киевский князь и его потомки» (с. 94). И что теперь делать с государством, которое «объединяло восточнославянские земли»?* ***Т. е. Полоцкая земля побывала в составе «колыбели» всего лишь 20 лет, в 980–1001 гг. И все! И когда же мы успели произвести на свет «древнерусскую народность»?*** *Все: белорусы уже не участвуют…*

Сюда тоже могли «перенести столицу» Руси

Галицкая и Волынская земли в XII–XIII вв. Источник: «Енциклопедія історії України» (т. 2, К., 2004).

Заметьте, – наступили времена то ли политкорректности, то ли большей «исторической правды». Если советский учебник просто нахально приписывал определенные земли Киевской Руси, то украинская энциклопедия вместо того, чтобы воспользоваться этим «подарком», называет эти территории ***«землями со значительной частью славянского населения вне государственной территории Руси»*** *(вертикальная штриховка).*

Сторонники теории «древнерусской народности» настаивают на значительных миграциях населения «внутри» народности, общности материальной и духовной культуры, языка. Миграции были, но эту самую диалектную карту они не меняли, поскольку мигрировавшие растворялись в той среде, в какую пришли. Иначе южнорусские названия вокруг Москвы (Владимир, Галич, Звенигород, Дорогобуж) давали бы нам сейчас *украинский язык посреди России* – а ведь этого нет. Население может смешиваться на таких огромных территориях и иметь общую культуру только в современном обществе, но не в средневековье.

А, кстати, сразу уточню: популярное в художественной литературе и исторической публицистике слово «русич» *не встречается в документах той эпохи*, кроме «Слова о полку Игоревом» (неизвестный автор мог его «изобрести» из поэтических соображений). Так что «русич» – это неологизм (новое слово), не имеющий при том женского рода, – не могли же древние русские быть исключительно мужчинами?

Если была древнерусская народность, то почему Нестор, писавший в начале XII в. после более чем 200 лет власти Рюриковичей над Средним Поднепровьем, сообщает, что поляне – «мужи мудри и смыслени», а вот древляне – вообще народ дикий и ведет себя неприлично. Стоит заметить, что древлянская земля начиналась километров за 50 к западу от Киева, в котором писал Нестор, и если, по мнению летописца, с полянами и древлянами за 200 лет никакой «интеграции» не случилось, то почему это должно было успеть произойти со всем огромным разноплеменным древнерусским пространством? Ведь уже через 130 лет после Нестора пришли монголы и прервали «естественный процесс развития древнерусских земель».

Итак, с общей древнерусской идентичностью, выходящей за пределы элиты, есть большие проблемы. То есть мы о ней почти ничего не знаем, а точнее – *никто не может доказать, что она была.* В похожих по структуре франкском государстве и империи Карла Великого почему-то тоже не образовалось «древнефранкской народности», и в середине IX в. сформировались государственные отдаленные прототипы будущих Франции и Германии – западно- и восточнофранкские королевства с промежутком в виде Лотарингии и Италии. Согласно этой логике немцам нужно было бы во время двух мировых войн просто объяснить французам, голландцам, бельгийцам, итальянцам и швейцарцам, что немцы-де «собирают» древнефранкские земли, которые должны «воссоединиться» (порой и объясняли…). Но эту аргументацию на Нюрнбергском процессе никто не оценил по достоинству.

11. О полумифических «восточных славянах»

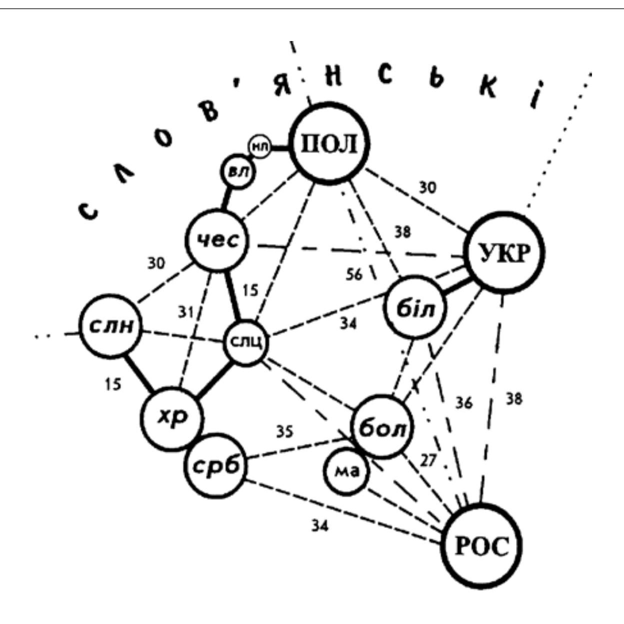
Одним из аргументов любителей древнерусской народности является утверждение о том, что Русь объединила «восточных славян», которые, очевидно, определяются по лингвистическим критериям, – поэтому-то славяне и должны были тяготеть жить вместе и ощущать свое единство. Но *само понятие «восточные славяне» – результат не лингвистических и не исторических исследований, а определенного политического заказа для нужд российского и советского государств, пытавшихся объяснить невозможность отдельной жизни украинцев, русских и белорусов.*

Если уж идти на принцип, то куда в таком случае девать из древнерусской народности ильменских словен – новгородцев и псковичей, – которые по языку были ближе к польским говорам, т. е. к полякам, и тогда их нужно было бы отнести к «западным славянам». И определили это не украинские националисты, а русские лингвисты. Правда, в российских учебниках истории об этом почему-то не пишут – неудобно как-то... Потом уже, после захвата Новгорода и Пскова Московским государством, в результате репрессий и депортаций XV–XVI вв., этот край «обрусел».

Кроме того, если была «восточнославянская народность», то почему тогда не образовалась «западнославянская народность», ведь степень взаимной близости западных славян была такая же, как и восточных. То же можно спросить и о южных.

А теперь – о том, как можно делить славян. Я особо углубляться не буду (поскольку не лингвист), но некоторые принципиальные моменты укажу, опираясь на консультации языковедов.

Делить языки на группы в пределах языковых семей можно, используя разные критерии – фонетические, морфологические, грамматические, лексические. К примеру, то мнение, что русский язык относится к восточнославянским, опирается на его грамматическую близость к украинскому и белорусскому, но лексически (по словарю) русский ближе к болгарскому (южнославянскому). В этом – наследие использования в делопроизводстве православной (церковнославянской) лексики. Украинский от белорусского отличает практически лишь фонетика (произношение). Есть поэтому и спорные области в Полесье и на Брестчине

В славянской семье

Расстояния между лексиконами славянских языков (несовпадения словарей в процентах, дается по А. Шайкевичу, М. Эченике) показывают, насколько искусственно порой разделение на восточных, западных и южных славян. Обращает на себя внимание, например, объем заимствований (или степень близости) в русский язык из «южнославянских». Напомню, что лексический критерий – лишь один из нескольких.

Пояснения: укр – украинский, рос - русский, пол – польский, біл – белорусский, болг – болгарский, ма – македонский, срб – сербский, хр – хорватский, слн – словенский, слц – словацкий, чес – чешский, вл – верхнелужицкий, нл – нижнелужицкий.

(Берестейщине). Если брать в качестве критерия использование фрикативного (взрывного) «г», то русский делится на северорусский, где «г» – звонкое, и на южнорусский – где «г» взрывное (как у украинцев). Все эти признаки разделяют славян на множество разных групп, поскольку чего-то «эксклюзивного» в каждом славянском языке, такого, что бы не объединяло его с другим славянским, – крайне мало. Например, украинский язык выделяется среди славянских наличием простого будущего времени (как в латыни – «ходитимемо», «робитимете», «читатиме»).

Если брать древнерусский книжный язык, освящающий своим единством древнерусскую народность, то в нем мало общего

с украинским (хотя писалось на этом языке много среди живых украинских диалектов) и много общего с русским, хотя носители этого книжного языка оказались на территории современной центральной России гораздо позже, чем в Киеве.

Если же судить обо всем комплексно, то сейчас более адекватным и научно корректным представляется разделение на *центральнославянскую группу языков и периферийные*. К центральным относятся: украинский, белорусский, чешский, словацкий, верхнелужицкий, малопольские (южнопольские) говоры, а к периферийным: велико(северо)польские говоры и русский. У центральной группы – максимальное совпадение многих критериев и общих исторических факторов. Причем, не следует в этом видеть какое-либо предубеждение автора относительно того, кто «главный», а кто «периферия» – речь идет о совершенно других нюансах. Центральные языки – менее архаичные, они больше изменялись за историческое время, а вот «периферия» – она древняя, то есть русское и великопольское произношение получаются старше украинского.

Основным историко-лингвистическим критерием для центральной группы является иранское степное влияние – от взрывного «г» до множества лексических заимствований. Если не принимать во внимание разницы в произношении, то носители языков этой группы понимают друг друга без перевода, поскольку их словари максимально близки. Когда дружинники Ярослава Мудрого «задирали» дружинников польского князя Болеслава (окончательно присоединившего, кстати, Краков и носителей малопольских говоров к Польскому государству), интересуясь, не влияет ли лишний вес Болеслава на его способность влезть на коня, то они делали это без переводчика. Читать и понимать по-польски для украинца, нормально знающего украинский язык, – не проблема. Это сейчас, когда часть украинцев знает русский как родной, кому-то может казаться, что украинский и русский необычайно близки, – но так кажется лишь потому, что они только эти два языка и знают. Если бы знали (как это было в XVI–XVII вв.) польский в тех же объемах – выбор был бы не в пользу русского. Вспомним еще, что в XVII в. в Москве для переговоров с малороссами и литвинами (белорусами) держали толмачей (переводчиков) – странно, правда? Сейчас не держат из экономии – поскольку все украинцы могут говорить по-русски. А вот в XVII в. не могли…

12. Край Залесский

Несомненно и очевидно, что роднят Древнюю Русь и будущее Московское государство *династические связи*. Осевшие на северо-востоке, или, как тогда говорили, *«в Залесье»* (за Брянскими лесами, отделявшими северо-восток государства от Киева), младшие Мономаховичи (от Юрия Долгорукого) были по всем параметрам Рюриковичи и могли вполне на что-то претендовать в общесемейных выяснениях отношений на остатках бывшей империи. Но лишь до 1598 года, когда их род прервался. Романовы сами по себе к древнерусскому наследию имели очень сомнительное отношение. *У многих из литовско-русской аристократии было среди Рюриковичей гораздо больше корней, чем у Романовых, поскольку роднились не только с младшими Мономаховичами, но и со старшими.*

Еще один вопрос: имело ли само *государственное образование*, сформированное на основе некоторых северо-восточных княжеств с центром сначала во Владимире-на-Клязьме, а через некоторое время – в Москве (и вообще на территории современной Центральной России), право претендовать на все древнерусское наследие? Как мы уже упомянули, в самой Древней Северной Руси эти территории Русью не считались. Например, в 1213 г. летописец говорил об одном из князей, отправившемся в командировку в Киев: «Он же иде из Москвы в Русь». Вообще северорусские летописи считают Русью юг этого большого государства, а не свою «малую» родину.

Но мы можем, наверное, поговорить об *этно*государственном наследии – сохранившемся в лихолетья монгольского ига *восточнославянском* государственном образовании. (Можно лишь подозревать, что Русь после культурной ассимиляции варягов стала неким восточнославянским государством*, хотя была, по сути, такой же пестрой средневековой

* Разговоры об «этнической принадлежности» раннесредневековой и средневековой государственности – дань автора дурным условностям этого «спора о наследстве». Русь была политическим образованием, полиэтничным по своему составу, порождением властной элиты, а не народным, этническим или «национальным». До Нового времени правящая элита по всей Европе считала себя отдельной космополитической нацией, отличающейся от подданных по происхождению (иначе – почему это они правят?). Рюриковичи невозможны без «призвания варягов», для них это основание законности их власти в земле, где царил беспорядок. Совпадения династических и государственных интересов были достаточно случайны. Вряд ли интересы Испании и Австрии совпадали потому, что и там, и там правили Габсбурги.

империей, как Германская или наследие внука Карла Великого Лотаря, включавшее Лотарингию и Италию). Но для Центральной России и земель вблизи Москвы существует *проблема их славянскости*, поскольку мы не знаем в Волго-Окском междуречье летописных славянских племен; поблизости были кривичи (они еще долго не могли потом определиться между своими московскими и литовскими симпатиями, о чем уже упоминалось) и вятичи в верховьях Оки. Основным же населением в тех краях были финно-угорские племена (летописные *меря* – предки мордвы), а древние городские центры, такие как Ростов и Суздаль, изначально были не славянскими, а финно-угорскими. Конечно, младшие Мономаховичи, с некоторой обидой получившие в наследство эти далекие и бедные края, построили там свои форпосты, названные по городам-аналогам с южной родины (но с приставкой «Залесский»), привели с собой какое-то количество челяди и дружины, способствовали миграции туда населения из центра государства (вспомним южнорусские названия вокруг Москвы) – но это, собственно, и все. Строили города, а во Владимире – аналог киевских Золотых ворот, – это был важный статусный момент в самоопределении от Киева. Но со славянами все равно были проблемы. Как пишется в «Словаре Брокгауза и Эфрона»,

> *«В начале российской истории, в X столетии, мы видим, что еще вся область позднейшей Ростово-Суздальской земли, колыбели великорусского государства, была заселена финскими племенами». Развивает эту мысль «Советская историческая энциклопедия»: «Колонизация этого края, которая началась в конце X века, привела к обрусению мери и формированию тут впоследствии великорусской народности».*

Замечу: я не вижу ничего обидного в наличии финно-угорских предков у будущих москвичей. Правда, надо признать, лучше всего живут сейчас те западные финские народы, которые сумели избежать ассимиляции славянами (а именно – финны и эстонцы). Финно-угорскими являются такие названия, как Суздаль, Москва, Рязань, Кострома, Пенза, Вычегда, Вятка, Вологда, Онега, Кама, Холмогоры, Тамбов и многие другие. Повторимся: полно и славянских названий, дублирующих названия южнорусских городов – от Владимира до Переяславля, но это – *города*, а не деревни, реки, озера и проч. составляющие каркас местности и территории. Не буду перечислять сотни

названий рек и озер – это еще в 1871 г. сделал граф Уваров, исследуя наследие мерянских племен. Кроме того, в Волго-Окском междуречье были неизвестны и многие общеслаславянские языческие праздники и обычаи. Видимо, у местных были иные традиции.

Известный русский историк-государственник XIX в. Константин Кавелин писал об этом так:

> *«Обрусение финнов составляет интимную, внутреннюю историю российского народа, которая до сих пор остается как-то в тени, почти забыта; однако, именно в ней и лежит ключ ко всему ходу российской истории».*

Кавелина к русофобам явно не отнесешь. Славян-земледельцев юга, столетиями живущих на украинских почвах и в украинском климате, вряд ли что-то могло заставить массово энергично мигрировать на север – в холод, болота и бедные земли (сейчас, смотря российские сериалы, с удивлением видишь жизнь дачников на *рыжей* земле, мы же, надднепрянцы, знаем, что земля – в основном *черная*). Поэтому поминаемые часто версии о массовом бегстве населения из Среднего Поднепровья на север от половцев или от татар – необоснованны. Что мешало уйти от набегов крымских татар украинцам в XVI в.? Ведь эти набеги случались не реже, чем половецкие. Или жителям Северо-Восточной Руси от татарского трехсотлетнего ига – дальше на север, в Сибирь, в тундру? Проще приспособиться к обстоятельствам, чем срываться на неизвестные места.

Мнение российского советского историка, уже цитированного В. А. Кучкина (1984):

> *«Земли Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья, с течением времени ставшие географическим ядром русской государственности, а также центром формирования русской народности, были заселены славянами в сравнительно позднее время. Работы археологов выявили три основных направления славянской колонизации этой территории: с северо-запада по рекам Мсте, Мологе, Волге и далее по правым притокам Волги и левым притокам Клязьмы шла колонизационная волна новгородских словен, ославянившейся веси и, возможно, чуди; с запада, с верховьев рек Днепра и Волги, сюда двигались*

> *смоленские кривичи; со стороны юго-запада и юга по Оке и далее вверх по ее левым притокам расселялись вятичи. Начало проникновения словен в междуречье рек Волги и Оки приходится на рубеж IX и X вв. Примерно в то же время началась и кривичская колонизация этого региона. Вятичи появились здесь несколько позднее – в конце X–начале XI вв.».*

Как замечает современный гимназический учебник по истории Эстонии, «*северные русские являются нашими [эстонцев] братьями по крови, забывшими о своих корнях, поскольку они являются потомками исчезнувших финно-угорских племен*».

И еще о формах отношений Южной Руси и Северо-Восточной (того же В. А. Кучкина):

> *«Иными словами, верховными собственниками северо-восточных земель были южнорусские князья. Последнее выражалось также в праве южнорусских князей на получение дани и суд населения Ростовской области, как это прекрасно иллюстрирует летописный рассказ о пребывании Яна Вышатича на Белоозере. Право на дань осуществлялось, по-видимому, различно. С одной стороны, князья "Русской земли" отдавали подвластные им территории в кормление представителям южнорусской знати (пример с тем же Вышатичам), с другой – дань с таких территорий поступала непосредственно на Юг. Строительство южнорусскими князьями на Северо-Востоке городов и церквей показывает, что от этих князей исходило и наложение соответствующих повинностей на местное население. Сказанное заставляет признать прекарный* характер княжений в Ростовской земле сыновей Владимира Святославича, Всеволода Ярославича и Владимира Всеволодовича. Высшая власть принадлежала отцам, княжившим в Киеве, Чернигове, Переяславле. Факт поездок в конце 90-х годов XI в. и начале XII в. в Ростовскую землю Владимира*

* Прекарий – условное земельное держание, которое крупный земельный собственник передавал в пользование другому лицу в обмен на исполнение определенных повинностей.

> *Мономаха, думается, к сидевшему там Вячеславу, – проявление такой власти.*
> *Со смертью Владимира Мономаха прекратилась зависимость Ростовской земли от Южной Руси. Юрий Долгорукий стал суверенным князем. Он – первый самостоятельный князь Ростово-Суздальской "волости". Политическая независимость последней, ее существование как отдельного государственного целого нашли выражение в фиксации и укреплении ее границ с соседними русскими княжествами».*

То есть, когда род Рюриковичей разросся, то нашелся хозяин и на «Северо-Восточную Русь», и с этого момента возникает некий местный «суверенитет». И нет здесь места для «общерусского единства»: есть новое государство, которое, прямо скажем, не было обязано переживать за судьбу «Южной Руси» или Киева. Но российская и советская историческая наука, исходя из последующей истории и обоснования расширения Московского государства, всегда оставляла за Северо-Востоком право *на все наследство.* Хотя чем Северо-Восток в этом плане лучше Юго-Запада, Запада или Севера? В Новгородские земли варяги и «Русь» пришли раньше, чем в Киев. Пусть бы уж Новгород «собирал».

Москва, как считается, – слово финское («медведица»), но можно уточнить, что исторически ниже (т. е. древнее) финского слоя географических названий идет *балтский* слой, а если обращаться к балтам, то Москва в переводе – «мокрая». Для реки – название вполне естественное. Уточним также, что на середину XII в., когда Юрий Долгорукий типа «основал Москву» (это если принимать во внимание пышные московские юбилеи, а если быть точнее – то тогда было лишь первое упоминание о «Москве», а не рассказ о том, что кто-то чего-то «основал» или «заложил»). На то время была известна (как *уже существующая*) лишь *деревня Кучкино* (собственность боярина Кучки), стоящая на месте будущего Кремля на реке Москве. И в 1147 г. Юрий Долгорукий, если опираться на историю из «Повести о зачале царственного града Москвы», подтверждаемую другими источниками, убил этого самого боярина Кучку, поскольку хотел завладеть (и завладел) его женой, а Кучкину дочку отдал ведущему столь же активную половую жизнь своему сыну Андрею (будущему Боголюбскому, канонизированному Русской православной церковью). То есть, в 1147 г. Долгорукий не только ничего не основал, но и убил основателя (или потомка

основателей) Москвы, если считать Кучкино будущим городом Москвой, что вполне справедливо. Если так, то Москва явно старше своих юбилейных 850 лет, да и археология это подтверждает. А Кучкино она перестала быть потому, что «основателю» Юрию, видимо, не хотелось бережно сохранять в названии укрепленного потом его людьми поселения имя убитого Кучки.

Просто очень хотелось считать основателем Москвы именно Рюриковича и Мономаховича (иначе шапка-то известная откуда? Не все же знают, что до изготовления в Средней Азии «Шапки Мономаха» нужно было подождать еще 200 лет). Если же считать основателем Москвы боярина Кучку, то могла смущать и его национальность, ведь «Кучка» может быть не просто славянской «кучкой», а вполне солидным для боярина *из местных жителей* мордовским словом «сокол» («кучкее»). Так что будущий взлет Москвы может вполне соответствовать песне «взвейтесь соколы орлами».

Все это совсем не мои открытия, но если меня осудят за русофобию, то скажу, что слово «Киев» тоже не тянет на доказуемую славянскость. Чем хуже не от легендарного Кия, а, например, от финского «крутой берег»? Хотя есть варианты и других «национальностей». Есть и у нас в Украине старый финский слой названий (см. таблицу о слоях лексических заимствований в украинском языке). Поэтому оставим идеи о необычайной чистоте «славянской расы».

Еще одним важным занятием Юрия Долгорукого, Андрея Боголюбского и их многочисленных потомков было окрестить упрямых в своем язычестве местных жителей, организовать церковные структуры. Поэтому аборигенов, т. е. простой народ, называли здесь не «селяне» (жители села), как на юге, где в городах и вокруг них жил один народ, а «крестьяне», т. е. христиане. На христианизацию потрачены были энергичные усилия с середины XII в. Через сто лет пришли монголы, при которых обращение в веру Христову продолжилось – монголы не были противниками православия, пока через сто лет не приняли ислам). *Что успели местные жители «поймать» и усвоить в тех новоколонизированных краях из древнерусского наследия за древнерусский период – понять сложно.* Как утверждает Николай Ключевский, до середины XII в. какая-либо регулярная связь Киева с Залесьем отсутствовала, и мы знаем, что эта территория до того *была не отдельным уделом*, а далекой периферией Черниговской и Переяславльской земель. Понятно, что вряд ли эта «связь» могла окрепнуть после середины XIII в.

Зато эти самые младшие Мономаховичи (Долгорукий, Боголюбский и потомство) там неплохо прижились, «обросли бытом» и уже без

особого энтузиазма смотрели на борьбу за далекий киевский стол. Долгорукому это еще было интересно, но его страсть к Киеву обернулась для него отравлением и смертью в стольном граде. Украинские авторы последние 100 лет считают моментом появления «русских» или «великороссов» как отдельного национального образования **1169** г., когда войска Андрея Боголюбского жестоко разграбили Киев. Описания летописца весьма печальны: это и сжигание, и разграбление церквей (православных, кстати!), и угон в рабство населения, убийство женщин и детей – короче, кощунство на кощунстве, поведение иноземных захватчиков, а не своих людей. Боголюбский, правда, канонизирован Русской православной церковью (осталось подождать скорой канонизации Ивана Грозного).

Однако если приобщиться к фактам, не было тогда в Киеве самого Боголюбского. Была тут небольшая дружина его брата, а Киев громила коалиция южнорусских князей, половцы, венгры, поляки, литовцы и даже чехи. То есть можем сказать, что активное участие в этом всем принимали свои же «украинцы». Черниговские князья мало чего оставили в Киеве и в 1236 г., за четыре года до Батыя. Это свидетельство в пользу того, что главным врагом Киева был не Владимир-на-Клязьме, а соседний Чернигов. *Это же были просто разные государства. Интенсивнее всего и чаще воюют друг с другом именно соседи.* И не были разбросаны по городам и весям Рюриковичи ни русскими, ни украинцами. Они – властители земель, и роль их в истории заключается в том, сколь успешны они были в этой роли, сколь крепкое государство создали, как жилось народу под их властью. Если мы выберем критерий именно властный (сейчас бы сказали: политический режим), то идеалом деспотизма стал бы Северо-Восток, а демократии – Новгород и городские олигархии Галича, Киева и вечевых городов. Этот подход весьма успешно отражен в российском школьном учебнике Игоря Данилевского.

Впрочем, вернемся к Боголюбскому. Известный российский историк Василий Ключевский считал Андрея Боголюбского *«великороссом, который впервые вышел на историческую арену»*. Что можно сказать о Боголюбском наверняка, так это то, что он первый нашел способ, как не связывать юридическое «старейшинство» на Руси с непосредственным обладанием Киевом. Проще поставить марионетку в Киеве, а самому держать свой Владимир-на-Клязьме. В этом смысле он действительно – первый «великоросс». Хотя либерал-Ключевский имел в виду, скорее всего, не этническую характеристику, а все тот же властный критерий: деспотизм, свойственный будущему Московскому государству.

13. «Забытое» советскими учебниками столетие украинской истории: Галицкое продолжение Руси

Теперь хочется поинтересоваться мнением южных летописцев, которые (как и северные) начинали свое изложение истории с повторения начальных киевских летописей. Для автора Галицко-Волынской летописи второй половины XIII в. его государь имел следующую титулатуру: *«Данилови Романовичю князю бывшу велику, обладавшу Рускою землею, Кыевом и Володимером, и Галичем»*. То есть земельный комплект из Среднего Поднепровья, Волыни и Галиции считался летописцем «Русской землей». Здесь не упоминается украинское Левобережье (потому что в Чернигове был другой князь), но зато есть ничтоже сумняшеся «*Руская земля*». Это является результатом того, что в конце XII в. и в XIII в. название «Русь» распространяется на запад и юго-запад от Киева, совпадая с процветанием волынской династии Романовичей, присоединением к ней Галича, а в 1240 г. – Киева. Наиболее выдающимся представителем волынской династии стал Даниил Галицкий, получивший от Папы титул *«короля Руси»*. Иные коллеги связывают эту «смену проекции Руси» с перемещением южнорусского летописания из Киева в Галич и Владимир (Волынский). То есть если кто-то продолжал свои писания вслед за киевским летописцем, то невольно претендовал вместе со своим князем на все «руськое» наследие. Иными словами, похоже, претензии на Киев возникли не только на северо-востоке, но и на юго-западе Руси. Но о юго-западе в советских учебниках крайне не любили упоминать, некритично поверив «великорусским» летописцам.

С изложением событий XII–XIII вв. «начинаются» споры украинских и русских патриотических историков о том, куда же была «перенесена столица Руси»: на северо-восток или юго-запад. Новые образования на руинах воображаемого древнерусского единства, возникшие на основе региональных ресурсов и политических традиций, нуждаются в некоем обосновании лишь для далеких потомков, строящих свои «великие державы» или просто независимые государства. Даниил Галицкий считался и воспринимался в свое время на юге как вполне «естественный» властитель Руси, точно так же, как Александр Невский на севере не нуждался в том, чтобы заявлять какие-то претензии на «Русь». Он был занят делами Севера, от исконной Руси далекого. Каждому хватало

своего хозяйства и своих сложных отношений с Западом и Ордой. Правда, север мог бы, конечно, придумать для себя и свое название, но впоследствии воспользовался чужим. Южным.

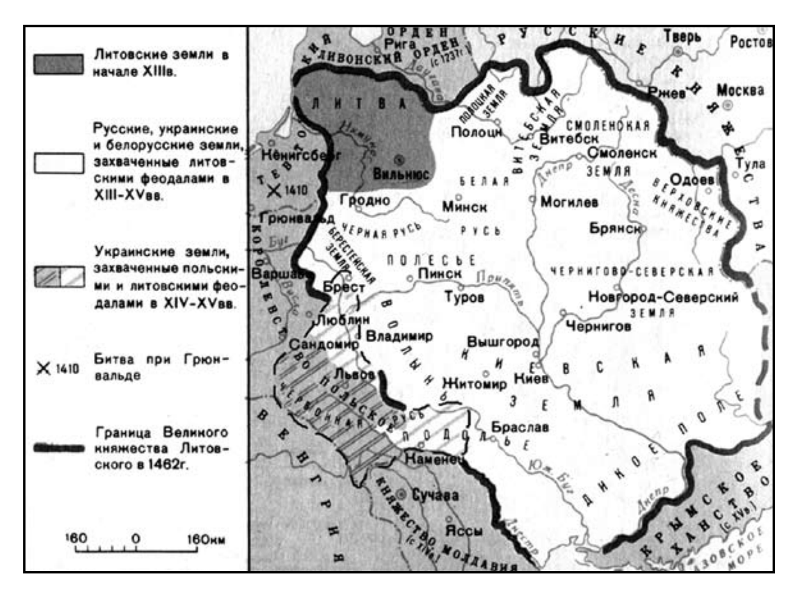
Большинство людей на постсоветском пространстве имеет несколько извращенное представление об истории, поскольку училось в советской школе по советской исторической схеме. Эта схема еще очень и очень влияет на политику начала XXI в. – когда мы ее преодолеем, тогда и изменится наша современная жизнь. А кто не сможет или не захочет расстаться с теми старыми представлениями о прошлом, тот сильно рискует не перейти в будущее, оказавшись в заколдованном кругу извращенных понятий и украденных имен.

Приведу пример того, на чем воспитывались все советские люди. Речь идет, в принципе, о мелочи, причем о мелочи древней. Заглянем в Древнюю Русь.

Начнем с вузовского учебника (он ведь подробнее школьного), по которому еще я начинал учиться: «*История СССР с древнейших времен и до 1861 г.*» под редакцией Н. И. Павленко (1989). Ничего не хочу плохого сказать в адрес лично Н. И. Павленко (он специалист не по Руси, а по петровским временам). Но мне хочется показать, что при советской власти было легко забыто и практически не упомянуто об украинской древней истории на протяжении всего лишь 100 лет. Понятно, что это учебник по истории *всего СССР* и не все в украинской истории, возможно, заслуживало внимания, но давайте посмотрим на логику советского изложения – и вы поймете, почему это важно.

Икона украинских патриотов – этот самый, вышеупомянутый, Даниил Галицкий, «король Руси», наиболее выдающийся правитель Южной Руси XIII в., как и его брат Василько, – герой Галицко-Волынской летописи. Как он фигурирует в учебнике? Возникает он всего лишь на один абзац в параграфе о Галицко-Волынском княжестве.

По тексту учебника с началом «феодальной раздробленности» становится ясно, куда «перемещается» история Руси: в рассказе о причинах этой самой раздробленности на двух страницах упоминается Киев, на двух – Галицко-Волынское княжество, о Ростово-Суздальской земле – больше пяти, о Новгороде – аналогично. Ведь они – это великорусские земли, которые гораздо более важны для «истории СССР». В единственном абзаце Данило устраняет боярскую оппозицию («жирная» дата **1238**), потом скромно и «нежирно» сообщается о том, что в 1245 г. в битве у Ярослава он разбил «*объединенные силы Венгрии, Польши, галицких бояр и Черниговского княжества, тем самым завершив борьбу за восстановление единства*

Картографическая дедукция – 1: страна обозначена, но не названа

Открываем секрет: как обнаружить остатки Галицко-Волынского государства на карте в моем любимом советском учебнике.

Ответ: проследите, где начинаются загадочные недомолвки.

Мы имеем странное противоречие в «легенде» (условных обозначениях) карты. Есть ***«Русские, украинские и белорусские земли, захваченные литовскими феодалами в XIII–XV вв.»****. Мы не обращаем внимание на фантастических «литовских феодалов», мы смотрим ниже:* ***«Украинские земли, захваченные польскими и литовскими феодалами в XIV–XV вв.»****. Обратите внимание: если в смысле Литвы, то это абсолютно вписывается* ***в предыдущее обозначение:*** *и выше Литва, и ниже Литва, выше* ***XIII–XV вв.****, ниже* ***XIV–XV вв.****(первый период поглощает), и там, и там есть «украинские земли». Добавляются только «польские феодалы». Что мешало просто покрасить окончательные литовские захваты в один цвет, а польские – в другой? Но случайно вышло, что в качестве «украинских земель»? подпавших именно под конкретный польско-литовский раздел, мы и наблюдаем забытое в тексте учебника Галицкое княжество, оставшееся спорным в смысле принадлежности после прерывания династии Даниловичей. Оно на советской карте обозначено диагональными полосами слева внизу от Бреста (о ужас: в «украинские земли» почти попала украинская Берестейщина!) до Каменца на Подолье. Я, на всякий случай (не знаю? каким выйдет качество печати), обвел это пространство тонким пунктиром. Причем я тут не обвожу Волынь, полученную литовскими князьями законно династическим путем в наследство. Обведено лишь то, за что поляки и литовцы воевали, –* ***«галицкое наследство».***

В современных российских учебниках выводы из мною сказанного уже сделаны. Там или отсутствует такая карта вообще (не Россия же!), или присутствует, но без выделения этих «смутных земель». Или же они указаны как «территории, бывшие в течение XIV в. спорными между Литвой и Польшей», - что исторически бесспорно, но все-таки лишь полвека, – с 1349 г., ведь до этого в борьбе участвовала и местная «третья сторона»…

княжества. Боярство было ослаблено, многие бояре истреблены, а их земли перешли к великому князю. Однако Батыево нашествие, а затем и ордынское иго прервали экономическое и политическое развитие этой земли» (с. 74). Молодец Данила! Уже *после* Батыева нашествия, «прервавшего в его земле всяческое развитие» (напомню, Батый совершил нашествие на эти земли в **1241** г.), разгромил такое сонмище врагов! Потом в главе о борьбе народов СССР с Чингисханом и Батыем читаем: «*монгольские войска двинулись в Галицко-Волынскую Русь. Взяв Владимир Волынский, Галич, в 1241 г. Батый вторгся в Польшу*». И дальше пошла заграница.

Итак, по тексту «русичи» Северо-Востока подробно и весьма героически борются с монголо-татарами вплоть до будущей российско-украинской границы на протяжении целой страницы, а вот потом – в объеме одного предложения героически поборолся Киев, а дальше героизм, видимо, не достоин упоминания, а может, его и не было. Отметим, что Даниил одолел армию двух соседних стран, своих бояр и еще одного княжества за *одно предложение в тексте*, в то время как Александр Невский терзал шведов и немцев (авторы забыли упомянуть псковичей) в одной точно уж сомнительной битве (Невской) целые *две страницы*. В подробном рассказе о том, откуда и куда немецкие рыцари организовывались, двигались, кто им сопротивлялся, как в разных ситуациях действовал Невский и т. д., есть упоминание о том, что в 1236 г. немцев разбили литовцы и земгалы, а вот о том, что в 1238 г. их побил также и представитель Руси Данило Галицкий (отбив у них волынский город Дорогичин), – ни слова… Видимо, законное право защищать русскую землю и быть упомянутым в учебнике имел только Александр Невский…

Дальше – веселее. Мы снова встречаем Данила, но крайне кратко: «*В Орду за ярлыком съездил и галицкий князь Данило Романович*» (с. 97). А на с. 111 за него выдал замуж свою дочь основатель Великого княжества Литовского Миндовг. И все, хватит, Данила. Хотя умер он в 1264 г., выступая в роли непосредственного охранителя края Европы от татар, оставаясь вассалом татар, но достаточно самостоятельным правителем, а государство, основанное им с братом Васильком, несмотря на все коллизии, продержалось еще 100 лет после монгольского нашествия. Но об этом в учебнике нет ни слова. Это понятно, ведь экономическое и политическое развитие этой земли было «прервано» в 1241 г., а раз прервано, значит не о чем писать. Хотя зачем тогда упомянули победную битву 1245 г.? Наверное, оплошность или случайная описка, а может, надо было указать «братским странам социализма» их место в истории. А то, понимаешь, социализм им не нравился…

В рассказе о последующей героической борьбе с Ордой было бы уместно упомянуть, что в 1252–1258 гг. Даниил воевал с монгольским военачальником Куремсой и разбивал его, что после первого нашествия он построил новые крепости, среди которых такие немаловажные города, как Львов и Холм. Вместо этого описывается то, как Александр Невский в 1257–1259 гг. вопреки сопротивлению своих соотечественников помогал монгольским баскакам «описывать» Новгород (а монголы сами до Новгорода не дошли) и, «*считая невозможным открытое столкновение с Ордой, жестоко расправился с восставшими*» (с. 98). Причем в адрес товарища Александра Ярославича Невского (кстати, святого Русской православной церкви) *ноль критики*, а упоминаний о его брате Андрее (союзнике Даниила в борьбе с Ордой, вынужденного из-за интриг своего проодынского брата бежать в Швецию) – *нет вообще*. Видимо, потому что он эмигрировал на «империалистический Запад»? Понятно, что лучше уж служить Орде.

О монгольском коллаборанте Александре Невском – в учебнике (и не только) информации сколько угодно, он может себе позволить все, ибо он русский герой, а о тех, кто хоть иногда воевал с монголами, – ни слова. И так исторически достоверно написан весь учебник, *с древнейших времен до 1861 г.* (а есть еще продолжение, там еще веселее…).

Надеюсь, логика авторов постижима: хоть и, возможно, негодяй, но лишь бы «русский», а «нерусские» не стоят упоминания.

И если у будущих великороссов «Монголо-татарское иго» длилось до 1480 г. (а дань крымскому хану перестали платить уже после Петра I), первый раз толком побили татар в 1380 г. (когда Дмитрий, будущий Донской, выступил против татарского узурпатора Мамая в защиту законного хана Тохтамыша), то нельзя же было писать, что кто-то от «ига» избавился быстрее, да и воевать-то начал раньше. Возможно, русским от этого тяжело? Вполне может быть, но это не повод давать награды героев антигероям. (в 1362 г., но об этом – далее.)

При этом я не хочу сказать, что Даниил – идеал: он и сам от монголов удирал в Венгрию, и ходил как их вассал (в лице своего сына) против Литвы. Куремсу он побил, потому что у того орда была слабее, чем у Бурундая, которому Даниил потом уступил. И организовать крестовый поход ему все-таки не удалось, поскольку у соседей поляков и венгров были свои проблемы. Но он вообще продолжал еще *жить* после 1241 г., он *был*. Его государство существовало еще долго и достойно упоминания. Кто ж виноват, что потом там, где он правил, образовалась *не Россия*? Так уж вышло, извините, дорогие товарищи… А как же история СССР?

Обращусь, по случаю, к идеям современной российской исторической науки, а не к выдумкам русофобов. Опять к Невскому: и ранее было известно, что этот самый швед Биргер, побитый «в славной битве» на Неве в 1240 г., вообще в этих событиях не участвовал. И совсем это не была жуткая агрессия Швеции на Русь… И совсем не узнал никто больше в мире об этой битве, кроме позднего летописца, нежно любящего своего князя Александра... Ну *не знали шведы об этой своей агрессии, не знали…* Зато когда сначала Иван Грозный, а потом Петр I начали отбивать выход к Балтике, тогда вспомнили об Александре Невском – и стал он героем. А уж когда в две мировые войны с «германцем» схлестнулись, то тут уж и Чудское озеро пригодилось. Но об этой битве опять никто, кроме позднего летописца ничего не знал! В учебнике читаем: «*Многие рыцари потонули в Чудском озере, многие оказались в плену*» (с. 85). Главные силы Ордена в это время воевали в Литве, и рыцарей на Чудском озере было убито поэтому 20, а 6 попали в плен (по свидетельству «Ливонской хроники»). Ведь «рыцарь» – это не любой мужик в железе, а знатный человек с определенным статусом. Их по всей Западной Европе набралось бы вряд ли больше нескольких тысяч, а в Ордене – не больше сотни. Остальные – кнехты-солдаты или более дешевые союзники из ливских, латгальских, литовских, славянских и других соседних земель. Поскольку Ливонский орден* раньше не завоевал Псков, а был им *приглашен*, то среди «немецких рыцарей» на Чудском озере находились и «русские люди», о чем писать почему-то не любят. Именно «русские люди» привели немецких рыцарей. А дальше? Сколько ни искали на дне Чудского озера во всех предполагаемых местах этой великой битвы хоть чего-то, но увы… Где же то железо, под весом которого лед ломался?

Но вернемся к Даниилу. В чем логика «древнерусской народности»? Если Галич и Волынь – ее составляющие, то Даниил должен быть таким же героем «советской истории», как и Невский – представитель северной, т. е. русской, а не украинской части этой самой народности. Но получается, что Южная Русь ценна лишь тем, что Киев – «мать городов русских» (без него – не обойтись в поисках исторических корней Московского государства), а вообще, вместе с южнорусской округой, – не заслуживает добрых слов.

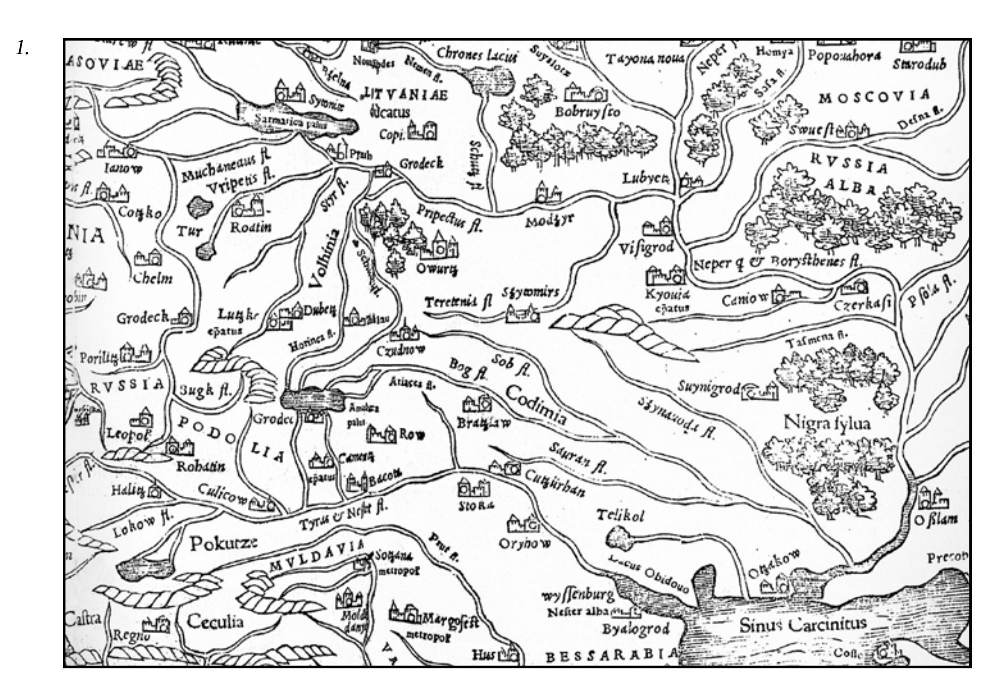
И чем же этот период русской истории заканчивается? Вполне логично:

> *«К концу XII в. – началу XIV в. на Руси сложилась новая политическая система. Свершившимся фактом стал*

………………………………………………………

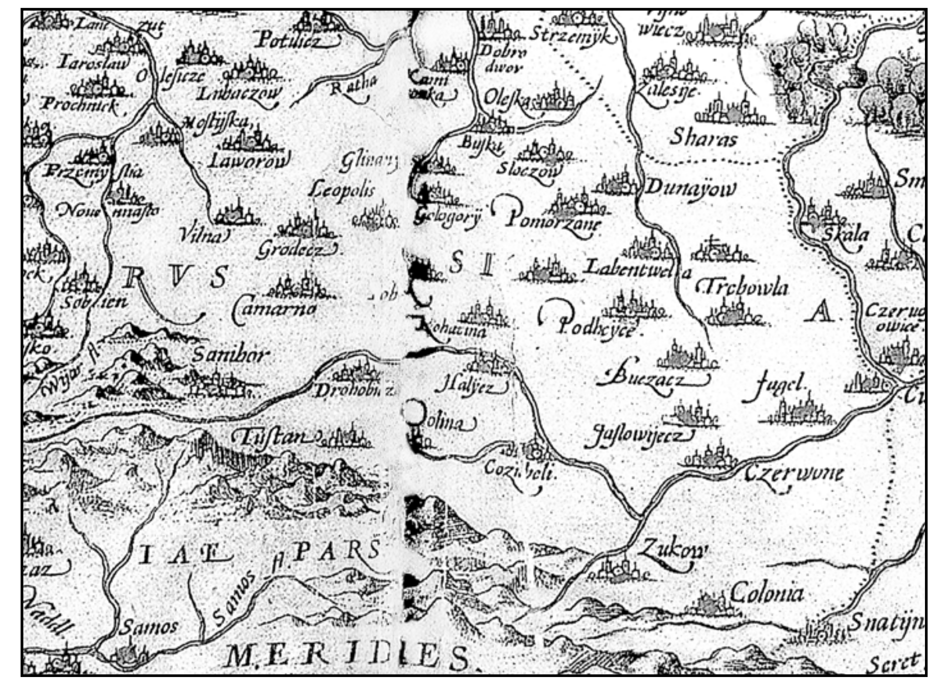
* Ливонская ветвь Тевтонского ордена образовалась в 1237 г. вместо потерпевшего в 1236 г. поражение от литовцев Ордена меченосцев.

1.

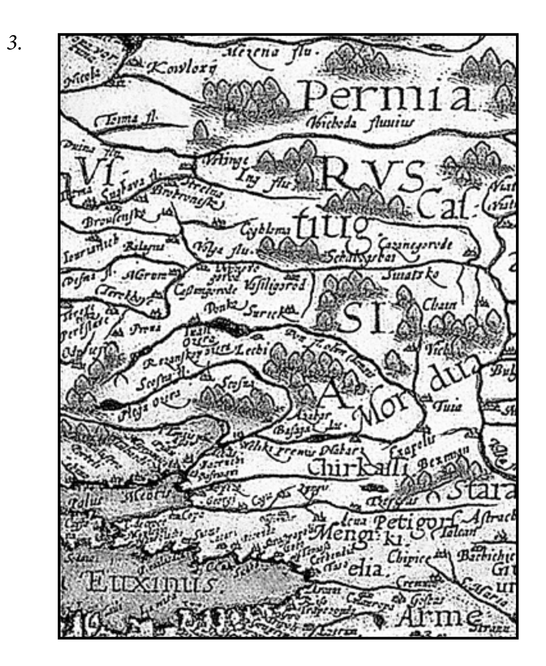
Chrones lacus
Tayona noua
Homya
Popozahora
Starodub
LITVANIAE
MOSCOVIA
Bobruysco
Copi.
Sarmatica palus
Grodeck
RVSSIA
ALBA
Ianow
Muchaneaus fl.
Vripetis fl.
Lubyecz
Cotzko
Tur
Roatin
Pripectus fl.
Modzyr
Visigrod
Owurtz
Neper q & Borysthenes fl.
Chelm
Volhinia
Kyouia
Caniow
Czerkasi
Teretenis fl.
Grodeck
Sob fl.
Bog fl.
Czudnow
Tasmena fl.
Porilitz
RVSSIA
Sugk fl.
Codimia
Suynigrod
Nigra sylua
PODOLIA
Grodec
Row
Braczlaw
Leopol
Robatin
Camenz
Bacota
Cuczurban
Halitz
Culicow
Telikol
Oslam
Lokow fl.
Tyras & Nester fl.
Storka
Pokutze
MVLDAVIA
Orynow
Prut fl.
Oczakow
Margoscest
Sinus Carcinitus
Ceculia
Castra
Regno
wyssenburg
Nester alba
Byalogrod
BESSARABIA
Hus

2.

Potulicz
Strzemyk
Iaroslaw
Olesicze
Lubaczow
Ratha
Dobro dwor
Olesko
Zalesye
Prochnick
Mostijska
Busko
Sharas
Przemysla
Laworow
Sloczow
Dunajow
Leopolis
Pomorzane
Skala
Vilna
Grodecz
RVS
SI
A
Labentwel
Trebowla
Sobien
Camarno
Rohatina
Podhayce
Sambor
Drohobicz
Haljcz
Buczacz
Iagel.
Tustan
Jaslowijecz
Czerwone
IAE PARS
Zukow
Colonia
Samos fl.
Samos
Snatijn
MERIDIES
Seret

3.

4.

Где находили Русь западные европейцы?

Всегда имеет смысл обратиться к «иностранным наблюдателям». Правда, у них бывает тоже не всегда однозначная позиция… Вот, например, ***«Новая карта Польши и Венгрии»*** *(1), изданная в Базеле в 1540 г. (авторы: Бернард Ваповский и Себастьян Мюнстер), показывает «Russia» в районе Львова, на территории же нынешней России у нас – «Moscovia»; а в районе Северщины – «Белая Русь» («Russia Alba»). Карта Польши 1570 г. (2) Вацлава Гродецкого обнаруживает Русь точно там же. А вот на карте Азии 1593 г. (3) Герарда де Йоде мы наблюдаем ее уже на месте Московии, к югу от «Перми». А на карте* ***«Таврики Херсонесской»*** *1628 г. (4) Герарда Меркатора она обосновалась в среднем течении Днепра напротив Черкасс, вернувшись к тому, что исследователи Древней Руси называют «Русь в узком значении» (Киев–Чернигов–Переяславль).*

Источник: *Україна на стародавніх картах. – К., 2006, 2009.*

перенос столицы во Владимир. Галицко-Волынская земля оказалась от него независимой, хотя тоже подчинялась власти ханов. На западе возникло Великое княжество Литовское, в орбиту влияния которого постепенно попадают западные и юго-западные земли Руси. Пожалуй, только Черниговское и Смоленское княжества в какой-то степени тяготеют к Владимирскому княжению. Фактически произошло обособление Северо-Восточной Руси» (с. 98).

Честно говоря, поражают искренность этого короткого текста (более русская, чем советская) и необычайная противоречивость (хотя написано, на первый взгляд, нейтрально и объективно). Постарайся, читатель, вдуматься в то, что выше написано в короткой цитате. «*Новая политическая система*» – не буду спорить, наверное, сложилась. Далее:

1. «*Свершившийся перенос столицы во Владимир*» – несколько загадочно, если прочитать следующие четыре предложения. Но мы сначала разберемся по порядку. Если речь идет о «столице Руси», то Киев последние лет семьдесят до монголов в политическом смысле был ею формально, ибо своя династия в нем не сидела, региональные князья и так жили, как хотели, периодически в городе находились наместники – начиная с Боголюбского. Это – уже не политическая и не административная столица. То есть Владимир уже лет 70 как был независим, то есть давно стал *сам себе столицей*. В качестве церковной столицы Киев оставался еще полвека после нашествия Батыя. В 1299 г. митрополит подался на Северо-Восток, но в 1303 г. патриарх благословил новую митрополию в Галиче. То есть, если брать светскую столицу Руси, то ее уже практически *давно не было*, а если говорить о церковной – то она *разделилась* на два митрополичих престола (а потом с ними еще 200 лет была чехарда). Что-то «перенести» можно было только по частям, а другие части прихватывали иные участники дележа киевского наследства, *а не кто-то один*.

2. Но дело не в этом: а *кто*, собственно, решил, что имел место «перенос столицы»? «*Фактически произошло обособление Северо-Восточной Руси*» – если она *обособилась*, то логично получила *свою столицу*, но кто дал кому-то право утверждать, что именно *она к себе перенесла* ***общую*** *столицу*? По этой же логике ее могли перенести и в Галич (Холм, Львов), поскольку «*Галицко-Волынская земля оказалась от него [Владимира-на-Клязьме] независима*», и тоже логично *обособилась*, а раз *независима*, то, наверное, уж тоже имела свою столицу. Чем Владимир лучше для «переноса Киева»? Галич – явно ближе, чего так далеко ходить?

3. «*…Возникло Великое княжество Литовское, в орбиту влияния которого постепенно попадают западные и юго-западные земли Руси*». Мы можем согласиться, что, где центр, вокруг которого обращаются по «орбите», – там и столица. Одно утешение: ее не нужно было «переносить» в Литву – литовцы и сами могут себе столицу организовать. Но «перенос столицы» в нашем тексте *прямо во Владимир* многое объясняет: ну не могли же литовцы потом 300 лет объединять русские земли независимо от Москвы, *ведь столица-то не у них*. То есть главное – сразу отсечь конкурентов по разделу и собиранию киевского наследства: Галич и Литву. Наверное, у авторов было оправдание: раз «Москва» через несколько сотен лет окончательно победила (это, правда, был уже Петербург), значит ее успех запрограммирован и она была права изначально...

4. «...только Черниговское и Смоленское княжества в какой-то степени тяготеют к Владимирскому княжению». Ну, слава Богу, хоть кто-то тяготеет. Хоть в какой-то степени. Проблема в том, что на самом деле потяготеют, потяготеют – и перестанут, потяготеют, потяготеют – и перестанут. И так – *триста лет*. Ну не были Чернигов и Смоленск уверены, что именно Владимир и Москва им ближе, чем Литовско-русское государство. Они не знали, бедные, что их столицу сразу перенесли именно во Владимир и Москву. Какая незадача – проглядели и 300 лет не могли рассмотреть. Прав всегда тот, кто пишет учебники много позже: он-то все-все знает, как правильно было.

5. И, наконец, самое веселое (как чистая «оговорка по Фрейду»): «*Галицко-Волынская земля оказалась от него независимой, хотя тоже подчинялась власти ханов*», особенно попрошу обратить внимание на слова «*хотя тоже подчинялась власти ханов*». То есть здесь Владимир у нас претендует не на наследие Киева, а на статус единственного представителя ордынских ханов. В дальнейшем печальном описании авторами учебника того, как разнообразные владимирские князья стучали друг на друга хану и добивались ярлыка на «великое княжение» (с. 98), мы видим банальное объяснение этой фразы. Данило же Галицкий, видимо, не хотел подчиняться таким великим «защитникам земли Русской». Он тоже бывал татарским вассалом, но *не всегда*. Негодяй, – как он мог отдельно вести дела с ханом, ведь столицу же перенесли во Владимир?! Что еще хуже: он пытался организовать крестовый поход против татар с участием западнохристианских рыцарей и Папы Римского! Предатель, предтеча Мазепы! Пытаться привлечь Запад к борьбе с татаро-монголами – лучшими друзьями владимирских и московских князей! Титул короля еще получил, наймит буржуазный…

6. В этом же учебнике (с. 74) о Данииле говорится (повторимся): «*многие бояре истреблены, а их земли перешли к великому князю*». Стоп: то есть он – «великий князь»? и чем же он тогда хуже «великого князя» Владимирского, и почему тогда именно последний перенес к себе столицу? Натяжка за натяжкой… Мы же заметим, что на «великого князя» Данило мог претендовать лишь как владевший очень недолго Киевом, но в летописях (в отличие от учебника) он нигде «великим князем» не называется… Может, советский учебник повысил его в звании? Нет, как раз наоборот: в летописи пишется, что Данило – «*король*», а это, по мнению летописца, несколько покруче «великого князя». *Но писать в советском учебнике об отечественном «короле», да еще на территории Украины, когда до царского титула Ивана Грозного еще нужно было ждать почти 300 лет*? Никогда!

7. Напоследок: согласно учебнику Киев от монголо-татар в 1240 г. оборонял воевода Дмитрий, «служивший черниговскому князю» (с. 89). Но на самом деле он служил Даниилу Галицкому, поскольку черниговский князь Михаил Всеволодич уже бежал от разрушивших Чернигов монголов к Данилу, получив от того некоторую земельку. Никогда не допустит автор советского учебника власти в Киеве («матери городов русских») тех, кто был *независим* от «новой столицы Руси», даже, если для этого нужно соврать в учебнике истории. Ведь Чернигов, как мы помним, «*в какой-то степени тяготел к Владимирскому княжению*».

Как видим, ларчик советского учебника открывается достаточно просто. И если в новых постсоветских государствах где-то переписывают историю, то новую версию узнают лишь подростки и молодые люди (теперь уже) «под тридцать», а «широкая общественность» старше тридцати лет помнит еще это старое историческое чучело.

А есть ли мотивация «переписывать историю» в России? Ведь советская историческая схема повторяет старое видение истории в Российской империи? Не вижу пока мотивации. Смотрите ниже пункт о современных российских учебниках.

Итак, продолжим обзор всего лишь *пары десятков страниц* учебника, на «интерпретации» которого учились историки и учителя истории всей советской страны, и именно так еще видят историю миллионы людей. Я не осуждаю авторов: многие из нас жили при советской власти, у нее свои методы убеждать. А вероятнее всего авторы не ощущали этих противоречий. Вполне искренне. Ибо они тоже учились по советскому, только более старому, учебнику. А учителя их учителей – по российском учебнику, который видел историю очень похоже…

Заметим, что Галицко-Волынское государство, хотя и было далеким от «централизации», просуществовало до середины XIV в. Титулом короля

Руси пользовался еще внук Даниила Юрий Львович, умерший в 1308 г. Сыновья Юрия, Андрей и Лев, именовались в латинских текстах «*князьями всей Руси, Галиции и Владимирии*». Но в учебнике об этом ничего нет – *это Русь, но ведь не Россия*, куда уже переехала столица Руси.

Но случайно потомки Даниила все же попали в текст. В параграфе о Великом княжестве Литовском вдруг возникает: великий князь Литовский Витень (1293–1315) «*в союзе с галицкими князьями одерживал победы над Тевтонским орденом*» (с. 111). Какие это галицкие князья, откуда? Там же, в Галицком княжестве, «развитие остановилось» еще в 1241 г. – 60 лет назад? Объясняю: если бы с литовцами одерживали победы над Тевтонским орденом кто-то из России, то об этом (следуя пропорции, примененной в советском учебнике к Александру Невскому) на каждую битву (которая неизвестно, была ли) приходилась бы страница, а не полпредложения…

Княжеская линия потомков Даниила просуществовала до 1323 г., когда при неизвестных обстоятельствах (возможно, в походе против Орды) умерли упомянутые оба брата-соправителя. Дальше галицко-волынское наследство уже делилось между родственниками и соседями. Сын мазовецкого князя и муж сестры погибших братьев Юрий-Болеслав именовался «*прирожденный князь и государь Руси*». После смерти Юрия-Болеслава в 1340 г. власть перешла к зятю Андрея Любарту (сыну великого литовского князя Гедимина). Любарт закрепился на Волыни, а в Галицию вошли польские войска Казимира III. В результате последующих нескольких польско-литовско-венгерских военных и дипломатических конфликтов, закончившихся в 1387 г., закрепился следующий раздел галицко-волынского наследства: Галиция, Холмщина и Белзщина перешли к Польше, а Берестейщина (Брестская земля) и Волынь стали частями Великого княжества Литовского.

То есть к середине XIV в. для земель будущей Украины закончился древнерусский период истории, перейдя в литовско-русский. И хотя все составляющие украинских земель (Галиция, Волынь и Поднепровье) сохранили свое исконное название Русь, их судьбы во многом разошлись с судьбами «Северо-Восточной Руси» – будущей России, еще решающей свою судьбу в отношениях с Ордой.

Уместно повторить, что элита и династия Полоцкого княжества (будущей Белоруссии) первая, еще в конце XI в., перестала вмешиваться в борьбу за Киев. С середины XIII в. половчане стали вместе с литовцами в вполне мирном сотрудничестве строить Великое княжество Литовское.

Волынь же легитимно закрепилась за литовскими князьями. В **1362** г., чрезвычайно важном для украинской истории, литовско-русинские

(в «переводе», видимо, – литовско-украинско-белорусские) дружины литовского князя Ольгерда Гедиминовича разгромили татар под Синими Водами, что избавило Среднее Поднепровье вместе с Киевом от ордынской власти. В советском учебнике об этом нет ни слова, поскольку это было *до Куликова поля* (нельзя, ребята, нельзя, *пока настоящие русские не пришли – вы не свободны*). Да и Куликово, как известно, еще не было освобождением – до 1480 г. оставалось 100 лет.

Как с некоей тоскою замечает любимый мой советский учебник (а то решат, что я в своем изложении извращаю историю):

> *«Способы присоединения этих земель [к Литве] были различны. Конечно, имел место и прямой захват, но нередко русские князья признавали добровольно власть литовских князей, а местное боярство призывало их, заключая с ними соглашения – "ряды". Причиной тому были неблагоприятные внешнеполитические условия. С одной стороны, русским землям угрожала агрессия немецких рыцарских орденов, с другой – ордынское иго. Феодальная раздробленность и княжеские междоусобия в Северо-Восточной Руси делали ее бессильной помочь западным и юго-западным частям страны. Поэтому русские феодалы искали у Великого княжества Литовского защиты от внешней угрозы, тем более что литовские князья не были вассалами Орды, и тем самым ордынское иго не распространялось на его территорию» (с. 112).*

И хотели россияне помочь остальным русским братьям («западным и юго-западным частям» страны, «столица» которой была во Владимире), да вот те уходили почему-то к тому, кто не был «вассалом Орды». То есть литовцам позволялось поохранять какие-то русские земли от Орды, пока не придет «настоящий хозяин». Единственное, чем учебник намекает о грядущем приходе «настоящего освободителя», – это упоминание, что независимых от татар литовцев зазывали *князья, боярство и феодалы*, – а не простой народ. Народ, видимо, в отличие от властей предержащих, *любил* жить под властью Орды…

Дальше пишется, что государственным языком Литовского княжества была «*так называемая "русская мова"*», действующий свод законов – «*Русская правда*». И это действовало на большей части бывшей Киевской Руси. И неужели, дорогие товарищи, теперь мы поверим,

что «столица» Руси сразу переехала во Владимир? Нет, нужно сначала сделать остановку в приятном городе Вильнюс – но, извините, это уже Европейский Союз. Кто своевременно не задержался в этой «столице Руси», тому теперь виза нужна…

И тут неожиданно все-таки попадается какая-то битва литовцев против общеславянских врагов-тевтонов: Грюнвальд, **1410**. Но не льстите себя надеждой, что они исполнили какую-то полезную миссию вместе с неполноценными славянами-поляками (те всегда были с Западом против России!), просто в состав литовской рати «*входили и смоленские полки, сыгравшие важную роль в битве*» (с. 114). Ура, русские пришли! Хотя тогдашние кривичи-смоляне вряд ли поверили бы, что они потом станут «великороссами» (из части кривичей, мы знаем, белорусы получились). Еще Екатерина II сомневалась в их «русскости». Но потом все-таки стали – и в историю попали. А кто не стал – тот не попал. Ведь история СССР – это история всех-всех наших советских народов. Никому никаких льгот…

Такую историю все в школе и выучили, а теперь удивляются – от чего такой бардак на постсоветском пространстве. Кто на вранье выучился, правдивую жизнь не построит.

К тому времени, как в 1480 г. в «стоянии на реке Угре» для Московии завершилось «Иго», наложившее неизгладимый отпечаток на будущее российское общество и его политическую культуру, «будущие украинцы» уже 120 лет жили более-менее спокойной жизнью в Великом княжестве Литовском. Его элиту составляли перемешанные роды Гедиминовичей и Рюриковичей, официальным языком был русский [книжный старобелорусский/староукраинский], а православная вера не притеснялась. То есть литовская власть не была какой-то оккупацией или чужеземным игом. Старая Русь, конгломерат княжеств, изжила себя и монголо-татар уже не пережила. Новая политическая реальность стала уже иной, но Русь-то при этом никуда собственно не исчезала. *Киев и Чернигов поизносились, но еще стояли*. Поэтому Великое княжество Литовское (на самом деле «Великое княжество Литовское, Жемаитское и Русское») часто называют *Литовско-русским государством*. Сложнее было с доставшейся Польше Галицией, но та с XIII–XIV вв. стала проводником европейских идей для Украины: от магдебургского права до латинского образования. Но и подпольские русины жили своей традицией «русских королей».

14. Протоколы православных мудрецов: «Малая» и «Великая» Россия

Прежде чем обратиться к Малой и Великой России, имеет смысл разобраться с Малой и Великой Русью. Дабы быть ненавязчивым, я опять процитирую российского автора (В. С. Бузин. Этнография русских. – СПб., 2007):

*«Название **Малая Русь** впервые встречается в письменных источниках под 1305 г., так именовалась Галицкая митрополия. Своим возникновением она обязана тому, что в 1299 г. из переживавшего упадок после монголо-татарского нашествия Киева резиденция русского митрополита была перенесена во Владимир. Но управлять из Владимира православными церквями, находившимися на территории Великого княжества Литовского, было сложно, что и вызвало появление митрополичьей кафедры в Галиче.*

Противопоставление названий "Великая" / "Малая" часто встречается на протяжении истории, но отнюдь не означает возвеличивание одного и принижение другого. Суть этих различий иная: понятие "Малая" применяется к исходной территории, метрополии, а "Большая" – к колонизуемой (в античности Малой Грецией называлась собственно Греция юга Балканского полуострова, а Великой Грецией – территория распространения древнегреческих колоний).

В XIV в. на Руси помнили о том, что северо-восточная Русь, куда переместилась кафедра дотоле киевского митрополита, не была исконно русской землей, каковой была в сознании населения Русь юго-западная. Что же касается названия Великая Русь, то оно появляется гораздо позже – в середине XVI в.

Довольно быстро название Малая Русь из сугубо церковного приобретало и политико-территориальное звучание. В грамоте 1335 г. галицко-волынского правителя Юрия II используется титул Князь всей Малой Руссии (в латинских грамотах Dux totius Rutenia minorum). Со временем обозначение Малая Русь начинает отождествляться с понятием Украина, и оба названия становятся территориальными синонимами».

Вся эта дележка древнерусского наследия не так страшна для украинцев, поскольку сами украинцы перестали быть *русинами* и считать свою землю *Руськой* всего лишь в XIX в., проиграв борьбу с российской монополией на это слово. *Россия* же стала таковой официально лишь в 1721 г., перестав быть изначальной *Московией*; само слово «Россия» до того существовало лишь в книжно-официально-помпезном варианте – возникает оно в православной переписке в XV в. как *греческое книжное* название Руси. Известно, что для византийцев-греков вообще «Русь» выговорить было сложно, писалось «Рос», это слово воспринималось изначально по аналогии с упомянутым в Библии (не русским) народом «Рош». Производное для названия страны из «Рос» в «Росия», «Россия» вполне понятно. «Книжность» и «иностранность» слова «Россия» заметны хотя бы в том, что этнические русские называют себя «русскими», а не «россиянами». Последнее слово не было обыденным до начала 1990-х. До этого были «русские» и «другие национальности». Сейчас это понятие является термином для называния всех граждан России, *не только русских*. Нельзя сказать «россиянин удмуртского происхождения», поскольку удмурт– «россиянин» уже по определению. Такие уточнения могут относиться только к слову «русский» (Лермонтов – русский шотландского происхождения). Значит «Россия» – удобное слово, которое можно растянуть на любое по параметрам и происхождению сообщество людей.

«Запасные» понятия, такие как «Россия» в сравнении с «Московией», начинают жить, если предыдущие не удовлетворяют. Петр Первый в своей роли «герра Питера» и строителя внешне европеизированной империи, как известно, крайне не любил Москву и все, что с ней связано. Бояре, бороды, кафтаны – все не как у приличных людей. Победа над Швецией позволила утопить конкретную архаику Московии в церковно-

помпезных абстрактных понятиях «Россия» и «Российская империя», да и связать это все с новой столицей-символом Санкт-Петербургом. Мы не должны забывать, что эпический и помпезный стиль изложения панегириков, хвалебных од и государственных деклараций в православном пространстве XVII–XVIII вв. осуществлялся в а-ля церковнославянском «высоком штиле». Посему абсолютно чужое Древней Руси слово «Россия» уже в начале и середине XVII в. активно использовалось в просвещенных кругах киевской церковной учености, в частности в панегириках и торжественных стихах ректоров, профессоров и студентов Киево-Могилянского коллегиума, церковных иерархов. Просто выпендривались, что знают греческий язык.

Потом эти бывшие студенты, типа Феофана Прокоповича, поедут в Московию исправлять богослужебные книги, реформировать церковное устройство, модернизировать образование, обосновывать в своих трактатах «правду воли монаршей» – в общем, карьеру делать. Хорошее образование позволяло возводить сии сложные идеологические конструкции, равно как и помочь великому государю Петру Алексеевичу найти замену старому названию страны, которое использовалось во всей внешнеполитической документации («московские люди», «государь московский» и т. д.), но портило имидж своим весьма азиатским для европейцев стереотипом «Московии» как варианта «Татарии». Церковные круги были в Московском государстве, как и в Европе до Ренессанса, наиболее образованными и оперирующими «высокими понятиями». Поэтому образованный лучше российских коллег киевлянин Феофан Прокопович и придумал всю штуку с провозглашением в 1721 г. Российской империи и объявлением Петра I «отцом Отечества» – как римских цезарей.

Легкость обращения киевских церковных деятелей и образованных людей со словом «Россия» было очевидным для их столь же образованных современников. Хорошее образование, видимо, позволило Богдану Хмельницкому при торжественном въезде в Киев в январе 1649 г. не испугаться студентов Могилянского коллегиума, которые его приветствовали в торжественных стихах и от имени «России» (сохранились тексты). Во всяком случае, ученая православная поэзия этого круга в 1649 г. в приложении к казацкому реестру сообщала (за пять лет до воссоединения с Россией), что *«С сынов Владимировых Россия упала, С Хмельницких при Богдане на ноги встала»*. Очевидно, что Россию киевские интеллектуалы XVII в. размещали явно не там, где она сейчас находится, а отождествляли ее с территорией вокруг Киева, т. е. нынешней Украиной. Но

они не считали ее «Россией» в том смысле, какой вкладывают в это слово последние триста лет. Они все же имели в виду исконную Русь, но с эдаким гиперболическим вывертом.

15. «Сахаровщина»: о комплексах неполноценности в новейшем изложении российской истории

Прочитав выше по тексту мое обширное обращение к советскому учебнику, читатель мог бы возразить, что, возможно, сейчас в изложении истории уже многое изменилось. Посему обратимся к современности. Это поучительно.

История каждого *народа* имеет определенные территориальные и хронологические рамки, обычно определяемые временем возникновения и масштабами распространения своего героя. Если говорить об истории стран (по сути государств) – то это еще более существенно. Хотя бывают и парадоксы, и странности. Мы помним, что школьная и вузовская «история СССР» начиналась с палеолита, хотя СССР существовал лишь с 1922 г. Но, в принципе, она содержала в себе совокупное наследие всех вошедших республик, хотя мера представленности последних весьма отличалась. В основе лежала история Древней Руси, Московского государства, Российской империи и Советской России с вкраплениями событий из истории «добровольно вошедших» в этот конгломерат народов: украинцев, армян, грузин, народов Прибалтики и Средней Азии. Единственное исключение представляло собой отсутствие истории поляков и финнов, которые так и не закрепились в составе империи и в орбиту СССР уже попали как представители «братской социалистической страны» или приемлемые нейтралы. История Украинской ССР, преподававшаяся факультативно (как краеведение), излагала в том же духе: все, что происходило в прошлом на территории УССР, территориально оформившейся с 1919 г. по 1954 г.

После 1991 г. этот принцип хронологии и территории в изложении истории в независимой Украине сохранился. Изменилась лишь информационная наполненность и трактовки событий. Для нормативной «истории Украины», которая по преимуществу является

сложной историей народа, назвавшегося на одном из этапов своего долгого пути «украинцами», этот формат подачи выглядит вполне естественным*. От славянских племен начинаются предки нынешних украинцев, а дославянский период истории – это история земли, на которой ныне проживают граждане Украины. На чужие земли украинский учебник не замахивается, кроме тех случаев, когда речь идет об автохтонных украинских землях, которые оказались теперь в составе соседних государств. Например – Холм, столица Галицко-Волынского государства, ныне – в Польше. Надо ли изучать «доукраинский период» в Украине? Надо, а то как пояснить, например, наличие у нас древнегреческих колонн Херсонеса? Даже венгры, пришедшие в Венгрию в IX в., учат и предшествующий период – у них тоже есть античные руины и прочее древнее наследие.

Иная ситуация с историей России. Взять, например, учебное пособие для студентов гуманитарных вузов *История России с древнейших времен до начала XXI в. Под редакцией академика А. Н. Сахарова. – Москва, 2006*: внушительный том (почти 1300 страниц), созданный в Институте российской истории РАН. Мы можем этот текст считать если и не «официальным», то научно «каноническим». В нем сказано то, что считается необходимым сказать ведущими российскими историками. Начинается труд с главы «Древняя Русь» и посвящен (что понятно) истории государства киевских князей. Территории нынешней России здесь касается 9 страниц из 150 (параграфы «Господин Великий Новгород» и «Владимиро-Суздальское княжество»), если не считать нескольких слов о появлении государства (Рюрик со товарищи) и о существовании племен словен, кривичей и вятичей, поминания разных мест в контексте межкняжеских конфликтов. В следующем разделе («Северо-Восточная Русь») излагаются события, начиная с Батыева нашествия, но касаются они уже исключительно тех территорий, где зародилась нынешняя Россия. Далее, что естественно, речь идет о «Создании русского

* Из очевидных замечаний к украинским авторам следует заметить, что имело бы смысл больше сказать об истории тех этнических групп, представителей которых сейчас может быть и гораздо меньше, чем раньше, но их роль в «истории территории» современной Украины и в истории украинцев весьма велика – поляки, русские, евреи, немцы, а особенно крымские татары. Эта проблема «начинается» в изложении учебников лишь с «появления украинцев», ранее – более уравновешено. Хотя логика авторов постижима: с учетом перевирания истории украинцев в советском изложении надо поподробнее просветить современных юных украинцев о себе. Но относительно татар может случиться так, что их «подача» окажется исключительно однобоко негативной, в то время как в «историческом изложении» они из наших этнических групп наиболее обижены – даже поболее, чем украинцы. Однако некоторые весьма популярные пособия (уже для вузовского уровня) эту ситуацию исправляют – имею в виду книги Наталии Яковенко и Павла Магочия. Это – хорошая тенденция.

национального государства со столицей в Москве» (раздел 3). Мне вполне понятен переход от раздела 2 к разделу 3, но остается загадкой «российский» смысл раздела 1 и перехода ко второму. Несколько столетий истории России явно происходят вне ее территории, а то, что было непосредственно в пределах той страны, истории которой посвящен учебник, как будто вторично и не вызывает интереса. Мне кажется (хотя, может, это и наивно), что все-таки в период IX–XIII вв. на немаленькой территории от Дона до Тихого океана все же что-то происходило и жили какие-то люди. Причем, что немаловажно, эти люди являются предками тех десятков народов, которые живут в нынешней Российской Федерации.

К Руси я еще вернусь, но есть и более загадочные вещи: например, рассказ о Трипольской культуре (с. 14–15), которую мы уже вспоминали выше. Если «Русь» все же пребывает в некой связи с нынешними русскими и Россией, то при чем здесь проживавшие на территории Румынии и Украины трипольцы времен энеолита? Об их связи даже со славянами вряд ли можно говорить, а если брать географию, то до России их поселения точно не доходили. Причем автор (А. Н. Сахаров) поминает их в контексте индоевропейцев (что весьма сомнительно) и настаивает на их исключительно мирном характере (что тоже неправда). Ну да ладно, но все это на фоне почти полного умолчания о предках нынешних российских народов (полстраницы о том, что еще есть другие языковые семьи, кроме индоевропейцев на с. 16) и тех весьма развитых археологических культурах, которые они оставили. Одни степи Евразии, памятники и государства кочевников чего стоят, Пазырыкские курганы и мумии Горного Алтая! А о них – ни слова. Хотя нет – они (кочевники, а не курганы) возникают в параграфе «Первые нашествия», части главы «Происхождение славян. Их соседи и *враги*». Ответ получается простым: о предках всех нынешних россиян, кроме русских, не имеет смысла говорить, поскольку это враги славян. Как дополняют этот тезис автор, противостояние с этими врагами «замедляло общее развитие Восточной Европы, которая вставала на пути кочевников и защищала тем самым Запад» (с. 18). Мало того, что «враги», так на них еще и лежит вина за отставание некой «Восточной Европы» от неблагодарного «Запада», который там у себя, видимо, процветал за счет славянских страданий. Хотелось бы спросить также: а кто же защитил «Запад» от гуннов, авар, венгров, монголов, которые проскакивали «Восточную Европу» без остановок или без особых проблем? Батый остановился на Адриатике и поворотился вспять лишь потому, что надо было принять участие в разделе наследства в Монголии. Почему славяне вдруг не исполнили свою историческую миссию «защитить Запад», чтобы потом проклинать его «неблагодарность»?

Оказывается, что из-за своей деструктивной функции в истории русских история татар, которых в России все-таки несколько миллионов, не заслуживает на изложение в учебнике по истории их страны. Они возникают лишь как «враги», с которыми борются. Поэтому Золотая Орда фигурирует лишь в контексте борьбы с ее «игом», а Казанское, Астраханское и Сибирское ханства возникают лишь на последней странице своей истории – в момент покорения Московским государством которое, понятно, не «захватывало», а по сути справедливо мстило за предшествовавшее иго. Почему бы теперь России не напасть на Монголию? Башкиры возникают лишь для того, чтобы их восстание было подавлено петровскими войсками. Не встретить в книге ни хоть сколько-нибудь внятной истории ни Волжской Болгарии, ни Хазарии и других тюркских каганатов, ни Великой Перми и народов Поволжья и Сибири. Неплохо бы хотя бы объяснить – почему.

Притом оценки разных народов в книге весьма специфичны: они опираются на идеи очевидного превосходства одних народов и культур над другими и, соответственно, их разной (очевидно, положительной или негативной) роли в истории. Данный подход обычно справедливо именуется *шовинистическим* или *колониалистским*. «Варвары-кочевники (речь идет о сарматах. – *К. Г.*) не подтягивались до высокого тогдашнего уровня северных земледельцев или греческих мореходов, ремесленников и торговцев, а старались их свести до своего уровня» (с. 20). Мы наблюдаем в труде весьма авторитетных авторов явную установку на то, что оседлые земледельцы априори *выше по своему культурному уровню*, чем любые кочевники, а посему несут некую цивилизующую миссию. Можно подозревать, что читатель изначально подготавливается к тому, что будущая Российская империя (представляющая земледельцев-русских) будет нести своим колониям более высокую культуру и цивилизацию. Хотя в данном конкретном случае «северные земледельцы» (видимо, автор подразумевает под ними праславян) досарматского и сарматского периода отнюдь не потрясают высотами цивилизации – это если хоть как-то доверять археологам. Но наши авторы считают нужным добавить, что из-за нападения сарматов «*восточным славянам* (так в тексте. – *К. Г.*)… во многом приходилось начинать все сначала – осваивать земли, строить свои поселки» (с. 20). Мы воочию наблюдаем некий комплекс исторической неполноценности: славяне трудолюбиво рвутся к высотам цивилизации, но их все время «опускают» до «своего уровня» всякие кочевники. А в это время кто-то (наверное, «Запад») нежится в комфорте и прогрессирует гораздо успешнее. Вот если бы не всякие опускавшие нас «отсталые»,

мы бы уже таких высот достигли… Похоже, авторам (или, по крайней мере, редактору труда) такой «истории России» крайне досаждает некая «отсталость» (то ли восточных славян, то ли России) и им хочется извечное историческое кивание на «трехсотлетнее татарское иго» применить еще к нескольким историческим эпохам – вплоть до сармат. (Последние, кстати, тоже лет триста господствовали в Причерноморье.) Чем больше было в истории подобных «опусканий», тем понятнее и оправданнее нынешние «отдельные недостатки». Конечно же, теперь понимающий читатель даже ватерклозет в современной России сочтет рекордным достижением инженерной мысли сотен поколений предков, боровшихся против зловредных опускающих кочевников, а все достижения Запада – незаслуженными дарами провидения, искупленными славянской кровью, – так же, как и победа над фашизмом. И здесь уже мелочью покажется то, что относительно времен сарматов современные ученые не могут с большой определенностью сказать даже, *где именно предки славян тогда находились*, а уж до появления упомянутых «восточных славян» надо было подождать еще лет семьсот-восемьсот (они возникли в результате великого расселения славян VI–VII вв. наряду с западными и южными). Меня это смущает не только из-за навязчивых идеологических установок автора (или коллектива), но в том смысле, что *фактическая* история (даже без каких-либо оценок) в этом тексте начинает просто исчезать перед закомплексованым бредом… Поэтому на фоне удревнения восточных славян на семьсот лет меня уже не удивляет высосанная из пальца мысль о том, что гетман «Мазепа утвердил новое знамя для своих сторонников – желто-голубой флаг, который по цветам повторял знамя шведского королевства» (с. 394). И это – опять же из-под пера самого уважаемого редактора книги – член-корреспондента РАН А. Н. Сахарова. Хотя историкам даже неизвестно, был ли у Мазепы после перехода на сторону шведов в 1708 г. вообще какой-нибудь флаг, а уж тем более – какого он был цвета.

Есть в книге проблемы не только с историей, но и с географией. Сообщая, что название «анты» по-ирански означает «жители окраин», авторы указывают, что именно таковыми были древние восточные славяне «по отношению к иранским племенам, жившим в *юго-восточной части России*» (с. 24). Если речь идет о юго-восточной части *европейской* России (я не говорю об азиатской), то это район Самары или Саратова, который от антов Поднепровья весьма далек. Но, исходя из контекста (где тогда обитали иранские народы – соседи антов), возникает ощущение, что тогда Россия, видимо, находилась где-то в районе Среднего Поднепровья. И подобное

допущение не является моей вольностью: напоминаю, что на протяжении более чем ста страницах в первом разделе истории *России* излагаются события, происходившие в основном *вне России,* а именно – на территории нынешней Украины. Может, тогда она была частью России? Но вроде как на протяжении Средневековья это была *Русь*, которая свой политический и религиозный центр до распада имела в Киеве, а не в Суздале. Однако авторы считают этот огромный объем событий неотъемлемой и *основной* частью истории России IX–XIII вв., хотя по логике вещей к истории России в данном случае должна относиться лишь история словен новгородских, части кривичей, вятичей, Новгорода, Суздаля, Ростова, Мурома и Владимира-на-Клязьме. Я при этом, конечно, не призываю совсем опустить киево-русскую историю (это было бы глупо), ибо без Киева сложно понять происхождение будущей России, но не только же Киев был?

Для авторов гораздо более существенна, чем какой-то там далекий «Северо-Восток», деятельность князя Кия, жизнь приднепровского племени полян да и вообще все происходящее в Киеве. Напомню, что Новгороду и Ростову-Суздалю посвящено всего 10 страниц. Может быть, как-то это все следовало бы пояснить? Что корнями российская государственность через Московское государство и Владимиро-Суздальское княжество уходит к Древней Руси и государству Рюриковичей? И излагать в этом ключе? Ведь ничто не мешает французам и немцам подробно излагать события империи франков, от которых ведут свою государственность и те, и другие. Но *безоговорочная монополия* на франкское имперское наследие существовала только в нацистской Германии. И поскольку вышеупомянутое пояснение отсутствует, то читатель пребывает в убеждении, что Русь приднепровская (именно в Среднем Поднепровье она находилась в восприятии тех же жителей Суздаля) – это *Россия*, а если посмотреть на последующую историю, то совершенно непонятно, почему она перестала ею быть. Может, авторы считают, что Киев – это до сих пор Россия? Или что Русь, Московское государство и Российская империя – это одно и тоже историческое образование? Между ними существовала преемственность, но монополии тут быть не может, ибо такая позиция выбрасывает за борт современных украинцев, белорусов, частично литовцев, – а это несет очевидные политические выводы для современности и позволяет говорить о политическом заказе для подобного рода трактовок.

Во многом и понятно, почему так интересен Киев даже просто исторически. Если брать центр современной России – вокруг Москвы, то просто славяне добрались туда поздновато, что авторам, видимо, неприятно признавать, а местные финно-угорские народы почему-то не вызывают у них

симпатии (а почему? Как-никак – родственники и предки). При описании расселения восточнославянских племен накануне образования Древнерусского государства указано, что «в чащах междуречья Оки, Клязьмы и Волги жили вятичи, в землях которых главными городами были Ростов и Суздаль» (с. 28), но здесь речь идет (как поминает сам автор) о VIII в., когда на Волге никаких вятичей еще и в помине не было, они лишь двигались туда, добравшись до великой русской реки в X в. Хотя в изложении получается, что все племена уже как бы заняли «максимальные» позиции. Правда, ниже по тексту пришлось указать, что «Ростов был поначалу главным поселением мери, а Белоозеро – веси» – угро-финских племен. Так что «невнимание» к землям Центральной России (если не считать таковой по странной логике авторов Киев) объясняется отсутствием там до поры до времени славян. «Ученые считают, что название Москва также восходит к финно-угорском языку» (с. 29). Да, считают. Поскольку вятичам пришлось «расселяться», то авторы не преминули указать, что к западу от полян также «расселились волыняне и бужане». Заметим, что земли Волыни по любым теориям находятся в пределах изначальной прародины славян, потому волыняне могли там разве что «оформиться» как «племя волынян», но вот *расселяться* им там не было никакой нужды. Разве что они оттуда уходили, а потом вернулись. Но об этом история умалчивает.

Обратной стороной вынужденного отставания славян от Запада должна быть их тормозимая врагами очевидная талантливость. Поэтому, говоря о Среднем Поднепровье, патриотичный славянский автор пишет: «Восточные славяне прекрасно знали наиболее удобное время тех или иных полевых работ и сделали эти знания достижением всех здешних земледельцев» (с. 30). Редкая по своей оригинальности мысль, поскольку окромя самих восточных славян, других земледельцев в Среднем Поднепровье не наблюдалось… Видимо, поэтому авторы и забыли назвать этих благодарных учеников. Но раз уж славяне так точно знали, когда что сеять и убирать (они и их предки в этих климатических условиях занимались земледелием уже с пару тысяч лет – имели опыт), то должны же они были кого-то просветить? Но через пару страниц автор почему-то опять начинает оправдываться: «Так, восточные славяне оказались по темпам хозяйственного, общественного, политического и культурного развития на среднем уровне. Они отставали от западных стран – Франции, Англии. Византийская империя и Арабский халифат с их развитой государственностью, высочайшей культурой, письменностью стояли для них на недосягаемой высоте, но восточные славяне шли вровень с землями чехов,

поляков, скандинавов, значительно опережали еще находившихся на кочевом уровне венгров, не говоря уже о кочевниках-тюрках, угро-финских лесных жителях (а как же обитающие «в чащах» вятичи? – *К. Г.*) или живущих изолированной и замкнутой жизнью литовцах». Слава Богу, хоть кто-то был более «бескультурным», хотя заметим, что большая часть восточных славян в Средние века жила довольно изолированной и замкнутой жизнью.

И еще об «историческом патриотизме» в истории России. Касаясь возникновения названия «Русь», автор даже не допускает мысли о том, что это неславянское слово (хотя это неопровержимый факт). Пустившись в рассуждения о том, что слово «русы» (а его *вообще нет* в древнерусских источниках), скорее всего, обозначает русых людей (а известно, что многие русские – русые), автор никак не может согласиться с мнением Нестора Летописца (целиком доверяя ему в других моментах), что это скандинавы-варяги. Последние на всякий случай называются «легендарными и не разгаданными до сего времени» (с. 35). Это все равно, что писать о «легендарных и не разгаданных до сих пор викингах». Если относительно реальности фигуры Рюрика или о факте «призвания варягов» можно еще спорить до бесконечности, то уж о том, кто такие варяги *вообще,* у историков никогда не было никаких сомнений – это скандинавы. Хотя на с. 50 тот же автор абсолютно спокойно пишет о том, что Владимир из Новгорода бежал «к варягам» и там же «нанял отряд варягов». Но не пишет, что бежал Владимир к варягам именно в Швецию, а не в какую-то Южную Балтику, которая ему, очевидно, симпатичнее (там были славяне).

В крайне путаном изложении о миграции этнонима «Русь» появляется ценная мысль, что потомки русинов и русов живут «до настоящего времени на Балканах, в Германии… под своим собственным названием "русины", т. е. русые люди в отличие от блондинов – германцев и скандинавов и темноволосых обитателей юга Европы». Умолчу о загадочных русинах в Германии (там из славян живут только лужицкие сербы), но банальное ученическое знакомство с антропологией (даже в российских учебниках) скажет нам, что славяне по пигментации волос светлее на севере и темнее на юге, в основном не отличаясь цветом волос от соседей других национальностей той же широты, – на севере Европы, в Центре ли или на юге. Что ж до русинов южной Европы – то это мигранты с юго-западных земель нынешней Украины (Галиция и Карпаты), где в XIII в. закрепилось самоназвание «русины», просуществовавшее до конца XIX в. Но та же антропология нам скажет, что русоволосость

отнюдь не является доминирующей среди галичан или закарпатцев. Название говорит всего лишь об их происхождении от древнерусского населения и стабильности названия «Русь» (Руськое воеводство и т. д.) для юго-западной Украины. Компетентный автор не мог не упомянуть о «норманнской теории» происхождения Русского государства. Указав на ее полную беспочвенность, он уточняет (чтоб ее окончательно похоронить), что «эта теория нередко использовалась на Западе в периоды противостояния нашей Родины и ее западных противников» (с. 36). То есть быть «норманистом» – просто служить врагам России. И, естественно, нельзя было не упомянуть о культурном и политическом отставании Скандинавии от славянских земель, что просто бы не позволило викингам что-то у нас создать. Правда, это не помешало отсталым скандинавам тогда же основывать государства в Британии, Ирландии, Нормандии, Сицилии. Автор постоянно настаивает на том, что варяги пришли с южного побережья Балтики, т. е. от братских славян. Но это же ведет буквально к тому, что Русь основали *поляки*. Это же тоже непатриотично… Далее пишется, что Новгород и Киев стали называть себя Русью – «северной и южной». Никогда никто в древней Руси не употреблял выражения «Северная Русь» и «Южная Русь».

Касаясь в своем рассказе все-таки некоторых будущих российских территорий и описывая, как представители ростово-суздальского боярства убили князя Андрея Боголюбского, автор вдруг делает глобальный вывод: «События во Владимиро-Суздальской земле показали, что центр политической власти окончательно переместился с юга на север Руси» (с. 137). Мысль свою он при этом никак не поясняет, хотя ее истоки откровенно неясны. Того же князя Андрея касается рассказ о том, что в своей борьбе с боярством он опирался на города, и это был тот же процесс, что и в Западной Европе (ух ты: как на Западе!). Правда, известно, что крупные вечевые города Боголюбский откровенно не любил и игнорировал, и свою резиденцию Боголюбово он построил специально, чтобы не зависеть от воли порой чрезмерно самостоятельного Владимирского вече. Дальнейшее изложение тоже отличается оригинальностью. «Хотя Господин Великий Новгород» не подвергся нашествию, но и он был вынужден признать власть Батыя» (с. 163). Здесь упущен момент, что признать Батыя заставил новгородцев великий русский герой князь Александр Невский, об этом автор стыдливо умалчивает. У него Батый ухитряется захватить столицу Венгрии *Будапешт,* возникший в 1867 г. административным объединением трех меньших городов – Пешта, Обуды и Буды.

И вообще, неплохо бы хоть указать, когда появилось само слово «Россия». В любом украинском учебнике мы встретим хотя бы факт первого

упоминания слова «Украина» – 1187. А здесь мы как-то теряем момент, когда заканчивается «Русь» и начинается «Россия». Возможно, автору просто не хочется этого делать – ведь опять окажется, что слово «нерусское», правда, теперь уже греческое?

В общем, мы пробежались лишь по паре первых разделов книги, написанной ведущими российскими историками из ведущего академического института российской истории. Может быть, достаточно, читатель? Если уж кто и может написать «общую историю», по поводу интерпретации которой в Украине столько возмущения сейчас слышится из Москвы, то лишь ведущие научные институции обеих стран. Но как можно создавать какую-то «общую историю» с теми, кто даже свою историю излагает как бредовую путаницу отдельных фактов вне контекста, сокрытия неудобных, комплекса исторической неполноценности, славянского (или великорусского) шовинизма, игнорирования нерусских народов, колониалистских установок и «исторической и агрессии» на нероссийские земли? Пусть сначала хоть обнаружат Россию на карте… – это же все-таки история *России*. Хотя последнему есть простое объяснение, на с. 20, в начале главы «*Другие* народы на территории России в глубокой древности» (я тут не обращаю внимание на термин «другие народы»):

> *«В те далекие времена формируются не только племена, которые впоследствии превратились в восточных славян, а в дальнейшем дали начало трем славянским народам, **в течение долгих времен населявших Россию**, – русскому, украинскому и белорусскому».*

Видите? И российского (не только советского) учебника ларчик просто открывается: просто не было ничего, кроме России. Поэтому уже нет нужды писать «общую историю Украины и России» – она тут уже написана. И называется она «история России».

Итак, сравнив творчество советского и постсоветского российского авторов, мы можем заметить, что концепция действительно изменилась. В советском учебнике по возможности игнорировалось все, могущее подвергнуть сомнению первенство Москвы в «воссоединении русских земель». Он концентрировался на доминирующей роли будущих великороссов. Не знаю, могу ли считать А. Н. Сахарова «постсоветским автором», ибо большую часть своего научного роста и карьеры он осуществил в советскую эпоху, но его концепция уж точно иная. Он не задается целью в изложении древнерусского периода как-то поднять роль будущей

России – *он просто считает «Россией» все, всю Русь, во всех ее составляющих.* Не могу сказать, что это прогресс, с учетом нынешних постсоветских реалий. И если в советском учебнике потенциальная Украина хоть как-то подразумевается, то в этом, российском, – уже нет.

16. Где ты, Русь? Спектр российской исторической правды для школьников

Как указывалось в начале предыдущего раздела, речь шла о пособии для студентов. Но в вузы попадают не все юные граждане, поэтому уместно поинтересоваться: а как дела в школе? Приятно отметить, что А. Н. Сахаров уделил внимание и среднему образованию: *«История России» для 10 класса, период с древнейших времен до конца 17 века (серия «Академический школьный учебник», М., 2007).* Можем сравнить подходы для разных аудиторий.

В основном – все то же самое и теми же словами. Трипольская индоевропейская культура – в наличии, правда, здесь уже есть уточнение, что не все ученые считают трипольцев индоевропейцами. О неславянских народах и их достижениях в основном умалчивается. От сармат пострадали уже не «восточные славяне», а «праславяне». Хоть начали ошибки исправлять: в школе, в отличие, от Академии наук, за этим, наверное, следят. Фразы об «опускании» славян кочевниками и о вынужденном отставании в развитии первых исчезают. Относительно антов исчезают назвавшие их иранцы «юго-восточной России». Пункт «Славянский вождь Кий. Основание Киева» без изменения содержания переименован в вариант «Славянский вождь Кий. Славяне на берегах реки Волхов». Такое впечатление, что кто-то указал уважаемому автору на необходимость хоть как-то упоминать земли нынешней России, что он и делает, правда в основном в названиях пунктов. И особо заметный бред после «школьной редакции» исчезает, хотя не весь. Вятичи оказываются в расплывчатых «истоках Волги» вместо конкретного «междуречья Оки, Клязьмы и Волги». В параграфе о «Появлении государства у восточных славян» вдруг наряду с названиями «Русь» и «руссы» появляются напрочь отсутствующие в пособии для вузов «русины». Исчез рассказ о том, как восточные славяне неизвестно кому

передали навыки земледелия в Среднем Поднепровье. При описании споров норманистов и антинорманистов автору пришлось все же заметить, что первые норманисты не были врагами русского народа, а пытались «возвысить» династию Рюриковичей. В отличие от вузовского пособия, в школьном учебнике даже есть указание на последние публикации современных продолжателей этих споров.

От идеи про то, что «Русь» – это от «русых» и от западнославянского происхождения варягов, автор все же отказаться не смог. Добавлена ценная мысль о том, что среди славян V–VI вв. «было немало племен с названиями «руссы», «русины»» (с. 54). Это – несомненно, новое слово в науке, но вряд ли оно будет принято специалистами по этому периоду. Отсутствуют нудные посыпания головы пеплом по поводу «уровня развития» Руси по сравнению с другими странами. Видимо, редактор был более оптимистичен (или считал, что лучше не сравнивать). Как и в пособии, указывается, что «с точки зрения общеисторического развития политическое дробление Руси – закономерный этап на пути к будущей централизации страны и будущему экономическому и политическому взлету уже на новой основе» (с. 110–111). Можно понять, что автор не видит никаких иных перспектив для наследников Руси, кроме как по любому быть объединенными неким будущим «централизатором» «на новой основе» (в пособии – «цивилизационной основе»). Кого и в какое время имеет в виду А. Н. Сахаров – неясно, хотя предполагать, конечно, можно. Хотя… Если «новая цивилизационная основа»?.. Возможно, имеются в виду наследники Юрия Долгорукого, при которых Северо-Восточная Русь «прочно заняла ведущее место среди других русских земель». Тезис несколько спорный, если автор склонен оперировать пространством Руси от Волги до Карпат.

Батый прерывает свой поход на Запад, потому что его войско было «слишком ослаблено», хотя известно, что причина заключалось в другом. Поминается, что Литва давала защиту многим русским землям от Орды, но конкретные события и битвы не упоминаются – видимо, надо было подождать Дмитрия Донского и Куликовскую битву. Потом, когда укрепляется Московское государство, про литовскую «защиту» уже забыто, и речь идет о «русских землях, захваченных Литвой». Часть, которая в пособии называется «Создание русского национального государства со столицей в Москве», в школьном учебнике уже оформлена как «Образование единого государства – России». Видимо редактора тоже, как и меня, заинтересовало: а когда же в «истории России» возникает сама Россия? Скрепя сердце, уточнили. Но упрямый автор вместо «российского государства» любит всегда писать «русское», которое у него в пособии (как уже поминалось) является «русским *национальным*»,

а в учебнике – почему-то «русским *многонациональным*» (с. 188, период – тот же). Так каким оно все-таки было – это «русское государство»? Политкорректный редактор напомнил о существовании «других народов»?

Не упоминая ранее нигде о древнерусской народности, автор вдруг в XV в. обнаруживает «складывание великорусской народности». А раньше кто был? А затем (внимательней!) «начинается отделение от нее [великорусской. – *К. Г.*] других частей бывшей единой древнерусской народности» (с. 189). «В результате ордынских нашествий и захватов литовских, польских, венгерских правителей шло формирование украинской (малороссийской) и белорусской народностей» (с. 190). Интересны пути формирования народностей у А. Н. Сахарова. Вот великорусская, например, образуется в результате наличия «общих задач в борьбе за национальную независимость с Ордой, Литвой и другими противниками, традиций, идущих из времен домонгольской Руси, стремления к единству» (какие молодцы), а вот украинская и белорусская – лишь в результате «ордынских нашествий и других захватов». Т. е. одни – крепкие активные ребята, а другие – некая пассивная масса. Хотя активней боролись с «ордынскими нашествиями» отнюдь не в области «великорусской народности» и отнюдь не там больше всего ощущались «традиции домонгольской Руси». Вспомним, что до прихода монголов Северо-Восток даже «Русью» никто не называл. Интересен факт, что украинцы и белорусы отделялись *от великоруссов* – хотя проще было бы сказать, что древнерусская народность распалась на тех и на тех. А в изложении А. Н. Сахарова веет украинским сепаратизмом и «старшим братом». Приятно, что (видимо, по просьбе редактора) автор был вынужден добавить пункт «Нерусские народы» (две страницы, с 310-й по 312-ую). Мелочь, а приятно. Нашлось им таки достойное место в истории России.

Дальше? Получил некую льготу гетман Мазепа, ибо был упомянут только в двух предложениях: как вступивший в сговор с врагом и как бежавший после Полтавы. Обошлось без «предательства». Интересной идеи о происхождении украинского знамени от шведского уже нет. А вообще, чувствуется, что национальный вопрос и всякие народности Российской империи автора мало интересуют. В истории XIX в. в одном предложении упоминается польское восстание 1830–1831 гг., а о столь же кровавом восстании 1863 г., определившим осознание в Российской империи «национального вопроса», – вообще ни слова. Видимо, в империи не было проблем с национальностями: они попадают в изложение лишь по случаю их присоединения в главах, посвященных «внешней политике», после чего исчезают и во «внутренней политике» уже не обнаруживаются. Ау! Где вы, народы «многонациональной России»?

Ну да ладно. Бог с ним, с член-корреспондентом А. Н. Сахаровым. Устал кандидат наук русофоб К. Ю. Галушко огульно критиковать просветительские труды метра. Тем более что в России – плюрализм мнений, и посему – не одними книжками А. Н. Сахарова выстлан путь российской молодежи к глубинам исторического знания. Поехали дальше. Дежурные «больные темы» мы уже выяснили, поэтому я буду более краток.

Н. И. Павленко, И. Л. Андреев, Л. М. Ляшенко. История России с древнейших времен до конца 19 века. 10 класс. – М., 2007. Если читатель не забыл мой раздел о «забытом» столетии украинской истории, то я готов его поздравить: мы снова встретились с Н. И. Павленко. Поэтому неудивительны повторы текстов 1989 г. в 2007 г. Хотя в целом учебник весьма основательный, вдумчивый и толковый. В этом он явно будет «посильнее» учебника моего любимца А. Н. Сахарова, хотя для школы порой может быть и сложноват. Авторы не ударяются в бесплодные поиски варягов и русов – нескандинавов. Вятичи размещаются не в «истоках Волги», а на «Оке и ее притоках». Есть пункт «Соседи восточных славян» – не «враги». С соседями не воюют, а «общаются». Есть финно-угры, «поселившиеся на Русской равнине еще до появления славян», – это хорошо. Кочевники воспринимаются спокойно, их отношения с русскими княжествами состоят не только из враждебных разрушительных набегов. Неизбежная древнерусская народность возникает в пункте о «Культуре Древней Руси». Утверждается:

> *«Развитие древнерусской культуры неразрывно связано с возникновением единой* ***древнерусской народности****. При этом основанием ее формирования служила не столько этническая общность, – Русская земля объединила разные племена и этносы, между которыми наблюдались большие различия, – сколько единые литературный язык, вера, система духовных ценностей, утверждавшиеся в процессе христианизации, культура в целом»* (с. 32).

Можно почти согласиться с авторами, но: «признаки» древнерусской народности делают ее настолько расплывчатой, что понятие «народность» здесь становится каким-то лишним. (Я сам не сторонник употребления термина «народность» (хоть древнерусская, хоть украинская) – в виду его научной бессмысленности.) Есть некая общность, есть «земля», но «разные племена и *этносы*» не могут составлять одну народность, ибо «народность» предполагает *этническую целостность*.

Распад Руси на уделы воспринимается авторами без особого душевного надрыва, ибо: «…земли, объединенные в своеобразный “суперсоюз” племен – Древнерусское государство, – не были прочно экономически и социально связаны, распад оказался неизбежен» (с. 37). О запрограммированности распавшейся «древнерусской народности» на будущую «централизацию» не говорится. Понятно, что «распад не означал утрату всех связей». Согласно традиции учебника 1989 г. (который был «российскоцентричен»), авторов больше интересует Северо-Восточная Русь и Новгород, – но для истории России это уже вполне естественно и понятно. Зато упоминается, что Галицко-Волынское княжество просуществовало до середины XIV в. (ура! исправились!).

Констатируя некую провинциальность Северо-Востока по отношению к Югу («медвежий угол»), авторы компенсируют это тем, что рождают термин «Залесская Русь», но который приписывают не себе, а «сознанию [тогдашних] жителей Поднепровья». Не было у них такого в сознании. Замечу: я не придираюсь, а лишь пытаюсь показать, как происходит вольное обращение с разными названиями и терминами, а выводы о его причинах и намерениях, вольных или невольных, здесь можно делать и без моей подсказки. Когда во Владимир переносится «столица», то в отличие от 1989 г. она переносится не из Киева, а из Суздаля (т. е. столица княжества, а не Руси), что не может не радовать. Говоря о «борьбе с экспансией Запада», уже равной мерой отмечены и литовцы Миндовга, и Даниил Галицкий. Псков уже пребывает в 1242 г. в «союзном договоре с Ригой», а не захвачен немецкими феодалами. Александр Невский и Чудское озеро есть, однако *его первой хрестоматийной Невской битвы 1240 г. – нет*. А вот это уже сильно. Даже без объяснения причин. Неужели святой лик Александра Невского начинает меркнуть? Он (Александр) просто «соперничает» с братом Андреем, который был противником Орды, в то время как у А. Н. Сахарова Андрей борется против Орды исключительно из зависти к славе брата Александра. Не от какого-нибудь там «патриотизма», – а вот Александр, отдавший монголам незавоеванное ими, – настоящий национальный герой. Правда, проблески «сахаровщины» встречаются и здесь. Уважаемый метр любит сравнивать «уровень развития» Руси и Запада. Н. И. Павленко с соавторами пишут:

> *«Русские княжества “стартовали”, несомненно, с более низкого уровня экономического развития, чем европейские страны в период образования национальных государств. Это значит, что участвовавшие в борьбе за*

> *политическую гегемонию русские князья должны были восполнять недостаток материальных ресурсов сосредоточением в своих руках огромной власти. Эта власть была призвана компенсировать экономическую недостаточность, изымая и направляя значительную часть общественного совокупного продукта на общенациональные цели» (с. 56).*

Ну далась вам эта национальная централизация! Все в погоне за схемой развития Западной Европы, равнение – на Запад. Может, так и нужно (хотя и там не все ясно с этими «национальными государствами»), но утверждалось же в книге ранее, что «из восточной окраины европейского мира русские княжества превратились в западную окраину Золотой Орды» (с. 51). Может, и вектор несколько сменился: если внешне похожие цели достигаются заметно разными средствами, то полученный общий результат тоже будет несколько отличаться. Все равно «Европы» не получится, как ни распоряжайся «общественным совокупным продуктом». Но ведь это не ужасно, если вообще говорится об уникальности российской цивилизации и т. д. Может, она действительно уникальна?

Литва поначалу оценивается положительно, как «балтославянское государство», предложившее русским князьям «альтернативу сопротивления, а не подчинения ордынским “царям”». Вскоре авторы компенсируют несуществовавшую «Залесскую Русь» действительно фигурировавшей в источниках (например, в «Задонщине») «Залесской Ордой» (с. 59). В очередном пункте о культуре (XIV–XV вв.) мы опять встречаем «народности»:

> *«Существование в новых политических границах и социокультурных пространствах привело к распаду прежней общности и началу образования новых – русской (великорусской), украинской (малороссийской) и белорусской – народностей. Для их культур характерно осознание общности и генетической близости. Вместе с тем каждая из них обретает свои качественные черты, в которых ощутимы этнические особенности и специфические условия их исторического развития» (с. 86).*

Похоже, что авторам было бы действительно проще говорить именно о некой абстрактной «общности», а не о конкретной «народности». Чувствуется,

что термин «народность» здесь действительно от лукавого, но изложено все не в пример корректнее, чем у А. Н. Сахарова. Что роднит оба текста в остальном – отсутствие национального вопроса в Российской империи, отсутствие польских восстаний и национальной политики. Ну, и опять почти отсутствуют нерусские народы. Правда, кавказские горцы – не такие мерзавцы, как у А. Н. Сахарова, и Кавказ покоряется Россией более жестоко.

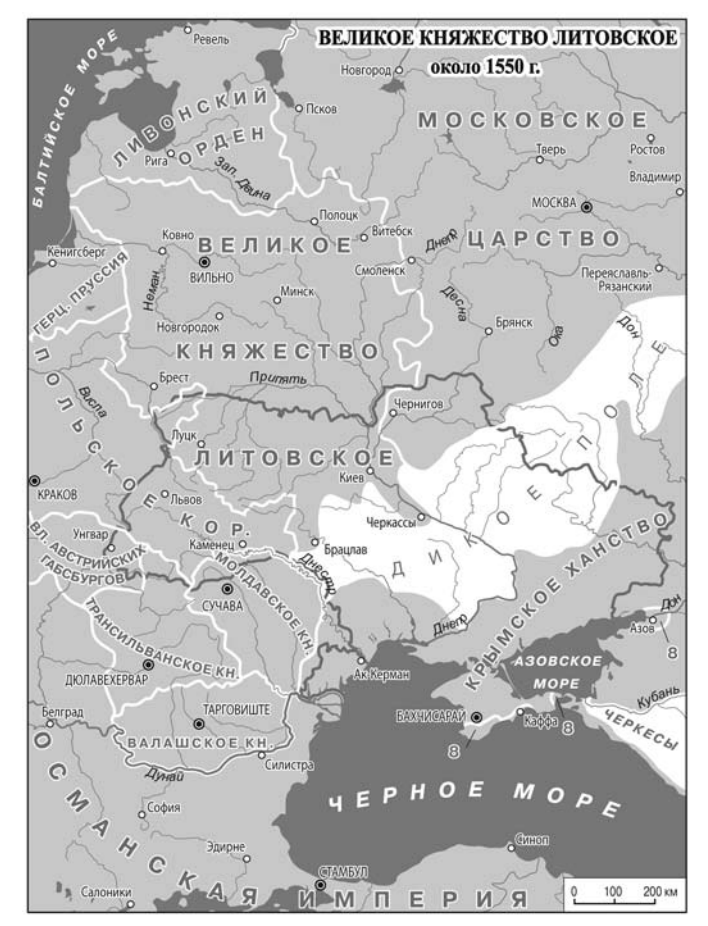
Обратимся к учебнику, один из авторов которого, И. Н. Данилевский (как и А. Н. Сахаров), является известным ученым – специалистом по Древней Руси: *И. Л. Андреев, И. Н. Данилевский, В. В. Кириллов. История России с древнейших времен до конца 19 века. 10 класс. – М., 2007.* Вполне здравый и вдумчивый текст, сочетающий внимательный анализ политических, социальных и культурных процессов в «Руси и России».

Авторы, в отличие от А. Н. Сахарова вполне научно, без излишней апологетики раскрывают формирование индоевропейцев и вычленение из них балтославян, а затем и славян. Авторы не преминули дать (в отличие от других нами поминаемых) определение того, чем является «народ (или этнос)» (с. 9). «Замечаются» ими и соседи (не «враги») славян – балты, финно-угры и тюрки, хотя весьма кратко. На карте «Образование древнерусского государства» (с. 15) соседи выделяются цветом по языковой принадлежности (угро-финны, летто-литовцы) и хозяйствования (степные кочевые племена). Карты в этом учебнике не являются копией советских учебных карт и информативнее последних. Варяги оцениваются нейтрально; авторы указывают, что существуют разные точки зрения на их происхождение. Тенденции к раздробленности Руси справедливо усматриваются с X в., а XI в. заканчивается установлением династического правления отдельных ветвей потомков Ярославичей в отдельных землях-волостях. В параграфе о культуре Древней Руси говорится, что «при переводе священных текстов формировался литературный язык славян – церковно- или старославянский, положивший начало древнерусскому литературному языку» (с. 29). Правда, не указывается, что он в своей основе был староболгарским, а на каких языках (диалектах) говорило население, не входящее в число грамотных «священников и монахов (около 2 % взрослого населения)», не упоминается. Затем у нас в более современной трактовке появляется древнерусская народность (с. 32, выделения мои. – *К. Г.*):

> *«Традиционно считалось, что в древнейший период (до XII в.) на территории Древнерусского государства сформировалась единая древнерусская народность. Основой этнического образования были якобы единый язык*

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ
около 1450 г.
НОВГОРОД
НОВГОРОДСКАЯ РЕСПУБЛИКА
ПСКОВСКАЯ РЕСП.
ПСКОВ
1 ЯРОСЛАВЛЬ
2 РОСТОВ
ТВЕРЬ
ВЕЛ. КН. ТВЕРСКОЕ
3
МОСКВА
ВЕЛ. КН. МОСКОВСКОЕ
ПЕРЕЯСЛАВЛЬ-РЯЗАНСКИЙ
ВЕЛ. КН. РЯЗАНСКОЕ
Дон
БОЛЬШАЯ ОРДА
Ока
Брянск
Северский Донец
Десна
Чернигов
Смоленск
Витебск
Полоцк
Днепр
ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ
Минск
Припять
Киев
Черкассы
Брацлав
Зона литовского влияния
Днестр
Белгород
Азак/Тана
КРЫМСКОЕ ХАНСТВО
Крым/Солхат
Каффа
4
5
ЧЕРКЕСЫ
Кубань
АЗОВСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
Синоп
7
6
КОНСТАНТИНОПОЛЬ
ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ
ЭДИРНЕ
София
Салоники
Дунай
ТАРГОВИШТЕ
Силистра
ВАЛАШСКОЕ КН.
МОЛДАВСКОЕ КН.
СУЧАВА
Каменец
Львов
Луцк
Брест
ПОЛЬСКОЕ КОР.
Унгвар
КРАКОВ
Висла
ВЕНГЕРСКОЕ КОР.
Дюлавехервар
Белград
СМЕДЕРЕВО
СЕРБСКОЕ КОР.
ТЕВТОНСКИЙ ОРДЕН
Ревель
Рига
Зап. Двина
Ковно
ВИЛЬНО
Новгородок
Неман
Кенигсберг
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
0 100 200 км

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ
около 1550 г.
МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО
Ростов
Владимир
Переяславль-Рязанский
Тверь
МОСКВА
Ока
Брянск
Десна
Днепр
Новгород
Псков
Полоцк
Витебск
Смоленск
Чернигов
ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ
Минск
Припять
Киев
ДИКОЕ ПОЛЕ
Дон
Ревель
ЛИВОНСКИЙ ОРДЕН
Зап. Двина
Рига
Ковно
ВИЛЬНО
Новгородок
Неман
Брест
Луцк
Львов
Каменец
Брацлав
Черкассы
Днестр
МОЛДАВСКОЕ КН.
СУЧАВА
ПОЛЬСКОЕ КОР.
КРЫМСКОЕ ХАНСТВО
Азов
Кубань
ЧЕРКЕСЫ
АЗОВСКОЕ МОРЕ
Каффа
БАХЧИСАРАЙ
Ак-Керман
ЧЕРНОЕ МОРЕ
Синоп
ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ
СТАМБУЛ
Силистра
ТАРГОВИШТЕ
ВАЛАШСКОЕ КН.
ТРАНСИЛЬВАНСКОЕ КН.
ДЮЛАВЕХЕРВАР
София
Эдирне
Салоники
Белград
Дунай
Унгвар
ВЛ. АВСТРИЙСКИХ ГАБСБУРГОВ
КРАКОВ
Висла
ГЕРЦ. ПРУССИЯ
Кенигсберг
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
8
0 100 200 км

Первое «собирание русских земель»…

Мы можем заметить, что к XV в. Литва уже собрала как минимум половину «русских земель» (юг и запад Руси), которые себя ощущали в ее составе вполне комфортно. Если сравнить с окружающей пестротой разных государственных образований (одних «российских государств» почти с десяток) Великое княжество выглядит ничем не хуже Киевской Руси – и по географическим масштабам и уж тем более по степени единства. В середине XV в. бывшие украинские удельные княжества (Волынское, Киевское, Черниговское) уже доживали последние годы. В дальнейшем старые княжеские роды утратят свои «столы» - однако их роль в высокой, а уж тем более в местной, политике от этого существенно не уменьшится.

А вот в сер. XVI ст. ситуация меняется: уже слышна ария «московского гостя». Московская держава в конце XVI в., расставшись наконец-то с Ордой, спохватилась и начала свое «собирание». Постоянное давление со стороны Москвы и все более разорительные набеги со стороны Крыма, ставшего вассалом Стамбула, все интенсивнее толкали Вильно в объятия Варшавы – что и зафиксирует Люблинская уния 1569 г. Зато на «белом пятне» карты этот новый исторический период будет отмечен первой Сечью Дмитрия Байды-Вишневецкого.

восточных славян, а также общая территория проживания, единая экономика и общая традиционная культура. Впоследствии данная народность распалась, что привело к зарождению современных восточнославянских народов: русского, украинского и белорусского. Это произошло в эпоху раздробленности русских земель, когда отдельные княжества и области оказались разделены политическими, экономическими и культурными барьерами. ***Однако современные антропология, этнология, лингвистика, археология, нумизматика и метрология свидетельствуют, что такие барьеры появились задолго до возникновения Древнерусского государства, а между отдельными группами восточных славян издавна наблюдались существенные различия****. (Выделение мое. – К. Г.) Лишь позднее, по мере христианизации русских земель, начался процесс формирования единой древнерусской культуры и единой древнерусской народности. Основой его явилось не столько общее происхождение населения указанных земель (как вы помните, здесь жили не только восточные славяне, но также угро-финские, балтские, тюркоязычные и другие народы), сколько единый литературный язык, единая вера, единая система духовных ценностей. Другими словами, появление на исторической арене древнерусской народности было бы невозможным без той культуры, которая сформировалась в первые столетия существования государственности у восточных славян».*

После справедливого замечания, что традиционное российско-советское начало древнерусской народности, припадающее на IX–XI вв., не соответствует действительности, дальше начинаются некоторые странности. Убедившись, что «с рубежа XI–XII вв. Русская земля как нераздельное целое, находящееся в общем держании князей-родственников, перестала быть политической реальностью», дальше мы выясняем, что «тем не менее этническое и культурное единство территорий, входящих в состав Древнерусского государства, сохранилось». Это как получается? Если «в древнейший период (до XII в.)» единая древнерусская народность не сформировалась (как можно понять из вышеприведенной длинной цитаты), то какое же «этническое единство» унаследовали земли-волости «с рубежа XI–XII вв.»? Или формирование древнерусской народности

происходит уже после того, как «Русская земля как неразделельное целое, … перестала быть политической реальностью»? Ведь на той же с. 35 указано: «На обломках Киевской Руси возникли довольно крупные самостоятельные государства. Каждое из них вполне сопоставимо по своим формам и размерам с западноевропейскими раннефеодальными государствами». Как в таких условиях может формироваться «единая древнерусская народность»? Несколько парадоксальная получается ситуация, или же авторы, дающие в одном месте свое понимание понятия «народ (или этнос)», не совсем точно знают, что же они подразумевают под «народностью». Определения же последней почему-то в тексте учебника нет, и я для себя никак не могу понять, когда же и почему она формируется, и почему позже, а не раньше, как «традиционно считалось». Опять вопрос о древнерусской народности лишь запутывает ситуацию: и сказать о ней считается должным, но объяснить, что ж это такое, все равно никто не способен. Такое впечатление, что российским авторам было бы легче об этой самой народности не писать, ибо слишком много вопросов возникает. Легче писать вообще о Руси ничтоже сумняшеся как об истории России (в жанре А. Сахарова) и не поднимать сомнительных тем.

Относительно того, что конкретно считалось «Русской землей», авторы как будто следуют рекомендованной мною логике – т. е. не уточняют. При описании периода раздробленности основное внимание привлекают не отдельные земли-княжества как территориальные образования (традиционный подход), а типы организации власти, или, как сегодня бы сказали, – политические режимы. Выделяются три типа: раннефеодальная монархия, феодальная республика и деспотическая монархия. Первый – это Киевское и Галицко-Волынское княжества, второй – Новгород, третий – Северо-Восток (Ростов, Суздаль, Владимир-на-Клязьме). В этом анализе можно усмотреть либерально-гражданские установки авторов, желающих, дабы ученик делал собственные поучительные выводы о «сквозных проблемах» российской государственности.

Подробнее, чем в других учебниках, здесь рассматривается экспансия Монгольской державы и вполне справедливо пишется, что неожиданное спасение Западной Европы было вызвано смертью в Монголии «великого каана» и необходимостью выбора нового. Внимание авторов к «политическим режимам» позволяет им не сваливать все проблемы с российским деспотизмом на «Иго», а вполне корректно уточнить, что «*близость систем управления Северо-Восточной Руси и Орды* закрепила и расширила деспотический принцип на территории княжеств, подпавших под гнет завоевателей» (с. 50, курсив мой. – *К. Г.*). Далее следует грустный рассказ, как

владимирские князья приглашали монголов для устранения политических оппонентов. «Дальнейший ход событий на северо-востоке Руси является историей борьбы князей за право распоряжаться этими землями от имени Орды» (с. 51), а не какая-то там борьба за освобождение Русской земли.

Вполне в духе академической монографии одного из авторов И. Н. Данилевского «Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.)» (М., 2001) представлена фигура Александра Невского: он отнюдь не столь «велик», как изображается в других учебниках. Битва на Чудском озере занимает действительно достойное место: не страничное описание «ледового побоища», а *одно предложение* в перечислении целого ряда сражений с немецкими рыцарями. Достойная роль отведена и литовцам, разгромившим крестоносцев в 1236 г. под Шауляем: «Продвижение завоевателей на восток было не просто остановлено – их отбросили назад, к границам 1208 г.» (с. 54). Помянут и Даниил Галицкий, а окончательная точка в войнах с Орденом поставлена в 1268 г. Раковорской битвой, где победили войска переяславльского князя Дмитрия Александровича. Последний же широкой общественности России практически неизвестен (равно как и сама Раковорская битва), поскольку все думают, что Орден разгромил Александр Невский еще в 1242 г. Кстати, Невская битва 1240 г. в данном учебнике отсутствует (без объяснений), как и в учебнике Н. И. Павленко*. Здесь пишется (в пределах одного предложения о Чудском озере) несколько загадочно: «Александр Ярославич, вошедший в историю под прозвищем Александра Невского» (с. 55). А почему под именно таким прозвищем? Возможно, просто не хотелось объяснять, что чрезмерно много популярных выдумок связано с «Невским», а школьникам рано знать, что в российской истории много таких «искажений»… То есть, как со многими другими вещами: то, о чем неприятно говорить, становится «фигурой умолчания». Хотя это тоже некий шаг к истине… Но умолчание никак не поможет юным зрителям российского киношедевра «Александр. Невская битва» (2008), исполненного в жанре «музыка народная, слова ФСБ». Историческая правда – это, детки, для специалистов…

Переходим к Литве:

> *«Великое княжество Литовское, Жемоитское и Русское в древнерусских летописях и в современной литературе именуют Литвой. Сами жители княжества*

* Вероятно, приоритет в «вычеркивании» Невской битвы все же следует предоставить Н. И. Данилевскому –как писавшему об этом в соответствующих научных трудах специалисту. Годы первого издания учебников Н. И. Данилевского и Н. И. Павленко я, к сожалению, не знаю.

> *называли его Русью. И на то были основания: в состав Великого княжества входили* ***почти все*** *крупные политические и экономические центры киевской Руси» (с. 55, выделение мое. – К. Г.)*

Далее авторы описывают героическую борьбу жителей княжества на двух фронтах – против Ордена и против Орды. Это – прогрессивный момент, поскольку традиционно в учебниках описывалась борьба исключительно «Северо-Востока Руси», который боролся и не так интенсивно (хотя попытки бывали), да и выступал скорее как представитель Орды, а не ее противник. Делам Литвы и Даниила Галицкого уделено должное внимание. «Таким образом, к середине 60-х гг. XIII в. западнорусские и литовские земли слились в достаточно мощное государственное объединение. Несмотря на династические, этнические и конфессиональные противоречия, оно представляло собой устойчивый политический союз» (с. 56). Осталось выяснить: а что сталось с «единой древнерусской народностью»? Исходя из принципа употребления этого понятия авторами, она как раз должна была *укрепиться* в пределах Великого княжества Литовского, ибо в отличие от периода распада Руси, когда единство народности «сохранялось», русские земли теперь обрели и единство политическое. Но эволюции этой народности тоже попадают в число «фигур умолчания». Причины этого открываются читателю в следующем параграфе – «Борьба за политическую гегемонию в Северо-Восточной Руси».

В нем мы можем узнать, что «страна восстанавливала силы». Речь, видимо, идет о Руси вообще, поскольку сей процесс «особенно быстро шел на Северо-Востоке». Потом мы с удивлением узнаем, что в этом «сказывалась удаленность от ордынцев» и сложные природные условия («обилие непроходимых лесов и топей»). Хотя некоторое знакомство с географией (например, по картам в этом учебнике) позволяет мне думать, что «Северо-Восток» находился все же ближе к Орде, во всяком случае к ее столице, чем Литовское великое княжество. Суть все же, видимо, не в расстоянии, а в теплых отношениях князей с этой самой Ордой. Жители большей части Руси (в Литве) страдали от несимпатии к Орде, а не от близости с ней. Но последующий вывод авторов нами был вполне (и с грустью) ожидаем:

> *«Все это предопределило роль Северо-Восточной Руси и входивших в сферу ее влияния Новгорода и Пскова в* ***дальнейшей истории страны*** *(какой? Выделение мое. – К. Г.). Она стала центром консолидации*

> *экономических, военных и культурных сил, что в итоге способствовало освобождению Руси от ордынского владычества» (с. 57).*

Позвольте, но на предыдущих двух страницах мы прочитали, что «почти все крупные политические и экономические центры киевской Руси» уже вошли в Великое княжество Литовское. Не вошел только Северо-Восток и Новгород со Псковом. Тогда какую такую «Русь» собирался «Северо-Восток» освобождать от «ордынского владычества»? Такое чувство, что только-только решившись на поминание некоего очевидно достоверного факта (например, о вхождении большей части русских земель в состав Литвы, которая их уже объединила «для отражения внешней опасности» – или «защитила», как пишут в другом учебнике), авторы опять сползают в кювет советской схемы с «захватом русских земель литовскими феодалами». И упомянутая перед этим борьба Литвы «на два фронта» вдруг забывается, ибо всплывает патетическая старая тема про богоизбранность «Северо-Востока» для миссии низвержения ордынского ига. Ну что поделать: долго собирались низвергать, долго. Поэтому земли большей части Руси, которые «низвергли» раньше, тоже попадают в «фигуры умолчания». Хотя, возможно, я неправильно понял мысль авторов? Если считать «Русью» *только «Северо-Восток»* – то все правильно. Однако тоже какая-то глупость выходит: ведь только что «Русью» была Литва (с. 55). А все почему, товарищи? Потому что нигде не говорится о том, что называлось в период Руси «Русью», а что – нет. И не сказано было, где же заканчивается «Русь» и начинается «Россия». Каковы их географические и хронологические пределы. Вот от этого и путаница, и непоследовательность. И «страна» получается непонятно какая.

Поехали дальше. Через две страницы пункт «Начало объединения русских земель». Опять приехали! Только что большую их часть объединило Великое княжество Литовское, а тут все снова… Или предыдущий параграф писал другой соавтор, не договорившись со следующим, в каком состоянии он передает ему русские земли. Вот незадача, и тому пришлось начинать все с начала. Может, имело бы смысл тут просто дать *новый старт*, сказав: а тут деточки, начинается *история не Руси, а России* – и все стало бы на свои места. Литва (Русь) – Литве (Руси), Россия – России. Каждый занимается объединением своего. Но как потом объяснить борьбу московских князей с Литвой за древнерусское наследство? Значит, «Северо-Восток» должен максимально долго оставаться *единственно правильной Русью*, чтобы читатель не заметил несоответствий.

Авторы пишут, что «сама политика Орды способствовала возникновению таких (объединительных. – *К. Г.*) тенденций, поскольку ордынские ханы всячески стремились укрепить власть великого князя, защищавшего их интересы в Северо-Восточной Руси» (с. 59). А что же тогда «способствовало освобождению Руси от ордынского владычества» (с. 57)? Как могли великие князья желать «освобождения», если ханы всячески стремились укрепить их власть? Странные какие-то люди: кусают руку дающую… Пишется, что «рост относительной самостоятельности русских земель (опять же – каких «русских»? – *К. Г.*) происходил и благодаря начавшейся в 1359 г. в Орде «Великой замятне»» (с. 59) Ага, «рост самостоятельности» произошел из-за разборок в Орде. Смутное время, неясно было, кто правильный хан, – кто же будет укреплять власть великих князей? Приятно, что авторы отошли от традиционных воззрений на запрограммированность Москвы на историческую миссию, отдавая должное и Твери как «возможному центру объединения русских земель». Но это никак не влияет на традиционную запрограммированность Северо-Востока на объединение остальных «русских земель». Тут воззрения давно знакомые.

В весьма удачных отступлениях, названных «Штрихи к портрету времени», авторы дают читателю возможность понять, как воспринимали определенные явления их современники. Например, ведя речь о Мамаевом побоище (Куликовской битве 1380 г.), автор пишет:

> *«Мамаево побоище – так в источниках называют Куликовскую битву (1380) – историки рассматривают как ключевой момент в становлении национального самосознания русских людей и поворотный пункт в антиордынской борьбе. Это был переход к вооруженному сопротивлению. Однако такую оценку события в устье Непрядвы получили лишь столетие спустя. Современники же, видимо, считали битву всего лишь одним, хотя и важным, эпизодом, связанным с исполнением Дмитрием Донским своих обязательств перед ханом Тохтамышем. Дмитрий Иванович разбил войско узурпатора Мамая и тем самым очистил престол для своего господина. Недаром одним из первых с победой Дмитрия поздравил именно Тохтамыш. Дальнейшее поведение Дмитрия Ивановича, который в 1382 г. “не посмел руки подняти на царя” и оставил Москву на разграбление ордынцам, как будто подтверждает это. Тем не менее, в конце жизни Дмитрий*

без разрешения Орды завещал ярлык на великое княжение своему сыну, что явно говорило о росте политического статуса московского князя. Разгром в 1395 г. Тохтамыша среднеазиатским завоевателем Тамерланом позволил сыну Дмитрия, Василию I (1389–1425), приостановить выплату дани. Но опустошительное вторжение в 1408 г. правителя Орды эмира Едигея заставило его возобновить "ордынский выход"» (с. 64).

Эта цитата позволяет нам избавиться от еще одного пафосного исторического момента. Если раньше мы как-то потеряли Невскую битву и сократили Ледовое побоище до одного предложения, то и историческая роль Куликовской битвы у нас явно перемещается в *историческое сознание потомков*, где уж существенную роль играет идеология, а не реалии прошлого.

И вот мы наконец добираемся до «Объединения русских земель под властью Москвы» (недавно было, мы помним, «Начало объединения русских земель»). То есть это у нас процесс объединения *завершается*. Но опять же: *каких русских земель*, если только что мы видели, что большая часть Руси – в Литве? Значит, я был прав в своем предположении, что, по мнению авторов, *все русские земли – это северо-восток Руси*. Странность какая-то получается: а что тогда делать с главой (всего их девять) «Русь в IX – начале XII века», где этот самый северо-восток практически не упоминается, все Киев какой-то? Так где ты, Русь-матушка? Что-то мы тебя потеряли…

Хотя! Тут возникает некое уточнение: «с этого времени (присоединения Новгорода (1477) и Твери (1485). – *К. Г.*) принято говорить о существовании единого государства – *Московской Руси*» (с. 65). Интересно: я никогда не слышал, чтобы это государство в каких-то документах называлось «Московская Русь». Было лишь Великое княжество Московское, потом Московское царство, государь которого, конечно, мог называть себя «государем Московским и всея Руси», но не «Московской Руси». Потом уже Российская империя (1721) с Петра I. Хотя ответ достаточно прост и содержится в самой цитате: «*принято говорить*». Простите, зря придираюсь к мелочам, ведь если «принято говорить», то все ясно. Здесь мы замечаем деликатный момент перетягивания одеяла: сначала у нас просто большая-пребольшая Русь, потом плавно «русскими землями» становится только ее северо-восток, потом (когда мы уже привыкли, что Русь находится именно там), она принимает ненавязчивое наименование «Московская Русь». *Так принято говорить*. Мы

улавливаем «принятую» цепочку преемственности, основанною на некоторой подмене понятий. Каждый учебник эту подмену производит по-своему: кто-то придумывает «Южную Русь» и «Северную Русь» (такими понятиям, оказывается, оперировали в Древней Руси), кто-то рассуждает о «переносе политического центра» или «столицы», кто-то вообще не уточняет и просто «продолжает разговор», начатый с древнего Киева.

В этом контексте надо внимательно следить, когда в том или ином учебнике «исчезает» «защитившая часть русских земель от Орды» Литва. Это зависит от того, когда авторы считают перевести ее в разряд «фигур умолчания», чтобы читатель поскорее забыл, где находится Русь. Она потом неожиданно всплывет в Москве. Обычно Литва исчезает к концу XIV в., а если быть точным – то с Куликовской битвы 1380 г., когда Москва наконец-то берется за дело «освобождения» Руси (правда, как мы видели, – это некоторое преувеличение).

Теперь – к другим авторам. *А. А. Данилов, Л. Г. Косулина, История России с древнейших времен до конца 16 века. 6 класс. – М., 2008.* Этот текст кое в чем представляет собой весьма здоровую альтернативу тем «перегибам», которые были свойственны предыдущим учебникам, а в других моментах следует старым шаблонам.

Начинают авторы «рубкой сплеча»: «До появления славян в Восточной Европе она была заселена другими племенами (финно-уграми и балтами. – *К. Г.*)» (с. 14). Единственный возникающий вопрос: какими пределами авторы ограничивают «Восточную Европу» и в какой период. На с. 7 мы читаем, что приблизительно в V в. до н. э. славяне, выделившись из «балтославянских индоевропейских племен», «освоили территорию от среднего течения реки Днепр до реки Одер и от северного склона Карпатских гор до реки Припять». Следующее расселение у них приходится на IV в. н. э. Остается неизвестным, относят ли авторы «территорию от среднего течения реки Днепр до реки *Одер* и от северного склона Карпатских гор до реки Припять» к Восточной Европе. Исходя из контекста, Восточная Европа явно не охватывает эти земли, – т. е., видимо, это Европа Центральная? Есть ли здесь некая воображаемая граница «Европ» по Днепру? Сложно судить.

Дальше описывается быт финно-угров и их слияние со славянами, взаимные заимствования. Поминается и влияние степных иранцев. И вот, наконец-то! Пункты «Тюркский и Аварский каганаты», «Хазарский каганат», «Волжская Булгария и Византия». «Таким образом, восточнославянские племена жили в окружении многих народов. Некоторые из них оказали значительное влияние на язык, культуру и быт восточных славян» (с. 19). Мне нечего возразить.

Варяги оказываются скандинавами, «Русы – это та часть норманнов, которая осела в землях восточных славян. Проживая рядом со славянами, русы постепенно смешивались с местным населением, перенимали их язык и обычаи» (с. 23). Вот – и никаких комплексов исконного превосходства славянской расы. Говоря об образовании «государства Русь», авторы справедливо замечают, что «поскольку это было первое, самое древнее государство восточных славян, то историки называют его *Древнерусским государством* или *Киевской Русью*» (с. 25). Правда, эти положительные сигналы несколько портятся хрестоматийно советским пониманием древнерусской народности. Ясно, что были моменты общности, княжеская дружина, торговля и т. д., но вряд ли можно однозначно утверждать, что «с течением времени люди перестали отождествлять себя кто с полянами, кто с древлянами, кто с радимичами, они стали себя считать единым целым» (с. 49). Перестав быть полянами и проч., они стали не «единым целым», а стали киевлянами (кыянами), черниговцами, смолянами, суздальцами. Это Рюриковичи и другие элитные слои могли себя считать чем-то таким. «Возникал и развивался единый древнерусский язык» (с. 49), но какая масса людей на этом языке говорила или писала? Это был книжный, письменный универсальный язык, но в разных частях государства в него проникали отголоски живых разговорных говоров, которые были достаточно далеки от староболгарской основы. Не стоит элитные явления распространять на все население. «Древнерусская народность» слишком уж очевидно распалась, и, видимо, причины этого в чем-то коренились. Использование понятия «народность» заставляет авторов слишком уж «подтягивать» исторические реалии под шаблон этого термина. Говоря о раздробленности, авторы поэтому опять же вынуждены уточнять, что «тем не менее, раздробление Древнерусского государства не привело к исчезновению понятия Русской земли как единого целого. Во всех княжествах и землях проживали люди, составляющие единую древнерусскую народность, они говорили на одном языке, исповедовали единую религию» (с. 81). Слишком уж много они успели за 150 лет после принятия христианства. Слишком уж это все категорично и слабо доказуемо. У *Н. И. Павленко, И. Л. Андреева, Л. М. Ляшенко* изложение этих процессов гораздо более последовательно.

Рассуждая об «освоении Северо-Восточной Руси», авторы говорят о ее позднем заселении славянами, но делают Ростов «возникший как племенной центр вятичей» (с. 85). Ну *до* прихода вятичей он возник, *до.* Юрий Долгорукий «превратил Ростово-Суздальскую землю в обширное независимое княжество» (с. 85), а Андрей Боголюбский расправился с Киевом,

как раньше поступали лишь с «чужеземными городами» (с. 87). Почему? Как разные варианты государственной организации Руси фигурируют Ростово-Суздальское княжество, Галицко-Волынское и Новгородская республика. Говоря о монгольском нашествии, авторы в отличие от советского учебника поминают о том, что Киев на момент нападения монголов принадлежал Даниле Галицкому. Правда, и здесь фигурирует устаревшая мысль об «обескровленных монгольских войсках», которые лишь из-за этого не выполнили «завещание Чингисхана», не пойдя поэтому дальше на Запад от Адриатики. Хрестоматийно-помпезной осталась сомнительная Невская битва – вспомним, она уже начала исчезать из других учебников. Битва на Чудском озере сопровождается традиционными преувеличениями. Радость «освобожденного» Пскова трудно представить, поскольку псковичи воевали против Новгорода. Он был их традиционным врагом и конкурентом. Литовцы и Данило Галицкий из борьбы с Орденом опять исчезают. А вообще, старая советская песня лишь продолжается: «Политический центр Руси переместился из разоренного Киева во Владимир. Сюда же в 1299 г. перенес свою резиденцию митрополит» (с. 115). А куда мы дели Галич, поминаемый в предыдущих разделах? Опять возвращаемся к старому: кто-то из авторов может объяснить, чем Русь отличается от России? Тогда я не задавал бы дурацких вопросов о том, почему до 1241 г. Галич есть, а потом исчезает? Объясните мне, ведь должна быть какая-то логика изложения. Есть вот некий предмет, о каком идет речь, – Русь. Почему она вдруг начинает менять свои пределы и очертания?

Говоря о «борьбе русского народа против ордынского владычества», авторы уделяют таки абзац Даниле (признаем, есть за что), но ясно, что существенней национальный герой Александр Невский, который «подавил выступление новгородцев, направленное против ордынского порабощения» (с. 118), – но он лишь «хотел дать своей стране возможность скорее восстановить силы, подготовиться к будущей борьбе за свободу». Ясное дело, нет вопросов. Поэтому пришлось перед этим сказать, что после «смерти Данилы Орда предприняла ряд нашествий в Юго-Западную Русь, которые окончательно подорвали ее хозяйство, ослабили княжескую власть». А то ведь не понять, почему прав был Александр Невский. Поэтому, если советский учебник похоронил Юго-Западную Русь в 1241 г., то современный российский дал еще двадцать пять лет, «забыв», правда, еще семьдесят. Как она протянула до 1340-х годов? Дальше все знакомо: «именно тогда началось экономическое отставание нашей страны от западноевропейских государств (а чего тогда с Западом Невский так боролся, «восстанавливая силы страны»? – *К. Г.*). Прервались связи южных и юго-западных княжеств с северо-восточными»

(с. 119). Да прервались, но у брата Александра Андрея Ярославича были неплохие связи с Данилой Галицким – они хотели вместе воевать против Орды. А кто тогда связи прервал? Видимо, Александр Невский.

Как и в советском учебнике, угробленное монголами Галицко-Волынское княжество потом неожиданно воскресает при необходимости упомянуть литовцев. Идеологический шаблон одного периода, видимо, уже не совпадает с «матрицей» другого раздела. В 1263 г. литовский князь Войшелк «заключил союз с галицко-волынскими князьями, признав их старшинство» (с. 122). При Гедимине (1316–1341) «некоторое время соперником литовского князя на юге оставалось Галицко-Волынское княжество» (с. 123). Как видим, существует жизнь после смерти. Хотя в целом оценка Великого княжества Литовского до распространения католичества в XV в. остается позитивной. Утверждается, что Литва «имела все шансы стать центром притяжения и для северо-восточных и северо-западных ее [Руси] земель» (с. 127). Но шансом, видимо, не воспользовалась, поддавшись западным влияниям. Смирившись с равными шансами Северо-Востока и Литвы на притяжение русских земель, учебник все же еще разок норовит «потерять» Галицко-Волынское княжество – уже на карте. Карта «Великое княжество Литовское в XII–XV вв.» – так же, как и другие, – является лишь слегка подчищенной картой из советских учебников, но если раньше она опиралась на реалии XIV в. и на ней в виде заштрихованного участка фигурировала некая загадочная территория, деликатно названная «Русские земли, захваченные Польшей и Литвой в сер. 14 века» (т. е. Галицко-Волынское княжество), то в новом российском учебнике эта загадка устранена: пределы Литвы и Польши даются на 1462 г., что позволяет избавиться от двусмысленности. Правда, в учебниках А. Н. Сахарова и Н. И. Павленко этой карты вообще нет, что тоже вызывает разные вопросы о мотивациях. А, еще забыл: если в советском учебнике государственным языком Литовского княжества является «русская мова», то в этом российском – «русский язык». А то вдруг вопросы возникнут на счет «мовы».

Теперь о культуре. Замечания возвращают лишь к старому вопросу: где заканчивается Русь и начинается Россия? В разделе «Культура русских земель в 12–13 вв.» в пунктах «Накопление научных знаний» и «Литература» поминаются только памятники или персоналии, связанные с Южной Русью, а вот в пункте «Зодчество» – только сооружения Северной Руси. А почему? Зодчество в XII–XIII вв. развивалось только здесь? Неправда. Тогда каков критерий? Или мы отражаем все многообразие культуры на всех «русских землях», или давайте ограничимся только «Северо-Востоком». Или то, или другое – или объясните,

пожалуйста, что конкретно имеете в виду. Такое впечатление, что Северо-Восток мощно и монопольно «вступает», когда там появляется что-то достойное внимания, о «других русских землях» немедленно забывается напрочь, – но они ничтоже сумняшеся являются основой изложения, когда Северо-Востоку нечем похвастаться. «Монгольское владычество надолго прервало культурные связи Руси с Европой» (с. 136). Какой Руси? Если Северо-Восточной – да, но если вас так беспокоят связи *Руси* с Европой, то в Западной и Юго-Восточной они не прерывались. И посему некоторой насмешкой выглядит резюме к разделу: «Русский народ не утратил своего культурного единства. Местные различия лишь обогащали русскую культуру. Именно в культуре ярче всего проявились идеи укрепления единства Русской земли» (с. 136). «Единство» – это такая вещь, о которой удобно вспоминать, когда «местные различия» могут обогатить «историю России», а когда неудобно, то оно исчезает.

Ну что еще сказать? Грустно все это. Проще всего вообще не читать, что пишут об «общей истории» в России, – нервам было бы спокойнее. Но могу и еще пару слов добавить. Еще о Литве. Изложение по ней закончено 1377 г. (смерть князя Ольгерда). Непонятно, почему именно тогда. Параграф называется «Русь и Литва». Хорошо, но отношения «Руси» и «Литвы» не закончились в 1377 г. Большая часть Руси в эту самую Литву входила потом еще почти двести лет, а «отношения» Московского государства с ней продолжались до образования Речи Посполитой в 1569 г. Можно догадываться, что при Ольгерде просто закончилось литовское «собирание русских земель», покуда литовцы «защищали их от Орды». И уже вскорости в следующем XV в. Литва должна «оказаться» врагом Московского государства в этом «собирании», а как можно подробно о враге? Хотя момент превращения защитника во врага можно формально отнести лишь к 1480 г., когда закончилось для Московского государства «иго» и, соответственно, литовцам уже не было нужды «защищать русские земли от татар». После этого надо было уже отдавать «захваченные русские земли» их настоящему хозяину. Пафос борьбы с ордынским игом для российского учебника понятен, но тогда о Литве вообще не надо писать. Ведь «защита» предполагает войну, а удачная защита – победы. «Во времена княжения Ольгерда к Литовскому государству были присоединены Брянская, Северская, Черниговская и Подольская русские земли» (с. 125). Да, но каким образом? Естественно, что в российском учебнике победа литовцев над татарами в 1362 г. на Синих Водах не может быть упомянута до эпического рассказа о Куликовом поле в 1380 г. Хотя, в общем счете, Куликово

поле было актом скорее символическим, поскольку от татар тогда никто не освободился, а через пару лет последние сожгли Москву. А вот Синие Воды отобрали у них Подолье и Приднепровье. Не имели права литовцы побеждать татар – как и Данило Галицкий. Они были просто недостойны. Вполне естественны в российском учебнике пять страниц, посвященные Куликовому полю. Борьба за независимость и все дела – без вопросов. Дали Мамаю по первое число, а потом просто «не срослось» – рано еще было. Но оговорка на с. 154 рушит для меня весь пафос осознанной борьбы за национальное освобождение:

> *«Собрав большие силы, он [Тохтамыш] в 1382 г. двинулся на Москву. Дмитрий, узнав о походе ордынцев, отправился собирать войска в северные волжские города. Но большинство русских князей не поддержали Дмитрия Донского в его борьбе с Тохтамышем, так как этот хан, в отличие от Мамая, был потомком Чингисхана».*

Вот тебе и раз! Воевали-то с Мамаем не потому, что хотели независимости от Орды, а потому что он был *незаконным ханом, узурпатором*. А против настоящего Чингизида – какие войны? Это ж законный правитель! Поэтому о Литве действительно лучше вообще не писать, а то вдруг кто-то заинтересуется, как на самом деле было? Лучше промолчать, или забыть, как про Галицко-Волынское княжество. И тогда история России будет объективной, правдивой, логичной, последовательной и опирающейся лишь на достоверные исторические фаты – точно такой, как история СССР.

Завершая изложение о российских учебниках, уместно объяснить, – а почему это я огульно критикую российские, ни слова не говоря об украинских? По той простой причине, что я пишу «ликбез *для русских*», и мне уместно обращаться к тем источникам информации, которыми пользуются в российском информационном пространстве. Что касается украинских учебников, то у них «язв» тоже вполне достаточно: противоречиво смешались традиции советской исторической и украинской национальной дидактики, когда путь социального освобождения народных масс, запрограммированный на построение коммунизма, заменяется на запрограммированный путь украинцев к национальному освобождению. Далеко не всегда авторы склонны пояснять то, как из русинов получились украинцы. Любят путать понятия «этнос» и «нация», затаскивая последнее в Средневековье. Частенько забывают о роли и историческом значении других этнических групп на украинской территории – поляков, евреев,

немцев, русских, зацикливаются на деструктивной роли Крымского ханства, а ведь крымские татары – легитимные коренные жители современной Украины и заслуживают более корректного отношения. Зато авторы никогда не забывают о том, когда появляется слово «Украина», и четко знают, историю какой территории они освещают. А просчеты насчет других национальностей уже потихоньку устраняются на уровне учебников для вузов – уместно опять помянуть добрым словом книги Наталии Яковенко и Павла Магочия.

17. Осознание присутствия на украинских землях «древнего русского народа Владимирового корня»*

Отвлечемся из Литвы в Польшу. Весьма заметным процессом в Галиции и Западной Подолии в XIV–XV вв. стала западная колонизация, которая была вызвана запустением многих земель после татарских набегов и крайне медленным восстановлением городской жизни. Начался этот процесс еще при Даниле Галицком, которому приходилось реанимировать те слои общества, которые были выбиты монголами. Теперь на галицкие вновь осваиваемые земли прибывают польские шляхтичи, часто со своими крестьянами, а города по этническому составу становятся польскими, немецкими, еврейскими. Немцы постепенно растворялись в городской католической среде и полонизировались. Украинцы-русины продолжали оставаться в основном сельскими жителями и бывшими княжими боярами (военное сословие), которые становились шляхтичами.

Как пришельцев, так и местных русских бояр беспокоил их социальный статус, который зависел от статуса самой Галиции в польском государстве. В 1434 г. Едлинской привилегией статус завоеванной Галицкой Руси был приравнен к статусу других воеводств Польши. Возникает Русское воеводство. Это был переломный момент для формирования местного шляхетского сословия, которое объединило в своей среде и католическое, и православное рыцарство, пользующееся значительными правами и свободами. Это происходило параллельно с формированием в Польше строя шляхетской демократии, закрепленного уже в начале XVI в. Многие

* В этом пункте автором активно использовалась книга Наталии Яковенко «Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України» (К., 2005).

русины начали делать довольно успешную польскую карьеру, в частности – при королевском дворе.

Но эта социальная мобильность и переориентация на польские стандарты, естественно, несли с собой полонизацию и переход в католичество. Впрочем, это было больше свойственно знати, по происхождению претендующей на командные высоты, а обычная шляхта сохраняла православную веру своих предков. Принадлежность шляхты к «польской политической нации» Руси сформировала, выражаясь словами историка Натальи Яковенко, ментальный стереотип шляхтича «русского племени польской нации». Прижилось представление о благородном рыцарстве, по статусу (не по средствам) равному в своей среде – в отличие от Западной Европы с ее разделением на титулованную аристократию и обычных дворян. Этот «народ-шляхта» возводил свое происхождение к древним сарматам, от одной из части которых (роксолан) по тогдашним представлениям произошла и шляхта русская.

Важным для политической культуры Галицкой Руси было развитие шляхетского самоуправления, которое работало через систему локальных собраний-сеймиков, и распространение городского самоуправления на основе Магдебургского права (с 1356 г.). Приход латинского образования открыл для русинов ворота европейских университетов. Один из ярких примеров – астроном и медик Юрий Дрогобыч, бывший в 1481–1482 гг. ректором Болонского университета. Пришли с Запада и веяния Ренессанса, отразившиеся на бурном развитии литературы и искусства Галицкой Руси в XVI в.

Восточнее литовские князья завершили в середине XIV в. свое «собирание русских земель», которое прошло без особых военных усилий: они достигали компромиссов с местными элитами, были веротерпимы (ибо еще оставались язычниками) и часто выступали в роли освободителей славянского населения от ордынского контроля. Численное и культурное доминирование русинского населения делало княжество «литовским» только по привычному нам названию. В действительности государство официально называлось Великое княжество Литовское, Жемаитское* и Русское. В середине XIV в., после Синеводской битвы 1362 г., литовцы объединили под своей властью ключевые земли Древней Руси, – за исключением Новгорода, Пскова и княжеств будущей Центральной России.

До конца XIV в. Литва представляла собой конгломерат княжеств, во главе которых стояли многочисленные Гедиминовичи – потомки великого князя Гедимина (1316–1341). На Волыни, в Киеве и Чернигове

* Жемайтия (Жмудь) – западная часть Литвы.

Чем казак не турок?

Казак Мамай с польским паном. Нач. XIX в. Образ казака как вольного человека стал на протяжении пятисот лет примером для подражания и социальным идеалом украинского крестьянства. Казак Мамай – популярный образ народной живописи. Оба слова, – и «казак», и «Мамай» – тюркские, равно как и прическа, форма одежды героя, его поза и занятие, мелодика песен, которые он исполнял (правда, на украинском языке). И какие могли быть культурно-бытовые конфликты с Крымским ханством? Лишь религиозные и военно-политические, да и то ситуативно.

тоже продолжили свою историю местные княжества, крепко сидящие на традициях древнерусской преемственности. Другая «фамилия» правящей династии мало что меняла в обыденном течении жизни.

Развитие этого федеративного «римейка» Руси было остановлено усилением агрессии немецких рыцарей в Прибалтике и прерыванием королевской династии в Польше. По Кревской личной унии 1385 г. польский король и великий князь литовский Ягайло Ольгердович объединил Литву и Польшу под своей властью. С этого момента начался процесс политической и религиозной интеграции Литвы и Польши. Еще вчера языческая литовская знать, ориентируясь на более развитую польскую культуру и европейские веяния, на протяжении XV в. постепенно переставала быть равнодушной в религиозных вопросах. Русское культурное наследие через некоторое время перестало отвечать многим требованиям времени, особенно в духовной сфере.

Консервативное восточное христианство по своему образовательному и общекультурному уровню все более отставало от западного.

Наиболее известным достижением Унии стала победа над тевтонскими рыцарями под Грюнвальдом в 1410 г.. Но процесс срастания двух государств не был непрерывным, встречая время от времени жесткую оппозицию в Литве и на Руси. Сначала Великое княжество отвоевал в 1392 г. у короля Ягайла его двоюродный брат Витовт Великий (1392–1430). Он проводил централизаторскую политику и упразднил полунезависимые княжества, направляя в русские города своих наместников. Такие действия привели к формированию двух партий знати – условно «литовской» и «русской». Во главе партий стояли все те же Гедиминовичи, но одни выступали за усиления контроля Вильно, а другие, «обрусевшие», отстаивали свободы местных элит на русских землях. Наиболее ярким персонажем династической войны 1430-х годов был князь Свидригайло Ольгердович – лидер «русской партии», развернувший бурную деятельность с привлечением Мазовецкого княжества, Ордена, татар и Москвы. Борьба происходила с переменным успехом, и в конце ее Свидригайло все же потерпел поражение. Смерть его виленского конкурента Зигмунта в 1430 г. привела к достижению компромисса на основе восстановления удельного статуса Волыни и Киевской земли. Волынь была отдана Свидригайлу, а Киев – Владимиру Ольгердовичу. В Киеве эта династия правила на протяжении трех поколений до 1470 г. Компромисс успокоил знать русских земель, и политическая активность русского юга Великого княжества поутихла. Что же до жизни народной, то литовский период не отмечен бурными социальными конфликтами.

В осознании жителей подлитовских русских земель в XIV–XV вв. меняется значение такого слова, как «боярин»: «боярская служба» начинает означать вообще военную службу, а при ее потомственном характере определяет благородный статус. Появляются термины «шляхетный [благородный] боярин» и «шляхетный рыцарь».

Понятный для нас интерес представляют отношения с Москвой, которая занималась своим «собиранием русских земель». Во времена Витовта между Вильно и восточным соседом установился определенный паритет, когда литовско-русскому государству принадлежал Смоленск, а Рязанское и Тверское княжество были своеобразным буфером. В верховьях Оки находились т. наз. «Верховские княжества», принадлежавшие потомкам черниговских Ольговичей. Они признавали себя литовскими вассалами, но в принципе были вольны в своих симпатиях.

Нарушилось это равновесие в правление боевитого и энергичного Ивана III (1462–1505), когда Московское государство модернизирует свою

провинциальную идеологию и ориентируется в своей, как мы бы сейчас сказали, «пиар-технологии» уже на продолжении имперских византийских традиций (Константинополь пал от ударов турок-османов в 1453 г.), подбираясь к концепции «Третьего Рима» и выдвигая претензии на объединение «всея Руси», т. е. всего обширного киевского наследства.

Новой была мысль о «защите православных» (так и хочется сказать: «русскоязычного населения») в соседних государствах. Брак Ивана с Софией Палеолог, дочерью последнего византийского императора, сосватанной римским папой в надежде на будущее объединение церквей, во многом сгодился Московскому государству: с Софией приехало много квалифицированных и образованных людей. «Идеологическая работа» сопровождалась и вполне материальными изменениями. Масштабное строительство в Кремле должно было повысить до «представительского класса» столицу Москву. Нужна была солидная крепость, большие каменные храмы (шла борьба за отдельный патриарший статус Москвы и зал для торжественных приемов (Грановитая палата)). Организовывали неопытных в каменном строительстве местных жителей приехавшие с Софией итальянцы («фрязы»). Внедряется также византийская легенда «шапки Мономаха», изготовленной на самом деле среднеазиатскими мастерами XIV в. и попавшей в Москву через Орду. То есть происходила существенная модернизация Москвы как нового большого политического игрока в регионе Восточной Европы.

В 1478 г. был покорен Новгород. Репрессии и депортации местного населения стали началом ассимиляции псково-новгородского восточнославянского этноса – любимого патриотическими украинскими историками как антитеза «вредности» Москвы (нужно же найти «хороших русских»).

В 1480 г. после «стояния на реке Угре» формальный вассалитет Москвы от ослабевшей и распавшейся Орды закончился (хотя откупались от татар т. наз. «упоминками» еще двести лет). Вскоре после этого под власть князя Ивана перешли Тверское и Рязанское княжества.

Вступив в союз с Крымским ханством, Иван III склоняет хана Менгли-Гирея к разрушительным походам против литовской Руси – территории современной Украины и Белоруссии. В 1482 г. после татарского погрома из сожженного дотла Киева Иван III получил в подарок от хана золотую чашу и блюдо-дискос из Софийского собора. Восстанавливавший свои силы город опять пострадал так же, как и в 1240 г. С этого периода регулярные походы за «ясырем» – православными рабами – стали существенной составляющей бюджета Крымского ханства.

Литовско-московское равновесие нарушилось, и на рубеже XV–XVI вв. Литва начинает шаг за шагом отступать в ходе постоянных войн с восточным

соседом. Невозможность для Вильно гарантировать целостность владений своих вассалов – верховских князей (в районе верхней Оки) – означала их постепенный переход под власть Москвы. В результате Литва утратила Черниговскую землю.

Проявлением ослабления центральной литовской власти было и восстание Михаила Глинского, которое иногда считается последним проявлением «русского» (или, точнее, руського) *аристократического* сепаратизма в Литве. Татарин по происхождению (из Мамаевичей), европеец по образованию, католик по вере и русский по связям, он пытался сделать в Вильно придворную карьеру, но при новом великом князе Зигмунте утратил влияние, вступил в личную вендетту и вынужден был поднять в 1508 г. восстание в защиту своей чести (или для реализации своих амбиций). Он призвал на помощь Москву, Молдавское княжество и Крым, к нему присоединились многочисленный клан Глинских, бояре Киевщины и Туровщины. Великий князь московский Василий III обещал передать Глинскому все земли, добытые в ходе восстания и войны с Литвой. Историк Наталия Яковенко предполагает, что Глинский хотел создать буферное государство из части литовских земель под своей властью и покровительством Василия III. Потерпев поражение, он с частью родственников эмигрировал в Москву. Но с Василием он тоже в итоге поссорился, поскольку тот вопреки обещанию не передал ему отбитого Смоленска. Улучшил его положение брак племянницы с великим московским князем (от этого брака и родился Иван Грозный), после смерти Василия он даже недолго был регентом Московского государства. Но вскоре, обвиненный политическими противниками в узурпации власти, был брошен в тюрьму, где и умер.

После Глинского миссия защиты «высоких» интересов и традиций Руси реализовывалась частью влиятельных и просвещенных княжеских родов (Острожские, Заславские, Сангушки, Вишневецкие), но в основном в политкорректной относительно Вильно форме. Владения, экономические ресурсы и традиционный объем полномочий делали этих князей почти независимыми правителями на украинских землях.

Параллельно на южной окраине Руси, в Диком Поле, незаметно вызревал новый социальный институт – казачество, которому судилось впоследствии сменить княжескую аристократию и сформировать новую элиту.

Я не буду излагать различные теории происхождения украинских казаков на ничейной земле между литовскими и татарскими владениями – для данной книги это не суть важно. Замечу лишь, что это было сообщество людей различного этнического происхождения и религиозной принадлежности (татары, русины, молдаване, черкесы, венгры),

в котором с конца XV в. («официально» – с 1492 г., когда «киевляне и черкасцы» напали на турецкий корабль в устье Днепра) стали доминировать православные. Лексикон, одежда, оружие, обычаи и образ жизни казаков в адаптации к степному быту и местным реалиям подверглись мощному турецко-татарскому влиянию. Кто-то селился на Великом Лугу за Порогами надолго, но для многих приднепровских мещан и боярских слуг это был просто сезонный промысел: охранять караваны купцов в степи – или грабить их. Поначалу какой-то строгой организации у казаков, «ничьих людей на ничьей земле», не было; их отдельные ватаги нанимались к разным старостам, представлявшим военную власть Польши и Литвы на окраинах Руси, для антитатарских действий. Эти старосты и стали первыми упомянутыми гетманами. «Гетман» – немецкое слово «гауптман», исказившиеся в польском языке, т. е. «военный начальник». У поляков это звание имели высшие военные чины, командующие.

Крымское ханство, попробовав с московской подачи «ходить» против Руси и Литвы в 1480-х годах, превратило охоту за невольниками в экономическую основу своего государства. С того же времени резко усиливается турецкое присутствие на Нижнем Дунае. Приближалось очередное военное противостояние ислама и христианства, где украинский кордон был одним из потенциально важных стратегических направлений. Усиление напряженности на этой границе играло роль одного из мощных катализаторов роста казачества.

В середине XVI в. возникает первая Сечь, выстроенная в 1552 г. на острове Малая Хортица волынским князем из рода Гедиминовичей Дмитрием Вишневецким (1516/1517–1563). Будучи человеком княжеского рода и с большими амбициями, он, как ранее Глинский, пытался стать независимой политической фигурой, опираясь на силы казачества. Походы на крымские земли отнюдь не вписывались в политику Вильно, поэтому Вишневецкий пользовался поддержкой Москвы. Закончилась его яркая жизнь, когда он воевал уже в Молдавии, защищая интересы своих родственников – претендентов на молдавский престол. Попав в плен противникам, он был выдан туркам и жестоко казнен в Стамбуле.

Популярность его биографии (о нем слагались народные легенды и исторические песни-думы) была признаком появления нового места интересных событий и новых кумиров для массы обычных русинов-украинцев: христианское вольное рыцарство, борющееся против степных захватчиков, стало популярным образом, неким эталоном настоящего украинца на многие столетия.

Но вскоре после этого в Люблине произошло одно из решающих событий для украинской истории: в **1569** г. Литва, ослабленная Ливонскими войнами с Московией Ивана Грозного, была вынуждена уже окончательно

объединиться с Польшей в одно государство – *Речь Посполитую* (Республику Двух Народов), в котором все украинские земли перешли под контроль Короны Польской. Эта перемена, сначала прошедшая незаметно для основной массы украинского населения, во многом ускорила историческое время на Руси – в экономике, социальных процессах, религиозной и политической жизни.

Обширные малонаселенные территории Поднепровья, а особенно Левобережья, нуждались в освоении, рабочих руках. Кругом были разбросаны разрушенные и запустевшие поселения и руины городков еще древнерусских времен. Все это могло снова ожить. В малонаселенных Литве и Белоруссии не могли рекрутироваться новые поселенцы. При Речи Посполитой колонисты начали приходить из малоземельной и бедной на хорошие почвы Галиции – православные и католические шляхтичи со своими крестьянами, польские и немецкие ремесленники, еврейские торговцы. Из фамилий мелкой православной шляхты, добравшейся из Галиции до Поднепровья, можно назвать такие, как Хмельницкие и Сагайдачные. Князья, как люди, могущие «поднять» больший регион, выкупали или получали от короны значительные земельные владения. Например, Вишневецкие колонизировали большую часть нынешней Полтавской области, построив свою столицу в Лубнах.

В советских учебниках было принято писать, что эти земли массово раздавались польским магнатам, которые сразу же брались угнетать народ, но это не так. Новые земли отдавались достаточно продуманно, под контролем Сейма, имения могли получить и магнаты, и мелкие шляхтичи. Колонисты освобождались от налогов на разные сроки, такие же условия были и для селян, приходивших селиться на чьи-то земли, – их надолго освобождали от многих повинностей. Польза от магнатов была еще и та, что у короны польской было маловато военных возможностей для охраны далекой и протяженной юго-восточной границы, а у князей были частные армии от нескольких сотен до нескольких тысяч человек. В условиях постоянной татарской угрозы для местного населения это было совсем небесполезно. Да и большая часть магнатов сначала представляла старые православные роды с Волыни и Белоруссии, а не польскую знать. Местные русские князья пока не ощущали себя частью польско-шляхетского мира и сосредоточились на местных делах. Их возможности постепенно усиливаются настолько, что их стали назвать в Украине «королятами», фактически они были независимы от Варшавы и представляли самостоятельный консервативный фактор местной политики. Иногда они вели собственную внешнюю политику, к примеру, активно поддерживая московских самозванцев в «смутное время».

В 1570-е годы начинаются попытки взять на коронную службу часть запорожских казаков, вписать их в «Реестр» оплачиваемых государством

солдат и разместить как гарнизоны в приграничных приднепровских местечках. Если говорить о действовавшей на бывшей литовской Украине правовой системе, то здесь действовало одно из самых гуманных на то время законодательств – «Литовские статуты». При этом на Волыни, Киевщине и Брацлавщине (Восточное Подолье) сохранялись давние права и обычаи, официальное «русское письмо». В декларациях польского Сейма гарантировалась и свобода вероисповеданий, так что поначалу не было каких-либо особых причин для недовольства «новыми властями». Наоборот: экономическая жизнь края оживилась, европейская окраина все больше втягивалась в общеевропейские экономические связи, торговлю зерном, скотом и прочими ресурсами с западными странами через польскую Балтику.

Перемешивание населения способствовало преодолению региональных различий в Украине. Изменялось и «идеологическое» обоснование тогдашней украино-русской идентичности. По мнению Натальи Яковенко, первым толчком были разработки княжеских генеалогий, особенно рода Острожских. Авторы воспользовались старой легендой польских хроник о трех братьях – Лехе, Русе и Чехе, предках поляков, русинов и чехов. Вести свой род от Руса означало равное «историческое достоинство» с теми же поляками. Ну а сам «Рус» лишний раз напоминал о преемственности со старыми русскими княжествами Киева и Галича. Живые князья – потомки Руса – еще раз подтверждали существование этого виртуального исторического пространства, не имеющего пока административных признаков. Интерес Острожских к книгопечатанию способствовал подготовке нового поколения книжников и ученых, способных вывести «словенский» язык на более высокий уровень при издании священных текстов. При творческих усилиях печатника Ивана Федорова Москвитина и на средства Острожских выходит «Острожская Библия» (1581).

Это были усилия, направленные на преодоление очевидной отсталости и архаичности тогдашней культуры Руси, которая в открытом культурном пространстве Речи Посполитой явно проигрывала прорывам Ренессанса. Она становилась все менее престижной, особенно для элитных слоев. Было очевидно, что необходимо расширить пределы народного образования, повысить образовательный и культурный уровень священников, сделать православие более конкурентоспособным. В те времена очень многое стимулировало людей образованных и интеллектуальных уходить к протестантам и католикам, поскольку их тяготил консервативный архаизм православной жизни, который не производил культурных продуктов нужного качества, отличался невежеством и узостью кругозора. Православию была свойственна тенденция к снижению своего статуса: оно становилось религией низших социальных слоев.

Однако вырисовывались и тенденции к возрождению – прежде всего, в деятельности городских братств, особенно львовского (действовавшего с 1460-х годов). Братчики пытались способствовать солидарности православного населения, организовывали школы и, по возможности, типографии. Они использовали в своей деятельности практику организации протестантских общин и пытались навязывать верхушке православной иерархии свой контроль, поскольку некоторые братства пользовались правом ставропигии – т. е. подчинялись непосредственно константинопольскому патриарху. Православных владык это совсем не радовало. Не радовал их и более низкий статус православия при Польше, поскольку его иерархи не были представлены в Сейме. Подвергаясь давлению православных «низов» и не видя перспектив роста в социальной иерархии Речи Посполитой, владыки должны были принимать какое-то решение...

Переломным моментом в развитии украино-русского сообщества стала церковная Брестская уния **1596** г. Ее заключение было продолжением тенденции объединения христианских церквей, проявившейся в нереализованной Флорентийской унии 1439 г. Идеи привлечь Восточную церковь к сотрудничеству снова возродились в 1580-е годы, когда папский посланец посетил Ивана Грозного. Результат достигнут не был, но легат Посевино сделал вывод, что этот процесс надо начинать не с Московского государства, а с Руси, поскольку Московия «*по традиции чрезвычайно зависит в вопросах религии от Руси… Потому будет очень важно для обращения Московии, если епископы или владыки королевской Руси присоединятся к Католической Церкви*». Стимулировало попытки объединения и то, что в 1589 г. патриарх Константинопольский после долгого непризнания смирился с существованием автокефалии Московского патриархата, глава которого носил титул «*патриарха Московского и всея Руси*». Последнее опять явно задевало украинских владык, которые начали ощущать претензии Москвы на верховенство – вопреки извечному первенству Киева. Украино-русские митрополии подчинялись со времени крещения Руси Константинополю, сами выступали миссионерской силой на языческом севере и знали о своем историческом старейшинстве, поэтому московское патриаршество стало восприниматься как угроза. Соответственно, и варшавские власти склонны были захотеть церковной унии – уже из политических соображений, даже если раньше не очень об этом задумывались.

В **1596** г. в Бресте состоялось два собора – унийный и антиунийный. Раскол произошел на две партии – иерархи без паствы, перешедшие в Унию, и паства без иерархов, оставшаяся православной. Официальные власти признали Унию, а православные вступили во все нарастающую

полемику с униатами и католиками. Полемику, которая мобилизовала нереализованные ресурсы православного сообщества и заставила его активизироваться. Этот момент можно считать *началом украинского православного возрождения* первой половины XVII в. Процесс постепенного нарастания конфессиональной проблемы в Речи Посполитой вызывал дальнейшую, пока еще скрытую, политическую конфликтность населения, для которого целый ряд социальных проблем получал простые объяснения в понятиях религиозной розни, «верных» и «неверных», «еретиков» и «схизматиков». Накопившиеся проблемы с «Боговым» потом весьма болезненно ударили по «кесареву».

Широкий поток полемических произведений активизировал интеллектуальные силы православных, которые отстаивали свою позицию различными аргументами, в том числе и простым нежеланием любых новаций в духе православного ультраконсерватизма. На протяжении первых двух десятилетий XVII в. вокруг унии развернулось множество конфликтов по поводу церковной собственности, конфессиональной принадлежности церквей, агрессивного неприятия мирян и столь же агрессивных действий князей церкви, подкрепленных силой властей. Нужно понимать, что легитимной православной иерархии уже практически не существовало. Однако в 1603 г. Киево-Печерский монастырь добился права неподчинения униатскому митрополиту, а это означало, что центром борьбы за православие становится Киев. XVII в. стал для древней столицы славным «киевским столетием украинской учености».

Киево-Печерский архимандрит львовянин Елисей Плетенецкий стал мало-помалу собирать интеллектуальную элиту края. Ему же украинцы обязаны организацией лаврской типографии, созданием киевского братства и братской школы. Его преемник, тоже галичанин, историк и проповедник Захария Копыстенский продолжил просветительские усилия. К этому кругу ученых и преподавателей относились и автор первого «Лексикона славенороσского» Памво Беринда, богослов и грамматик Лаврентий Зизаний, поэт и церковный публицист Касиян Сакович.

Начало Киевского братства приходится на 1615 г., когда жена киевского шляхтича Гальшка Гулевичевна пожертвовала для школы и братского монастыря усадьбу на Подоле. Из этой братской школы вырос впоследствии коллегиум, а потом – Киево-Могилянская академия. Кроме духовенства, мещан и шляхты, в братство вступил «со всем Войском Запорожским» гетман Петро Сагайдачный. Киевские православные круги не раз прибегали к помощи своих военных партнеров

для ограничения произвола униатов или чтобы просто кое-кого из них, особо надоевшего, укоротить на голову.

Участие запорожцев в киевских церковных делах стало важным этапом для формирования еще одной миссии казачества, кроме защиты христианства от агрессии ислама: еще и защиты православной веры и «стародавнего русского обычая» *внутри* страны. Помощь запорожцев была определяющей для такой значимой для верующих акции, как тайное посвящение в сан православных иерархов иерусалимским патриархом Теофаном в 1620 г. Была восстановлена киевская митрополия во главе с Иовом Борецким, Мелетий Смотрицкий был направлен в белорусский Полоцк, возродилось еще несколько православных епархий на Руси. Преследуемый официально, Борецкий спокойно обитал в Киеве под охраной казаков и позволял себе еще публичные протесты:

«Мы – не зачинщики [бунта]… мы взялись за то, что имели раньше, что нам предки наши оставили и передали… – Божьи законы и обычаи, а еще и шестисотлетнюю традицию».

То есть нелегальный митрополит хорошо знал, на какие традиции опираться, отстаивая русско-православное дело. Осознание давней традиции выводило конфликт из чисто религиозного контекста, поскольку исторические экскурсы в 1620-е годы достаточно быстро сменили вектор в православной полемике, добавив к религиозной риторике еще и «национальную»: ранее говорилось лишь о «вере православной», а сейчас речь зашла о «*великоименном русском народе*» с таким атрибутом, как его православность. Мелетий Смотрицкий писал в 1621 г:

«Не вера делает русина русином, поляка поляком, литвина литвином, а рождение и кровь русская, польская, литовская... Мы народ, как уже было сказано, вольный, народ свободный, народ, который родился в одной отчизне вместе с двумя другими ее народами».

То есть, в этих изменениях акцента полемической риторики в представлении интеллектуалов и деятелей Церкви постепенно реанимировался вполне еще живой, но официально непризнанный давний русский народ, со своей исторической традицией. Повторюсь: понятно, что русины жили вокруг точно так же, как и их предки 600 лет тому назад. Но в предыдущие два столетия комфортная жизнь в Великом княжестве Литовском и ранней, более толерантной, Речи Посполитой не стимулировала исторические экскурсы и вообще попытки глубокого осмысления своего прошлого в понятиях отдельного народа. Тогдашние конфликты партий носили исключительно внутриэлитный характер.

Заметим, что «национальные» размышления всегда обречены на переход в актуальную политическую плоскость – с пользой или же страданием

для тех, кто *успел так подумать*. Этот *момент осознания* существования некоего реального, но пока достойно не реализованного, не осознавшего себя в полной мере сообщества людей радикально менял картину социального мира, смещая фокус и направленность исторического, идеологического и политического интереса. В ситуации XVII в. эти смысловые мутации религиозной риторики обогатили тот комплект «идеологических полуфабрикатов» (или точнее – набор идентичностей), которым оперировали тогда элиты украино-русского общества и который они могли развить в зависимости от ситуации. К таким привычным сословным идентичностям (привилегиям, свободам, долгу, обычаю), как сословная иерархия с «разделением общественного труда», верность Короне Польской, борьба казаков за повышение их статуса в Речи Посполитой, миссия христианства в борьбе против басурман, добавилась *умозрительная конструкция «стародавнего народа русского»*. Уже сама эта конструкция давала повод для формирования в политическом классе Украины-Руси этнических понятий кровной близости и общей судьбы, которые в середине XVII в. заставили сотни шляхтичей участвовать в революции Хмельницкого. Хотя они сохраняли свои сословные представления и чувство превосходства над чернью (как и казаки над селянами), но идея отдельного народа корректировала шляхетский «сарматский миф» в сторону исторически более жизненных старорусских симпатий.

Эта идея витала среди шляхетской, духовной, мещанской и казацкой элит, поскольку народ, как всегда, был «в поле», а усиление социального гнета не давало ему времени подумать о высоком (а если б подумал, то не выразил бы, поскольку многих *высоких понятий* в языке народного люда не было). Поэтому, когда во времена войн Хмельницкого «чернь» поднялась, то оснащена она была вполне очевидным набором представлений традиционного крестьянства (не только украинского) – социальным недоверием или ненавистью к «бездельникам» и господам, религиозной ксенофобией к иноверцам и чужакам, иноплеменникам. Такой «шовинизм» был раздражен и обострен определенными социальными реалиями, поскольку до того в «украинское сообщество» безболезненно врастали многочисленные татары, молдаване, литовцы, поляки, валахи и венгры. Когда «эксплуатирующая» социальная позиция (пан, шляхтич, торговец, ростовщик, арендатор) совпадает с принадлежностью к иноверцам и иноплеменникам в момент, когда народ берет в руки вилы горькая судьба «ляхов» и «жидов» (то есть людей, ассоциируемых с несправедливым порядком и властями плюс их чужеродность) была очевидна. Народный гнев в своем апокалиптическом

экстазе поджога и резни, запале ответных карательных акций и ответной мести за них часто срывал попытки более толерантных, сдержанных и «политкорректных» украинских элит стабилизировать ситуацию и укрепить государство. Так было и в XVII, и в XX вв.

Этим пассажем о «русском бунте» я хочу напомнить о том, что социальный фактор играл противоречивую, двусмысленную роль в становлении украинских государственностей и реалиях украинского национализма. С одной стороны, народные низы были перманентным неистощимым человеческим этническим ресурсом для пополнения рядов грамотных, «сознательных украинцев», а с другой – их политическая культура в первых «политических поколениях» грешила очевидной узостью кругозора, что для самоопределения в Большом Мире явно недостаточно. Украинские селяне создали себе кумира, «украинскую мечту» в виде казака-анархиста, которому не нужны никакие власти, – он один, гордый и свободный «степной орел». Но слишком часто получалось, что казакам не были нужны в том числе и власти собственные, украинские, вследствие чего потом появлялись власти чужие, которые уже не питали к казакам никакого родственного пиетета. Сегодня мы знаем, что анархистский идеал так же красив, как коммунистический, но и так же недостижим. «Свободный союз свободных индивидов» является практически гарантией утраты любой свободы, если рядом есть более прагматичные и жесткие силы. В истории Украины «республик Махно» были десятки и сотни, они возникали в условиях хаоса и быстро гибли при стабилизации. Можно говорить и о некоем сложившемся за столетия пороге социальной самоорганизации для украинцев, который им неплохо бы в своих интересах преодолеть хотя бы в XXI в. Примат приватных и региональных интересов слишком часто губил попытки создания «общего дома».

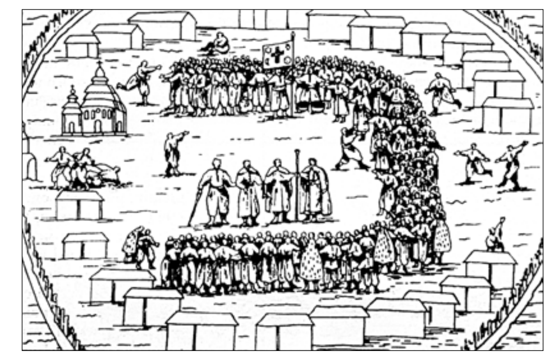
18. От Сагайдачного через Петра Могилу к Хмельницкому

Но вернемся в XVII в. Противоположность описанным анархическим свойствам украинского характера являл собой уже упомянутый великий запорожский гетман Петро Конашевич-Сагайдачный, символизирующий собой начинающуюся смену элит тогдашнего украинского общества. Эта

смена была обусловлена и вымиранием княжеских русских родов. Вымерли (или прервались их мужские линии) Острожские (1620), Збаражские (1631), Пронские (1651), Корецкие (1651) и другие. Их наследство перешло к родственным польским кланам, которые начали концентрировать в Поднепровье огромные земельные ресурсы, – к Замойским, Любомирским, Конецпольским. Эти были уже детьми Польши и совсем иначе относились к «еретикам»-аборигенам. Патриархальность старорусской жизни уходит в прошлое и совпадает с началом окончания сроков колонизационных льгот для поселенцев Поднепровья. Отрабатывать чужому пану-иноверцу за землю, единолично поднятую из целины в поте лица и с мушкетом за плечами, никому не хотелось, особенно вблизи казачьих краев. Параллельным процессом стал переход в католичество иных великих родов, самым ярким примером чего стали Вишневецкие. Дмитро в середине XVI в. был вождем казаков, а Иеремия (Ярема) в середине XVII в. стал их самым страшным врагом. Былая успокоенность посредством пребывания в верхних властных сферах русских православных князей как генетических защитников Русской земли сменилась теперь подозрениями, часто обоснованными, в кознях и покушениях магнатов-«королят» на давние вольности коренной людности.

Борьба с этими кажущимися или реальными покушениями на давние установления и дала с 1590-х по 1638 г. регулярные восстания казаков, которые вооруженным путем пытались выторговать себе расширение Реестра, содержащегося на коронные деньги, и иные сословные привилегии. Незакрепленность казачества в официальной социальной иерархии Речи Посполитой являлась основной причиной этих выступлений: вооруженный и полный риска («рыцарский») образ жизни, благородная миссия борьбы с исламом и защита края исключала казаков, особенно потомственных, из числа пахарей-крестьян. Они часто происходили из русских «панцирных бояр», «замковых земян» или мелкой шляхты, то есть были извечными воинами. Поэтому они и видели свой статус достойным такой их миссии – равным с правами шляхты, которая своим объемом гарантий свободы и чести, а также активным участием в управлении весьма большой страной представляла для тогдашней Европы исключительный пример одновременно благородного сословия и политической нации. Немногочисленный «Реестр» делил казаков на реестровых и низовых (запорожских) и был для последних основным желанным этапом на пути надежной военной карьеры на королевской службе. Реестровцы, несшие в основном гарнизонную службу в крепостцах и городах, представляли собой респектабельную прослойку населения, наиболее близкую к шляхте (часть из них таковой и была).

Цена демократии

Два лика казачьей Украины: гетман Петро Сагайдачный (гравюра 1622 г.) и Казачья Рада на Сечи (рисунок 18 в.). Сильная гетманская власть воплощала в себе потенциал создания государственности и усиления политической роли Украины в Речи Посполитой, а анархическая демократия Сечи чаще всего выступала тормозом этого процесса.

Прописанные в советских учебниках истины о борьбе казаков за свободу народа не совсем правдивы, поскольку потомственные вооруженные люди, ежегодно воюющие против грозных врагов, не могли себя воспринимать равными с селянами-«гречкосеями». «Перегородки» между мелким шляхтичем, боярином, мещанином или казаком были невысоки, а вот относительно селян этого сказать нельзя. При разрешении конфликта с властями (через компромисс или подавление бунтовщиков) никакие права «народа» и «Украины» не упоминались (разве что отождествить казаков с Украиной и народом – но они были лишь одним из сословий), кроме религиозных вопросов. По сути, со времен Дмитра Вишневецкого Войско Запорожское представляло собой особую корпорацию, экстерриториальное военное сообщество, готовое целиком или составными частями пойти «искать рыцарский хлеб» в любую соседнюю и далекую страну. К таким «рыцарским хлебам» относится и осада фландрского Дюнкерка вместе с французами в 1637 г. – наиболее дальний рейд запорожцев. Понятно, что Войско имело особую связь с Великим Лугом и Диким Полем, с Сечью и украинскими землями как основным источником рекрутирования новых казаков, местом их поселения при обзаведении хозяйством и сродственной общностью православных людей. Но свои отношения с польскими, татарскими, русскими властями они вели от имени этого мобильного войска, которое могло сидеть на Сечи, а могло ее перенести на другое место, растечься по какой-то территории или переселиться в другую страну (турецкие владения), как это делали дважды,

спасаясь от карательных экспедиций российских войск при Петре и Екатерине в XVIII в. Поэтому многочисленные и любовно собранные советскими историками послания казаков к русским царям с просьбой о разрешении перейти под их «высокую руку» были на самом деле лишь обычными предложениями послужить соседнему государю, пока в Речи Посполитой нет достойного ратного хлеба в этом году или степь чрезмерно спокойна и негде себя применить. Поэтому как «просились» казаки к царю, так и спокойно против Москвы воевали – и в Ливонскую войну, и во время русской Смуты.

Прописанные часто в украинских учебниках и популярной литературе истины об *извечных желаниях запорожцев создать украинское государство и достичь независимости* – тоже разновидность мифа, правда, уже не социального, а национального. С Запорожья, конечно, начиналась революция Хмельницкого, но и ему, и его наследникам-гетманам оно доставило столько проблем, что иногда неясно было, кто же больший враг молодого украинского государства: свои казаки или чужие войска?

Пока регулярные оружные выяснения отношений с Короной Польской не перешли рубикон в 1648–1651 гг., Войско искренне считало себя войском Его Милости короля Речи Посполитой и никогда не поднимало вопросы о каком-то суверенитете, выходящем за пределы сословных привилегий. Представления той эпохи не были способны заронить в умы ее людей понятия, которых у них быть не могло и которых поэтому не существовало в их реальной жизни. Старая Русская земля, Украина, имела свои права и обычаи, освященные давностью лет, польские короли присягали подданным соблюдать их давние права и вольности, т. е. все «в принципе» было окей, да и кто мог позволить себе покуситься на богопомазанность монаршей власти? Посему казацкие восстания – это политико-юридические региональные конфликты, в которых аргументы сторон сначала испытывались на бранном поле. Сначала вояки энергично рубились, выясняя, чья рука крепче и чье военное счастье сегодня «удачней», а потом спокойно садились за стол переговоров со своими вчерашними врагами – эдакий «спорт для рыцарства».

Попытался территориально и идеологически привязать Войско к Украине именно *Петро Сагайдачный*, выдающийся политик, «военный менеджер» и полководец. Этому гетману удавалось сочетать железную дисциплину, четкую регламентацию устройства и структуры Войска Запорожского, сохранение корректных отношений с Варшавой и достигать при этом самых громких успехов в войне против неверных (его Морские походы) плюс параллельно еще и поосаждать Москву в борьбе за династические интересы польского королевича Владислава. Он же и вступил со всем Войском

1.

Carte d'Ukranie
Contenant plusieurs Provinces com-
prises entre les Confins de Moscovie et
les Limittes de Transiluanie
Dressez par G.L.V. sieur de Beauplan
Ingenieur et Capitaine de l'Artillerie du
serenissime Roy de Pologne.
A Rouen
Chez Jacques Cailloue dans la cour du Pallais

2.

VKRANIA
quæ et
TERRA COSACCORVM
cum vicinis
WALACHIÆ, MOLDAVIÆ, MINORISq.
TARTARIÆ PROVINCIIS
exhibita
a IOH. BAPTISTA HOMANNO
Norimbergæ
VOLHYNIA
RUSSIA RUBRA
UKRAINA
WALACHIA
MOLDAVIA
TARTARIA MINOR
PALUS MÆOTIS

3.

Посильный вклад западных картографов: «Украина» становится страной, но при этом отличается от «Окраины»

Есть человек, заслуги которого перед Украиной явно превышают любую банальность вроде давно дискредитированного звания «Герой Украины». Это – французский военный инженер и картограф Гийом Левассер де Боплан, который в 1630–1647 гг. служил польской короне в юго-восточных воеводствах Речи Посполитой. Издав в результате своих наблюдений и исследований ***«Общий план Диких Полей, а проще говоря Украины. С соответствующими провинциями»*** *(Гданьск, 1648), он запустил в обиход европейских картографов географическое название «Украина», привязанное к Надднепрянщине и являющееся синонимом «страны казаков». Успел он, прямо скажем, вовремя. В год издания его карты вспыхнуло восстание Хмельницкого, привлекшее к себе внимание широкой «западной общественности». Гравировал его карту все тот же голландец Хондиус, резцу которого принадлежат и две весьма известные гравюры с портретом гетмана (с ослиными ушами и без оных). В те времена карты одного автора могли переиздаваться (с небольшими исправлениями) на протяжении полувека и более; переизданий Боплана тоже было множество, в разных городах и странах. Можем взглянуть, например, на картуш руанского издания 1660 г. (1): название «Украина» уже заняло свое место в европейской географии.*

Достойным итоговым результатом подобных «называний» можно считать карту Йохана Томанна из Нюрнберга 1712 г. (2), основанную на тех же картах Боплана, но учитывавшую актуальные политические и военные события. На картуше фигурирует гетман Мазепа (сидит в окружении своих сторонников); обозначено место Полтавской битвы 1709 г., ну и (что приятно), на том же картуше написано уже не просто «Дикое Поле, а проще говоря…», а конкретно: ***«Украина или Земля казаков»****.*

*Что же до карты 3 (****«Новейшая карта Росии»****, 1638 г., фрагмент), созданной неоднократно бывавшим в Москве (и пользовавшимся местными картами) голландским купцом и картографом Исааком Массой при участии все того же вездесущего Хондиуса, то она нам укажет, где именно в России находилась «Окраина». С «Украиной» она явно не совпадает, но является действительно южной окраиной Московского государства. Она пребывает в московской части Дикого Поля, далеко на восток от Чернигово-Северщины – т. е. где-то в верховьях Дона. Итак, у России Окраина, конечно, была, но это явно не Украина.*

Источники: *Україна на стародавніх картах. – К.: ДНВП «Картографія», 2006; 2009.*

Запорожским в Киевское братство, запуская ниточку духовного и идейного контакта наибольшей военной силой Руси и ее древнего сакрального центра. Казачество начало брать на себя определенные обязательства по отношению к украино-русскому православному сообществу.

20 тысячам казаков Сагайдачного Речь Посполитая должна была быть благодарной за условия Деулинского перемирия 1618 г., позволившего ей вернуть из московских рук утраченные ранее Смоленск, Чернигов и Новгород-Северский. Поход казаков через московские земли оставлял после себя руины и опустошения, хорошо характеризующие тогдашнюю «солидарность православных», тягу к «воссоединению» и «восточнославянское братство».

Вершиной военной карьеры Сагайдачного стала Хотинская война 1621 г., когда соединенные силы польского и казацкого войска в жестоком сражении остановили превосходящие силы турок. Но полученное ранение унесло великого гетмана в следующем году в могилу.

Смерть Сагайдачного лишила казачество всеми признанного авторитета и мудрого вождя, который видел его перспективы и имел достаточно политической воли, чтобы железной рукой держать в узде свое вольнолюбивое воинство.

Громкие успехи казачества способствовали попыткам киевских церковных интеллектуалов найти для казаков место в процессе русской истории. Упомянутый Иов Борецкий сделал это наиболее логичным способом: казаки стали продолжателями дела киевских князей: «*Это войско того колена, которое при русском монархе Олеге плавало на своих челнах по морю и по земле, поставив лодки на колеса, и штурмовало Константинополь. Это – те же, которые еще при Владимире Великом, святом русском монархе, воевали Грецию, Македонию и Иллирию*».

В 1625 г. территории шести приграничных староств Речи Посполитой были официально признаны расположением шести реестровых казацких полков – Белоцерковского, Каневского, Корсуньского, Переяславского, Черкасского, Чигиринского. Это было попыткой хоть как-то локализовать массы казаков, чтобы они не особо растекались по округе. В этих землях Правобережья коренится наиболее живучая традиция административных полномочий казачества, на почве этих полков сформировался центр государства Хмельницкого, из правобережной старшины выросли люди, наиболее преданные делу единства казацкой Украины и ее последующей борьбы за независимость. На этих землях жило 50–60 тысяч человек, относивших себя к казакам и имевших особую позицию в вопросе о судьбе польских «восточных кресов» (окраин).

1630-е годы принесли с собой очередные восстания, с разным успехом подавляемые польскими коронными и магнатскими войсками (при участии тех же казаков). Поражение восстания 1638 г. успокоило ситуацию на десять лет так называемого «золотого покоя», который был прерван Хмельнитчиной.

Параллельно мирским страстям военного противостояния продолжалось киевское возрождение православия. В 1632 г. православная иерархия была официально признана, и митрополичий престол до 1647 г. занимал Петро Могила, ставший символом целой эпохи в истории украинской церкви. Представитель молдавского династического рода, он был равным среди равных в высшей элите Речи Посполитой. Его неутомимые усилия в реформировании церкви, повышении ее дисциплины, интеллектуального и образовательного уровня дали толчок усилиям православной учености догнать «больно грамотных» католиков и протестантов. Унификация литургии, первая редакция православных основ веры («Катехизис»), «раскрутка» местных святых (мощи которых часто были «несколько сфабрикованы», т. е. выдавалось желаемое за действительное, в частности мощи Владимира Святого), канонизация всех печерских угодников – все это весьма оживило религиозную жизнь русинов. Проводились масштабные реставрационные работы в Киеве (нынешний вид киевской Софии – дело рук Могилы). Популяризировались идеи об «апостольности» русской церкви, основанной, согласно легенде, апостолом Андреем Первозванным. Это приравнивало ее по статусу фактически, к церкви Римской. В 1632 г. братская школа на киевском Подоле стала Киевским коллегиумом, который уже после смерти Могилы преобразовался в известную Киево-Могилянскую академию. Активизировалось украинское книгопечатание, привозились европейские издания, по которым учились студенты. Короче говоря, делалось все, чтобы русский народ наглядно ощутил, с одной стороны, преемственность и непрерывность давней традиции, а с другой – возрождение и, как результат, создание новой традиции.

Этот процесс «вестернизации» старорусской культуры имел как положительные, так и отрицательные последствия. Прорыв был очевиден, по учености «догнали» католиков, результатов прорыва хватило потом и на реформирование громадины московской церкви силами экспортированных священников-украинцев с хорошим образованием. Другой стороной этого стало вытеснение замелькавшего в различных текстах

народного украинского языка в бытовую сферу. В языковой иерархии по престижности он стоял явно ниже польского и латыни, на которых и держалась тогдашняя интеллектуальная жизнь Речи Посполитой, а сферу церковную обслуживал церковнославянский язык.

Еще одной проблемой в восприятии западных достижений было использование всех этих знаний для аргументации *особой роли православной церкви* в жизни православного общества, в формировании светских властных структур и в наитеснейших связей с ними. Поэтому-то первыми идеологами российского абсолютизма на качественно более высоком интеллектуальном уровне и стали украинцы – в частности, киевлянин Феофан Прокопович с его «Правдой воли монаршей». Политику сильной роли государства в российской церковной жизни проводил и местоблюститель московского патриаршего престола при Петре Стефан Яворский.

Столь быстрый взлет претензий Церкви на свою долю власти наряду с государством и монархией быстро вырывал верхушку украинской церкви из местного контекста: широкий кругозор *привел их на позиции некоего православного космополитизма,* для которого масштабы Украины были мелковаты. Авторитет Киева в деле модернизации православия делал «птенцов гнезда Могилы» квалифицированными церковными менеджерами-универсалами нового поколения, и их амбиции требовали для своей реализации гораздо больше пространства, чем украинские епархии, к тому же не столь чтимые польскими властями. Этот фактор обусловил энергичную миграцию иерархов в петровскую Россию после того, как Москва добилась при согласии украинского гетмана Брюховецкого передачи права контролировать избрание киевского митрополита константинопольским патриархом в 1667 г. В **1686** г. за «три сорока соболей и двести червоных» Константинопольский патриарх Дионисий передал Киевскую митрополию в подчинение Московскому патриархату.

После этого на протяжении полувека влияние украинцев в высшей иерархии российской православной церкви было превалирующим. Поэтому позиция Церкви относительно грядущего антироссийского «сепаратизма» гетманов носила более чем сдержанный характер. Такое отношение церкви стало одним из деструктивных факторов развития украинской государственности второй половины XVII и начала XVIII вв.

19. Революция Хмельницкого в поисках признания

Честь Богу, хвала, навіки слава Войську Дніпровому,
Же з Божей ласки загнали ляшки ку порту Вісляному.
А род проклятий жидовський стятий, чиста Україна,
А віра святая вцалє зостала, добрая новина.
І ти, Чигирине, місто українне, не меншую славу
Тепер в собі маєш, коли оглядаєш в руках булаву
Зацного Богдана, мудрого гетьмана, доброго молодця,
Хмельницького чигиринського, давнього запорозця.
Бог єго вказал і войску подал, аби їм справовал,
Ажеби покорних од рук оних гордих моцно обваровал.
Вчини ж, Боже, всім нам гоже, аби булавою
Войско тоє славно всему світу явно [було] за єго головою.

Стихотворение 1648 года; возможно, одна из декламаций, которыми студенты Киево-Могилянской академии приветствовали въезд Богдана Хмельницкого в Киев*

Война, начавшаяся в 1648 г., стала переломным этапом в судьбе Украины. Это был и мощный социальный взрыв, и смена предыдущей системы международных отношений в регионе, и попытка государственной самореализации Войска Запорожского, в которую были втянуты миллионы людей, и начало гуманитарной катастрофы для украинского населения всех «национальностей» и вероисповеданий, и начало кризиса и предчувствие гибели Речи Посполитой. Для украинско-российских отношений это было началом тесного взаимодействия и того противоречивого процесса притягивания и отталкивания, который не исчерпал себя по сей день.

Я не буду подробно описывать ход военных действий, лишь дам общий очерк происходящего, чтобы можно было понять логику действий казацкой элиты и окружающих держав. Без этого понимания мы не разберемся с тем, чем же была на самом деле Переяславская Рада 1654 г.

Богдан-Зиновий Хмельницкий (1595?–1657) происходил из шляхетского православного рода с галицкими корнями. Его социальный и военный опыт был солидным: иезуитское образование во Львове, знание

* Источник: Українська поезія. Сер. XVII ст. – К., 1992.

нескольких языков, участие в войне с Турцией, плен, жизнь на Сечи, должность войскового писаря (канцлера), участие в восстании 1637 г., завоевание авторитета и в среде респектабельных реестровых казаков, и на анархической Сечи. Он отличался талантами и жесткого военачальника, и располагающего к себе массы демагога, и хитрого дипломата, понимающего условность красивых слов и важность силовых действий. Он был эмоционален, порывист, прост в жизни, причем упрям и скрытен. Образ Хмельницкого в украинском восприятии противоречив: он создал государственность и вступил в отношения с Россией, которые привели к уничтожению казацкого государства, он выигрывал и проигрывал сражения, он вступал в самые противоречивые и неестественные союзы, он был скор на расправу и тяжел на руку, он, несомненно, обладал харизмой вождя национального масштаба. Украина до и после Хмельницкого – это две очень разные Украины. Тарас Шевченко, чтя «славного Богдана», в тоже время, не стеснялся рекомендовать ему «в луже утопиться, в грязи свиной», и считал, что неплохо бы его «в колыбели задушить». Этот вывод был сделан через 200 лет после Богдановых свершений, которые для Шевченко ассоциировались с переходом под власть России. Как говорится в народной песне «А уже 200 лет казак в неволе»:

А вже років двісті,
Як козак в неволі.
Понад Дніпром ходить, виглядає долю:
«Гей, гей, вийди, доле, із води!
Визволь мене, серденько, із біди!»
«Не вийду, козаче,
Не вийду, соколе.
Ой рада б я вийти, та сама в неволі,
Гей, гей, у неволі, у ярмі,
Під московським караулом у тюрмі».
[…]
Ой пане Богдане, нерозумний сину!
Занапастив Польщу, ще й нашу Вкраїну.
Гей, гей, занапастив, зруйнував,
Бо в голові розуму мало мав.

Но ближе к делу. В феврале 1648 г. Хмельницкий, вступивший в результате частной войны с соседом-шляхтичем в правовой конфликт с властями, избирается на Сечи гетманом и в нескольких сражениях громит все войска,

посланные против него. На его сторону переходят реестровые казаки, а к войску восставших начинают присоединяться как православные шляхтичи, так и массы крестьян. Пройдя победный путь через битвы при Желтых Водах, Корсуне, Пилявцах, он остановился лишь на краю этнической Польши и в ноябре того же 1648 г. вернулся назад, на зимние квартиры. За это время край охватила крестьянская война, которая смела шляхетские имения, магнатские латифундии, разорила многие местечки, выкосила «до ноги» тысячи поляков, евреев и соплеменников-украинцев. В ответных карательных акциях властей и по «инициативе» магнатов тысячи восставших были убиты, повешены или посажены на кол. Мысль о том, что чернь можно только запугать, привела к тому, что украинский пейзаж в те времена пестрел многочисленными голгофами. В течение короткого времени между враждующими силами протекла такая река крови, которая поставила под сомнение саму возможность примирения.

Однако если говорить о целях или «программе» Хмельницкого, то в первый год она не выходила за пределы сословного казацкого мышления или, словами историка Вячеслава Липинского, «казацкого автономизма». Темы требований восставших были, в принципе, старыми: увеличение реестра, уменьшение контроля над казацкими краями, восстановление упраздненного в 1638 г. казачьего самоуправления. Общей неясности способствовало польское междуцарствие и проблема избрания нового монарха. Поэтому первое время мы не можем воспринимать выступление Хмельницкого исключительно как «национально-освободительное» и в «борьбе за независимость» – вначале это была война *гражданская* в переделах Речи Посполитой, и палач восставших Иеремия Вишневецкий отличался от Хмельницкого лишь тем, что иначе видел устройство Республики.

Уже потом, по мере расширения внешних контактов и безвыходной ситуации военного равновесия, у казацкой верхушки начала возникать идея «выбора сюзерена», действительного выхода Войска Запорожского с контролируемой им территорией из состава Речи Посполитой, – правда, внешний выбор Хмельницкого менялся год от года. Что же до «независимости», то создавать новые независимые государства в XVII в. было гораздо сложнее, чем в 1991 г. Европейские принципы феодального легитимизма требовали от такого претендента собственной, извне признанной правящей династии (а Хмельницкий в этом смысле был «выскочка») или так же признанного «сюзерена» – внешнего патрона. Понятно, что такая форма зависимости была достаточно формальной: вассальные княжества Османской империи Трансильвания и Молдавия были де-факто независимыми государствами, которые соглашались с ролью подчиняемого лишь тогда, когда приходили османские войска. Или, например, путь вполне

респектабельного княжества-курфюршества Бранденбург к достижению статуса королевства Пруссии потребовал продуманных и неистощимых усилий курфюрстов-Гогенцоллернов на протяжении полувека.

Вернемся к Хмельницкому. Зимой 1649 г. его *концепция изменилась.* Гетман решил повысить ставки в своей игре с Варшавой. Хмельницкий триумфально въезжает в древнюю русскую столицу и сакральный центр – Киев – через Золотые княжеские ворота; студенты Могилянского коллегиума встречают его панегириками, в которых он сравнивается с библейским Моисеем; в санях с иерусалимским патриархом и киевским митрополитом он едет по городу; звучит салют из орудий; в Софии ему отпускают все бывшие и будущие грехи. Все это очень напоминает коронацию монарха. Общение с православной элитой и осмысление новой расстановки сил сподвигают гетмана на формулировку программы, радикально меняющей дотоле рутинную провинциальную судьбу Русской земли. На новых переговорах с Варшавой тональность сильно изменилась:

> *Правда то, что я маленький и незначительный человек, но это Бог мне дал то, что ныне я есть единовластелин и самодержец русский… Я уже доказал, что никогда не думал, а далее доведу то, что задумал. Выбью из лядской неволи весь русский народ, а что ранее я воевал за свой ущерб и кривду, то ныне я буду воевать за нашу веру православную.*

Хмельницкий отмерил своему русскому народу такие пределы: «*вся Русь, по Львов, Холм и Галич*». Достаточно точно обрисовав, таким образом, западные этнические границы русинов-украинцев, гетман поставил в качестве сверхзадачи для своего «движения» и основного «послания окружающим» (или «меседжа», как модно нынче говорить), восстановление независимости и суверенности «давнего народа русского», реанимацию киевской державной традиции, а пределы этой суверенности были пока отмечены только с католического запада. Свои претензии в *православном пространстве Речи Посполитой* Хмельницкий не уточнял, и последствия этого мы увидим в попытках распространить власть Войска Запорожского на юго-восточную Беларусь, создание Белорусского казацкого полка и в попытках пинской шляхты перейти «под руку» гетмана. В этом можно усмотреть попытку начала *нового «собирания русских земель»*, поскольку предыдущий литовский и речь-посполитский вариант уже себя изжили, а о существовании московского гетман пока мог и не догадываться. Сложно судить, были это его идеи или же подсказанные православными владыками, - в любом случае Хмельницкий воевал и использовал в войне определенные идеологические обоснования своим претензиям.

Идея податься под власть московского царя Хмельницкому пока в голову не приходила. Московское государство пребывало на периферии политического горизонта и казачества вообще, и Хмельницкого в частности. Поскольку власть в Речи Посполитой имела договорный характер, гетман надеялся посредством военных успехов и своей силой добиться от Короны Польской признания прав своего православно-русского сообщества, возможно, и не в таких заявленных максимальных объемах: критерием должна была стать военная удача, которая является самым весомым аргументом в дипломатических переговорах. Его тезисом было то, что казакам принадлежит *все, добытое казацкой саблей.* То, что он постоянно вел переговорный процесс с Варшавой, означало, что это православно-русское государство должно было в результате легитимно достигнуть автономного статуса в Речи Посполитой, т. е. по возможности занять в Республике позицию «третьего народа». Казацкая элита мыслила в системе политических понятий, данных шляхетской демократией, и рецидивы этого мышления потом проявлялись на протяжении 150 лет уже под властью России.

Польшу эти максималистские условия не радовали, но и на минимальные она, видимо, тоже не была готова пойти, – война продолжалась. Для понимания самых важных проблем дальнейшей миссии Хмельницкого необходимо учитывать следующие моменты:

1. Самым весомым аргументом в данном конфликте были конкретные военные результаты. Поэтому в логике гетмана должны были прослеживаться осознание недостаточности прекрасной казацкой пехоты для войны против таких элитных и мощных польских частей, как «крылатые гусары», – тяжелой кавалерии. Лучшее дополнение, кроме артиллерии, – легкая конница, которую могли предоставить только крымские татары. То есть татар можно не любить, но они нужны, и за свою помощь они возьмут свою дань – ясырь, массы невольников.

2. Логике крымских ханов, вассалов Османской империи, был свойственно безразличие к тому, кто победит в войне двух народов Речи Посполитой, поскольку взаимоослабление христиан – только на пользу делу Ислама. И когда будет особенно очевидна победа одной из сил – татары перейдут на сторону проигравшей и изменят их расстановку. В подобной ситуации, что бы ни вышло в результате, – «ваши кости будут наши».

3. Хмельницкий свой основной диалог вел все же с Польшей, хотя она и оставалась при том главным военным оппонентом. Это напоминает

ситуацию изнурительной совместной жизни супругов, которые уже и знают, что готовы расстаться, но слишком привыкли жить вместе. И не получается, чтобы кто-то ушел, а хочется, чтобы кто-то отпустил.

А как показывает та же российско-советско-российская практика, **никто никого никогда никуда не отпустит, если нет естественных и очевидных природных границ, позволяющих расстаться с минимальными гуманитарными потерями**. Франция все-таки отпустит свой самый любимый и офранцуженный Алжир – ведь он за морем, но никогда не отпустит сращенный кровью и плотью соседний Эльзас с Лотарингией. Этот фактор является решающим для таких государств, как Польша и Россия, которые формировали свое «политическое тело» путем поглощения соседних «тел» и *сращивания* с ними, а не прыжками через океаны. Поэтому Англия давно пережила потерю Североамериканских колоний – еще до достижения вершины своего глобального могущества, а последняя из континентальных империй Россия до сих пор не может преодолеть столь малый по масштабам конфликт, как чеченский. Непосредственная, живая граница, перемешанное население, пересечение людских судеб, приращение территории как самоцель, локальные вендетты и «цивилизирующий долг» как оправдание великодержавного присутствия – в некоторых смыслах все это повторяет проблему Украины и Польши в XVII в. Существенная разница заключается в том, что нынешняя Чечня, которая проявляет сепаратистские наклонности, мыслит в иных представлениях о жизни, чем нынешняя Россия, а Украина XVII в. мыслила *в тех же понятиях*, что и Речь Посполитая, и хотела всего лишь понимания и если не «любви», то хотя бы уважения своих стремлений.

Дальнейшей же проблемой Украины стало то, что ее попытки реализовать свой «полонизированный» вариант политической свободы встретил *несогласие* в Польше, а при российских властях ее стремление к свободе было обречено на полное и категорическое *непонимание*.

4. Такая зацикленность на Варшаве обусловила следующую проблему: Украина пыталась в ситуативном изменении своих отношений с разными силами в Восточной Европе испытать все возможные варианты военных союзов. В одиночку «домучить» Речь Посполитую было невозможно. Поэтому среди союзников регулярно повторялись: Крымское ханство и Османская империя, Семиградье (Трансильвания), Молдавия, Швеция, Московское государство.

Преимуществом Москвы в перспективах овладеть Украиной было то, что политическая элита Московского государства (двор, бюрократия

и церковь) просто не понимала, не хотела вникать в те правовые «концепции», которые буйствовали в политических представлениях казацкой Украины. Поэтому Москва и обыграла украинцев с помощью своей банальной последовательности в интенсивном и твердом давлении, основанном на стабильности целей и устремлений тогдашнего (да и, не будем скрывать, всегдашнего) российского государства.

Итак, вернемся в 1649 г. Под командованием Хмельницкого стоит 40-50 тысяч «профессиональных» казаков, около 50 тысяч показаченных мещан и крестьян, а также 40 тысяч татар крымского хана Ислам-Гирея III. У поляков намного меньшие силы. Летом того года события сосредотачивались на Подолье, где казаки осаждали героическое и крайне выносливое польское войско в Збараже и в Поднепровье, где шляхетская армия из уже Литвы шла на Киев. Решающий бой с противником на переправе возле города Зборова принес очевидное преимущество казацко-татарскому войску. Поляки были вынуждены что-то очень быстро решать с татарами, чтобы спасти ситуацию. Консенсус был достигнут, война прекратилась, а давление поляков и татар на гетмана заставило его подписать с Варшавой мирный договор.

Зборовский договор очертил казацкую территорию как три воеводства (Киевское, Черниговское и Брацлавское), а войско – как 40-тысячный реестр, также были оговорены: религиозные преимущества для православных, устранение из властных структур католиков и униатов, участие православных иерархов в польском Сенате (верхняя палата Сейма), амнистия участникам восстания. Показательным моментом было то, что Речь Посполитая в своих обязательствах перед татарами возлагала на себя долг заплатить за «небратие ясыря», т. е. крымцы обещали не угонять невольников с округи – а ведь это были *непольские этнические земли*. Иными словами, элита Речи Посполитой еще не измеряла свое нутро этническими понятиями, она хотела компромисса, а ее властям были небезразличны подданные на украинских землях. Для магнатской верхушки эти тысячи селян были объективным источником благополучия. Когда это ощущение возможности примирения утратится, тогда мосты будут сожжены и война пойдет на уничтожение, вплоть до буквально выжженной земли.

Зборовский договор был для Хмельницкого самым успешным в отношениях с Короной Польской. Однако в самой Польше ссорились две партии (войны и мира), ратификация условий фактически не состоялась, и после локальных столкновений 1650 г. на следующий год было назначено «посполите рушення», то есть общая мобилизация шляхты. В конце июня 1651 г. силы сторон, где казаки и показаченные селяне составляли

около 100 тысяч, их союзники-татары – 30-40 тысяч, а поляки – около 60-70 тысяч, сошлись около Берестечка на Волыни. Упорный бой, в котором стороны показали себя с наилучшей и героической стороны, разрешился, когда немецкие наемники (в 1648 г. в Европе закончилась Тридцатилетняя война и тамошние вояки скучали) добрались до татар. Неведомая доселе активность артиллерии заставила крымцев нервничать, и они начали отступать. Попытка Хмельницкого вернуть союзников не увенчалась успехом – он сам был захвачен крымским ханом. Войско без вождя еще крепко держалось, но ход битвы развернулся не в украинскую пользу; нужно было уходить, чтобы сохранить боеспособные части. Это удалось одному их героев той войны полковнику Ивану Богуну, который провел казацкие части войска через болотистую переправу. Случились тут и украинские «Фермопилы», когда три сотни казаков прикрывали эту переправу несколько часов против превосходящих сил врага. Новый польский король Ян Казимир предлагал им почетную сдачу, но они предпочли смерть.

Поражение заставило Хмельницкого заключить новый договор – *Белоцерковский*. Реестр сокращался до 20 тысяч, воеводство оставалось лишь одно – Киевское, союз с татарами разрывался, и гетман не должен был вести внешних сношений.

Однако эти условия уже не особо беспокоили Хмельницкого. Конфликт уже вышел за пределы обычного казацкого восстания: он приобретал вполне *системные,* т. е. стабильные черты (вроде как современный ближневосточный вечный кризис). В него втягивались все новые и новые силы, государства, армии. Логика ситуации вела гетмана к новым союзам и новым коалициям. Международный резонанс войны Хмельницкого можно оценить, исходя хотя бы из того, что в кромвелевской Англии действия гетмана расценивали как своеобразный второй, восточный, фронт против католицизма.

В качестве замечания добавим, что в ходе этой войны целые области превращались в пустыню, взаимная резня сторон ничем не ограничивалась, именно тогда люди переставали сеять хлеб, бежали в более спокойные места, скотина вырезалась или отбиралась, начинался голод и эпидемии. Поскольку все это происходило на той территории, из которой и произрастали казацкие политические и военные претензии, продовольственные и человеческие ресурсы Хмельницкого неуклонно сокращались. Это делало его все более зависимым от внешних союзов, в которых рано или поздно должно было появиться Московское государство.

Но, отметим, что мысль об этом все никак не приходила Хмельницкому в голову. Хотя нет, вру: Москва, конечно, постоянно присутствовала как северо-восточный сосед, но после череды проигранных ею Речи Посполитой войн она не воспринималась как серьезный участник действительно большой войны. Треугольник Польша–Турция–Москва для Хмельницкого был лишь внешним обрамлением ситуации, которую он пытался разрешить на уровне вассалов и полувассалов больших держав. Поэтому-то в начале своего пути он проявлял значительную гибкость, что проявлялось в привлечении таких государств, как Крым и Молдавия.

На 1650 г. приходится начало интенсивной переписки со Стамбулом, а в следующем году султан уже предлагал вполне льготный вариант вассалитета Украины, даже с большими возможностями, чем у других вассалов (Молдавии, Валахии и Трансильвании). Однако в 1651–1653 гг. Хмельницкий еще пытался отработать молдавский вариант, когда его старший сын Тимофей женился на дочери одного из претендентов на молдавский престол и защищал своим полком политические претензии тестя. И брак был, и дети были, и таким образом наследник Хмельницкого мог бы легитимироваться в кругу православных государей, но превратности войны унесли жизнь Тимофея Хмельницкого, а в Молдавии победила другая партия. Этот факт, кроме человеческой трагедии отца, потерявшего сына, обусловил очень многое в последующей судьбе Украины: ведь, по упомянутым мною тогдашним представлениям, не может быть отдельного государства без своего суверена-монарха, а легитимность последнего, кроме признания внутри страны, должна (а вернее, желательна) вытекать еще и из родственных отношений с иными правящими домами. У православных варианты были ограниченны (Валахия, Молдавия, Москва), а решать судьбу потенциальной династии нужно было параллельно с ведением более актуальной для всей страны основной войны с Варшавой.

Мне жаль Тимофея еще и в том смысле, что известный по свидетельствам эпохи его характер сулил много интересных событий. Молодой полковник был весьма энергичен и задирист – вполне достаточно данных для той эпохи и обстоятельств, чтобы при его фамилии интересно реализоваться. У Хмельницкого оставался лишь младший сын Юрий, ставший потом одной из самых противоречивых фигур украинской истории, познавший судьбу невинной и бездарной жертвы громкого имени отца.

Но вернемся к отцу-Хмельницкому. Неудача молдавского варианта православной легитимации государственности и сомнительный

КАЗАЦКОЕ ГОСУДАРСТВО
в середине XVII в.
Великое княжество Литовское
РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ
Польское королевство
МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО
Зона московского влияния
ДОНСКИЕ КАЗАКИ
ВОЙСКО ЗАПОРОЖСКОЕ
СЛОБОЖАНЩИНА
ЗАПОРОЖЬЕ
КРЫМСКОЕ ХАНСТВО
ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ
ТРАНСИЛЬВАНСКОЕ КН.
МОЛДАВСКОЕ КН.
ВАЛАШСКОЕ КН.
ЧЕРКЕСЫ
АЗОВСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
Минск
Гродно
Брянск
Стародуб
Пинск
Брест
ВАРШАВА
Туров
1649, 1561 Лоев
Чернигов
Курск
Люблин
Холм
Луцк
Овруч
Нежин
Путивль
1651 Берестечко
Звягель
Прилуки
Белгород
Киев
Белая Церковь
Переяслав
Миргород
Краков
Львов
Паволочь
Канев
Лубны
Полтава
Перемышль
1649 Зборов
Винница
1648 Корсунь
1655 Охматов
ЧИГИРИН
Каменец
Брацлав
Умань
1648 Желтые Воды
Кодак
Унгвар
1652 Батог
Сечь
ЯССЫ
Очаков
Азов
Перекоп
Ак-Керман
Гезлеве
Керчь
БАХЧИСАРАЙ
Каффа
ТАРГОВИШТЕ
Силистра
Днепр
Десна
Дон
Припять
Висла
Днестр
Северский Донец
Кубань
9
10
8
1652 Батог Место и год битвы
Граница Речи Посполитой в 1648 г.
Общая граница Османской империи и её вассалов
Территория под контролем Войска Запорожского в 1654–1657 гг.
0 100 200 км

Пределы казацкой сабли

То, что изображено на карте, – это казацкая государственность, добытая в ходе войн Хмельницкого. Просьба не путать ее с «Украиной» вообще, что часто заметно на советских исторических картах. Украина, как вся «земля украинцев», здесь несколько больше (от венгерского Закарпатья до московской Слобожанщины); на карте мы наблюдаем ее второе «воплощение» – казацкую Надднепрянщину. Первое, предшествующее «воплощение» – казацкое Дикое Поле, третье – уже вся украинская этническая территория.

Казацкое государство включает в себя земли, полученные Войском в результате Зборовского (1649) договора с Варшавой. Понятно, что были и другие краткодействующие договоры, но мы тут отмечаем владения Хмельницкого более де-факто, чем де-юре. Имеем также в его лице третью попытку после Литвы и Москвы «собирания русских земель» – на карте «полосатые» заезды в будущую Беларусь (Турово-Пинский полк и Белорусский полк). Хмельницкий ощущал себя «единовладцем русским», посему на севере для него не существовало украинско-белорусской границы. «Украина» – это все, что добыто казацкой саблей в пределах православных земель Речи Посполитой.

результат Жванецкой кампании 1653 г. против поляков заставила Хмельницкого налаживать более тесные отношения с Москвой – наиболее солидным и независимым из православных государств, что позволяло найти какие-то общие интересы и мотивации. Тем более что поражение Тимофея на Придунайском фронте осложнило еще и это стратегическое направление. Проблемой, однако, было то, что Москва, несмотря на тогдашнее соседство, была достаточно чуждым и малоизвестным персонажем для политического международного пространства казацких лидеров.

Однако, прежде чем обратиться к историческому «воссоединению Украины с Россией», имеет смысл коротко охарактеризовать, какая же государственность получилась в результате усилий Хмельницкого.

Называлось государство Войском Запорожским, позже за ним закрепится еще два названия: Гетманщина (неформальное название для украинцев) и Малороссия (для официальных дел с Россией). Территориально это государство охватывало (в зависимости от положения фронтов) земли бывших Киевского, Черниговского и Брацлавского воеводств, а в конце 1650-х – еще юго-восточную Беларусь. Административно оно делилось на полки и сотни. Горожане и шляхта (которая еще осталась) сохраняли свои давние права и обычаи. Гетман избирался только казаками, но представлял высшую не только военную, но и административную и судебную власти на всей территории. Функции кабинета министров исполняла Генеральная войсковая канцелярия во главе с генеральным писарем Иваном Выговским. Основные властные функции (военные и административные) сосредоточила в своих руках казацкая старшина разного социального происхождения (низовые казаки, реестровцы, шляхта, мещане). То есть казачество превратилось в новый «политический народ», заменивший в этой роли шляхту. Сама старшина по своему происхождению, нраву и способу политического мышления условно делится исследователями на две группы: 1) из шляхты и реестровцев; 2) «выскочки» из низовых казаков и селян. Крестьянство стало до поры до времени лично свободным, лишь платящим налоги в войсковую (державную) казну, а там, где сохранился старый хозяин (нечасто), – обычные отработки. Автономной единицей оставалась Запорожская Сечь. Жило в государстве около 3 миллионов человек, а его столицей был гетманский замок в городе Чигирин (современный райцентр Черкасской области). Экономические и человеческие ресурсы этого государственного образования в ходе войны все более сокращались.

20. «Воссоединение с Россией»: брак по расчету с неизвестным

«В 1654 г. Украина присоединилась к России, где власть была в руках царизма. Царизм угнетал русские народные массы и проводил колониальную политику относительно покоренных народов. Такую же колониальную политику проводил русский царизм и на Украине».

Історія України: короткий курс. – Київ, 1940

Фундаментальный исторический трехтомник «Украина и Россия в исторической ретроспективе», вышедший в Киеве в 2004 г., суммирует тот объем знаний и характер оценок украинско-российских отношений, который свойственен современным украинским профессиональным историка. Поскольку я не являюсь большим специалистом по истории той эпохи, то иногда буду подключать некие экспертные оценки – как из этой книги, так и уже неоднократно упомянутой книги Наталии Яковенко.

Вот, например, Виктор Горобец, начиная этот весьма объемный труд, между делом пишет о том, что «регулярные контакты украинской людности с российской, по наблюдениям исследователей, были связаны с активизацией деятельности запорожского казачества в начале XVI в.», а именно – в контексте интереса *не к Москве, а к казачеству донскому*, формировавшемуся под формальным протекторатом московского царя. Там же замечается, что «в начале XVII в. между украинцами и русскими [по-украински – “росіянами”] существовали лишь эпизодические и незначительные контакты, преимущественно на религиозной основе…»

Эти замечания по ходу основного изложения весьма портят настроение пламенному стороннику «воссоединения»: как можно энергично и сознательно «воссоединяться» в 1654 г. с тем, с кем еще недавно были лишь «эпизодические и мелкомасштабные контакты». А ведь это сказано не зря: в XVI в. русские поселения заходили чуть южнее Тулы, малая плотность населения даже не создавала какой-то толком очерченной межэтнической границы «украинцев» и «русских», а принадлежность в том же XVI в. «Верховских» черниговских княжеств

Московскому государству была вассальной зависимостью, т. е. конкретного присутствия «московских людей» там не ощущали, а потом Речь Посполитая отбила эти земли назад. Поэтому украинцы-русины XVII в. знали о русских-москвитянах практически лишь то, что они – православные. В церковных кругах, как я говорил выше, существовали греческие понятия «Малой» и «Великой» России, но они не были известны за пределами узкого круга людей, ценящих общеправославную внутрицерковную переписку. Широкая публика была не в курсе существования таких фундаментальных понятий, то есть просто об этом не догадывалась. Украинцы для тогдашних русских звались «русские», «русины», «черкасы», «казаки», а дальше чередой шли более локальные, местные определения.

Вопрос о близком знакомстве украинцев и русских в период «древнерусской народности» тоже отпадает, о чем писалось выше. Как могли люди принадлежать к одной «народности» и при этом ничего друг о друге не знать и никогда не встречаться, мне представить сложно. Тем более непонятно, исходя из каких соображений они должны были «воссоединиться» после сотен лет не-общения и взаимного незнания (и был ли вообще момент «знания»?). Все это напоминает фиктивный брак по объявлению в газете.

Но Хмельницкий руководствовался своей неумолимой логикой выбора союзника, и обстоятельства рано или поздно должны были его толкнуть на более интенсивное налаживание отношений с Москвой. Постоянными вдохновителями такой внешней ориентации были православные иерархи, желающие прекратить сближение с неверными татарами и турками и вырвать Украину из зоны католических влияний. Постоянным желанием гетмана было то, чтобы Москва не воевала против его союзников татар и по возможности вступила в войну против Польши. Или чтобы царь Алексей Михайлович был избран на временно вакантный польский трон (такие идеи тоже витали). Если для вступления России в войну нужно было признать сюзеренитет московского царя – то почему бы и нет? Ведь основным конфликтом все равно оставался конфликт с Варшавой.

Когда летом 1653 г. Хмельницкому поступили выгодные предложения в том же духе от Османской Порты, сановники российского государства решили таки вмешаться в гражданскую войну в Речи Посполитой. Земский собор в октябре 1653 г. формально утвердил уже принятое государем Алексеем Михайловичем решение. Резолюция объясняла мотивы «приема Украины» достаточно просто: «Войско Запорожское

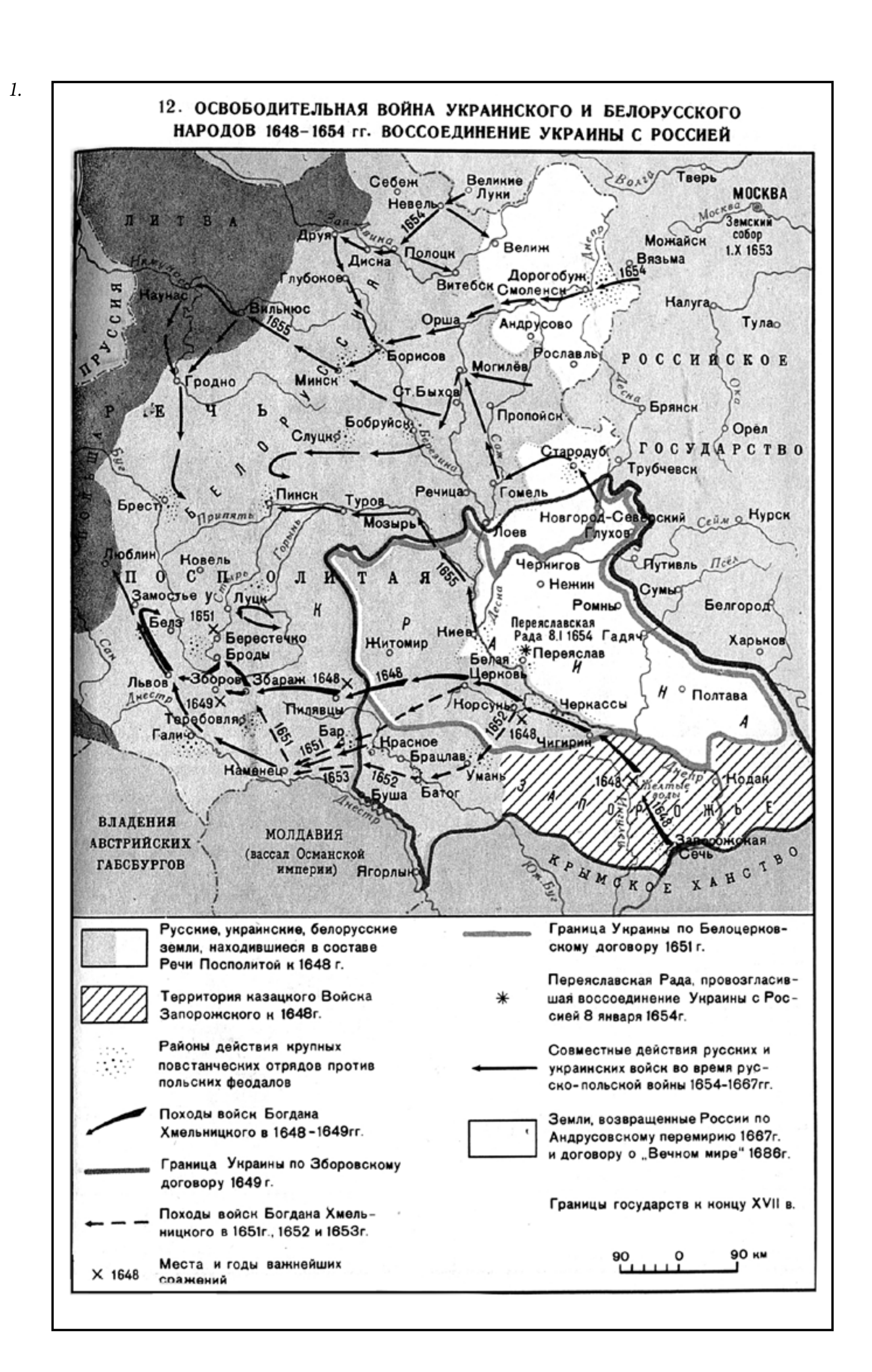
Нестандартный Хмельницкий

Богдан Хмельницкий. Вариант гравюры по рисунку В. Хондиуса 1651 г. С граверными досками, изменяя мелкие детали, можно и поразвлечься, т. е. печатать достаточно разные изображения, взятые с одного оригинала. Есть и вполне благопристойный портрет Хмельницкого "по Хондиусу", а вот этот – сатирический. В украинской исторической традиции к Хмельницкому двойственное отношение: и создал казацкое государство, и сразу заложил под него долгоиграющую мину своим временным союзом с Москвой.

с городами и землями принять под Государеву высокую руку… чтобы их не отпустить в подданство турскому султану или крымскому хану».

Итак, в начале января 1654 г. посольство во главе с боярином Василием Бутурлиным скоренько прибыло в Переяслав (ныне – Переяслав-Хмельницкий). Гетман почему-то решил оформить союз не в Киеве, что было бы логично с точки зрения восстановления «древнерусского единства», – ведь Переяслав был лишь полковым городом. 8 января по старому стилю была созвана известная Переяславская рада, на которой присутствовала казацкая старшина и Переяславский полк. Собрание высказало пожелание податься «под крепкую

1.

12. ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА УКРАИНСКОГО И БЕЛОРУССКОГО НАРОДОВ 1648–1654 гг. ВОССОЕДИНЕНИЕ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ
ЛИТВА
ПРУССИЯ
РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ
БЕЛОРУССИЯ
УКРАИНА
ЗАПОРОЖЬЕ
РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО
КРЫМСКОЕ ХАНСТВО
ВЛАДЕНИЯ АВСТРИЙСКИХ ГАБСБУРГОВ
МОЛДАВИЯ (вассал Османской империи)
МОСКВА
Земский собор 1.X 1653
Тверь
Можайск
Вязьма
Калуга
Тула
Брянск
Орёл
Трубчевск
Курск
Путивль
Сумы
Белгород
Харьков
Себеж
Великие Луки
Невель
Друя
Полоцк
Дисна
Велиж
Глубокое
Витебск
Дорогобуж
Смоленск
Каунас
Вильнюс
Орша
Андрусово
Борисов
Рославль
Гродно
Минск
Могилёв
Ст. Быхов
Пропойск
Бобруйск
Слуцк
Стародуб
Брест
Пинск
Туров
Речица
Гомель
Мозырь
Лоев
Новгород-Северский
Глухов
Люблин
Новель
Чернигов
Нежин
Замостье
Луцк
Ромны
Белз
Берестечко
Житомир
Киев
Переяславская Рада 8.I 1654
Гадяч
Броды
Переяслав
Львов
Зборов
Збараж
Белая Церковь
Полтава
Теребовля
Пилявцы
Корсунь
Черкассы
Галич
Бар
Красное
Брацлав
Чигирин
Каменец
Умань
Батог
Буша
Кодак
Желтые Воды
Запорожская Сечь
Ягорлык
Днепр
Днестр
Волга
Зап. Двина
Неман
Буг
Припять
Березина
Сож
Десна
Сейм
Псёл
Ока
Горынь
Стырь
Сан
Юж. Буг
1648
1649
1651
1652
1653
1654
1655
Русские, украинские, белорусские земли, находившиеся в составе Речи Посполитой к 1648 г.
Территория казацкого Войска Запорожского к 1648г.
Районы действия крупных повстанческих отрядов против польских феодалов
Походы войск Богдана Хмельницкого в 1648–1649гг.
Граница Украины по Зборовскому договору 1649 г.
Походы войск Богдана Хмельницкого в 1651г., 1652 и 1653г.
× 1648 Места и годы важнейших сражений
Граница Украины по Белоцерковскому договору 1651 г.
Переяславская Рада, провозгласившая воссоединение Украины с Россией 8 января 1654г.
Совместные действия русских и украинских войск во время русско-польской войны 1654–1667гг.
Земли, возвращенные России по Андрусовскому перемирию 1667г. и договору о „Вечном мире" 1686г.
Границы государств к концу XVII в.
90 0 90 км

Навеки вместе!

(1) Карта из любимого советского учебника: «Освободительная война украинского и белорусского народов 1648–1654 гг. Воссоединение Украины с Россией».

«Русские, украинские и белорусские земли» *предусмотрительно не разделяются по принадлежности, хотя советская наука уже должна была знать, где – чье, после свершившегося распада «древнерусской народности» и по наличествующим картам «Народы СССР».* ***«Граница Украины»*** *по Зборовскому и Белоцерковскому договорам – явно некорректно, поскольку это были границы* ***Войска Запорожского****. Может быть, было бы уместнее сказать «украинского государства»? Ведь «Украина» – это, скорее, географическое понятие, очерченное расселением украинцев XVII–XIX вв., и не всегда совпадающее с «украинской государственностью» определенного времени или эпохи. Не будем «зауживать». Но сочетание «украинское государство», видимо, было чем-то неудобным.*

Претензии казаков на Беларусь не отмечены, ибо там могли быть только ***«совместные действия русских и украинских войск»****. Стародубщина, хотя была частью государства Хмельницкого, в него на этой карте странно не входит ни по каким договорам, хотя была неотъемлемой частью фигурировавшего в них Черниговского воеводства, а потом более ста лет – частью Черниговской губернии (но вот с 1921 – это часть РСФСР).*

Малороссия/Гетманщина теряется в цвете ***«земель, возвращенных России по Андрусовскому перемирию 1667 г. и договору о «Вечном мире» 1686 г.».*** *В каком же это смысле «возвращенных»? Что-то не припомню, чтобы все эти территории до того побывали под властью Московского государства (России). Смоленск переходил туда-сюда, Черниговская и Северская земля – да, побывали, но вот остальное Левобережье и, уж тем более, Правый берег Днепра – ну не припомню… Или тут речь идет обо всем наследии Древней Руси, которое «легитимно» собирало только Московское государство? Но если РФ является правопреемником СССР, то вот относительно Руси это, увы, не является юридическим фактом…*

«Другая часть «Земель, возвращенных России» – Смоленщина с ее неясной «национальностью», которая тоже ***«возвращается в Россию»****, хотя Смоленск попал в Литовско-Русское государство раньше, чем в Московское государство, из которого вроде как «Россия» и образовалась. Запорожье на карте «возвращается» в Россию сразу по двум договорам, хотя в действительности Россия получила право единолично его контролировать только по второму из них. Ну да ладно, это все «мелочи», «придирки». Главное: приучить ученика к мысли, что все, приобретаемое Россией на протяжении ее истории, не завоевывается, а «воссоединяется» или «возвращается», а если что-то уж точно ранее не принадлежало (например, Закавказье, Сибирь или Средняя Азия), то «добровольно входит». Жаль только, что «добровольно выйти» потом тяжеловато…*

ВИЗВОЛЬНА ВІЙНА УКРАЇНСЬКОГО НАРОДУ і ВОЗЗ'ЄДНАННЯ УКРАЇНИ з РОСІЄЮ (1648-1654 рр.)
Кордони держав напередодні 1648 р.
Територія України, воз'єднана з Росією у 1654 р.
Сучасні кордони Української РСР
Українські землі, які знаходились у складі Речі Посполитої на 1648 р. Територія, закріплена за Росією Андрусовським перемир'ям 1667 р. і договором про „Вічний мир" 1686 р.
Райони дії повстанських загонів проти польських феодалів
Походи селянсько-козацьких військ у 1648–1649рр.
Походи селянсько-козацьких військ 1651, 1652 і 1653 рр.
Місця і дати битв

(2) Карта на аналогичную тему из украинского советского учебника для 7-8 классов: В.Сарбей, Г. Сергиенко, В. Смолий. Історія Української РСР. – К., 1983.

В данному учебнике для факультативного курса (история Украины в УССР не была обязательным предметом) тоже есть нюансы, особенно заметные в сравнении с его московским «коллегой».

*Например, упомянутая Стародубщина почему-то явно заметна (выпирает даже за рамки карты) и очерчена линией **«Территория Украины, воссоединенная с Россией в 1654 г.».** Это ж как расценить подобное несоответствие? Откровенная крамола, товарищи…*

*И это обращает наше внимание на тот факт, что в «московской» карте нет линии, очерчивающей территории, которые «воссоединились», – только «возвращение» Российскому государству по договорам. И, кстати, те территории, которые в московском учебнике упомянуты как **«возвращенные России»**, в этом местном «усэсэровском» варианте фигурируют как **«территория, закрепленная за Россией»** по тем же упомянутым двум договорам. А как же единство идеологической позиции? Район Харькова в пределах «Российского государства» даже обозначен как **«Слободская Украина»** (надо ж объяснить, почему это теперь – УССР, ведь название «Украина» на карте туда не «заходит»). Я откровенно озадачен: это ж как понять – каждой союзной республике свой вариант картографирования одного и того же исторического периода? Потешить местный патриотизм? Нате вам Стародуб? Ведь в московском варианте постарались не дать УССР лишнего, все украинские приобретения «растворяются» в разных «пятнах», которые по известным договорам охватывали и белорусские участки московско-речьпосполитского кордона. Стародуб поэтому там просто исчезает, и ни о какой Слободской Украине (которая именно тогда была колонизирована украинцами из Гетманщины) речь, понятное дело, не идет. Хотя это бы что-то объяснило в логике границ союзных республик. Или эти мутные темы интересовали только людей «на местах»?*

руку царя восточного, православного». Понятно, что референдума по этому поводу не проводилось, ведь Хмельницкий каждый год-два менял союзников. Потом возник скандал, поскольку приехавшие из Москвы священнослужители предлагали старшине принести *присягу царю*. Этого, мягко говоря, «не поняли», поскольку практика Речи Посполитой состояла в том, что *король присягал подданным*. Попытка объяснить это московской делегации была точно также не воспринята, поскольку, по мнению Бутурлина, даже думать о таком «*непристойно*». После долгих обсуждений Хмельницкий решил, что отступать в данной ситуации некуда, и присягнул. Потом московские люди разъехались принимать присягу у других полков. Часть из них не присягнула, часть горожан Киева, Переяслава и Чернобыля сделали это под давлением казаков. Духовенство отказалось, поскольку нужно было разрешение их «шефа» – константинопольского патриарха. Население в целом восприняло новый союз позитивно в надежде на скорое окончание войны. Ошиблось оно очень сильно. В марте того же года условия были формализованы в *Мартовских статьях*, которые стали юридической основой (и первоисточником) всех дальнейших отношений Гетманщины с Москвой.

Подводя итоги, можно сказать, что каждый участник соглашения видел в его условиях, оформленных лишь через два месяца, и в самом факте союза свой смысл, не разделяемый другим союзником. Хмельницкий со своей старшиной считал его удобным военным союзом, позволяющим привлечь вооруженные силы Московского государства для окончательного выяснения отношений с Варшавой. Образцом для этого союза должны были послужить отношения Османской империи с вассальными полунезависимыми Трансильванией, Валахией, Молдавией. Относительно судьбы украинских земель в Российском государстве, то, очевидно, что Хмельницкий *не имел мотиваций* соглашаться на «полное вхождение» и подчинение (предполагающее введение российской администрации, налогообложения из Центра, полный запрет внешних сношений), поскольку он, очевидно, не для того столько лет воевал с Польшей, чтобы «раствориться» в ком-то еще. Срок действия этого союза и дальнейшие перспективы должны были проясниться в ходе войны.

Имеет смысл заметить, что уже через пару лет логика новых военных и политических событий в регионе сделала союз с Москвой уже несколько отягощающим, да и обе стороны фактически сразу стали нарушать его условия. Очевидно лишь то, что условия не были сформулированы

в смысле «единоразово-навсегда», поскольку с каждым последующим промосковским гетманом заново подписывались «статьи» – уже в новой редакции, но на основе «статей Хмельницкого». Сам общий смысл Мартовских статей настолько расплывчат, что не позволяет его четко расписать по структуре понятий, свойственной современной юриспруденции. Российскую же позицию достаточно ясно выразил известный историк XIX в. Николай Костомаров: «Московская политика не допускала федеративного идеала и присоединение Украины к Московскому государству понимала не иначе, как в значении *превращения свободных казаков в царских холопов*».

В этом конфликте двух политических культур – западной и восточной – как раз отразились весьма разные политические последствия наличия и отсутствия 300-летнего ордынского «ига» (скажем точнее – сюзеренитета). Ибо если считать определяющим в отношениях Украины и России роль древнерусского единства, то почему в XVII в. его наследники так плохо друг друга понимали? На сегодняшний день мы можем понимать это «иго» скорее как внедрение в нравы и обычаи элиты Московского государства норм отношений политической элиты Орды (не зря в «Задонщине», повествующей о Куликовской битве, фигурирует термин «Орда Залесская») – то бишь деспотической власти высшего властителя и отсутствия договорных условий осуществления власти.

Московские государи мыслили по логике своих долговременных политических шефов и союзников – ордынских ханов, т. е. в восприятиях вполне банальной азиатской деспотии. Не удивительно ведь, что в XVI–XVII вв. Московия в Западной Европе часто считалась наследником государственности не Руси, а Золотой Орды. Хмельницкий же с товарищами мыслил как дитя шляхетской демократии федеративной республики – Речи Посполитой. За такое непонимание в отношениях с Россией должен был кто-то из украинцев впоследствии жестоко расплатиться.

В качестве завершающих нюансов отметим, что уже в договоре с сыном Богдана Хмельницкого Юрием (1660) тому (не имеющему своего экземпляра текстов) были подсунуты московской стороною уже частично сфальсифицированные «статьи» отца, подделанные, очевидно, не в пользу сына. При Петре I условия Богдана Хмельницкого декларировались как основа взаимоотношений Малороссии с царями, но при этом уже вообще не соблюдались – впервые гетманство было ликвидировано в 1722–1723 гг., не протянув и 70 лет после Переяславской рады.

21. Последние приоритеты Хмельницкого, или События каждый день

Прежде всего, следует заметить, что в описании украинских дел наиболее знакомыми нам советскими учебниками после Переяславской рады наступает затишье: Хмельницкий выполнил свою историческую миссию, хватит, дальше для Украины значимы уже общероссийские события. Известно лишь, что результатом действий российско-украинских войск против панской Польши стал раздел Украины по Днепру на Правобережную и Левобережную-плюс-Киев. Позже возникнет еще предатель Мазепа как антигерой-неудачник на фоне героя-победителя Петра I и величественной Полтавской баталии 1709 г.

Однако для исторической памяти украинского народа этот промежуток является более чем значимым. Для украинцев это эпоха *Руины*, эпоха гуманитарной и политической катастрофы, уничтожившей половину государства Хмельницкого и принесшей неисчислимые человеческие потери, бедствия и разорения для сердца казацкой Украины. Восстановится после Руины Украина лишь в правление Ивана Мазепы, но при нем катастрофа повторится – уже в обстоятельствах Великой Северной войны 1700–1721 гг.

Константой геополитического положения Украины в то время было ее пребывание в треугольнике между тремя великими державами – Речью Посполитой, Московией и Османской империей. Все участники этого процесса имели активный интерес в украинских делах и не обделяли их своим вниманием. Историк Виктор Горобец называет эту ситуацию научно: «многофакторное взаимодействие». И каждый фактор, замечу, собрал в этом взаимодействии свой кровавый урожай. Бесконечные войны между фигурантами этого «бермудского треугольника» при участии украинцев и на территории Украины превратили обширные богатые края в безлюдную пустыню.

Но вернемся к событиям XVII в.* После Переяславской рады Хмельницкому оставалось жить лишь три года. Чем же был занят великий гетман на излете своей бурной жизни? Давайте постараемся представить

* В этом пункте активно использован текст Виктора Горобца в кн.: В. Верестюк, В. Горобець, О. Толочко. Україна і Росія в історичній ретроспективі. Українські проекти в Російській імперії. – К., 2004.

«плотность» и частоту «событий», которые тогда происходили, – это поучительно, ведь всем людям приходится выбирать между различными вариантами действий в изменчивых обстоятельствах.

Непосредственной реакцией на союз с Москвой и логичную московско-польскую войну стал союз Польши и Крымского ханства, направленный против «вероломных казаков и селян» и против «вероломного московита». Этот союз просуществовал 12 лет и дорого стоил украинским землям. В 1654–1655 гг. московско-казацкие войска весьма успешно действовали против Речи Посполитой в Беларуси и Литве, однако для Москвы украинский театр не был ключевым, здесь наблюдалось только присутствие московских воевод и трех гарнизонов. Усилия царской дипломатии в Крыму увенчались обещанием хана пока не воевать против Москвы, но *Украина в это обязательство не включалась.*

Весной 1655 г. расклад сил в Восточной Европе радикально изменился: шведский король Карл X Густав объявил войну Польше, которая была уже очень ослаблена войной с казаками, а теперь еще и терпела поражения от Московского государства в непосредственной близости от шведских владений. И если война Хмельницкого была шведам просто интересна как кризисный фактор в польских делах, то вмешательство старого соперника в кризис Речи Посполитой в видении Москвы уже очевидно угрожало стабильности на Балтике. Польский король Ян Казимир, уверовав в перспективы быстрого разгрома казаков при помощи Орды, занял в переговорах со Стокгольмом жесткую позицию… Это, по мнению ряда польских историков, в результате лишь усугубило кризис польской государственности.

Летом 1655 г. начался шведский «потоп», который молниеносно захлестнул польские земли, пока без особого сопротивления со стороны населения. Но его отдаленной целью была не Польша, а Московское царство. В этой ситуации и созрела внезапная симпатия между Стокгольмом и Чигирином, поскольку еще один участник в войне против Яна Казимира был Хмельницкому только в радость. Переговорный процесс между Украиной и Швецией страдал только от препятствий, создаваемых московской стороною, хотя Мартовские статьи не запрещали Киеву такие инициативы. Однако Москва воспринимала шведов не как потенциального союзника в борьбе против Польши, а как конкурента в разделе Прибалтики. В октябре 1655 г. литовская оппозиция власти Яна Казимира заключает унию со Швецией. Москва увидела в возможной гибели Речи Посполитой возникновение длиннющей границы с мощной шведской державой. Возникала ситуация, когда Хмельницкому союз со Швецией стал выгоден, а Алексею Михайловичу – нет.

Характерно, что в 1655 г. среди властей соседних стран распространяются слухи, что не очень-то и сладко живется гетману «под крепкой рукой царя восточного, православного». Так, трансильванский князь Дьердь II Ракоци писал: «Московит крепко сжимает Хмельницкого, кается [он] сейчас в своей клятве; желая свободы, получил он ярмо – и большее, чем было под Польшей».

Сосед трансильванского князя, молдавский господарь, в свою очередь ,писал Ракоци, что Хмельницкий «*... не рад московскому обществу, хотел бы отойти и перейти на шведскую сторону*».

Получив обнадеживающие вести от Карла Густава, Хмельницкий вместе с царскими войсками доходит до Львова, а другие части добираются до Люблина и заходят на этнические польские территории. Предложения гетмана королю были такими: Войско Запорожское переходит под протекцию шведского короля, образуется шведско-украинско-московская коалиция и дальше начинается подготовка к большой европейской войне против исламской Турции. Для Хмельницкого эта коалиция была весьма даже теоретическим вариантом международного признания Украины в результате участия в общеевропейской войне. Шведов турецкий вектор волновал мало, а чрезмерные успехи казаков подрывали хрупкий консенсус Карла Густава с поляками, которые не очень-то и уважали Яна Казимира и поэтому могли примириться с новой прошведской властью (ведь никто не собирался присоединять Польшу к Швеции – она бы получила лишь нового монарха).

Хмельницкий в вопросе своих территориальных претензий на западе был достаточно упорен, ибо заявлял при обращении к жителям Львова: «*...Его милость шведский король пусть возьмет то, что дал ему господь Бог в его владения, а что нам помог освободить Украину свою русскую, – на том я стою*». Пререкания с царским командованием по поводу отношений со шведами и осады Львова (гетман не хотел штурма, а боярин Бутурлин хотел), нежелание уничтожать верные Яну Казимиру подразделения, что привело бы шведов на галицкие земли, нежелание того, чтобы царские воеводы тоже больно уж надежно размещались на Западной Украине – все это составило комплекс причин, по которым Хмельницкий начинает отступать.

Параллельно гетман ведет переговоры с Крымом, а кроме того, давний гонитель казаков Ян Казимир, оказавшись в крайне слабой позиции, становится их тактическим союзником.

Следует учитывать, что чрезмерный успех шведов не понравился Хмельницкому точно так же, как не понравился шведам и успех гетмана. Думая, что он достаточно контролирует ситуацию на Центральной Украине,

Хмельницкий считал, что Западную лучше до поры оставить в руках слабейшего из участников этой войны – то есть Яна Казимира. Потом можно вернуться и снова с ним выяснить отношения.

Крымский союзник Яна Казимира склонял гетмана к восстановлению союза с Польшей и отходу от Москвы. До сих пор неясно, взял ли гетман на себя какие-то определенные обязательства в деле расставания с Москвой, но что в ситуативный союз с Яном Казимиром и Крымом вступил – это точно. Информированные соседи (тот же молдавский господарь) относились к этому спокойно: украинский гетман не придерживается никаких договоров, и в этот раз, видимо, поступит своим обычным образом. То есть Хмельницкий, как и все разумные политики, придерживался той прагматической мысли, что вечных друзей не бывает, а есть вечные (то ли казацкие, то ли «национальные», то ли лично Хмельницкого) интересы. В сложившейся ситуации очередной перестройки международных отношений в регионе он считал, что Москва и шведы чрезмерно укрепились, – значит надо их ослабить. Воевать при этом против Москвы он, похоже, пока не собирался. Весьма вероятно, он хотел просто уравновесить свой союз с ней союзом с Крымом.

Нужно отдать должное московской дипломатии – она тоже не особенно беспокоилась по поводу интересов гетмана. Успехи шведов делали их теперь основным врагом Москвы, а с Польшей явно нужно было мириться, и в результате в 1656 г. начались мирные переговоры.

Хмельницкий был крайне недоволен этими новыми планами Кремля. Он считал, что выбить шведов – это усилить Яна Казимира, который потом вернется в Украину за своими утраченными землями (так оно в результате и получилось). Партия Яна Казимира (столь же циничная, как и гетман, и царь) параллельно вела переговоры с Крымом, чтобы сразу после изгнания с помощью Москвы шведов Польша, казаки и Ханство «*выступили против Москвы, чтобы их протрезвить*». Для Яна Казимира (как и для всех остальных участников той сложной военно-политической игры) создавшиеся новые реалии были только временными обстоятельствами – как и все предыдущие.

Но раз уж царь так хочет мира с Польшей, то Хмельницкий выдвигал свои предложения. Его условия касались расширения казацкого Гетманата на все «*владения давних князей русских*» до Вислы и Карпат. С этим поляки никак не могли согласиться, и переговоры зашли в тупик. Компромисс был достигнут на пункте об избрании русского царя на польский трон после смерти бездетного Яна Казимира. В теории это было возможно, а на практике – нет, просто в силу несовместимости политических культур Речи Посполитой и Москвы, так что в любом случае это был успех польской дипломатии.

В ноябре 1656 г. было заключено Виленское перемирие, и украинские интересы в его условиях практически не учитывались. Как описывает очевидец, когда посланцы сообщили гетману об условиях Виленских соглашений, Хмельницкий в приступе бешенства сказал: «*Уже, дети мои, про то не печальтесь! Я знаю, что с этим делать: нужно отступить от руки Царского Величества, а пойдем туда, куда велит Верховный Владыка, – не только под христианского государя, а хоть бы и под басурмана*». Вполне прозрачное заявление.

Историки по-разному оценивают значение Виленского соглашения для последующих событий. В любом случае смысл союза между казаками и Москвой в понимании Хмельницкого касался разрешения территориальных и статусных проблем Гетманщины в отношениях с Польшей – ведь на востоке существовала признанная граница с Московским царством и некий союзно-вассальный статус, а вот с севера и запада границы не было никакого признания статуса Войска Запорожского. Виленское перемирие лишало Хмельницкого возможности торговаться с Яном Казимиром на прежнем уровне военного давления и выводило Москву из числа непосредственных участников ключевого для гетмана конфликта. Небходимо было искать новые союзы.

В октябре 1656 г. Хмельницким подписывается договор о дружбе с враждебной Польше Трансильванией, а в январе 1657-го возобновляется диалог со Швецией. Шведы в новых реалиях несколько «подобрели» и начали смотреть на казацкие претензии на Западной Украине с пониманием. Правда, с точно таким же пониманием они смотрели и на претензии на те же земли со стороны трансильванского князя, с которым у них возникла мысль провести «первый раздел Польши». Хмельницкому предлагались земли трех воеводств по схеме Зборовского договора 1649 г. (Киев, Брацлав, Чернигов), ну а если еще чего захочет, например, из того, что уже получат венгры-трансильванцы, – то шведы помогут им договориться «без всякой обиды».

Царь Алексей Михайлович был возмущен этими шведско-трансильванскими планами гетмана, а вот сам Хмельницкий уже в январе 1657 г. отправил на помощь трансильванскому князю сильный экспедиционный корпус. Гетман действовал вопреки условиям Виленского перемирия и фактически помогал нынешним врагам своего «шефа» – Московского государства.

Кроме излишнего, по мнению гетмана, взаимопонимания в польско-московских отношениях, начиная с 1654 года, гетман и царь конкурировали по поводу дальнейшей судьбы белорусских земель. Ведь программа действий украинского правительства предполагала становление Украинской

гетманской державы как наследника княжьей Руси, в этом смысле земли на север от Припяти с православным населением не должны были составлять исключения. Поэтому юго-восточная Беларусь уже стала полем «холодной» войны между украинскими и московскими военными администрациями.

Однако разрешение всех этих проблем уже не зависело от великого гетмана: с начала 1657 г. он тяжело болеет, а 6 августа этого же года его не стало. Свою власть он завещал младшему 16-летнему сыну Юрию.

22. Разрываясь между Москвой, Варшавой и Стамбулом: Руина

Смерть Хмельницкого стала началом кризиса созданного им государства, которое и так находилось в состоянии многолетней постоянной и изнурительной войны. Очевидная харизма Богдана, его авторитет и жесткая властность держали в узде как противоречия между разнородными старшинскими группировками, так мощные силы народных низов, которые после смерти гетмана вырвались на поверхность политической жизни. Дальнейший упадок Гетманщины, как я уже говорил, называется обычно Руиной, но в более узком смысле это название касается разорения правобережных украинских земель в 1670-х годах. Впрочем, будучи символом утраты завоеванных кровью и нечеловеческими усилиями достижений, Руина вполне приемлема как определение того кризиса, который начался сразу после смерти Богдана и за 20 лет достиг своего разрушительного апогея.

Старшинский совет вполне справедливо счел младшего Хмельницкого еще неспособным взять отцовскую булаву, и гетманом был избран генеральный писарь (канцлер) Войска Запорожского *Иван Выговский* (1657–1659). Он энергично продолжил политику Хмельницкого последнего года, усилив польский «вектор» и оформив союзный договор со Швецией. Негативный опыт союза с Москвой обусловил вполне четкую «прозападную» ориентацию нового гетмана.

Практически сразу против Выговского выступила Запорожская Сечь, которой не понравился жесткий курс на поддержание порядка в стране. Восстание охватило наиболее подверженные сечевой анархии левобережные полки. Движение возглавили полтавский полковник Мартын Пушкарь и кошевой Сечи Яков Барабаш. Они параллельно

положили начало той позорной традиции отправки доносов в Москву, которая в ближайшие десятилетия станет любимым занятием старшины в своих междоусобиях. Хотя обвинения в том, что Выговский хочет отдать Украину «ляхам», в определенном смысле (его внешней ориентации) и имели основания, но в дальнейшем эти апелляции к московским властям стали удобным инструментом для разжигания конфликтов в среде элиты Гетманщины и манипуляции из Кремля разными группировками. В ходе кровопролитного внутреннего конфликта бунт пересекли, но это было лишь началом братоубийственных войн, которыми воспользовались все соседи казацкого государства.

Сам гетман, политически реализуя разочарование в московском союзе и общую неприязнь к деспотическим обычаям России в сравнении с привычными традициями «золотых вольностей» Речи Посполитой, заключает в сентябре **1658** г. в *Гадяче* договор о возвращении казацкого государства в лоно «старой отчизны». Идеологию и основные пункты этого соглашения разработал сподвижник Выговского, один из истинных европейцев по духу и образованию (учился в Лейдене, Амстердаме, Оксфорде и Кембридже) Юрий Немирич. Предлагалось преобразовать Речь Посполитую в федерацию трех государств – Польского королевства, Великого княжества Литовского и Великого княжества Русского (Гетманщины). Все три составляющие государства объединялись персоной общего избранного короля, общим сеймом и совместным отпором врагам. В Великом княжестве Русском структура власти предполагала Национальное собрание (парламент), пожизненно избираемого гетмана, 30-тысячное Войско Запорожское и отмену унии. Предписывалось основание в Украине двух университетов, организация широкой сети коллегиумов и гимназий, свобода печати. Если бы эти условия были соблюдены, историческая судьба Украины сложилась бы совсем иначе, и сейчас, через 350 лет, возможно, не было бы необходимости снова думать о том, как восстановить реальную свободу слова и права человека. В современных представлениях украинских историков *Гадяч* является символом прозападной ориентации Украины в исторической перспективе. Это соглашение создало прецедент, к которому будут периодически обращаться все гетманы, отказавшиеся от союза с Москвой.

Все эти события, само собой, не вызвали оптимизма у царя Алексея Михайловича, и в 1659 г. многотысячная московская армия во главе с князьями Алексеем Трубецким, Григорием Ромодановским и Семеном Пожарским перешла украинскую границу. 9 июля того же года под Конотопом 16 тысяч казаков Выговского, 30 тысяч татар и несколько тысяч наемников нанесли российской армии одно из самых тяжких поражений. Украинские

историки по сему поводу любят цитировать выдающегося русского историка Сергея Соловьева: *«Краса и гордость московской конницы… исчезла в один день… Никогда уже после этого царь московский не смог вывести в поле такое блестящее войско»*.

Заметим, что успех был, конечно, велик, но не имел стратегических последствий в пользу Гетманщины. В нескольких городах остались московские гарнизоны, а вскоре царь вернул все сторицей.

Польский сейм, не оценив «реверанса» Выговского и Немирича, существенно урезал Гадячские пункты. Новый кошевой Сечи, легендарный Иван Сирко, напал на улусы татарских союзников гетмана. В левобережных полках начались промосковские восстания. Восставшие снова приглашают российские войска, а часть старшин (в том числе и свояки Хмельницкого), недовольные тем, что гетманом стал Выговский, а не кто-либо из них, созывают «черную раду» (казацкое собрание «по инициативе низов»). Рада ниспровергает Выговского, а его представителей убивают. Этот переворот принес булаву *Юрию Хмельницкому* (гетман в 1659–1663 гг.), ставшему лишь марионеткой в руках «старших товарищей». Гибель Юрия Немирича в 1659 г. и Ивана Выговского в 1664 г. окончательно похоронили Гадячский проект. Как верно заметил Николай Костомаров, *«украинцы показали, что они неспособны понять и оценить этот продукт голов, которые стояли выше уровня целого народа»*.

Младший Хмельницкий подтверждает верность Речи Посполитой и вступает в переговоры о сокращении зависимости Гетманата от Москвы. Что делает Москва? Очень просто и «конкретно» решает вопрос: воевода Алексей Трубецкой приглашает юного гетмана на переговоры, на которых тот попадает в Переяславе в засаду российских и левобережных промосковских полков. Пока «железо горячо», Трубецкой требует от Юрия снова подписать будто бы те же статьи, что подписал в 1654 г. его отец, Богдан Хмельницкий. Однако это был *фальсификат*, в котором условия, подписанные Богданом, существенно урезались. Что характерно, *именно этот фальсификат под названием «Статьи Богдана Хмельницкого» и войдет в Свод законов Российской империи*. Как видим, корректность московской дипломатии оставляла желать лучшего.

Еще одним правовым свидетельством московской политики была присылка родной сестре гетмана Юрия (дочери Богдана Хмельницкого) изувеченного тела ее мужа, полковника Данила Выговского. По описанию очевидца, *«все тело его было рвано кнутами, глаза выколоты и серебром залиты, уши сверлом вывернуты и серебром залиты. Пальцы перерезаны. Ноги по жилам разобраны. Одно слово – неслыханное зверство… Прибежал*

Нереализованная альтернатива

Иван Выговский, гетман в 1657–1659 гг. Его идея создания Великого княжества Русского имела шанс «переформатировать» Речь Посполитую и уберечь Украину от грядущей Руины, создав режим просвещенного правления. Его не поняли товарищи с более простым социальным происхождением и отсутсвующим образованием, которые с этого времени постоянно шли на союз с Москвой против «казацкой знати». Блестящий результат союза с татарами – победа над московским войском под Конотопом – так и остался лишь тактическим успехом: нападение сечевиков атамана Сирко на татарские кочевья сорвало далекоидущие планы гетмана. Гадячский договор 1658 г. так и не вступил в силу.

Хмельницкий утром, а увидев тело, горько рыдал. Данилова жена проклинала его страшными проклятиями». «Подарочек», как видим, был еще тот. Идя с воеводой Шереметевым против очередной польской армии, Юрий выслушивал от него выражения типа: *«Прилично бы тому гетманишку еще гуси пасть, а не гетмановать».* В общем, «обаяли» молодого Хмельницкого «московские люди».

Летом 1660 г. под Слободыщами в Полесье поляки окружили московско-казацкое войско, и Юрий подписывает новый договор, – уже с Польшей, урезанно повторявший Гадячские пункты. Левобережные полки, больше боявшиеся Москвы, чем Варшавы, Юрия не поддерживают, и в 1662 г. окончательно разбивают его войска. Молодой Хмельницкий, явно не рожденный по своим личным качествам нести такую ответственность (он и раньше просил снять с него этот груз), в 1663 г. оставляет гетманскую булаву и постригается в монастырь.

В том же году правобережные полки избирают гетманом крестника Богдана Хмельницкого *Павла Тетерю* (1663–1665), продолжившего курс на сближение с Польшей и татарами.

А из социального хаоса Левобережья возникла фигура до поры удачливого демагога *Ивана Брюховецкого* (1663–1668), поддержанного московскими войсками и казацкой голытьбой. Логично, что кандидатура Брюховецкого не вызвала возражений у российской дипломатии. Выборы нового гетмана на Левобережье сопровождались грабежами и насилием. Анархия породила гетмана, для которого царские подачки были важнее любых казацких или украинских интересов.

Объективное несовпадение внешних ориентаций старшины и разные планы на будущее

приводят к тому, что с 1663 г. Украина разделяется по Днепру, и оба новых гетмана вступают в новую польско-российскую войну – каждый на стороне своего союзника, друг против друга.

Неудача Польши и правобережцев в 1664 г. обозначила фактическое завершение претензий Речи Посполитой на Левобережье Днепра. На Правобережье вспыхивают бунты, действуют польские, московские, запорожские и левобережные войска. Поляки продолжили традицию Иеремии Вишневецкого: силы Стефана Чарнецкого кровью «успокаивает чернь» от Киева до Чигирина. Деморализация, запустение и анархия охватила край, не оставив правобережному гетману Павлу Тетере никаких военных перспектив. В 1665 г. он отрекается от гетманства.

Торжествующий Иван Брюховецкий – первый из гетманов – отправляется с представительной делегацией в Москву, дабы «*видети его Государевы пресветлые очи*». Результаты визита крайне обнадежили левобережного гетмана: его женили на «московской девице», пожаловали титул боярина, а ближней старшине – дворян. Правда, за это ему пришлось «всего лишь» подписать Московские статьи, сводившие автономию казацкого государства к минимуму, включая введение русских гарнизонов во все важные города и Кодак (крепость возле Сечи), а кроме того – воеводскую юрисдикцию над неказацким населением, контроль над избранием киевского митрополита и прочая, прочая, прочая.

Реакцию в Украине на такие нововведения можно передать словами монахов Киево-Печерской лавры и кошевого Сечи Ивана Рога. Первые заявили: «*Как только прибудет к ним в Киев московский митрополит – они запрутся в монастырях, и разве что их из монастырей за шеи и ноги вытянут*». А кошевой, в свою очередь, писал Брюховецкому: «*Услыхали мы, что Москва будет в Кодаке, но ее нам не надо. Плохо делаешь, что начинаешь с нами ссориться… Хоть ты от Царского Величества получил пожалования, однако достоинство свое получил от Войска Запорожского. Войско же не знает, что такое боярин, знает только гетмана*».

В это время на Правобережье у Павла Тетери появился преемник – один из наиболее достойных гетманов той смутной эпохи *Петро Дорошенко* (1666–1675). Избравшие его немногочисленные сторонники не выступали во внешней ориентации категорически на Москву или Варшаву, считая, что ситуация подскажет. Подавив сопротивление своей власти на Правобережье, гетман решает наследовать татарско-турецкий вектор политики

Сам ушел…

Петро Дорошенко, правобережный гетман в 1665–1676 гг. Яркая, но трагическая фигура тех времен: упорно отстаивая независимость от Москвы и от Варшавы, до конца исчерпал свои возможности и дальнейшие перспективы союза с Турцией. Потеряв веру в свое дело, сдался на ласку царя. Смирив дух, ухитрился много позже умереть своей смертью под Москвой.

Богдана Хмельницкого и начинает с татарами успешные действия против Польши.

Именно тогда изнуренные многолетним конфликтом Речь Посполитая и Московское царство подписали в январе **1667** г. *Андрусовское перемирие*, поделив таким образом Украину между собой по Днепру. Киев временно оставался за Москвой, а Сечь должна была управляться совместно.

В октябре того же 1667 г. Дорошенко окружает вместе с татарами польское войско, но разрушительный поход запорожского кошевого Ивана Сирко на Крым лишает его в критический момент столь необходимого татарского союзника. Благодаря «услуге» со стороны Сечи Дорошенко пришлось присягнуть на верность Речи Посполитой, но он сразу же высылает посольство в Стамбул.

Известие об Андрусовском соглашении не порадовало и Левобережную Украину: разделение страны ставило крест на надеждах возвратиться к тем ее пределам, которые были когда-то завоеваны Хмельницким. Идея восстановить «гетманат обоих берегов Днепра» становится одной из ключевых для левобережной казацкой старшины. Старшинская рада и следующий по ветру господствующих настроений Брюховецкий тоже решают договариваться с Турцией. Однако Андрусовское перемирие похоронило политическую репутацию Брюховецкого.

Разочарование старшины гетманом было столь сильным, что привело к приглашению Петра Дорошенко перейти Днепр. Встреча двух гетманов кончилась тем, что толпа растерзала Ивана Брюховецкого. Дорошенко стал «гетманом обоих берегов Днепра», но пробыл им не больше года. Интересно, что в этот период на службе у Дорошенко находился молодой шляхтич Иван Мазепа, усвоивший многое из приоритетов этого гетмана.

Бунт на Сечи, одновременный поход московской армии с севера и приход враждебных сечевиков с татарами с юга растянули силы гетмана. Отступавший перед воеводой Ромодановским соратник Дорошенко *Демьян Многогрешный* был вынужден подписать Глуховские статьи, компромиссно расширенные в пользу казацкого государства по сравнению со «сдачей позиций» Брюховецкого. Сам Многогрешный – то ли по своей воле, то ли исходя из ситуации – стал очередным параллельным гетманом (1669–1672).

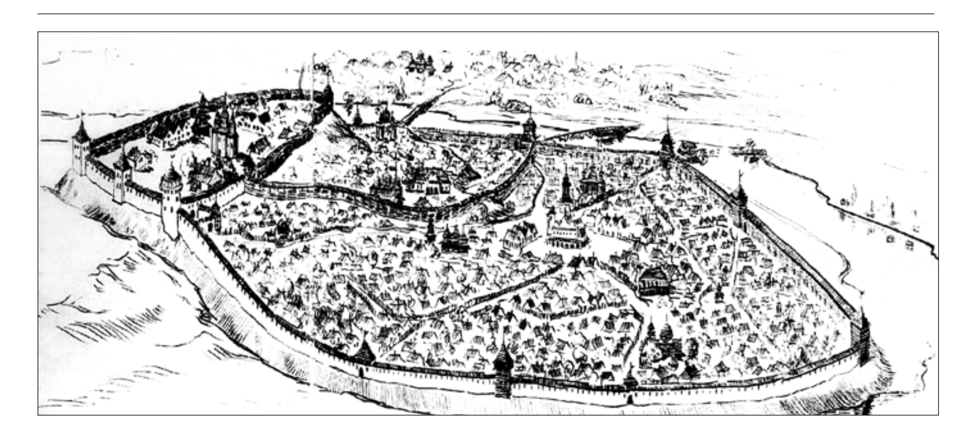
Чрезмерные его симпатии к Дорошенко повлекли за собой серию доносов на гетмана в Москву. В 1672 г. Многогрешный, первый из украинских гетманов, посещает Москву в кандалах, а оттуда направляется в Тобольский острог. *Левобережной старшине уже не был нужен гетман, который бы проявлял самостоятельность, – она уже сама научилась договариваться с Москвой и выторговывать себе привилегии и дары за определенную «позицию» во внутриукраинских делах.*

Новым левобережным гетманом становится более уживчивый и дипломатичный *Иван Самойлович* (1672–1687). На Правобережье в 1669–1674 гг. Дорошенко воюет со своим пропольским конкурентом, третьим гетманом *Михаилом Ханенко*. Правда, позже Ханенко переходит на московскую сторону, но потом – опять на польскую. Поскольку Ханенко нарушал единство украинской позиции в переговорах с Варшавой, Дорошенко снова пришлось остановиться на Стамбуле.

Поход огромной турецкой армии на Подолье и неожиданное взятие ими Каменца-Подольского в 1672 г. не оставили Речи Посполитой выхода, и Бучацкий договор отдавал западное Подолье непосредственно Турции, а Правобережье переходило Дорошенко как вассалу султана. Как пишет историк Наталия Яковенко, триумф османов оказался Пирровой победой для Дорошенко. Бесчинства татар и турок заставляли население бежать со всем скарбом на левый берег Днепра и дальше на земли «московской Украины» – Слобожанщину – современные Сумщину, Харьковщину, Курщину, Белгородщину. Территория Правобережья на юг от Киева была практически безлюдной.

Усугубили ситуацию вернувшиеся поляки и переправившийся через Днепр Самойлович. Впоследствии левобережный гетман будет целенаправленно сгонять людей за Днепр, ведь люди – это ресурсы, нет людей – нет власти над территорией, да и сама территория тогда никому не нужна.

Видя хаос и полную деморализацию на своих землях, потерявший всякую надежду Петро Дорошенко прекращает борьбу, сдает свои регалии Ивану Сирко и отдает себя на цареву ласку. Его столица

Остановившееся сердце

Чигирин, гетманская столица Богдана Хмельницкого (реконструкция Г. Логвина). Для Хмельницкого Киев оставался «столицей сакральной», и поэтому, как зачинатель всякого нового государства, «столицей светской» сделал тот населенный пункт, который был «себе милее». Городок Чигирин быстро взлетел, повидал послов ведущих европейских держав, высокую политику, но традиции правобережного реестрового казачества были прерваны Руиной. Город был разрушен в результате турецких Чигиринских походов 1677–1678 гг., а саму крепость русско-украинский гарнизон взорвал при отступлении. После постоянных разрушительных войн и нескольких «сгонов» населения на Левый Берег Правобережье обезлюдело и превратилось в пустыню. Его незаселенность гарантировалась соглашениями государств, разделивших казацкую Украину.

Чигирин капитулирует перед армией Самойловича. Тогда впервые украинские знамена проволокли по улицам Москвы. Закончил свои дни Дорошенко в пожалованном ему за дальнейшую воеводскую службу имении под Москвой, оставаясь до конца жизни кем-то вроде почетного заложника. Из дальнего потомства гетмана можем назвать Наталию Гончарову, жену Пушкина.

Поскольку Москва поначалу не хотела уходить с Правобережья, в 1677 и 1678 г. состоялись два похода турецкой армии на Чигирин. Левобережные украинцы были готовы подольше побороться с турками за Богданову столицу, но для Московского государства эта борьба стала очевидно нерентабельной, да и политически невыгодной – зачем воевать за пустыню? По приказу воеводы Ромодановского, уходящие войска взорвали крепость, а руины пришедшие турки сравняли с землей.

В январе **1681** г. в Бахчисарае Москва и Стамбул заключают перемирие на 20 лет, по которому бывшие Дорошенковы владения должны были

остаться незаселенными. Подтвердил это и «Вечный мир» между Московским царством и Польшей **1686** г., который закреплял границу раздела Украины по Днепру, принадлежность Киева Москве, а все, что на юг от Киева, должно было «остаться пустым, как оно есть сейчас».

Сердце государства Богдана Хмельницкого превратилось в пустыню, а его страна была разделена соседями надвое. Самойлович, после 1675 г. единственный гетман Войска Запорожского, был вынужден смириться с тем, что «гетманом обоих берегов» он уже не станет. Казацкое устройство сохранилось лишь на Левобережье, а на Правом берегу было восстановлено то устройство, которое было до Хмельницкого, – без каких-либо «автономий» и особенностей. Спустя время на землях разоренной и «ничьей» Чигиринщины стихийно опять возникнет казатчина, но это будут уже новые люди, никак не связанные с традициями правобережных полков.

Несмотря на то, что Самойловичу удалось стабилизировать ситуацию на Левобережье, это не добавило ему популярности в среде привыкшей к большей свободе старшины - да и лояльность его к Москве после этого «пошатнулась». Он стал себе позволять всякие «вольности», да и вообще, по мнению многих соратников, слишком долго засиделся на своей высокой должности. Полетели доносы, и во время неудачного украинско-московского похода в Крым в 1687 г. Самойлович был обвинен в сепаратизме и взяточничестве, помощи татарам, смещен и сослан с одним сыном в Тобольск, а другого его сына казнили. Это позволило фавориту московской царевны Софьи Василию Голицыну (который возглавлял поход) избегнуть своей ответственности за поражение. На совещании со старшиной вблизи реки Коломак из возможных кандидатов на булаву он выбрал Ивана Мазепу, который (как я уже упоминал) ранее служил у Дорошенко, а 13 лет тому назад был захвачен сечевиками и передан в руки Самойловича. За это время Мазепа успел стать влиятельным представителем старшины, а своим обаянием и европейским кругозором приглянулся не чуждому «западных мод» Голицыну. Новый гетман, как полагалось по тогдашним обычаям, подписал новые гетманские «статьи» (*Коломацкие*) и отблагодарил князя за неожиданный выбор щедрым подношением. Никто не догадывался, что Мазепа станет знаковой фигурой украинской истории. Пока же он просто продолжал усилия Самойловича по налаживанию жизни Гетманщины и был всецело лоялен к Московскому государству.

23. Украина снова «горько постона»

Подводя итоги Руины, нельзя не отметить, что в те времена происходит укрепление, наполнение мощным эмоциональным смыслом слова *Украина*. Если до Хмельницкого, как мы говорили, в восприятии элиты и православного народа восстанавливались подзабытые киево-русские корни, то огромные по своей трагичности и масштабности события войн Хмельницкого и Руины оживили «запасное», или «параллельное», название, ставшее в тот момент более актуальным, чем древнерусские летописные предания.

Ассоциативная связь понятий «Украина» и «Казатчина» (полного риска пограничья) очевидна. Но теперь «казацкая Украина» распространилась на все Приднепровье, Левобережье и Правобережье, Подолье, Волынь, Киев – всюду, куда пробивалась казацкая сабля. «Украина» покрыла мощным слоем *актуальных* эмоций, переживаний и трагедий «древнерусские впечатления». На политическом уровне «Русь» жила, но постепенно в восприятии гетманов ее давнишние пределы срастались с современным им казацким «украинским пространством». Если следовать логике «где казак – там Украина», то в XVII в. «Украина» начала «Русь» постепенно заполнять, происходит синтез, создание образа «*казацко-русской отчизны*», терзаемой братоубийством. В считанные годы бывшая «милая наша Русь» превращается в глазах людей Руины в самодостаточную патриотическую ценность – «*милую отчизну нашу Украину*».

Считая Украину новой ипостасью давней Руси, гетманы очерчивают ее территорию в переделах той Руси, за которую воевал Хмельницкий: «*от Путивля за Перемышль и Самбор*» (Дорошенко) до «*Галича, Львова и Перемышля... которые от начала существования местных народов принадлежали русским монархам*» (Самойлович).

Как считает российский историк Татьяна Таирова-Яковлева, термин «украинский» по отношению к территории, ранее в церковных и официальных текстах именованной «Малороссия», распространяется с 1650-х годов. Например, Юрий Хмельницкий в 1660 г. в своем письме к киевскому митрополиту писал про «*...Украину и другие малороссийские города...*». Иван Мазепа в разговоре с дьяком Б. Михайловым в 1701 г. употреблял как синонимы понятия «*Малороссийский край*» и «*Украина*». И только когда речь шла о Правобережье, Мазепа использовал исключительно

термин «*сегобочная Украина*». «Малороссия» все больше совпадала с Левобережьем (Гетманщиной), а вот на правом берегу для современников существовала уже только «Украина».

Еще одним важным моментом в ментальности тогдашних украинцев стало распространение в 1670-1780-е годы понятия «*отчизна*», наполненного соответствующим эмоциональным содержанием. Например, знаменитый кошевой атаман Иван Сирко в письме 1667 г. писал об «*Отчизне нашей оплаканной*». Про «*отчизну матку нашу*» писал 24 ноября 1708 г. в своем письме к Мазепе и другой кошевой атаман Запорожской Сечи, Кость Гордиенко. По мнению Татьяны Таировой-Яковлевой, термин «отчизна» в представлении Гордиенко объединял такие понятия, как «*украинские города*» и «*люди малороссийские*». Существование четкого разделения в представлениях казацкой старшины между «отчизной» (Малороссией или Украиной) и Московским государством нашло свое отражение и в идее «*княжества Руського*», которую мы уже упоминали выше.

«Отчизна» является объектом верности и любви, постепенно заменяя исторически предшествующую верность и преданность феодальному сюзерену. Это понятие является первым шагом к дальнейшему представлению о «национальных интересах». Последние – не персонифицированы, т. е. не связаны с конкретным человеком, а являют собою интересы сообщества людей, живущих на определенной территории. Их могут реализовывать разные люди. Это является принципом, отличающимся от феодальной эпохи, когда всю систему приоритетов вассалов формировал монарх-сюзерен. Поэтому теперь возникала почва для возможного конфликта между интересами «отчизны» и «сюзерена». В соседней России представление об «отчизне» сформировалось лишь к концу XVIII в., и это многое нам объяснит в вопросе о том, почему Мазепа мог для одних оказаться «героем – защитником отчизны», а для других – «изменником государю Петру I». Его мотивы могли быть просто не понятны тем, кто организовывал ему анафему и награждал «орденом Иуды», – и еще нескольким поколениям их потомков.

А теперь уместно вернуться к вопросу об украинском языке. Какой он был в эпоху Хмельницкого разговорный и живой, а какой литературный и книжный? Тут уж, извините, желательно некоторое знакомство с современным украинским языком – чтобы сравнить с древним.

Приведем пару примеров.

Из рукописи 1690 г. (правописание нынешнее): с симпатией автора произведения к польскому королю, воюющему против турок (только-только

Ян Собесский помог своими поляками и казаками австрийскому цесарю отбить у османов Вену):

Кролю славний, додай слави,
Не борони переправи
Нам, козаком-небораком,
Пойти ік тим (з) паном-ляхом.
Юж, гетьмане, наша нива
Достигає, будуть жнива:
Зеленая весна іде,
Козакові служба буде.

Ідуть з Низу запорожці
До короля його мосці!
Ідіть з нами, задніпряни,
*Потішайте християни!**

И еще один отрывок из несколько более раннего и не самого оптимистического стихотворения «*Лямент людей побожных, що ся стало в Литовской земли…*» по поводу реалий Руины. Интересно, что в стихотворении речь идет о «Руси», причем упоминаются те ее части, которые уже 100 лет пребывают под властью польской короны (Подолье и Волынь), но называются они в произведении «*Литовская земля*» (жива еще память о Великом княжестве…). В конце автор обещает католикам-«папежникам» возмездие от царя Алексея Михайловича. Здесь есть и Русь, и Литовская земля, и Московия (в лице царя) – но заметно, что это то время, *когда Москва не ощущалась исторически ближе, чем Литва*, хотя и были симпатии к православному царю.

Брани бовем днесь умножишася
И мечи на шии наши изострищася
Брат брата убивает,
И самого отца кров проливает;
Ненависть междосебная,
Изрещи неудобная;
Точатся кровю потоки,
Падают невинные отроки,

* Українська поезія. Середина XVII століття / Упор. В. І. Крекотень, М. М. Сулима. – К., 1992. – С. 124.

Юноши, младенци, немовлятка и девы,
Отцеве и матки зостают удиве;
Едных в неволю побырают,
Другие от меча и голодною смертю помирают.
Некогда страна была славна
И всем неприятелем ужасна,
А тепер вся паде мечем,
Междусобным сечем.
Бо все окрест вразе ликують,
Веселятся и погибели нашей триумфують, –
Видячи всю обнаженну
И вконець спустошенну…

Подолле плаче, рыдая,
Волынь стогне, вздыхая,
Чад своих заколанных
И до вщадку в неволю забранных:
Бо тысяча тысячей и тми их падоша
От меча и во плен отидоша,
Же земля стала пуста,
Перед тим наддер бувши густа;
Грады бовем все сожжены,
А живущие в ных звнутр сотренны.
О горе, горе оставшим,
Блудом и бедом вящшим!…

А вы, папешници горделивыи,
Яри-сте и гневливыи!
Русь вас не боится,
Токмо верою щитится…

Но Бог мысль вашу преврати
И болезнь их на главу вашу обрати,
Иже ров изкопасте,
Сами в он впадосте:
Бо дарованый нам от Бога цар православный …
Той вашу гордость сотре;
И, если ся не обачите,
И до конца главы ваши яко змиевы…

Которому сам, спасителю-Христе, помози,
Яко верному царю –
Нашему благочестивому Алексию,
Великому государю.*

Вопрос к тому, кто имеет некоторое знакомство с украинским: какой текст написан на украинском языке? Очевидно, что оба: один (первый) почти сразу понятный и почти идентичный современному даже по прошествии 300 лет, второй – книжный, литературный, в корне – церковнославянский, со слоем украинской лексики и падежных окончаний. Полонизмы есть и там, и там. Правда, сейчас бы второй текст назвали суржиком – смешанным с русским. Но, отметим, знакомство с живым русским у автора стихотворения (как и у большинства тогдашних украинцев) вряд ли имело место. Знаком был церковнославянский, язык старой русской литературы и священных текстов. Но в него активно вмешался тот разговорный и живой, на котором написан первый стишок (видимо, казацкая песня).

Дальнейший выбор творцов украинского литературного языка уже в конце XVIII–XIX вв. состоял в том, *какой образец избрать* – разговорный или книжный. И какой язык делать стандартным – не только в литературе, но и в реальной украинской жизни. Но об этом будет сказано ниже.

И добавлю еще один текст того же времени (правда, менее украинизированный, чем второй) на том же книжном языке. Вопреки ожиданиям от подобной (с виду - русской) лексики, это отнюдь не радость по поводу прихода московитов-единоверцев, а на оборот: плач православного автора о гибели Польши: «*Глаголет Полща о бывшей храбрости и пленении своем…*». Московиты тут фигурируют в качестве «скифов». У Польши (Речи Посполитой) трое детей – ляхи, русь, литва, и двое братьев (видимо, ляхи и литва) сошлись в сече с третьим (видимо, с русью).

В жалости днесь зело обмираю,
Слезы точащи, чад моих рыдаю.
Аз – мати, люте опечаленная
И всех радостей изовлеченная.
Бех бо некогда тако украшенна,
Яко над страны славно вознесенна;
Копие мое на вразех бывло
И сердца силных в бранех ужасало.

* Там же. – С. 115–116.

Но ныне мечи и щиты державны
Во мне крепчайших чад всех надсмеянны;
Вои велики худыми бываютъ,
Од скифских язык на земли падаютъ,
Сами-бо в себе меч свой угрязиша
И мене, матер, свою уязвиша.
Юнош прекрасных и девиц удобренных
Полны все страны ныне суть плененных.
Аз плачу, Полща, плачу неутешно,
Рыдаю в слезах из кровию смесно.
Чада во мне все вкупе пребывали,
Всюду страх лют, где ся обращали.
Венец мой златый, в поще положенный,
В трееx ми чадех словно уплетненный:
Ляхи, русь, литва – то суть чада моя;
Два возгордеша, взяша мечи своя,
Юного брата убить совищаша,
А мене, матер, зело обругаша.
Юный языков собе умоляет
И гордыню их, низлож, покоряет….
Градове, села в конец раскопаша,
Мужие, жены скифом вси предаша…

Этот стишок (его поэтические достоинства остаются для меня загадкой – я не специалист по такой словесности) иллюстрирует для нас некую ностальгию по Речи Посполитой, которая периодически заключала казацкую старшину в московских «объятиях».

24. Любовь прошла: Иван Мазепа и Петр I

Как мы уже знаем, после низвержения Самойловича гетманом был то ли избран, то ли назначен Василием Голицыным Иван Мазепа – одна из наиболее полярно оцениваемых фигур украинской истории. Российская история его до сих пор оценивает преимущественно как изменника (исключение составляют работы Татьяны Таировой-Яковлевой, которая не столь поддается

старым шаблонам). Украинцы же либо считают его национальным героем, либо воздерживаются от оценок. И у тех, и у других есть определенные мотивации и аргументы. Что интересно, ни один другой деятель украинской истории не становился героем такого числа зарубежных художественных произведений. Мазепе посвятили свои творения Байрон, Гюго, Пушкин, Словацкий и др., о нем писаны картины Буланже, Верне, Жерико, Делакруа…

Но прежде чем делать выводы, проследим, собственно, за событиями и попробуем понять логику действий их участников.

Правление Мазепы началось с подписания очередных «статей», которые продолжили традицию урезания гетманской автономии. В них, в частности, утверждалось и такое: «*Народ малороссийский всякими меры и способы с великороссийским соединять и в неразорванное и крепкое согласие приводить, дабы никто голосов таких не испущал, что Малороссийский край – гетманского регименту [управления], а отзывались бы везде единогласно – Их Царского Пресветлого Величества самодержавной державы.*» С этой оптимистичной ноты, собственно, и началось гетманство Мазепы.

Иван Степанович Мазепа-Колединский (так полностью) происходил из белоцерковской шляхты, учился в Киево-Могилянской и Краковской академиях, был пажем короля Яна Казимира, военное дело изучал в Голландии, бывал во Франции, Германии, Италии. Знал латынь, польский, русский, итальянский, немецкий языки. Пребывал на дипломатической службе при польском дворе, тесно общался с правобережной старшиной времен Выговского, Юрия Хмельницкого, Тетери, служил и выполнял поручения Петра Дорошенко. Женился на дочке белоцерковского полковника. С посланиями Дорошенко Мазепа попал в плен к запорожцам, а те передали его Самойловичу. Судьба Дорошенко на тот момент была уже практически решена, пытаться убежать назад не имело смысла, и с левобережным гетманом у Мазепы возникает хороший контакт; он делает карьеру при его дворе. Часто посещает Москву.

В те времена он вряд ли был «заброшен» в Россию как глубоко законспирированный агент западных спецслужб: его действия определялись как амбициями, так и очевидными жизненными реалиями. Всегда характерным для Мазепы было необычайное обаяние, ораторское искусство и умение очаровывать людей – это проявлялось и в отношениях с Самойловичем, и с фаворитом царевны Софьи Василием Голицыным, и с Петром I.

Будучи гетманом, он стал, наверное, крупнейшим меценатом Церкви за всю украинскую историю: 12 новопостроеных и 20 отреставрированных за его счет храмов. Существенную помощь получала и Могилянская академия.

Социальная политика гетмана имела консервативный характер: он занимался укреплением полномочий и статусов старшинского слоя, который постепенно формировал стабильный костяк элиты Гетманщины. Продолжались традиции Речи Посполитой в сословном самоуправлении и судопроизводстве, правах и вольностях, частной собственности. Старшина все чаще начинала называть себя «шляхтой», реанимируя те ценности, за которые боролись ее предшественники. Параллельно с этим происходило то, что называлось «усилением крепостнического гнета», т. е. снова возникает барщина (отработочная повинность). Причины этого – социальная стабилизация на Левобережье к концу XVII в., когда более состоятельная старшина концентрирует у себя все большие земельные владения, заканчиваются многолетние льготы для новых поселенцев на чьих-то землях (миграции населения перед тем были значительные), а казацкая служба начинает связываться с определенной состоятельностью (нужно иметь коня и оружие); не соответствующие требованиям казаки легко переходили в крестьянское состояние и начинали нести определенные повинности. Огромное перераспределение собственности, произошедшее в результате революции Хмельницкого, когда казацкая старшина сконцентрировала в своей среде контроль над ресурсами Гетманщины, должно было привести к формированию нового слоя землевладельцев.

Мазепа определенно не был популистом, что ему потом весьма дорого обошлось. С другой стороны, мы не можем его и слишком сурово за это осуждать: несмотря на все «вольности» Речи Посполитой и казацкого гетманата, они все же касались преимущественно вооруженного сословия, а для тех задач, которые стояли перед гетманским государством, именно оно и было нужнее всего. Времена Руины прошли, и народу было желательно быть в поле. Наталия Яковенко указывает на то, что Мазепа не умел так манипулировать настроениями черни, как когда-то Хмельницкий. Но заметим, что Хмельницкий этим занимался во время всеохватывающей войны, имея гораздо больше независимости, и именно тогда, когда эта манипуляция была ему особенно нужна.

Распространенный миф о том, что Мазепа «был вторым по богатству после царя», мягко говоря, не правдив, поскольку личное имущество Мазепы отнюдь не было столь выдающимся. Иное дело то, что как гетман он вольно распоряжался государственным имуществом, ведь тогда еще не осознавалась разница между личной собственностью главы государства и средствами самого государства. Однако свобода рук в распоряжении «общественными» деньгами использовалась гетманом отнюдь не так, как

«От Богдана до Ивана не было гетмана…» (Народная песня)

Иван Мазепа. По рисунку Даниэля Бейля в книге 1796 г. Несмотря на обилие портретов и сюжетных картин, связанных с жизнью Мазепы, ни одного достоверного его изображения не сохранилось. Недавняя криминалистическая экспертиза по 7 из известных 10 портретов (3 гравюры не подходили по методике определения тождественности) показали, что на 3 из 7 изображений показан один человек в разном возрасте. Сказать, что это Мазепа – «окончательно» нельзя, т. к. мы не имеем его черепа для антропологической реконструкции или же такого портрета, о котором мы точно знаем, что писали именно с него. Но в рейтинге «возможного Мазепы» рисунок Бейля – один из этих трех самых перспективных.

это принято в нынешнем украинском государстве. Он их тратил на то, что мы бы сегодня назвали «целевыми программами», – на приоритетные цели, служащие росту благосостояния, духовности и культуры Гетманщины. Он стал величайшим меценатом за всю историю Украины: по масштабам поддержки православной культуры с ним не мог бы сравниться и князь Острожский. Представьте себе сорок восемь храмов, построенных, отреставрированных или украшенных на средства гетмана! И это на территории размером всего лишь в три современные украинские области… Поддержка Киево-Могилянского коллегиума, получившего статус академии, масштабное строительство в гетманской столице Батурине. Мода на образованность, благочестие, меценатство. Эпоха украинского барокко достигла при Мазепе своего расцвета. Понятно, что маленькая Гетманщина (всего лишь одна седьмая нынешней территории Украины) не могла создать что-то вроде Версаля, но и сейчас, слава Богу, есть на что посмотреть.

Если возникают сомнения в том, насколько тогдашняя Гетманщина была «государством» (в нашем представлении это нечто вполне независимое), то можно сказать, что настолько же, насколько уже упомянутые мною Молдавия и Трансильвания. Они были вассалами Османской империи, но порой вели вполне самостоятельную внешнюю политику, не говоря уже о внутренней. В реалиях той эпохи, когда современных национальных государств еще не существовало, большая часть Европы состояла из таких «автономных государственных образований». Были «гетманские статьи», которые служили формальной основой отношений вассала (гетмана) и сюзерена (царя), но на практике

все зависело от вполне личных и неформальных отношений гетмана с царем и придворными группировками. Если отношения складывались хорошие и «взаимовыгодные», гетман мог в своих «пределах» ощущать себя полновластным господином. Ясно, что недовольные из старшины всегда были готовы написать в Москву донос, но и эта проблема была решаема. Там прагматично решали, исходя из обстоятельств: «поверить» или «не поверить». Нужно также учитывать, что гетман правил не один: он опирался на согласие старшины, которая тоже была прагматична. Если ее корпоративные интересы удовлетворялись, она не жаждала изменений, если же, наоборот, ощущала угрозу, то начинала роптать. Не секрет, что переход Мазепы на сторону шведов в грядущей Северной войне был санкционирован и востребован значительной частью казацкой верхушки.

Смена монарха в Москве – к власти пришел энергичный и молодой Петр I – не привела к смене гетмана. Мазепа вполне соответствовал тем прозападным настроениям, которые были свойственны молодому государю. В какой-то мере гетман должен был не только по образовательным и культурным предпочтениям Петра служить примером московским боярам, но и внешне: царь попросил Мазепу сбрить бородку, которую тот носил на французский манер. Но это последнее было отнюдь не главным: огромный политический и дипломатический опыт Мазепы много лет активно использовался на пользу Московскому государству. Через него шел огромный объем дипломатической переписки, к его совету прислушивались. Очень многие политические решения принимались с учетом его мнения или рекомендаций. Не

Несостоявшийся спаситель

Карл XII, молодой король-полководец. Союз Мазепы со Швецией был повторением через полвека внешней политики Богдана Хмельницкого после его разочарования в Москве (Богдан тогда сотрудничал с дедушкой – Карлом X). У шведов поражение от России в Северной войне считается спасительным, поскольку впоследствии избавило страну от чрезмерно дорогостоящих амбиций сверхдержавы. Российским общественным «историческим» мнением созидание империи (т. е. захват других народов) пока не оценивается негативно.

Приращение государства слишком давно стало самоцелью страны, которая так и не может найти иных смыслов существования: личная свобода и верховенство права в число этих смыслов, увы, все никак не впишутся. И не в «американском смысле» (враждебная идея!), а в обычном, простом и банальном.

будет преувеличением сказать, что до 1707 г. Мазепа внес огромный вклад в укрепление позиций Московского государства. Правда, у историков, склонных к черно-белому видению, он теперь подается лишь однозначно: либо он изначально задумывал «измену» царю, либо же все время старался изменить зависимый статус Украины. В реальной жизни все не так однозначно: люди действуют, исходя из обстоятельств, и позиция Мазепы зависела от того, как он ощущал положение и перспективы Гетманщины. Пока политика Кремля соответствовала ее интересам (и интересам гетмана, и интересам старшины), он был вполне лоялен, когда же ситуация изменилась, ему пришлось сделать тяжелый, но необходимый выбор.

Первый десяток лет своего правления гетман разделял со своими казацкими войсками все тяготы борьбы за Азов и выход к Черному морю. Это происходило рядом с Гетманщиной и способствовало стабилизации ее границ, сокращению внешней угрозы. Но с 1701 г. казаки воюют на «фронтах» Северной войны – то есть активно помогают царю «прорубать окно в Европу» вдалеке от своей родины. Если брать во внимание геополитические интересы (о которых сейчас так любят рассуждать), то Балтика для украинцев представляла интерес минимальный. Оправданием участия в этой войне могло стать то, что в условиях раскола Польши (где боролись между собой прорусская и прошведская партии) гетман мог попытаться осуществить давнюю мечту своих предшественников: воссоздать «Гетманат обоих берегов Днепра». Это и удалось Мазепе, правда, лишь на непродолжительное время. После 1706 г. обстоятельства стали складываться для него все более неблагоприятно.

Северная война истощала ресурсы Гетманщины – как налогами, так и ограничением внешней торговли (все теперь происходило через далекий Санкт-Петербург), казацкие части с большими потерями воевали черт знает где вдали от родины, и поскольку в петровской регулярной армии за людей не считались, не были в восторге от этой ненужной им войны. Население роптало из-за слишком промосковской позиции гетмана. Но наиболее угрожающими оказались планы военной реформы казачества и самого устройства Гетманщины. Петр был склонен в русле популярных в Европе идей рационализма перестроить все в огромной стране на свой прагматичный лад – создать централизованное и, по сути, полицейское государство. Война со Швецией шла с переменным успехом и требовала огромных усилий и затрат. Зародилась идея превратить украинское казачество в регулярные части и избавиться от ненужной пестроты своих военных порядков. Планы упразднения украинской автономии вынашивались уже с 1703 г. Военные полномочия украинской старшины и гетмана постоянно подвергались сомнению:

казацкие подразделения переходили под командование московских офицеров. К тому же, младшее поколение петровских придворных («птенцы гнезда») в энтузиазме фаворитского рвачества не было склонно обращать внимание на местные особенности. Меншиков то хотел стать герцогом Курляндским, то подумывал заодно и о гетманстве. Петр мыслил широко и выдвигал идеи, например, о предоставлении английскому полководцу герцогу Мальборо (важной фигуры в тогдашней европейской политике) титула князя Киевского. Симпатичному ему Мазепе можно было бы компенсировать моральный ущерб чем-то пышным – например, титулом князя Священной Римской империи. Но Мазепа не был обязан мыслить так широко – у него была его Гетманщина, которой он правил уже двадцать лет и хрупкий корабль которой необходимо провести через стремнину большой войны. Критики Мазепы часто забывают, что ему проще всего было все время оставаться с Петром – сам по себе он был бы непотопляем. Но, похоже, что уже престарелый гетман (и до Высшего Суда недалеко) думал не только о себе…

Нам теперь понятие «военной реформы» не кажется чем-то страшным: ну сделали регулярными частями, ну и что? Но здесь не стоит забывать о самой природе и сущности казацкой государственности. Ведь «Гетманщина» – это скорее кабинетный термин, называлась она, не забудем, – Войском Запорожским. И хотя непредсказуемая Сечь оставалась отдельной самостоятельной силой, само устройство территории Войска состояло из полков и сотен, а вся администрация – из казацких полковников, полковых писарей и т. п. военных должностей. Отменить территориальный характер формирования казацких полков – это ликвидировать само Войско и его автономию. «Военная реформа» стала бы полным крахом того порядка вещей, который существовал со времен Хмельницкого и с таким трудом был сохранен усилиями Самойловича и Мазепы. И теперь мы можем понять, почему казацкая старшина, на которую опирался гетман, вдруг очень сильно засомневалась: – а стоит ли и дальше соблюдать верность Московскому государству? Нельзя забывать, что в восприятии старшины Войско вольно было избирать себе внешнего «протектора», как оно это уже сделало в 1654 г. и как это неоднократно бывало позже. Элита Гетманщины за полвека успела привыкнуть к тому, что путь выживания лежит в балансировании между более сильными окружающими государствами. Соответственно, при смене геополитических и военных обстоятельств уместно перейти на сторону того, кто менее покушается на местные порядки.

Но, конечно, для того, чтобы были предприняты конкретные шаги, ситуация должна была достигнуть кризиса. С 1705 г. в рамках своей широкой

и ни к чему не обязывающей корреспонденции Мазепа стал переписываться с прошведским польским королем Станиславом Лещинским. Последний, понятно, был склонен привлечь гетмана на свою сторону, но тот, поддерживая контакт, не давал конкретных обещаний. Все изменилось через два года. В 1707 г. Петр начал предпринимать практические меры по передаче военной администрации на украинских землях в руки киевского воеводы Дмитрия Голицына. Для казацкой старшины это стало последним сигналом к тому, что нужно принимать какое-то решение. Ближайший соратник Мазепы Пилип Орлик свидетельствует о том, что решение было принято в сентябре 1707 г. Мазепа дает клятву «*сделать так, чтобы вы, ваши женщины и дети и отчизна вместе с Войском Запорожским не погибли ни от Москвы, ни от шведов*».

Представления об извечных братских отношениях украинцев и русских прекраснодушны, но сильно преувеличены. Находящаяся тогда на Украине московская армия вела себя так же, как и все иные армии того времени, удовлетворяя все свои потребности и нужды за счет местного населения. Об отношении русских к местным в Киеве во время строительства Киево-Печерской крепости свидетельствуют жалобы полковников гетману: «*Великороссийские люди грабят их хаты, разбирают и жгут, женщин и дочерей насилуют, коней, скот и всякие пожитки забирают, старшину бьют до смерти*». Однако к резкому изменению симпатий старшины и переориентации Гетманщины в сторону шведов население не было подготовлено. «Средний комсостав» и обычные казаки уже привыкли за семь лет воевать «против шведа». Многие гетманские военные подразделения сражались далеко на севере, вокруг были разбросаны московские войска, и любая утечка информации повлекла бы за собой быстрый и печальный конец Мазепы. Он ждал, как развернутся военные события…

Кстати, если по причине своего шведского выбора Мазепа считается каким-то антиподом Хмельницкого, избравшего союз с Москвой, то это неверно: если мы вернемся назад и вспомним последние деяния великого гетмана, то увидим в качестве союзников тех же шведов. Хмельницкий руководствовался той же логикой, что и Мазепа, ибо геополитические обстоятельства Войска Запорожского в 1707 г. во многом напоминали 1657 г. В этом смысле Мазепа скорее воплощал «завещание» Хмельницкого.

Уже подозревавший худший вариант развития событий, Мазепа пытается сохранить при себе побольше верных подразделений казаков и сердюков (наемного гетманского войска), но его силы все равно остаются весьма невелики. Попытки шведского короля Карла XII в 1708 г. пробиться к Москве не принесли ему успеха, и, оттесняемый на юг, он со своей армией пришел на

север Гетманщины. Тактика «скифской войны», применяемая московскими войсками, опустошала местность вокруг врага, оставляя выжженную землю. Приход войны на украинские земли обещал им полное разорение. Старый гетман, который адекватно оценивал свои и Карла шансы в этих обстоятельствах, говорил в сердцах: «*Дьявол его [Карла] сюда несет! Все замыслы мои испортит, и войска великороссийские за собой в середину Украины приведет на окончательную ее руину и нашу погибель!*» Мазепа рекомендовал Карлу сначала отступить, создать новую антимосковскую коалицию при участии Турции, донских казаков и других недовольных петровским режимом, а потом уже доводить дело до решающего сражения. Тем более, что после проигранного шведами боя при Лесной в сентябре 1708 г. Карл не получил необходимого подкрепления и снабжения. Молодой, амбициозный король, уверенный в своей непобедимости, не последовал его советам. Секретность предыдущих переговоров и неготовность большинства старшины и казаков вдруг перейти на сторону совершенно неожиданно явившихся шведов еще более сократила силы гетмана. К приходу новых союзников Мазепа явно оказался не готов. Окончательно на выбор последнего могло повлиять и решение Петра о том, что оборонять Малороссию от шведов Мазепа должен сам, что было уже прямым игнорированием условий всех предыдущих украинско-московских статей.

К сожалению, нам неизвестны те условия, на основании которых гетман принял патронат Шведского королевства. Фигурирующие в работах исследователей с XIX в. некие «соглашения» уже давно признаны фальсификатом. Скорее всего, если бы этот шаг Мазепы оказался успешным, в идеале мог бы повториться Гадячский трактат Выговского 1658 г. о преобразовании Речи Посполитой в Республику трех народов. Непосредственный сюзеренитет Швеции над Украиной в виду географических обстоятельств вряд ли был бы возможен. Но слишком многое остается нам неизвестным, поэтому гадать, видимо, не стоит.

Петр I, для которого решение Мазепы оказалось шокирующим, уже начал мстить «вору»: столица гетмана Батурин была захвачена войсками Меншикова, а гарнизон и население вырезаны. В спорах современных украинских и российских историков о точном количестве жертв батуринской резни мы можем остановиться на данных археологических раскопок: не столь важно, сколько именно тысяч было убито, но женские и детские скелеты со следами рубящих ударов являются очевидным доказательством факта убедительной победы русского оружия. Как заметил один коллега – российский военный историк: «*Так ведь было за что – Мазепа же перешел на сторону врага*». Признаем, был повод, и в ту эпоху всех сопротивляющихся нещадно карали – и шведы, и русские. Но факт-то не вычеркнешь из истории: бывали

и такие русско-украинские отношения… Заодно замечу, что в современных интерпретациях событий Северной войны в России и Белоруссии все время почему-то говорят о «*шведской агрессии*». Это странно, поскольку войну-то, собственно, начала Россия со своими союзниками против Швеции – это Москву как раз и не устраивала ситуация на Балтике. На логичный вопрос моего украинского коллеги по поводу использования такого некорректного термина был получен очень интересный ответ: «*Так России же был нужен выход к Балтийскому морю*!» Это – все равно, как если бы весь мир посчитал 22 июня 1941 г. агрессором Советский Союз, поскольку Гитлеру были нужны бакинские нефтяные месторождения. Но оставим грустную современность и вернемся на 300 лет назад: тогда, правда, все тоже было невесело.

Трупы защитников Батурина привязывали к доскам и спускали вниз по реке Сейм в назидание потенциальным изменникам. Волна следствий, казней и репрессий против «мазепинцев» и их семей прокатилась по Гетманщине, вызвав очередную «оргию доносов». Как докладывал французский посол в России своему министерству, «*московский генерал Меньшиков принес на Украину все ужасы мести и войны. Всех приятелей Мазепы бесчестно предано пыткам; Украина залита кровью, разрушена грабежами и представляет везде страшную картину варварства победителей*». Возможно, что француз был и ангажирован, но изложил правду.

В ноябре 1708 г. Петр объявляет гетманом стародубского полковника Ивана Скоропадского, а предыдущего гетмана церковь вскоре предала анафеме, в чем принимали участие его бывшие знакомцы и друзья Феофан Прокопович и Стефан Яворский. Известно, что процедура предания анафеме отнюдь не была канонической и легитимной, но это сейчас уже мало кого волнует. Интересно, что Мазепа или последователи не критиковали выбор Скоропадского. Все были живыми людьми, и в критической ситуации каждый поступил сообразно своим принципам и обстоятельствам. Многие из тех, кто толкал Мазепу на союз со шведами, оказались с другой стороны, поскольку, находясь в окружении московских войск, проявлять независимость было бессмысленно. Каждый испытал свою судьбу.

Военное счастье, очевидно, отвернулось от Карла и Мазепы. Ситуацию не изменил даже приход на помощь нескольких тысяч запорожцев во главе с кошевым Костем Гордиенко. Мазепу запорожцы откровенно не любили, но Петр I вызывал у них гораздо больше неприязни. В мае 1709 г. петровскими войсками была захвачена Сечь, а бывшие в ней казаки – казнены. Возле Сечи вскрывали могилы, «обитатели» которых тоже подвергались показательной «казни». (Здесь нет ничего «украинофобского»: после восстания Кондрата Булавина тогда порядком досталось и донским казакам.)

8 июля (н. ст.) 1709 г. под Полтавой любимый своим войском шведский король не смог полноценно командовать из-за ранения. Не имея единого стратегического плана, шведская армия со своими украинскими союзниками потерпела сокрушительное поражение от превосходящей числом почти в два раза российской армии, которая могла, к тому же (в отличие от шведов), использовать артиллерию. Если исходить из объективных обстоятельств, поражение было предрешено. Карлу и Мазепе с остатками бегущих войск пришлось отступать и перейти турецкую границу. 3 октября 1709 г. престарелый гетман умирает возле крепости Бендеры (современная Молдова).

Честно признаюсь: я не хотел бы оказаться на его месте. Мазепа дольше всех был украинским гетманом, большими усилиями, мудростью и предусмотрительностью подняв свою небольшую страну из Руины, любовно выстроил свой Батурин, поднял к небу десятки храмов, он при этом был весьма обеспеченным человеком, и оставайся он до конца с Петром – горя бы не ведал… Я не знаю, что в действительности его толкнуло на тот откровенно жертвенный шаг, – и никто не знает, ни украинский, ни российский историк. Я также понимаю, почему он умер вскоре после Батурина и Полтавы: жутко видеть такое крушение всего, что составляло твою жизнь, интересы и надежды. Но я знаю и то, чего не знал Мазепа: все последующее украинское движение, понятия и представления которого были бы во многом гетману непонятны, всегда несло на себе то ли позорное клеймо, то ли почетный титул «мазепинцев». Его жизнь закончилась катастрофой, и можно воспринимать его как «неудачника», но очень мало людей в истории смогли бы похвастаться тем, что их одно-единственное решение для многих и многих поколений людей превратилось в символ веры. Что многие повторили этот трагический путь – даже и через 200, и через 250 лет после него. Звучит это, возможно, чрезмерно пафосно, но и в начале XX в. для российской администрации слово «мазепинство» значили очень многое. Вышло оно из употребления лишь после появления «петлюровцев» и «бандеровцев».

25. Первый политический эмигрант

Преемником Мазепы для тех старшин и запорожцев, которым удалось спастись, с 1710 г. стал *Пилип Орлик*, носитель чешской баронской фамилии, из белорусской шляхты, при Мазепе – генеральный писарь Войска Запорожского, одна из наиболее светлых голов тогдашней Украины, патриот,

потративший остаток своей жизни на попытки найти в Турции и Европе поддержку украинскому делу.

Он считается первым политическим эмигрантом украинской истории (потом их появится еще очень и очень много). Ему также приписывается авторство первой украинской Конституции, но в те времена в понятие «конституция» вкладывался несколько иной смысл, чем сегодня: Орлик и сотоварищи создали по традиции Речи Посполитой договор гетмана (как короля) с казацким народом (как с шляхтой). То есть уникальным этот документ назвать нельзя, но он свидетельствует о правовой зрелости, четком представлении о договорном характере государственной власти, разделении прав и обязанностей гетмана и казацкого народа.

На 1711 г. приходится попытка Орлика вернуться в Украину во время русско-турецкой войны. Он дошел с казаками и ногайцами до Белой Церкви, но поход оказался неудачным из-за бесконтрольности ордынцев, которые разорили край и подорвали доверие населения к Орлику. В том же году Петр I угоняет на левый берег Днепра жителей тех городов и местечек, которые прежде Орлика поддержали.

Представление о том, что Петр после Полтавы истово уверовал в свою победу, неверно. Так и не постигнув стратегического перелома в войне и открывшихся перспектив, он упорно предлагает Карлу XII мирное соглашение. Теперь шведскому королю пришлось заняться тем, что ему годом раньше предлагал Мазепа, – привлечь на свою сторону Турцию. Прутский поход Петра закончился позорной неудачей, после чего пришлось пожертвовать теми завоеваниями на юге, которые были сделаны накануне Северной войны. В достигнутом предварительном соглашении с турками он признавал необходимость вывести свои войска с «земель казаков», но этот пункт, благодаря взяткам московских дипломатов, был ограничен Правобережьем. Орлик попытался туда пробиться, но на Правобережье уже были введены польские войска, а Варшаве удалось в 1714 г. добиться у султана уступки этих территорий.

Дальнейшие годы Орлик мигрировал по европейским дворам в попытке организовать коалицию против России, добиваясь «освобождения бедной отчизны нашей Украины от тяжкого и тиранского московского подданства» и предупреждая о растущей угрозе с востока. Успеха он не достиг и умер в 1742 г. Один из его сыновей – Григорий Орлик – стал маршалом Франции.

26. Слияние и поглощение: конец украинской автономии

Веселая царица
Была Елисавет:
Поет и веселится,
порядка только нет.

Какая ж тут причина,
И где же корень зла,
Сама Екатерина
Постигнуть не могла.

«Madame, при вас на диво
порядок расцветет, –
писали ей учтиво
Вольтер и Дидерот, –

Лишь надобно народу,
Которому вы мать,
Скорее дать свободу,
Скорей свободу дать».

«Messieurs, – им возразила
*Она: – vous me comblez»**,*
И тотчас прикрепила
Украинцев к земле.

А. К. Толстой. История государства Российского от Гостомысла до Тимашева. 1868

Восемнадцатый век положил конец государству Богдана Хмельницкого и, казалось бы, окончательно похоронил «украинский вопрос», оставив его в экзотике исторического прошлого. Однако это во многом было лишь видимостью, поскольку исчезали автономные государственно-правовые образования, а само население украинских земель продолжало себе жить, периодически напоминая о себе. Эти проявления «национального духа» отнюдь не являлись свидетельством существования тогда некоего «украинского

* «Господа, вы слишком добры ко мне» (фр.).

национализма», однако говорили о наличии у местного сообщества потенциала сохраняющейся «непохожести» на других. В будущем эту непохожесть можно будет использовать, «обыграть» определенным образом с приходом новых интеллектуальных, литературных и политических веяний.

Характерно, что угасание автономной государственности, повлекшее смерть давнего книжного и канцелярского староукраинского языка, создало почву для радикального обновления языковой сферы – обращению к первоисточнику, то есть к языку живому, разговорному, народному. Произошло это под самый занавес все того же XVIII в. в эпическом бурлеске Ивана Котляревского «Энеида». Сей творческий эксперимент неожиданно оказался лишь первой ласточкой грядущего прихода новой украинской литературы, принесенной эпохой романтизма.

Но вернемся к началу столетия. Как мы помним, Украина была разделена в основном между Россией и Польшей. Правобережье на юг от Киева, опустевшее в Руину, было то стихийно, то организованно снова колонизировано украинским населением, снова вспахано и засеяно. Там же возрождается казачество с извечной функцией контроля исламской границы. Оно имело свои неизменные привычки и наклонности, и уже в 1700–1704 гг. воевало с Речью Посполитой. С приходом левобережных войск Мазепы правобережные полки в 1704–1709 гг. влились в его армию.

После русско-турецкой войны 1711–1713 гг., Адрианопольского мира России и Турции (1712) и Карловацкого трактата Польши и Турции (1714) Правобережье закрепилось за Речью Посполитой до второго раздела Польши (1793). Уходя с тех территорий, российская армия снова перегнала население на левый берег. Но Правобережье было снова заселено – вспахано и засеяно – все теми же украинцами. Бесконечные миграции с одного берега на другой, приход новых колонистов и их очередные депортации – все это объясняет такую схожесть антропологического типа центральной Украины, население которой было неоднократно перемешано между обоими берегами.

Однако общим итогом правобережных событий стало восстановление польского землевладения и единственным воплощением казацких традиций стало гайдамацкое повстанческое движение (его апогей – восстание Колиивщина в 1768 г.), подкрепленное близостью Запорожья. В итоге это означало, что если на левом берегу сформировалась прослойка местной старшинской элиты, то на правом «политическим классом» остались лишь польские шляхтичи. Посему, несмотря на преимущественно украинское население, будущий «Юго-Западный край России» считался неблагонадежным, «польским» и принимал участие в польских восстаниях (правда, без участия селян). В последствии российские власти заметным образом

Финал близится

Петр I в тюрьме у Павла Полуботка. Картина худ. В. Волкова, кон. XIX в. По легенде, когда Петр навестил умирающего в Петропавловской крепости наказного гетмана, тот произнес пламенную речь в защиту украинских вольностей, ходившую потом в рукописных списках.

отличали этот регион от более близкой и понятной им Левобережной Малороссии. Какая-то своя, украинская по происхождению, элита осталась лишь на Левобережье, что потом позволило российским и советским учебникам поместить Правобережье в «аду», где процветал «социальный, национальный и религиозный гнет».

А теперь пересечем Днепр в восточном направлении. После Мазепы гетманом стал, как уже говорилось, *Иван Скоропадский* (1708–1722) – фигура достаточно слабая, не склонная к проявлению «мазепинства». Разгон Сечи заставил последнюю «переехать» в турецкие владения в низовьях Днепра (Олешковская Сечь). В самой Гетманщине жило около 1 миллиона человек, из которых половину составляли селяне, чьи права сокращались, свободных сел оставалось около 10 %. Основная масса небогатых казаков постепенно приравнивалась в бесправии к селянам.

УКРАИНСКИЕ ЗЕМЛИ
около 1750 г.
Великое княжество Литовское
РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ
Польское королевство
РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
КОР. ПРУССИЯ
ИМПЕРИЯ АВСТРИЙСКИХ ГАБСБУРГОВ
ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ
МОЛДАВСКОЕ КН.
ВАЛАШСКОЕ КН.
КРЫМСКОЕ ХАНСТВО
ДОНСКИЕ КАЗАКИ
ЧЕРКЕСЫ
Барьерные земли
Гетманщина
Слобожанщина
Запорожье
АЗОВСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
Тула
Минск
Гродно
Брест
Пинск
ВАРШАВА
Люблин
Холм
Луцк
Житомир
Краков
Перемышль
Львов
Винница
Станислав
Унгвар
Каменец
Хотин
Умань
Белая Церковь
Брянск
Стародуб
ГЛУХОВ
Чернигов
Батурин
Нежин
Козелец
Прилуки
Гадяч
Киев
Переяслав
Лубны
Миргород
Полтава
Курск
Воронеж
Белгород
Харьков
СЕЧЬ
ЯССЫ
Очаков
Ак-Керман
Перекоп
Гезлеве
БАХЧИСАРАЙ
Керчь
Каффа
БУХАРЕСТ
Силистра
Неман
Днепр
Припять
Висла
Днестр
Десна
Ока
Дон
Северский Донец
Дунай
Кубань
Украинские автономные образования в составе Российской империи
Центры полков
Общая граница Османской империи и её вассалов
0
100
200 км

Шагреневая кожа

Украина перед финишем эпохи казачества. То, что закрашено в полоску, – два из нескольких европейских регионов Российской империи, которые к середине XVIII в. сохраняли местные особенности административного устройства и некие реликты договорных отношений с российскими самодержцами. Гетманщина Кирилла Разумовского была мила, но бесперспективна и ненужна с точки зрения Санкт-Петербурга. Понятно, что печальная судьба украинских автономий была предопределена самим процессом становления российского абсолютизма. Вольности Войска Запорожского были очевидной преградой на пути полного овладения Северным Причерноморьем: таким же препятствием, как и Крымское ханство, хотя запорожцы воевали под тем же российским знаменем. Поэтому история Запорожья оказалась парадоксально схожей с долей его извечного противника-партнера.

Заметим, что объективная государственная логика тут противоречит столь же объективно присутствующим местным правовым и идеологическим традициям. Мировоззрение малороссийского дворянства шляхетско-старшинского происхождения оказалось живучим, несмотря на скромность размеров исходной территории и мощь великой империи, и заложило фундамент под будущий украинский национализм XIX в. Последний будет поддержан уже и на западе – в Галиции – и перерастет архаическое понятие «Малороссия». «Украина» опять начнет расти.

Птенцы елизаветина гнезда

Порой простые украинские хлопцы делали в Петербурге неплохую карьеру. Братья Разумовские – Алексей, граф, генерал-фельдмаршал, морганатический супруг Елизаветы Петровны, и Кирилл, последний гетман Малороссии (1750–1764), генерал-фельдмаршал, президент Петербургской Академии наук (1746–1798).

Постоянно здесь находилось несколько полков регулярной царской армии, число которых существенно возрастало с каждой русско-турецкой войной (ими XVIII в. был обилен). Украина служила базой для их снабжения и несла соответствующие тяготы бесконечных конфликтов. Экономическая политика Петра I по переориентации Малороссии на внутренний российский рынок достаточно быстро привела к деградации местных городов.

Смерть Скоропадского в 1722 г., через год после провозглашения Российской империи (1721), облегчила внедрение в Украине российской администрации в лице *Малороссийской коллегии* во главе с бригадиром Вельяминовым. Указом царя украинским монастырям было запрещено печатать светские тексты, а поскольку нецерковных типографий в Малороссии тогда не существовало, то этот указ сделал *невозможным публикацию любых произведений местной украинской литературы*. Ее уделом стали лишь рукописи. Древнейшую на Руси Киевскую митрополию «понизили в звании» до архиепископии (до 1745 г.). Ярким выразителем этого переходного периода, последних всплесков свободолюбия, стал наказной (временный) гетман *Павло Полуботок* в 1723 г. Он закончил свои дни в Петропавловской крепости. Полуботок является одним из легендарных персонажей украинской освободительной традиции: с ним связывается и патетическая речь против «притеснений по московскому обычаю», и легендарный огромный клад из личных средств гетмана и казны войска, отправленный перед арестом в английский банк. Вернуться вклад должен был только в независимую Украину. (Увы, «сберкнижка» где-то затерялась в лихолетья.)

Приближение войны с Турцией заставило питерские власти «приласкать население»,

и украинской старшине в 1727 г. было разрешено снова выбрать гетмана. Им стал *Данило Апостол* (1727–1734), полномочия которого ограничивались так называемыми «Решительными пунктами», которые несколько смягчали жесткую линию Петра, но не возвращали предыдущих возможностей. Усилия Апостола по наведению порядка в Гетманщине (в частности, разрешение имущественных конфликтов и унификация права, которую потом назвали «Права, по которым судится малороссийский народ») уже мало что могли изменить в доминирующем процессе по «вмонтированию» Малороссии во все более мощное «тело» Российской империи. Все эти юридические усилия должны были быть похоронены по мере унификации пространства и администрации империи как «регулярного государства». Тут не было какой-то особой ненависти к украинцам-малороссиянам как таковым – просто *у империи порядок такой*, а традиции «прав и вольностей» для России были понятием, прямо скажем, незнакомым.

После смерти Апостола власть была передана «Правлению гетманского уряда» (1734–1750) из трех русских офицеров и трех казацких старшин, коллегиального органа, снова бравшего на себя функции гетмана. Тайные инструкции императрицы Анны Иоанновны говорили, что эта декларативно временная мера должна была на самом деле стать окончательной. Однако необходимость укреплять границу вынудила в 1734 г. снова принять под покровительство ранее изгнанных Петром сечевиков, которые вернулись из османского в российское подданство. Возникает Новая Сечь. В благодарность они будут разогнаны Екатериной II через 40 лет и опять вернутся в Турцию, уже на Нижний Дунай.

Но в дальнейшем во вполне прагматичный процесс «слияния и поглощения» вмешались амурные страсти – роман Елизаветы Петровны с певчим придворной капеллы украинским казаком Алексеем Разумовским (в «девичестве» – просто Розум). В 1744 г. Разумовский становится графом, что было результатом его тайного брака с государыней. Во время визита в Украину Елизавета благосклонно отнеслась к прошениям земляков мужа о восстановлении былых вольностей. Возвращено было и гетманство, «чисто случайно» доставшееся брату Алексея – юному *Кириллу Разумовскому* (1750–1764).

Повысив образование в поездке по Европе, воспитанный при дворе и женатый на родственнице царицы девице Нарышкиной, Кирилл Разумовский принес на родную землю очевидные инновации: гетманская столица вернулась в мазепинский Батурин, возводились представительные «национальные строения», произошла реформа судопроизводства,

реанимировавшая речьпосполитские шляхетские вольности (которые должны были касаться казацкой старшины), вводились старшинские съезды для обсуждения важных дел, аналогичные шляхетским сеймикам, возникла идея об основании наряду с по сути церковной Киево-Могилянской академией еще и светского университета. Пытаясь встать во главе модернизированного автономного образования, Разумовский не лелеял сепаратистских планов – он был продуктом санкт-петербугского двора, но почему бы не стать еще и наследственным гетманом? Как раз идею передачи булавы по наследству в роду Разумовских и поддержали на съезде старшины в 1763 г.

Но тут нашла коса на камень, поскольку на троне, после очень удобной «безвременной кончины» Петра III, уже находилась его супруга София-Фредерика Ангальт-Цербстская, то бишь, «матушка-царица» Екатерина II. Она, как известно, любила гвардейцев, но, видимо, не отличалась широтой натуры Елизаветы и не позволяла своим многочисленным любовникам лишнего в политике. Дама, по-европейски просвещенная, поклонница и спонсор французских просветителей (те не остались в панегирическом долгу – она быстренько стала «Пальмирой Севера»), Екатерина мыслила Россию великой державой, управление которой должно было быть реорганизовано по рациональному принципу: все разумно, все продуманно, все унифицировано. Это было применением на российской почве тех же идей Просвещения, которые на другом конце Европы породили лозунг «свобода, равенство и братство». Но, как известно, и из учения Христа, и из учения Карла Маркса разные люди сделали очень разные выводы. Хотя, с точки зрения интересов России как имперского государства, это все было, наверное, оправданным. Ну, лес рубят – щепки летят…

Украинские патриоты Екатерину крайне не любят, если не сказать хуже. Тарас Шевченко выразил свое эмоциональное отношение к роли Екатерины в истории Украины вполне незавуалированно: «*Та царица – лютый враг Украины, голодная волчица!*» (1845), «*Тебя ж, о сука! и мы сами, и наши внуки, и миром люди проклянут*» (1860). Возможно, есть какой-то более поэтический перевод, но я думаю, что хватит и буквального. Оценивая преемственность между Петром I и Екатериной II («Первому – вторая»), украинский поэт заметил следующее (1844):

Это тот *первый*, который распинал
Нашу Украину,
А *вторая* доконала

Вдовую сиротину.
Палачи! Палачи! Людоеды!
Наелись оба,
Накрали; а что взяли
На тот свет с собою?

Не будем уж очень осуждать великого сына украинского народа за столь неполиткорректные высказывания в адрес монархини, поскольку он уже отбыл за подобные шалости «в солдатах» в Казахстане с логичным запрещением писать (а в нагрузку еще и рисовать – а то вдруг он «это» еще и нарисует?). С учетом того, что «выражение» от 1860 г. (про «суку») было сформулировано уже после ссылки и за год до смерти автора, то, видимо, в конце жизни он остался при своем изначальном мнении. Но что же так обидело в деяниях «матушки-царицы» впечатлительного служителя поэтической музы?

Она исходила из определенных реляций (докладов) о ситуации в Малороссии, в которых, в частности, писалось, что ее (Малороссии) правовые нормы «для республиканского правления учрежденные, весьма несвойственны уже стали и неприличны малорусскому народу, в самодержавном владении пребывающему».

Действительно, ну помилуйте, какое уж тут «республиканское правление»? Это пусть вольтерьянцы на «прогнившем Западе» шалят, а здесь – «просвещенная монархия». Направленность унификации вполне ясно формулирует инструкция Екатерины прокурору Сената князю Александру Вяземскому:

> *Малая Россия, Лифляндия и Финляндия [Карелия] суть провинции, которые правятся дарованными им привилегиями. Разрушать эти привилегии сразу было бы непристойно, но и нельзя считать эти провинции чужими и относиться к ним как к чужим землям, это было бы глупостью. Эти провинции… нужно удобными способами привести к тому, чтобы они обрусели и перестали смотреть, как волки в лес… Когда же у Малороссии не будет гетмана, то нужно добиться, чтобы век и имя гетманов исчезли…*

Что, собственно, и было исполнено. Разумовскому, для его же блага, пришлось от гетманства отречься в **1764** г., и его заменила *вторая*

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ
ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ,
ИМПЕРАТРИЦА И САМОДЕРЖИЦА
ВСЕРОССІЙСКАЯ
и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ НАШЕМУ вѣрноподданному Малороссійскому народу.

Малороссійской Гетманъ Графъ Разумовской просилъ НАСЪ всеподданнѣйше, чтобъ МЫ въ разсужденіи пространства многотрудныхъ дѣлъ Малороссійскихъ, а напротивъ того и другихъ въ Великой Россіи не меньше важныхъ его упражненій, чинъ Гетмана и положенное на него потому правленіе Малой Россіи съ него сняли: МЫ видя его Графа Разумовскаго не малое по справедливости обремененіе, и снисходя на его къ НАМЪ всеподданнѣйшее прошеніе, уволили его всемилостивѣйше какъ отъ чина Гетманскаго, такъ и отъ всѣхъ Малороссійскихъ по оному дѣлъ. Но какъ народъ Малороссійской издревле по единству рода своего, вѣры и Отечества съ народомъ Великороссійскимъ, Скипетру НАШЕМУ подданный пребываетъ отъ многихъ лѣтъ усердно Самодержавію НАШЕМУ подвластнымъ, котораго и благоденствіе съ прочими богомъ врученными НАМЪ народами, зависитъ отъ НАШЕГО же единственнаго къ нему матерьняго призрѣнія и покровительства; то и МЫ имѣя на сердцѣ возводить благополучіе его на такую степень, въ которой бы онъ вящше позналъ НАШУ къ себѣ Императорскую милость, пока время и опытъ дастъ НАМЪ о его благѣ лучшій учинить промыслъ, дабы безъ надлежащаго правленія край сей теперь не остался, учредили въ немъ коллегію Малороссійскую вмѣсто бывшаго Гетманскаго правленія, на томъ точно основаніи, какъ особливымъ НАШИМЪ указомъ дано нынѣ знать НАШЕМУ Сенату. И для того въ самой Малой Россіи быть МЫ повелѣли яко Генералъ-Губернатору, а въ сей коллегіи яко Президенту, опредѣля въ оную Великороссійскихъ и Малороссійскихъ членовъ потребное число, арміи НАШЕЙ Генералу Аншефу и Кавалеру Графу Петру Румянцову, возлагая на него надѣжду, что онъ по извѣданнымъ и довольно уже НАМЪ извѣстнымъ его достоинствамъ, не токмо желаемый въ семъ народѣ сверьхъ мѣста своего по коллегіи сохранитъ порядокъ, но и о пользѣ собственной сего народа будетъ къ НАМЪ всегда добрый и надежный предстатель. По чему и уповаемъ, что народъ Малороссійской видя НАШЕ толикое объ немъ Матерьнѣе попеченіе, не оставитъ оное принять съ тою подданническою благодарностію, которой МЫ отъ него такъ, какъ отъ Праотцевъ Своихъ Престолу НАШЕМУ вѣрноподданнаго несумнѣнно ожидаемъ. Данъ въ Санктпетербургѣ Ноября 10 дня 1764 года.

Подлинной подписанъ собственною ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою, тако:

ЕКАТЕРИНА.

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ Ноября 15 дня 1764 года.

«Народ малороссийский примет с подданнической благодарностью…»

Указ об упразднении гетманства. 1764

Малороссийская коллегия, которую возглавил небезызвестный российский полководец Петр Румянцев. В подчинение Коллегии постепенно отошли местные судебные органы и канцелярия, деловодство перешло на общеимперские стандарты. Параллельно генерал Румянцев даровал представителям местной старшины общеимперские чины, дабы показать перспективы большей, российской карьеры.

Турецкая война 1768–1774 гг. отвлекла усилия новой администрации и принесла России междуречье Южного Буга и Днепра. Вмешательство в Крымские дела привело к первой депортации из Крыма 40 тысяч христианского населения и расселения его в Приазовье (видимо, чтобы не пустовало после изгнания оттуда татарских кочевий). Окончательно Крым был присоединен к империи в **1783** г. Его захват в ситуации тогдашних внутренних усобиц в ханской династии принес России важнейший стратегический форпост на Черном море. Был ли тогда Крым «российским»? По факту захвата – да, а вот по населению пока было неоткуда, до Крымской войны он оставался целиком татарским, а сравнялось русское население с местным лишь перед Второй мировой войной.

По окончании войны услуги хорошо повоевавших против басурман 11 тысяч запорожских казаков уже были не нужны, и возвращающиеся с войны русские части захватывают и разрушают Сечь (**1775**). Отблагодаренные таким образом запорожцы опять, кто смог, ушли на турецкие земли.

Последний кошевой атаман, Петро Калнышевский, человек уже в возрасте 85 лет, получивший за войну медаль от императрицы, был сослан в камеру-одиночку Соловецкого монастыря, где без выхода провел 25 лет. Он переживет Екатерину, Павла и доживет до воцарения Александра I. Оставив после себя в камере "два аршина нечистот" и сгнивший кафтан, кошевой останется в монастыре уже в качестве монаха до своей смерти в возрасте 113 лет. После освобождения этот уникальный человек еще проявит некую иронию в переписке с властями. Он попросил разрешения остаться "*в обители сей ждать со спокойным духом окончания своей жизни, которое приближается, поскольку за 25 лет пребывания в тюрьме к монастырю вполне привык, а свободой и здесь наслаждаюсь в полной мере*".

В 1760–1770-е годы инициируется иностранная (сербская, немецкая) колонизация запорожского пограничья, формируя так называемую Новую Сербию (современная Кировоградщина) и сети немецких сельскохозяйственных колоний, ставших потом неотъемлемой частью украинского степного пейзажа. Символичным было появление немецкой колонии на острове Хортица, которая просуществовала до депортации советских немцев аж во Вторую мировую.

В 1765 г. восточный украинский ареал вне Малороссии – Слободская Украина – преобразовывается из пяти полковых округов в Слободско-Украинскую губернию (1765–1835) с общеимперскими органами управления, а полки – в регулярные кавалерийские части.

В **1781** г. упраздняется административное полковое устройство и в Гетманщине, которое заменяется Малороссийским генерал-губернаторством, разделенным на три губернии (или наместничества). Автономная администрация и судопроизводство прекратили действовать.

В **1783** г. запрещаются переходы крестьян с их мест проживания, что означает завершение процесса закрепощения. В том же году казаки (военное сословие) становятся «казенными землепашцами», т. е. государственными крестьянами, из которых уже рекрутируются солдаты в регулярные «карабинерские» полки.

Старшина получила возможность стать «табельными чинами», т. е. приравняться к российскому служилому дворянству. Когда в **1785** г. Екатерина провозглашает «права, вольности и преимущества» российского дворянства, малороссийской старшине только и оставалось, что в достаточно льготной ситуации доказать свою шляхетскую генеалогию – и все, почти 25 тысяч человек, попавшие в число российского дворянства, обрели неограниченные возможности для карьеры в великой державе. Они получили в собственность крестьянские души, а за это должны были исполнять статскую и военную службу государству.

Суммируя, можно сказать, что Екатерина осуществила вполне продуманную политику поглощения и растворения «политического тела» Малороссии в нутре империи, используя силовые, административные, миграционные и социально стимулирующие меры. Наибольшие нарекания украинских патриотов (кроме «коварства» самой императрицы, конечно) вызывает «*измена старшины*», которая за щедрые социальные привилегии и возможность распоряжаться крепостными «продала» фактически остатки государственности. Групповой эгоизм погубил общее дело, за которое столько пострадали. Вряд ли можно судить столь категорично украинскую старшину, поскольку подобный крепостнический уклад охватывал половину Европы к востоку от Эльбы и являлся нормой как для Речи Посполитой, так и для России – единственных государств, с которых можно было брать пример в тех обстоятельствах. Но в Речи Посполитой шляхетский статус (мы не говорим о крестьянах) предполагал и участие в демократической процедуре, а в основе легитимности высшей власти лежал договор короля с избиравшей его шляхтой. Дворянство же Российской монархии пользовалось

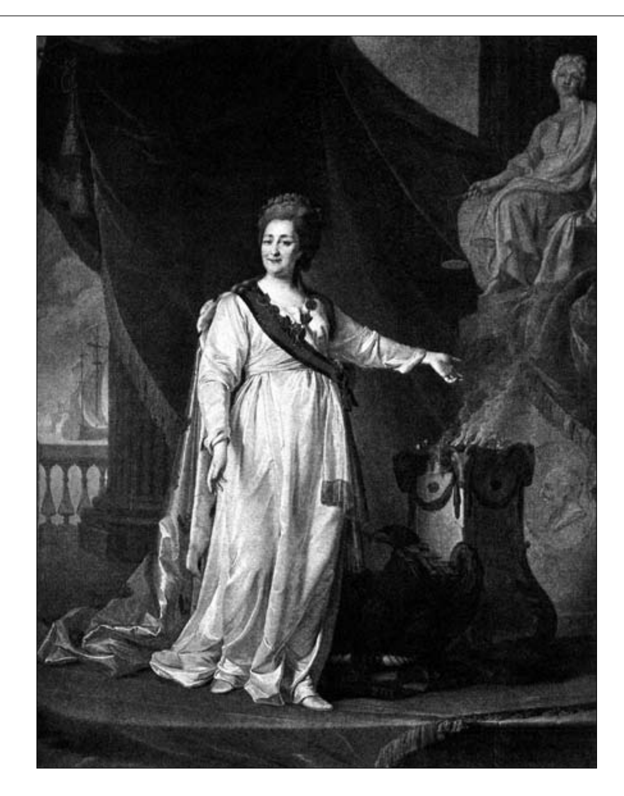
«Предначертанья былых времен»

Большие хоругви Сечи, XVIII в..

социальными привилегиями лишь в обмен на службу абсолютной монархии. Речпосполитские вольности были достигнуты в России лишь через 110 лет после гибели польско-литовского государства, уже в новых исторических условиях, да и то, видимо, слишком поздно.

Завершением усилий императрицы стало присоединение к России в результате второго (1793) и третьего (1795) разделов Речи Посполитой территорий Правобережья и Волыни, что на более чем 100 лет «поместило» большую часть украинских этнических земель в Российскую империю. Оставшаяся территория – Галиция, Закарпатье, Буковина – оказалась в пределах австрийской монархии Габсбургов. Ее судьба была во многом отличной от судьбы Центральной и Восточной Украины, и этот кордон двух империй по сей день порой дает о себе знать.

Мое мнение относительно и Екатерины, и «продажной» старшины, как заметно, не очень радикально. Екатерине не было какой-то нужды особо не любить малороссиян, ее беспокоили более глобальные проблемы построения рационального и регулярного государства «просвещенной монархии». Это – та же ситуация, что и с шотландскими горными кланами: английским королям-немцам Георгам в том же XVIII в. пришлось их «обуздать» не потому, что немцы крайне не любят кельтов (Георги могли их вообще не встречать ни разу), а просто у современного государства своя логика, которая не терпит разнообразия. Хочешь быть непохожим? – Займись национализмом и защити свой суверенитет. Но напомним, что до французской революции в XVIII в. идея национального суверенитета еще не была известна: существовали определенные, исторически своеобразные земли,

Эх, матушка…

«Екатерина II – законодательница», 1783. Картина украинца Дмитрия Левицкого в модном тогда жанре возвышенной аллегории представляет императрицу, приносящую курящуюся дымком жертву статуе Фемиды. Ее усилия по унификации законодательно и административно пестрой империи завершили усилия Петра I и похоронили остатки автономии Малороссии. Нельзя сказать, что она особенно не любила украинцев; у империи и великих самодержцев просто своя логика. Не хочешь от нее страдать – не попадайся в их объятия.

лояльные определенным династиям и имевшие некие особенности правового статуса. Например, Малороссия имела в основе своих отношений с Романовыми «Статьи Богдана Хмельницкого», которые и проясняли нюансы ее «непохожести». Конечно, продолжительные усилия российских властей урезали эти «предначертания прежних времен», и, начиная с Петра, они уже и не пытались даже формально хоть как-то их придерживаться. Поэтому гетманская карьера Разумовского – это явно случайность, исключение из правила, а не изменение логики централизаторской имперской политики. Елизавета своими эмоциями лишь «расслабила» казацкую элиту, для

которой хватка Екатерины вдруг показалась жестковатой. Но «матушка» щедро компенсировала ей моральный ущерб.

Оценка действий старшины должна также предполагать и ее видение тогдашних реалий. Россия в середине и второй половине XVIII в. не имела такого конкурента в регионе, который бы дал повод казацкой элите вообще задуматься (кроме некоторых исключений) над своими внешними ориентациями. Мощь имперского государства вносила ее автономистские претензии лишь в поле *дозволенной самодеятельности*, и какие-то послабления *не могли быть вытребованы, а лишь дарованы*. Посему, хотят – послабляют, не хотят – гайки закручивают. Сама Малороссия уже собственно ничего не решала. Казаки, хоть и славно воюют, но – не регулярная армия новой эпохи.

Тогдашней украинской элите успешно «удалось найти свое место в имперском культурном пространстве» (американский историк Зенон Когут). Поскольку ее представители учились грамоте по Святому Письму, то старорусский (или «книжный») язык звучал для них как родной. Для украинской знати постепенная замена староукраинского языка старорусским (ставшим через некоторое время собственно русским) *была практически незаметной*. Это означало замену одного «книжного языка» другим, а общий славянский элемент создавал иллюзию тождественности. Правда, разговорный украинский еще употреблялся в «низких жанрах», преимущественно пародийных и юмористических. Но, как замечает тот же Зенон Когут, украинская шляхта не могла себе представить, что народный язык может быть средством выражения высокой культуры. В конце XVIII в. она полностью переняла имперскую культуру, которая была одновременно и космополитической, и русской. И внесла в нее, заметим, солидный вклад. Представители этой культурной среды воспринимали архаику своей родины как явление, уходящее в прошлое прямо на глазах.

К концу XVIII в. малороссийская идентичность превратилась не в национальную, а в локальную (в пределах Российской империи) – своеобразный «земельный патриотизм». Однако «антикварный интерес» к старине и колориту родной сторонки дожил до тех времен, когда всему этому набору культурно-исторических отличительных черт придали новый, гораздо более радикальный смысл.

Потеря остатков государственности Хмельницкого воспринимается людьми, мыслящими в национальном украинском духе, как и всякая потеря национального суверенитета, с чувством своей нынешней исторической правоты, поскольку они знают, что *бывает иначе*. Их тогдашние предки не были столь однозначно в этом уверены: всевозрастающая

мощь Империи в XVIII в. была очевидной данностью, которая расширяла возможности людей, приобщенных к этому величию. Родная, но провинциальная Малороссия и величественный Санкт-Петербург – что выбрать как индивидуальную самоцель, поле для самореализации? Нужно признать за Екатериной то, что карьера *лояльных* малороссиян в имперских пределах никак не ограничивалась (причины этого мы поясним позже). Пример: дипломат, статс-секретарь императрицы, канцлер империи и светлейший князь Александр Безбородко, до того – киевский казацкий полковник, чем не образец для подражания? Однако некоторая часть той же старшины и при Екатерине мыслила широко, но при этом видела и местные перспективы; именно эти люди и сохранили историческую преемственность, ту *традицию, которой потом воспользовался, возникнув, украинский национализм.*

Наиболее яркими представителями этой группы старшины были поэт Василий Капнист, отец и сын Полетика, которые пытались добиться восстановления казачьих войск, сохранения местных прав и обычаев. Капнист даже ездил в 1791 г. к канцлеру Пруссии прозондировать позицию этой страны в случае антироссийского восстания в Украине. Вряд ли кто-то серьезно думал о таком восстании, но все же оставались люди, которые, как Капнист, считали, что «была страна давних запорожских казаков, у которых отняли все их привилегии, бросив их под ноги русским». При этом Капнист вполне легитимно является одним из классиков русской литературы XVIII в., как Тредиаковский или Ломоносов. Одним из факторов, который мог нарушать его душевное спокойствие, был вид, открывавшийся с порога его имения: растущие на холме дубы, на которых были повешены в 1709 г. казаки-мазепинцы. Подобного рода ежедневные напоминания волей-неволей влияют на отношение к миру.

Поколение людей, недовольных ущемлением прав, было воспитано на казацких летописях, в частности Самийла Величко (написанной в 1715–1728 гг.). Не имея ничего особо против российских царей, Величко, тем не менее, не делает тех далеко идущих выводов, к которым приходили летописцы церковные, ведущие лишь историю церкви и династии. Для него было актуальным «украинское пространство», а не православное. Для Величка субъектом истории является «казацкий народ», а не князья и монархи. Это пространство формируется теми землями, куда доходила казацкая сабля, и охватывало оно территории от Перемышля до Полоцка и Смоленска. *«Казацкий народ» имеет право на сопротивление нарушению исконных вольностей*. Поэтому Величко себе

позволяет в Малороссии (вскоре после Полтавы) замечать на счет Петра I следующее: «*Разорил Запорожскую Сечь... Полякам отдал потустороннюю [заднепровскую – К. Г.] Украину... изничтожил и весьма закабалил всех малороссиян шляхетского казацкого чина, так и посполитых*».

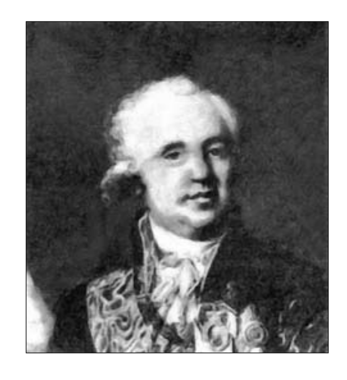
Текст Величка не был очень распространен, в отличие о труда его коллеги Григория Грабянки. Однако и тот, и другой прежде всего интересовались «казацким народом».

В первой четверти следующего XIX в. появилась анонимная «История Русов», где проводились те же мысли о нарушении договорной основы украинско-российских отношений и где впервые говорится о краже русскими своего имени у исконных «русов» – термин «украинцы» еще не был легитимен для автора.

Все это свидетельствовало об определенной преемственности. Поэтому, действительно, *не стоит говорить о прерывании процесса формирования украинской идентичности после Екатерины*, ведь поскольку идентичность такого («почти национального») уровня – продукт усилий и кругозора интеллектуальной элиты, то для подпитки идеи было достаточно лишь нескольких кружков, масонских лож или тайных обществ. Идея выжила, была подхвачена и модернизирована новым поколением, ковавшим уже с середины XIX в. современный украинский национализм.

Малороссийская (локальная левобережная) идентичность переросла в новую, более широкую «украинскую», которая начала питаться уже не от казацкой и левобережной, а от уже более широкой общеукраинской почвы.

Малороссы

Поэт и тайный сепаратист Василий Капнист и канцлер Российской империи Александр Безбородко. Каждый имел своих многочисленных последователей в украинцах следующих XIX и XX вв.

27. Появление в Северном Причерноморье Южной Украины

Сделаем маленькое отступление от ущемления Малороссии и скажем, как выросла *Украина* на юг в результате военных действий российских регулярных войск и украинских казаков на самом северном в Европе выступе исламского мира – Причерноморье.

В конце XVIII – первой половине XIX в. этническая территория украинцев, ограниченная с древнерусских времен в основном лесной и лесостепной зоной, существенно расширилась на юг и восток. Вследствие русско-турецких войн конца XVIII – начала XIX вв., ликвидации Запорожской Сечи и прекращения протектората Турции над Крымским ханством, современная Южная Украина полностью вошла в состав одного государства – Российской империи. Это создало условия для быстрого освоения малозаселенного региона, поскольку, хоть значительная его часть и использовалась до того сечевиками, но постоянное население было малочисленным. Проходило заселение в рамках и официальной правительственной, и стихийной народной колонизации, а также переселение крепостных вместе с помещиками, получившими в собственность новые земли.

Освоение нынешних южноукраинских территорий началось еще до разрушения Запорожской Сечи и присоединения Крымского ханства к Русской империи. На землях украинских казаков в 1752 г. были созданы новые административно-территориальные единицы: Новая Сербия и Славяно-Сербия (совр. Кировоградщина и Запорожье). Из Австрийской империи сюда переселилось несколько сотен сербов, венгров, болгар, валахов. В 1754 г. население Новой Сербии пополнилось за счет казаков – выходцев из Левобережной Украины. В Славяно-Сербию переселялись сербские военные отряды, украинские и русские крестьяне и казаки с целью укрепления границы со степью. С 1764 г. на территории Южной Украины было образовано Новороссийскую, а с 1775 г. – Азовскую губернии.

Российское правительство стимулировало поселения иностранных колонистов в Южной Украине, которым выделяли большие массивы лучших земель и льготы в уплате налогов и отбытии повинностей. В особенности много переселенцев прибыло в конце XVIII в., среди них преобладали болгары, сербы, греки, немцы, молдаване. Одновременно,

Кто более для матери-истории ценен в Новороссии?

Украинец Антон Головатый, отвоевывавший причерноморские земли у мусульман (и ушедший потом на Кубань), или русский Михаил Воронцов, строивший и созидавший на этих землях Одессу? А куда девать француза – Ришелье? Этот осколок исламского мира после 1791 г. начал свою историю заново, и участвовали в ней все, кто мог, – от украинцев и русских до поляков, евреев, немцев и итальянцев, и многих иных.

помещики, которые владели землями в Южной Украине, официально с 1781 г. (и без ограничений с 1786 г.) смогли переселять крестьян-крепостных из центральных губерний Украины и России.

В то же время активно продвигался и процесс народной колонизации, связанный с поселением на территории Южной Украины государственных крестьян и помещичьих крестьян-беглецов, бывших

запорожских казаков, солдат, мещан и пр. Во второй половине XVIII в. преобладал поток стихийных мигрантов из Правобережной Украины, а с конца столетия увеличилось количество переселенцев из Левобережной и Слободской Украины. Стимулировало быстрый рост населения отсутствие крепостничества и большое количество свободных земель.

На протяжении 80–90-х годов XVIII в. на территории Южной Украины российское правительство создало несколько казачьих войск из бывших запорожцев: Бугское, Черноморское, Азовское, Дунайское. Они несли охрану пограничных территорий и в то же время осваивали новые земли, создавая таким образом военно-хозяйственные поселения. Организация таких формирований была воспринята населением соседних украинских краев как восстановление былых казацких вольностей, вследствие чего эти потенциально неблагонадежные войска или расформировывали, или переселяли на Кубань (отчего половина ее стала украинской).

На новоприсоединенных территориях по официальным данным в 1773 г. проживало 107 тыс. человек, в том числе 65 тыс. украинцев, 39 тыс. русских, 2 тыс. валахов, 218 сербов, 184 грека, а также болгары, грузины, венгры, македонцы, немцы, поляки, шведы. Существенно больше потом стало греков, итальянцев, евреев. Юг стал «окном» Украины и прилегающих частей России в большой мир и мировую торговлю.

В начале XIX в. на территории Южной Украины образовываются три губернии – Таврическая, Екатеринославская, Херсонская, и Бессарабская область, которые имели наибольшие в империи показатели прироста населения. На 1851 г. здесь было 2,3 млн жителей. Несмотря на преобладание украинского населения, край стал весьма своеобразным конгломератом разных народов, что обусловило его этнокультурную уникальность, особенно в городах, которые начали бурно расти во второй половине XIX в. По пестроте этнического состава населения Одесса перегнала даже австрийскую Галицию. К освоению и развитию края приложились и европейские пришельцы-космополиты Ришелье, Де Рибас, Ланжерон, и атаман Черноморского казачьего войска Антон Головатый, и губернатор Михаил Воронцов, и многие, многие иные. Одесса была одним из центров освободительного движения греков за независимость. Наибольшей последующей утратой для этой земли стала потеря таких прекрасных хозяев, как немцы, депортированных в 1941 г. и практически назад уже не вернувшихся. Если смотреть на карту обороны Одессы 1941 г., то возникает впечатление, что местами боевые действия происходят в Германии: Петерсталь, Мариенталь, Люстдорф, Францфельд, Фрейденталь, Гросслибенталь.

До 1876 г., пока существовала должность новороссийского и херсонского генерал-губернатора с резиденцией в Одессе, Одесский край именовалась Новороссией, потом это название использовали для широкого пространства от Бессарабии до Войска Донского и Ставрополья (вспомним Новороссийск на Кавказском побережье). На протяжении XX в. это название вышло из употребления, заменившись областными.

28. Украина до национализма

Итак, подытожим исторические телодвижения древних украинцев и заметим следующее.

Искать очевидные украинские корни до появления письменных свидетельств о ранних славянах – дело бессмысленное. Поскольку до появления «письменной истории» совместить археологию и языкознание практически невозможно, то выяснить этничность древних культур крайне сложно (и не ясно, нужно ли так этого вожделеть). Преемственность археологических культур I тысячелетия «до» – I тысячелетия «после» заметна специалистам, но непонятно, какая из них какие позиции занимала в процессе распада на славян и балтов (с рубежа нашей эры), кто к ним еще примешивался (а желающих было много), как они себя называли и прочее.

Украинцы – это славяне, и мы можем их «искать» лишь по мере становления славянского ареала и его характерных частей. Данные физической антропологии говорят о том, что доминирующий антропологический тип в Среднем Поднепровье мало менялся на протяжении исторического периода; если говорить о Волыни – то это вообще архаичный «палеоевропейский тип». То есть «коренное население» жило здесь очень давно, но в языковом отношении, политическом подчинении, идентичности было более чем запутанно, «обогащено» генофондом и жаргоном всех, проходящих через украинские земли. Ясно лишь, что те люди, которые потом стали славянами, стали ими не сразу, а достаточно долго жили в будущем славянском ареале *до* формирования праславянского языка. Понятиями «отдельности украинского народа» тогда очевидно не мыслили, сообщества людей еще очень долго были явно меньшими по размеру.

Образование древнерусского государства под действием внешней силы (хазары, варяги) стимулировало процесс консолидации

Порог новой эпохи

Иван Котляревский (1769–1838). Написав свою поэму «Энеида» (издана в 1798) на разговорном народном языке, он не знал, что совершил революцию в украинской культуре и дал путевку в жизнь современному украинскому литературному языку. Российской культуре он поспособствовал участием в выкупе из крепостных актера Щепкина. Что бы там сам себе не думал Котляревский, вполне лояльный и успешный подданный Российской империи, эпоху современного украинского национализма открыл именно он.

элиты и создания общей элитарной культуры и распространения после крещения православной религии на восточноевропейском пространстве. Но мы не можем судить о том, что обычные обитатели этого государства ощущали какую-то общность, кроме религиозной (да и то не сразу). Русь была конгломератом земель, объединенным общей правящей династией, члены которой оседали «на местах» или мигрировали по семейным владениям. Русь вызревала в перспективно более локальные, но более крепкие государственные образования, явившиеся результатом местных традиций, ресурсов и успеха созидательности князей. Ее ожидала судьба франкского государства – распад на потенциально более живучие составляющие.

Про древнерусскую народность мы можем забыть как про изобретение советских кабинетных книжников. Она включала в себя максимум 10 % от тех, кто жил на русском пространстве. Остальные были нерусские – они были *местные*. Малочисленная элита действовала на пестром этническом пространстве и в обширной системе международных отношений с дальними и близкими соседями. Племенные сознания умирали медленно, а замещались земельными (тоже локальными), и процесс интеграции мог охватить лишь ограниченные территории. Этническое пространство тогдашней Европы могло вынести практически любые государственные образования (Чехия иногда простиралась до Адриатики, Венгрия перехлестывала через Карпаты и в Польшу), поскольку власти и народ обитали в разных реальностях: одни рождены править и думать о «своих пределах», другие просто себе жили, снося всех власть предержащих.

Даже в конце XVIII – начале XIX в. Русь-Украина представляла собой вполне самодостаточное, но четко не ограниченное пространство, активность жителей которого зависела прежде всего от внешних обстоятельств: захватов, войн, конфликтов. Жизнь более-менее спокойно, несмотря на разрушительное относительно городов и убийственное относительно княжеских дружин монгольское нашествие, перетекала из древнерусских княжеств в практически те же самые княжества литовско-русского государства, а потом – и в раннюю Речь Посполитую. «Клапаном» для более активного и анархического национального элемента с конца XV в. стало казачество, концентрировавшееся на степной границе.

Учитывая последующую доказательную украинскость украинцев в XIX в. (когда составили карты языков, этнических территорий и номенклатуру народов) и отсутствие значимых миграций в (и из) украинских пределов в историческое время (то есть миграции происходили, но преимущественно *в пределах все той же территории*), можно предполагать, что семь «украинских» племен от белых хорватов до северян имели комплекс общих этнокультурных признаков, позволившие впоследствии им оказаться именно «украинцами», а не русскими, белорусами, поляками или словаками. Хотя степень *лингвистической общности центральной группы славян* (украинцев, белорусов, поляков, словаков) остается существенной и до сегодняшнего дня.

Этноним «русин» распространился на достаточно ограниченный ареал южной, юго-западной и западной Руси. На далеком северо-востоке жили «русские люди», ассимилировашие впоследствии «западнославянских» новгородцев и псковичей. Разница в местных говорах проявилась в существовании диалектов (прото)украинского языка, отличия между которыми все равно не разрушают языковой общности, поскольку будущий стандартный украинский язык формировался именно на их основе (литературный «книжный», не разговорно-бытовой, уже давненько существовал отдельно).

То, что раньше не получилось общей «народности» из «белорусов» и «украинцев», живших в одном Великом княжестве Литовском, а потом – в Речи Посполитой на протяжении 400 лет, свидетельствует об отсутствии у «белорусов» своей сепаратистской элиты (которая бы «сообщила» о существовании этих самых белорусов раньше, чем в XIX в.) – в отличие от казачества (его старшины) и православной шляхты у украинцев. Была также и неудача попытки Хмельницкого самостоятельно собрать «русские земли» – если бы гетман сумел это сделать, то получился бы большой «западнорусский народ».

Политические границы влияли на жизнь традиционного общества слабовато: локальные культуры и диалекты существовали, не особо обращая внимание на политическую карту своей эпохи. Поэтому «древнерусская народность» как не могла ни образоваться вне элиты, так и не могла разрушиться: просто существовали локальные сообщества людей, имевшие черты внешней этнической близости по языковому и культурному признаку. Политические границы были значимы для политических и интеллектуальных элит, формируя их представления, традиции, поле притязаний и возможностей. Попроще были границы конфессиональные – нам очевидны православная и униатско-католическая зоны, но и они не сыграли заметной роли в этнических процессах.

Представления о «народах» и «странах» были только у образованных людей и политических классов, которые могли проследить *историческую преемственность* и возвести *исторически обоснованную идеологию* в своей политической борьбе, но они тоже жили в области мифических представлений об этом самом прошлом. Католическая шляхта происходила, как она думала, «от сарматов», православная – «от роксолан», а казаки – «от хазар»… Не знакомые с результатами будущей этнографии, не пользуясь понятием «этническая нация», государи формировали с помощью фактора силы зоны своего политического и военного влияния – и поэтому *«собирали» русские земли и литовские князья, и московские, и Богдан Хмельницкий*. Политическое пространство притязаний последнего было ограничено православными землями Речи Посполитой, поэтому в случае его успеха белорусы могли бы «показачиться», а там и того хуже… Где казак – там «Украина», синоним казачества. А казачество было сначала военным сословием, а не народом – посему могло расширяться в некотором роде почти до бесконечности.

В общем, раскладывать по полочкам хаос этнических и политических процессов в старину – дело для сегодняшнего дня неблагодарное.

Смена элит в украинском ареале (вместо князей и шляхты – казаки), совпавшая с религиозным конфликтом, породила внутриэлитный и социальный конфликт, переросший в *протонациональную форму*: революция Хмельницкого. Его революция, повторюсь, имела изначально консервативный характер, и лишь комплекс социальных, военных и политических обстоятельств, харизма лидера, наличие идеологического полуфабриката «православного народа русского» породил из нее *новую реальность гетманского государства*, опирающегося на украинское сообщество, именуемое теми же поляками «Русь». Проблемой, развалившей тогда Речь Посполитую, стал религиозный конфликт, совпавший с пиком борьбы казачества за свои сословные привилегии и печальной неспособностью элиты Речи Посполитой

пойти на компромисс*. В этой борьбе оживились представления о прошлом, которые подвели фундамент под последующий украинский национализм: «народ руський», «Великое княжество Руськое», «украино-руськая отчизна». Но все это было в арсенале представлений элиты, а не широких масс, которые больше беспокоились о личном и житейском, об узко-социальном или узко-конфессиональном и не мыслили такими масштабами.

Вполне объективный комплекс внешних угроз, неудачное геополитическое положение плюс отсутствие фортуны сделали это вполне украинское государство проблемным по причине нестабильности новой элиты, разрываемой своими противоречивыми ориентациями, вмешательством соседей и неуспешности созидания суверенитета в условиях гуманитарной катастрофы Руины.

В XVIII в. Гетманщина-Малороссия растворилась в «теле» России по ряду вполне объективных причин системного характера: значительно меньшего объема ресурсов, населения, мощи, контроля, своего технического, административного и военного отставания (правда, лишь уже с послепетровских времен), идейно-психологической неготовности элиты идти на жертвы ради собственной суверенности, что и делало в дальнейшем антироссийский сепаратизм делом и симпатией единиц.

Достижением Гетманщины стало своеобразное раздвоение: появление, с одной стороны, «малороссийского сознания» – местнического патриотизма, сочетающего в себе обрусение, стремление к российской карьере, некоторый интерес к родной старине, а с другой – утверждение «мазепинства», более просвещенной и радикальной версии протоукраинского политического сознания. С того времени и повелось, что идеологи и адепты идеи украинской независимости порой отличались более широким интеллектуальным и политическим кругозором (ибо видели украинскую ситуацию в более широком историческом контексте), а сторонники автономизма в пределах России – провинциализмом и политическим догматизмом, хотя могли взлететь до чиновничьих вершин Российской империи. Порою было проще и приятней начать мыслить категориями «великой России», нежели маленькой Малороссии.

Обе версии национального «политического духа» можно было использовать в новых реалиях приходящего XIX в., когда этнографически и лингвистически обнаружится «отдельный украинский народ» и возникнет

* В прекрасном фильме польского режиссера Ежи Гофмана «Огнем и мечом», не оцененном по достоинству многими представителями украинской патриотической интеллигенции, есть резюмирующий эпилог событий той эпохи (вырезанный в российском прокате), который я постараюсь приблизительно воспроизвести. Действие происходит в 1648–1649 гг. во время войн Хмельницкого. Между собой воюют поляки, казаки и татары, конфликт между ними разрастается. И эпилог: «В конце XVIII в. Россия овладела землями Украины, разделила Речь Посполитую и захватила Крым».

национальная идеология, ориентированная на создание из народа нации. Украинская элита фактически осталась лишь в Левобережной Малороссии и активно ассимилировалась в российском дворянстве. Однако традиции шляхетских вольностей остались одними из любимых в просвещенной среде малороссов. Народ безмолвствовал, но оставался той вещью-в-себе, которая будет определена в XIX в. как украинская нация, простирающаяся от Карпат до Кубани. Ее только надо было «завести», разбудить.

Для скорого возникновения местного национализма, при вызревании европейской интеллектуальной моды на это идейное, культурное и политическое течение *вполне хватало дремлющих до поры объективных факторов*: этническая непохожесть украинцев на своих соседей (даже если они сами и не декларировали свою общность или отдельность), традиция государственности Руси и галицкого короля Данила, локальных княжеств времен Литвы, эпос и исторический опыт казачества, государственность Хмельницкого и договорный характер отношений гетманов с Россией. Любой вектор этих составляющих можно было развернуть и развить в уже современные национальные идеологические конструкции. Исторических и социальных ресурсов хватало на разнообразные перспективы.

И наконец, я добавлю кое-что из строк графа Алексея Константиновича Толстого (1817–1875), правнука Кирилла Разумовского, который хорошо умел отразить ностальгию малороссов XIX в.:

Ты помнишь ночь над спящею Украйной,
Когда седой вставал с болота пар,
Одет был мир и сумраком и тайной,
Блистал над степью искрами стожар,
И мнилось нам: через туман прозрачный
Несутся вновь Палей и Сагайдачный?...

Ты знаешь край, где Сейм печально воды
Меж берегов осиротелых льет,
Над ним дворца разрушенные своды,
Густой травой заросший вход,
Над дверью щит с гетманской булавою?..
Туда, туда стремлюся я душою!

СОВРЕМЕННЫЙ УКРАИНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ: СТАНОВЛЕНИЕ

Здесь мы рассмотрим зарождение и становление современного украинского национализма на протяжении XIX века. В своем изначальном ресурсе он имел за собой политические традиции казацкой Гетманщины-Малороссии, которые поддерживались в кругах потомков казацкой старшины, и огромную «этнографическую массу» (достигавшую 20 миллионов человек) неграмотного украинского населения с неопределенной идентичностью, разделенную между двумя империями – Российской и Австрийской.

В процессе становления научной этнографии и языкознания были очерчены территориальные пределы украинской самобытности, во многом совпадающие с территорией современной Украины. С конца XVIII в. повторялись попытки развития литературного украинского языка, опирающегося на живую разговорную речь. Усилия историков вычленили и сформулировали представления об отдельном украинском историческом процессе*, отдельной исторической судьбе.* Культурно-просветительская деятельность национальных «будителей» инициировала (с разной успешностью) процесс *распространения национальной идентичности* в интеллигенции и народных массах обеих империй.

Несмотря на ограничительные меры в Российской империи, на рубеже XIX–XX вв. национальное движение переросло из культурной фазы в политическую. Идеологические ориентации украинского национализма клонились в сторону социализма и демократических ценностей. Ограничения

со стороны российских властей способствовали перемещению в австрийскую Галицию центра национально-освободительного движения. На рубеже веков выделяют *первую фазу реализации национальной программы – формирование и обоснование лозунгов политической автономии (минимум) и независимости (максимум).*

Первая мировая война привела к кризису многонациональных империй и создала условия для реализации идей национального самоопределения их народов. Новый XX в. подверг формирующуюся нацию жестоким испытаниям.

1. Российская империя: от государства династического к национальному

Прежде чем показать, как взрастало то украинское движение, которое модернизировало давние локальные идентичности и исторические представления в национальное самосознание, имеет смысл объяснить, что же собой представляла «национальная сущность» Российской империи, которой это движение постоянно пыталось противостоять – в скрытых и явных формах.

Давайте посмотрим, каким был «украинский» XIX в. на Большой (подроссийской) Украине. Для этого обратимся к работам Андреаса Каппелера, Алексея Миллера, Алексея Толочко и Владислава Верстюка*. Многие данные здесь оценки национальной политики Российской империи (особенно Каппелера и Миллера) могут не понравиться некоторым пылким украинским патриотам. Однако замечу, что выводы этих авторов мало что меняют

* Каппелер А. Россия: многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. – М., 1996.

Миллер А. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). – М., 2001

Верстюк В., Горобець В., О. Толочко. Україна і Росія в історичній ретроспективі. Українські проекти в Російській імперії. – К., 2004.

Каппелер А. Образование наций и национального движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет / Составили П. Верс, П. Кабатов, А. Миллер. М., 2005

Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи. // Россия–Украина: история взаимоотношений// Отв. Ред. А. Миллер, В. Репринцев, Б. Флоря. М., – 1997.

в очевидном круге проблем украинского национализма – они лишь выводят взгляд на него за пределы исключительно украинского контекста.

Итак, пойдем за логикой размышлений австрийского автора Андреаса Каппелера. В Российской империи, как и в других многонациональных государствах, до новейшей эпохи такие этнические факторы ,как язык и культура, а также как правило, даже религия, играли *подчиненную роль*. Важнейшими элементами легитимации и организации являлись государь и династия, сословный порядок общества и имперская идея. Лояльность по отношению к государю и империи и сословная принадлежность имели гораздо большее значение, чем принадлежность к этнической или конфессиональной группе.

Тем не менее, с точки зрения имперского центра более сотни этнических групп царской империи, зафиксированных в переписи 1897 г., не обладали равными правами. Они оценивались по определенным критериям и были выстроены по иерархии, игравшей большую роль в царской политике.

Андреас Каппелер выделяет три такие иерархии. Критерием оценок для одной была политическая лояльность, для второй – сословно-социальные факторы, третья выстраивалась по культурным критериям, таким как религия, жизненный уклад и язык. Все три иерархии влияли друг на друга. Они не были статичны и изменялись в течение столетий. Менялось как положение отдельных этнических групп в этих иерархиях, так и реальное значение самих иерархических структур. Эта модель трех иерархий не дает конкретной, определенной картины, а носит обобщающий характер, полезный для принципиального понимания того, что происходило.

Лояльность подданных по отношению к государю и правящей династии – основной стержень Российской империи. Безопасность власти и социально-политическая стабильность являлись приоритетами для Центра. Поэтому лояльность нерусского населения окраин имела для царского правительства первостепенное значение. Положение этносов в четко несформулированной иерархии зависело от степени их лояльности (действительной или предполагаемой). Так, например, большинство кочевников, а позднее поляков и евреев считались ненадежными подданными, в то время как к прибалтийским немцам, финнам и армянам до середины XIX в. относились как к верным слугам царя.

В XVII – первой половине XVIII вв. украинцы воспринимались Москвой и Петербургом как ненадежные казаки («черкасы»). Казаки, по крайней мере определенная их часть, были связаны со степью и потому считались бунтовщиками и потенциальными предателями, как и калмыки, крымские

татары и другие кочевники. Частые колебания Богдана Хмельницкого и его наследников в политической ориентации между Россией, Речью Посполитой, Крымским ханством и Османской империей лишь усиливали подобное недоверие. С начала XVIII в. Центр считал значительную часть украинцев нелояльными сепаратистами-мазепинцами.

Недоверие центра к украинской элите уменьшалось по мере постепенной интеграции высших слоев бывшей Гетманщины в русское дворянство. С середины XVIII в. многие представители старшины – например, К. Разумовский, О. Безбородько, П. Завадовский и В. Кочубей – состояли на службе у государынь и государей России. Казаки-бунтовщики и мазепинцы постепенно превращались в малороссов, верных служителей династии. Так, в первой половине XIX в. в общественном сознании России стал преобладать положительный образ малороссов, воспринимавшихся как колоритный вариант русского народа. Несмотря на повышение статуса высших слоев Гетманщины в иерархии лояльности благодаря их успешной интеграции в высшие круги русского общества, на исходе XIX в. был возрожден образ предателей-мазепинцев, чтобы скомпрометировать представителей украинского национального движения и соединить их в общественном мнении с поляками или австрийцами, т. е. иностранной враждебной интригой.

В середине XIX в. в самом низу иерархической лестницы политической лояльности находились поляки, евреи, крымские татары, народы Северного Кавказа, а наверху – финны, прибалтийские немцы и армяне. Три последних народа в последней четверти XIX в. один за другим потеряли репутацию верных слуг царя и скатились с пирамиды лояльности. Связано это было с распространением в их среде национальной идеи. Украинцы вновь спустились по ступеням иерархической лестницы. Это было следствием *первых политических требований*, выдвинутых украинским национальным движением. Сыграл роль и тот факт, что украинцы зачастую рассматривались в тесной связи с поляками, с которыми после восстания 1863 г. ассоциировался образ «предателей». Неслучайно вполне умеренные требования украинского национального движения получили название «польской (или иезуитской) интриги».

Ключевым принципом, гарантировавшим с XVI в. целостность Российской державы, была кооптация (включение) нерусских элит в высшие круги империи. Это соответствовало основной сословной структуре царской империи и ее важнейшему политическому стержню – союзу правящей династии и дворянства. Образцом служило русское дворянство, зародившееся в Московском государстве и упрочившее свои позиции в XVIII в.

Поэтому решающее значение для иерархического деления постоянно растущего числа нерусских этносов имело наличие у них собственной элиты, вопрос о ее лояльности к царю и соответствии модели русского дворянства. Если эта элита владела землей и крестьянами, обладала самобытной признанной *высокой культурой*, она признавалась равноправной с русским дворянством и занимала вместе с русскими высшие ступени в иерархии.

Еще в XVI в. лояльная мусульманская элита волжских татар (не подвергшихся уничтожению и не бежавших) была кооптирована в дворянство империи, ей даже были пожалованы русские крепостные крестьяне-христиане. Следующими стали: в XVII в. – полонизированная шляхта Смоленска, в XVIII в. – дворяне-прибалтийские немцы и польская шляхта, в XIX в. – финляндско-шведское, румыно-бессарабское и грузинское дворянство, а также, с определенными ограничениями, мусульманская аристократия Крыма, Закавказья и некоторых этносов Северного Кавказа. В последней же трети XIX в. мусульманская аристократия Средней Азии уже не кооптировалась в дворянство империи.

В принципе русские дворяне не имели каких-либо преимуществ по сравнению с нерусскими интегрированными дворянами, так же как и русские горожане и крестьяне, поставленные в правовом и социальном плане даже в худшие по сравнению с некоторыми нерусскими условия.

Нерусской аристократии было гарантировано сохранение ее привилегий, веры и земельных владений (вместе с крестьянами), а с течением времени ее статус пришел в соответствие со статусом русского дворянства. В ответ они, как и русское дворянство, состояли на царской службе, военной или гражданской, и обеспечивали социально-политическую стабильность в своих регионах. Принцип кооптации сохранялся до середины XIX в. Тот факт, что среди кооптированной верхушки были неправославные и даже нехристиане, свидетельствует о том, что *царская автократия большее значение придавала сословному фактору, нежели православию и народности*.

Если кооптированная знать проявляла нелояльность к царю или подозревалась в этом, правительство, разумеется, отзывало часть привилегий. В первую очередь это затронуло поляков после восстаний 1830–1831 и 1863 гг. Такая реакция была логичной, т. к. лояльность по отношению к государю и правящей династии была необходимым условием союза с элитами.

Таким образом, иерархия, основанная на сословных критериях, и иерархия по степени лояльности были взаимосвязаны.

На следующей ступени в социальной иерархии стояли этнические группы, *высший слой которых не соответствовал модели русского дворянства*. Этим высшим слоям также были гарантированы привилегии и определенные права самоуправления, однако они не признавались полноценными, равноправными с русскими дворянами, и потому за исключением некоторых высокопоставленных вельмож не были включены в дворянство империи. В XVII и XVIII вв. к этой группе прежде всего относились этносы периферийных регионов Востока и Юга империи, кочевники – башкиры, калмыки, буряты и в XIX в. казахи.

В XVII в. украинцы Гетманщины и их казацкие старшины рассматривались Москвой непосредственно в их связи со степью и могли в ту эпоху оказаться на этой второй иерархической ступени. Элиты этносов этой категории, по сути, имели две перспективы: они либо добивались признания как дворяне, либо опускались до состояния государственных крестьян или инородцев. По мере того как украинские казацкие высшие круги шли первым путем и постепенно становились «малороссами», имперский центр все менее склонялся в XIX в. к признанию равноправными партнерами кочевых элит. И эта вторая ступень постепенно исчезала из иерархии.

Этнические группы, не имевшие собственной элиты, как правило, не могли стать партнерами царской империи. Правда, это лишь отчасти относилось к диаспорным группам евреев, армян и греков, в XIX в. – волжских татар. Все они составляли средний городской слой и имели самостоятельные религиозные организации. Царская империя длительное время была вынуждена ориентироваться на специфические экономические роли этих групп и потому сотрудничала с ними. По этой причине их элиты были интегрированы не в дворянство, но в высшие городские сословия. Богатые купцы, высокопоставленное духовенство в определенной степени могли взять на себя исполнение роли дворянской элиты, выступив в качестве сотрудника и партнера империи. Эти группы поэтому можно поставить на третью ступень сословной пирамиды.

На четвертом уровне находились некоторые этносы, проживавшие на севере и востоке. Они не имели собственного дворянства и состояли большей частью из крестьян, не зависевших, однако, от землевладельцев других этносов. Это относится к чувашам, мордве, черемисам, вотякам, коми-зырянам, якутам и прочим этническим группам Сибири, а также некоторым горным народам Кавказа, например, чеченцам.

Нижнюю ступень имперской иерархии занимали *этнические группы, находившиеся в зависимости от элит других народов*. Их значительную

часть составляли крестьяне. Речь идет, наряду с вышеупомянутыми этносами четвертой ступени, о группах, описываемых исследователями национализма как «малые» или «молодые» народы, не имеющих ни собственной элиты, ни непрерывной государственной традиции, ни развитого языка, ни высокоразвитой культуры. В Российской империи к этой категории принадлежали финны, эстонцы, латыши, литовцы, белорусы и *украинцы, относившиеся к Речи Посполитой до ее разделов.* Долгое время эти крестьянские народы не рассматривались центром как самостоятельные этнические группы и субъекты политики, но воспринимались только в контексте отношений с владевшим ими дворянством. Такая опосредованность привела к тому, что имперский центр длительное время соединял в своем представлении эстонцев и латышей с прибалтийскими немцами, а литовцев, белорусов и правобережных украинцев – с поляками.

Сословная иерархия – от этносов с поместным дворянством до земледельческих народов, не имевших собственного среднего и высшего слоя, – представляла важный структурный элемент царской империи. Она, прежде всего, определяла иерархию культур и языков. В связи с этим считалось, что *высокоразвитой культурой и языком могли обладать только этносы с собственной аристократией* – поляки, финские шведы, прибалтийские немцы и татары, с некоторыми ограничениями – евреи, армяне и грузины. *Языки прочих народов, зачастую долго не имевших письменных стандартов, среди них и украинский, официально не признавались.*

Характерно, что *украинцы изначально располагались на двух разных ступенях этнической иерархии*: украинцы казацкой Гетманщины – на второй, а остальные украинцы (правобережные), лишь в конце XVIII в. попавшие под русское владычество, – на последней. Высшие круги казачества в конце XVIII в. добились кооптации в дворянство империи и тем самым теоретически создали предпосылки для восхождения на первую ступень пирамиды. Происходившая одновременно *постепенная утрата собственной культуры казачьим дворянством привела, однако, к тому, что малороссы перестали восприниматься центром как самостоятельная этническая группа.* Но поскольку к малороссийскому дворянству (равноправному теперь с русским) все чаще стали относиться как к русскому, *все украинцы бывшей Гетманщины воспринимались как региональный вариант русских, что вообще лишило их собственного места в этнической иерархии.* Если бы их признали самостоятельной этнической группой, они скатились бы на нижнюю ступень, как крестьянский народ, покоренный чужой (русской) элитой. Этому способствовало то, что с разделами Польши большое число украинцев попало под русское господство, украинцев, прежде

в большинстве своем находившихся в зависимости от польского дворянства и потому стоявших на последней ступени, занимаемой крестьянскими народами. Таким образом, *в XIX в. в глазах русских массы украинцев стали «хохлами», прототипом нецивилизованного крестьянина.* Они перестали быть прямым объектом царской политики и воспринимались как сфера компетенции доминировавшей в регионе польской или, соответственно, русской, либо русифицированной, элиты.

Культурная иерархия этносов Российской империи определялась степенью инаковости, непохожести, основанной на различиях жизненных укладов, религии и языка/культуры. В XIX в. ее можно представить в виде системы концентрических кругов, расходящихся от центрального круга русских вовне ко все более чужому.

Подданные государя вначале были юридически разделены на две группы: природные («натуральные») подданные и инородцы. Со времен реформ Сперанского (начало XIX в.) к инородцам относилось неоседлое население империи, т. е. кочевники – калмыки, казахи, буряты и другие этносы Сибири. Критерием разграничений здесь служил жизненный уклад. Кочевники-инородцы не были полноправными гражданами Российской империи, права их были ограничены, но, с другой стороны, их обязанности были также незначительны, к тому же они имели определенные права самоуправления.

Этот принцип впоследствии нарушился, когда к юридической категории инородцев были причислены евреи, не получившие при этом освобождения ни от налогов, ни от несения службы (например, рекрутской повинности). Если и не формально, то на практике инородцами считались и оседлые мусульмане Туркестана; их статус туземцев во многом соответствовал статусу кочевников Средней Азии. Таким образом, во второй половине XIX в. оценка кочевого образа жизни как отсталого с точки зрения цивилизации перестала быть основным критерием, определяющим принадлежность к инородцам. Таким критерием стала иная «раса».

Инородцы, составлявшие внешний круг культурной иерархии Российской империи, были этносами, считавшимися неспособными к интеграции по причине своеобразия культуры и расы. Потому их вычленили из массы природных граждан и дискриминировали. С другой стороны, и интеграционное давление на них было невелико.

Следующий круг от края к центру определялся противопоставлением «христиане – нехристиане». Религиозный критерий в иерархии этносов давно уже стал играть известную роль. В первой половине XVIII в. проводилась даже насильственная христианизация, однако со времени

царствования Екатерины II нехристиан, проживающих в Российской империи (за исключением евреев), в широких масштабах больше не трогали. Было гарантировано свободу нехристианских вероисповеданий; неправославным была запрещена только миссионерская деятельность. Государство пыталось контролировать иноверцев, создавая официальные учреждения. Круг оседлых нехристиан, не причисленных к инородцам, состоял из некоторых мусульманских этносов – волжских татар, башкир, крымских татар и мусульман Кавказского региона. В то же время остатки народов Севера и Сибири, исповедовавшие анимистические верования, а также буддисты и евреи принадлежали к внешнему кругу инородцев. Итак, второй круг в значительной степени охватывал этносы, верхние слои которых были частично интегрированы в дворянство Российской империи. Во второй половине XIX в. царское государство почти не прикладывало усилий, чтобы обратить мусульман империи в христианство или русифицировать их в языковом аспекте.

Следующий круг ближе к центру составляли неправославные христиане. Европеизированная официальная Россия гарантировала отправление других христианских исповеданий и признавала их церковные организации. Запрет был наложен только на миссионерскую деятельность. Православная церковь лишь спорадически пыталась заниматься миссионерством среди неправославных христиан. Все это, в первую очередь, относится к этносам с собственной землевладельческой или городской элитой – к грегорианцам (армянам), католикам (полякам) и лютеранам (финнам и прибалтийским немцам). Напротив, среди народов, состоявших преимущественно из крестьянских нижних слоев, – эстонцев, латышей, литовцев и белорусских католиков, – в XIX в. православная церковь неоднократно проповедовала. Униаты белорусы и украинцы вообще не признавались католиками, а считались отпавшими от православия еретиками. Поэтому их церковная организация была распущена в 1839 г. и окончательно запрещена в 1875 г.

С 60-х годов XIX в. царское правительство постепенно вводило ограничения в отношении церквей и духовенства некоторых неправославных христианских этносов, после чего частично перешло к языковой ассимиляционной политике. В первую очередь это затронуло поляков (а с ними – и литовцев), что явилось реакцией на январское восстание 1863 г. и только в конце XIX – начале XX вв. последовали ограничительные меры по отношению к лютеранской церкви и немецкому языку в прибалтийских провинциях и к армянской церкви и ее школам.

Русификация и распространение православия были вызваны не только культурно-религиозными соображениями – здесь сыграл роль и *критерий политической лояльности*. Представления о недостаточной лояльности некоторых нерусских этносов, подозревавшихся, к тому же, в подрывных контактах с иностранными державами, породили введение ограничений националистического характера. По немцам, например, ударило образование немецкого Рейха в 1871 г., ставшего вскоре геополитическим соперником России.

Православные этносы империи составляли три внутренних круга. Конфессионально они были теснее связаны с государем, правящей династией и империей – православие еще с начала XIX в. провозгласили одним из трех ключевых принципов, на которых стояло самодержавие. Православная церковь была признана «ведущей и правящей» в Российской империи. Только она имела право на миссионерскую деятельность, а отпадение от православной веры до 1905 г. строго запрещалось под угрозой уголовного преследования.

Центром в системе концентрических кругов был, понятно, круг православных славян. Официально *понятие «русский народ» объединяло всех восточных славян, а великороссам, малороссам и белорусам отводилась лишь категория «племен»*. Украинский и белорусский считались наречиями, а не языками, как русский. Потому ни письменность, ни высокоразвитая культура украинцев и белорусов, как и их элиты, не признавались самобытными.

Противопоставление русских и украинцев стало проблемой с началом украинского национального движения, в эпоху *возникновения во второй половине XIX в. современного русского национализма. Если русская нация в представлениях русского национализма объединяла всех восточных славян, то* ***формирование нации и национальное движение украинцев, самой крупной по численности после русских этнической группы империи, непосредственно угрожало целостности русской нации****. Это стало причиной особенно жестокого преследования деятельности украинцев в области языка и культуры, что повлекло за собой запреты украинского языка 1863 и 1876 гг. (Выделение мое. – К. Г.)* В первом указе (Валуевский циркуляр) очевидна его антипольская направленность. Как говорилось выше, правобережные украинцы, белорусы и литовцы с давних времен рассматривались в их связи с польской элитой; их культурные устремления трактовались как «польская интрига», а языковые запреты должны были охладить и мятежных поляков. Антипольская направленность удара подчеркивается тем, что

ограничения коснулись не только украинского и белорусского языков, но и литовского, например, запрет «латинско-польских шрифтов» в сочинениях на литовском языке.

Несмотря на репрессивную языковую политику, *до начала XX в. украинцы не находились в центре внимания.* Чаще всего правительство и общественность относились к ним как к лояльным малороссам, либо бесхитростным крестьянам, хохлам. Русское правительство не верило, что украинцы в состоянии собственными силами сформировать нацию, ему казалось, что они способны быть только орудием в руках врагов России. Если из Малороссии исходила опасность, то виновны тому были, прежде всего, не украинцы, а Польша и позднее Австрия, преследовавшие, как считалось, цель превратить малороссов в мазепинцев.

Украинцы и белорусы, подвергавшиеся жестоким репрессиям как этносы, в то же время в гораздо меньшей степени дискриминировались как отдельные личности, если сравнивать с этносами внешнего круга. Украинцам и белорусам, официально считавшимися русскими, в принципе была открыта любая карьера – при условии, что они владеют русским языком. Не было препятствий и у детей от смешанных браков русских и украинцев. Таким образом, *украинцы не вычленялись и не ущемлялись ни по конфессиональным, ни по расовым соображениям.* Это, однако, не означало, что украинский язык и культура и украинский этнос как общность снискали глубокое уважение в империи. Напротив, их самобытность не признавалась, а их противники высмеивали их как хохлов, либо боролись с ними как с мазепинцами. Граница между центральным кругом великороссов и вторым кругом прочих православных восточных славян в XIX в. была нечеткой. Как говорилось выше, с официальной точки зрения имели место различия между племенами и наречиями, которые, однако, становились столь заметны, что вопрос об этом задавался во время переписи населения 1897 г. В этой переписи фигурируют отдельно великороссы, малороссы и белорусы.

То, что украинцы-малороссы в отличие от большинства представителей невосточнославянских, соответственно неправославных, этносов (например, поляков или евреев), признавались правительством и обществом принадлежащими к русской элите, увеличивало привлекательность восхождения по линии ассимиляции. Тем более, что в XIX в. самобытные украинцы – по сути, крестьяне, сохранившие свои отличительные этнические черты, – находились на нижней ступени иерархии и на них смотрели как на хохлов. Образ необразованного, неполноценного крестьянского народа был принят и некоторыми украинцами.

Как пишет Андреас Каппелер, они могли преодолеть свой комплекс неполноценности, только войдя в русскую общность и восприняв ее высокую культуру.

Все это было фоном, на котором некоторые украинцы, называемые украинской национальной стороной, тоже пренебрежительно «хохлами», переходили в более высокий социальный класс. Они делали карьеру в России и соединяли лояльность по отношению к императору и государству и приверженность русской развитой культуре с лояльностью к Украине и ее традициям. Эту важную группу, *трудно поддающуюся анализу по источникам и потому систематически почти не изучавшуюся*, составляли в большей или меньшей степени русифицированные украинцы. С украинской национальной точки зрения они считались коллаборационистами, «малороссами» в уничижительной трактовке этого слова. При этом часто забывали, что царская *империя даже в последние десятилетия своего существования не была мононациональным государством* и стояла на традиционных основах *династического сословного многонационального государства*. Для этих основ ничего необычного не было в многонациональности и лояльности. Не было необходимости в отождествлении себя исключительно с русскими, поляками или украинцами; достаточно было лояльности к государству, что в любом случае означало и отказ от нелегальной деятельности, такой как, например, украинофильская агитация. Другая возможность социального восхождения заключалась в принадлежности к «контрэлите» революционного движения, что опять-таки приводило к частичной русификации – поскольку русский язык был «рабочим» для революционеров.

Не все из частично русифицированных и перешедших на более высокую социальную ступень, разумеется, становились русскими. Их идентификацию можно обозначить как *ситуативную*: ситуация в Российской империи в последние годы ее существования требовала принятия русского языка и развитой культуры. Когда после 1917 г. ситуация изменилась, многие малороссы вспомнили о скрывавшейся под русифицированной поверхностью своей украинской сути и стали сторонниками и даже министрами Украинской Народной Республики, Украинской Державы гетмана Павла Скоропадского, а позже частично украинизированной в языковом отношении Украинской Советской Республики.

Около 1900 г. критерии политической лояльности и культуры к империи ужесточились в результате усиления русских националистических настроений. По примеру европейских национальных государств (опирающихся на свое этническое ядро) в России популярна точка зрения, что признание государства должно быть тождественно вероисповеданию.

Неправославные и нерусские, число которых увеличивалось не только за счет поляков и евреев, но и армян, российских немцев, считались изначально ненадежными и выделялись из русского общества понятием «инородцы» (в данном случае – не юридическим, а политико-идеологическим) из круга «натурального» населения империи. Правительство следовало в этом националистическом направлении, набиравшем силу из-за внешнеполитической напряженности с конкурирующими великими державами, чтобы использовать его для стабилизации власти внутри страны. Оно делало это, однако, непоследовательно и достигло своей цели лишь отчасти и ценой продолжавшегося отчуждения большой части нерусского населения, составлявшего в 1897 г. по меньшей мере 57 % общего населения.

Резюмируя свои вышеизложенные размышления, Андреас Каппелер делает следующие выводы. Положение украинцев в социально-политической системе Российского государства в XIX в. было неоднозначным. Царское правительство и русское общество считали их: 1) хохлами; 2) малороссами; 3) мазепинцами. Украинские крестьяне, продолжавшие жить в традиционном украиноговорящем мире, оставались доброжелательными, безобидными, даже колоритными в своих танцах и песнях, но в целом некультурными, глупыми хохлами. Украинцы, вступившие на путь социального восхождения и определенной интеграции в русское общество, т. е. малороссы, считались, несмотря на некоторые языковые и культурные особенности, частью русского народа. Немногие украинцы, хотевшие развивать собственную самобытную культуру и к тому же создававшие национальные союзы и партии, наталкивались на непонимание в русском обществе: и почему это они хотят отделиться от великой русской культуры и нации, предпочитая провинциальную крестьянскую культуру? Для большинства русских, как правило, украинцы становились опасными нелояльными мазепинцами только в связи с польским национальным движением или с австрийской внешней политикой. В последние годы перед началом Первой мировой войны высказывалось мнение, в частности Петром Струве, что «украинофилы» могут представлять опасность для целостности империи и русской нации.

Какие же общие выводы можно сделать, характеризуя царскую империю и русско-украинское взаимодействие?

Иерархии в зависимости от политической лояльности и сословий являлись определяющими структурными элементами Российской империи и не потеряли значения до самого ее конца. Они были дополнены и в какой-то степени даже перекрыты культурной иерархией этносов, роль которой возросла во второй половине XIX в. Учитывая

взаимовлияние всех трех постоянно менявшихся иерархий, можно сказать, что сложная структура многонационального государства и традиционная политика правительства вместе с новыми элементами и отнюдь не целостная, *не поддается одномерным определениям*. Царская держава не была просто «тюрьмой народов», как считал Ленин и национальные историки. Ключевое понятие «русификация» неадекватно описывает разнообразную национальную политику. Русская империя не была классическим колониальным государством, как часто утверждают. Украинцы – вовсе не народ, соединенный вечной дружбой с русскими, но и не дискриминированный во всех отношениях, угнетаемый колониальный народ. Но и русские тоже не были типичным имперским «народом-господином».

От себя добавим, что противоречивая в данном случае сущность Российской империи состояла в том, что в отличие от других европейских государств в России не было даже примитивных демократических институтов (не говоря уже о традициях), которые бы склоняли к мобилизации (современными терминами) «электорального ресурса». Обычное бесправие (как и всех) или плохое материальное положение этнических русских не компенсировалось для них возможностью социальных изменений или политических реформ. Душевный комфорт представителей «господствующей нации» диктовался не ее бóльшими правами или возможностями, а ощущением причастности к судьбе великой державы. Поэтому неудивительно, что наряду с разными обычными формами социального протеста получают распространение «погромные настроения», видящие угрозу мощи государства не в бесправии подданных, а в интригах инородцев. Утешительное великодержавие было сродни «бремени белого человека», которое делало англичанина, неудачника на родине, «белым человеком» в колониях. Только в России не существовало морских преград, которые бы вынесли эту форму расизма за пределы «метрополии». В континентальной империи, где было абсолютно непонятно, где заканчивается «метрополия» и где начинается «колония», где «еще Россия», а где «уже не Россия» (Польша, Кавказ, Туркестан – это Россия или нет?), – все эти «фобии» и «мании» клокотали в самом ее нутре. Города были ячейками «русскости», а вокруг них жили «инородцы», этнические группы обитали вперемешку и чересполосно, поэтому на одном пространстве схлестывались национализмы «угнетающих» и «угнетенных». В условиях последующих политических и социальных катаклизмов XX в. великодержавие как бессмертный смысл социального бытия русских

(и обрусевших) людей оставалось последней мотивацией, оправдывающей любые жертвы. Побеждал обычно более многочисленный и подготовленный к борьбе. Это великодержавие принимало личины то «православия, самодержавия, народности», то тоталитарного коммунизма, то современной идеологии «мы заставим с собой считаться» – суть его от этого мало менялась.

Обратимся теперь к оценке Андреасом Каппелером политики «русификации». Важнейшей ее причиной стало возникновение национальных движений – как нерусских, так и русского. Они подрывали традиционную легитимацию царской державы и давали правительству повод в условиях усиливавшегося политического и социального кризиса в первую очередь поставить на национальную карту, стремясь интегрировать дрейфующее в разные стороны русское общество. Правда, и эта политика продвигалась мелкими шажками и проводилась непоследовательно – сначала против мятежных поляков и только затем (и с меньшей интенсивностью) против прибалтийских немцев, армян, и финнов. Подчеркнем выводы цитируемого исследователя: *результаты политики русификации были обратные, и агрессивная русификация этносов, уже осознавших себя в национальном плане, сильнее активизировала национальные движения.*

Так же дифференцировано, по убеждению А. Каппелера, нужно применять к царской империи понятие «*колониализм*». Большинство азиатских областей империи были, бесспорно, колониями: либо экономическими, как Туркестан, либо поселенческими, как Сибирь. Проживавшие там этносы находились на нижних ступенях сословной и культурной иерархий, на большой территориальной, социальной, культурной и расовой дистанции от русского имперского центра. С другой стороны, находившиеся под владычеством центра и, по меньшей мере, частично управляемые извне северо-западные окраины империи – Финляндия, прибалтийские провинции и Польша – *в экономическом и культурном плане были значительно более развиты, чем русский центр, и потому не могут быть названы колониями*. Не углубляясь в терминологическую дискуссию с А. Каппелером, от себя заметим, что классическое определение «колонии», взятое из практики западных морских колониальных империй, возможно, и не подходит к российским условиям – но! Политико-правовые определения, конечно, очень важны, но представление о своем «колониальном статусе», если оно уже сформировалось в представлении этнической группы, уже делает ее родную землю колонией если

не де-юре, то де-факто. Для формирующейся нации юридические аргументы могут играть весьма незначительную роль, поскольку для нее это – мало принципиальный вопрос. Например, не столь существенно, признают ли международные институции голод 1932–1933 гг. в Украине именно «геноцидом» с формальной точки зрения. Важно то, что украинцы его считают именно таковым. В этом состоит как минимум их моральная позиция.

Эти замечания вполне могут выразить мое отношение к тезису А. Каппелера, что «*Украина... не была классической колонией Российской империи*». Отсутствовали как пространственная, культурная и расовая дистанции, так и правовая дискриминация украинцев по сравнению с русскими. Понятие «внутренней колонии» тоже не представляется Андреасу Каппелеру адекватным для характеристики русско-украинских отношений в Российской империи. Несмотря на то, что в отношениях русского центра и украинской периферии очевидны элементы экономической зависимости, эксплуатации и ущемления культуры, слишком многое говорит против применения понятия «колония». Например, то, что царский центр видел в Украине часть матушки-России и, как было сказано выше, не дискриминировал украинцев как отдельных граждан по сравнению с русскими.

От себя добавим, что для России было актуальным различие «исконных земель» и «присоединенных»; и даже сама мысль о том, что Украина – колония, а не «исконно русская земля», сразу бы разрушила всю систему исторических представлений, на которых держался весь образ «Руси-России». Поэтому украинцы как некий реальный коллективный субъект для Петербурга просто не существовали – да и не могли существовать. Как справедливо считает А. Каппелер: «дабы избежать девальвации понятий, использование терминов "колониализм", "колониальный", "колония", должно ограничиваться классическим колониализмом, которого на Украине не было». Размывать понятия, с научной точки зрения, конечно, не стоит – но все равно те реальные дискриминации украинцев, которые автор упоминает, надо как-то объяснять и называть... Поэтому общественные споры о том, как «обозвать» это реальное явление, – небеспочвенны. «Закрыть» эту тему никак не получится, даже с необходимым уважением к научным понятиям. Придется кому-то, видимо, придумать новый термин, который характеризует предыдущее состояние нации, что на сегодняшний день очень похоже на «постколониальное»...

А теперь, обрисовав обстоятельства деятельности украинского национального движения, перейдем к нему непосредственно. А предшествовало ему…

2. Новое открытие украинцев

Для того чтобы вообще поставить вопрос, является ли украинский народ чем-то «отдельным», нужно для начала с самим народом разобраться, изучить его и сделать вывод, что исходя из всяких разнообразных критериев – что он существует и заслуживает посему некой отдельной доли, то бишь самоопределения (в самом широком смысле).

Киевский историк Алексей Толочко* начинает изложение процесса обнаружения наукой XIX в. «отдельных украинцев» с появления в России европейской моды на паломничества («туры») по всяким важным для культурного человека древним местам. Западные европейцы посещали с этой целью античные руины Италии и Греции. Приход романтизма в начале XIX в. сделал акцент на человеческом эмоциональном начале, глубоких внутренних переживаниях (вопреки сухой ироничной рациональности XVIII в.), почитании страстей и чувств, возвышенных деяний минувших дней. Эпатажные порывы лорда Байрона, жутковатый «Франкенштейн» Мэри Шелли и более сдержанные исторические экшны Вальтера Скотта вырывали читающую публику, порядком уставшую от актуальных политических коллизий, из рафинированной космополитической жизни и помещали ее в иной, гораздо более величественный мир. Хотелось небанальности, экзотики, неких первобытных, но высоких страстей. Посещая античные романтические руины, надлежало проникнуться их духом, представить себе нечто возвышенное и драматическое, предаться глубоким философским, эстетическим и моральным размышлениям. Обитавшие на этих руинах обычные живые итальянцы и греки, не отягощенные какими-либо знаниями о своем великом прошлом, с удивлением взирали на пришельцев, которые пускали слезы умиления, глядя на всякое старье, которое уже давно использовалось аборигенами как источник стройматериалов.

Для просвещенных русских начала XIX в. таким местом паломничества стал Киев, Чернигов и вообще всякие княжеские места Малороссии

* См. предыдущую ссылку.

(а за Киевом, собственно, уже начиналась бывшая Польша – и Русь заканчивалась – представления о Галицкой Руси возникнут много позже). Новизна встречи обуславливалась тем, что до этого из русских в Украине встречались лишь военные и высшие чиновники, у которых, как известно, не столь романтический взгляд на мир. Посему для просто образованных людей из России Малороссия была еще очень в диковинку.

Основательно подготовившись, изучив Нестора и сопутствующие исторические труды (например, Карамзина с 1818 г.), путешественник отправлялся, зная, что он должен увидеть величественные руины княжеских дворцов, соборов и крепостей, легендарные места битв с печенегами и половцами. Мотивация была простой: – ведь надо же прикоснуться к началу собственной истории, которая зародилась не в Петербурге и Москве, а в Киеве, где и христианство приняли, и государство поднялось. Историк Карамзин создал прекрасно изложенное целостное представление о корнях современной России, сменившее в качестве самого популярного изложения отечественной истории «Синопсис» XVII в. Без южнорусских земель и их истории для древней России оставалось, собственно, не так уж и много – короткий взлет Владимиро-Суздальской земли и 300 лет татарского ига.

К удивлению путешественников, руины были совсем не величественны, чего-то заметного осталось до обидного мало (южнорусские аборигены тоже ценили стройматериалы), но самое непонятное, что было замечено приезжими: народ вокруг какой-то *нерусский*. То есть вроде как и руины *русские* есть, и народ *малороссийский* есть, но между собой они как-то явно не стыкуются: никто из окрестных селян ничего не может заметить по поводу древних князей и половцев, зато все в курсе войн с «ляхами» и «гордого имени казаков». Растерянным туристам-паломникам казалось, что местное население – это просто какое-то чужеродное новообразование на теле древнерусской истории.

Один из паломников, Алексей Левшин, так описывал свои предварительные ожидания в 1816 г.: «*Вот колыбель отечества нашего! Вот земля, которая была поприщем громких подвигов предков наших! Вот страна, в которой Россия приняла вид благоустроенной державы, озарилась лучами Христианства, прославилась мужеством сынов своих, осветилась зарею просвещения и начала быстрый полет свой, вознесший ее на высочайшую ступень славы и величия. Возобновляю в памяти моей знаменитые дела победоносных Славян, вслушиваюсь в отголоски их славы и спешу видеть те места, которые были свидетелями величия их. С этой целью еду я в Малороссию*».

Дальнейшие ощущения, как я уже сказал (цитируя по работе Алексея Толочко), были несколько разочаровывающими. Прямо-таки неизвестно, откуда появились «хохлы», живущие своей непохожей на русскую жизнь: иная земля, незнакомый пейзаж, непонятный язык, не «избы», а «хаты» и т. д. Князь Долгорукий, владимирский губернатор, так передавал свои впечатления (1810): «*Здесь я уже почитал себя в чужих краях, по самой простой, но для меня достаточной причине: я перестал понимать язык народный; со мной обыватель говорил, отвечал на мой вопрос, но не совсем разумел меня, а я из пяти его слов требовал трем переводу. Не станем входить в лабиринт подробных и тонких рассуждений; дадим волю простому понятию, и тогда многие, думаю, согласятся со мною, что где перестает нам быть вразумительно наречие народа, там и границы нашей родины, а по-моему, даже и отечества. Люди чиновные принадлежат всем странам: ежели не по духу, то по навыкам – космополиты; их наречие, следовательно, есть общее со всеми. Но так называемая чернь – она определяет живые урочища между Царствами, кои политика связывает, и Лифляндец всегда будет для России иностранец, хотя он и я одной Державе служим*».

Забавно, что, услышав в Нежине пьяных гуляк, орущих русские песни, опечалившийся от отсутствия знакомых реалий родины князь воспрял духом и «*по пояс высунулся из кареты, закричавши: “Наши, русские!”*». Полегчало ему, глядишь, а все-таки – родина…

Путешественники все искали и искали Русь, а натыкались все время на Украину, считая, «что здесь все новое», а население забыло о прошлом. Правда, данный стиль жизни аборигенов вписывался в еще один образ, навеянный доверчивым россиянам коварным (хотя тогда еще романтическим) Западом, – образ дикаря, живущего вне истории и в гармонии с природой. Селянин-простак, поющий песни, ведущий свое неторопливое и скорее ленивое (по мнению сторонних наблюдателей) бытие. Вот как резюмировал трудовую миссию хохла все тот же князь Долгорукий: «*Хохол по природе, кажется, сотворен на то, чтоб пахать землю, потеть, гореть на солнце и весь свой век жить с бронзовым лицом. Лучи солнца его смуглят до того, что он светится, как лаком покрыт, а весь череп его изжелта позеленеет… Я с ними говорил. Он знает плуг, вола, скирд, горелку, и вот весь его лексикон. Если бы где Хохол пожаловался на свое состояние, то там надобно искать причину его негодования в какой-либо жестокости хозяина, потому что он охотно сносит всякую судьбу и всякий труд, только нужно его погонять беспрестанно, ибо он очень ленив: на одной минуте пять раз и вол, и он заснут и проснутся; так, по крайней мере, я заметил его в моих наблюдениях… Хохла трудно*

было бы отделить от Негра во всех отношениях: один преет около сахару, другой около хлеба. Дай Бог здоровья и тем, и другим...»

Замечу, что в иное время сравнение с негром лишь еще ниже бы опустило «преющего» хохла. Тем более в Российской империи, где, как мы знаем, и «белых» людей меняли на собак. Но вскоре возник Виктор Гюго и его «Бюг Жаргаль» и его негр – положительный герой прогрессивной литературы: к неграм Европа вскоре потеплела, да и работорговля становилась все менее рентабельной... Но существенным нюансом ситуации нового XIX в. было то, что «чистые народные типы» стали постепенно расти в своем значении для образованных слоев: романтизм и немецкая идеалистическая философия в обличии Гердера, Шеллинга и Фихте обратили внимание на то, что Европа состоит из «народов», а понятие «народной культуры» являет собой уже не «бытование черни», а интересное явление, которое описывает наука *этнография*; поэты-романтики в поисках чистых проявлений первобытного творческого духа присоединились к этнографам, записывали песни, думы и предания, сказки, былины, черпали из «чистого источника». Возникали яркие образы «народных героев», которыми восхищалось уже не только грязное мужичье, но и просвещенная публика.

Нам порой может казаться, что все европейские нации уже существовали и 200 лет назад во всех своих этнографических и во многих государственных проявлениях. Но тогдашняя Европа состояла из *стран, земель* и *держав*, *представленных их элитами,* для которых «народ» еще был лишь социальными низами. Европа только-только начинала наполняться народами *в этническом смысле*, список которых все пополнялся, а ареалы очерчивались благодаря прогрессу лингвистики и этнографии. Тогдашние исследователи-этнографы ценили «предания западных славян» (или выдумывали их на потеху моде) или тратили годы и таки записывали величественную «Калевалу»... Простота и мощь народной творческой продукции по сравнению с поднадоевшим изыском рафинированной панъевропейской культуры начинают торить дорогу между интеллектуальной элитой (интеллигенцией) и безграмотными народными массами. Этой дорогой и пойдет национализм, который интегрирует их в национальном государстве.

Постепенно путешественники открывали в малороссиянах тонкие и даже порою благородные черты: патриотизм (за веру, царя и отечество готовы жизнь положить), память о славных предках (казацких), некий эстетизм, склонность к любовным переживаниям, отраженным в развитой песенной лирике. В общем, потом уже не так противно, как если впервые «преющего хохла» встретить. Значимым

последствием всех этих романтических переживаний стал получившийся образ «*украинского крестьянского народа*», самодостаточного во всех своих проявлениях. Образ этот долго и с трудом потом изживался, особенно любимый и лелеянный «хлопоманами» и народниками, он и доныне часто формирует стереотипное представление об украинцах – и вне Украины, и (что хуже) внутри. Особенно он оказался потом вреден для реализации украинских национальных притязаний в 1917–1921 гг., когда сыграли свою печальную роль социальные приоритеты социалистов-народников.

Отдельный вопрос – восприятие тогдашними россиянами украинских земель вне трех (вернее, двух с четвертью) *малороссийских губерний* (Черниговская, Полтавская и «огрызок» вокруг Киева, к которому после разделов Польши присоединили Правобережье) и *Слободско-Украинской* (а потом Харьковской) губернии с центром в Харькове. По сути, для русского человека Малороссия была чрезмерно пестрой, например, обилием живших там евреев, на то время вообще мало знакомых русским. Малороссия делилась для русских на полесскую зону (Черниговщина), население которой они называли в своих «впечатлениях» «литвины», и степь – очевидные казацкие края. А дальше – Причерноморье, уже часть Востока, обломок Турции. За Киевом начиналась бывшая Польша, и для восприятия этих краев, принадлежащих польским магнатам, как «законной части русского наследства» и, соответственно, продолжения Малороссии понадобилось полстолетия и два польских восстания. Там к XIX в. казаков не осталось (повстанцы-гайдамаки были подавлены еще при Польше, но, правда, российскими войсками). Потому для русских в тамошней истории сначала была княжая Русь, а потом сразу пошла Польша, продолжавшаяся до ее разделов, то есть до конца XVIII в. Случались и неожиданные вещи, такие как разговор русского путешественника Глаголева в 1823 г. в Перемышле с австрийским солдатом, назвавшимся «русским»: «*Итак, добрые галичане еще не забыли, что они были некогда детьми Святой Руси и братья нам по происхождению, по языку, по вере*». Австрийская Галиция еще оставалась «терра инкогнита».

Нерусские путешественники (закарпатцы, поляки, немцы) видели на всем протяжении украинских земель больше общего, чем различий, в отличие от путешественников русских, малознакомых с пестрым центральноевропейским миром. Зориан Доленга-Ходаковский, археолог, этнограф и авантюрист, популярный в России в 1810–1820 гг., по-новаторски подошел к оценке разницы между Северной и Южной Россией,

внедряя такие (в современном понимании) критерии, как материальная и народная культура, фольклор, указывая на необходимость использования в исследованиях данных не только летописей, но и археологии. Для него Южная Русь (Левобережная, Правобережная и Западная Украина) была большим своеобразным культурным пространством в славянском мире.

Как пишет Алексей Толочко, идею о «большой» Южной Руси развили двое закарпатских русинов – Иван Орлай, директор Нежинского лицея, и гиперславянский патриот Юрий Венелин (для которого почитай все в Европе были бывшими или настоящими славянами). Орлай предполагал, что «южнорусский народ» не ограничивается одними малороссиянами, а проживает под властью нескольких суверенов. Венелин, получавший материальную поддержку от России для своих «славянофильских исследований», вообще важную вещь учинил: он считал, что «малороссийский диалект» – неправильный термин, а на самом деле это – «южнорусский язык», на котором говорит около 20 миллионов человек в России, Галиции, Польше и северной Венгрии (Закарпатье).

Попадая в результате в «корзину» малороссийской истории, пространство от Киева до Львова настолько расширяло эту «Малороссию», что позволяло поднимать вопрос о существовании не маленькой Малороссии и большой Великороссии, а Южной и Северной России, что весьма осложняло понимание единого русского исторического процесса, так изящно и, казалось бы, исчерпывающе описанного Карамзиным. Открытие Южной России требовало объяснить ее непохожесть на Северную, то есть старый вопрос – *а хохлы откуда взялись*, если Русь – в Киеве, а русские – в России?

Тем временем вопрос приобретал политический контекст: в 1830–1831 гг. восстали поляки, и российские власти задумались над тем, как бы подрезать крылья бунтовщикам хотя бы на историческом фронте и вышибить у них из-под ног «восточные кресы (окраины)» уже, казалось бы, похороненной Речи Посполитой. Вместо закрытых Виленского университета и Кременецкого лицея организовывается Киевский университет св. Владимира (1834), для «исторической русификации» края создается археографическая комиссия «для сохранения русских древностей». Нужно было обосновать исконную русскость этих территорий. Возникает мысль, что непольское и некатолическое крестьянство Правобережья – это реликт киево-русских времен и, соответственно, часть «южнорусской народности». Но опять же, откуда эта «народность» здесь взялась? Против Польши она полезна, но что тогда делать с Россией – ведь какие-то эти «исконные»

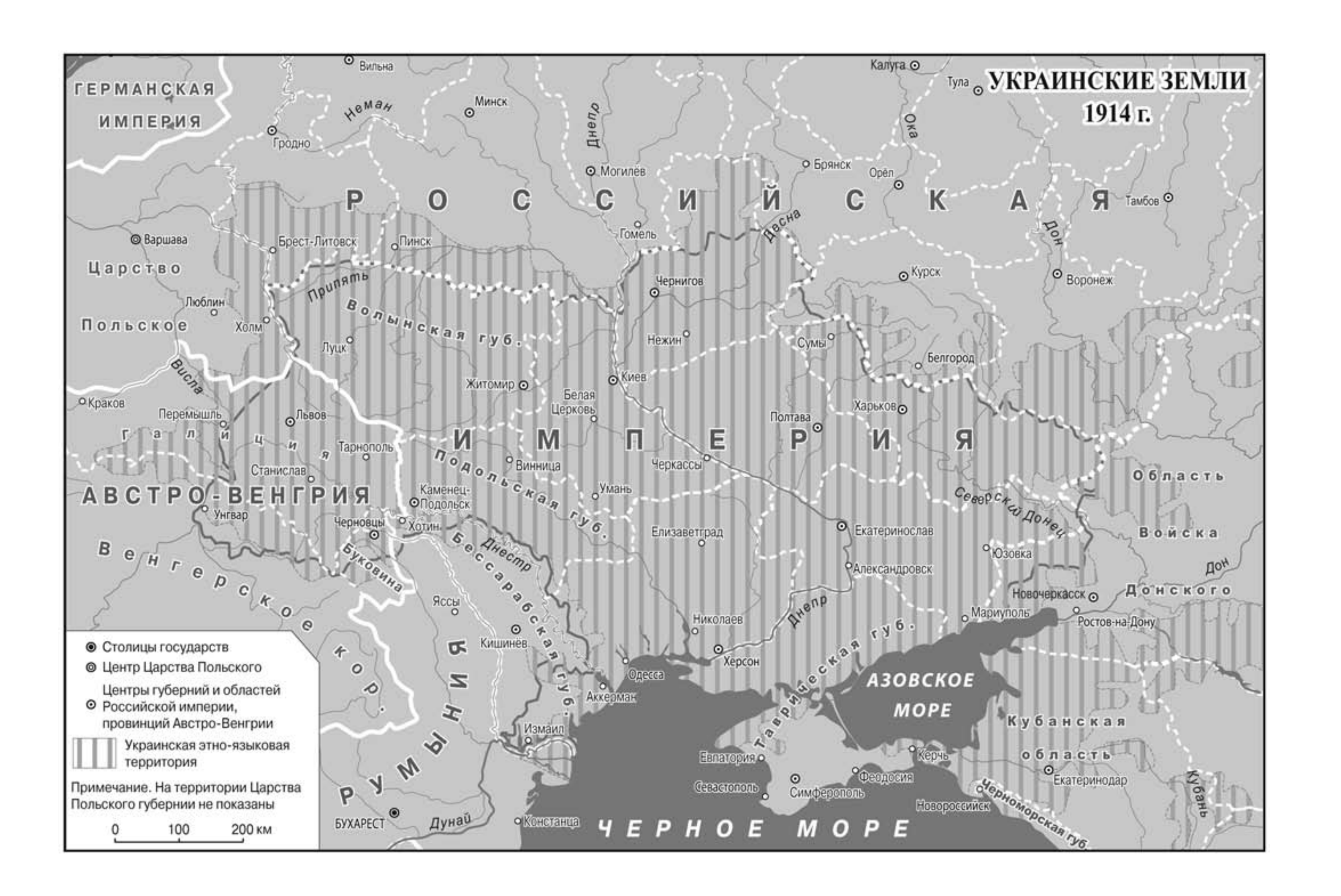
получаются «нерусские»? На какие «ноги» Россию тогда ставить? Выходит, что Россия пользовалась всеми статусами «древнерусского наследства», но не могла объяснить отсутствие великороссов на землях Древней Руси.

Не скажу, что этот вопрос так уж не давал спать российской элите, замечу лишь, что это беспокоило ее в политическом смысле «польской проблемы» и озадачивало в научном аспекте российских историков, ибо они видели противоречие в объяснении того, «откуда есть пошла Русская земля». Стало ясно, что она таки из Киева «пошла», но вот куда и когда?

3. Первый раздел Руси и идея «двух русских народностей»

На вполне еще тихом украинско-русском историческом фронте с 1820-х годов мы имеем два основных текста: анонимная «История русов» и «История Малой России» Дмитрия Бантыш-Каменского. Первый труд, словами уже цитированного Алексея Толочко, «автономисткий и романтичный», второй – «официозный и “академичный”». «История русов» представляла собой всплеск малороссийской идентичности в духе казацких летописей: идеи договорных отношений с Москвой и ущемления вольностей, героики и славных традиций, что обусловило популярность этого произведения среди тогдашней публики, вплоть до Пушкина, Рылеева, Срезневского. «История» Бантыш-Каменского в четырех томах была тоже вполне удачным и более научным трудом, правда, лишенным чрезмерной эмоциональности. Особенностью обоих произведений является практически полное отсутствие в них Древней Руси и пристальное внимание к временам казацким. Поэтому ни неизвестному нам автору «Истории Русов», ни Бантыш-Каменскому за это «ничего не было» – все не без пользы почитали, получили эстетическое и научное удовольствие.

Но замечу, что *настоящий украинский национализм* вырос не только из этнографических показателей отличия украинцев от других славян, но прежде всего *из спора по вопросу о происхождении «южнорусского народа»*. Есть просто данность (этнография), а есть процесс (история), а если есть процесс развития, значит, есть жизнь и судьба – то, за что обычно борются гораздо энергичней, чем за этнографию. Пока активисты украинского движения занимались просветительством народа и местным патриотизмом, принципиальный вопрос решался в баталии за

УКРАИНСКИЕ ЗЕМЛИ
1914 г.
ГЕРМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ
РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
Царство Польское
АВСТРО-ВЕНГРИЯ
Галиция
Буковина
Венгерское кор.
РУМЫНИЯ
Волынская губ.
Подольская губ.
Бессарабская губ.
Таврическая губ.
Черноморская губ.
Область Войска Донского
Кубанская область
АЗОВСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
Неман
Днепр
Ока
Десна
Дон
Припять
Висла
Днестр
Северский Донец
Дунай
Кубань
Вильна
Минск
Гродно
Могилёв
Брянск
Орёл
Калуга
Тула
Тамбов
Варшава
Брест-Литовск
Пинск
Гомель
Чернигов
Курск
Воронеж
Люблин
Холм
Луцк
Нежин
Сумы
Белгород
Житомир
Киев
Краков
Перемышль
Львов
Белая Церковь
Полтава
Харьков
Тарнополь
Винница
Черкассы
Станислав
Каменец-Подольск
Умань
Унгвар
Черновцы
Хотин
Елизаветград
Екатеринослав
Юзовка
Александровск
Яссы
Новочеркасск
Мариуполь
Ростов-на-Дону
Николаев
Кишинёв
Херсон
Одесса
Аккерман
Измаил
Евпатория
Керчь
Севастополь
Симферополь
Феодосия
Екатеринодар
Новороссийск
Констанца
БУХАРЕСТ
Столицы государств
Центр Царства Польского
Центры губерний и областей Российской империи, провинций Австро-Венгрии
Украинская этно-языковая территория
Примечание. На территории Царства Польского губернии не показаны
0 100 200 км

Долгий XIX в.

Здесь показано разделение Украины в течение «долгого XIX в.» (1795–1914). Внутренние административные границы (российские губернии и австро-венгерские коронные края) даны на 1914 г., но границы межгосударственные уже давно устоявшиеся – с 1772 (Галиция – австрийская), 1793, 1795 (Правобережье, Подолье и Волынь – российские) и 1812 (Бессарабия – российская). Отобранное у Речи Посполитой (Правобережье, Подолье и Волынь) стало «Юго-Западным краем» – землей российских властей, польских помещиков и украинских крестьян. Стабильность этого разделения Центрально-Восточной Европы между двумя империями в XIX в. нарушали лишь польские восстания 1830–1831 гг. и 1863 г. в России, а также 1846 г. в Австрии и национально-демократические революции в Австрийской империи 1848–1849 гг. Почти все из вышеуказанного было подавлено российскими войсками. Ни одна из империй не была в корне заинтересована в активизации украинского движения в любой форме – от культурной до политической. В отличии от вечно беспокойных и бунтующих поляков украинцы в своих ипостасях малороссов, хохлов и русинов были тихи и незаметны. Тем более удивительно, что из этой тихой заводи в XX в. неожиданно для всех «вынырнуло» украинское государство.

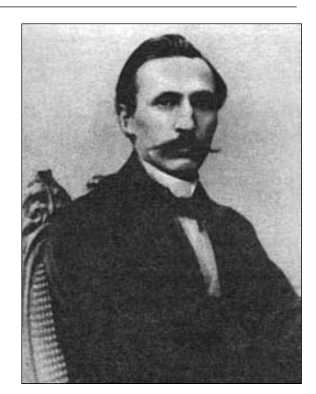
исторический статус: чем глубже корни, тем больше прав. Параллельно длилась баталия за статус украинского языка.

Началось все с *Михаила Погодина* (1800–1875), русского историка и академика, и *Михаила Максимовича* (1804–1873), первого ректора Киевского университета, натуралиста, этнографа и историка. Михаилы вступили в полемику в 1856 г. по поводу одной идеи Погодина. Он пытался ответить на вопрос о том, откуда же взялись на Руси малороссияне. Его версия была следующая: после татаро-монгольского нашествия население Среднего Поднепровья, спасаясь от этой страшной угрозы, мигрировало на северо-восток, подальше от Орды. Им-то на смену и пришли малороссияне, жившие до того в Карпатах, Галиции, Волыни и Подолье, а часть из них, смешавшись в степи с торками, берендеями и прочими тюрками, стала потом казаками. Это и должно было, собственно, объяснить, почему великороссы – в России, а исконная Русь – в Малороссии.

Важным был еще момент языка: Погодин считал древнерусский книжный еще и разговорным и выводил отсюда близость древнерусского книжного и нового русского – и явную непохожесть древнерусского и малороссийского. Нам сейчас критиковать Погодина не имеет смысла, поскольку такая массовая миграция до сих пор неизвестна ни из письменных источников, ни из археологических данных, и мы небезосновательно предполагаем, что древнерусский книжный отнюдь не был разговорным (вне элиты уж точно). Важно другое: Максимович зацепился за эту миграцию великороссов и стал ее отрицать в том смысле, что какой народ в Киеве был, тот и остался, и никто с Карпат не спускался. Украинские патриоты ценят Максимовича за отстаивание украинского права на древнерусское наследие, которое не «переехало» в Москву.

Однако современный автор, все тот же Алексей Толочко, внимательнее вчитавшись в аргументы сторон, сделал вывод, что Максимовича не совсем верно понимают, и суть спора была не совсем в том. Погодин, отводя вообще какое-то место малороссиянам, – в Карпатахли или на другой территории, – мыслил уже понятиями отдельного малороссийского народа, то есть, можно сказать, даже некий реверанс делал. Максимович же, упираясь и не отпуская великороссов на север, отстаивал при том древнерусское и последующее единство, то есть «национально» еще не мыслил. После публикации «Истории русов» в Москве (1846) и вследствие популярности малороссийских повестей Гоголя уже все предполагали, что есть вполне симпатичный малороссийский народ. Славянофил Погодин утверждал, что он «носит все признаки отдельного

«Схидняки»

Кирилло-мефодиевцы, апостолы украинского национализма на Надднепрянщине: Тарас Шевченко, Николай Костомаров, Пантелеймон Кулиш. В конце жизни Костомаров и Кулиш стали более скептично относиться к «мазепинству», но они уже успели взрастить поколение последователей.

племени», и настаивал на очевидных этнических различиях между ним и великороссами. Правда, ясно, что «племя» – имеется в виду не нация, а лишь этнографическая разновидность русских. Славянофилы вообще душевно относились к украинцам, например, Юрий Самарин, историк, публицист, общественный деятель, писал в 1850 г.:

> *Пусть же народ украинский сохраняет свой язык, свои обычаи, свои песни, свои предания; пусть в братском общении и рука об руку с великорусским племенем развивает он на поприще науки и искусства, для которых так щедро наделила его природа, свою духовную самобытность во всей природной оригинальности ее стремлений; пусть учреждения, для него созданные, приспособляются более и более к местным его потребностям. Но в то же время пусть он помнит, что историческая роль его – в пределах России, а не вне ее, в общем составе государства Московского.*

Но не стоит переживать за Максимовича: в середине XIX в., а тем более потом, небольшое, но уже вполне *достаточное* количество людей мыслило

в национальном украинском духе, чтобы понимать его спор именно как *спор о происхождении* и *спор о наследстве*.

За первую половину века попытки создать какие-то политические организации на территории Украины целили в общеславянскую демократическую федерацию – от декабристского Общества объединенных славян до Кирилло-Мефодиевского братства (1845–1847). Хотя развернуться им не давали, но в идеях кирилло-мефодиевцев (*Николай Костомаров, Тарас Шевченко, Пантелеймон Кулиш*) уже четко обрисовалось в воображаемой федерации отдельное место для «*украинского народа*»*. Погодин лишь хотел найти для малороссов более исконное, не такое идеологически «мешающее» место, нежели Киев, а Карпаты он им отвел, поскольку и Правобережье, и, тем более, австрийская Галиция были местами для него достаточно чужими или далекими.

В 1860-х годах Николай Костомаров, амнистированный член Кирилло-Мефодиевского братства и профессор русской истории Петербургского университета, пишет статью «Две русские народности» и развивает идею о федеративном устройстве Древней Руси, что неявно все дальше разводит в разные стороны «древних» украинцев и русских, правда, еще не совсем отрывая их друг от друга.

Киевский университетский профессор Владимир Антонович в 1880–1890 гг. дает своим диссертантам задания писать «областные» монографии по древней Южной Руси, начиная с киево-русских времен, но все они упрямо доходят до XIV в., преодолевая порог разрушительного татарского нашествия. Нет разрыва, и древнерусская жизнь на украинских землях плавно перетекает в литовские и казацкие времена. Его ученик Михаил Грушевский, начав с такой диссертации по Киевской земле, потом, на протяжении первой трети XX в., осуществил изложение «длинной истории» Украины (и украинцев) с раннеславянских времен, дав весьма многотомный отпор «традиционной схеме» Киев–Владимир-на-Клязьме–Москва–Петербург. После его «Истории Украины-Руси» что-либо принципиальное противопоставить «украинскому

* «Украина» как более широкий и более национальный синоним старосветской локальной Малороссии (это была лишь треть украинской этнической территории) начинает в это время жить в среде интеллектуалов как новое имя всей страны, населенной малороссами. Академик Омелян Прицак видел в этом ведущую роль любителей этнографии из первого университета на подроссийской Украине – Харьковского (с 1804), который находился посреди Слободской Украины, т. е. вне Малороссии. Он потом подбрасывал «кадры» в новооткрытый Киевский университет, а те уже называли все «этнографически-народное» не малороссийским, а украинским. Хотя это лишь одна из версий, ведь Украина как «эмоциональное отечество» вполне активно жила, в том числе – и в народном творчестве Надднепрянщины как минимум с XVII в.

историческому процессу» было, конечно, возможно, хотя это была уже критика вполне сформировавшегося взгляда на долгую историческую судьбу украинцев.

Но давайте вернемся к отношениям юного украинского национального движения с российскими властями.

4. «Украинского языка не было, нет и быть не может»: дискриминация как стимул к активности

Споры среди историков, конечно, имели принципиальное значение для формирования образа украинской истории и, соответственно, роли в ней украинского народа. Но оставалась еще вполне очевидная реальная общественная жизнь Российской империи, весьма далекая от украинского национального идеала. Самую общую логику национальных отношений в пределах Империи мы уже изложили выше. Теперь посмотрим на отношения *украинофильского движения* с российским властями во второй половине XIX в.

Итак, «украинская проблема» беспокоила узкий круг интеллектуалов-гуманитариев. Их попытки хоть как-то организоваться и создать политическую программу были обречены на провал в условиях известной «демократичности» Российской империи – как при Николае I, так и при обоих Александрах. Поучительный урок разгрома Кирилло-Мефодиевского братства в Киевском университете в 1847 г. пресек попытки лезть в политику, и таковых практически не делалось до конца XIX в. Заметим, что основной идеей этого общества была *демократическая федерация славянских народов*, где бы Украина заняла место если не независимой, то, как минимум, автономной республики. Приговоры членам общества были достаточно мягкими, поскольку власти не хотели распространять информацию о существовании оппозиционных настроений в обществе (особенно в лояльной Малороссии) и дразнить кого-то вблизи ареала деятельности польских сепаратистов. Со времен Мазепы прошло более ста лет, и поверить в некую реальность угрозы малорусского сепаратизма было тяжело. То есть, членом Братства фактически инкриминировали идею объединения (*демократического*) славян, как это ни забавно звучит в контексте извечно любимых российскими властями идей славянского братства. Шеф

жандармов А. Орлов так охарактеризовал замыслы братчиков: «*враждебный образ мыслей нашему правительству, что они Малороссию и все славянские племена ложно представляют себе в угнетенном и самом бедственном положении, выражают пламеннейшее желание избавить, особенно Малороссию, от этого положения*»… Славянский федерализм Братства ставил «украинский вопрос» в широкий контекст демократизации и либерализации региона Центральной и Восточной Европы. Характерно, что мировоззрение Братства, как и других ранних национально-ориентированных организаций славянских стран, опиралось на идею общественных свобод, необходимых *всем народам*, а не на некие местные «внутриукраинские» основания. Для того чтобы стать «украинцами», надо было сначала стать «европейцами». Ранний, романтический национализм отнюдь не был обязан быть шовинистическим и ксенофобным.

Роль *Тараса Шевченко* (1814–1861) в общих судьбах братчиков – особенная. Отслужив после следствия 10-летнюю солдатскую службу, он умер вскоре после возвращения в 1861 г. (в возрасте 47 лет). Несмотря на гонения и запрет издавать его произведения, тело Шевченко было перевезено в Канев и похоронено при стечении людей, для которых он уже стал «отцом народа». В отличие от многих своих более социально благополучных товарищей (вспомним тех же Костомарова и Кулиша), он с возрастом не смог (или скорее не захотел) пересмотреть свои убеждения, оставшись тем, кем и был изначально. Природа гения трудно поддается анализу, и хоть я и считаю Шевченко вполне живым человеком (имел обычные и для современного человека слабости – женщины, алкоголь), а не иконой, но ничего не могу рационального предложить в объяснение того, почему его поэзия стала манифестом о полноценном бытии украинского народа («хорошие стихи» – это не объяснение). В его судьбе переплелись судьба крестьянства и судьба интеллигенции, он соединил в собственной биографии разные социальные ипостаси украинства – от «казачка» в панском имении до Академии художеств и Университета св. Владимира. Каждая из этих ипостасей показательна в смысле тех социальных и культурных возможностей и ограничений, с которыми сталкивался обычный украинец в Российской империи.

Относительно обвинений в адрес Шевченко в «скотской неблагодарности», распространенных в антиукраинской публицистике (он был выкуплен из крепостной зависимости благородными столичными людьми при участии членов царской семьи, а в ответ писал в стихах гадости про царицу) – ничего не могу сказать, кроме того, что это была его собственная жизнь, так же наполненная противоречиями, как и социальные реалии империи. В последней для того, чтобы талантливый раб мог себя творчески

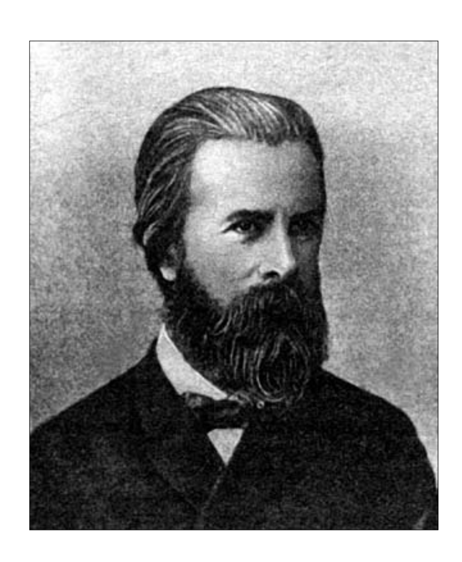

Немногочисленны, но громадны

Киевская «Громада» («Община»). Кон. XIX в. До 1900 г. украинское движение в Российской империи было немногочисленным и политически умеренным: в разных губернских городах существовали подобные общества культурно-просветительского характера, состоявшие из ученых-гуманитариев, университетских и гимназических преподавателей, студентов, врачей, юристов, литераторов, помещиков. Их вполне бескорыстной миссией было нести просвещение в миллионы безграмотных украинских крестьян и развивать городскую украинскую культуру. Имперское государство им явно не симпатизировало, но их усилий хватало на поддержание преемственности национального движения и постепенное формирование стандартов украинской высокой культуры.

реализовать, нужны были прекраснодушные усилия княгинь, что печально. Сколько было этих гениальных «шевченок» утрачено нами в долгом XIX в… Подозреваю поэтому, что порой он писал не только «от себя», но и «за них». Ему виднее…

Еще в упомянутой литературе пишут другие интересные (буквально сенсационные!) вещи: что Шевченкову изначально бездарную поэзию исправляли, приглаживали и переписывали последующие украинофилы (поднявшие его на национальный алтарь), и что свой дневник он писал на самом деле на безграмотном русском языке (во-первых, безграмотном, во-вторых – на русском, а не на украинском). В первом случае отвечу, что жаль, нет сейчас таких редакторов, которые бы из бездарных стихов «сделали Шевченко» (знаете – дайте адрес). Во втором случае замечу, что свое небольшое образование молодой Шевченко получал

Первый народник

Михаил Драгоманов - наибольший «европеец» по взглядам, интеллектуальному кругозору и масштабу мышления среди тогдашних украинцев. Преследования киевских украинофилов изгнали его на Запад. В период своей швейцарской эмиграции он стал для европейских политических интеллектуалов «первым украинцем», представителем доселе неизвестного народа. Наряду со своим младшим современником Франко, Драгоманов – наиболее значимый украинский социальный и политический мыслитель XIX в.; в одних вопросах он был марксистом, в других - это не мешало ему быть либералом-конституционалистом. Он стал зачинателем народнической политической традиции в Украине. Характерно, что наиболее светлые головы той поры сложно однозначно отнести к какой-либо одной «идеологии» или «политической философии», поскольку их знания были весьма обширны, но вот политические и социальные реалии (особенно в Российской империи) еще не позволяли хоть что-то из этого обильного багажа применить на практике и проверить – что «работает», а что – нет... Посему все их идеи и концепции оставались при жизни авторов эклектическим собранием «теорий» и «прожектов», которые уже лишь с нашей перспективы могут считаться определенными «проектами» и «программами».

Взгляды Драгоманова оказались переходными от этнографического романтизма первой половины столетия к формированию более широкого идеологического спектра «украинства» на рубеже XIX– XX вв., но так ни разу и не прошли испытания реальной политикой. Его поздние последователи, украинские социалисты-революционеры во главе с Михаилом Грушевским, попытались механически воплотить «народническую традицию» в реалиях общероссийской революции и, увы, жестоко просчитались (как и российские народники-эсеры, проигравшие большевикам). Рецепты Драгоманова, обитателя спокойного и длинного XIX в., не подошли для эпохи «великих потрясений». К ним не подходит выражение «на войне – как на войне». Но не стоит на него грешить: как и Карл Маркс, и Фридрих Ницше, он не отвечает за глупость, скотство или человеконенавистничество всех своих «верных учеников» или эпигонов.

на русском языке, таким же русскоязычным (пусть даже украинофильским) был круг его общения, и такими же были книжки, которые он читал (другие были польские). Поэтому немудрено, что он, как и миллионы современных украинцев, был двуязычен. А стиль и правописание украиноязычной *прозы* при его жизни еще не были выработаны, посему писал он так, как казалось уместнее и проще. Критики еще указывают на то, что писал он дневник крайне коряво и безграмотно – ну, уж простите, такой был у него русский письменный язык, гимназий не оканчивал, а в Академии художеств учат уже не орфографии, а живописи. Это еще и комментарий к вопросу о Гоголе – почему и этот писал по-русски (и с грамотностью у него тоже были проблемы, хотя окончил лицей).

Суть шевченковского «манифеста» состояла не в том, что он что-то «провозглашал», это был срез, живая картина бытия массы людей, изложенная с мощной эмоциональной силой и художественной выразительностью. Самым очевидным следствием его творческого существования стало то, что нормально образованный человек, способный оценить хоть что-то в «высоком», не мог уже после этого сказать, что *украинский язык – не литературный*. Известный либерал «неистовый Виссарион» Белинский, конечно, мог считать Шевченко лишь «пьяным мужиком», а всех хохлов оптом – быдлом, но эти ценные мысли свидетельствуют скорее о самом Белинском и не могут замутить тот мощный поток облеченного в рифму ощущения украинского бытия, которое дал «мужик» Тарас Шевченко. Здесь уместна даже не старая тема «творца и критика», тут – скорее банальное снобистское хамство. Мы этих «белинских» наблюдаем и слышим каждый день, снисходительно (а талантливые – иронично) рассуждающих о «хохляцких жлобах». Не привыкать.

Другим важным побочным следствием стало то, что чувства, переданные поэтом, были изложены на абсолютно понятном любому украинцу народном языке, они несли в себе и живые жестокие социальные реалии, и историческое чувство, и высокую духовную силу. Сколько бы ни занимались полузапретным просветительством «украинофилы», у них надеждой и опорой всегда был Шевченко, способный увлечь и совсем постороннего человека. Может, поэтому и несколько потерялся (в жандармских архивах) настоящий идейный манифест кирилло-мефодиевцев – «*Книга бытия украинского народа*» *Николая Костомарова* (1818–1885), извлеченная на свет лишь в 1918 г.

Собственно говоря, романтический национализм второй четверти XIX в. вполне убедительно для его адептов сформулировал тезис

о существовании – т. е. о *бытии* – украинского народа. В дальнейшем (и доселе) остается актуальным вопрос о том, *какое же бытие* должно быть у этого народа.

После смерти Николая I в России наступает «оттепель». Костомаров возвращается из ссылки и становится в 1859 г. профессором русской истории в Санкт-Петербурге. Шевченко в 1858 г. возвращается после исполнения своей почетной 10-летней обязанности по службе в российской армии – жить оставалось ему уже недолго. Третий известный братчик *Пантелеймон Кулиш* (1819–1897) приобрел типографию в Петербурге и после продолжительных усилий получил разрешение на издание украинского журнала. Его целью было объединить украинофилов и превратить издание в инструмент дальнейшего формирования литературного украинского языка.

Заданиями журнала «Основа» были как выполнение образовательно-информационной функции, так и необходимость несколько стандартизировать украинский литературный язык. Все это делало издание, по сути, инструментом национальной идентификации. Деятельность журнала способствовала и активизации украинской интеллигенции. Однако, просуществовав всего лишь два года, «Основа» самоликвидировалась, как из-за финансовых проблем (невелик был все же круг украинофилов), так и из-за враждебного отношения российской общественности. Выразителями этого отношения стали несколько изданий («День», «Русский вестник», «Московские ведомости» и др.), которым просто не нравились идеи какой-то отдельности малороссов. Главный критик украинофилов публицист и общественный деятель Михаил Катков взялся обращать внимание читающей публики на то, что западнорусский край необходимо строго связать с Россией неразрывными узами. Замечу, что усилия «прогрессивной общественности» (и Петербурга, и Москвы, и Киева) частенько и упреждали, и направляли последующие дискриминирующие санкции Российского государства. В этом смысле (сохранения «единства русского народа») власти частенько отставали от чутких «общественников». Последние, не отягощенные великодержавным глобализмом точки зрения имперских верхов, ощущали, что, несомненно, «что-то происходит».

Польское освободительное восстание 1863 г. привлекло внимание русских властей к «украинской проблеме». Было решено принять запретительные меры относительно украинского языка, чтобы его развитие не повлекло за собой идеи об автономии Малороссии. Противники украинскости пропагандировали идею о «польской интриге» среди сторонников украинского движения. Министр внутренних дел Валуев издал в июле

1863 г. известный *Валуевский циркуляр*, утверждавший, что «украинского языка нет, не было и не будет», он является лишь тем же русским языком, но испорченным влиянием Польши. В самом циркуляре известная формулировка исходила, вполне демократично, из мнения самой малорусской общественности. «Демократизм» подобных постановлений метрополии, заметим, был весьма избирательным – как и в советской практике («по просьбам трудящихся»).

На языке, которого «нет, не было и не будет», разрешалось публиковать лишь произведения «изящной литературы», а любая другая, в том числе учебная печатная продукция, запрещалась. Интересно, как это можно пользоваться «изящной словесностью» на «испорченном» языке? Однако суть заключалась в том, чтобы устранить возможность украинского исполнять ряд социально важных функций – образовательную, прикладную и т. д. Аналогичные меры применялись к «ополяченным» белорусам и литовцам.

В борьбе с проявлениями польскости и украинскости крепнут в административных органах России и в среде общественности уже *русские националистические настроения*, которые в апологии неделимости русского народа формируют русский национализм, расцветший пышным цветом уже при Николае II. Если раньше в известной триаде «*православие, самодержавие, народность*» (1833)* внимание уделялось, в первую очередь, первым двум позициям, то теперь и «народность» сгодится в борьбе против потенциальных сепаратизмов.

В публицистической полемике Каткова и Костомарова формируются такие стандартные для российской публицистики построения, в которых для украинцев как некой самодостаточной общности не находится места. Поскольку какая-то «отдельность» украинцев-малороссов казалась очевидным (но при том опасным) бредом, российским авторам трудно было обнаружить местные ресурсы для формирования и поддержки подобных идей. Поэтому «украинскость» скорее считается «иностранной интригой» – сначала польской, а потом австрийской.

Аресты и высылки активистов украинского движения заставили многих людей отойти от общественной и просветительской работы. Впервые можно говорить о сознательной и целенаправленной русификации. Мы можем предполагать, что из этой полемики вырастали представления об украинском и русском «национальных проектах», которые изначально

* Эта триада являлась достойным ответом на другую: «Свобода, равенство и братство». Оценим творческие усилия С. С. Уварова (Зорин А. Кормя двуглавого орла… Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – I трети XIX в. – М., 2004)

оказывались конкурирующими, поскольку претендовали на одну и ту же территорию, одних и тех же людей, одни и те же исторические события. Ясно, что украинофилы не претендовали на «украинскость» России, но «исконно русские патриоты» явно постулировали «русскость» Украины. В этом соревновании конкуренты владели разительно отличающимися ресурсами. Быть *русскими* патриотами было существенно легче: русская общественность всегда могла воззвать к ресурсам великой державы, занимающей территорию большую, чем советская «1/6 часть суши», и господствующей над десятками народов. Быть *украинским* патриотом было гораздо неудобнее: не к кому воззвать, дабы твое пожелание реализовали, а вот нарваться на санкции... При том все украинофилы (это были всего лишь чиновники, учителя, помещики) должны были согласовывать свои идеальные представления с неблагоприятными реалиями обыденной жизни. Империя отнюдь не угнетала их как-то особенно (они были обычными православными подданными, не какими-то «инородцами»), но за «вольности» всегда полагались определенные «меры». Украинское национальное движение не занималось (как русские радикалы-народники) терроризмом или какими-то экстремистскими действиями, его программа до рубежа XIX–XX вв. была исключительно культурно-просветительской, а требования (скорее уж *пожелания*) – соответствующими. Как и во времена Речи Посполитой, украинцы хотели всего лишь *понимания* и *уважения* своих достаточно ограниченных пожеланий. Но, как и тогда, понимания они не встречали, ибо это был слишком принципиальный вопрос: покушение на государственное «тело», тогда – польское, теперь – российское.

В 1870-е годы в украинское движение приходит новое поколение, принесшее на смену во многом разочаровавшихся в идеалах юности Костомарову и Кулишу новых лидеров – *Владимира Антоновича* (1834–1908) *прямо Михаила Драгоманова* (1841–1895). К роли Антоновича мы обратимся позже, пока же скажем несколько слов о Драгоманове. Он, в отличие от своих культурно-просветительски ориентированных товарищей, шире смотрел на языковый вопрос, считая, что на нем нельзя зацикливаться, главное – преодолеть явный провинциализм украинской культуры, а для этого все средства хороши – в том числе и русский язык. Но это вовсе не значило, что сам украинский можно было оставить умирать – его необходимо укрепить как неотъемлемую составляющую национальной культуры. Если смотреть глубже, Драгоманова более интересовали западные идейные веяния – его, например, можно считать зачинателем украинского социализма, т. е. он был скорее политическим философом, нежели просто «общественным деятелем». Среди многих тогдашних украинофилов он ярко выделялся как

человек очевидно европейского интеллектуального уровня. Как во многих подобных ситуациях, это было и его несомненным плюсом, и одновременно некоторым минусом. Находясь с 1875 г. в политической эмиграции (в частности, в Швейцарии), он начал прекрасно разбираться в идеологических эволюциях европейских «левых» и либералов, но на украинские проблемы смотреть слишком абстрактно, не принимая во внимание реалии Российской империи. По его мнению, наиболее оптимальный путь дальнейшего развития украинофильства был в отстаивании федерального устройства России, исходящего из его наблюдений швейцарской практики. Но Швейцария – не Россия, и федерализация последней была тогда столь же невозможна, как и полная независимость Украины. Не видя реального выхода из этого тупика, некоторые представители следующего поколения украинских деятелей будут склоняться к более радикальным лозунгам. Однако авторитет Драгоманова воплотится в сильной традиции федерализма, которая в момент кризиса России в 1917 г. станет тем препятствием, которое не позволит украинскому движению психологически подготовиться к возможной независимости.

Но вернемся в XIX в. Тогдашнее культурническое украинское движение после спада середины 1860-х снова активизируется: организовывается неформальное объединение «*Громада*» [Община], а основным его средоточием становится Юго-Западное отделение Российского императорского географического общества (с 1873 г.). Отделение стало легальной «крышей» движения, объединявшей интеллектуальную элиту края.

Заметив новую активность украинофилов, воспряли духом и русские патриоты. Новым главным критиком украинцев стал Владимир Шульгин, редактор газеты «Киевлянин», который вместе с уже упомянутым публицистом Катковым взялся за организацию административного давления на украинцев.

Их усилия не пропали даром: Драгоманова лишили профессорского места в Киевском университете, и вскоре он уехал за границу. А в мае **1876** г. Александр II подписывает в немецком городе Эмс так называемый *Эмский указ*. Было ликвидировано Юго-Западное отделение, закрыта двуязычная газета «Громады» «Киевский телеграф», запрещалась публикация в России любых оригинальных или переводных произведений на украинском языке вплоть до текстов под нотами (кроме исторических памятников и «изящной словесности», – но с разрешения цензуры и с русской орфографией), запрещался ввоз украинских изданий из заграницы (т. е. из австрийского Львова). Персональные наказания были мягкие – людям просто «предлагали» поработать

в другом городе, подальше от Украины, и они, конечно, не могли отказаться. Этот указ 1876 г. действовал с некоторыми смягчениями до 1905 года. Он обрекал украинское движение исключительно на ограниченную культурно-просветительскую деятельность, что впоследствии сказалось на его слабости в политико-административной сфере. В смысле ассимиляции и русификации указ, несомненно, имел успех. Но, как и всякое действие, он вызвал противодействие, заставившее сознательных украинцев искать иные формы работы и чаще посещать заграницу – Австрию, ту же Швейцарию, другие страны, где можно было печататься на украинском. Заодно и кругозор расширить, и с российской революционной эмиграцией познакомиться.

«Громада» вскоре раскололась на две части: одни, сторонники продолжения упорной культурно-просветительской работы, последовали за историком Антоновичем, другие, более радикальные, – за Драгомановым, издававшем в Женеве журнал «Громада» (1878–1882). Это позволило последнему творчески свободно выразиться и сформулировать ряд политических идей, укрепивших *народническую украинскую политическую традицию,* коренящуюся еще в идеях кирилло-мефодиевцев, в том числе того же Костомарова. Она была господствующей в украинском движении в России до 1918 г., а наиболее известным последователем этой традиции в политике был глава Центральной Рады историк Михаил Грушевский. В оценке исторического пути Украины народничество уделяло внимание, прежде всего, народным массам, которые и выступают как главный двигатель истории. При этом деятельность элит, государственная традиция отодвигались на второй план или игнорировались.

Такие взгляды способствовали симпатиям украинских народников к социалистическим идеям. Любые действия украинских деятелей минувшего, направленные на ограничение народоправия (даже если это была попытка «национального освобождения»), воспринимались как вредные. Драгоманов, весьма разноплановый и эрудированный автор, обогатил это направление идеями Маркса, Энгельса, Лассаля, французского позитивизма, эволюционизма Спенсера, да еще и русских народников – Чернышевского, Лаврова, Михайловского. Он скорректировал оценку народных движений в зависимости от их последствий – способствовали они *прогрессу* страны или нет. Его общественно-политической программой стал, по сути, либеральный конституционализм: такие цели, как высвобождение гражданского общества, демократизация, децентрализация, развитие местного самоуправления, ориентация на европейские примеры (о чем мы уже упоминали).

Реализацию всего это ожидалось возложить на обновленную Россию, перестроенную по федеративной модели.

Идеи были, понятно, хорошие, но при жизни Драгоманова Россия никак не продвинулась в этом направлении; однако «народоправие» и «федерализм», «местное самоуправление» стали альфой и омегой украинского освободительного движения (четко обозначив весьма низкий порог его политических притязаний – все большее казалось фантастикой). Вообще же нам ограничить Драгоманова какой-то одной политической традицией просто невозможно: он был либералом в той же мере, что и социалистом; как и всякий человек, живущий интенсивной интеллектуальной жизнью, он часто сам себе противоречил; как для теоретика, а не реального политика, для него все «прогрессистские» идеологии были *различными вариантами возможного*. (Заметим, что непротиворечивы в своих мнениях только идиоты, остановившиеся в развитии.)

Еще одним результатом Эмского указа стало тесное сотрудничество надднепрянской и галицкой украинской интеллигенции. Монархия Габсбургов была не в пример либеральней Романовской. В 1873 г. по инициативе надднепрянцев Александра Конисского, Михаила Драгоманова, Дмитрия Пильчикова и на средства левобережной меценатки Евгении Милорадович основывается *Литературное общество имени Тараса Шевченко* (будущее мощное *Научное общество Шевченко*), издаются газеты и журналы. Запретительные меры в России вызывают негодование галицких украинцев, что приводит к некоторому снижению влияния местного москвофильского движения (о нем – далее). Тогда же, под впечатлением от объединения Италии Пьемонтским королевством, распространяется идея восприятия Галиции как «*украинского Пьемонта*» – источника национального возрождения и освобождения.

В то же время сближаются украинские и российские радикалы. Именно в русское революционное движение и уходили наиболее нетерпеливые украинцы, недовольные скромными требованиями своих более сдержанных товарищей. Однако заметим, что в некотором роде свою негативную роль Эмский указ все же сыграл – он не уничтожил украинское движение, но ограничил его такими формами работы, опыт которых потом никак не пригодился, а скорее навредил в ситуации политического и социального взрыва и созидания государственности в 1917–1918 гг.

5. Политизация движения

В 1897 г. по данным переписи населения, украинский (малорусский) язык признают в качестве родного 72,5 % жителей подроссийской Украины. Однако очевидно, что эти люди проживали преимущественно в селах. Население городов возрастало в основном за счет миграции русских. На конец XIX в. среди жителей Киева выходцы из этнической России составляли 54 %. Это означало, что социальные изменения, вызванные модернизацией империи, неумолимо ускоряли ассимиляцию и обрусение. Все большее число людей получало образование, минуя фазу «украинской» грамотности. Быстро растущие полиэтничные и русскоязычные города становились растворителем сельской эмбриональной украинской идентичности, хотя само возрастание числа грамотных и образованных было и потенциальной перспективой для украинского движения, – но если бы ему позволяли более активно вмешиваться в этот процесс… В целом же социальные и демографические изменения вели к росту социальной напряженности и неудовлетворению широких масс своим положением. Правда, сами «широкие массы» вряд ли могли четко сформулировать свои идеологические предпочтения. В этом контексте и русские либералы, и украинофилы были ничтожным меньшинством на фоне миллионов безграмотных крестьян. Сама же империя так и не удосужилась ввести некие легальные «клапаны» для «выхода пара» социального недовольства. Эффективность и мощь великого государства потом окажутся столь же великой иллюзией, но для того, чтобы это понять, понадобится революция.

На рубеже веков старое украинофильство уже начинало выглядеть анахронизмом, забавой для ученых-гуманитариев и людей с этнографически-антикварными наклонностями. Новое поколение, как всегда, было критично и радикально – и в России, и на Украине. Результатом стало появление нелегальных партий, организованных на западных идеологических основаниях, несколько адаптированных к местным условиям. В более демократичном Львове в 1890 г. образуется Русско-украинская радикальная партия, а в 1891 г. в Каневе возникает Братство тарасовцев, критикующее «кабинетный» характер старого украинофильства.

В 1895 г. во Львове выходит в свет первый манифест новейшего «самостийничества» – брошюра «*Украина irredenta* [неискупленная – К. Г.]» Юлиана Бачинского, в которой декларируется обусловленная национальным

чувством претензия украинцев на независимость. Само понятие «ирредентизм» означает борьбу за объединение народа, разделенного между разными государствами. В Украине идея «ирриденты» трансформировалось в идею «*соборности*» – объединения украинских земель.

В 1896 г. в Киеве возникает социал-демократическая организация, в 1897 г. – Украинская общая внепартийная организация (идейно наследовавшая «Громады»), ставшая основой либерально-демократического движения. Потом партии множатся: наиболее многочисленной и активной была нелегальная Революционная украинская партия (РУП, 1900). Интересная история ее первоначальной программы – брошюры Миколы Михновского «*Самостийная Украина*»: партия сочла лозунг независимости слишком радикальным, что вытолкнуло из нее самих «самостийников». Симпатии руповцев к марксизму обусловили сомнения части из них в том, а не выдуман ли вообще национальный вопрос буржуазией? Хотя в Украине его никак не могла придумать буржуазия, ибо «украинской буржуазии» практически не существовало. Было лишь несколько десятков обеспеченных людей, в основном потомков казацких родов, которые спонсировали украинское движение, любя его (словами мецената Евгена Чикаленко) «*не только до глубины души, но и до глубины кармана*». Хотя это явление не носило массового характера среди «представителей буржуазии», у украинских «революционеров», оно видимо, не вызывало особых симпатий. В 1905 г. РУП переживает раскол по национальному вопросу (камнем преткновения стал пункт об автономии), из нее вырастают две социал-демократические организации. Большинство сформировало Украинскую социал-демократическую рабочую партию (УСДРП). Ее членами были такие известные потом деятели 1917–1920 гг., как драматург и писатель *Владимир Винниченко* и публицист *Симон Петлюра*. Их целью была демократизация России и автономия Украины в ее составе. Петлюра еще явно не был «петлюровцем».

6. Почему не удалось окончательно ассимилировать украинцев в Российской империи?

В ответе на этот вопрос мы несколько отойдем от привычного в украинском национальном мышлении «колониального тезиса» и упора на репрессивное подавление всего украинского (в области поддержки

культурной самобытности и политических претензий вполне несомненного). Мы уже рассмотрели текущий ход событий на украинско-русском «фронте» в XIX в. Здесь же уместно показать и взгляд из России (как «один из») на то, почему не «украинцы продержались», а *«русские не победили»*. Российский историк Алексей Миллер, вполне благодушно воспринимающий существование украинцев, предлагает посмотреть на процесс развития украинского национального самосознания и формирования украинской нации в XIX в. как на *процесс закономерный, но не предопределенный*. Иными словами, его исходный вопрос таков: была ли в XIX в. альтернатива украинскому движению и, если да, то почему она не была реализована?

Та потенциальная альтернатива (еретическая для украинских патриотов), которую Алексей Миллер пожелал рассмотреть, – это возможная полная русификация украинцев. Автор попытался перефразировать знаменитое изречение из Валуевского циркуляра о том, что «украинского языка не было, нет и быть не может», в формулу, которая тогда, в середине XIX в., вполне имела право на существование: «украинского языка могло бы не быть» *как альтернативы* русскому, подобно тому, как гэльский или провансальский существуют, но не являются сегодня альтернативой, соответственно, английскому и французскому. Последуем за авторским изложением.

Итак, большинство в русском образованном обществе и в правительственных кругах в течение всего XIX в. разделяет концепцию триединой русской нации, включающей в себя велико-, мало- и белорусов. В XVIII в. для реализации этой концепции была проделана, если воспользоваться современным штампом, большая и успешная работа. Административная автономия Гетманщины уничтожена, традиционные украинские элиты – в подавляющем большинстве инкорпорированы (включены) в русское господствующее сословие и ассимилированы, а более развитая в XVII в. и частично XVIII в. украинская культура подверглась провинциализации, став преимущественно крестьянской. Этим были созданы первоначальные предпосылки для решения значительно более важной и трудной задачи – *русификации массы украинского крестьянства.*

Можем ли мы оценить эту, безусловно, трудную задачу как заведомо невыполнимую для того времени? Доступный нам для сравнения благодаря Юджину Веберу (уже упомянутому в начале нашей книги) пример – Франция, в которой даже в середине XIX в. по крайней мере четверть населения не говорила по-французски, «патуа» (наречия) часто были

настолько далеки от французского, что путешественнику не у кого было спросить дорогу – к концу XIX в. уже нереальная ситуация. С французским патриотизмом среди этих не говорящих по-французски крестьян дело обстояло плохо. Охотники сопротивляться франкоизации имелись. Между тем поэт Мистраль стал последним гением провансальского стихосложения, а его современник Шевченко – одним из основателей украинского литературного языка. То есть французам удалось, хотя только к концу XIX в., утвердить французский как единый язык высокой культуры для всей территории Франции, что позволило им в XX в. создать национальный миф о естественности, совершенной добровольности и давности этого состояния.

Почему русским не удалось сделать с Украиной того, что французы сделали с Лангедоком или Провансом? Неудача ассимиляционных процессов в Украине объясняется комплексом причин. Часть из них применительно к России условно можно определить как «внешние», часть связана с особенностями украинского этноса и развитием украинского национального движения и самосознания. Но были и сугубо «внутренние» причины, ограничивавшие русский ассимиляторский потенциал.

Осложнявшие решение этой задачи «внешние» факторы в самом общем виде можно определить так: в своем взаимодействии русские и украинцы никогда не были «один на один». После включения Правобережной Украины в состав империи социально (но не количественно) доминирующей группой здесь остались польские землевладельцы. Вплоть до второго польского восстания 1863 г. Петербург в своей политике в Украине придерживался по преимуществу имперско-сословной логики (вспомним цитированного выше Каппелера), видя в польских помещиках прежде всего опору для контроля над украинским крестьянством и поддержания крепостнического порядка. *Только после 1863 г. правительство в значительной мере, хотя и не полностью, перешло от традиционно имперских, надэтнических к националистическим принципам формирования и проведения своей политики.* Однако даже в начале XX в., после всех конфискаций и других мер правительства, направленных на ослабление польского землевладения в Украине, половина земельных угодий оставалась здесь в руках поляков, что во многом было связано с неэффективностью и продажностью русской администрации.

Русская высокая культура в Украине никогда не имела монопольного положения, польская всегда выступала конкурентом и альтернативным образцом для подражаний. Значительная часть текстов раннего,

романтического периода развития украинского национализма, в том числе произведения Шевченко и Костомарова, имели в качестве образцов сочинения польских романтиков.

Как пишет А. Миллер, к этим же «внешним» факторам можно отнести сознательные усилия поляков, а несколько позже и австрийских властей – т. е. то, что в России XIX в. называлось польской и австрийской интригой. Во второй трети XIX в. польские политики, по преимуществу из среды эмиграции после первого восстания 1830–1831 гг., раньше самих украинцев сформулировали различные версии украинской идентичности*.

Большинство этих концепций объединял антиимперский пафос, который нередко переплетался с антирусским чувством. Один из наиболее глубоких украинских историков Иван Лысяк-Рудницкий посвятил биографические очерки трем идеологам польского украинофильства: Ипполиту (Владимиру) Терлецкому, Михалу Чайковскому и Франциошеку Духиньскому. Вывод Рудницкого однозначен: «*Поляки-украинофилы и украинцы польского происхождения (граница между этими двумя категориями была очень зыбкой) внесли существенный вклад в создание новой Украины… Их влияние помогло украинскому возрождению преодолеть уровень аполитичного культурного регионализма и усилило его антироссийскую боевитость*».

Уже само то обстоятельство, что не вся территория проживания украинского этноса находилась в составе Российской империи, создавало серьезные трудности для политики русификации украинцев. Более либеральный режим Габсбургов открывал нереальные для России возможности образовательной и публикаторской деятельности на украинском языке. Во второй половине XIX в. Галицию не случайно называли украинским Пьемонтом. Именно там переход украинской политической мысли к идее независимости произошел на рубеже веков, то есть на два десятилетия раньше, чем в подроссийской части Украины. Изданная здесь литература на украинском языке различными способами переправлялась в Российскую империю.

Цитируемый А. Миллером Джон-Пол Химка, самый авторитетный из современных специалистов по истории Галиции, вообще считает,

* Другой вопрос, что украинофилы-украинцы испытывали по отношению к полякам двойственное чувство, что не позволит нам считать украинофильство исключительно «польским изобретением». Украинцы были не прочь воспользоваться польскими «идейными полуфабрикатами» (у поляков существовала хорошая практика формулирования национальных требований), но порой с энтузиазмом воспринимали русификацию польских «кресов» (окраин) как шанс то ли для некоей «исторической мести», то ли для заработка (такая работа хорошо оплачивалась), то ли для реанимации здесь украинскости. (Прим. авт. – К. Г.)

что, если бы Россия получила Восточную Галицию после Венского конгресса в 1815 г. или даже оккупировала ее в 1878 г. в ходе Балканского кризиса, то «украинская игра была бы закончена не только в Галиции, но и в надднепрянской Украине».

Среди затруднявших ассимиляцию особенностей украинского этноса, прежде всего, следует выделить *демографический и социальный факторы*. Первый из них подробно проанализировал Д. Саундерс, подчеркнувший большую численность украинского этноса и его более высокую рождаемость по сравнению с русским. Продолжительность жизни на Украине также была в течение последних двух веков выше, чем в России. (Это, кстати, по А. Миллеру, еще одно свидетельство непригодности колониальной модели, по крайней мере в ее чистом виде, для описания русско-украинских отношений*.)

Безусловно, русификацию затрудняли и *этнические различия, историческая память об автономии и националистическое движение.* Однако по своему уровню и масштабу эти факторы не выходят за пределы «общеевропейской нормы» для подобных ситуаций. Барьер этнокультурных различий не был как-то особенно высок. Примеров русификации украинского селянина – достаточно. Со своей стороны, русские никогда не отказывались от ассимиляции украинцев ни на официальном, ни на бытовом уровне.

Вряд ли можно говорить о какой-то исключительной силе и развитости украинского националистического движения до рубежа XIX и XX вв., даже если сравнивать его с сугубо «неисторическими» народами (согласно терминологии Отто Бауэра).

Алексей Миллер считает, что при всей важности упомянутых факторов, их *недостаточно* для объяснения неудачи русификации. Причины этой неудачи во многом нужно искать в *неэффективности и ограниченности самих русификаторских усилий*. Иначе говоря, это не только история успеха борьбы украинских националистов, но и история неудачи их противников.

Сравним политику французских и русских властей. Административные запреты – единственная сфера, где Петербург может

* Повторюсь, что критика «колониальной модели» пребывания Украины в составе Российской империи совсем не исключает признания факта элементов культурно-языковой дискриминации украинцев как этнической общности. Существование поляков как покоренного народа «официально» признавалось (что делает «колониальную модель» относительно них более обоснованной, но тоже не на 100 %, ибо Польша была экономически более развита, чем Россия-метрополия), а существование украинцев – отрицалось. Может, проще, в случае Польши, говорить об аннексированных (оккупированных) территориях, а не «колониях»? (Прим. авт. – К. Г.)

конкурировать с Парижем. Подчеркну – конкурировать, но не превзойти. Трактуя украинский язык так же, как французы трактовали наречия-«патуа» (а это естественная позиция для сторонников концепции триединой русской нации), российские власти запрещали использование украинского в администрации, школе, издании книг «для народа», в чем совершенно не отличались от властей французских. Иначе говоря, преследования украинского языка в Российской империи отличаются своей жесткостью только на фоне отношения тех же российских властей к языкам других народов империи, но не на фоне французского опыта. И согласно русификаторской логике эти репрессии против украинского языка свидетельствуют, с одной стороны, об убежденности в необходимости и нормальности русификации украинцев, а с другой – об отсутствии такой убежденности по отношению, например, к эстонцам, но никак не о сознательном стремлении ущемить украинцев побольнее, чем кого-либо другого. От себя добавим, что «убежденность в необходимости» ассимиляции украинцев имела фундаментальное значение для самого образа «России» и «русских» – во времени и пространстве.

А. Миллер показывает, что в отношении этих запретительных мер в русском обществе и даже в правительственных кругах не было единства. Многие сторонники концепции триединой русской нации полагали, что процесс культурной унификации будет развиваться сам по себе, а усилия властей, особенно запретительного характера, лишь затрудняют его. (Уже славянофил Юрий Самарин высказывался в том смысле, что следует не посягать на украинскую культурную самобытность, а сосредоточиться на укреплении политико-экономического единства. Однако современный ему политический режим оставлял мало пространства для подобных усилий.)

Как бы то ни было, акты подобного рода могут иметь принципиально разную логику. Они могут быть мерами сугубо охранительного, запретительного порядка – и тогда судьба их печальна. Но они могут быть и частью активистского ассимиляторского плана. Однако для успеха наступательной ассимиляторской политики одних запретов совершенно недостаточно. Нужны также меры, которые в рамках русификаторской логики можно было бы назвать конструктивными.

Что могло заставить украинского крестьянина заговорить по-русски? Это, прежде всего, школа с русским языком преподавания и армия. (Эта практика действовала и в СССР. – *К. Г.*) Эффективность использования таких инструментов была низкой. Вспомним, что всеобщая

воинская повинность вводится в России только в 1874 г., то есть заметно позднее, чем во Франции. При том, что избежать армейской службы крестьяне стремились всюду, а в России у них для этого было гораздо больше оснований, чем во Франции, где в армии их питание, жилье, гигиена и одежда были заметно лучше, чем дома. Позднее же, в период Первой мировой войны, российская армия сама стала не только ареной, но и одним из генераторов национальных разделов, приведших к «национализациям» частей в 1917 г.

Продолжая эту мысль, Алексей Миллер утверждает, что *даже в начале XX в. школа, в силу плачевности своего положения, не могла служить эффективным инструментом русификации*. Наладить качественную систему начального образования на Украине, как и повсюду в империи, Петербург был не в состоянии: как по финансовым, так и по политическим причинам. К последним относится общее ретроградство российских правителей, с подозрением смотревших на саму идею расширения круга образованных людей, а также постоянный конфликт с этими образованными людьми, которые охотнее отправлялись «в народ» с социалистической агитацией, чем служили государственным чиновниками и учителями. Не случайно правительство даже пыталось привлечь чиновников на службу в Украине учреждением специальных надбавок к жалованию.

Русский помещик также не был эффективным проводником русификации. Растянувшаяся на многие десятилетия борьба царских властей с польским землевладением и другими элементами польского влияния в так называемом Западном крае дала весьма небольшие результаты. России не удалось создать в Правобережной Украине сколько-нибудь мощного, культурно и социально эмансипированного слоя русских землевладельцев. Даже получивший на Украине землю русский помещик предпочитал жить в городе и никак не мог сравниться по своему культурному влиянию в деревне с польским шляхтичем-землевладельцем.

Слабость русских землевладельцев как группы по сравнению с польскими была, в свою очередь, причиной того, что земская реформа не была распространена на западные губернии и земские школы не были способны восполнить слабость государственной системы образования. От себя добавим, что энергичное развитие земств на Левобережье все равно привело к активизации просветительской деятельности и *украинского* движения, так что даже земства на Правобережье не обязательно могли бы преградить дорогу «подпольной украинизации».

Получается, что запретительные указы не удалось сделать частью эффективного наступательного ассимиляторского плана, независимо от желания авторов этих указов.

Цитированный А. Миллером историк Юджин Вебер подчеркивает, что все усилия французских властей – заметно более интенсивные, организованные и продолжительные, чем в России, – по насаждению французского языка не давали ощутимых результатов, пока они не оказались подкреплены такими неизбежными следствиями модернизации, как урбанизация, развитие системы дорог, рост мобильности населения. Иными словами, когда выгоды от владения французским стали очевидны и повседневно ощутимы. Если мы обратимся к украинской ситуации, то увидим справедливость этого замечания даже на материале начала XX в., когда, как считает А. Миллер, *дело русификации украинцев по «французскому образцу» в целом было уже проиграно.* Процент голосовавших за украинские списки на выборах в Учредительное собрание 1917 г. в городах был неизменно ниже, чем процент украинского населения – то есть ассимиляционные процессы работали. Однако быстрый рост городов в Российской империи начался только в последней декаде XIX в.

Таким образом, арсенал средств, которыми российское правительство могло воспользоваться в XIX в. для русификации украинцев, был ограничен из-за общей отсталости страны, запаздывания процессов модернизации и неэффективности административной системы. В свою очередь, слабости административной системы предопределяли непоследовательность российской политики, которая существенно менялась не только в связи со сменой самодержцев, но и генерал-губернаторов. Это отчасти объясняется отсутствием единства взглядов в вопросах о задачах, направлениях и средствах русификаторской политики как в правящих кругах, так и в обществе в целом, что во многом было связано с запоздалым отказом императорского двора от собственно имперской логики, делавшей акцент на традиционалистской, ненационалистической легитимации царской власти.

Сама необходимость целенаправленных усилий по русификации украинцев была в России осознана лишь в середине XIX в., который, собственно, и был тем «окном возможностей», когда такая политика могла дать результат. Но правительство оказалось неспособным эффективно воспользоваться даже теми средствами, которые были ему доступны. Отсутствие единства в правящих кругах и в общественном мнении дополнял постоянно углублявшийся в XIX в. кризис в отношениях власти именно с той образованной частью собственно русского общества, сотрудничество с которой было столь необходимо для успеха любых русификаторских усилий*.

* Не полностью соглашусь с позицией А. Миллера, поскольку в дальнейших революционных и послереволюционных событиях даже такие радикальные противники царизма, как большевики, проводили в целом столь же русификаторскую и ассимиляционную политику, лишь задекорированную под «решение национального вопроса». Так что столь резко отделять взгляды «имперской администрации» от «образованной части русского общества», видимо, не стоит. (Прим. авт. – К. Г.)

Также весьма важно, что сама модель социально-политического устройства самодержавной России становилась все менее приемлемой для ее граждан. Переход властей к контрреформаторской политике в 1870-х годах, утверждение бюрократическо-полицейского образа режима и нараставший с этого времени политический конфликт в самом русском обществе неизбежно подрывали привлекательность России как центра интеграционного притяжения для иноэтнических элит. Отсутствие представительских структур до 1905 г., равно как и политика самодержавия в отношении Государственной Думы и «национального» представительства в ней после 1905 г. и особенно 1907 г., выталкивали даже федералистически настроенных «национальных» политиков в положение потенциально революционной контрэлиты.

Закрытость политической системы даже в начале XX в. оставляла крестьянство вообще, и украинское в частности, отчужденным от политической жизни и открытым для влияния радикальной пропаганды, будь то чисто социалистического, или националистически окрашенного толка.

Таким образом, в российско-украинских отношениях XIX в. вполне проявилась ограниченность ассимиляторского потенциала царской России вообще. По сути дела, российское правительство полагалось на стихийную ассимиляцию, ограничившись системой запретов по отношению к пропагандистским усилиям украинских националистов. Реальный исторический итог развития этой ситуации оказался вполне закономерным.

Утешились ли украинские патриоты этой последней констатацией российского автора А. Миллера? Следуя «от обратного», он вполне убедительно показал то, что украинцы не столько «продержались» в печальный для своей элиты период русификации, сколько имперская Россия не потянула такую задачу, как культурно растворить наш тогда еще достаточно многочисленный народ. Внешние интриги, «западные спецоперации» не могли сыграть роль системного «возбуждения» украинства – скорее империя не смогла в силу своей отсталости от «передового Запада» преодолеть саму стихию украинского этнического существования, которая лишь слегка корректировалось на «политическом выходе» национальной интеллигенцией. Нас просто «не потянули».

7. От «тирольцев Востока» к «украинскому Пьемонту»

Мы еле справляемся с одной нацией [поляками – К. Г.],
а эти дурные головы хотят разбудить
еще и мертво похороненную русскую нацию.

Начальник Львовской австрийской полиции
о галицких «будителях», 1837

Несколько иначе сложились перспективы украинства в австрийской части украинского пространства – в Галиции, Закарпатье и Буковине*. Мы опишем ее вслед за львовским историком Ярославом Грицаком**. Галиция в результате разделов Речи Посполитой так и не отошла под контроль Российской империи, оставшись с 1772 г. за Габсбургами, хотя те поначалу не очень и жаждали овладеть этой частью Польши – территория была отсталой в экономическом плане и чрезмерно большой для легкого поглощения. Земли Галиции были бо́льшими, чем известные нам три области в пределах Западной Украины, – тогда она включала еще и Западную Галицию (Малую Польшу) с центром в Кракове. В крае доминировали польские землевладельцы, не оставлявшие закономерной мечты о восстановлении независимости Польши. Довольно-таки проблемный регион, а ведь у Габсбургов и так хватало хлопот на других стратегических направлениях.

Местные русины-украинцы представляли собой бедное малоземельное крестьянство и столь же нищих священнослужителей – греко-католиков (униатов) при отсутствии собственной светской элиты, которая успешно полонизировалась на протяжении предыдущих столетий. Поляки называли местных русинов «холопы и попы», поскольку те не имели своей шляхты. Положение греко-католической церкви уже давно было маргинальным: если во времена начала Унии она была реализацией масштабного плана воссоединения католичества и православия в интересах папства, то после XVII в. она, хоть и стала доминирующей конфессией среди украинского населения Галиции, Закарпатья и Волыни, уже не была востребована

* Закарпатье досталось Габсбургам вместе с Северной Венгрией в 1541 г., Буковина (без Хотинщины) была отобрана у османов (точнее, их вассала Молдавии) в 1775 г., а Галиция отошла после первого раздела Речи Посполитой – в 1772 г.

** Грицак Я. Нарис історії України. Формування модерної української нації XIX – XX ст. – К., 1996.

польскими властями. Она ограничивалась лишь небольшим регионом. Поэтому правовой аспект Унии – уравнение в правах священнослужителей-католиков и униатов – не соблюдался. Войны Хмельницкого смели Унию с Центральной Украины. Дальнейшая перспектива греко-католичества была унылой – стать религией одного лишь крестьянства с продолжающимся материальным, социальным и образовательным упадком клира. Униатских священников даже заставляли отрабатывать барщину на господских полях. Следующий шаг этой уже *истинно народной церкви* был очевидным – окончательная деградация или переход в католичество, инициируемый польским Костелом в обход запретов Рима. И тут случились Габсбурги, которые фактически спасли греко-католическое украинское сообщество – правда, для реализации своих собственных интересов: модернизации империи и укрепления социальной роли угнетенных поляками русинов в пику очевидно неблагонадежным полякам. Австрийские монархи показали совершенно другой пример «*просвещенного абсолютизма*», сильно отличающегося в некоторых моментах от такового у Екатерины II.

Спасителем русинов стал император Иосиф II (правил в 1780–1790 гг.), который занимался приблизительно тем же, что и Екатерина, – унифицировал, греб свою империю под одну гребенку, но: он уравнивал своих подданных в юридических правах (насколько это было возможно), в конфессиональных, образовательных, экономических аспектах, преследуя цель модернизации империи и отдельных ее регионов. Галиция была одной из самых запущенных земель Австрии в социально-экономическом ключе, доставшись ей от Речи Посполитой явно не в лучшем виде. Поэтому Иосиф II в 1781–1782 гг. упразднил в Галиции личную зависимость крестьян от помещиков, ограничил барщину, запретил увеличение панской земли за счет захвата крестьянских наделов, суд над крестьянами должен был осуществлять не пан, а специальный чиновник. Это разительно отличается от политики Екатерины II, которая поступала наоборот. Просто каждый император в своем государстве приносил на окраины нормы центра: в Австрии было больше свободы, чем в Галиции, а в России – меньше свободы, чем в Гетманщине. И каждый подравнял окраину под себя.

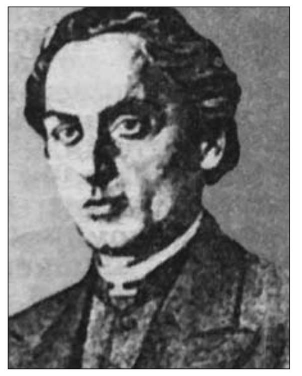
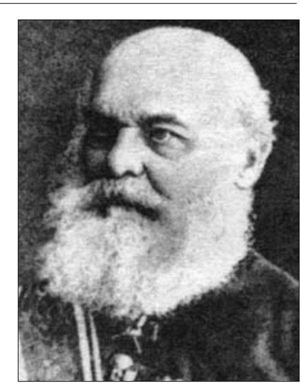
Иосиф II также уравнял в правах и возможностях занимать должности католиков, протестантов и греко-католиков – для всех открылись пути на государственную службу и в университеты. Вместо Иезуитской коллегии в **1784** г. был возобновлен закрытый перед тем в 1773 г. *Львовский университет*. Нельзя сказать, что он стал «украинским», он был скорее для элиты – немцев и поляков, но туда можно было попасть

и русину. При университете в 1787–1809 г. функционировал *Рутенский институт* (Studium Ruthenum*), где на философском и богословском факультетах обучались русины. В Вене при церкви св. Варвары была основана греко-католическая семинария (знаменитый среди галичан «Барбареум» (1774–1784) и «Конвикт» (1803–1893)), а в 1784 г. формируется система семинарий, в т. ч. – во Львове. Закарпатский (Мукачевский) епископ Андрей Бачинский сохранил Ужгородскую семинарию и добился возможности для своих студентов учиться во Львове. Это укрепило связи греко-католической церкви русинских земель через Карпаты. В 1777 г., в период соправления императрицы Марии-Терезии и Иосифа, был издан указ о *всеобщем образовании* (!), подкрепленный созданием системы школ для разных категорий населения. В начальной школе образование должно было получаться на *родном языке*, – такого права украинцы в России так и не добились.

Но нельзя сказать, что Иосиф II был «влюблен» в русинов или евреев (которым он тоже дал «послабления»): он просто способствовал модернизации австрийской монархии, ведь для модернизации подданные должны быть образованней, инициативней, свободней, а за эти возможности они будут уважать государство, которое при этом их хорошо контролирует. Украинские крестьяне и греко-католический клир вдруг ощутили если не дух свободы, то, как минимум, обрели надежду на реальное улучшение условий своей жизни. Бюрократическое государство Габсбургов ввело социальный конфликт между селом и помещиком в юридическое русло: крестьяне начали *судиться*, а не на вилы поднимать (хотя иногда и это случалось). Император Иосиф стал кумиром галицких селян и греко-католического клира на полвека, если не на столетие; их искренние монархические чувства обусловили для русинов название «*тирольцы Востока*», т. е. они, как и жители австрийского горного Тироля, были до конца преданы Австрийской монархии.

Это не значит, что в Галиции воцарилась социальная гармония: это общество как было, так и оставалось сословным, а после смерти Иосифа его наследники Леопольд II (1790–1792) и Франц (1792–1835) очень многое повернули вспять и в крестьянском вопросе, и в народном образовании... Но без иосифинских реформ конца XVIII в. не оживилась бы гражданская, общественная и культурная жизнь Галиции, давшая в результате накопления социального, экономического и образовательного ресурса *национальное*

* До начала XX в. галицкие украинцы сохраняли древнее самоназвание «русины», поскольку «Украина» изначально было региональным названием только Надднепрянщины. Австрийцы отличали русинов (Ruthenische) от русских-великороссов (Russische).

«Западенцы»

«Русская троица», «будители» украинцев Галиции: Маркиян Шашкевич, Иван Вагилевич, Яков Головацкий. Шашкевич умер в 32 года, Вагилевич в конце концов ушел в польское движение, а Головацкий – подался в москвофилы и переехал в Россию. Но зерна национальной идеи уже были ими брошены в землю и дали потом в Галиции обильные всходы.

возрождение галицких украинцев. Ведь даже недолгая оттепель дает людям надежду на приход весны. Не будь ее, это возрождение, может, и происходило бы, но нет уверенности, что оно стало бы «украинским», а вполне может быть, что русины по обе стороны Карпат превратились бы в локальные отсталые этнографические группы (в составе поляков? венгров?) тихо сохраняющие экзотические особенности быта и фольклора без сверхзадач на будущее. *А нации создаются людьми, для которых есть сверхзадачи*. Но для постановки таковых еще надо созреть.

Со временем условия для украинцев все же ухудшились. Наполеоновские войны несколько подорвали мощь австрийской монархии, а хронические недопонимания в «польском вопросе» породили у венской администрации мысль, что проще не проводить дороговатую либеральную унификацию в духе Иосифа II, а просто достичь компромисса с местной галицкой элитой – польской шляхтой – на предмет консенсуса и лояльности в обмен на господствующие административные позиции в крае. Это стало концом «романа» с русинами. К этому времени все более образованное греко-католическое духовенство и вообще образованные люди переставали быть столь «близки к народу»: они перенимали стандарты более развитых культур и их языки – немецкий, польский, венгерский. Путь к образованию частенько бывает дорогой прочь от своей культурной среды. При господстве чужих языков (польский для тогдашних русинов был столь же

понятен и знаком, как современным украинцам русский) возникают идеи, что чужие «выше» или «лучше» (как для многих современных украинцев русский) и проще перенять чужой, чем развить и усовершенствовать свой соответственно духу времени – ведь для этого нужно приложить усилия... Посему полонизация усилилась.

Но в той же униатской церкви существовало и другое течение, которое выступало за ее очищение, сохранение в духе уже не католицизма, а восточного обряда – православия. И возникает такое культурное и политическое течение, как *москвофильство*. Священные книги для греко-католиков оставались на церковнославянском языке, и часть галицкого духовенства, само того не подозревая, в сопротивлении полонизации решилась стать на тот путь, который прошел русский стандартный и литературный язык, – к опоре на язык старый книжный. Москвофилы верили в церковнославянский язык как в основу сохранения русинской идентичности в сопротивлении полонизации и как параллельный путь интеграции в российское культурное пространство (хотя «русский язык» в их исполнении – это не для слабонервных…). И имели на это полное право: *в Галиции царила ситуация свободного выбора национальности из нескольких вариантов*. По мере получения образования человек мог остаться русином (такие назвали себя несколько позже «украинцами»), мог стать поляком, мог податься в русские (россияне). Население в городах и местечках было необычайно пестрым: там жили поляки, евреи, немцы и русины. Каждый человек знал свой родной язык и еще один-два для *повседневной жизни*. (В сравнении с этим нас может поразить некая «сложность» усвоения украинского языка в русскоязычных регионах Украины.) Каждый в Дунайской монархии занимал свою нишу. Лучше всего, конечно, было стать «культурным австрийским немцем», но это требовало значительных инвестиций в образование. *Оставался в основном «славянский выбор» – между доминирующими в крае поляками, мощным соседним Российским государством и наиболее ущемленным в возможностях и перспективах украинским вариантом, малоперспективным в обеих империях*.

В результате галичане (в большинстве своем) выбрали самый проигрышный на XIX в. вариант – украинский. Здесь или начнешь верить в загадочную судьбу народов, или просто придешь к выводу, что этническая, старая культурная и языковая основа национальных движений (та основа, которая была *до национализма и слова «нация»*) берет верх над более выгодными и престижными вариантами. Москвофильское движение, не изменяя исконным местным словам «русин» и «руський»

(последнее в качестве прилагательного), доминировало в интеллигентских и церковных кругах Галиции с середины XIX в., но существенно утратило влияние на русинское сообщество к концу столетия. К моменту входа российских войск осенью 1914 г. во Львов, город был уже польско-украинским, так и не став польско-русским. И кто это все изменение проспонсировал? Никакой коварный Запад не потянул бы перевоспитание столь широких масс населения в украинском духе просто в пику «виртуальной Польше», полноценно жившей в крае, без участия Австрии, мало интересовавшейся русинами, при наличии рядом мощной России, которая считала галичан (равно как и малороссов) частью русской нации. Но так уж получилось, так уж «исторически сложилось».

«Долбите ту скалу»

Иван Франко (1856–1916). Энциклопедически образованный и всесторонне талантливый человек. Стал для Галиции таким же духовным вождем, как и Шевченко для Надднепрянщины. Сначала идеологически был последователем Драгоманова, но смог во многом его перерасти. Прошел эволюцию от пропаганды социал-демократических идей до стойкой критики марксизма как «религии, основанной на догмах ненависти и классовой борьбы». Советская власть эти его отступления с единственно верного пути скрывала, поскольку для присоединенной Западной Украины нужен был свой «герой-революционер», и забыть о Франко было крайне сложно.

Я не буду вдаваться в подробности польско-украинских и украинско-москвофильских отношений. Рассмотрим лишь в общих чертах. Наполеоновские войны, как и все глобальные пертурбации, оживили общественную жизнь. В 1818 г. русины добиваются введения их «руського», «рутенського» языка наряду с польским в начальных школах, а греко-католической церкви разрешался контроль над школами там, где большинство принадлежало к этой конфессии. В 1820–1830-е годы издаются первые грамматики «руського языка» (повторюсь, это совсем не то, что мы имеем в виду сегодня под «русским языком»). Укрепилось понимание того, что русинский народ – отдельная нация, живущая и под Австрией, и под Россией, но поначалу галицкие священники-просветители не осознавали необходимости «посадить» свой литературный язык на основу живого разговорного. Поэтому у них получался

загадочный церковнославянско-украинский «суржик», явно отстающий от словесного качества современных им литератур поляков и немцев.

После польского восстания в 1830–1831 гг. национальную бациллу подхватывают талантливые русины-семинаристы *Маркиян Шашкевич, Иван Вагилевич* и *Яков Головацкий*, с 1832 г. получившие прозвище «*Руськая троица*». Дискуссии о польской независимости заставили новое поколение русинов задуматься о том, а чего ж они-то сами хотят. До того тесно связанные с польским культурным миром края, они порывают со вчерашними товарищами – ведь нельзя построить две разные нации на одной территории. Влияние идей чешского и словацкого национального возрождения, приход в Галицию «Энеиды» Котляревского и европейской моды на фольклор обращают «Троицу» и их соратников к живому народному языку. И тут австрийские власти начали подозревать, что его использование в литературе может привести к украинскому политическому движению, которым может воспользоваться соседняя Россия. Старшие товарищи греко-католики тоже без энтузиазма смотрели на лингвистические упражнения младших. Однако в 1837 г. при помощи сербских друзей Головацкий издал в Пеште «*Русалку Днестровую*» – альманах, не зафиксировавший особых литературных достижений, но пустивший живой русинский язык в литературу. Как и следовало ожидать, оказалось, что этот язык мало чем отличался от того, который жил на восток от австро-российской границы. Организаторам этого дела жизнь порядком «подпортили», тираж конфисковали, разошлось всего штук 200, но для будущего задел был сделан.

После польского восстания 1846 г. австрийские власти «добреют» к русинам. В **1848** г. Австрийскую империю трясет революция, которая являлась вполне национально-демократической, поскольку постарались все национальности, и при этом с демократическим требованиями. Поляки во Львове выступили в роли революционеров, русины – в роли скорее консерваторов, но их орган Главная Руськая Рада все-таки заявил, что галицкие русины являются частью 15-миллионного малорусского народа, и подтвердил властям, что *они не один народ с великороссами*. Наибольшим успехом Рады было собрание 200 тысяч подписей под требованием разделить Галицию на польскую и русинскую части. В конце 1848 г. революционные «проявления» подавили, национальное движение галицких русинов опять успокоилось, но уже существовала программа-минимум: разделение Галиции. Старый парадокс национальных движений: каких-то маленьких поступательных шажков, оцененных единицами, потом хватало на очень большие страсти и очень Большие События.

В 1850-е годы наступила реакция, связанная с наместником края польским графом А. Голуховским. Неоцененный многими поляками патриот Польши, он был в прекрасных отношениях с Веной и удачно лоббировал польские интересы в Галиции, сочетая их с дискредитацией русинов как «русофилов» (российская интрига). Ему принадлежит заслуга попытки (правда, неудачной) перевести русинский язык на латиницу.

После поражений от Франции и Италии в 1859 г. и от Пруссии в 1866 г. Австрия оказалась в тени новообразованной Германской империи, перестала быть «немецким государством», ее начали воспринимать как набор осколков разных народов («лоскутная империя»). В 1867 г. Австрийская империя стала двуединой – Австро-Венгерской, чтобы успокоить воспрявших духом и экономикой венгров. Закарпатье отошло в венгерскую часть страны, Буковина и Галиция – в австрийскую, причем в Галиции осуществлялся польско-австрийский компромисс с предоставлением полякам особых прав и возможностей. Русинам в Галицком сейме предоставлялось всего лишь около 15 % мест. Начался новый виток полонизации.

Как видим, пока никак не удается проследить осуществление такой популярной в российской исторической публицистике идеи об *австрийской интриге*, направленной на распространение и поддержку украинского движения в пику России. Пока видим только поддержку Австрией поляков – потому что те этого добились… Но, может, это позже Запад начнет плести интриги против «общерусского единства»? В принципе, в дальнейшем историки «интригу» находят, но, к сожалению, в пользу не украинцев, а поляков. Подавстрийские поляки решают, что, добившись компромисса с Веной, Галиция станет «*польским Пьемонтом*» – центром национального возрождения и объединения польских территорий (особенно после того, как очередное восстание в 1863 г. в подроссийской Польше было потоплено в крови). К компромиссу между поляками и русинами призывают лишь краковские интеллектуалы-консерваторы, иные же польские политические силы не признают русинов отдельной нацией, а лишь ветвью поляков (ничего не напоминает?). Формы австрийской демократии с выборами в краевой сейм и венский рейхсрат (с 1873 г.) осуществлялись с использованием польского админресурса и откровенно фальсифицировались на местах.

Как это все отразилось на галицких украинцах? Понятно, что они отчасти разочаровались в Вене. Они почувствовали себя брошенными на польский произвол, начались разброд и шатание. Москвофилы считали, что «лучше утопиться в российском море, чем в польской луже», и на некоторое время возглавили русинский политикум, получив финансовую поддержку из России – чем не «российская интрига»? Тем более что после польского восстания начались репрессии

против украинского языка в России, и Петербургу было логично продолжить эту политику русификации и в «тылу» врага, за галицкой границей. Популярность москвофилов среди галицкой общественности продлилась 20 лет, и ее поддержали многие, кто зачинал украинское движение в крае – и член «Троицы» Яков Головацкий в том числе. Крестьяне (эти «тирольцы Востока») будут разочарованы монархией, поскольку приходил «свободный рынок» и обезземеление, Австрия терпела военные поражения, а на российском украинском Правобережье проводились репрессии против поляков, упразднялось крепостное право по льготной для крестьян схеме. Крестьяне верили, что скоро придет «белый царь», выгонит поляков-землевладельцев и евреев-ростовщиков, раздаст землю народу. Вот-вот, казалось, приближается заветное единение русских племен…

Но «буржуазные украинские националисты» не дремали! Еще в 1860-е годы усиливается идейное влияние надднепрянцев на галицкую национальную жизнь, и там зарождается народовское (народническое) движение, представленное молодым поколением (например, уже младшим Шашкевичем – Владимиром). Появляются издания на народном языке, а в 1868 г. основывается общество «Просвита» («Просвещение»), ставшее одним из самых мощных просветительских движений в истории Украины, перекинувшись потом и в российскую ее часть. Надднепрянцы, ущемляемые в правах в Российской империи, начинают кампанию по превращению Галиции не в польский, а в «*украинский Пьемонт*» – центр украинского национального возрождения. В 1873 г. по инициативе надднепрянцев Александра Конисского, Михаила Драгоманова, Дмитрия Пильчикова на средства полтавской помещицы Елизаветы Милорадович и при активном участии галичан во Львове было создано литературно-научное Общество имени Шевченко (ставшее на рубеже веков фактически украинской Академией наук).

В каком-то смысле борьба российских властей и украинского движения распространилась на территорию Австрии. Местная национальная почва была плодородной, и в 1880-е годы народовцы оттесняют москвофилов на второй план. А незадолго до этого, в 1870-е годы, возникает и *радикальное*, социалистическое, течение – во главе с Иваном Франко, Михаилом Павликом и Остапом Терлецким (тут тоже не обошлось без влияния Драгоманова). В 1890 г. возникает *первая украинская политическая партия в Галиции* – Русько-украинская радикальная партия (РУРП), а дальше в дискуссии между уже «постаревшими» Франко и Павликом и «молодыми» марксистами возникает *лозунг политической независимости Украины* – в брошюре Юлиана Бачинского «Украина ирредента» и новой редакции программы РУРП.

Параллельно росло и политическое влияние украинского движения, которое привлекает к себе внимание. Возникает еще одна украинская

кафедра в университете, еще одна украинская гимназия, в 1893 г. узаконивается фонетическое украинское правописание и попадает в школьные учебники. В 1890–1894 гг. даже происходит краткая «новая эра» польско-украинского взаимопонимания. В 1894 г. во Львов из Киева приезжает возглавить организованную историческую кафедру ученик Антоновича Михаил Грушевский (о нем подробнее – дальше) и в 1897 г. он уже возглавляет Научное общество им. Шевченко (НТШ).

Украинское галицкое сообщество все больше политически структурируется: часть народовцев и радикалов отказываются от социалистической идеологии в пользу национальной идеи и объединяются в украинскую национально-демократическую партию (УНДП, 1899) – самое массовое политическое движение. Появились клерикалы, оставались радикалы, укрепились социал-демократы. Это была та политическая структуризация, которая вооружила галицких украинцем тем политическим опытом, который подроссийские украинцы могли получить лишь после революции 1917 г. – опыт легальной многопартийной системы в условиях политической свободы. Но надднепрянцы тогда получили российскую гражданскую войну и интервенцию – поздно было учиться. *Поэтому украинский политический опыт галичан был на момент 1918 г. (т. е независимости) гораздо более зрелым, а национальные приоритеты более разработанными и прагматичными*. Без идеалистического идиотизма надднепрянских социалистов, угробившего украинскую государственность.

Возвращаясь к сквозной теме нашей книжки – **кто же из них был украинским националистом**? – можем сказать: в Галиции – все представители национальных сил (от клерикалов до социал-демократов), поскольку они все более ориентировались на реализацию украинской национальной государственности.

8. Михновский — первый украинский националист?

В 1902 г. сторонники упомянутого нами в предыдущем разделе о Надднепрянщине Миколы Михновского образовали Украинскую народную партию, целью которой была «*одна, единая, неделимая от Карпат аж до Кавказа, самостоятельная, свободная, демократическая Украина – республика рабочих людей – вот национальный украинский идеал*». Эта цель была сформулирована в первой из «Десяти заповедей УНП», чаще называемых

«Десятью заповедями *украинского националиста*», к числу которых относились и последующие:

> *2. Все люди – твои братья, но москали, ляхи, венгры, румыны и евреи суть враги нашего народа, пока они господствуют над нами и эксплуатируют нас.*
> *3. Украина – для украинцев. Итак, выгони отовсюду с Украины чужаков-угнетателей.*
> *4. Всюду и всегда употребляй украинский язык. Пусть ни жена твоя, ни дети твои не поганят твоего дома языком чужаков-угнетателей.*
> *5. Уважай деятелей родного края, ненавидь его врагов, отвергай оборотней-отступников, и хорошо будет всему твоему народу и тебе.*
> *6. Не убивай Украину своим равнодушием к всенародным интересам.*
> *7. Не стань оборотнем-отступником.*
> *8. Не оббирай собственный свой народ, работая на врагов Украины.*
> *9. Помогай своему земляку прежде всего. Держись вместе.*
> *10. Не бери себе жены из чужаков, поскольку дети твои будут тебе врагами, не дружи с врагами нашего народа, потому что ты добавляешь им силы и отваги.*

Эти эпатажные для тогдашних «политических украинцев» заявления были только на обложке программы партии, все внутри посвящалось социальным проблемам, напрямую не связанными с заявленными «заповедями». Это делает маловлиятельное движение Миколы Михновского интересным с точки зрения вопроса – был ли автор «заповедей» «*первым украинским националистом*».

Вполне логично, что развивающееся национальное движение, разрастаясь, обретало свои крайности: одна уже начинала отвергать национальное в пользу социальных приоритетов, а другая начинала национальное (в данном случае сугубо *этническое*) абсолютизировать. Поскольку все политические и культурные движения, исходящие из тезиса о существовании украинской нации (отдельного украинского народа), были, по сути своей, движениями, представлявшими украинский национализм, *они все были националистичны* – украинские социалисты тоже представляли национализм. Отходя от национальных приоритетов в пользу воображаемого

«социалистического интернационализма», часть из них начинала выпадать из этой обоймы, но многие потом вернулись, когда реалии украинско-российской войны 1917–1921 гг. заставили их сделать окончательный выбор (хотя кто-то, конечно, сделал выбор и в обратном направлении – от национального к социалистически «интернациональному»). Посему считать (исходя из «Десяти заповедей») «националистом» только Михновского и его немногочисленных последователей – неверно.

Мне кажется, что тезис об «эпатаже», «провокации» в данном случае будет наиболее верным: Михновский в своей пробе пера («Самостийной Украине», предназначенной для Украинской революционной партии) снабдил социалистическое содержание брошюры националистической формой, крайне этим озадачив других товарищей по движению. Зная дальнейшую деятельность Михновского, иную трактовку я дать не могу. Он был «самостийником», т. е. мыслил более «национально», чем его соратники, по-провинциальному эпигонски повторявшие идеи российского марксизма. Однако при том он и не был каким-то украинским шовинистом, как можно было бы предположить. Его кругозор был шире, и он уже видел возможности *национальной* самореализации украинцев, в то время как его современники были ограничены в интересах исключительно социальными проблемами народных масс. Им не хватало смелости хоть сколько-нибудь выступить против социалистически-интернациональной идейной моды российских социал-демократов. Идея независимой государственности не воспринималась украинскими активистами, пока сама жизнь не заставила их действовать как «самостийников».

Настоящий мужчина

Леся Украинка (1871–1913) – блестящая поэтесса, человек огромной духовной силы. Племянница Драгоманова, который во многом на нее повлиял. Ее талант и творческая мощь очень многих и многих людей обратили в украинскую веру. Она была пламенным критиком любых оппортунистов и соглашателей. Ее унес в могилу туберкулез – бич тогдашней интеллигенции.

До 1917 г. идеи Михновского оставались маргинальными в украинском левом (а другого не было) «политикуме». В год революции он показал себя одним из первых украинских государственников, призывая к скорейшему строительству вооруженных сил. В результате имел место грустный парадокс: его видение ситуации оказалось верным, но сам он, изначально излагавший адекватный взгляд на перспективы украинства, оказался вытолкнутым из политического процесса теми, кто со значительным опозданием стал реализовывать его идеи, – тем же Петлюрой. Поэтому действительно заслуженной им роли в освободительном движении 1917–1921 гг. Михновскому сыграть так и не удалось. Он во многом опередил свое время, а те, что его критиковали, пришли к тому же видению, но когда было уже слишком поздно. Среди немногих единомышленников Михновского можно назвать Вячеслава Липинского и Дмитра Донцова (о которых речь пойдет ниже), но они оставались в своей среде такими же одинокими и невостребованными.

Возвращаясь к вопросу о том, кто же был «первым националистом», уточнимся, что мы не делаем сам «национализм» исключительно негативным ярлыком. Вспомним, что национализм – это просто система ценностей, где понятие «нации» является ключевым, но, кроме идеи самоопределения (которая сама по себе влечет некие политические последствия), все остальные его составляющие – политически нейтральны*. Все конкретные проявления национализма уже зависят от тех «политических союзов», в которые национализм «вступает», – с социалистами, либералами, консерваторами, правыми и левыми экстремистами, людьми умеренными или террористами, зависит также от конкретных коллизий в обществе (ведь, например, гражданская война может крайне радикализовать все конфликты и сделать из респектабельного умеренного джентльмена жесткого экстремиста или тирана).

Поэтому на честь называться первыми украинскими националистами могут скорее претендовать Костомаров и Шевченко, да и то потому, что в их время уже начинало работать современное понятие «народа-нации» и «Украина» для них уже была широким пространством, определяемым этнической территорией определенного народа, не ограниченной только Малороссией или другой локальной областью. Они уже были людьми эпохи модерного национализма и выразителями вполне очевидной европейской интеллектуальной моды,

* Швейцарская нация со своим «национализмом» является политической нацией, объединяющей четыре части этнические (немецкую, французскую и итальянскую) и рето-романскую.

которая лишь по-новому оформила претензии и так уже давно существующего украинского народа (как бы он себя не называл в зависимости от эпохи и ситуации). «Этнографизм» и «демократизм» просто сместил акценты и сделал *мотивацию и опору* движения за самобытность определенной *исторической земли* не элитарной, а массово-народной. Плоды Просвещения теперь озадачили украинскую элиту «народом», который как оправдывал своим существованием ее усилия, так и одновременно отягощал ее необходимостью *мобилизовать* себя на борьбу за свои «национальные идеалы».

Здесь необходимо также заметить, что в проектах украинского движения того времени еще слабо улавливается ключевое противоречие между двумя определениями нации – *этническим* и *политическим*. Слабо – по той причине, что лозунг национальной автономии в пределах России акцентировал внимание на этнически украинском обосновании этой идеи. Только *наличие отдельного украинского этноса* (народа) как культурно-языкового отдельного сообщества людей узаконивало эти претензии. Но точно так же очевидно, что очерчиваемое украинскими этническими границами пространство имело полиэтничное население, специализированное по роду деятельности (евреи – торговцы, ремесленники и предприниматели, русские – чиновники, землевладельцы и пролетарии, поляки – землевладельцы и мещане, украинцы присутствуют понемногу везде, но неассимилированные – пашут в поле) – как с этим «пестреньким» населением быть? Украинские левые, почти монополизировавшие фактически с начала XX в. украинское движение, поминали в своих проектах защиту интересов *всех наций*, поскольку «украинский вопрос» не мог решаться вне контекста общего «национального вопроса в России». Но, похоже, что отсутствие у них самостийнических амбиций не ставило перед ними такого вопроса, как «другие национальности в Украине». Ведь только взятие на себя ответственности за независимое государство во всей полноте очерчивания принципов существования отдельного «политического тела» могло поднять «национальный вопрос» *внутри, а не вне* «украинского вопроса». Для духовного лидера тогдашних «сознательных украинцев» историка Михаила Грушевского идея независимости ассоциировалась с «*зоологическим национализмом*» (я думал раньше, что это термин советской пропаганды – а ведь нет!), – неудивительно, что у него потом что-то с этой независимостью не получилось, поскольку для независимости «зоологический национализм» как раз и не нужен, ибо в полиэтническом обществе подрывает ее изначально. Значит, у Грушевского просто не было каких-либо идей «на случай независимости».

Неясность в видении этой проблемы отразилась на всем развитии представлений об украинской нации в XX в., но тогда, когда украинцы решали свою проблему, а другие нации – свои, многие сознательные украинцы начинали естественно себя ощущать *этнической нацией*, выделяемой в имперской социальной структуре по социальным категориям, говорящим на украинском языке: многомиллионное крестьянство и малочисленная национальная интеллигенция. С таким социальным набором, как сегодня, очевидно, нечего было соваться в державные нации, но: *тогдашние украинские левые не хотели независимости*! Потом, когда развал России и большевистский переворот заставят их провозгласить нежеланный суверенитет, они с ним не справятся, исходя из очевидной узости социальной базы. Многомиллионное крестьянство – это конечно, славно, но оно имеет политический смысл, когда полностью заряжено национальной идеологией, а не живет своей отдельной политически бессознательной жизнью. А кто будет строить сложные институты современной государственности: патриотические газетные публицисты или пастухи и пахари? Если бы проект независимости готовился заранее, то люди, имеющие определенный широкий кругозор и способные вообще постигнуть сущность этого процесса эмансипации в большом и часто очень враждебном мире, задумались бы о том, что *этнополитический организм* (суверенная государственность на основе украинских этнических претензий) должен иметь все необходимые «*органы*» – в администрации, экономике, культуре. Необходима была социальная, политическая и культурная ниша для других этнических групп, вполне необходимых для существования украинского общества, нужна была *политическая (гражданская) нация*, основанная на идее государственной лояльности и патриотизма, безотносительно к языку общения. И замечу: все, что я говорил выше, касалось только российской части Украины, а рядом находились еще более пестрые габсбургские Галиция, Закарпатье и Буковина. Даже в «националистической», по российским представлениям, Галиции такой человек, как Иван Франко, один из величайших украинских (и европейских) универсальных умов того времени, считал украинскую независимость находящейся «*за пределами возможного*». Видимо, имел на то основания.

До 1918 г. «самостийники» были очевидными маргиналами украинского движения в России. То есть, мало кто думал не только о перспективах независимой «соборной Украины» вообще, но и о независимости вполне самодостаточной Большой, российской ее части в частности. Стоит ли удивляться тому количеству глупостей, просчетов и банальной бездарности,

неподготовленности и непрофессионализма в созидании украинской независимой государственности в 1917–1920 гг.?

Повторю еще одну, высказанную ранее мысль: эта узость кругозора определялась далеко не в последнюю очередь и тем крайне узким полем возможностей, которые предоставляла украинцам Империя; она пала в 1917 г., потянув за собой в пропасть те политические силы, которые сформировались в ее теле, оставив чистое пространство для экстремистов-большевиков. (Как писал Шевченко про давнишнюю Гетманщину: «*Правда ваша: Польша пала, да и вас раздавила!*») У большевиков горизонты были неограниченны, поскольку они и не пытались легально работать до 1917 г., они были «никем», а с этой позиции очень легко стать «всем». Украинцы же просто не успевали модернизировать свое национальное мышление и представление о «пределах возможного» в сумасшедшей скорости краха «старого мира». В последующих событиях мог выиграть только самый радикальный, нетерпимый и жестокий, чего (в ненужное уже утешение) про тогдашних «политических украинцев» сказать нельзя.

9. Профессор Грушевский обнаруживает древних украинцев

Михаил Грушевский (1866–1934) воплощает в себе все достижения и недостатки украинского движения с конца XIX в. до 1918 г., исходя из того банального факта, что он был лидером этого движения. Не формальным, но признанным авторитетом, что и обусловило *безальтернативность* его заочного избрания главой Украинской Центральной Рады в марте 1917 г. Этот человек объединял в себе две соседние Украины (Надднепрянскую и Галицкую), и от него как автора многотомной «*Истории Украины-Руси*» зависело ее прошлое – то, которое, по мнению его последователей, закономерно определяло ее будущее.

Он родился в семье обеспеченного православного священника в городе Холм (тогдашняя «русская Польша»), юность провел в Грузии, и там же заинтересовался украинством (подписываясь на украинские издания). Является ли Тифлис кузницей украинских националистов – неразрешимый пока вопрос. Грушевский – одна из загадок

Отец-основатель

Михаил Грушевский. Консолидировал украинское движение по обе стороны австро-российской границы, был лидером украинской интеллигенции начала XX в., создал схему «длинной» истории Украины и многотомно ее развернул, возглавил Центральную раду в 1917 г. Как ученый был гораздо более успешен, чем политик. Побывал в эмиграции, вернулся в СССР, стал академиком. С 1929 г. все основанные им научные структуры были распущены, а сам Грушевский выслан из Украины. Умер своей смертью (многие, правда, в это не верят) в 1934 г.

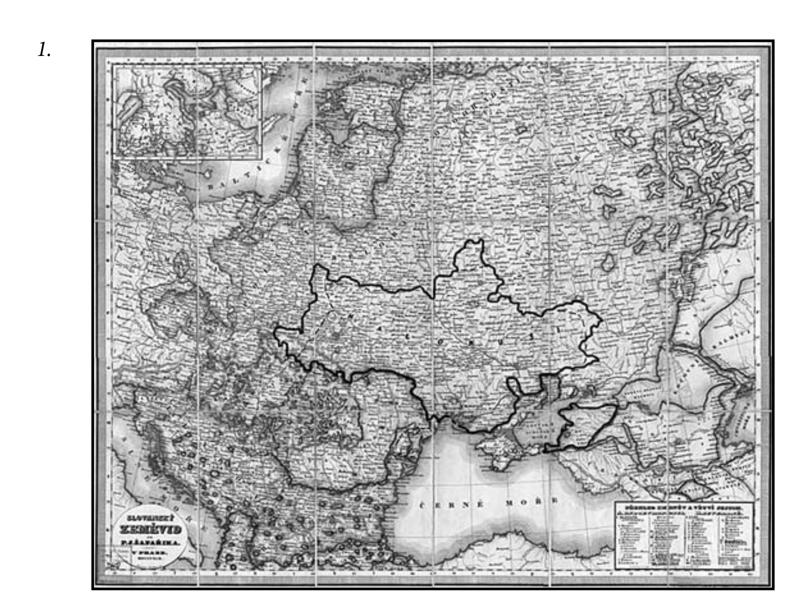
национального сознания: найти факторы, объективно толкнувшие его в украинское движение, практически невозможно. Он еще толком не владел украинским языком, но тот ему нравился, ему хотелось что-то писать и приобщиться к украинской литературе. Однако в результате это вылилось в интерес к истории (можно ли представить себе тогдашнего «сознательного украинца», далекого от истории Украины?), который приобрел научное обрамление в Киевском университете Святого Владимира. Ученик профессора Владимира Антоновича, Грушевский стал частью того академического проекта, о котором уже говорилось выше, – «областная история» Южной Руси, преодолевавшая порог монгольского нашествия и достигающая литовского XIV в. Судя по тому, что Грушевскому была доверена именно Киевская земля, он имел наилучшие перспективы. Его постигла быстрая научная карьера: в 28 лет (крайне рано по тем респектабельным временам) он стал ординарным профессором кафедры «всемирной истории с особенным вниманием к Восточной Европе», а прямо говоря – кафедры истории Украины Львовского университета. Шаг неординарный: он был «импортирован», «выписан» из Российской империи в австрийский университет на сомнительное (с политической точки зрения) научное направление. Здесь сыграл свою роль и авторитет профессора Антоновича в украинских галицких кругах, и, видимо, организационный и научный потенциал молодого ученого. Насчет организационного потенциала никто не ошибся: активность Грушевского в галицких пределах была более чем масштабной. Он очень энергично и успешно находил средства для Научного общества имени Шевченко (НТШ), которое и возглавил в 1897 г.

Его активность и организаторские способности сделали Общество авторитетным объединением ученых; Грушевский фактически создал во Львове солидную школу истории Украины, которой удалось развить исследование украинского минувшего и которая сыграла свою роль и в те времена, когда на «востоке» при советской власти украинская история пришла в упадок. Разнообразные украинские издания выходили и множились, а их качество улучшалось. Нельзя, конечно, здесь все достижения валить на Грушевского, галицкая национальная жизнь имела свои закономерности развития и свой эффект «снежного кома». Грушевский был очевидным научным авторитетом, который стал почитаемым организатором движения вообще. Тогдашний украинский мир был не очень емок, имея свои пределы роста: Грушевский достиг их первым. Выше тогда было некуда.

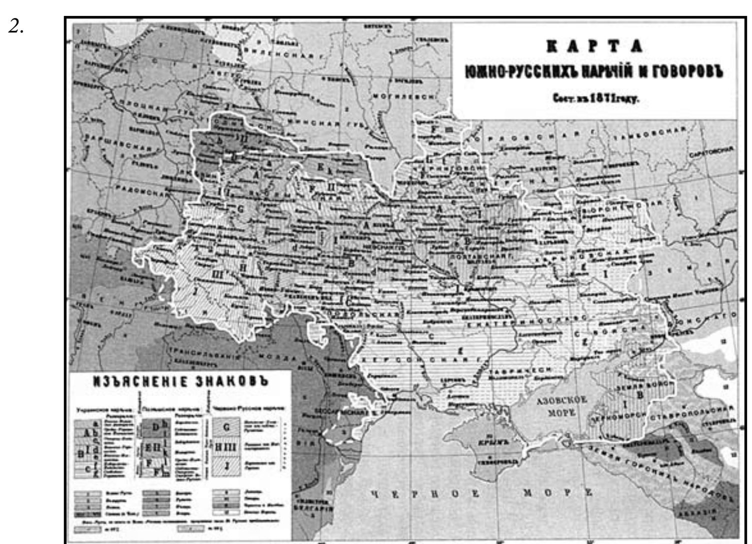
Михаил Грушевский как личность никогда не вызывал однозначных оценок; ему были свойственны большие амбиции, что вызывало различные противодействия в весьма тесных украинских кругах. Его восприятие мира (если исходить из его дневника) – не самое оптимистичное, скорее ипохондрически-раздражительное, но потенциал созидательности был более чем велик, судя по результатам. Кто прав, а кто виноват в тех межличностных страстях – судить сложно. Фактом остается то, что для обеих Украин, Галицкой и Надднепрянской, к 1914 г., разделившему их по две стороны фронта, Грушевский стал очевидным надпартийным лидером украинского движения. Его непосредственная деятельность связывалась со Львовом, позволявшим гораздо больше в силу либеральности габсбургской монархии, а основные усилия – с подроссийской Украиной, где Грушевский пытался развить научную составляющую украинской общественной жизни, а своей активностью во Львове еще просто оживлял межукраинские контакты.

Крайние нелюбители Грушевского называют его «австрийским агентом», изначально нанятым Австрией для подрывной деятельности против России. Проблема в том, что украинское движение существовало и организационно развивалось, завоевывая себе влияние по обе стороны межукраинской границы. Не стал бы Грушевский заведующим кафедрой, «выбитой» у Вены украинцами-галичанами, – стал бы кто-то другой, но здесь имел место определенный реверанс – передача эстафеты из Киева (где сосредотачивалась более серьезная историческая школа, особенно по Руси) во Львов. Разве что австрияки заранее подкупили киевского профессора-украинофила Антоновича, чтобы выпросить у него лучшего ученика. Человек, занимающийся

1.

2.

Новое оформление украинского пространства

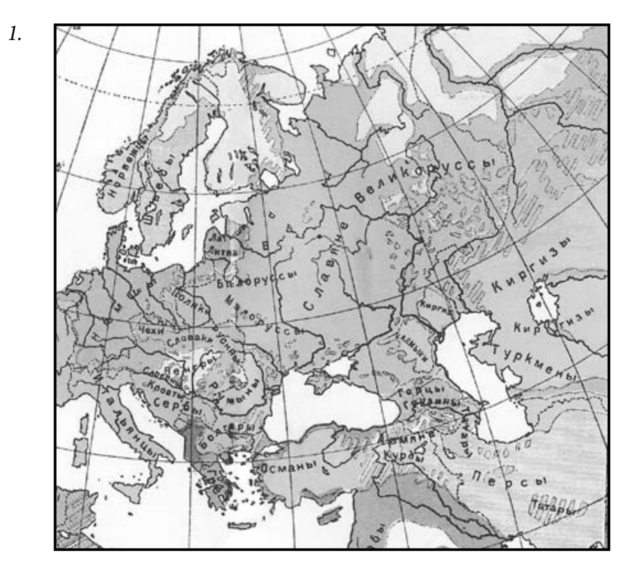
Если в XVII–XVIII вв. пределы стран определялись по правовым традициям феодальной эпохи, то в XIX в. современный национализм, этнография и языкознание перерисовали карту Европы наново. На карте 1 мы видим «Славянские земли» (1842) – результат исследований одного из славянских «будителей» Павла Йозефа Шафарика (1795–1861). На ней впервые четко очерчен ареал малоросов-украинцев. Карта 2 – уже отечественный продукт: «Карта южнорусских наречий и говоров» (1871). Авторы – Павел Чубинский и Кость Михальчук, которые работали в Юго-Западном отделе Русского географического общества.

украинским движением «из Львова», в то время был обречен на то, что его считали бы в России шпионом Австрии (Грушевский это ощутил на себе в 1914 г., когда сразу же попал в ссылку).

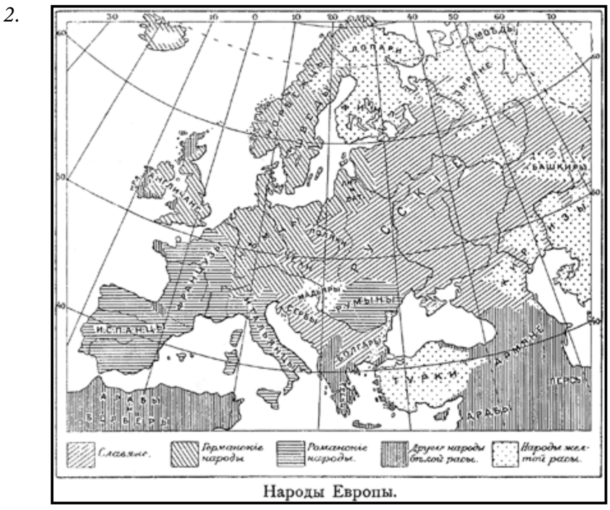
Как всегда, страны, где была какая-то свобода слова, вызывали гневное осуждение со стороны тех, где такой свободы не было. Пропаганда русских националистов всегда ориентировалась на то, чтобы считать любые проявления украинскости на уровне выше местнического патриотизма интригой враждебного Запада. В этом смысле начало XX в. никак не отличается от начала XXI в. Все мнения об украинском движении столетней давности можно найти в современных российских СМИ. Ничего не меняется (хорошо это или плохо – кому как), зато удобно для того, чтобы быстро и прямо сейчас сориентироваться в «украинской проблеме». Уточню: спонсором, выдумывающим отдельную Украину и украинцев, обычно является основной геополитический или идеологический конкурент России, хотя он об этом может и не догадываться – Украина страна маловатая для глобальных конфликтов и потому слишком часто «выдумывала» себя самостоятельно.

Малая, но тем более весомая удача для тогдашних украинцев состояла в том, что у них была Галиция – очень небольшая древняя украинская земля, где на малом, этнически гораздо более пестром пространстве можно было за несколько лет сотворить то, на что в Российской империи ушли бы десятилетия. Российско-австрийские отношения находились в ситуации *минимума* взаимных подрывных усилий, поскольку из-за этнической пестроты обе империи держали друг друга за горло в вопросе тех же поляков и украинцев: Россия подкармливала галицких москвофилов (на тогдашнем местном жаргоне – «рублефилов»), считающих себя русскими (в смысле россиянами), Австрия же не третировала галицких русинов-украинцев, которые, однако, были скорее запасным аргументом против австрийских поляков (доминирующих в регионе по соглашению с Веной с конца 1860-х гг.), нежели способом «подрыва» России. Поляки были гораздо большей общей головной болью обеих империй, той болью, которая делала их до трагического военного разрыва, гораздо больше союзниками, чем противниками. Хорошим критерием шпионства Грушевского на пользу Австрии было то, что в 1914 г., в отличие от многих украинских политических эмигрантов, оставшихся в Австрии на всю войну и ведших антироссийскую (т. е. украинскую) пропаганду среди украинских военнопленных, он вернулся домой (Грушевский был подданым Российской империи), за что и получил ссылку.

1.

2.

Народы Европы.

Появились на карте

(1) «Народная энциклопедия научных и прикладных знаний» «Харьковского общества распространения в народе грамотности», т. 6 «Антрополого-географический» (издано в Москве, 1912) на карте «Народонаселение Европы» разместила отдельных «малороссов». Хотя авторы «Народной энциклопедии» предусмотрительно до самого Харькова надпись «малороссы» не довели, и политкорректно остались под нейтральным титлом «славяне». Ни вашим – ни нашим. Издание было либеральное, а вот в «допущенных» учебниках (2) до 1917 г. позволялось, видимо, на таких картах писать только «русские», покрывая ими все восточнославянское пространство: «Начальный курс географии» Г. Иванова,– Петроград, 1914.

Позже, в 1917 г., он все никак не хотел отделить Украину от России, даже упирался. Тем более, не присоединял ее к Австрии, хотя имел на это шанс как лидер Центральной Рады во время брестских переговоров о мире, когда свою волю фактически диктовали немцы и австрийцы. Наоборот, секретное приложение к мирному договору УНР и Центральных держав предполагало подрыв тогдашнего австрийского единства в смысле образования в Галиции как отдельного «коронного края». Так что Бог с ним, со шпионством, вернемся к истории.

Михаил Грушевский выполнил необычайно важную для украинцев работу: он их академически, т. е квалифицированно исторически, *обосновал*. Многотомно, что особенно приятно для тех, кто любит толстые книжки как мощный аргумент в споре. Проследив телодвижения украинского народа в предыдущей главе, мы можем оценить важность усилия Грушевского: он всю пестроту украинских идентичностей, земельного разнообразия, исторического опыта, государственной принадлежности, диалектов и прочая и прочая, наконец-то четко очертил географически по этническим границам и проследил стезю во времени тех людей, которые в этом пространстве оказались, их путь в историческом процессе как *отдельный сюжет*. А это было более чем важно: в те времена уважения к науке аргументировано и подробно, с большой эрудицией и знанием обосновать (и чтобы *Санкт-Петербургская академия наук* не сказала что это «попса») отдельную историческую судьбу украинцев со времен ранних славян… Первый том вышел в 1898 г., а последний, девятый, – в 1937 г. (уже после смерти), и довел Грушевский изложение только до 1658 г. Хотя, в принципе, хватило и первых двух-трех томов. На самом деле значение манифеста имела его статья «*Обычная схема русской истории и дело рационального уложения истории восточного славянства*», опубликованная на украинском языке Академией наук в 1904 г. Академия, поскольку объединяла ученых, а не политиков, уже считала украинцев отдельным народом, а их язык – вполне литературным и легитимным выразителем этого народа. Но вопрос не в этом.

Грушевский подверг сомнению в смысле *научности* то, что российская историческая наука смешивает историю династии Рюриковичей с историей русского народа, и показал, что эта схема была унаследована от древних северорусских летописцев, которые свою летопись прилагали к предшествующим, а все предыдущие логично начинались все с того же Нестора (точно также поступали и авторы *Галицко-Волынской летописи*). Посему великорусская история является чрезмерно и необоснованно длинной. Если существует украинский народ, который

1.

RUSSIA

EXPLANATION OF COLOURING

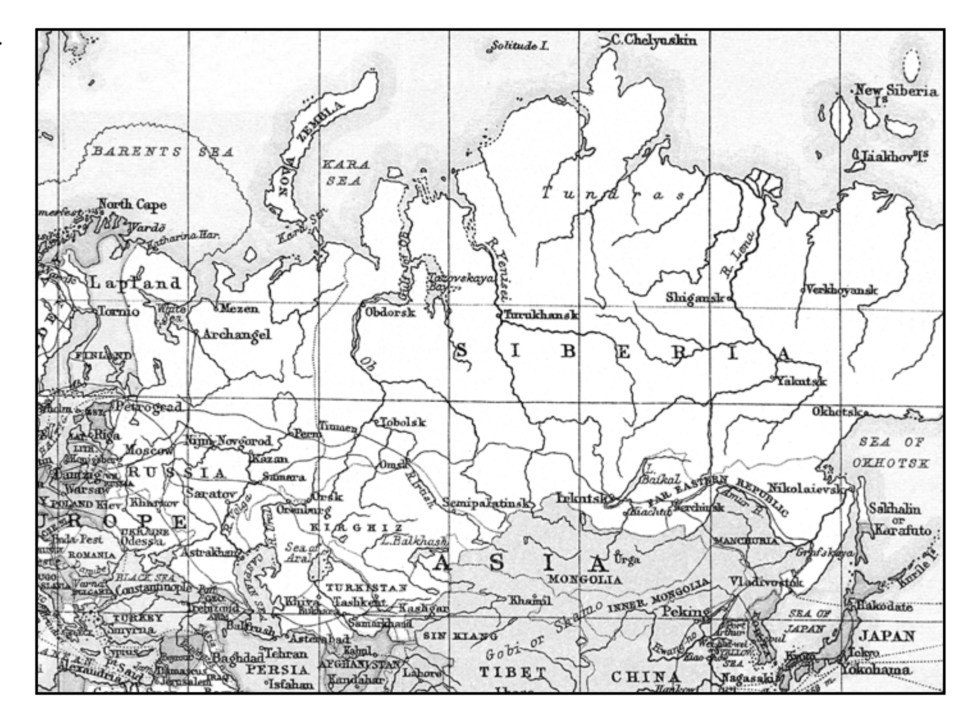
- Russian Socialist Federated Soviet Republic of Europe
- Independent Republics
- Autonomous Areas and Republics
- Labour Communes

Longitude East 45 of Greenwich

The Edinburgh Geographical Institute

John Bartholomew & Son, Ltd.

2.

Загадка «географического конца России»

Кстати, если читатель подумает, что Украина «обрела форму» довольно недавно (только лишь в середине XIX в.), а с Россией все было и остается ясным и бесспорным, – то вынужден буду разочаровать. Предложим вниманию читателя британскую карту России производства Эдинбургского географического института, 1922 г. (1) Не странно ли? Россия почему-то весьма «куцая» – у нее напрочь отсутствует азиатская часть. Может это какие-то происки коварного Альбиона? Может «это все придумал Черчилль в 18-м году», - как пел Высоцкий? Но данный Эдинбургский институт являлся с середины XIX в. наиболее уважаемым в мире картографическим учреждением. Можем простить, что еще не успели обозначить новообразование декабря 1922 г. – «СССР». Можем согласиться, что «Украинская ССР» и «Белорусская ССР» (давайте, кстати, присмотримся к первоначальным размерам последней) являются всего лишь частями советской России. Но уж как в Эдинбурге могли не знать, где именно на востоке Russia заканчивается? Берем карту мира того же института и того же года (2) и обнаруживаем Россию только в Европе, несмотря на то, что границы (цвета) самого российского государства достигают Тихого океана. К востоку от Урала – фигурируют «Siberia», «Kirghiz», «Turkistan», «Far Eastern Republic». Но не «Russia». Что ж такое, как же так?...

Но если мы обратимся уже к вполне российской карте Азии (3)из упомянутой уже «Народной энциклопедии» (М., 1912), то мы все поймем (и в других российских атласах – то же самое). На ней есть те же названия, что и на британской (Сибирь, Киргизы, Туркестан. В виду года издания, правда, нет Дальневосточной республики), но в легенде мы увидим, что все они обведены как азиатские «владения России»,

3.

а колониальные владения (такие же, как «Британская Индия») – это ведь не то же самое, что метрополия! Индия – это же не Британия, правильно? Это ее владения. И на российской карте мы увидим восточную границу России именно по Уралу. Дальше на восток – это уже часть Российской империи, но попрошу не путать оную с непосредственной Россией. Поэтому, если уж мы хотим заклеймить российский советский империализм, то скажем следующее: при советской власти (которая «народная», а не «империалистическая») у России никаких «владений» быть не может. Она же не «покоряет» народы Востока, а «освобождает» (покорены они были при царях, а освобождены – при комиссарах, – но на картах 1920–1991 гг. мы это «освобождение» не обнаружим). Поэтому тот момент, когда официальное название «РСФСР» накрыло земли от Балтики до Тихого океана и Памира, стал наиболее масштабным мгновенным увеличением территории одной страны в истории человечества.

Этот факт позволит нам ощутить различие между «морскими» империями (Британия, Франция, Бельгия, Голландия, Германия, Италия, Испания, Португалия) и «континентальными» (Российская, Австрийская, Османская). У первых были «естественные границы» метрополии (уж особенно у островных британцев), а у вторых – нет. А кстати: на карте 2 рекомендую обратить внимание на политический раритет: независимые закавказские государства, признанные Антантой, но оккупированные в 1920–1921 гг. Советской Россией. На момент издания карты Запад еще не примирился с этим захватом – равно как и с «народными революциями при помощи Красной Армии» (так написано в «Советском энциклопедическом словаре») в бывших вассалах Российской империи в Средней Азии – Хивинском ханстве и Бухарском эмирате.

достаточно давно проживает на своей территории и никуда с нее не девался, то сомнительно, что Киевская Русь является частью истории великороссов – народа, который как жил, так и живет, где жил, там и живет, то есть в России, достаточно далеко от Киева и изначальной Русской земли. По мнению Грушевского, «киевский период» является частью *украинской* истории, а не русской.

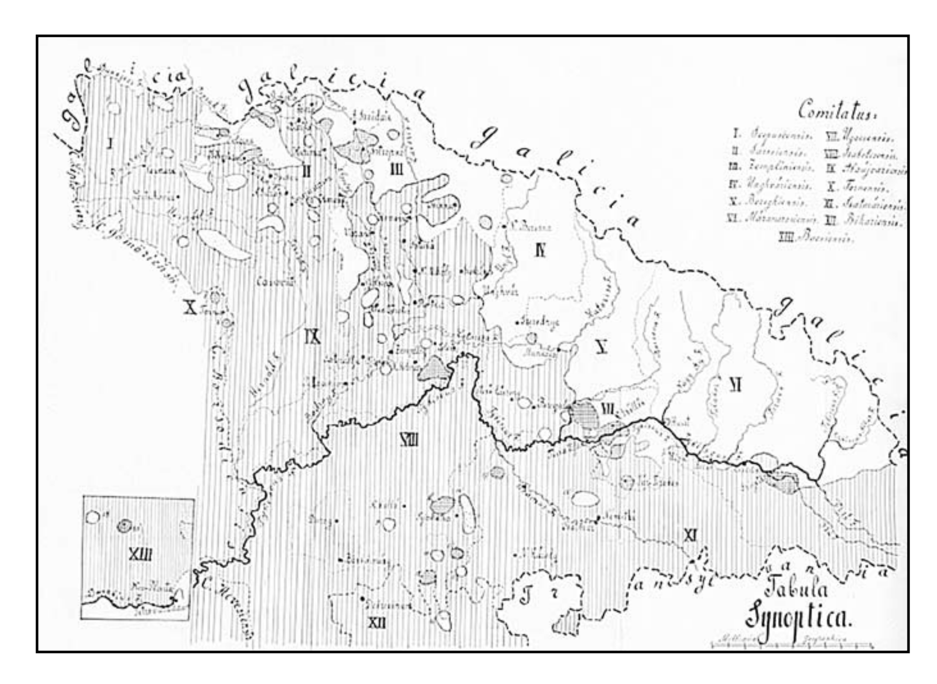
В чем-то в «Истории Украины-Руси» Грушевского мы можем, конечно, и засомневаться с позиций XXI в., например, *анты* – действительно ли являются авторами первой украинской государственности, но для нас, несомненно, важен сам принцип *территории* и *народа*. Убери антов – все равно останется *Русь*. Как мы помним еще в связи с Погодиным и его бегством великороссов от татар из Киева *(см. выше)*, местный люд тут так и оставался. Были здесь и всегда оставались «*руськие*», просто потом они стали называться *украинцами*. Грушевского озадачил вопрос «имени народного» (*русские? украинцы?*), но выводы историка были весьма сдержанны: понятно, что русские-россияне явно без спроса, безвозмездно и безвозвратно одолжили для себя чужое имя (у Грушевского иной термин – «украли») и заставили этим исконных русских-украинцев (русинов) открещиваться потом от своего давнего имени, просто чтобы сохранить себя как столь же исконно *отдельный народ*. Но изначальное происхождение «Украины» как название страны он так и не смог для себя разрешить – педантичен был профессор, не хотел выдумывать.

Самая важная проблема с оценкой схемы Грушевского остается: хоть русские либеральные авторы иногда и склоняются

Преемственность

«Товстолесы. Очерк истории рода», 1915. Обложка работы выдающегося украинского графика Георгия Нарбута (1886–1920). Историческая память всегда была основой потенциального мазепинства потомков левобережной казацкой старшины. Нарбут, представитель этой социальной среды, охватил все политико-художественные возможности своего сложного времени: оформлял российский павильон на Лейпцигской книжной выставке 1914 г., создавал проекты денежных знаков и символики Украинской Народной Республики, заставки к первому изданию Конституции РСФСР, был профессором и ректором украинской Академии искусств (1918–1920).

Призрак угрорусов

Во все смутные украинские периоды те люди, которые сомневаются либо в наличии Украины, либо в наличии украинцев, поднимают тему «закарпатских (или подкарпатских) русинов». Последние вроде как представляют собой отдельный славянский народ, а не этнографическую группу украинцев. Конечно, в принципе можно сделать «отдельный народ» из кого угодно – например, из галичан, полещуков или «донецких». Но в этнографии все-таки существует некое понятие «порога», которое содержит критерии выделения «отдельной строкой». За 150 лет, прошедших от издания первой этнографической карты славянства Павла Шафарика единственные заметные изменения – это появление македонцев, считавшихся до присоединения к Сербии после Балканских войн болгарами, и исчезновение «новгородцев» как отдельного северорусского этноса. Идея неукраинскости закарпатцев обычно поддерживалась властями тех стран, которые претендовали на эти земли, – Венгрии, межвоенной Чехословакии; сейчас – Россией, склонной вносить смуту в «украинский лагерь». Однако на все вопросы возможного русинства, как всегда, отвечает карта: почему-то этнический ареал «подкарпатских русинов» резко обрывается именно на административной границе по Карпатам: и ни туда – ни сюда. Хоть бы одно село «русинов» по эту сторону Карпат или одно село «украинцев» по ту. Может, просто их очень сложно отличить друг от друга и приходиться смотреть, где административная граница? И как-то быстро забывается то, что до того момента, как галицкая национальная интеллигенция переименовала своих земляков из русинов в украинцев, у закарпатцев и прикарпатцев было общее самоназвание. Где же тогда коренилось их глубокое различие, кроме того, что одни прожили сотни лет под властью Венгрии, а другие - Польши? На карте из книги А. Петрова «Распространение наречий угрорусов по картам 1772 г.» (К., 1912; из фондов Национальной библиотеки Украины им. В. Вернадского) мы как раз и наблюдаем, что ареал угрорусов (они показаны белым цветом) весьма напоминает украинцев, некогда просто «переплеснувшихся» за Карпаты со своего «материка».

к тому, что русская история «короче», но для общественного сознания россиян это равнозначно утрате почвы под ногами российской истории. В сущности, древнерусскую традицию наиболее интенсивно эксплуатировали россияне, то есть она гораздо больше вошла в их (под)сознание, чем в сознание украинцев, которые пережили много интересного и после Руси, занимаясь «казацкими войнами на Украине». У россиян, видимо, смысл истории зациклился на древнерусских временах и на способе их возвращения путем собирания русских земель. С учетом того, что эти русские земли норовили то и дело разбежаться в разные стороны, процесс этот бесконечен и его хватит и на XXI в., и на XXII в. Галичане-русины оказались в этой ситуации в некоем парадоксальном паритете с русскими-россиянами: еще 150 лет назад они себя называли почти также, но при этом отличались настолько, насколько это вообще возможно себе представить для двух народов с одним именем. Дело в том, что «россияне» как заявили претензии на древнерусское наследство в XV в. (т. е. тогдашняя московская элита), так и живут в этом идейном русле (уже как массовое общественное мнение) до сих пор, а галичане как стали русинами при Руси, отдаленные потом от казацко-украинских страстей Поднепровья, так и оставались таковыми до знакомства с восточными украинцами. Очевидная (слишком очевидная) близость обусловила солидарность и некоторую уступку со стороны галичан: они назвались «украинцами». Особенно после запрета на их «руський» украинский язык в России. Каков, однако, парадокс: настолько негативен исторический опыт общения двух групп людей, наиболее долго называвших себя русскими – галичан и россиян… Русские и «бандеровцы» исторически еще так недавно называли себя одинаково.

В результате творчества Грушевского украинцы вдруг не только спокойно «осели» на своей Украине, но и обнаружили, что они из нее никуда не уходили. Украинское многомиллионное крестьянство эти историографические проблемы вообще не беспокоили, оно как жило тут всегда, так и продолжало. А вот профессор Грушевский открыл, реконструировал их *историческую судьбу* для тех, *кого это может заинтересовать*. Посему простой украинец, учившийся 100 лет назад, заинтересовавшись вдруг своими корнями, их находил – от современности до начала исторических времен. И угадайте, кем он становился после этого? Правильно – «украинским националистом» или, как тогда говорили, «щирым [искренним]» (или «свидомым [сознательным]»), поскольку для *знающих* украинскую историю она уже не оставляла мировоззренческой альтернативы.

Надо отдать должное Грушевскому: он не пытался укоренить украинцев глубже «письменной истории», что делает ему честь, поскольку в своем научно обоснованном патриотизме он не покидал пределов разумного.

Еще добавлю, что его «схема» украинской истории основывалась кроме национальной, еще и на народнической идеологии, поскольку субъектом украинского исторического процесса выступали украинские народные массы. Они были высшим мерилом истины, и если чего-то и творили нехорошее, то виноваты в этом были власти. В силу такого взгляда автор не поднимал проблемы роли национальной элиты и какой-либо пользы от национальной государственности. Марксизм (а социалист Грушевский был ему подвержен как минимум в общей тональности) ведь не видит в эксплуатирующих классах ничего симпатичного, а государство для него – инструмент для защиты несправедливого общественного устройства. То есть в «пределах возможного» для Грушевского независимая государственность, очевидно, не фигурировала.

Следствием этого могла стать парадоксальная ситуация: спроектированная нация приобретает «свободу *от*», но не способна ее трансформировать в «свободу *для*», то есть *конструктивно, позитивно воплотить в политико-правовом и социальном смысле.* Такое «сужение» числа возможных вариантов самоорганизации выглядит маловероятным, но, впрочем, является абсолютно возможным – о чем свидетельствует исторический опыт Украины. Такое противоречие, *несовместимость нации и государства* если не в идеологии, то, по крайней мере, в национальном политическом мышлении, в самом стиле мышления украинского национального движения, обусловило его дальнейшее проблемное развитие и не лучшим образом сказалось как на судьбе нации, так и на судьбе ее государственности и политической культуры.

СОВРЕМЕННЫЙ УКРАИНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ: ПОПЫТКИ РЕАЛИЗАЦИИ

С залпами Первой мировой войны для Украины закончился «долгий девятнадцатый век». Смена геополитической ситуации и распад многонациональных империй дали возможность развившемуся за это время украинскому движению попробовать реализовать *вторую фазу национальной программы – построение суверенной государственности.*

Галичане были к этому готовы в силу своего более продолжительного опыта легальной политической деятельности. Их политические партии отказались от мелочного идеологического доктринерства в пользу достижения общих национальных приоритетов. Но Галиция – край небольшой в общеукраинских масштабах. В Российской империи загнанный в подполье украинский национализм приобрел деформированную форму, став односторонне левым, зараженным социальным максимализмом российского революционного движения. Колебания между социальным и национальным, автономизмом и самостийничеством лишили его политической и военной инициативы, не позволив вовремя и в необходимых масштабах осуществить военное и административное строительство. Поэтому когда главные противоборствующие силы российской гражданской войны сошлись в окончательной смертельной схватке в 1919–1920 гг., Надднепрянщина оказалась в заведомо проигрышных условиях. В аналогично проигрышной ситуации оказалась и Галиция по отношению к новой Польше – просто в силу несравнимых ресурсов и возможностей.

Давайте ближе познакомимся с ходом событий в 1917–1920 гг., поищем причины национального поражения и посмотрим, какой идеологический реванш (и идейная модернизация украинства) был сделан уже в условиях политической эмиграции. Затем мы основное внимание уделим деятельности ОУН-УПА. Ясно, что ими не ограничивался

украинский национализм после 1920 г., но они для нашей публики наиболее «больная тема». Давайте поговорим об этом, показав, как два тоталитарных режима ломали хребет украинскому национализму в годы Второй мировой войны.

1. Украинская национальная революция 1917 г.

Февральская демократическая революция 1917 г. в России и последующий вакуум власти дали возможность национальным движениям имперских окраин сразиться за выполнение своих политических требований. Следствием этого стало образование национальных государств поляков, финнов, эстонцев, латышей, литовцев. Другие «соискатели» испытали национальное поражение в войне, были оккупированы и, наконец, вошли в состав «семьи братских народов» Советского Союза.

Наиболее нелогичным итогом этого конфликта стало поражение украинцев – второго по численности этноса империи, этнический ареал которого содержал значительные человеческие, экономические и природные ресурсы. Конечно, военно-стратегическая ситуация была крайне неблагоприятной, но наиболее выразительным украинским феноменом стала постоянная неспособность украинских политиков создать жизнеспособное государство – институт, который по своим объективно присущим функциям ориентирован на защиту организованного им сообщества как минимум в критической ситуации. Государство как инструмент власти и политического господства имеет свойство самовоспроизвдства и самосохранения. Конечно, только *декларативное провозглашение* государства (а не его *реальное создание*) не является гарантией самосохранения нации. Последнее во многом зависит от административных навыков, политической культуры и наличия соответствующих национальных кадров.

Первое, что бросается в глаза при анализе событий 1917–1921 гг., – это хроническая неспособность украинской национальной элиты (из бывшей подроссийской Украины) брать на себя инициативу и делать упреждающие шаги по изменению военно-политической ситуации, адекватно реагировать на инициативы противников. За пределами очень узкого внутриукраинского политического пространства она выступала исключительно

Демонстрация чувств

Манифестация на Софийской площади в Киеве, март 1917 г. Февральская революция дала надежды на национальное возрождение Украины.

как сила пассивная, которая реагирует, а не заставляет реагировать. Политическое руководство оказалось не способным эффективно использовать даже те ресурсы, которые были в наличии, – например Армию УНР, состоявшую из вполне квалифицированных офицеров и двух десятков тысяч бойцов.

За национальными знаменами скрывался несформированный *этносоциальный организм*: носителями национальной украинской идентичности были лишь отдельные прослойки общества, которые не могли самостоятельно полноценно сформировать институты национальной государственности (администрация в центре и на местах, силовые структуры). Имеющиеся кадры чиновников и специалистов достались в наследство от Российской империи. Правда, как показывает практика Гетманата Павла Скоропадского, значительный процент их мог бы пойти на службу к украинскому государству. Но консервативный режим гетмана просуществовал лишь полгода и в дальнейшем лицо Украины формировали не консерваторы, а радикалы-социалисты (социал-демократы и социалисты-революционеры). Для них путь украинцев к социализму должен был состояться почти так, как считали русские народники 1870–1880-х гг.: происходит крестьянская социалистическая революция,

которая одновременно становится национальной, поскольку, по мнению социалистов, «украинцы» – это крестьянство, народ, социальные низы. Если социальные границы понятий «нации» и «угнетенные низы» совпадают, то все другие прослойки общества (бюрократия, профессиональные военные, полиция, дворяне-землевладельцы, буржуазия) являются лишь балластом, тормозом на пути к установлению социализма. И вдобавок, они представляют фундамент того предшествующего государства, которое было репрессивным по отношению к украинскому национальному движению.

Украинские социалисты мыслили в доктринерском «левом» стиле: происходит общероссийская социалистическая революция, близким во времени является «братство народов», при котором *государство как инструмент эксплуатации и угнетения* недопустимо. Так зачем же ждать? Государство в его другой функции – *функции защиты относительно своих граждан* – они не представляли. Многолетняя борьба украинского национального движения против *государства* (или, вернее, деятельность вопреки, словами Владислава Верстюка, «протестный характер») на протяжении десятилетий не позволяла быстро осознать его определенную полезность. Фактом стало то, что контрагенты Украины на всех направлениях мыслили в другом политическом стиле – или право-, или левототалитарной государственности. И никто – в духе либерализма, чтобы извинить украинцам их неготовность к игре в «высшей лиге» и не воспользоваться этим «отставанием в классе».

В Украине не было влиятельных правых *украинских* сил (правых польских и русских было немало), которые смогли бы «одолжить» руководству украинским движением свой реализм. Колебания Павла Скоропадского в 1918 г. – от четко не сформулированных проукраинских симпатий к провозглашению федерации с Россией и к декларированию (уже в эмиграции) независимости – выразительно демонстрируют противоречивый процесс формирования украинских правых. Отторжение левыми силами представителей социально чуждых прослоек и их отказ от политического сотрудничества с правыми лишили украинскую администрацию многих опытных, прагматических и патриотически настроенных людей. Таким людям оставалось лишь ждать общего национального поражения и готовить реванш – прежде всего *идеологический,* так как реальность доказала наличие существенных пробелов в политическом мышлении и культуре тогдашнего украинства.

Выразителем национальных чаяний украинцев после февральской революции стала *Центральная Рада* **(4 (17) марта 1917 года)**. Она

представляла собой собрание представителей украинских политических организаций, которые до 1917 г. были нелегальными. Целью Рады изначально была репрезентативная функция и координация действий.

В вопросе легитимации Рады особую роль сыграл созыв Национального съезда (конгресса), который состоялся 19–21 апреля. После интенсивных дебатов делегаты съезда приняли резолюцию, в первом пункте которой говорилось:

> *«В соответствии с историческими традициями и современными реальными потребностями украинского народа, съезд признает, что только национально-территориальная автономия Украины в состоянии обеспечить потребности нашего народа и всех других народов, которые живут на Украинской Земле».*

Съезд признал за Общероссийским Учредительным собранием «*право санкционирования нового государственного порядка России*», в том числе – автономии Украины и федеративного устройства самой Российской республики, высказав, таким образом, свою готовность к конструктивному сотрудничеству с русской демократией. Кроме того, в резолюции сквозила надежда на то, что «*автономное устройство Украины, а также и других автономных областей России найдет полнейшую гарантию для себя в федеративном устройстве России, посему единственной соответствующей формой государственного устройства для России*

Первый шаг к национальной армии

«Украинский легион», или Легион Украинских Сечевых Стрельцов (УСС, – «усусов»), сформировался из добровольцев в 1914 г. Они воевали в австрийской армии на протяжении всей Первой мировой, вынашивая надежды на формирование после войны украинского государства. Во время национально-освободительной борьбы 1917–1921 гг. они воевали и в составе Галицкой армии Западноукраинской Народной Республики, и в надднепрянской армии Украинской Народной Республики (УНР). На рисунке – десятник «пробойного виддила» УСС в 1917–1918 гг. «Пробойный виддил» – это отряд «штурмовиков», задачей которых было перед основными частями захватить передовые линии окопов противника. Что-то вроде «спецназа». Из кн.: Монолатій І. Українські легіонери. – К., 2008. Художник – В.Заяц.

съезд признает федеративную демократическую республику, а одним из главнейших принципов украинской автономии – полную гарантию прав национальных меньшинств, которые живут на Украине».

Съезд избрал 150 депутатов Центральной Рады, а Михаила Грушевского – ее председателем. Потом количество членов Рады увеличится до 800 человек, к ним присоединятся представители русских, польских, еврейских партий и организаций.

Первым обобщающим документом, который должен был регламентировать деятельность Центральной Рады, стал «Уаказ Украинской Центральной Раде». Данный указ родился 23 апреля 1917 г. и фактически закреплял уже существующую структуру. Начинался он такими словами:

«*Украинская Центральная Рада, будучи представительным органом всей организации украинской людности, ставит задачу выполнить волю этой людности, высказанную на украинском национальном съезде, то есть введение автономии Украины в федеративной демократической российской республике, с обеспечением прав национальных меньшинств, которые живут на территории Украины. Перенимая эту волю людности, У. Ц. Рада тем самым перенимает право инициативы объединения и управления в своей задаче деятельности организаций, которые имеют в ней представительство, и выполнение постановлений национального съезда*».

Очень скоро Центральная Рада практически завершила первый этап своей организационной деятельности, а ее влияние возросло настолько, что Грушевский признал возможным говорить о «Временном украинском правительстве». Тогда же, ощущая общественную поддержку, Центральная Рада сделала попытку урегулировать свои отношения с центром, обсуждая вопросы автономии. Но петроградская «ханская ставка» (по словам Грушевского) отвергла украинские предложения. Временное правительство и его Юридическое совещание поставило под вопрос «*правомочность [Рады] в смысле признания за ней компетенции высказывать волю всего населения тех местностей, которые Центральная Рада желает [включить] в территорию будущей Украины*».

Вполне естественно, что отказ тогдашнего российского руководства признать украинские требования вызвал негодование украинцев. На этой волне Центральная Рада предприняла шаг, который определил направление всей ее дальнейшей деятельности. Отрицательная позиция Временного правительства наконец сыграла «положительную» роль, так как стала решительным толчком на пути преобразования

«национально-политического центра» в национально-государственный. Так родился *I Универсал* (декларация с провозглашением требований автономии), который 10 (23) июня 1917 г. в обстановке «доселе неведомой радости» был торжественно провозглашен при закрытии украинского Военного съезда.

Начинается второй этап истории Центральной Рады, когда, по словам Грушевского, она «*заговорила в своем Универсале как власть, поставленная украинским народом на то, чтобы руководить и править им, так что ее постановления и приказы должны украинской людностью тщательно выполняться*».

Через несколько дней после появления I Универсала – 16 (29) июля – Временное правительство опубликовало «Обращение к украинскому народу», которым призывало его «*не идти губительным путем раздробления сил освобожденной России*». Даже возможная украинская автономия, как видим, воспринималась представителями российской демократии как угроза. Тем не менее, это воззвание не остановило, да и не могло остановить «самочинного» осуществления украинской автономии.

Основным вопросом «законного» развития украинского парламентаризма, как и вообще вызревающей автономной государственности того времени, был вопрос *легитимации через выборы*. Однако война, нестабильная ситуация в стране никак не позволяли провести выборы в краевой орган, и без того вызывающий отвержение у существующей государственной администрации.

Вскоре на своем закрытом заседании Комитет Центральной Рады постановил создать *Генеральный Секретариат* (краевое правительство), практически приступив к формированию исполнительной власти и ее размежеванию с властью законодательной. Главой Секретариата стал Владимир Винниченко, секретарем военных дел – Симон Петлюра. В составе Генерального Секретариата сначала доминировали социал-демократы, потом – в начале 1918 г. – их сменили украинские эсеры во главе с молодым Всеволодом Голубовичем.

Одним из приоритетов украинского движения того времени был неизменный демократизм, который часто вступал в конфликт с суровыми реалиями военного времени (а порой – и вообще с реалиями). Рада требовала от общероссийских властей *строительства действительно демократического общества* («*Основное положение современной демократии – широкое участие граждан в государственной жизни и тенденция регулирования законодательным путем, а не административным, возможно только при федеративном устройстве государства*»). Но эти демократические

переживания и ожидания не оправдались ни относительно Временного правительства, ни относительно его сменщиков, пришедших к власти 25 октября (7 ноября) 1917 года.

Большевистский переворот в Петрограде поставил Центральную Раду перед решающим выбором. Впрочем, она сделала его очень скоро – уже на следующий день ее постоянно действующий орган, Малая Рада, провозгласил резолюцию такого содержания:

> *«Признавая, что власть, как в государстве, так и в каждом отдельном крае должна перейти к рукам всей революционной демократии, признавая недопустимым переход этой власти в руки Советов рабочих и солдатских депутатов, которые являются только частью революционной демократии, украинская Центральная Рада высказывается против восстания в Петрограде и будет энергично бороться со всякими попытками поддержать бунты на Украине».*

Тогда украинской национальной демократии казалось наиболее необходимым довести до формирования полноценный демократический процесс по известной европейской схеме: учредительное собрание – принятие конституции и избирательного законодательства – выборы законодательной власти. Петроградский переворот срывал эти планы. Почему увлекаться демократической процедурой нужно было в условиях общероссийского коллапса (ни много, ни мало – на 1/6 части земной суши) – вопрос к Грушевскому со товарищи. И почему не взялись за самое важное – формирование тех силовых структур, которые могли позволили Раде хотя бы удержаться в Киеве и физически выжить, а уж тем более подавить упомянутые «бунты».

Кстати, заметим, что «конституционные искания» любых украинских правительств вообще не интересовали ни большевиков, ни «белых», поскольку для всех них не существовало Украины как таковой. Как в мюзикле Ф. Эбба «Чикаго»: «Он видел себя живым, а я видела его мертвым».

А если уж говорить о Всероссийском Учредительном собрании, то выборы 23 ноября дали большевикам по Украине 10 % голосов, а украинским партиям – 75 %.

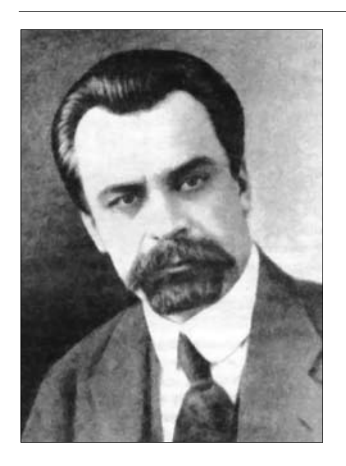
2. Украинская Народная Республика: самореализация украинских левых

…Когда государство в трудное время испытывает нужду в своих гражданах, их объявляется немного. И подобная проверка тем опасней, что она бывает всего однажды. Поэтому мудрому государю надлежит принять меры к тому, чтобы граждане всегда и при любых обстоятельствах имели потребность в государе и государстве, – только тогда он сможет положиться на их верность.

Никколо Макиавелли. «Государь» («О гражданском единовластии»)

Конкуренция с большевиками вынудила украинские структуры брать на себя все больше полномочий, что, в свою очередь, заставило украинцев 7 (20) ноября 1917 г. принять *III Универсал*, который провозгласил *Украинскую Народную Республику* (*УНР*), т. е. де-факто независимое государство. Интересно, что де-юре украинцы все еще хотели автономии, но пока было непонятно, с кем вообще об этом можно договариваться. Мысль о том, чтобы отделиться, не звучала. Власть УНР распространялась на все губернии, где большинство населения состояло из украинцев. Поэтому, *кроме Киевской, Волынской, Подольской, Черниговской и Полтавской губерний,* выступавших объектом в разговорах с Петроградом об украинской автономии, в территорию УНР включались еще и *Херсонская, Харьковская, Екатеринославская и Таврическая (без Крыма) губернии, части Холмщины, Курщины и Воронежчины.*

Так начался новый этап политической истории Центральной Рады. Оценивая значение III Универсала, известный тогдашний украинский юрист профессор Яковлив отмечал, что этим актом в Украине было установлено «демократическое, народоправное государство», которое характеризовалось «*автономной, то есть самостоятельной верховной властью, ничем не ограниченной относительно всех без исключения дел внутреннего государственного порядка, законодательства, суда и управления*». Только «*в отношении к другим государствам, УНР была*

Первый премьер

Владимир Винниченко. Популярный литератор, социал-демократ. Первый глава Генерального Секретариата и первый председатель Директории УНР. Впоследствии – пламенный критик Скоропадского и Петлюры, договаривался о возвращении в Советскую Украину на правительственную должность, но не сложилось. Поскольку не вернулся, смог умереть своей смертью в 1951 г. во Франции. Боюсь, не ощутил своего счастья.

формально ограничена» положениями III Универсала о федеративной связи с Россией.

Большевистский переворот в Петрограде несколько ускорил ход истории. Поскольку Первая мировая война еще не была завершена, то перед Украиной возникла потребность подписания мирного договора с Центральными державами в Бресте независимо от большевистской России, которая в аккурат тогда и развернула боевые действия против Украины. Это, в свою очередь, заставило украинское руководство сделать и последний шаг – **22 января 1918 г**. был принят *IV Универсал*, который и завершил процесс оформления украинского суверенитета – им была провозглашена независимость Украины.

Этому предшествовали следующие события: после переворота в Петрограде большевизированные части (т. наз. «красная гвардия») попытались захватить власть в Киеве, но были остановлены или разоружены, восстание подавлено. Попытка большевиков провести в Киеве всеукраинский съезд Советов тоже не удалась. Они начинают считать Киев изначально проигрышным местом и переезжают в более пролетарский и русифицированный Харьков, который становится исходным плацдармом для всех последующих попыток захватить Украину. Именно поэтому Харьков потом – до «зачистки» Киева от «буржуазных националистов» – остается советской украинской столицей (до 1934 г.).

4 (17) декабря Совнарком России выдвигает Раде ультиматум, где требует не разоружать красные части, не пропускать казаков на Дон и прекратить формирование украинской армии. Но большевики – люди не только слова, но и дела: 14 (25) декабря 1917 г. в Харькове создается альтернативное киевскому советское правительство во главе с Николаем Скрипником,

и через несколько дней большевистская Россия разрывает отношения с Радой, не признавшей советскую власть. Из России на Киев движутся эшелоны с «добровольцами» (тогда регулярной Красной армии еще не было, с ней позже будет воевать уже Петлюра).

Почему большевики так заторопились? Поводом для столь быстрого выяснения отношений стали переговоры с центральными державами в Бресте, куда руководство УНР прислало свою делегацию, признанную немецко-австрийской стороной как самостоятельная. Для того чтобы Троцкий подписал мирный договор один – за всю бывшую империю, нужно было выбить Раду из Киева и привезти в Брест уже других украинцев.

Рада фактически не имела регулярных частей, поскольку со значительным опозданием занялась военным строительством, а часть созданных уже была разагитирована и непредсказуема. Брошенные навстречу красным войскам киевские студенты, гимназисты и юнкера полегли под станцией Круты на Черниговщине, что было с их стороны актом героическим, но при том ярко показывающим общий уровень радовского стиля управления страной. После пятидневного артобстрела Киев был захвачен войсками во главе с левым эсером подполковником Муравьевым. Он отдал приказ об уничтожении «офицеров, юнкеров, гайдамаков, монархистов и всех врагов революции». Тогда в кровавой вакханалии в городе погибло около 5 тысяч человек. Центральная Рада отступила на запад, но подписание мира с Центральными державами позволило ей призвать своих новых немецко-австрийских союзников, которые и освободили Украину от красных во второй половине февраля 1918 года.

Наиболее печальным для современного украинского восприятия является то, что украинская политическая элита совершала шаги по суверенизации Украины *вынужденно*, под давлением внешних обстоятельств. Крайне сложно, если вообще возможно, сочетать демократическую риторику и реальное государственное строительство в военных условиях. Попытки Центральной Рады снова и снова найти свою возлюбленную «федерацию» напоминали недоумение животных в зоопарке, если бы вдруг убрали ограждения и стены: они чувствуют свою беззащитность и продолжают искать клетки, чтобы в них спрятаться.

Хаос в России произвел весьма жесткие структуры – большевистскую диктатуру и Вооруженные Силы Юга России, которые в своем отношении к Украине были солидарны – для них ее не было и быть не могло, а вопросы властных полномочий они решали на формировавшихся фронтах российской гражданской войны. За идеалистические фантазии о федерации российских «братских народов» наивные патриоты своей «малой родины» из

УКРАИНСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА
Ноябрь 1917 г.
ГЕРМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ
Р О С С И Й С К А Я   Р Е С П У Б Л И К А
ПОЛЬША
АВСТРО-ВЕНГРИЯ
Г а л и ц и я
В е н г е р с к о е   к о р.
Буковина
Р У М Ы Н И Я
Волынская губ.
Подольская губ.
Бессарабская губ.
Таврическая губ.
О б л а с т ь   В о й с к а   Д о н с к о г о
К у б а н с к а я   о б л а с т ь
Черноморская губ.
АЗОВСКОЕ МОРЕ
Ч Е Р Н О Е   М О Р Е
Неман
Днепр
Десна
Припять
Висла
Днестр
Дон
Дунай
Кубань
ВАРШАВА
БУХАРЕСТ
Гродно
Минск
Могилёв
Гомель
Брест-Литовск
Пинск
Брянск
Орёл
Тамбов
Курск
Воронеж
Белгород
Люблин
Холм
Луцк
Житомир
Чернигов
Нежин
Сумы
Киев
Белая Церковь
Харьков
Полтава
Краков
Перемышль
Львов
Тарнополь
Станислав
Винница
Черкассы
Умань
Унгвар
Каменец-Подольск
Черновцы
Хотин
Елизаветград
Екатеринослав
Луганск
Юзовка
Александровск
Новочеркасск
Ростов-на-Дону
Мариуполь
Яссы
Кишинёв
Николаев
Херсон
Одесса
Аккерман
Измаил
Констанца
Евпатория
Симферополь
Керчь
Феодосия
Севастополь
Новороссийск
Екатеринодар
Столицы государств
Центры губерний и областей бывшей Российской империи, провинций Австро-Венгрии
Линия фронта
0
100
200 км

Вынужденное государствообразование

Большевистский переворот в Петрограде вынудил Центральную Раду занять чуждую ей позицию «полусепаратизма». Ведя утомительные переговоры с Временным правительством об украинской автономии и добившись разве что никому в действительности не выгодного компромисса про «пять губерний» (Волынская, Подольская, Киевская, Черниговская и Полтавская), она вдруг столкнулась с новым, совершенно нелегитимным российским правительством, у которого что-либо просить было уже как-то неприлично. В данном случае украинский Генеральный Секретариат оказался де-юре более респектабельным органом власти, чем петроградский Совнарком, ибо в результате упомянутой «Инструкции» сохранял некую преемственность полномочий от хоть сколько-либо законных всероссийских властей. При этом провозглашать «отделение Украины» по-прежнему никто не собирался: Украинская Народная Республика видела свое будущее в федеративной Российской республике, – но не большевистской, а всего спектра «социалистической демократии». Однако исчезновение Временного правительства также позволяло и преодолеть положения «Инструкции»: зачислить в новообразованную УНР уже не пять, а искомые с самого начала прений девять этнически украинских губерний (плюс Херсонская, Харьковская, Екатеринославская и Таврическая). Крым теоретически отдавался в «будущей федеративной России» местному народу – крымским татарам.

Центральной Рады вскоре дорого заплатили, но, к сожалению, кроме них расплачиваться пришлось еще миллионам и миллионам украинцев.

Проблема, из-за которой Рада в конце концов потеряла власть, – это социалистическое доктринерство, голая революционная риторика, оторванная от реального администрирования и прагматической политики. Монопольное доминирование в Раде левых партий привело к попыткам национализации собственности, что лишь усугубляло экономический кризис. В результате средние слои общества стали отвергать политику реформистского экспериментаторства в военных условиях, а с ней и ее украинских носителей. Реальный контроль Рады над ситуацией на местах так и не был налажен. Пришедшие по призыву Центральной Рады немцы и австрийцы уже не считали ее хоть сколько-нибудь равноправным партнером, а социалистические тенденции в Раде порождали у союзников желание поскорей от нее избавиться. Потенциал парламентарного управления страной в той ситуации был уже исчерпан.

3. «Светлейший пан Гетман»: неподготовленная правая альтернатива

29 апреля 1918 г. в Киеве состоялся хлеборобский съезд, организованный по инициативе Союза земельных собственников, на котором генерал Павел Скоропадский был провозглашен гетманом Украины. В ночь с 29 на 30 апреля его сторонники заняли все государственные учреждения и важнейшие объекты. Так место УНР заняла *Украинская Держава (или Гетманат)*. Ослабим русский скепсис относительно «державы» – по-украински это просто означает «государство». Хотя в сравнении с «народной республикой» акцент очевиден.

Свою деятельность Скоропадский начал с решительного отказа от политики Центральной Рады и обещаний возвратить жизнь в нормальное русло. В концентрированном виде все это подавала «Грамота ко всему украинскому народу» от 29 апреля 1918 г. В Грамоте провозглашалось:

> *«Бывшее Украинское Правительство не осуществило государственного строительства Украины, так как было совсем неспособно к этому. … Анархия продолжается на*

Украине, экономическая руина и безработица увеличиваются и распространяются с каждым днем, и наконец перед богатейшей когда-то Украиной встает грозный призрак голода. При таком положении, которое угрожает новой катастрофой Украине, глубоко всколыхнулись все трудовые массы населения. Они выступили с категоричными требованиями немедленно выстроить такую государственную власть, которая способна была бы обеспечить населению покой, закон и возможность творческой работы. Как верный сын Украины, я постановил откликнуться на сей призыв и взять на себя временно всю полноту власти».

Перспективные кадры

Молодые офицеры-аристократы во время русско-японской войны. Павел Скоропадский в 1918 г. возглавит Украину, а Карл Маннергейм – Финляндию. К миссии Маннергейма история будет более благосклонна.

Взяв на себя (так сказать, «по просьбе трудового народа») власть, гетман провозгласил своей целью «добро и пользу всей дорогой нам Украины». Что же конкретно обещал Скоропадский? Парадоксально, но почти то, что стало лозунгами государственного строительства Украины после 1991 г., когда все указывали на необходимость как можно быстрее перейти к рынку и преодолеть отрицательные последствия «социалистической системы хозяйствования». Те же самые задачи, но относительно «социалистической Центральной Рады», ставил и Павел Скоропадский, предлагая все очевидные рецепты:

от восстановления частной собственности и свободы предпринимательства до социальной защиты трудящихся:

> *«Права частной собственности как фундамента культуры и цивилизации восстанавливаются в полной мере, и все распоряжения бывшего Украинского правительства, а также временного российского правительства отменяются... Восстанавливается полная свобода по разработке купчих по купле-продаже земли. Рядом с этим будут проведены мероприятия по выведению земель по соответствующей действительной их стоимости от крупных собственников для наделения земельными участками малоземельных земледельцев. Одновременно будут твердо обеспечены права рабочих классов. … На экономическом финансовом поле восстанавливается полная свобода торговли и открывается широкое пространство частного предприятия и инициативы».*

Как известно, планы Скоропадского (как и планы Центральной Рады) остались нереализованными, а его фигура до сих пор вызывает жаркие дискуссии. Однако, несмотря на всю неоднозначность оценок как тогдашних, так и нынешних исследователей, деятельность Скоропадского заслуживает внимательного отношения именно с точки зрения его вклада в развитие украинской государственности и становления цивилизованной правовой культуры.

Какими видел гетман свои властные полномочия? Следует обратить внимание на заявление Совета Министров Украинской Державы от 10 мая 1918 г.: «*Гетман не думает стать самодержцем. Название «Гетман» – это воплощение в исторической национально-украинской форме идеи независимой и свободной Украины. Стоя во главе украинского правительства, гетман тем самим восстанавливает и закрепляет в народном сознании мысль о неотъемлемых народных и казацких вольностях*». Как отмечал сам Скоропадский в своих «Воспоминаниях», сначала он «*не думал о восстановлении на Украине гетманства, а только про очень короткую диктатуру на время, пока удастся сформировать другую более умеренную власть*», но очень скоро эти невыразительные мысли приобрели четкие и, добавим, вполне современные очертания: «*...Создать способное к государственной работе сильное правительство; создать армию и административный аппарат, которых в то время фактически не существовало, и при*

их помощи создать порядок, опирающийся на правых; провести необходимые политические и социальные реформы». Политическую реформу, писал Скоропадский, *«я представлял себе так: не диктатура высшего класса, не диктатура пролетариата, а равномерное участие всех классов общества в политической жизни края»*.

Теперь мы должны несколько углубиться в реалии Украинской Державы, поскольку Гетманат Скоропадского – это пока что единственный прецедент в новейшей украинской истории, когда власть была консервативной, а приоритеты – рыночные, когда частная собственность считалась основой цивилизации, глава государства по характеру был либерал, говорил на русском, но популяризировал и внедрял украинский язык, да еще и пытался выстроить правовое и, к тому же, традиционное для украинской истории устройство с опорой на казачье сословие земельных собственников. Из каждого пункта в применении к реалиям 1918 г. возникало море проблем, поэтому жизненный век последнего Гетманата был короток, но сам феномен более чем заслуживает внимания.

Установление власти Павла Петровича Скоропадского, которая длилась всего лишь 26 недель, породило неожиданно большое количество конфликтов, которые, принимая разные формы, длятся до сегодня. История освободительной борьбы 1917–1921 гг. свидетельствует (с определенной мерой упрощения) о наличии в тогдашнее время лишь *двух форм национальной государственности* на Большой Украине – УНР (в своих двух «ипостасях» – Центральной Рады и Директории УНР) и Украинской Державы гетмана. Оценки этих двух форм национальной государственности постоянно смещаются по мере роста нашего опыта современного созидания государства. Если 20 лет тому назад непоколебимыми были симпатии к Центральной Раде и ее лидеру Михаилу Грушевскому, то в последнее время весы интеллектуальной «моды», кажется, сдвинулись в сторону гетмана. Это – у историков. А в широких электоральных массах все последние годы царит исторический и мировоззренческий хаос.

«УНР против Гетмана» – это не только абстрактно научный спор. Это конфликт двух мировоззрений, которым тяжко объясниться и договориться между собой. Например, часто вместо несколько расплывчатого термина «Освободительная борьба»* у нас употребляется термин «*национальная революция*» или «украинская революция 1917–1921 гг.». В определенной мере это справедливо, так как *революция* и *революционная политика*

* В украинской исторической литературе используется устоявшийся термин, буквально переводящийся как «Освободительные стремления» («Визвольні змагання»), применяющийся только к периоду 1917–1921 гг., но по-русски это явно «не звучит», поэтому, видимо, придется остановиться на «борьбе».

УКРАИНСКАЯ ДЕРЖАВА (ГЕТМАНАТ)
Апрель–ноябрь 1918 г.
РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА
ГЕРМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ
ЛИТВА
ПОЛЬША
Галиция
АВСТРО-ВЕНГРИЯ
Буковина
БЕССАРАБИЯ
РУМЫНИЯ
ВСЕВЕЛИКОЕ ВОЙСКО ДОНСКОЕ
КУБАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА
АЗОВСКОЕ МОРЕ
КРЫМ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
Минск
Гродно
Могилёв
Брянск
ВАРШАВА
Брест-Литовск
Пинск
Гомель
Курск
Воронеж
Чернигов
Люблин
Холм
Нежин
Сумы
Луцк
Белгород
Житомир
КИЕВ
Краков
Харьков
ЛЬВОВ
Белая Церковь
Полтава
Винница
Черкассы
Ужгород
Каменец-Подольск
Умань
Луганск
Черновцы
Елизаветград
Екатеринослав
Гуляйполе
Юзовка
Александровск
НОВОЧЕРКАССК
Яссы
Кишинёв
Николаев
Мариуполь
Ростов-на-Дону
Одесса
Херсон
Аккерман
Измаил
Евпатория
Керчь
ЕКАТЕРИНОДАР
СИМФЕРОПОЛЬ
Севастополь
Новороссийск
БУХАРЕСТ
Констанца
Висла
Припять
Десна
Днестр
Днепр
Дон
Дунай
Кубань
Линия фронта в декабре 1917 г.
Граница продвижения немецких и австро-венгерских войск к маю 1918 г.
0 100 200 км

«Ясновельможный пан Гетман»

Павел Скоропадский, 1918. Русскоязычный аристократ и либерал, потомок гетмана XVIII в., он вызывал неприязнь у украинских левых, а за полгода при власти не успел создать себе массовой социальной поддержки. При этом его заслугой являются значительные достижения в деле развития украинского государства, культуры и науки. В эмиграции он восстановил свой авторитет уже в качестве лидера гетманского движения, охватившего изгнанников из Украины в Европе и диаспору в Америке. Погиб в 1945 г. под бомбежкой. Его сын, гетманыч Данило, внезапно умер в один прекрасный вечер 1957 г. в Англии. Его смерть хорошо вписывается в процесс устранения советским спецслужбами лидеров украинской политической эмиграции – но пока факт не доказан. Пределы Украинской Державы 1918 г. – максимальные размеры украинского государства. Понятно, что сии пределы явились результатом спешки германо-австрийского блока в решении проблемы Восточного фронта и нескромным военным прагматизмом генерала Скоропадского. Однако эти подходы мало отличаются от тех принципов проведения границ, которые использовала Антанта во время послевоенного урегулирования: компромисс между этническими границами и статус-кво, достигаемым чьим-то превосходством. Из соседей Украины с Крымом и Кубанью гетманом велись переговоры о «вхождении», которые не достигли результата де-факто в хаосе событий гражданской войны.

имели место. Но что же тогда делать с Гетманатом, который, безусловно, был *контрреволюцией* и *реакцией* по отношению к демократическим и социалистическим стремлениям УНР (правда, преимущественно в социально-политическом, а не патриотическом смысле) и, соответственно, склонен из этой схемы выпадать? Но, с другой стороны, следует ли отождествлять процесс создания нации и государства лишь с революционными преобразованиями? Вспомним, что действительная «революция» Хмельницкого по своему обоснованию и изначальному смыслу слова была контрреволюцией (т. е. восстановлением бывшей когда-то справедливости). Это по своим последствиям оказалась революционной, сломив административную систему и социальную структуру Речи Посполитой на Надднепрянщине.

Мы сейчас имеем лишь на 20 лет больший опыт построения своего государства, чем украинцы 90 лет тому назад, правда, без последствий мировой и российской гражданской войны, но любой и сегодня понимает значение *стабильности государства* для создания жизнеспособного национального организма. В этом смысле т. н. Оранжевая революция 2004 г. тоже в определенном смысле являлась «контрреволюцией», выступая за восстановление свободы, ущемленной «старой властью». Экономические и внешнеполитические приоритеты «идеологии» Оранжевой революции тоже были вполне либерально-консервативными.

Гетман Скоропадский стремился к определенной консервации, стабилизации европейских ценностей собственности, права и порядка, но достиг (если достиг) их ненадолго; уэнеровцы же жаждали *настоящей* Революции – и получили ее во всех смыслах, став лишь очередными из «съеденных» ею своих детей.

Споры и конфликты подобного рода, перенесенные в современность, имеют и другую сторону: дискуссии по вопросу, какая из «команд» 1917–1920 гг. была *права в принципе*, предполагают, что может быть какая-то панацея, *один-единственный* действенный рецепт образования независимого, самостоятельного, соборного государства. И эффективность этого рецепта не зависит от того, в каком году, месяце, в какой политической местной и мировой конъюнктуре это происходит и какими действующими лицами осуществляется. Но так, к сожалению, не бывает, поскольку политика – искусство *возможного*. А в каждое конкретное время объемы этого возможного разные. Говоря проще, и УНР, и Украинская Держава – порождение украинского «национального» (в широчайшем смысле) духа, политической культуры, социума, ментальности. И как бы ни отличались их «концепции», они прикладывались к одному и тому же народу, а происходило это в почти одинаково враждебном окружении. Критики Грушевского,

Петлюры, Скоропадского часто забывают, насколько быстро в те годы все происходило, как чрезвычайно сильно тогда *сжалось время*. На изучение этих бурных 3–4 лет в украинских школах и вузах сегодня уходит столько же времени, сколько на какое-нибудь «обычное» столетие эпохи Средневековья. И мало кто из тогдашних политиков мог бы уверенно утверждать, что именно он «двигает» события, а не они ведут его в неизвестном для него направлении. И едва ли кому-то когда-то удастся, насытив компьютер бесконечным объемом исторической информации, построить логическую и внутренне прогнозируемую модель того, что происходило в Восточной Европе в 1917–1921 гг.

Но возвратимся к гетману. Критика в адрес Павла Скоропадского концентрируется вокруг двух проблем: 1) что он незаконно захватил власть и стал марионеткой оккупационной немецкой власти; 2) что он установил антидемократический диктаторский режим и проводил антинародную и антиукраинскую политику. Основания для обвинений, конечно, существуют: устранение Центральной Рады от власти легитимным актом не назовешь; немецкая оккупационная власть действительно существенным образом влияла на политику Украинской Державы; во время правления гетмана распространилось широкое народное повстанческое движение, вызванное социальной политикой правительства и реквизиционно-репрессивными действиями австро-немецких союзников; подписанную Скоропадским под конец пребывания у власти Грамоту о федерации с Россией действительно можно считать шагом назад в деле украинской независимости.

Однако тут появляется другая проблема: «демонизация» или пренебрежительное отношение к личности Скоропадского одинаково присуще как противникам гетмана из украинского левого лагеря, так и русским монархистам, а также всей советской историографии. Возникает вопрос: так на чью ж мельницу лил воду этот «политический оборотень»?

Дело с «марионеткой оккупантов» выглядит очень просто: будущий гетман родился в Висбадене (Германия), имел постоянные германофильские симпатии и в 1918 г. решил облегчить жизнь своих немецких друзей в Украине. Тем не менее, на самом деле Германию и немцев Павел Скоропадский знал намного хуже, чем Англию или Францию (он всю жизнь оставался англоманом); сомнительны также его германофильские настроения (даже если они и были когда-то) после четырехлетнего участия в войне с Центральными державами, на которой генерал Скоропадский был одним из ярких военачальников российской стороны (за что-то же его царь золотым оружием наградил?); если в эмиграции гетман был вынужден остаться жить в Германии (поскольку она не забывала бывших союзников), то своего

сына Данила он со временем отправил в Великобританию, к которой имел симпатии более старые, чем к Германии. Да и, в конце концов, не Скоропадский же пригласил немцев в Украину, прекрасно зная их планы относительно решения продовольственной проблемы за счет УНР, – Брестское соглашение подписывал все-таки не он. Как показывают исследования, столкнувшись с реальной ситуацией в Украине и неспособностью (и нежеланием) Центральной рады выполнить взятые на себя обязательства вследствие ее «административной неспособности», немцы оказались перед выбором: или изменить статус Украины – из страны формальной союзницы на страну оккупированную, или найти здесь себе другого, более надежного и квалифицированного политического партнера. Возможность большего «послушания» новой «марионетки-Скоропадского» не должна нас интересовать, так как от «непослушания» предшествующего украинского правительства абсолютно ничего не зависело в реальной жизни. Инициатива Скоропадского и «хлеборобов», которые провозгласили его гетманом, не позволила украинской государственности прекратиться уже в 1918-м, более того – она дала ей второй шанс, правда, уже не в таких благоприятных условиях, какие были у Рады осенью 1917 г. А дальше уже действовало «искусство возможного», причем эти возможности постоянно сокращались.

Критика «антиукраинскости» гетмана коренится преимущественно в социальных комплексах: потомок гетмана XVIII в., аристократ, Пажеский корпус, русский генерал, принадлежал к общеимперской элите, разговаривал на русском языке. Конечно, если бы он был не генералом, а поручиком, не помещиком, а из бедняков, учился не в Пажеском корпусе, а в унтерофицерской школе, разговаривал не на русском, а на «суржике», то симпатии к нему украинских левых, которые отождествляли украинцев с низшими социальными слоями и социалистами, были бы большими. «Эти люди не вынесут в своем окружении никакого пана. В этом корень их оппозиции к гетману», – так писал в 1918 г. об отношении левых к Скоропадскому директор Украинского телеграфного агентства Дмитро Донцов.

Но что же можно считать заметным вкладом «антиукраинца»-Скоропадского в украинское дело? Во-первых, это, конечно, попытка наладить работу государственных институтов, чиновнического аппарата и правоохранительных структур, что было уже более квалифицированной по сравнению с предшествующим периодом попыткой государственного строительства. Во-вторых, развертывание международных контактов Украины (признание суверенитета Украинской Державы многими странами) и переведение связей с Россией в форму официальных межгосударственных отношений. В-третьих, широкие мероприятия по украинизации образования

и распространению украинского языка как государственного. Среди шагов в поддержку национальной культуры и науки можно назвать создание новых университетов и институтов (Киевский государственный украинский университет, Каменец-Подольский государственный украинский университет, Екатеринославский университет, Одесский политехнический институт, Киевский архитектурный, Киевский клинический, Одесский сельскохозяйственный и др.), сети культурных (Государственный народный театр, Молодежный драматический театр, Первая народная опера, Первый украинский национальный хор, Государственный симфонический оркестр им. Лысенко и др.) и научных (Украинская Академия наук, Национальная библиотека и др.) учреждений.

Учитывая такие действия Скоропадского, едва ли можно доказать какой-либо конфликтный характер его отношения с украинской культурой и языком. Конфликт имел место в отношениях с определенными национальными политическими и социальными силами. Правда, в этом случае трудно окончательно определить, какая же сторона в конфликте украинских «левых» и украинских и неукраинских «правых» несла больший нациесозидательный потенциал, поскольку форма и декларации далеко не всегда отвечали реальным делам.

По своим признакам Гетманат Скоропадского вполне отвечает чертам многочисленных европейских авторитарно-консервативных режимов, со всеми их преимуществами и недостатками. В исторических условиях Второй мировой войны ближайшим аналогом Гетманата Скоропадского была власть маршала Петена в оккупированной немцами Франции. Но с поправкой, что перед этим Франция проиграла войну, а не пригласила немцев в качестве союзника. Однако на пути часто скользких исторических аналогий нас должно и кое-что останавливать, а именно – *короткий срок* правления гетмана, который не позволил развиться и развернуться всем *внутренним* политико-правовым тенденциям его режима, показать, к чему же действительно стремился П. Скоропадский. Гетман официально руководил страной «до выборов Сейма и начала его работы». Опять-таки сложно окончательно установить характер и перспективы видоизменения статуса *единоличной власти* гетмана – в пользу личной диктатуры с национальной окраской, в пользу президентства или в направлении конституционной монархии.

Уместно согласиться с точкой зрения историка Тараса Андрусяка, что необходимо разграничивать Украинское гетманское *государство 1918 г.* и *идею* Украинской наследственной Монархии в форме Гетманата, которая была выработана уже потом, в 1920-х годах. Да, действительно, не

Скоропадский основал в эмиграции гетманское движение; он *на обычных основаниях* вступил в ноябре 1921 г. в созданный годом раньше Вячеславом Липинским Украинский союз хлеборобов-государственников. Липинский в то время боялся, что Скоропадский «*недостаточно реакционен, что он демократ… Он не соглашается стать наследственным гетманом, а нам нужна монархия, так как после смерти гетмана снова начнется агитация, борьба партий, т. е. руина*».

В 1918 г. спасением для гетмана мог бы стать какой-нибудь консенсус организованных украинских национальных политических сил, но этого не случилось. С другой стороны, он мог бы избегнуть обращений за политической поддержкой к украинским левым, если бы его режим имел крепкую социальную базу. Планы Скоропадского в этом направлении известны: опора на мелких земельных собственников-казаков, которые бы стали социальной и военной основой Гетманата. Но эту опору еще надо было сформировать, фактически создать при помощи аграрной реформы и восстановления казацкого сословия. А на все это, опять-таки, требовалось и время, и возможности, и люди, – но времени, возможностей и людей у гетмана было маловато. Гораздо более реальными были реквизиции продовольствия, проводимые австро-германцами.

> *«Одна из главных моих ошибок, – писал со временем Скоропадский, – была вызвана тем, что мое появление на должности гетмана произошло совсем не планомерно, а почти внезапно для меня самого, и что перед принятием власти у меня не было людей, с которыми бы объяснился, которые бы разделяли мои убеждения, которые бы доверяли мне, а я целиком им… Гетман, прежде чем приступить к выполнению своих обязанностей, по-моему, должен был подыскать себе людей, из числа наиболее соответствующих, на должности министров, объясниться с ними по всем коренным вопросам и лишь тогда идти на дело».*

Со временем, имея уже позади горький опыт 1918 г., гетман употреблял театральные аналогии в адрес украинских левых политиков:

> *«Все поколения нынешних украинских деятелей воспитаны на театре, откуда произошли любовь ко всякой*

театральности и увлечение не столько сущностью дела, сколько его внешней формой. Например, много украинцев действительно считало, что с объявлением в Центральной Раде самостоятельной Украины Украинское государство является свершившимся фактом. Для них украинская вывеска была уже чем-то, что они считали незыблемым».

Ход событий 1917–1920 гг. слишком досадно для украинцев доказал его правоту. В этом смысле консерваторы типа Дмитра Донцова и немногочисленные представители партии «хлеборобов» были намного более конструктивными. Отношение гетмана и того же (известного потом как идеолог украинского национализма) Донцова к перспективам культурных отношений с Россией в ряде аспектов не имели принципиальных отличий, несмотря на давнюю «русофобию» Донцова и «русофильство» Скоропадского. Если не принимать во внимание межгосударственный аспект, то они понимали их в смысле конкуренции культур. Донцов писал: «*Не знаю, может, когда-то зайдет речь о каком-то нашем отношении к России, но не теперь, а тогда, когда свою культуру разовьем. Это дело разве что наших детей, и внуков*». Вместе с тем гетман делал такие замечания: «*Даже в кругах университета Св. Владимира была такая мысль, что теперь следует подтянуться, поскольку все то украинство, которое раньше было, – это была оперетка, а теперь оно идет вглубь. Я лично исповедую в этом отношении полную свободу. Пусть будет борьба двух культур, это область, где насилия не нужно*».

Скоропадский хотел видеть Украину, «*покрытую лишь одними мелкими, высокопроизводительными, собственными хозяйствами, которые продают свеклу сахарным заводам, которые уже все стали акционерными, причем заводы должны были иметь и часть капитала в мелких акциях, чтобы более степенные и культурные земледельцы-собственники могли их приобрести*». В перспективе социальной базой Гетманата должна была стать прослойка мелких и средних земельных собственников, которые образовали бы воскрешенное казацкое сословие, национально сознательное и экономически крепкое.

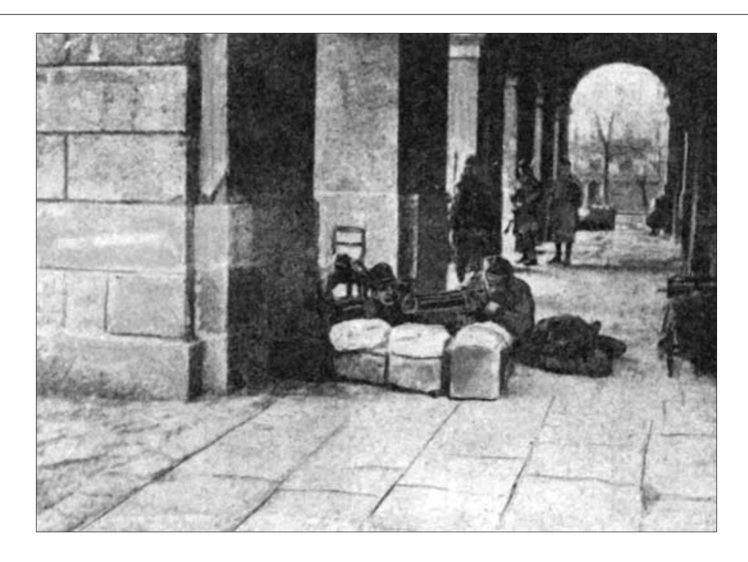
Начало осени 1918 г. показало, что Скоропадский уже перестал поспевать за событиями. В ряде мероприятий нужно было спешить, чтобы достичь стабилизации режима. Прежде всего – аграрная реформа, строительство армии, изменение Кабинета Министров более действенным. Трудно однозначно сказать, было ли это промедление результатом колебаний гетмана, вынужденного реагировать на позиции, влияние и взаимоотношения

абсолютно противоположных по своим ориентирам политических сил (украинских социалистов, хлеборобов, пророссийских кругов, немцев, помещиков, взбунтовавшегося крестьянства), или же результатом противодействия немцев и австрийцев (в частности в военном вопросе). Впрочем, благодаря последним удалось даже получить под украинский контроль корабли Черноморского флота – правда, гетману это мало помогло.

Кризис стал явно ощутимым в начале ноября, когда революции в Германии и Австро-Венгрии лишили гетмана реальной военной поддержки союзников; а страны Антанты, недооценив консервативный характер власти Скоропадского в условиях борьбы с большевизмом, отказались вступить с ним в приязненные отношения, считая его «немецкой марионеткой». Такая риторика с их стороны вызывалась еще и тем, что они уже сделали ставку в России на Деникина, для которого никакой Украины не могло быть. Правительство гетмана оказалось одиноким в конфликте и с враждебным крестьянством, обиженным возвратом помещиков и хлебными реквизициями немцев, и с украинскими левыми партиями, которые сначала образовали оппозиционный Национальный союз, а потом повстанческую Директорию, и с русскими монархистами, которые ощутили поддержку общероссийского дела со стороны Антанты. Федеративная грамота, провозглашавшая под финиш правления гетмана очередное присоединение к России на федеративных началах, не только окончательно оттолкнула от него украинских левых (которые, впрочем, не особо нуждались в объяснениях по поводу патриотизма Скоропадского – гетман все время им не нравился, они просто ощущали его чужим); значительная часть патриотов умеренных взглядов почувствовала себя обманутой.

4. Краткий взлет Западно-Украинской государственности

В октябре–ноябре 1918 г. революции в Германии и Австро-Венгрии остановили Первую мировую войну. Это решило судьбу режима гетмана, поскольку немцы и австрийцы так и не позволили ему создать свои вооруженные силы. В начале декабря его сменяет Директория УНР (о которой ниже). Для народов Австро-Венгрии революция создала перспективы новых стартов, когда каждый мог проверить, насколько успешно была проделана работа за время национального

Республика галичан

Украинские пулеметчики охраняют львовскую ратушу во время борьбы за город в ноябре 1918 г. Падение Австро-Венгрии столкнуло украинцев и поляков Галиции лицом к лицу в борьбе за свои новые государства. Каждый видел Львов своим и родным.

возрождения XIX в. Это уже потом, через несколько десятилетий, после мрачных страстей межвоенного периода и Второй мировой, этнических чисток, передвижений границ, немецкой и советской оккупаций, многие с ностальгией вспомнят Дунайскую монархию. А тогда, в конце 1918 г., все занялись государственным строительством, по мере своих сил и возможностей. Получилось у поляков, чехо-словаков, словенцев и хорватов (угодивших в югославянское государство). Украинцам Австро-Венгрии, как и на руинах Российской империи, удержаться не получилось.

Западно-Украинская Народная Республика (ЗУНР) стала еще одной попыткой создания украинской государственности. Ее Основной закон, принятый в ноябре 1918 г., обозначил пределы предполагаемого государства – украинские этнические территории Австро-Венгрии – Галиция, Буковина и часть Закарпатья. ЗУНР установила свою власть в Галиции 1 ноября 1918 г., на короткое время на Буковине (вскоре оккупированной румынами) – 3 ноября и в Закарпатье (быстро захваченном венграми) – 19 ноября. «Нахальство» украинцев, взявших власть во Львове, положило

Украинские левые

Руководители армии и Директории УНР. Сидят члены Директории Федор Швец, Симон Петлюра, Андрей Макаренко. До конца освободительной борьбы у власти удержался один Петлюра.

начало украинско-польской войне, поскольку Варшава видела Львов исторически польским – впрочем, как и всю Галицию. Силы были явно неравны, поскольку новая Польша была помощнее украинской Галиции, а главное – получала от Антанты снабжение, вооружение и необходимые кадры для открытия фронта против большевиков (и ничто не помешало полякам пустить эти ресурсы в первую очередь против галичан). Быстро выбитые из Львова украинцы упорно держались полгода за оставшуюся часть Галиции, переходя в контрнаступления, которые вскоре выдыхались из-за отсутствия патронов и других необходимых для войны ресурсов. Становилось очевидным, что в одиночку продержаться против II Речи Посполитой галичане не смогут, нужна была поддержка восточных братьев из УНР (восстановленной после падения гетмана в конце 1918 года). С декабря ведутся переговоры, и **22 января 1919** г. провозглашается Акт о воссоединении (соборности) Украины.

Итак, ЗУНР стала Западной областью УНР, но реалии были таковы, что «схидняки» («восточники») не могли навести порядок у себя дома, воюя одновременно и против красных, и против белых, – и им было не до того, чтобы как-то помочь «захиднякам» («западникам»). Были согласованы только военные командования и действия на фронтах. Поэтому администрация ЗУНР осталась фактически самостоятельной, и каждый решал свои проблемы сам. На время войны чрезвычайные полномочия в Галиции были переданы известному политику *Евгену Петрушевичу*, ставшему на короткое время и членом Директории УНР. В июле 1919 г. поляки вытеснили Украинскую Галицкую Армию за реку Збруч – на земли бывшей подроссийской Украины. Временно УГА воюет на «восточном фронте» – но о ее мытарствах расскажем чуть дальше.

Несмотря ни на что, Польша до конца передела Восточной Европы после Второй мировой войны так и не отдала никому контроль над Западной Украиной (Волынь она получила и от Петлюры, и от большевиков). Статус Галиции по международным соглашениям был неопределенным до 1923 г., когда великие державы окончательно признали это польское приобретение с уточнением, что ему необходимо предоставить автономию. Но этого поляки так и не сделали.

Лидеры ЗУНР не страдали социалистическими болезнями надднепрянцев и сразу поставили национальные приоритеты выше бессмысленных социальных экспериментов. Галичан явно нельзя обвинить во внутренних распрях, как их восточных собратьев. Галиция заслуживала явно лучшей судьбы – как пример консолидированного украинского сообщества, готового к независимости и государственности, но она оказалась слишком мала для самостоятельного удержания суверенитета в борьбе с гораздо более мощными внешними врагами. Конечно, не стоит идеализировать галицкую ситуацию, поскольку энтузиазм украинских масс был существенно ниже, чем об этом пишется в мемуарах, а консолидация политических сил кажется таковой лишь в сравнении с надднепрянцами. Общая вина «вождей» ЗУНР и УНР состояла в том, что они не смогли подняться до формирования общей позиции относительно целей и необходимых результатов своей оборонительной войны. Для галичан основным врагом все равно оставалась Польша, для надднепрянцев – Россия, поэтому неудивительно, что в результате УНР оказалась в союзе с Польшей, а галичане – сначала с «белыми», а потом с «красными». Такая вот рокировочка…

5. Директория, Петлюра и агония независимости

В гражданской войне нет места для суда над врагами. Это – смертельная схватка. Если не убьешь ты, убьют тебя. И если ты не хочешь быть убитым, убей сам!

Мартин Лацис, «Известия», 23 августа 1918 г.

14 ноября 1918 г. лидеры украинских левых создали нелегальный орган власти – Директорию УНР в составе пяти директоров: Владимир Винниченко – глава, члены – Симон Петлюра, Федор Швец, Павло Андриевский, Андрей Макаренко. Их задачей стала подготовка восстания против гетмана. Центром восстания стала Белая Церковь (под Киевом), где дислоцировались галицкие стрельцы полковника Евгена Коновальца. Эти бывшие военнопленные были организованы в Галицко-Буковинский курень сечевых стрельцов. На стороне Скоропадского остались лишь офицерские кадры из формирующихся подразделений регулярной армии. Украинские партии готовили поход на Киев, а местные пророссийские силы уже больше надеялись на приход Деникина. Наступление повстанцев на Киев увенчалось успехом 14 декабря. Ощутив всю бесперспективность ситуации, гетман отрекся от булавы и эмигрировал. Казалось, что украинские социалисты опять получили шанс установить контроль в стране и теперь они учтут свои предыдущие ошибки. Однако эта надежда не оправдалась: они продолжали действовать экспромтом, опять больше увлекаясь демагогией и фракционной борьбой, чем реальными делами.

Не возникало сомнений, что Директория считает себя временным органом, но, тем не менее, многие правовые вопросы так и остались без ответов. Более того, даже факт восстановления УНР не был официально провозглашен Директорией, а лишь угадывался из ее полного названия: «Директория Украинской Народной Республики».

Сама идея Директории возникла по аналогии с Директорией Временного правительства, которая, в свою очередь, опиралась на факт из истории Великой французской революции. Директория УНР родилась общей волей некоторых украинских партий и организаций. Мы помним, что на такой же «партийной» основе сформировалась и Центральная Рада,

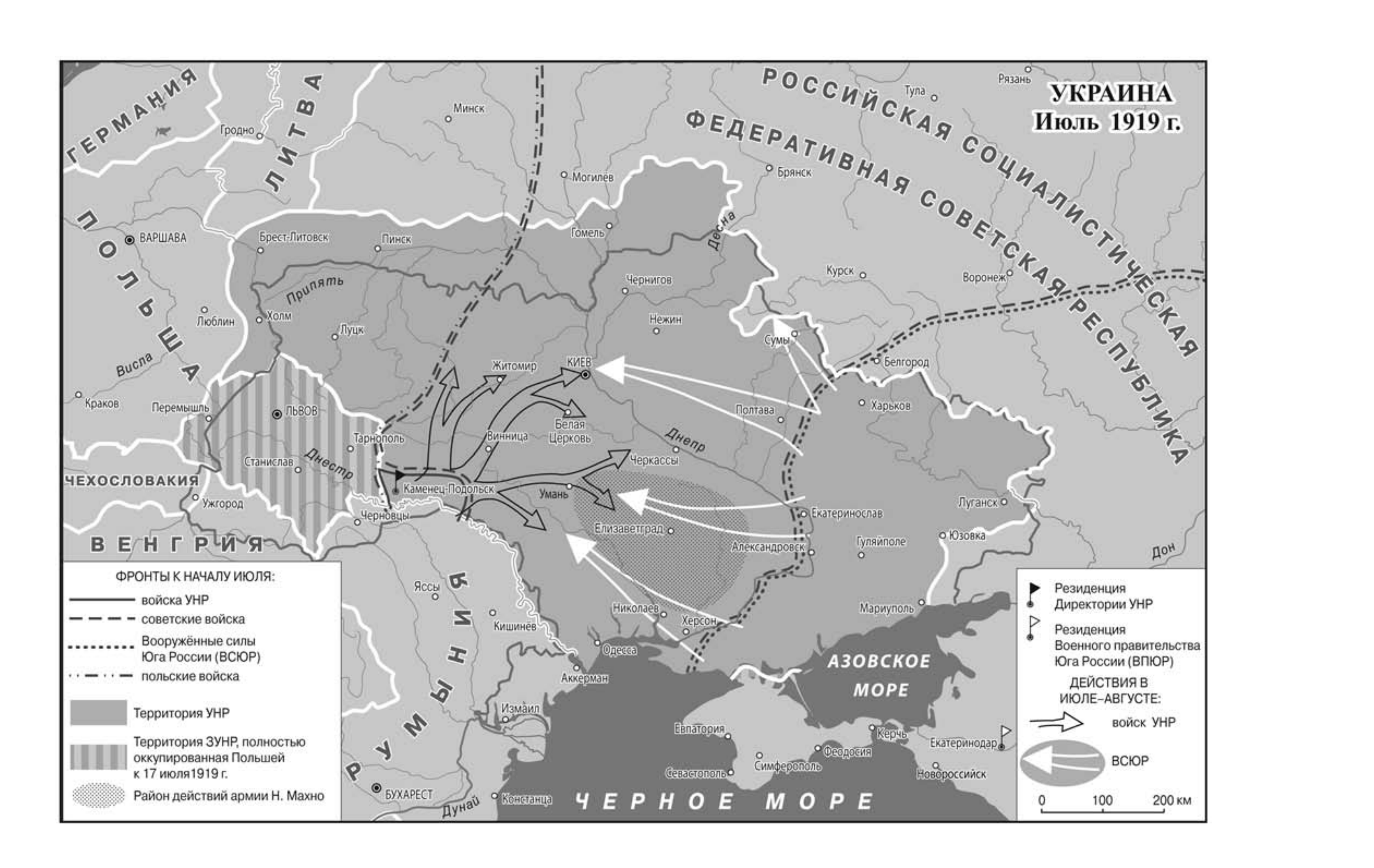

Киевские сечевики

Команда пулеметчиков корпуса Сечевых Стрельцов, 1919. Бывшие военнопленные-галичане составили одну из наиболее боеспособных частей Армии УНР, пополненную и надднепрянцами. Ею командовал полковник Евген Коновалец.

которая потом, взяв на себя функции законодательного, представительного органа, образовала правительство – Генеральный Секретариат, а со временем – Совет народных министров. Но, в отличие от Рады, Директория «не определилась» относительно своего места среди ветвей власти, олицетворяя собой ее единство и неделимость. Как считали многие, «наступали новые времена, которые требовали новых людей».

Впрочем, причина крылась не только в том, что Рада в последний период своего существования стремительно утратила популярность, и прошло всего несколько месяцев с момента ее свержения. Существенную роль сыграли взаимные антипатии и споры между влиятельными деятелями украинского движения. Эта характерная для всех переломных этапов украинской истории болезнь привела к тому, что, например, неформальный лидер украинства на протяжении 20 лет Михаил Грушевский фактически остался «вне игры». Возможно, что политически он в какой-то мере уже утратил авторитет, но общая ситуация говорит об отсутствии консолидации не только среди украинских политиков вообще, но и среди самих «левых» в частности.

УКРАИНА
Июль 1919 г.
РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА
ГЕРМАНИЯ
ЛИТВА
ПОЛЬША
ЧЕХОСЛОВАКИЯ
ВЕНГРИЯ
РУМЫНИЯ
АЗОВСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
Рязань
Тула
Брянск
Минск
Гродно
Могилёв
Гомель
ВАРШАВА
Брест-Литовск
Пинск
Припять
Десна
Чернигов
Курск
Воронеж
Нежин
Холм
Люблин
Луцк
Сумы
Белгород
Висла
Житомир
КИЕВ
Краков
Перемышль
ЛЬВОВ
Харьков
Полтава
Белая Церковь
Тарнополь
Винница
Днепр
Станислав
Днестр
Черкассы
Каменец-Подольск
Умань
Ужгород
Черновцы
Елизаветград
Екатеринослав
Луганск
Александровск
Гуляйполе
Юзовка
Дон
Яссы
Николаев
Херсон
Мариуполь
Кишинев
Одесса
Аккерман
Измаил
Евпатория
Керчь
Екатеринодар
Феодосия
Севастополь
Симферополь
Новороссийск
БУХАРЕСТ
Дунай
Констанца
ФРОНТЫ К НАЧАЛУ ИЮЛЯ:
войска УНР
советские войска
Вооружённые силы Юга России (ВСЮР)
польские войска
Территория УНР
Территория ЗУНР, полностью оккупированная Польшей к 17 июля1919 г.
Район действий армии Н. Махно
Резиденция Директории УНР
Резиденция Военного правительства Юга России (ВПЮР)
ДЕЙСТВИЯ В ИЮЛЕ–АВГУСТЕ:
войск УНР
ВСЮР
0
100
200 км

Почти, почти…

После краткого успеха антигетманского переворота войска Директории УНР отступали, прижимаемые большевиками на юго-запад к польским войскам и территории ЗУНР, которая, в свою очередь, воевала с поляками. После того, как галицкая армия отступила за бывшую русско-австрийскую границу, галичанам и надднепрянцам ничего не оставалось, кроме как вместе идти на Киев. В стольный град им удалось войти – но, увы, ненадолго. Вступив в очередную фазу конфликта с двумя ипостасями России – деникинцами и большевиками – украинцы откатились назад. Галичане отделились и прошли свою голгофу через белых и красных в польские лагеря для интернированных. Петлюровцы, оттесненные Советами вплотную к полякам, были вынуждены искать с ними союза, и в мае 1920 г. пробились в мае до Киева (этого на карте уже нет), а потом снова отступили на запад и оказались в результате тоже в лагерях. Фортуна окончательно повернулось спиной. Дальше – эмиграция и надежда на будущий крах порядка, установленного в Европе первой мировой. Потому что Украины в новом устройстве континента не было.

Два образа украинской армии

Сотник конной сотни полка гайдамаков Холодного Яра. На Черкасчине, вокруг бывшей столицы Хмельницкого Чигирина мгновенно массово возрождались традиции казачества и гайдаматчины, со всеми их преимуществами и недостатками. Повстанческие республики представляли собой реальную власть на местах в 1918–1920 гг. Красная армия овладела этим краем ценой больших жертв и не щадя местных жителей.

Противоположность образу повстанца-гайдамака может воплощать генерал-поручик Владимир Синклер, начальник штаба Армии УНР во второй половине 1919 г., специалист по стратегическому планированию, впоследствии активный деятель украинской военной эмиграции. Догадывались ли его шотландские предки, что он в преклонных летах будет казнен НКВД в 1945 г. за «украинский национализм»?

Итак, развитие политико-правовой модели наподобие Рады было отброшено, и Директория оказалась перед необходимостью искать свой путь. Однако все усилия директоров на ниве государственного строительства имели хаотичный характер и происходили «без руля и ветрил» на основе прецедента, если подобный термин вообще приемлем в данной ситуации. Так, абсолютно стихийно сложилось определенное распределение обязанностей между членами Директории. Не существовало ни одного регламента или другого документа, который бы заменял его и направлял внутреннюю организацию Директории; без какого-либо правового акта Директория получила и свою «руководящую роль». Также видим фактор «самодеятельности», который повлек за собой чехарду «атаманщины» и перетекание власти в руки полевых командиров.

Этот правовой хаос органично сосуществовал с процессом военно-политической агонии Директории, закончившейся отступлением перед войсками Советской России и Вооруженных Сил Юга России, а потом и эмиграцией лидеров УНР в 1920 г. Дальнейшие локальные попытки отвоевать утраченное были безуспешными.

Но вернемся непосредственно к событиям. Уже в январе 1919 г. назревает конфликт в политическом лагере Директории, обусловленный несовпадением взглядов эсеров и части социал-демократов, по поводу формы власти – парламентаризма или устройства по аналогии с советским (Советы на местах, но при многопартийности), а также по поводу внешних ориентаций – на Антанту (что предпочитали умеренные) или на Москву (предлагали левые радикалы). Выразителем позиций последних был Владимир Винниченко, а первых – Симон Петлюра. Сечевые стрельцы (существенно обновленное местными кадрами, это было уже не чисто галицкое подразделение) попробовали предложить просто установить военную диктатуру, пока гражданская война не прекратится, – вполне оправданное решение в тех обстоятельствах, но сделали они это так робко и ненавязчиво, что было ясно: диктатуре не бывать.

Ход военных действий поставил Директорию в ситуацию войны на три фронта: на западе – против поляков Пилсудского, на севере и востоке – против Красной армии Троцкого, на юге – против белых армий Деникина. Кто мог выстоять в таких обстоятельствах, особенно при одновременных внутренних конфликтах? При неспособности создать единый национальный фронт начался хаос: силы многих полевых командиров-атаманов

Лидер петлюровцев

Симон Петлюра. До революции – публицист, социал-демократ, в 1917 г. – военный министр УНР. Не поддержал режим Павла Скоропадского, недолго «посидел» и был отпущен. Один из организаторов антигетманского восстания. После отставки Владимира Винниченко возглавил Директорию УНР (февраль 1919). Дольше всех украинских политиков продолжал реально бороться против красных – в 1919 г. – сам, в 1920 г. – с Пилсудским, потом путем организации повстанческой борьбы («второй зимний поход»). Возглавлял правительство УНР в изгнании. Не простил галичанам Коновальца их временного союза с Деникиным, галичане не простили ему союза с Пилсудским. Убит в Париже в 1926 г. советским агентом Шварцбартом, удачно преподнесшим это политическое убийство как месть за еврейские погромы в Украине в 1919 г.

УКРАИНА
1921 г.
РОССИЙСКАЯ СФСР
УКРАИНСКАЯ ССР
БЕЛОРУССКАЯ ССР
ПОЛЬША
ЛИТВА
ГЕРМАНИЯ
ЧЕХОСЛОВАКИЯ
ВЕНГРИЯ
РУМЫНИЯ
11
ВОЛЫНЬ
ГАЛИЦИЯ
БУКОВИНА
БЕССАРАБИЯ
ДОНБАСС
КУБАНЬ
Крымская АССР
АЗОВСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
Днепр
Днестр
Дон
Северский Донец
Десна
Ока
Припять
Неман
Висла
Кубань
Рязань
Липецк
Воронеж
Курск
Белгород
Брянск
Путивль
Сумы
ХАРЬКОВ
Полтава
Луганск
Юзовка
Запорожье
Екатеринослав
Мариуполь
Таганрог
Ростов-на-Дону
Краснодар
Новороссийск
Керчь
Феодосия
СИМФЕРОПОЛЬ
Евпатория
Севастополь
Херсон
Николаев
Одесса
Черкассы
Елизаветград
Умань
Тирасполь
Четатя-Альба
Измаил
Констанца
Кишинёв
Яссы
БУХАРЕСТ
Черновцы
Станислав
Ужгород
Каменец-Подольск
Винница
Белая Церковь
Киев
Нежин
Чернигов
Житомир
Ровно
Тарнополь
Луцк
Львов
Перемышль
Холм
Люблин
Брест
Пинск
Гомель
Могилёв
МИНСК
Гродно
ВАРШАВА
Кёнигсберг
Краков
Крымская АССР (в составе РСФСР)
0 100 200 км

Промежуточный финиш

В 1917 г. Украина появилась на политической карте; в 1921 г. она формально на ней оставалась, но это уже была техническая декорация национальной государственности (посмотрите на карте на соседнюю Белоруссию). Внешнеполитической субъектности Украинской ССР хватило, по сути, лишь для того, чтобы узаконить раздел Украины между советской Россией и второй Речью Посполитой. Мавр сделал свое дело, и в следующем 1922 г. декорацию «военно-политического союза советских республик» сменит Советский Союз с центром в Москве. В середине 1920-х умеренный либерализм украинского компартийного руководства породит иллюзии «национального возрождения», которое через несколько лет станет «расстрелянным возрождением». Украинская компартия проявит свою настоящую сущность – регионального инструмента тоталитарной системы с функцией подавления инакомыслия и физического уничтожения своих земляков в угоду хозяйственным планам московских вождей. По итогам двух межвоенных десятилетий можно сказать, что хорошо, что проигравшую Украину тогда разделили. Если бы она вся оказалась в СССР, то не было бы (прошу прощения за избитую цитату) «повести печальнее на свете»… Потому что по рекордной численности людей, целенаправленно уничтоженных в мирное время, нашими печальными конкурентами могут быть в истории XX в. только китайцы, камбоджийцы, руандийцы, ну, и другие народы СССР. Западная Украина тогда не испытает этой голгофы. Но понесет свой крест уже в 1939 г. – хотя бы 20 лет...

начали «большевизироваться» (это можно сказать про Григорьева, Махно и иных), части, симпатизирующие украинским эсерам, вышли из подчинения Директории, многие атаманы принимали то одну, то другую стороны, в зависимости от удовлетворения конкретных материальных интересов. Наступило время «*атаманщины*». Части регулярной украинской армии, дисциплинированные и боеспособные, составляли в этих обстоятельствах явное меньшинство. Необходимо учитывать, что она состояла из добровольцев (поскольку решение о мобилизации на подконтрольной территории было принято Петлюрой лишь в сентябре 1919 г.), к тому же, те, кто хотел воевать за «другие стороны», уже давно покинули ее ряды.

Понятно, что в этой ситуации разрешить хоть какие-либо социальные вопросы было невозможно (да и нужно ли?). Началось очередное наступление большевиков, войска Антанты, которые потенциально могли предоставить помощь, через некоторое время эвакуировались. В середине февраля 1919 г. Винниченко выходит из состава Директории и уезжает в более спокойную Европу, чтобы потом оттуда учить украинцев социализму (были, правда, потом две слабые попытки приступить к обучению прямо на месте, но неудачные – Винниченко едва ноги унес из страны Советов). Дальнейшую борьбу возглавляет *Симон Петлюра*. В советском восприятии все «свидоми» украинцы уже с 1917 г. были «петлюровцами» (поскольку Петлюра тогда возглавлял украинское военное министерство), но некой реальностью это стало лишь с весны 1919 г. Ситуация толкала Петлюру на уже бескомпромиссную борьбу с Советами, которую он и будет вести разными средствами до своей гибели в 1926 г.

Образ Петлюры – однозначен в советском и противоречив в постсоветском восприятии, посему скажем о нем подробнее. Образование Симон Петлюра получил в Полтавской духовной семинарии, – то есть, как и Сталин, и Дзержинский, был «семинаристом». С 1900 г. был членом РУП, а с 1905-го – УСДРП. Занимался публицистикой и общественной работой. В апреле 1917 г. возглавил Украинский фронтовой совет войск Западного фронта. На Первом украинском военном съезде был избран главой Генерального военного комитета, потом, как уже говорилось, – военным министром. Именно его активность в военной сфере и обусловила его дальнейшую карьеру как лидера украинского движения в ситуации войны. На этом поприще Петлюра в 1917 г. «обошел» уже упомянутого нами Миколу Михновского, логично выступавшего за военное подкрепление украинских претензий, но самостийнические взгляды сделали последнего при Раде политическим аутсайдером.

Украинские оппоненты Петлюры считали, что он хочет стать «украинским Бонапартом». Даже если у него и не было таких амбиций, то само время требовало от него повторить путь Пилсудского. Итогами его деятельности можно считать общее украинское поражение, но делать этого не стоит, поскольку полученное Петлюрой печальное наследство и более чем ограниченные ресурсы вряд ли позволили бы ему преодолеть неумолимую силу негативных обстоятельств (подобное, возможно, получилось бы у Наполеона, но такие личности в истории появляются крайне редко, а Украину они вообще обходят стороной).

Стойкая ассоциация Петлюры с еврейскими погромами – лишь часть общего «антипетлюровского мифа», своеобразной кампании черного пиара, поскольку существуют вполне известные документы о его борьбе с погромными акциями. Он просто не контролировал ситуацию в стране, где любой атаман неясной политической ориентации мог творить, что угодно. Заметим, что на украинской территории чинили насилие над евреями и украинцы, и русские, и красные, и белые, а потому валить все на Петлюру, который никого не громил и не призывал к этому, – просто несправедливо. Зато это очень удобно для тех, кто хочет связать в восприятии людей украинское государство тех времен лишь с антиеврейскими акциями.

Был ли Петлюра тем, кто мог вытащить Украину из пропасти, в которую она тогда падала, – этого не знает никто. Но в любом случае, сама история рассудила, что он стал единственным человеком, попытавшимся сломать те жестокие обстоятельства и упорствовавшим в неравной борьбе до конца, пока другие уэнеровские деятели торопливо бежали в Европу просто так или с «дипломатическими миссиями», прихватывая побольше из и так скудных украинских средств.

Но вернемся в 1919 г. 5 февраля красные снова в Киеве. Они практически молниеносно захватывают Левобережье и продвигаются на юг при активной поддержке повстанческой армии Махно. Дальнейший путь – на юг и запад. В марте–апреле украинские войска вытеснены на Подолье и Восточную Волынь – дальше на западе были уже поляки, фактически выбившие из Галиции войска ЗУНР. У УНР теперь не было даже тыла. Но отступление галичан, прекративших до поры борьбу за Галицию, дало Петлюре (имевшему около 30 тысяч солдат – точных цифр нет) еще около 50 тысяч Украинской Галицкой Армии. Появился реальный шанс вернуть утраченное, хотя украинцы и ощущали постоянную нехватку патронов, оружия, медикаментов и другого снабжения. Начинается наступление на Киев и Одессу. Одновременно на

Левобережье деникинцы выбивают красных и тоже приближаются к древней столице. 30–31 августа украинцы и деникинцы встречаются в Киеве, но встреча не стала радостной. Ситуативное перемирие продлилось недолго – после того как командующий Запорожской группой Армии УНР Владимир Сальский (за первую мировую награжден Георгиевским оружием и орденами вплоть до французского Почетного легиона) сорвал с городской Думы на Крещатике российский «триколор» и потоптался по нему конем, мир окончился. Галичане в этот момент впали в некую «задумчивость», поскольку белые были готовы вести с ними (ведь они не «россияне», а «австрийцы») переговоры о сепаратном мире. Уэнеровцам такая перспектива не светила. В этой неразберихе кавалерия генерала Бредова заставила войска УНР отступить от Киева. Дальше украинские части оказались зажаты между большевиками и белыми. Надежды на достижение соглашения с Антантой, за которые до конца держалось политическое руководство, оказались иллюзией. Сам поход на Киев диктовался более политиками, чем военными, которые советовали двигаться к Одессе, ближе к хлебу и морю, оставив большевиков и деникинцев решать между собой, кто из них сильнее. Три месяца упорных боев обескровили армию, а осенью ее стал косить тиф. Тыл пребывал в разрухе, снабжение отсутствовало. Армия была опять зажата на Подолье; дальше двигаться было некуда. Утратившие уже перед тем ЗУНР, галичане оказались деморализованы, их командование не видело дальнейших перспектив.

Махно заключает с Петлюрой соглашение о совместной борьбе против Деникина, который все энергичнее движется на Москву. Общепризнано, что *если бы Деникин хотя бы временно признал УНР и не отвлекался на украинский фронт, то имел бы все шансы победить.* Даже советская власть вдруг поняла, что неплохо бы достичь «взаимопонимания», но тут случается невероятное: Украинская галицкая армия переходит на сторону Деникина. Этот странный компромисс не стал последним – вскоре, когда появились большевики, а белые ушли, галичане успели побывать еще и у красных – так называемая ЧУГА (Красная УГА). Эти «компромиссы» позволили галичанам продержаться до апреля 1920 г., когда часть их опять присоединилась к Петлюре. Тот наступал уже вместе с поляками, однако последние на соглашение с галичанами не пошли и их разоружили. Надднепрянские же части, терпевшие такие же несчастья, до конца сохранили верность УНР.

Осень 1919 г. фактически стала катастрофой Армии УНР, которой нечего было стыдиться – воевала она хорошо, но просчеты политиков

поставили крест на ее усилиях. В декабре Петлюра выехал в Варшаву искать союза – иных вариантов уже не было, поскольку Польша отвлекла на себя все симпатии Антанты в Восточной Европе. А украинская армия во главе с генералом М. Омеляновичем-Павленко идет в Первый Зимний поход по тылам Красной армии (Второй Зимний был следующей зимой, возглавлял его Юрий Тютюнник).

В апреле 1920 г. Петлюра подписывает Варшавский договор, по которому Западная Украина отходит к Польше (весьма небратский, но вынужденный «ответ» галичанам), и та в качестве союзника начинает активные действия против красных. Совместное наступление украинцев и поляков на Киев сначала было успешным, но потом пошел мощный откат польско-украинских войск назад, который завершился 14 августа «чудом на Висле», остановившим первый советский прорыв в Европу. Заметим, что в этом отступлении на запад Южный фронт, на котором воевали украинцы, держался крепче, чем тот, которым шел на Варшаву Тухачевский.

Последней героической попыткой вернуть утраченные позиции стал Второй Зимний поход (октябрь–ноябрь 1921 г.), совершенный без согласования с поляками. Полторы тысячи украинских солдат, гордо названных «*Украинская повстанческая армия*» (тогда впервые прозвучало это словосочетание) перешли советскую границу в надежде поднять народное восстание (как раз происходил первый из «советских голодоморов», вызванный продразверсткой). Им противостояло 35 советских дивизий, размещенных на Украине. Результат был предрешен, и 21 ноября 1921 г. попавшие в окружение 359 украинцев, отказавшись сложить оружие и перейти на сторону советской власти, были расстреляны под селом Базар на Житомирщине.

Итоги четырехлетней борьбы за Украину закрепил Рижский мир, подписанный Польшей, Советской Россией и УССР **18 марта 1921 г.** Он до 1939 г. разделил страну на Западную и Восточную – подсоветскую и подпольскую. Украинское дело на военных и дипломатических фронтах было проиграно. Но это отнюдь не остановило участников событий, значительная часть которых оказалась в эмиграции – в Польше, Чехословакии, Германии, Франции и еще многих странах. Около 200 тыс. человек – от простых солдат до профессоров и генералов – были вынуждены покинуть родину. В эмиграции действовали и Государственный центр УНР в изгнании, и сторонники гетмана, восстановившие свои силы и единство, да и галичане не потеряли былую энергию. Ее просто пришлось пустить в другое русло, и борьба продолжилась.

6. Идеологический реванш 1920-х годов: консерваторы-гетманцы и В. Липинский

Двадцатые годы XX в. оказались чрезвычайно плодотворными в концептуальном, теоретическом смысле для украинского обществоведения, политологии и истории. Прекращение практической политики и реальной войны оставляло возможность хорошо и основательно задуматься о том, почему мы проиграли. Можно было (это обязательно) поискать виновных, можно было сделать выводы и более системного характера.

Последний политический проект (Украинская Народная Республика) все еще существовал в форме правительства в изгнании, но в той же эмиграционной среде уже вызревали и новые проекты: консервативно-монархический и радикально-националистический. Первый стал попыткой объединения правых сил усилиями политического философа и историка Вячеслава Липинского; второй, представленный публицистом, литературным критиком и философом Дмитром Донцовым, старался запустить двигатель радикальной идеологии, которая в других странах тогда показала свою способность мобилизовать массы на защиту национальных идеалов.

Хотя на жизнь украинского общества в пределах СССР они практически не влияли, но для украинцев *вообще* это означало, что их *национальная идея обретает те «ипостаси», которые ее делают уже самодостаточной как целый комплекс мировоззрений без внешних заимствований* – национальная идея обретала набор «видений»: политических философий и альтернатив для выбора и употребления, обзаводилась комплектом идейных «полуфабрикатов» для разных исторических ситуаций. Народнически-социалистический «левый» вариант был апробирован в УНР; радикально-националистический Дмитра Донцова брался на вооружение Организацией Украинских Националистов; консервативно-монархический Вячеслава Липинского возникал при гетмане в 1918 г., а в дальнейшем разрабатывался теоретически и ждал своего продолжения. Я начну с консерваторов.

Как уже упоминалось, в украинском движении фактически отсутствовало правое крыло, что обусловило его некоторую однобокость и отсутствие выбора между вариантами пути или разными «украинскими проектами». В 1918 г. гетман Скоропадский только нащупывал путь украинской «правой», а вот его обоснование и четкая формулировка – это заслуга одного из выдающихся украинских мыслителей, этнического поляка *Вячеслава Липинского* (1882–1931).

Он происходил из польского волынского шляхетского рода, но с гимназических лет был полон украинского патриотизма. Его мотивация была достаточно простой: есть украинская земля, и все, кто на ней живет, определенным образом ей обязаны. Этот долг подразумевает и поддержку устремлений украинского народа, независимо от национальности и вероисповедания. Эта идея называлась «*территориальный патриотизм*», и уже в зародыше она несла коррекцию идеи *этнической нации* в пользу *нации политической* или *нации гражданской*. Липинский на себе испытал «сдержанное» отношение украинского политикума, имевшего социальную и национальную природу. Он был поляк и католик, и что еще хуже – помещик. И, что совсем печально, *не собирался за все это каяться перед народом*. Для него было естественным, что его долг потомственного шляхтича-землевладельца – вести свое хозяйство, делать его эффективным (для этого он получал хорошее аграрное образование в Кракове, а еще у него было образование историческое (там же) и социологическое (в Женеве)), давать работу крестьянам и соответственно ее оплачивать. Как поляк и католик, он не мог испытывать социальную неприязнь к польскому шляхетскому классу, доминировавшему на Правобережье и Волыни, и не мог изменить своим искренним отношениям с Богом (ибо был верующим). Он видел свою почетную обязанность в том, чтобы привлечь к украинскому движению «украинцев польской культуры», на что и направлял свои усилия историка. Он показывал, какую роль сыграла шляхта в Хмельнитчине, и считал, что приходит время опять исполнить свой долг перед Украиной. Однако его идеи не получили поддержки среди украинских поляков, а для *украинского* движения он был чужд по уже названным признакам. Очевидно, эта ограниченность возможностей в сфере тех идей, которые были ему симпатичны, не радовала его. И он приспосабливался к реалиям: под руководством Грушевского занялся глубже историей, воздерживался от проявления своей консервативной социальной позиции: поколение крестьянских сынов, ушедшее в подготовку украинской революции, скорее бы бойкотировало его, если бы он повел себя иначе. Пример самостийника-украинца Михновского – показателен.

Вячеслав Липинский был самостийником: для него как для поляка, знающего судьбу своей исторической родины, желание отдельного народа стать независимым и создать свое государство было естественным. Поэтому он не мог стать автономистом, как подавляющее большинство тогдашних «сознательных украинцев». Его сдержанное отношение к России никогда не проявлялось в форме ненависти или русофобии: он спокойно рассматривал варианты союза и сотрудничества. Просто он очень сильно отличался от своих украинских

Вячеслав Липинский

Дмитро Донцов

соратников тем, что мыслил *национальными интересами, а не политическими догмами* (тогда социалистическими). Человек огромной эрудиции и глубоких знаний в общественных науках, он не мог воспринимать западную интеллектуальную и политическую моду как священное писание – он знал гораздо больше этих «мод» и «веяний», чем его украинские соратники, занявшие в политическом спектре очень узкую левую нишу, которая и стала вскоре могилой для попытки украинской государственности.

В начале 1910-х гг. мысли Липинского кружились вокруг ожидаемой всеми общеевропейской войны, где, как было очевидно, сойдутся две империи, имеющие в своем составе украинцев: Австро-Венгерская и Российская. Он думал, что в результате войны украинский вопрос может разрешиться в пользу одной из сторон, которая без политических уступок будет не в состоянии «потянуть» все объединенное украинство. Почему бы тогда не легитимировать Украину в пределах какой-то из империй путем «секундогенитуры» – то есть приданием украинского гетманского достоинства кому-то из вторых сыновей Габсбургов или Романовых? и империя не страдает, и Украине – польза. Он не знал тогда, что многонациональные монархии вскоре разлетятся в щепки, но вряд ли это существенно изменило бы его позицию – ведь Липинский исходил не из политической моды, а из определенных, очень четких политических принципов. В их числе всегда была мысль о том, что любое политическое новообразование, каким бы, несомненно, стала Украина, должно иметь историческую легитимацию – узаконение, обоснование традицией, историей, а *чисто украинская традиция как государства* – это определенно *гетманская традиция* (Русь Липинский не относил ни к русским, ни к украинцам,

а к варягам; в этом забавное совпадение его представлений с простонародными, для которых были только «казаки и гетманы»).

Поэтому Липинский считал основной причиной Руины XVII в. неудачу внедрения наследственного принципа в гетманство Хмельницкого: когда есть один единственный наследник гетмана, то соратники этого гетмана скорее будут ему служить за должности, а не драться между собой за титул высшего суверена, отдаваясь за тридцать сребреников врагам-соседям. Вспомним пример Смуты в Московском царстве: государство стабильно, когда не провозглашает себя государем кто ни попадя, а избирают одного, пусть и «тишайшего», Романова, – но зато сам факт его существования и статуса охлаждает «горячие головы» из мощных боярских кланов. Они борются между собой за влияние на государя, но не за трон. Посему государство гораздо более стабильно, чем Гетманщина, где для карьеры не было ограничений по вертикали. Озадаченные Смутой (*неясностью*) бояре, избрав Михаила Романова, выбрали для себя «клетки», ибо стабильность для них была важнее свободы возможностей; в украинском же менталитете в XVII в. победила более анархичная и индивидуалистическая составляющая, которая и похоронила, при помощи России, украинскую государственность.

Но эти мысли Липинского оставались только мыслями. В Первую мировую он исполнил свой дворянский долг в кавалерии, отслужив в российской армии в трагическую восточно-прусскую кампанию 1914 г. Потом он был отправлен в запас, поскольку подлеченный до войны туберкулез снова обострился. Так он и встретил, в Лубнах на Полтавщине, в запасном полку, революцию 1917 г. По весне он становится одним из организаторов партии «хлеборобов» (единственной украинской партии, в названии которой не было слова «социалистическая»). Попытки помочь Центральной Раде не были встречены с симпатией (он ведь помещик!), место для Липинского нашел только гетман Скоропадский. Он стал послом Украины в Вене – столице второго по значению партнера Гетманата. Исполняя в меру сил и способностей свою дипломатическую работу, Липинский по своему желанию ушел с должности летом 1919 г., съездив пару раз в Украину и увидев тот хаос, который был в правление Директории. Ему суждена была эмиграция, где он и формулировал в печати, несмотря на все более тяжкую болезнь, свои исторические и политические соображения, время которых явно пришло потому, что «левая» украинская альтернатива потерпела сокрушительное поражение.

В 1919 г. он начал писать свою главнейшую работу – «Письма к братьям-хлеборобам: об идее и организации украинского монархизма», над которой работал потом на протяжении шести лет. На Украине еще

продолжались бои, а Липинский уже начал анализировать причины постоянных неудач украинских правительств во время войны; осмысляя особенности украинского национально-освободительного движения, уже тогда он начал искать идейные и мировоззренческие основания для нового возрождения и дальнейшего реванша. Он приходит к выводу, что главная причина неудач Центральной Рады и Директории – это невозможность объединить все социальные слои и этнические группы украинского общества для борьбы за независимость и государственность. Социалистическая интеллигенция (разбитая на многочисленные партии), которая взяла на себя дело репрезентации интересов украинского народа, не смогла сформировать социальную базу национального движения по причине узкосоциалистического доктринерства, исповедования идеи классовой борьбы и этнического национализма. В качестве альтернативы Липинский избирает политику Украинской Державы гетмана Скоропадского, которая, несмотря на все свое несовершенство, все же представляла собой пример конструктивной государственной работы. Он постулирует необходимость создания украинской консервативной доктрины и объединения вокруг нее широких кругов украинской эмиграции. По своему характеру это образование должно было быть не традиционной партией, а классовой организацией (прежде всего земледельческого класса), так как именно межклассовый компромисс в условиях сильной власти должен был стать предпосылкой национальной консолидации – нужно было дать не только пролетариям, но и земледельцам свое «классовое сознание». Другим важным основанием стабильности украинской государственности должна была быть «трудовая монархия», которая, по мнению Липинского, обязана стать залогом законности и стабильности через воплощение в династии исторической традиции.

Среди значительного числа эмигрантов, которые выехали из Украины после установления власти Директории, Липинский довольно быстро нашел единомышленников; они образовали инициативную группу Украинского союза хлеборобов-державников [государственников] (УСХД).

Манифестом группы стала брошюра «К украинским хлеборобам». Принципиально новым во взглядах «хлеборобов» была констатация того, что не внешние, а внутренние факторы привели к поражению Освободительной борьбы:

> *«Возлагать вину за то, что произошло, на внешние, будто бы тяжкие обстоятельства, мы не имеем права. Международное положение всех соседних наций было такое же тяжкое, а может еще и тяжелее, чем наше.*

В руине нашей виновны только мы сами, и причина той руины лежит не вне нас, а в нас самих».

Далее утверждалось, что нельзя построить государственный порядок в Украине, опираясь лишь на одну социальную группу или с помощью чужеземцев. Стержневой идеей воззвания была идея национального консенсуса: *«выстроим собственное государство на основании межклассового компромисса».*

Поскольку задачей был компромисс между классами, то авторы воззвания подвергали сомнению необходимость участия в этом процессе политических партий, поскольку они не являются чисто классовыми организациями. Эта критика выдержана целиком в лексиконе и формулировках Липинского.

Государство, которое предполагалось создать, было бы следующим:

«Высшая и жизнестойкая форма государственности на Украине может быть построена собственными силами Украинской Нации только тогда, если она полностью будет отвечать не только временным, случайным или фиктивным, а выработанным исторической традицией взаимоотношениям внутри той человеческой общности, которая живет на Украинской Земле.

Поэтому УСХД хочет образовать такую форму государства,… которая бы опиралась на естественные и постоянные группировки людей внутри Нации – на материально-продуктивные трудовые классы».

В окончательном варианте, принятом на собрании инициативной группы в декабре 1920 г., Союз должен был формироваться как рыцарский или религиозный орден с суровой иерархией, идеей служения и призвания, с монархом-символом во главе. Правда, среди функций монарха каких-то реально практических не предполагалось – он лишь персонифицирует *«принцип национального и государственного единства и стабильности национальной традиции».*

В самом принципе устройства организации мы можем ощутить идеализм Липинского, который был жестким прагматиком скорее в своих текстах, нежели в жизни.

Липинский возглавлял Совет присяжных (нечто вроде постоянного коллегиального органа) этой организации до 1930 г., пока не поссорился со

Скоропадским, привлеченным Липинским к деятельности УСХД как «репрезентант», т. е. представитель и носитель этой самой гетманской традиции. Суть конфликта была достаточно предсказуемой: противоречие между высокими идейными постулатами и земной практикой выживания после 10 лет эмиграции, которая требовало политических компромиссов. Скоропадский более чем уважал Липинского, но был человеком практическим. Правда, разрыв между ними был трагически недолгим – в 1931 г. туберкулез унес в могилу Липинского, который так и остался глашатаем и мучеником гетманской идеи. Но вернемся к его представлениям.

Процесс формирования общественно-политических взглядов Липинского и способ использования им разных европейских идейных течений свидетельствует о выразительно консервативных установках, которые, впрочем, не впадали в крайность банальной реакционности. Липинский сознательно искал для украинского консерватизма надежной обществоведческой почвы, безотносительно к тому, правые или левые концепции он использовал. Главным критерием была *способность определенной идеи или разработки отвечать прагматической задаче построения стабильной украинской государственности*. Поэтому не является странным то, что он активно заимствовал идеи теоретика синдикализма (вполне левого направления) Жоржа Сореля.

Для организации нации необходима не только консолидация, но и наличие ведущего слоя (элиты), которая бы этот конструктивный процесс направляла и возглавляла. «Никогда и нигде пассивные массы своим числом ни одной нации, ни государства не создали», – отмечал Липинский. Элита должна быть ценностно-функциональной, т. е. исполнять свои функции и нести определенные полезные идеи в общество. В этом процессе образованию нации предшествует образование государства.

Этот принципиальный тезис полностью противоречит идее о неизбежности объединения значительной по численности этнической группы в границах одного национального государства. Именно такая концепция *«национального суверенитета»* составила идеологическое обоснование политического объединения Германии, Италии и дальнейших попыток этих стран присоединить все свои этнические земли. Постепенно эта идея была признана в научных и политических кругах как действительно объективный процесс и достигла статуса морального оправдания практически любого сепаратизма на основании этнических отличий.

Принцип национального суверенитета формально был положен как определяющий фактор в переделах Центральной Европы 1919–1920 гг. на основании Пунктов президента Вильсона. То есть

в 1920-х годах в общественном и научном сознании континентальной (и уж точно Центрально-Восточной) Европы одиноко господствовала концепция этнической нации (согласно которой «нация» – понятие этнокультурного, а не политического порядка).

В какой-то мере Липинский отождествлял понятия нации и государства, но это отождествление было совсем другого содержания: «нация» Липинского была политической, а не этнической. В «Письмах» Липинский ясно писал:

> *«В книге этой понятие Нации отождествляется с понятием Государства. Нация для нас – это все жители данной Земли и все граждане данного Государства, а не «пролетариат» и не язык, вера, племя. Если я пишу в этой книге о нас – «мы, украинские националисты» – это значит: мы, которые хотим Украинского Государства, включающего все классы, языки, веры и племена Украинской Земли».*

Такое «вольное» на то время обращение Липинского со святым для патриотов-националистов понятием «нации» было вызвано его особым взглядом на природу последней. Он не считал, что нация является объективной действительностью: о существовании нации можно говорить лишь тогда, когда существует «объединяющая общая идея», которая создает или (говоря современным языком) проектирует нацию.

По Липинскому, не нация производит национализм (национальное мировоззрение, идеологию национальной отдельности), а наоборот, национализм производит нацию. Соответственно, объективно существует лишь «этнографическая масса» народа. Наиболее явным образом идея «спроектированной нации» у Липинского ощущается в работе «Призвание варягов, или Организация хлеборобов»:

> *«Факт идеологический может быть превращен в факт материальный. Это значит, что факт существования украинской национальной отдельности в сфере духовной, идеологической, может стать фактом существования украинской отдельности в сфере реальной, в материальных формах отдельного украинского государства».*

«Нация, – писал Липинский в 1928 г., – *это, прежде всего, единство духовное, культурно-историческое. Значит, для рождения нации необходимо*

долгое сосуществование данного общества на данной территории в одном собственном Государстве. Нация – единство духовное – родится всегда от Государства – единства территориально-политического – а не наоборот».

По мнению Липинского, демократический порядок, который стимулирует грязную борьбу за высшую власть, является по своей природе конфликтным, что безусловно вредит национальной консолидации. Тем не менее, все вышеприведенное не означает, что Липинский отвергал парламентарный и демократический принцип вообще. Он подвергал критике спекулятивный партийный парламентаризм и предлагал другой, классовый (корпоративный) способ представительства. То есть, полностью Липинский от парламентаризма не отказывался. Критика последнего как понятия была вызвана тем, что украинский ученый вообще в терминах отождествлял демократический порядок и республиканский, который противоречил его монархическим предпочтениям. Идеалом политического режима для Липинского, если обобщить его работы разных лет, была конституционная монархия (для Украины – гетманат) с законодательным органом из представителей продуктивных слоев общества. Мы гораздо легче поймем приоритеты и принципы Липинского, если скажем, что более всего ему нравилось государственное устройство Великобритании.

Для Липинского монархия как институт должна была результативно – в противоположность демократической республике – решать проблему консолидации.

Но все же это не должен был быть абсолютизм времен «старого режима»:

> *«Мы не хотим…старого царского самодержавия, этой полуазиатской демократической (поддержанной безграмотной массой) деспотии, которая себя в минуты опасности все при помощи толпы – погромами спасала. Не хотим также, чтобы тот наш будущий Хозяин великий был гетманом лишь только «господ» или одних только пролетариев… Не хотим, чтобы это был временный диктатор, зависимый от той партии, которая его на главу государства вынесла».*

Монархия должна быть «*законом ограниченная и законом ограничивающая*». Основная весомость монархии, по Липинскому, может быть в признанном авторитете монарха-арбитра, который должен гарантировать личные права граждан. Липинский не смешивал

монархизм с вождизмом, для него была важна преемственность – легитимная династия. В 1925 г. он писал: «*...если отобрать у монархизма его мерило законности – традицию и историческую преемственность, если отобрать у него необходимый для его существования легитимизм – он становится обычной диктатурой, обычным законом и правом узурпатора-везунчика*».

Главное, что внесло христианство в политическую доктрину Липинского, это идею огромного значения этики, которая бы корректировала и определяла характер политических идей. Иррационализм как основная черта земледельческой идеологии воплощался в религиозную веру, которая противопоставлялась современному рационализму – «новейшей магии: вере в божеское всемогущество человеческого ума и его чудотворцев». Однако он подытоживал свои религиозно-этические принципы выражением очень взвешенным: «Мы не делаем из политики религии, ни из религии политики».

Собственные мысли Липинского о сущности консерватизма вполне красноречивы и требовательны:

> *«Непоколебимая верность данной традиционной власти, дисциплинированность, ответственность, честность, способность к послушанию и умение сдерживать свои индивидуалистические анархические инстинкты, выработанное соответствующим воспитанием преимущество ума и воли над ощущениями и умение руководить своим темпераментом, привязанность к национальной исторической традиции и унаследованный ею опыт в правлении нацией – это основные характерные приметы консерваторов».*

Однако все время ощущается, что все настойчивые мысли о дисциплине, послушании и верности традиции явно исходят из опыта Центральной Рады и Директории, когда попугайская социалистическая риторика, узость кругозора, бешеные личные амбиции и анархическая атаманщина разрушали само бытие Украины, отдав ее, в результате, большевикам, а те оставили руины от всех тех традиций и той истории, которые стали последним смыслом жизни для Вячеслава Липинского.

7. Идеологический реванш 1920-х годов: националисты-радикалы и Дмитро Донцов

Другое направление правой идеологии – плод творчества *Дмитра Донцова* (1883–1973), идеолога «чинного [действующего] национализма». В рассказе о нем мы будем опираться в основном на диссертацию Ирины Шлихты*. Донцову мы посвятим несколько больше внимания, чем Липинскому, поскольку многими именно его идеи и воспринимаются как украинский национализм «в чистом виде».

Родом Донцов был из Мелитополя, где из своей семьи и среды впитал романтические национальные идеи. Учился в Царскосельском лицее и Петербургском университете, примкнул к украинскому социалистическому движению. Расстался с ним, т. е. стал в его понимании «националистом», в 1913 г.

Определяющим в формировании украинской идентичности Донцова стал период обучения в Петербургском университете (1900–1907). Именно здесь Донцов начал проявлять интерес к истории Украины. Главным литературным влиянием, кроме Тараса Шевченко, становится Леся Украинка, чья поэзия в значительной степени оказывала содействие переходу Донцова к националистическим убеждениям. В Петербурге он знакомится также с «Самостийной Украиной» Михновского, которая на него «произвела незабываемое влияние». Кроме того, Донцов получил возможность пользоваться книгами из Галиции, и те также не могли не повлиять на процесс его самоопределения. Не следует отвергать и тот факт, что, оказавшись в иноэтничной среде, он ощутил на себе, что такое русский шовинизм:

> *«Каждый, кто имел возможность оборачиваться в русских студенческих кругах начала XX века, знает, каким отравляющим ядом нетерпимости заражены эти круги... Устрашающа эта нетерпимость в особенности в отношении Россиян к чужим национальностям... Известным является отношение Россиян к евреям... национальная политика нетолерантна в высочайшей степени...».*

---

* Шліхта І. Дмитро Донцов як ідеолог і теоретик українського націоналізму : дис. ... канд. іст. наук. – К., 2005.

Дебют Донцова на политической арене состоялся в 1903–1904 гг., когда он стал членом Петербургской украинской студенческой общины. На время его вступления в общину созрела выразительная тенденция к переходу молодежи на социалистические позиции, поэтому Донцов вместе с несколькими товарищами возглавил национальную фракцию, которая стояла в оппозиции к вышеупомянутому процессу. Почти одновременно (1905) он стал членом петербургской группы УСДРП, куда влился весь студенческий актив. Возникает закономерный вопрос: зачем Донцов присоединился к социалистическому движению? Очевидно, ответ следует искать в политической моде – тотальном увлечении марксизмом. В Российской империи это увлечение было тем сильнее, что марксизм воцарился здесь раньше, чем национализм (в современном значении слова), и долгое время не имел серьезного конкурента. Как вспоминает украинский социал-демократ Исаак Мазепа: «*С лозунгами недемократическими и несоциалистическими нельзя было показаться среди людей*». Украинский самостийнический национализм – как вполне типичный восточноевропейский национализм – к началу Украинской национальной революции 1917–1921 гг. был делом рук лишь узкого круга интеллектуалов и посему не мог претендовать на успех. Национальное возрождение в Восточной Украине на 1905 г. еще не достигло полноценной «политической» фазы (по классификации Мирослава Гроха) и находилось на стадии «патриотической агитации», которая не предполагает мобилизации широких слоев населения.

Период пребывания Донцова в рядах УСДРП (1905 – январь 1914 гг.) был чрезвычайно сложным и, вместе с тем, плодотворным. В 1905 г. он принял участие в украинской политической манифестации, проходившей в помещении Петербургского университета. На ней Донцов произнес речь в защиту политической независимости Украины. Это выступление является своеобразным Рубиконом, с которого начинается период все большего влияния Донцова на политическую жизнь Украины и украинско-русские взаимоотношения. За участие в манифестации он был арестован и отправлен в Киев. Заключение оказалось кратковременным, однако оказало содействие сближению Донцова с киевским активом УСДРП и, прежде всего, с Симоном Петлюрой.

Заметив публицистический талант Донцова (его первые политические статьи появились в органе УСДРП – газете «Слово»), члены украинской фракции второй Государственной думы пригласили его на должность редактора своего органа – газеты «Наша дума». Это обусловило возвращение Донцова в столицу из Киева.

1907 г. можно считать переломным для него. Оказавшись в потоке российской высокой политики, он сделал для себя два неутешительных

вывода: во-первых, абсолютно все русские партии, независимо от программы, пропитаны шовинистическими и империалистическими настроениями; во-вторых, крайне слабая активность украинских социал-демократов в деле защиты национальных интересов.

Второй арест и внезапная болезнь стали главными факторами выезда Донцова за границу, в Галицию. Находясь на лечении в польском курортном городке Закопане, он в 1909 г. знакомится с личностями, которые, наряду с Миколой Михновским, имели решающее влияние на формирование его националистических убеждений – идеологом украинского консерватизма Вячеславом Липинским и теоретиком польского «европейского» национализма Станиславом Бжозовским.

Донцов продолжил обучение на правовом факультете Венского университета (1909–1911), однако степень доктора юридических наук получил в 1917 г. во Львовском университете. В то же время, в 1909–1913 гг., он работает в рядах Заграничной группы УСДРП, отстаивает легальные возможности партийной работы, печатается. В 1912 г. Донцов присутствовал на III Чрезвычайном интернациональном социалистическом конгрессе в Базеле, где подписал от лица ЦК УСДРП «Общее воззвание украинских социал-демократических партий России и Австрии».

В 1913 г. на втором Всеукраинском съезде студентов во Львове Донцов провозглашает реферат «Современное политическое положение нации и наши задачи», в котором обосновывается идея «политической сепарации» Украины от России. Его выступление вызвало чрезвычайный резонанс в обществе и стало последней каплей в продолжительном процессе разрыва Донцова с социалистическим движением. Практически вся украинская социалистическая печать отмежевалась от идей реферата.

Разрыв Донцова с социалистическим движением был обусловлен целым рядом факторов. Из них принципиальное значение имело расхождение во взглядах на будущее украинско-русских взаимоотношений, рожденное, в свою очередь, разной трактовкой роли наций. Уже сам факт появления работы *«Энгельс, Маркс и Лассаль о неисторических нациях»* (1914) является достаточным доказательством того, что он вышел за пределы марксистской теории нации, которая, по высказыванию историка Романа Шпорлюка, «...состояла в том, что нация не требует теории». Другим глубинным течением конфликта было то, что Донцов поставил сугубо политические вопросы в зависимость от более широкого культурного контекста и создал отрицательный образ «психологической» России, глубоко чуждой правовой и политической культуре Европы («Современное москвофильство» (1913)).

Определив свой идейный облик, Донцов разворачивает активную практическую деятельность. Когда 4 августа 1914 г. во Львове была создана самостийническая организация надднепрянцев, которые находились в Галиции, – Союз освобождения Украины (СВУ), Донцова закономерно избрали ее председателем. Союз встал на сторону Центральных держав, чтобы в случае поражения России иметь возможность проводить независимую политику. Это дало возможность заниматься активной работой в среде украинских военнопленных в Австрии и Германии и создать в 1918 г. две украинских дивизии. Однако такая ориентация не нашла понимания ни у пророссийских, ни у проукраинских политических сил (что было достаточно глупо). Вопреки определенным успехам, Донцов к концу 1914 г. оставил организацию. Главными причинами его отхода исследователи считают: расхождение во взглядах на текущую политику, обусловленные разной партийной принадлежностью членов руководства СВУ, и стремление другого члена СВУ Миколы Ализняка привлечь организацию к агентурной работе в пользу Центральных держав.

В том же году Донцов организовал Украинскую информационную службу (УИС) в Берлине. В 1916 г. он принял предложение украинского мецената В. Степанкивского возглавить Бюро национальностей России в Лозанне (Швейцария). За весь период своего существования Бюро издало 65 номеров бюллетеня «Ведомости народов России». Деятельность Донцова в 1914–1916 гг. сводилась к пропаганде идеи украинской нации в мире: *независимое украинское государство рассматривалось как главный фактор стабилизации восточноевропейского региона*. Эту концепцию Донцов развил в нескольких брошюрах, написанных на немецком языке, и многочисленных статьях в немецкой, швейцарской и польской печати.

В марте 1918 г., когда Центральная Рада переживала период агонии, Донцов смог переехать в Киев. Тут, как мы уже упоминали, он нашел контакт с гетманом и «хлеборобами» и возглавил Украинское телеграфное агентство.

Почему Донцов встал на сторону гетманского режима? В его дневнике того времени «Год 1918, Киев» читаем: «*...я присоединился к гетману потому, что хотел видеть в нем нашего Бонапарта*». Апогеем политического взлета Донцова можно считать его участие в мирных переговорах Украины и России (23 мая –7 октября 1918 года). Он входил в состав политической комиссии, которую возглавлял Александр Шульгин. На заседании политической комиссии Донцов произнес реферат о политических границах Украины. Его суть сводилась к тому, что все «окраины» Российской империи следует признать самостоятельными государствами и рассматривать Крым

как интегральную часть Украины. Тем самым он оказывал содействие закреплению полуострова за Украиной. Летом 1918 г. на секретных переговорах с немецкими представителями фамилия Донцова фигурировала как кандидатура на должность министра иностранных дел.

Кризис в отношениях Донцова и Скоропадского прослеживается с середины октября 1918 г. А окончательный разрыв Донцова с гетманским движением состоялся в 1920 г., когда он отказался вступить в организацию Липинского, считая ее слишком «закрытой». В середине 1920-х он и Липинский уже считались непримиримыми оппонентами.

В период Гетманата Донцов осознал важность сильной власти и крестьянскую природу украинской нации, то есть двух ключевых идей своей будущей доктрины «действующего национализма».

1922 г. делит историю Галиции на два периода: период без Донцова и «эпоху Донцова», которая продлилась до Второй мировой войны. В этот львовский период Донцов развернул активную публицистическую деятельность и разработал идеологию, которая сделала его, как говорили современники, «духовным диктатором галицкой молодежи». Этому способствовало назначение Донцова на должность редактора «Литературно-научного вестника» (ЛНВ, 1922–1939), что стало возможным благодаря Украинской воинской организации (УВО; о ней – ниже) и лично Евгену Коновальцу. В 1933 г. Донцову удалось трансформировать журнал в частное предприятие, что давало ему большую свободу самовыражения.

При поддержке Евгена Коновальца Донцов стал редактором еще одного националистического издания – двухнедельника «Зарево» (1923–1924). Журнал был составной частью стратегии Коновальца относительно распространения идеологии УВО в украинском обществе. Однако журнал и Украинская партия национальной работы (революции – для посвященных) (1924–1925), созданная на базе группы «Зарево», оказались нежизнеспособными. Несмотря на это, организованные националисты всегда высоко ценили данное издание. Так, материалы идеологически-политической военной подготовки членов ОУН (1940-е гг.) утверждали, что появление журнала «Зарево» было чрезвычайно важным, поскольку на его страницах оформлялись идейные основы националистического движения.

1 сентября 1939 г., с началом Второй мировой войны, польская полиция арестовала Донцова. До последовавшего вскоре падения польского государства он находился в концентрационном лагере в Березе Картузской, после чего выехал на Запад. С 1947 г. он жил и работал в Канаде. Наиболее плодотворным был для Донцова период 1920–1930-х годов, когда он и стал восприниматься как ведущий идеолог украинского национализма.

Давайте теперь проследим развитие его идей.

Основные соображения Донцова после 1913 г. обозначены идеями его реферата «*Современное политическое положение нации и наши задачи*». Донцов так никогда и не отказался от главных постулатов этой работы. Ведущими «месседжами» реферата были следующие:

1. Идея политической сепарации Украины от России. Политическая сепарация не отождествлялась с самостоятельностью. Как прагматический политик, Донцов выдвинул концепцию двухэтапного освобождения Украины. В будущей войне России с Центральными державами Украина должна стать на сторону врагов России. Не исключались возможности преобразования Украины в «коронный край» в составе Австро-Венгрии. Лишь на втором этапе, при благоприятных обстоятельствах, Украина может стать независимым государством. Таким образом, *впервые в истории украинской политической мысли Донцов прямо определил именно Россию как главного противника украинских освободительных устремлений.*

2. Обоснование своевременности лозунга сепаратизма критикой славянофильства. По мнению Донцова, пробуждение «неисторических» наций Восточной Европы окончательно подорвало те идеи, на которых строили свои программы Драгоманов и галицкие патриоты его поры.

3. Подчеркивание необходимости активизировать молодое поколение, которое Донцов провозгласил «единственной надеждой нации».

4. Предложение применять национальный принцип в оценивании внутренней и внешней политики и признания примата второй над первой. Этой мысли Донцов придерживался и в дальнейшей деятельности, в т. ч. в провозглашении разнообразных ориентаций: в 1913 и в 1916 гг. он предлагал искать поддержки в Австрии и Германии, в 1918г. – у Германии и Великобритании. По его мнению, в украинском движении без сильного союзника не хватило бы внутренних ресурсов вырваться из состава России.

Донцов не отвергал никаких средств для реализации своей программы. По его мнению, это могли быть: систематическое воспитание масс в духе программы сепаратизма, организация молодежи и ее военизированное воспитание, самообразование молодых, объединение политической работы с культурной, удовлетворение потребностей текущего момента и т. п.

Лейтмотивом всех работ Донцова, начиная с 1907 г., стало изобличение шовинистических настроений в среде русских либералов. В 1913 г. эта идея была дополнена критикой явления, которое Донцов назвал «*современным москвофильством*» и под которым понимал «*распространенное в определенных кругах нашей интеллигенции безграничное почтение перед русской культурой, и странную какую-то духовую зависимость от взглядов, господствующих в прогрессистских русских кругах*». По мнению Донцова, влияние русской культуры было причиной неясности программы украинского движения. Поэтому он провозгласил необходимость начертить выразительную *программу украинской политики*.

1914-м годом датируется одна из первых попыток Донцова сформулировать украинскую национальную идею:

> *«В какие конкретные формы воплотится украинская национальная идея – этого мы предвидеть не сможем. Но к чему она стремится... установить можно. Этой формулой будет преобразование южнороссийского племени в сознательную отдельную нацию. Стремление же стать нацией охватывает собой: борьбу за национализацию культуры, за возможную экономическую независимость и, пока что, за наибольшее влияние в государстве (в центральных и местных политических учреждениях, судах et cet)».*

В 1917–1921 гг. исключительное внимание Донцов уделял проблеме украинской государственности. Так, в работах «*История развития украинской государственной идеи*» и «*Украинская государственная мысль и Европа*» он старается проследить развитие государственной идеи и дать определение материальным и духовным основаниям украинской государственности. Позиция Донцова этого периода ярко отображена в таком пассаже из работы 1918 года:

> *«Должно быть более государственниками, чем националистами, помня, что еврей, поляк или москаль, которые твердо стоят на почве украинской государственности являются ее лучшей опорой, нежели украинцы, которые грезят о федерации».*

Очевидно, что внимание Донцова к данной проблеме предопределялось не только практическими потребностями украинской революции, но и принципиальным признанием *возрастания роли государства в обществе*, когда происходит «*колоссальное расширение функций государства, если принудительная (а не добровольная, не частная) организация общества для достижения культурных и политических целей становится азбукой общественной жизни*».

Критика в работах Донцова России как общества, где все еще властвуют нормы морали, а не права, позволяет утверждать, что его идеалом было развитое правовое государство западного образца, построение которого происходит демократическим путем. Донцов сознавал необходимость существования гражданского общества, которое бы ограничивало давление государства на своих граждан, и подчеркивал «конечность государственного соединения и общественной единства». По его мнению, в Украине гражданское общество (деление на сословия с соответствующей защитой сословных интересов) возникло раньше, чем государство. Этим и поясняется высокая общественная активность украинцев.

Вполне вероятно, что в этот период Донцов еще признавал *первичность государства относительно нации* (позже он поменяет их местами). Это дало ему возможность сосредоточиться на вопросе о форме государственного устройства: Донцов подтверждал свою преданность демократической форме правления, так как «не верить в нее [демократию], значит не верить в будущее целой нации».

Защита монархического типа правления в произведениях Донцова 1913–1921 гг. не замечена. Иное дело – его вполне прагматичные статьи периода Гетманата, направленные на обеспечение социальной базы гетманского режима.

Проблему отношений России и Украины Донцов всегда ставил в более широкий контекст – *контекст борьбы России и Европы*. По его мнению, Украина является органической частью Запада, которой «...мы и должны оставаться и ныне, и присно, и во веки веков». Соответственно, историческая миссия Украины состоит в защите Европы от нашествия русского варварства. Роль Украины является тем более важной, что «...*империалистическая мечта является единственной неизменной величиной в России*». Именно поэтому, утверждал Донцов, украинская идея объективно служит прогрессу человечества.

Все вышеупомянутые мысли Донцова не имеют прямого практического значения, в отличие от его утверждения о том, что политическое обособление Украины от России невозможно в условиях духовной зависимости

украинцев от русской культуры. Этот тезис является свидетельством прагматического подхода Донцова к реалиям своего времени:

> *«Имеем врага не в системе, не в царизме, не в кадетизме, не в большевизме. Лишь в том, чего лишь эманацией являются и царизм, и кадетизм, и большевизм. Культуру от политики отделить нельзя... если организм нации отравлен чуждой ему культурой Востока, то никакая политическая сепарация ничем нам не поможет».*

Считать, как это делал Донцов, что влияние русской культуры было причиной аполитизма украинского «мещанства», похоже, нет смысла. Однако говорить о необходимости развития национальной культуры как обязательного элемента современной нации он имел все основания.

Отношение же к Польше было у Донцова более благожелательным. Пропагандирование им идеи польско-украинского согласия в Западной Украине являлось своеобразным проявлением гражданского мужества, – ведь западные украинцы могли не только отвергнуть данную идею (что, в конце концов, и произошло), но и изолировать его как политического мыслителя вообще, поскольку борьба с польской властью становилась смыслом галицкой политики.

Еще в период до 1921 г. Донцов обнаружил глубокое (научное) понимание природы явлений нации и национализма. И есть все основания полагать, что он пришел к своим выводам самостоятельно.

Наиболее выразительной можно считать мысль Донцова о том, что в начале XX в. состоялось перерождение «официального национализма» Российской империи в *национализм русской нации*. (Заметьте, известный современный исследователь национализма Бенедикт Андерсон считает, что изобретение термина «официальный национализм» принадлежит Хью Сетон-Уотсону.) Донцов четко отдавал себе отчет об опасности этого явления для украинского освободительного движения, поскольку, в отличие от правительственного, казенного характера «официального национализма», национализм русской нации («общественный национализм») проникал в толщу народных масс. Этот взгляд Донцова вполне соответствует современным научным оценкам развития русского национализма.

Едва ли не главнейшей причиной этого процесса он считал неспособность «национализма бюрократии» бороться с движениями инородцев. То есть, русский национализм возникал как вторичный относительно

украинского. Вместе с тем, Донцов не отвергал таких факторов, как европеизация и демократизация России.

Таким образом, Донцов на теоретическом уровне прослеживал связь между демократией и национализмом. На украинской почве эту идею позднее с блеском развил Ольгерд Бочковский.

Субъективное понимание нации полностью победило у Донцова лишь в 1917 г., когда он начал утверждать, что «*нацию создает не этнографическая самостоятельность, не давность происхождения, не формы – а лишь та мистическая сила (мистическая, поскольку причины ее еще не выяснены), которая носит название «воля к жизни», воля создавать отдельную общественную единицу между расами*». Вместе с тем, он подчеркивал комплексный характер природы нации и подверг сомнению применимость определения нации Эрнеста Ренана лишь как духовной общности и моральной солидарности в конкретной украинской ситуации: вся статья «*Народ-бастард*» строилась на противоположной посылке, что на 1917 г. украинцы оставались проблемной нацией, своеобразной недонацией. Определение нации Ренана позднее подверг критике и один из любимых мыслителей Донцова испанец Х. Ортега-и-Гассет.

В свое время тезис Донцова о неполноценности украинской нации вызвал волну непонимания. В частности, по мнению правого публициста Юрия Липы, «в этой теории “народа-бастарда” пораженчество украинских интеллектуалов подошло уже к абсолютному уничтожению органичности собственной расы. Это уже не было самоуничижение, это было самоуничтожение, окончательное порабощение духа расы»*.

Еще перед Первой мировой войной Донцов осознал исключительную роль созидания украинской нации в преобразовании домодерного этнического субстрата на землях Российской империи в новейшие образования. По его мнению, именно от украинского освободительного движения зависит, станет ли этот субстрат базой для формирования единой русской нации, в которую, как составные части, вольются все потенциальные нации, или на его основе возникнет целый ряд модерных наций.

Он обнаружил также понимание того, что в наше время историк Роман Шпорлюк сформулировал следующим образом: создание одной нации является разрушением другой. Так, в статье «Петербургский переворот» в 1917 г. Донцов высказал уверенность, что «*...Россия является – по природе вещей – нашим неумолимым и принципиальным врагом, который – не отвергая себя самого – не может никогда дать нам сколько-нибудь широких*

* Понятие «раса» в то время использовалось очень широко; в данном случае имеется в виду общность этнического происхождения.

национальных уступок». В сущности, эта мысль была основанием и для его утверждений о проблемности украинской нации в статье «Народ-бастард»: украинцы являются проблемной нацией, поскольку не осмеливаются выйти из устоявшихся национальных форм польской и русской наций.

Поражение национально-освободительной борьбы стало первопричиной радикализации взглядов Донцова. Именно с 1921–1922 гг. можно говорить о разработке Донцовым доктрины «действующего национализма» как антитезы идеологиям и практикам революционной поры.

Что именно, по мнению Донцова, дало толчок к потере государственности? Какими были главные источники его новой идеологии?

Парадокс Украинской революции, утверждал Донцов, состоит в том, что, в отличие от широких слоев населения, вожди нации оказались неготовыми к процессу построения государственности. Поэтому критика неудач Украинской революции в его работах сводилась к изобличению недостатков политического бомонда и, вместе с тем, к подчеркиванию определяющей роли народных масс в событиях 1917–1921 гг..

По мнению Донцова, *лидеров периода революции вообще нельзя считать лидерами нации*. Это были политики с психикой «маленького человека». Их мировоззрение не отвечало времени, в котором они жили: «В 1917 году они думали и ощущали мыслями и чувствами 1848 года». *Это были духовные невольники, которые в эпоху революции мыслили категориями мирного времени*.

Острие своей критики он направил на деятелей Центральной Рады, которые стремились делать революцию без нарушения порядка и, в конце концов, превратили Украину в «сумасшедший дом». Донцов убежден в том, что Центральная Рада имела (и могла иметь!) успех лишь пока не выдвинула собственную программу, пока подстрекала народ к разрушению старого строя. А вот когда речь шла о созидании… В 1921 г. Донцов осудил социалистическую доктрину – идеологию Центральной Рады: подчеркнул ее прирожденный анационализм и, соответственно, непригодность к нуждам Украинской национальной революции.

Более умеренным был взгляд Донцова на период Гетманата. Он указал на *глубокий разрыв*, образовавшийся между теми ожиданиями, которые возлагались на фигуру Павла Скоропадского, и его реальной деятельностью. Приговор Донцова неоднозначный: «Легитимизм, который изымает своих кандидатов из пантеона политических мертвецов, – это нежизнеспособное течение...» (хотя заметим: со Скоропадским он сохранил неплохие отношения).

Директория вообще не заслужила его пристального внимания. Достойным своей критики Донцов признал лишь Симона Петлюру. Хотя

продолжительное время они находились в довольно дружеских отношениях, революция раскрыла Донцову глаза на слабость Петлюры-политика – его *неспособность как лидера противопоставить себя массе, склонность плыть по течению.*

Деятели 1917–1921 гг. вели себя крайне пассивно: они не сформулировали четких целей национально-освободительного движения, не использовали собственнический инстинкт украинского крестьянства, не противопоставили идее русского мессианства собственную идею, были нейтральными в делах религии и церкви. Итак, Донцов делает вывод: «Революция не нашла адекватного выражения в нашем ведущем слое». Таким образом, *критика Украинской революции на основе личного опыта стала исходной точкой и главным источником идеологии «действующего национализма».*

Определяющими в идеологии «действующего национализма» являются три работы Донцова: «Основания нашей политики» (1921), «Национализм» (1926) и «Где искать наши исторические традиции» (1938).

Заслуживает внимания тот факт, что Донцов осознавал субъективность своей концепции, считая, что объективными могут быть лишь те, кто не занимает четкой гражданской позиции (явно наследуя тут Фридриха Ницше):

> *«Нет в мире худшего проклятия, чем так называемая “объективность”, нет большего несчастья, чем “беспристрастные” и “нейтральные”. “Объективные” – те, которые боятся занять положение, те, которые колеблются выбрать...».*

«Основания нашей политики» можно считать наиболее систематическим изложением взглядов Донцова на идеал общественного устройства. Следует подчеркнуть, что «Основания нашей политики» и «Национализм» объединяет цель Донцова-исследователя – *очертить украинскую национальную идею.* Однако в работах 1921 г. и 1926 гг. он предлагал разное решение этого вопроса. Так, в «Основаниях нашей политики» Донцов старался раскрыть суть украинской национальной идеи, а в «Национализме» – очертить, какой она должна быть по форме, чтобы стать популярной в обществе. Поэтому «Национализм» не следует рассматривать как адаптированный «заменитель» «Оснований нашей политики». Эти работы были ориентированы на решение разных проблем, поэтому они скорее дополняют, чем опровергают друг друга.

Суть «Оснований» составляют три идеи: 1) Россия как главный враг Украины, 2) крестьянство как костяк нации и государства и 3) необходимость

сильного чувства цели и воли. Если первые две идеи развиты довольно полно, то проблема воли очерчивается несколькими штрихами, несмотря на то, что этот вопрос интересовал Донцова давно. В 1921 г. Донцов считал необходимым ограничиться указанием, что *возможность проявлять собственную волю является основным требованием национальной политики*, а ее высочайшим законом – воля к созданию политической нации.

Он был убежден в этом потому, что украинская национальная идея состоит «*в этой вечной нашей борьбе против хаоса на Востоке, в обороне – в своей собственной государственной культуре – целой культуры Запада...*». Реализовать этот идеал можно лишь при условии, если в фундамент национальной политики будут заложены стремление создать политическую нацию, признание примата внешней политики над внутренней, традиционализм в широком понимании.

Второй тезис предусматривал осознание того факта, что ни одна нация не освобождается собственными силами, и поэтому – следует постоянно ориентироваться на те страны, которые в данный момент стремятся к разделу России. В 1921 г. Донцов призывал искать поддержки у Антанты (а именно – у Великобритании) и блоке государств от Балтики к Черному морю (Румыния, Венгрия, Польша).

Третий тезис означал признание западноевропейских ценностей; отвержение русских идеалов орды (охлократии, или деспотизма), закабаления индивида и космополитизма. В сфере политики – это идея демократии.

Итак, Донцов делает вывод: «крестьянская мелкобуржуазная республика» – таков наш идеал. При этом он подчеркивает, что не принадлежит к людям, которые падают на колени перед идеей, выраженной в слове «демократия»:

«*Свое отношение к ней я лучше выразил бы словами [французского историка] Гизо: «демократия – это факт, который надо принять, нравится нам он или нет... Не будучи способным его уничтожить, нужно взять его в колодки, урегулировать, так как, необъезженный и неурегулированный, он разрушит цивилизацию*». Признав «регулируемую демократию» (наподобие той, которая, по его мнению, воплощена в устройстве США) в качестве приоритетной формы государственного правления, Донцов не отвергал значения фактора сильной власти. Однако дальнейшего содержания этой мысли он не раскрыл.

Движущей силой государствосозидающего процесса и фундаментом будущего украинского государства Донцов считал крестьянство во главе с классом земельной аристократии. По его мнению, именно этот слой с присущим ему способом мышления может остановить поток нигилизма,

который охватил мир после Первой мировой войны. Крестьянство может полагаться лишь на собственные силы, поскольку, утверждал Донцов, украинский народ был и есть «народом без головы»: «*Он ее [головы] не имел, так как, вопреки своему названию, интеллигенция этой головой не была*».

В основе Донцовского видения проблемы формы государственного устройства лежит деление истории Украины на два периода: период безгосударственности (так называемая эмоциональная эпоха) и период будущей украинской государственности (так называемая интеллектуальная эпоха). Важно то, что, по мнению Донцова, революция не может длиться вечно, что после эпох эмоциональных всегда приходят эпохи интеллектуальные. Желательной формой государственного правления для периода революции он называл диктатуру, а наилучшим устройством для будущего украинского государства – демократию наподобие американской:

> «*Никто не наивен настолько, чтобы считать диктатуру постоянной формой правления; это – переходное явление... Если я говорю о государственном устройстве по образцу американского – я говорю о более сложившейся форме в уже конституированном государстве*».

Донцов утверждал, что демократическая и монархическая формы правления непригодны для кризисных периодов истории по своей сути, ведь в такие бурные эпохи власть может удержаться, апеллируя лишь к энтузиазму массы, а не к легальному авторитету.

Внимание Донцова к большевизму и фашизму объясняется тем, что, по его мнению, они предлагали наиболее эффективные методы захвата и удержания власти:

> «*Не делаю здесь рекламы ни фашизму, ни большевизму: чем кончит один – не знаю, что второй кончил полным банкротством – очевидно. Но я здесь веду речь не об их внутренней политике, лишь о методах удержания государственного аппарата и его укрепления..., а в этом отношении и фашизм, и большевизм до сих пор остаются классическими примерами того, как это нужно делать*».

То есть, в его концепции форм государственного устройства пригодность большевизма и фашизма как возможных образцов для подражания

ограничивалась четкими рамками – периодом безгосударственности и, возможно, первыми годами государственного существования. Данный тезис, однако, не распространяется на увлечение Донцова образом «человека-большевика» или «фашиста».

В теснейшей связи с проблемой формы государственного устройства Донцов разрабатывал проблему элиты, которая, по его мнению, состояла в отсутствии лидерства украинской нации как такового: «*Кризис нашего национализма... лишь в недостатке людей*». В 1923–1924 гг. он выдвинул тезис о важности «инициативного меньшинства» и «творческого насилия». Националистический публицист М. Сосновский считал, что появлению этой идеи в теории Донцова способствовали учения Маркса, Ленина, Петра Ткачева и Макса Вебера, а также наглядный пример Италии, Германии и СССР.

Следует помнить, что одним из аспектов полемики между украинскими монархистами и националистами был вопрос: сможет ли украинская нация в период кризиса создать новую элиту? По мнению монархистов, новая аристократия в период революции (безгосударственности) появиться не может. А Донцов считал, что *новая элита обязательно появится, и единственным основанием для продвижения по лестнице власти будут личные достоинства лидеров.*

По мнению Донцова, «*не важно, на каком языке говорит этот ведущий слой, и какой он культуры, но важно, чтобы он думал и ощущал [вместе] с краем, не оставляя обязанности службы территориальным интересам нации... И тогда нация будет с ним*». То есть, теоретически он признавал возможность существования «не совсем этнически украинского» руководства. Как и раньше, ставка делалась на молодое поколение: «*Надо опираться на молодых – поскольку: "Трупы не воскресить! Калек не поднять"*».

Лишь элита – новая с помощью старой – способна завершить формирование державы, импульс которому дают «низы». Именно поэтому проблема элиты является центральной для украинского возрождения.

Донцова справедливо обвиняют в пренебрежении социальной проблематикой. Однако, по мнению Ирины Шлихты, имеет смысл заметить, что это было результатом понятного нежелания Донцова поднимать те вопросы, разработкой которых занималось большинство украинских политических партий (если не все). Ни в коем случае такое невнимание не связано с преуменьшением Донцовым роли социально-экономического фактора в жизни нации или его нежеланием видеть всю привлекательность социальных лозунгов для потенциальных сторонников движения: «*...должно... высоко держать флаг органического единства*

национальной и социальной программы, помня, что не может быть ни первой без второй, ни второй без первой...».

Наиболее полно суть теории «действующего национализма» Донцов изложил в работе «*Национализм*» (1926). Эта небольшая книга сразу же получила широкий отклик, и тираж в 2 тыс. экземпляров быстро разошелся во Львове, на Волыни, Буковине, Закарпатье, в Чехословакии и Америке. Парадокс успеха «Национализма» состоит, по мнению Ирины Шлихты, в том, что за неимением единства стиля, ясности мысли это произведение не воспринимается как завершенная и внутренне логичная политическая доктрина. (Та же исследовательница указывает, что Донцов мог и не стремиться к этому, потому что видел очевидное преимущество эмоционального заряда и пламенного призыва перед скучным академизмом.)

В «Национализме» путем описания совокупного образа врага украинской нации Донцов выстроил «идеальный тип» национализма. Таким образом, этот труд построен не на утверждении, а на возражении. И потому не удивительно, что его третья часть, в которой Донцов постарался подать *элементы положительной программы национализма*, считается самой слабой.

Критика украинского «провансальства» и определение отрицательного отношения к России – вот две ведущих идеи «Национализма».

Признаками «*провансальства*» (провинциального общественного течения, которое держится за отдельные обычаи и традиции народа, стараясь сохранить эту «фольклорно-этнографическую массу» без превращения ее в модерную европейскую нацию) Донцов называл примитивный интеллектуализм, научный квиетизм (веру в незыблемые общественные законы), хуторянский универсализм, материализм, антитрадиционализм и поддержку идеи политического симбиоза Украины и России. Представителей этого течения он упрекал в том, что они воспринимают национальную идею не как аксиому, а как теорему, которая требует доказательства, что для них права нации являются лишь нормой морали, что они признают только «свободу *от*», а не «свободу *для*»:

> *«Чтобы тот, кто родился украинцем, хотел стать украинцем – это было для провансальцев неслыханным насилием над “свободной личностью”...»*.

Еще в 1913 г. в своем знаковом реферате Донцов писал: «Ничего другого я и не хочу сказать, как лишь то, что тогдашние обстоятельства заставляли нашу жизнь бежать дорогой узкого *провинциализма*». После чего указал, что в условиях, когда начинается новая эпоха – эпоха

пробуждения неисторических наций, существование «провансальства» становится признаком ненормального состояния нации. В 1926 г. его тон был уже абсолютно категоричным.

Стержень своего учения он сформулировал тремя тезисами:

> *1. Что должны делать украинцы? – Добиваться независимости Украины.*
> *2. А каким путем? – Через национальную революцию.*
> *3. Кто может это сделать? – Люди нового духа.*

Своей главной задачей Донцов считал описание, какими должны быть украинцы, чтобы достичь независимости. Что им делать и как – это были те вопросы, которые обязаны решить сами украинцы.

Относительно вопроса, откуда именно (из какого общественного слоя) должны рекрутироваться люди нового типа, то в «Национализме» (как и в «Основаниях нашей политики») Донцов считал, что это должно быть крестьянство, которое на тот момент представляло большинство нации. (В 3-м издании «Национализма» (1966) тезис о крестьянстве был снят, но никакой другой альтернативы не предлагалось).

По мнению одного из идеологов ОУН, М. Сосновского, суть работы «Национализм» и то новое, что высказал в ней Донцов, составляют три базовых идеи: «воля как закон жизни», «творческое насилие» и «инициативное меньшинство». Главными проявлениями воли Донцов считал наслаждение риском, героизм и жажду господства. Соответственно, поднимался лозунг лелеять именно эти черты характера.

Другим важным нововведением Донцова был его тезис о «творческом насилии» и «инициативном меньшинстве»: «*Творческое насилие – как "что", инициативное меньшинство – как "кто", – вот основание почти всякого общественного процесса, способ, которым побеждает новая идея*». Тем не менее, в отличие от понятия «воля», содержания этих двух понятий он не раскрыл. Единственное, о чем узнает читатель, – это то, что именно «инициативное меньшинство» производит идеи и бросает их в массы. Оно не должно ставить свое существование как самоцель, так как это ведет к разложению общества. «Инициативное меньшинство» может выполнять возложенные на него функции; должно иметь отвагу выбирать и приказывать, а не прятаться за мифической «волей народа». Донцов оставил без ответа вопрос – какова связь между «инициативным меньшинством» и «сильным человеком». Понятие «инициативное меньшинство» он уточнил лишь в 1930–1940-х гг.

Основную воспитательную и объединяющую функцию в отношении членов нации выполняет национальная идея, которая должна обращаться к «сердцу нации». По мнению Донцова, эта идея может возникнуть лишь с учетом традиций, истории, психики, географического положения и потребностей нации. Она должна «*укреплять волю нации к жизни, к власти, к экспансии...*» и определять «*стремление к борьбе, и сознание ее конечности...*».

Донцов утверждал, что любая национальная идея содержит два элемента – цель и волю. Соответственно, под понятие «украинская национальная идея» подпадают стремления обрести независимость Украины и воля к осуществлению этого идеала. Национальная идея обязательно должна воплощать вневременность нации, то есть базироваться на традициях вчерашнего дня и включать в себя задачи завтрашнего. Как и любая большая идея, национальная идея может приобрести такие черты, как романтизм, догматизм, иллюзионизм, фанатизм и «аморальность».

Главной чертой романтизма был призыв к жертвенности: «*Но возможен ли прогресс без жертв, и нужен ли такой прогресс без жертв?*» Донцова часто подвергали критике (обоснованно или необоснованно) за данное требование «действующего национализма», с учетом тех трагических реалий, в которые окунется галицкая молодежь в 30–40-е годы, когда подобные донцовским лозунги ОУН приведут к многочисленным героическим жертвам. Но, видимо, не стоит винить Донцова во всех трагедиях западноукраинской жизни, поскольку он был лишь идеологом, а не практическим политиком-организатором. Вряд ли Карл Маркс непосредственно виноват в том, что натворили его российские «самые верные последователи».

Национальный идеал Донцов очертил в общих чертах: «*Перенесенный в сферу конкретных отношений, этот идеал был бы для нас суверенность, “империализм”– в политике, свободная от государства церковь – в религии, окцидентализм [западничество] – в культуре, свободная инициатива и рост – в экономической жизни*». Если учесть, что он не принадлежал ни к одной из политических партий, такая формулировка может быть и достаточной. Экономическая составляющая национального идеала отображает увлечение Донцова принципами рыночной экономики и частной собственности, которое является характерным для всего его творчества после 1913 г. Поэтому к Донцову неприменимо то определение, которое отождествляет интегральный национализм с идеологией «закрытого общества».

Напоследок скажем, что Донцов делал акцент на важности организационного объединения националистов: «*Самоорганизация, групповая*

исключительность, озабоченность полнейшей идейной однородностью своего сообщества – вот лозунг, под которым победит национализм». Он разработал концепцию ордена как антитезы партийной организации и указывал на возможность наследования модели большевистской партии, которая, на его взгляд, была совершенной в том смысле, что обеспечивала связь между поколениями. Как член «Пласта» (украинских скаутов), он подчеркивал значение этой организации в воспитании юной поросли националистического движения. И хоть руководство ОУН относилось достаточно сдержанно к идеям Донцова (он не являлся ее официальным идеологом), но фактически методы организации, предложенные Донцовым, можно вполне усмотреть в структуре, идеологии и этике ОУН. Тем более что последняя получала своих новых членов из числа молодежи, кумиром которой был Донцов. Поверившая в возможность достижения национального идеала через нерушимую волю, героику и жертвы, националистическая молодежь на протяжении 20 лет, теряя тысячи жизней, основательно портила кровь всем оккупантам Западной Украины: и Польше, и Германии, и СССР.

Развивая мысли Сосновского и современного исследователя Василия Лисового, можно утверждать, что главной причиной успеха «действующего национализма» было то, что *в эпоху тотальной деморализации и переоценки ценностей Донцов выработал идеологию определенности, доктрину, которая указывала на окончательные ценности*. Поскольку автор этой идеологии ориентировался в своем творчестве на интеллектуальный уровень обычного украинца, ее поверхностный характер способствовал тому, что эта идеология усваивалась обществом, которое было не в состоянии мыслить критически, но, тем не менее, стремилось заполнить мировоззренческий вакуум, рожденный кризисом патриархального устройства и неудачей Украинской национальной революции 1917–1921 гг..

8. Борьба продолжается: «воссоединение Украины» и ОУН

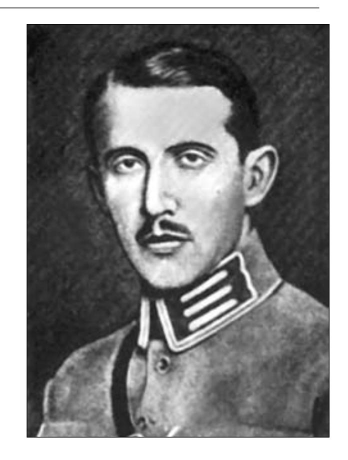
В августе 1939 г., как мы знаем, СССР и Германия подписали Пакт о ненападении (Пакт Молотова–Риббентропа). В тайном приложении к нему оговаривался раздел сфер влияния в Восточной Европе, в результате которого польское государство должно было прекратить свое

существование и быть разделено между Германией и СССР, а прибалтийские государства частично отдавались Советам.

1 сентября 1939 г. Германия начала войну против Польши и в течении следующих двух недель разгромила основные силы ее армии. 17 сентября, выполняя свои секретные союзнические обязательства перед немецким Рейхом, Советский Союз ввел свои войска на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии. После эпизодических боев с поляками советские войска вышли на оговоренную с немцами линию размежевания, которая приблизительно совпадала с линией Керзона 1919 г. (за исключением т. н. «Львовского балкона» – выступа на запад вдоль реки Сан и еще нескольких участков). Произошел ряд торжественных встреч и совместных парадов частей новоявленных «братьев по оружию» – Красной армии и вермахта.

«Золотая осень» 1939 г. Состоялся исторический акт «воссоединения украинских земель». Именно так это событие подавалось и понималось в советское время. Хотя понятие «воссоединение *земель*» предполагает, что воссоединяемые земли представляли собой ранее какую-то *государственную целостность*. Кто-то когда-то «рассоединил» *единые украинские земли*, а теперь их «воссоединили». Но когда же они были едины?

Если брать XX в., то это случилось лишь однажды – 22 января 1919 г., когда было провозглашено объединение ЗУНР и УНР, этих украинских «буржуазно-националистических» государственных образований, врагов провозглашенного большевиками светлого будущего. А «рассоединила» это единство Польша (и окончательно) именно Советская Россия – уже по Рижскому договору 1921 г.

Основатель УВО-ОУН

Евген Коновалец. Командир корпуса галицких Сечевых Стрельцов на Надднепрянщине в 1918–1919 гг., с 1920 г. – глава Украинской воинской организации и с 1929 г. – ОУН. Авторитет в украинских военных кругах, прекрасный организатор, весьма упрямая и целеустремленная личность. Убит в 1938 г. советским агентом в Роттердаме.

Соратник

Андрей Мельник. Ближайший соратник Коновальца с Первой мировой, после его гибели возглавил ОУН, в 1941 г. распавшуюся на ОУН Бандеры и ОУН Мельника. Имел более умеренные, чем у Бандеры, политические взгляды, благодаря чему, видимо, и не был уничтожен советской агентурой. Умер своей смертью в 1964 г.

Правда, Волынь раньше входила в состав Российской империи, но там «украинских» земель не существовало, поскольку малороссы считались частью русского народа. Галиция же никогда не входила в состав России, если не считать таковым моментом короткую русскую оккупацию в начале Первой мировой. Может, это было еще раньше? Но тогда нужно брать Русь или Галицко-Волынское княжество, а они советской наукой не считались «украинскими» государствами: в научной литературе всегда звучал термин «южнорусские земли», «юго-западная Русь». А может, предыдущей формой единства украинских земель считалось краткое пребывание Красной армии на Западной Украине в 1920 г.?

Ладно, не будем придираться к идеологическим заклинаниям. Короче, Западная Украина была присоединена к Украинской ССР, что и подтвердило Народное собрание, созванное новой властью для легитимации «воссоединения». «Собиралось» это собрание очень выборочно, чтобы не допустить в него людей, почему-то не желающих «воссоединения» (или не желавших его в советском понимании). Сделать это было несложно, поскольку все политические и общественные организации, кроме коммунистической партии, были запрещены новой властью и прекратили свою деятельность. Греко-католическая церковь, как представлялось, доживала свои последние дни.

Весьма вероятно, что приход Советов какой-то частью населения Западной Украины воспринимался с оптимизмом, поскольку политическая судьба украинцев в Польше не была счастливой. А в СССР существовала, хоть и советская, но все-таки Украинская республика. Реалии советской власти были, конечно, пугающими, если вспомнить коллективизацию

и геноцид 1933 г., но западные украинцы не сталкивались с этими масштабными целенаправленными несчастьями непосредственно, да и кто об этих трагедиях знал в мире вообще? Можно ли было надеяться, что с ними так поступать уже не будут? Жизнь показала, что оптимисты в этом вопросе очень жестоко ошиблись.

Борьба с буржуазией и другими классово чуждыми элементами, коллективизация, преследование национальной интеллигенции и всех, кто был ранее связан с политикой и общественной деятельностью, привели к тому, что тюрьмы НКВД быстро переполнились. В них приехавшие с «воссоединившего» востока специалисты заплечных дел с энтузиазмом взялись за привычное дело. Видимо, уже тогда те люди, которые хлебом-солью встречали Советы, очень сильно об этом пожалели и стали подумывать о том, не пострелять ли в спину «освободителям». Безусловно, западные украинцы не могли полюбить людей, уничтожавших их за любовь к родине. О людях судят по делам их, а не по каким-то расчудесным «воссоединениям». Из советского «освобождения» Западной Украины для ее населения получилась очень и очень кровавая «карамелька».

Однако политическая национальная жизнь не прекратилась полностью. Ведь запретить можно было только «разрешенные» до того политические организации. Те же, кто был в подполье при поляках, оставались там и при Советах. Речь, понятное дело, идет об ОУН. О буднях украинских националистов в последующие годы мы расскажем, основываясь на итоговой публикации рабочей группы историков, созданной при украинской Правительственной комиссии по изучению деятельности ОУН-УПА: «Организация украинских националистов и Украинская повстанческая армия» (2005); в частности мы исходим из результатов исследований Ивана Патрыляка, Владимира Дзёбака, Анатолия Кентия и Александра Лысенко.

Для оуновцев, также как и для мировой общественности, оккупация Западной Украины явилась неожиданностью. В хаосе падения Польши часть членов организации пыталась уйти из-под советской оккупации на Запад, но, конечно, большинство осталось. Критическая ситуация помогла наиболее радикальным и уже ранее осужденным членам ОУН: им удалось освободиться из тюрем и лагерей при отступлении польских войск. Если говорить о масштабах организации на то время, то, по подсчетам Ивана Патрыляка, в конце 1939 г. количество членов ОУН не превышало 8–9 тыс. человек, а вместе с наиболее активными сочувствующими – 12 тыс. Популярность оуновских идей в массе населения могла бы дать значительно большие цифры, но измерить ее сложно. Новая расстановка сил в регионе не изменила основной цели ОУН

1.

Расплывчатая «Западная Украина»

(1) Карта Западной Украины из Малой советской энциклопедии (М., 1932, т. 9). Можем, сравнивая с соседней картой 1940 г., увидеть, что после «Золотого сентября» представления о том, каковы пределы Западной Украины, несколько изменились. Рекомендую обратить внимание на район Бреста. В 1932 г. – это «Западная Украина», после 1939 г. – уже «Белоруссия». Это иллюстрация к тому, как брали во внимание этнические границы при формировании советских национальных республик.

2.

(2) Фрагмент карты УССР из учебника «Історія України. Короткий курс» (К., 1940). Здесь изображены присоединенные к СССР в 1939–1940 гг. западноукраинские земли, достаточно, как мы заметили, спонтанно отделенные от «западнобелорусских» и соседствующие с «Областью государственных интересов Германии». Как было сказано в этой книге, «ленинско-сталинская национальная политика, огромный опыт построения социализма в СССР, освобождение народов Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии, Северной Буковины, Литвы, Латвии и Эстонии показывают народам остального мира путь к свободе и настоящей независимости». Повезло «народам остального мира», что не до всех это счастье добралось.

(революционное восстание), разве что изменился противник – вместо польской оккупации пришла советская.

Правда, активность в этом направлении заметно отличалась в верхах и низах организации. Руководство («Провид украинских националистов» – ПУН) во главе с Андреем Мельником стояло на более сдержанной позиции, считая, что вооруженное выступление следует отложить до ухудшения отношений между СССР и Германией или войны СССР с каким-либо другим государством, иными словами, подождать очередной дестабилизации ситуации в регионе. Радикальная же часть организации – молодежь во главе со Степаном Бандерой – считала, что ждать не стоит, восстание само по себе нарушит status quo и заставит вмешаться третьи силы – например, Рейх, который демонстрировал понятный интерес к украинским делам. Портило отношения между двумя частями организации и то, что Провид состоял из людей, которые уже давно находились в эмиграции, «обросли бытом», семьями и слабо ориентировались в положении на местах; молодежь же жила в гораздо более опасных условиях, занимаясь непосредственной подрывной работой против всех оккупантов, не боясь попасть под пули и угодить в лагерь. Но и те, и другие пока связывали свои надежды с немцами, которые единственные могли конкурировать с Советским Союзом в Восточной Европе, но пока ничем не давали понять, каково же их видение украинских перспектив. Без союзника было не обойтись, поскольку жесткий советский режим, естественно, не позволял создать какие-либо запасы оружия и подготовить кадры будущей революционной украинской армии.

Хотя воспользоваться «советизацией» тоже предоставлялось возможным. Оуновцы активно пытались «легализоваться», т. е. попасть в органы местной власти или в новообразованные комсомольские ячейки. Последние иногда полностью состояли из оуновской молодежи. Сеть низовых организаций ОУН расширялась, и Бандера считал, что нужно проявлять активность, т. к. национальная революция должна была вырасти из более мелких вооруженных акций, которые создавали бы хаос и вызывали ощущение нестабильности, усиливали брожение в массах. Неминуемые человеческие потери не считались членами организации бессмысленными, ведь оуновская молодежь воспитывалась на культе героев и жертвенности ради идеи. Деятельность Организации за предыдущие десять лет подготовила целое поколение потенциальных героев и мучеников за идею.

Попытки молодежи «активизировать» ПУН Мельника ни к чему не привели, и логичным результатом стал раскол организации. 10 февраля 1940 г. в Кракове образовался Революционный провид во главе с Бандерой. В надежде на компромисс с Мельником этот факт сначала держался

в секрете от низовых членов ОУН, но все же с конца лета 1940-го можно говорить о *двух ОУН – Мельника (ОУН (М))* и *Бандеры (ОУН (Б))*.

Большинство руководящих кадров ОУН, ушедших в сентябре 1939 г. в немецкую зону оккупации Польши (Генерал-губернаторство), перешло на позиции Бандеры и стало весной 1940 г. возвращаться в Галицию и Волынь, чтобы возглавить ячейки на местах и ударные группы.

В это время НКВД, которое не дремало, внедрило свою агентуру в краковское руководство и начало осуществлять облавы среди сколько-нибудь активной местной молодежи. Эти действия дали ощутимый результат: было уничтожено множество местных ячеек, более 650 членов подполья арестовано. Структура ОУН подвергалась мощным и жестоким систематическим ударам советских органов госбезопасности. Для психологического давления на население проводились показательные суды над оуновцами, где почти все подсудимые осуждались на казнь. Однако эти мероприятия имели и обратный эффект – лишь привлекая молодежь в ряды националистов: к примеру, на Станиславовщине* за первый год советской власти количество членов ОУН и ей симпатизирующих выросло в семь раз и почти достигло 10 тыс. человек. Соответственно, и новые облавы органов безопасности принесли весьма неплохой «улов»: осенью 1940 г. было раскрыто 96 националистических групп, арестовано 1 108 подпольщиков, захвачено 2 070 винтовок, 43 пулемета, 600 револьверов и т. д. Сопротивление подполья, по словам официальных отчетов, было ожесточенным: *«Оуновцы-нелегалы – хорошо обучены в понимании нелегальной техники, закаленные и достаточно агрессивные кадры. Как правило, при арестах оуновцы оказывают вооруженное сопротивление или пытаются покончить с собой»*.

Осенними «зачистками» организационная структура ОУН (Б) неоднократно нарушалась, но так же регулярно и восстанавливалась, поскольку недостатка в желающих пополнить ряды не было. Весна 1941 г. отмечается рядом показательных процессов, демонстрирующих силу и жестокую «справедливость» советской власти. По данным следствия, к восстанию осенью 1940 г. готовилось 5 500 боевиков, *что можно сравнить с численностью всех советских партизан в Украине на конец 1942 г.* Вследствие масштабных репрессий подготовка восстания осенью 1940-го была сорвана. То, что оно намечалось именно на это время, подтверждает мнение исследователей о том, что *бандеровцы никак не координировали свои планы с немцами*, поскольку те были заняты окончательным овладением Францией и грядущей высадкой в Англии, а план «Барбаросса» (план войны против СССР) даже еще не был утвержден.

* Станиславов – старое название Ивано-Франковска.

1.

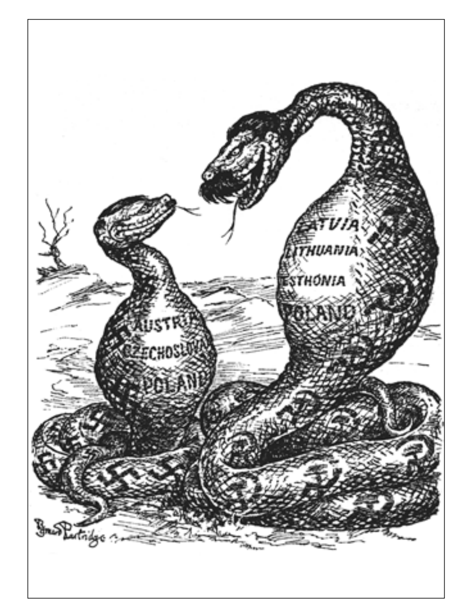
2.

3.

4.

AUSTRIA
CZECHOSLOV
POLAND
LATVIA
LITHUANIA
ESTHONIA
POLAND

5.

Взасос!

(1) Советский плакат, 1939. Так видела воссоединение в 1939 г. советская власть. Из кн.: М. Литвин, О. Луцкий, К. Науменко. 1939. Западные земли Украины. Львов, 1999.

(2) В ту же тему: «Воссоединение». Рисунок Виктора Корецкого из «Правды», 22 сентября 1939 г. Этнографы спорят (из-за вышивки на сорочке «воссоединенного») – украинец это или белорус. Но думаю, что это не суть важно, главное – мощная сексуальная энергетика...

(3) Советский плакат, 1939. Что-то давно мы не делили с немцами Польшу… Из кн.: М. Литвин, О. Луцкий, К. Науменко. 1939. Западные земли Украины. Львов, 1999.

(4) Новые империи поглощали все вокруг себя, пока не сцепились во взаимной бойне. Карикатура из журнала «Панч», 1940. «Сталин – Гитлеру: "Не знаю, как тебе помочь, Адольф, но понимаю твои проблемы"».

(5) Встреча товарищей по оружию, сентябрь 1939 г., на фоне советской бронемашины.

Советский командир и немецкий офицер, разделившие в рядах РККА и Вермахта Польшу. Их дальнейший конфликт в 1941 г. кажется исторической случайностью, спасшей Запад. Угораздило ж Гитлера вскоре напасть на Союз – ведь столько похожего: от формы партийной диктатуры и вождя до гестапо-НКВД. Как тайно злорадствовал, подозреваю, Черчилль 22 июня 1941 г., уже целый год в одиночку держась против Гитлера…

Подпольные университеты ОУН были весьма серьезны: там изучали военное дело, пропаганду, разведку и контрразведку, устройство советской армии, медицинскую помощь и т. д., вплоть до идеологии украинского национализма и «японской борьбы» (каратэ). Не стоит, правда, эту подготовку и переоценивать: движению часто не хватало квалифицированных кадров, а преподаватели и ученики весьма часто рисковали прервать учебный процесс из-за ареста. Лучшие, наиболее способные молодые люди отправлялись с прорывом через границу на учебу в Краков, где на территории немецкого Генерал-губернаторства можно было себя чувствовать в несколько большей безопасности.

Немцы позволяли оуновцам готовить свои кадры фактически легально, поскольку у них существовала некоторая взаимная заинтересованность. ОУН нуждалась в официальном разрешении на проведение обучения своих новобранцев с боевыми стрельбами, маневрами, сооружением укреплений, соответствующим вооружением и т. д., на что вряд ли можно было рассчитывать без согласия оккупационных властей. Последние же, контролируя в своей «зоне» преимущественно польские этнические территории (за исключением украинского «Закерзонья»), жестко подавляли польское движение сопротивления, но снисходительно относились к украинскому движению, направленному против советских соседей и союзников. Взаимопонимание с немецкой военной разведкой (Абвером) позволяло и подготовить людей, и пополнить арсенал ОУН; Абверу же требовалась информация с соседней советской территории, с тех земель, где ОУН имела эксклюзивную «агентурную сеть» в несколько тысяч «штатных сотрудников», не считая сочувствующих. То есть, имело место прагматическое использование друг друга для текущих нужд. Разойдутся ли пути Абвера и ОУН, должно было показать будущее.

Если же говорить об утверждении, что ОУН была агентурой Абвера, то масштабы этого явления обычно преувеличиваются. По данным киевского историка Ивана Патрыляка, в пик сотрудничества (1939–1941) оуновцы составляли не более 30 % немецкой агентуры на Западной Украине, более 50 % ее составляли поляки, остальные – в основном русские белогвардейцы и этнически пестрые разведотряды. Вербовка членов ОУН проходила индивидуально, а не директивно-централизовано: само руководство ОУН спокойно использовало немецких агентов из «своих» для дачи им дополнительных поручений уже по «своей линии». Множество мифов об искреннем и пылком сотрудничестве ОУН с немецкой армией тоже появилось далеко не случайно, ведь оуновцы стремились энергично проникнуть в любые немецкие вооруженные подразделения. Цель была

проста и банальна: *если в перспективе нужна будет регулярная украинская армия, то надо подготовить и вооружить максимальное количество людей, и желательно за чужой счет*. Ведь ОУН, как хронически подпольная структура, не имела ни обильных финансовых ресурсов, ни больших возможностей для открытой самореализации в своей специфической сфере деятельности; и если что-либо делать на советской территории было крайне сложно, то нужна была база хотя бы на немецкой. Подозреваю, что если бы эта территория была не немецкой, а, скажем, французской (или любой другой), то оуновцы сотрудничали бы и с их разведкой – ведь временные союзники воспринимаются как средство, а не как цель. Позиция Советов по отношению к независимости Украины была очевидной, ну а немцы себя пока еще никак не позиционировали.

Если говорить относительно самой *возможности и перспективы сотрудничества с Германией,* то обычно человек неискушенный понимает это следующим образом: поскольку действия Германии во время Второй мировой войны были преступными, то, естественно, и все ее союзники тоже являются преступниками. Некая логика тут просматривается, но забывается при этом, что у многих национально-освободительных движений Центрально-Восточной Европы ***не было выбора*** – особенно у тех, которые уже столкнулись с реалиями советской власти. Если бы с востока наступали англо-американцы, а не коммунисты, то весьма вероятно, что очень многие так называемые «коллаборационисты» оказались бы в победившем лагере антифашистской коалиции. Но с востока шел Советский Союз. Именно это не оставляло национально-освободительным движениям никаких вариантов, – если сравнивать репрессивную политику Германии и СССР, то принципиальной разницы не было и значение имели только прагматический расчет, направленный на достижение поставленной политической цели.

Имеет смысл сказать пару слов о «взносе» разных стран в победу 1945 г. Жертвы Советского Союза во Второй мировой войне были действительно огромны: масштабы потерь в армии, среди мирного населения, разрушения несоизмеримы с потерями США и Великобритании. Видимо, англосаксы больше берегли своих людей, ведь у того же Черчилля не имелось лишних 20–30 миллионов британцев, чтобы затыкать ими дыры от бездарного командования, неэффективной экономики и т. п. Да и страна невелика – некуда отступать (разве что вброд в Канаду?).

Мне кажется, что у Черчилля не было радостнее дня в жизни (в глубине души, конечно), чем 22 июня 1941 г., когда немцы наконец-то вцепились в глотку своему советскому «другу», который прикрывал их тылы и поставлял стратегическое сырье и продовольствие, пока Британия одна

целый год держалась против всей мощи Рейха. Наконец-то появился товарищ по несчастью! США еще в войну не вступили, а когда вступили, в декабре 1941-го, то изначально не против Германии (общественное мнение не поддержало бы), а только потому, что на них напала Япония. Так что для них, видимо, имело смысл сначала разобраться с ближайшим врагом, а потом уже браться за Европу.

Похоже, что рановато начинало советское правительство требовать «второго фронта» (хотя в России и сейчас весьма похаивают бывших союзников). То, что Риббентроп был твоим лучшим другом, а потом вдруг стал врагом, – еще не повод просить о скорой помощи. Хотя припекало сильно – в просьбах о мире и уступках фюрер Сталину отказывал. Думаю, Черчилль тоже был заинтересован в американском «втором фронте», тем более что до конца 1942 г. складывалось впечатление, что СССР может и не продержаться. Советские же и современные российские историки слишком часто забывали и забывают о том, на чьих машинах ездили наши «катюши» и наши генералы, по чьим телефонным аппаратам общались части на фронте и на чьего производства самолетах «Кобра» летали наши многозвездные герои-летчики, сколько английских танков было под Москвой, да и консервов изрядно перепадало (что немаловажно, когда хлеб по карточкам).

Хотя, если суммировать, то большой любви к СССР союзники тоже могли не испытывать – ведь он был чужеродным телом в демократической антигитлеровской коалиции, являясь тоталитарным близнецом нацистской Германии: вождь, партия, идеология, массовый террор и аналог Гестапо. Но зато у советского командования была прорва дешевого населения, которое испытывало справедливую ненависть к захватчикам и которому Великий Вождь позволял миллионами погибать за свои «просчеты». Жизни американцев и британцев при таком раскладе можно было дозировать более взвешенно. Сравнивая человеческие потери, как было не похлопать по плечу «Дядю Джо» где-нибудь на конференции в Ялте? Жаль, правда, что придется его за это отблагодарить, отдав пол-Европы (пусть даже и Восточной), но не «класть» же своих без счету – демократия ведь, народ не поймет, *на выборах проиграть можно.*

Я уверен, что народы Восточной Европы были искренне благодарны СССР в 1944–1945 гг. Но они не могут при этом простить и никогда не простят последующих 40 лет несвободы и двух «потерянных» поколений. Думаю, за это время все возможные ресурсы благодарности за освобождение были исчерпаны. Попытки вырваться из объятий «освободителя» нам известны: 1956 – Венгрия, 1968 – Чехословакия, 1981 – Польша, 1989 – все сразу.

Основная проблема людей, искренне негодующих на нынешнюю неблагодарность поляков, чехов, венгров, западных украинцев и т. д.,

заключается в том, что они не понимают, что *освобождение 1944–1945 гг. было лишь освобождением от немцев, а не освобождением как таковым.*

Но вернемся в 1941 год. По весне ОУН пыталась максимально восстановить структуру организации на местах и перебросить через Сан и Буг на советскую территорию уже подготовленные кадры для боевых и диверсионных подразделений. Продолжаются и становятся все более частыми акты саботажа, подрывной деятельности, убийств и покушений на представителей партийно-административного аппарата и руководителей НКВД. А эта последняя служба, продолжая нести свою бессменную вахту, занялась, с санкции украинского партийного лидера Никиты Хрущева, арестами и уничтожением членов семей нелегалов. Социальная база ОУН вследствие этого крепла, питаемая народной ненавистью, и организация пополнялась все новыми и новыми силами. Отношения советской власти и ОУН стали походить на снежный ком взаимного насилия, который должен был очень быстро покатиться, если бы хрупкое равновесие в регионе нарушилось. Может показаться, что ОУН планомерно и четко шла к реализации своей главной цели – на революционное восстание, но нужно учитывать то неравенство сил, которое превращало идею-фикс Организации в иллюзию: мощь Красной армии раздавила бы любое подобное выступление.

Но «процесс шел», и разрозненные диверсионные акции постепенно перерастали в партизанскую войну. Но после 22 июня 1941 г. для Советского Союза началась уже другая война.

9. Бандеровцы пишут письмо немецкому фюреру

ОУН считает союзниками Украины все государства, политические организации и силы, которые заинтересованы в развале СССР и образовании независимого Украинского Суверенного Соборного Государства.

Постановление Второго (краковского) большого сбора ОУН, 1940

Если для киевлян утро 22 июня 1941 г. было началом трагедии страны и их родного города, ожидания скорого пугающего будущего, то для львовян оно стало надеждой на скорое освобождение от ужаса и террора.

Вождь нового поколения

Степан Бандера, возглавивший «младшую» фракцию ОУН, отделившуюся от старших товарищей Мельника в 1941 г. Лидер ОУН (Б) в 1941–1952 гг. В 1933–1939 гг. сидел в польских тюрьмах, а в 1941–1944 гг. – в концлагере Заксенхаузен. Из-за того, что почти все время «сидел», а после войны оказался далеко за границей, редко мог реально руководить освободительной борьбой на Западной Украине, там где воевали «бандеровцы». Был весьма упорен в своих взглядах на предмет нелюбви к советской власти, за что и убит в 1959 г. в Мюнхене советским агентом.

Созрели условия для того, чтобы уже совсем других людей встречать хлебом-солью. Тогда никто не знал, что эти новые, немецкие, люди принесут с собой такой же кошмар, как и советская власть. Чтобы понимать, что происходило на Западной Украине во время и сразу после Второй мировой войны, необходимо знать следующие вещи:

- Почти два года советской власти развили у местных жителей то чувство, что в принципе хуже власти нет и быть не может. Посему, если придут немцы, то слава Богу. Появлялась очередная надежда, что очередная чужая власть (третья за два года) может оказаться все же лучше двух предыдущих.
- Руководство и низовые ячейки ОУН Бандеры уже были готовы к началу полномасштабной партизанской войны против Советов; для этого нападение Германии на СССР было удобным поводом во всех смыслах – можно было добиться максимальных политических и военных результатов в ситуации вакуума власти.
- Целью ОУН было создание *регулярной* украинской армии и провозглашение Украинского Самостоятельного Соборного Государства (УССГ). Поэтому советские солдаты были лишь теми *чужими людьми, у которых можно отобрать оружие*, а немцы были лишь теми *чужими людьми, которые могут дать оружие*. Члены ОУН разумно стремились проникнуть во все структуры местной оккупационной администрации и полиции точно так же, как перед – этим в комсомол и советскую милицию. Война идет, и кто победит – неизвестно, ну а к вооруженному восстановлению государственности все равно нужно быть готовыми. Для этого все средства хороши.

- Трагедия отступавших перед немцами советских солдат на Западной Украине состояла в том, что они не имели опоры в местном населении и воспринимались им не как защитники, а уже как очередные оккупанты. Считать, что население было просто «идеологически обработано» ОУН, нельзя, т. к. эта организация не имела доступа к средствам массовой информации (легальной печати и радио), находилась в подполье, и ее опорой было лишь простые люди, среди которых она пользовалась авторитетом. Я что-то не припоминаю таких антисоветских организаций, которые, действуя в подполье, легко и успешно занимались бы пропагандой себя, развивали бы свою массовую структуру. Разве только придуманные и сфабрикованные Органами. Но ОУН сама себя «придумала» и «сделала» – вопреки обстоятельствам, которые этому не способствовали.
- Сотрудничество ОУН с немцами изначально возникло из достаточно простой мотивации: часть украинского государства вошла в состав Польши (1921) и это было в итоге закреплено Версальской системой международных отношений. Очевидным потенциальным противником этой системы, установленной странами-победителями в Первой мировой войне (Великобритания, Франция, США, Италия), «стершими» с политической карты и Украину, была лишь потерпевшая поражение в той войне Германия. Мотивация к сотрудничеству с ней у ОУН была такая же, как и у СССР – активного друга Веймарской республики с 1922 г.: *нужно дружить с врагом тех, кто тебя не признает, с врагом твоих врагов*.
- Немцы, как раньше и польская, и советская власть, в 1941 г. считались теми чужаками, против которых *можно* воевать; но когда они к 1943 г. исчерпали свой «лимит доверия» у местного населения, они стали восприниматься как чужаки, против которых воевать *нужно*. Это привело в результате к войне на два фронта – против советско-немецких жерновов, которые и «перетерли в порошок» украинское движение сопротивления.
- Отношение ко всем «новым властям» на Западной Украине проходило эволюцию от приема с хлебом-солью до выстрелов в спину. Винить за это власти могут только себя. Простой народ, обычные люди, которые живут на земле, – они не регулярная армия и не могут воевать «лицом к лицу» с Вермахтом или Красной армией, у них нет ни танков, ни самолетов. Так что, они действовали, *чем и как могли*.
- После неполных двух лет советской власти для участников украинского национального движения на Западной Украине вопрос о том, с кем быть 22 июня 1941 г., не стоял: все что угодно, лишь бы не советская власть. Оуновцы советской власти не присягали, а в вопросе «близости» с немцами они были лишь слабыми конкурентами СССР – мощному союзнику нацистской Германии в 1939–1941 гг.

1.

2.

3.

Почему немцев встречали хлебом-солью

Странно, почему западные украинцы не оценили по достоинству советскую власть. Немцы, придя в 1941 г., просто выдали местным жителям тела их родственников, расстрелянных в тюрьмах НКВД (Львов, фото 1 и 2). Ну неприятно это все родственникам невинно убиенных, ну попахивает (смотрите – платочками прикрываются, а может, слезу пустили), да и выглядят неживые папы, мамы и дети как-то неприятно, ну и многовато их – но это же восточнославянское братство… - цените, хохлы, заботу о себе Советской Родины. Фото 3 – отбор черепов родственников уже внуками, после раскопок и эксгумаций (Дрогобыч, 1990). Фото из кн.: В. Косык «Україна і Німеччина у Другій світовій війні» и О. Романива и И. Федущак «Західноукраїнська трагедія. 1941».

- Исходя из вышесказанного, термин «коллаборационизм» неприменим к воевавшим против советских войск ОУН-УПА по той простой причине, что он имеет отношение к изменникам своей родины; их же родиной не был Советский Союз, их родиной была независимая Украина. Тут была ситуация та же, что и с Польшей до 1939 г.: большая часть оуновцев и западные украинцы вообще имели польское гражданство, но не питали при этом к Польше никаких симпатий, – были ли они при этом изменниками Польши?

Все усилия и достижения оуновского подполья за предыдущие почти два года смогли проявиться лишь в течение 15–20 дней после 22 июня, пока советские войска не оставили западные регионы Украины. Немецкий блицкриг был для националистов невыгоден, быстрое отступление Красной армии создавало некоторые сложности для украинской партизанской войны: из-за того, что советские части ушли слишком быстро, движение сопротивления не успело занять четкие позиции в городах и селах, отбить у Советов побольше оружия, то есть максимально использовать неопределенную ситуацию для того, чтобы пополнить арсеналы и начать контролировать территорию. Достижение этих целей позволило бы аргументировано подискутировать с немцами на предмет того, смирятся они с новообразованным украинским государством или нет.

Необходимо помнить, что оуновцы взялись за оружие *с самого начала войны* между СССР и Германией, еще в ходе боев между Красной армией и Вермахтом, и *до установления немецкой власти* – в момент, когда Советы вынуждены были отступать, а немцы еще не успели вступить во власть. Уже в первые две недели войны оуновское подполье вышло на поверхность и начало штурмом брать тюрьмы НКВД, освобождая своих товарищей и всех жертв советского террора, разрушать коммуникации, нападать на отряды отступающих красноармейцев. Те первые открытые бои с Красной армией были для них совсем не легкими, несмотря на отступление Советов. Тюрьму в небольшом местечке Бережаны оуновцы штурмовали трижды в течение одного дня (26 июня). Восстание узников луцкой тюрьмы было подавлено, а его участники расстреляны энкаведистами. Впрочем, надлежащие выводы были сделаны, и проблема обременительных заключенных стала решаться достаточно легко: за июнь–июль 1941 г. органами госбезопасности СССР было без суда ликвидировано более 20 тыс. человек, находящихся в тюрьмах западноукраинских городов (так поступали

и позже, восточнее). После отступления советских войск в одних лишь львовских тюрьмах НКВД было обнаружено 7 тыс. трупов. Если говорить о ситуации вне тюрем, то во Львове, после утомительных стычек с партизанами, с 25 июня захваченных украинцев-мужчин стали расстреливать на месте. Сам Львов был фактически захвачен украинцами *еще до прихода* немецких войск.

В общем, как справедливо пишется в книге «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.» (книга первая, «Суровые испытания», Москва, 1998), «*тяжелое положение [советских] войск усугублялось действиями националистов. Удар в спину готовился в глубоком подполье еще до войны*». Портило ситуацию и то, что мобилизованная в Красную армию местная молодежь массово переходила на сторону «врага». В это же время начала восставать «советская милиция», тоже набранная из местного населения. Крестьяне отлавливали и убивали красноармейцев-окруженцев, а это способствовало тому, что последние скорее предпочитали сдаться в плен немцам, нежели попасть в руки «благодарных» сограждан. В общем, трудно передать то «теплое чувство», которое испытывали жители Западной Украины к советской власти после неполных двух лет «воссоединения». В результате националистическое движение распространилось и на те регионы Западной Украины, которые ранее не были известны в смысле активного национального сознания.

Уточним вопрос о *синхронности действий с немцами*. Ранее мы указывали, что планы восстания ОУН никак не соотносились с немецким планом агрессии против СССР, то есть они появились задолго до появления плана «Барбаросса» (декабрь 1940 г.). Сама идея этого восстания может показаться бессмысленной – ведь возможности ОУН и Советского Союза были явно несоизмеримы, и поражение повстанцев было очевидным. Но тогдашние лидеры ОУН мыслили в категориях «победа или смерть», их идеология основывалась на скорее абсолютно иррациональной вере в себя и правоту своего дела. Личной удачей (в смысле большего выживания) для обычных участников восстания стало то, что немцы напали достаточно скоро, *до ожидаемого самостоятельного восстания ОУН*, и тем самым взяли основную часть вооруженной борьбы на себя, дав местным патриотам возможность лишь включиться в разгром советских войск. Обобщим известную на сегодня информацию о конце июня – начале июля 1941 г. по данным Ивана Патрыляка:

> *«…в ходе антисоветского вооруженного выступления повстанческие отряды украинских националистов*

действовали на территории 70 районов Львовской, Дрогобыцкой, Станиславовской, Тернопольской, Волынской, Ровенской, Черновицкой и Житомирской областей. Оуновцы смогли поднять восстания в 26 городах, самостоятельно установить контроль над 19 и захватить значительные трофеи ([...] 15 тысяч винтовок, 7 тысяч пулеметов и 6 тысяч ручных гранат, сотни автоматов, сотни тысяч патронов, десятки пушек, минометов и танков). Для сравнения отметим, что в аналогичной акции против польской армии в сентябре 1939 г. оуновцы захватили [лишь] 23 пулемета, 80 автоматов, 3 757 винтовок, 7 пушек, 8 самолетов и 1 танк. Националисты сразу же после прохождения фронта смогли установить власть в 187 (из 200) районах западноукраинских областей и 26 районах Правобережной Украины, создали областные управления в Тернополе, Ровно, Дрогобыче, Станиславе и Луцке».*

В июне 1941 г. близость войны была очевидна, да и в процессе выступления против Советов обе ОУН терялись в догадках, каковы же намерения немцев. Пока со стороны последних не было понятных деклараций, хотелось ускорить процесс – выдвинуть свои предложения. Слишком невелико было значение ОУН в европейской расстановке сил, чтобы для нее раскрывались далеко идущие планы фюрера. Можно было попытаться прояснить ситуацию путем обращения непосредственно к высшему руководству Рейха.

В меморандуме мельниковцев говорилось, что они хотят «восстановления независимого, суверенного украинского государства на заселенной украинским народом территории между Дунаем, Карпатами и Каспийским морем»**. Предполагалось, что форма государственного устройства будет обусловлена как свойственным духу времени авторитарным руководством, так и широким самоуправлением. Имея столь значительные пространства, Украина могла бы стать экономически и военно самодостаточной. Сделать ее более монолитной можно было бы за счет обмена населением с Россией (то есть сибирских и дальневосточных украинцев

* ОУН-УПА, 2005. – С. 48.

** Каспийское море тут фигурирует из-за полосы украинской колонизации на Северном Кавказе.

«вернуть» назад, а им навстречу депортировать украинских русских)*. По мнению исследователей, за эти широкие перспективы авторы меморандума были готовы поступиться Германии своим экономическим суверенитетом. Непонятно только, почему, в таком случае, немцы стали бы прислушиваться к подобным предложениям, если они сами могли все это получить и без всякого украинского участия.

Значительно бодрее выглядит интонация меморандума ОУН Бандеры. Он был передан в Рейхсканцелярию 23 июня. Обращаясь к фюреру, авторы с самого начала опрометчиво позволили себе критиковать немецкую позицию в украинском вопросе:

> *«Среди многочисленных немецких политических взглядов на решение украинского вопроса, а также среди разных концепций, которые касаются немецкой политики… нельзя найти ничего, что бы определяло значение отдельных компонентов этой общей проблемы в ее полном объеме и правильно бы оценивало внутренние украинские факторы. При этом даже недооцениваются такие моменты, которые и с точки зрения Германии могут быть очень важными для будущих немецко-украинских отношений. Такая позиция, недооценка всех внутренних украинских факторов, может привести к неверной немецкой политической линии относительно Украины, что, в свою очередь, может стать причиной неправильной тактики Германского Рейха в решении украинской проблемы».*

После заявления о реальных основаниях для сотрудничества между Украиной и Германией следовали почти неприкрытые угрозы:

> *«Такой союз может состояться, если будут уважаться жизненные интересы обоих народов… Неверно направленная политика может привести к нежелательным последствиям для отношений обоих народов, которые позднее будет сложно преодолеть…*

* Предложение было вполне в духе времени – такие этнические «упражнения» уже активно применялись перед войной в Центральной Европе, а через 5 лет именно таким образом «поменяли» украинцев на поляков Польша и СССР, а всех восточноевропейских немцев от Польши и «Калининградской области» до Чехии, Венгрии и Румынии вернули «на их историческую родину» (хотя во многих этих местах они жили с раннего средневековья).

Месть Советам

Г. Кульчицкий, «Броды». Знакомство с реалиями советской власти вызвало массовый приход украинских добровольцев в дивизию СС «Галиция». Это была фронтовая дивизия, набранная из украинцев, честно воевавшая против своего ненавистного советского врага и столь же честно разбитая Красной армией под Бродами в 1944 г. Были ли они коллаборантами? Они воевали за свою веру в Украину вместе с немцами против Советов, поскольку уже знали, на что похожа Украина Советская (смотри предыдущие фотографии). ОУН относилась к этому энтузиазму населения сдержанно, но это был шанс добыть оружие в украинские руки. Просто так - немцы не давали.

*Нюрнбергский трибунал, вообще осудив СС, смешал в кучу и **карательные айнзацкоманды** СС, и фронтовые части СС (в СССР их аналоги назывались **«НКВД»** и **«Гвардия»**), воевавшие лицом к лицу с врагом. Я не могу считать «карателями» немецких танкистов – дивизию СС «Мертвая голова», в честном бою разбитую советскими танкистами на Курской дуге. Одно дело – сжигать мирные села с их жителями, другое – гореть в танке, подбитом другим танком. Ведь Вермахт (общевойсковые части), замечу, **не был осужден Нюрнбергским трибуналом** после победы. На фронте обычные солдаты умирали **политкорректно** – каждый за свою страну.*

Даже если немецкие войска при вступлении в Украину, конечно, будут приветствовать как освободителей, то вскоре эта ситуация может измениться, если Германия придет в Украину не с целью восстановления украинского государства и соответствующими лозунгами. Германия же ищет на востоке не только новое экономическое пространство, известное как сырьевая база, но и преследует политические цели, отраженные в понятии Нового европейского порядка. Новый европейский порядок без независимого национального украинского государства является немыслимым…

После 20-летнего большевистского репрессивного режима украинский народ во всех вопросах своей свободы стал очень чувствительным, такая душевная позиция не только понятна, но ее нужно учитывать, если есть желание найти себе среди украинцев друзей и союзников…

Военная оккупация не может продержаться долгое время в Восточной Европе. Только новое государственное устройство, построенное на национальном принципе, может обеспечить там здоровое развитие. Только украинское государство могло бы обеспечить это новое устройство…».

В общем, несколько нагловато бандеровцы написали письмо фюреру Великого Рейха. Заканчивается текст также мрачноватыми намеками:

«Украинец, таким, каким его сделали последние двадцать лет, полон решимости заложить фундамент, который обеспечил бы национальное развитие в независимом государстве. С этой решимостью должно считаться любое государство, которое, преследуя собственные интересы, хочет создать новый порядок на восточноевропейском пространстве.

Организация Украинских Националистов, которая на протяжении многих лет ведет здоровую часть украинского народа в революционной борьбе за государственную

независимость и воспитывает весь украинский народ для этой задачи, готова вести эту борьбу до реализации своего национального идеала».*

Историк Иван Патрыляк считает, что руководители ОУН просто не рассчитывали, что к ним прислушаются в Берлине, и руководствовались желанием «очиститься» перед историей, дескать, мы вас предупредили, а потому не обижайтесь, если проиграете войну из-за того, что действовали вопреки нашим рекомендациям.

В апреле 1941 года, *за два месяца до начала войны*, в тайне от немцев был подготовлен проект Акта о провозглашении украинского государства. Тогда же созданный в Кракове Украинский национальный комитет, состоявший из представителей нескольких эмигрантских организаций, «благословил» походную группу во главе с Ярославом Стецько доставить Акт на подсоветскую территорию и огласить его во время восстания, когда позволит ситуация. Найти иные источники легитимности было уже невозможно: советская власть вряд ли пошла бы на референдум по этому вопросу.

Вскоре началась война, и к 30 июня стало ясно, что необходимо, кроме повстанческих действий, быстро предпринимать и какие-то декларативные шаги, – пока немцы полностью не овладели ситуацией в крае. Тем более, что это поставило бы немцев перед фактом и понятной необходимостью наконец сформулировать свою позицию – враги они или друзья. Сделать это было желательно во Львове – центре Западной Украины. К тексту Акта уже при подходе немецких войск из очевидной логики тогдашней ситуации добавилось приветствие немецкой армии. Но понятно, что немцев приветствовали, расчитывая на признание ими украинской государственности. Ярослав Стецько собрал около сотни представителей ОУН и сочувствующих деятелей, Акт был оглашен и потом озвучен по радио. Профессор Полянский был избран «посадником» (комендантом) Львова. Стецько был избран главой правительства. Но радость была недолгой, поскольку немецкая администрация быстро прервала деятельность новой украинской власти. Вскоре Галиция стала частью Генералгубернаторства, а остальные украинские территории вошли в состав рейхскомиссариата «Украина» и Румынии.

Лидеры ОУН (Б) отправились в Берлин вести переговоры о судьбе украинских земель и о дальнейшей роли своей организации. Общение происходило с трудом из-за упорства обеих сторон, но очевидно, что позиции немцев были гораздо сильнее: дела на восточном фронте шли более чем

* ОУН-УПА. – С. 82–83.

успешно. Это и прояснило ситуацию: 12 сентября 1941 г. от Бандеры с товарищами гитлеровцы потребовали *«отозвать публично Акт 30 июня»*. После их отказа начались аресты активистов ОУН, акции против походных групп организации. Бандера, Стецько и другие члены руководства были арестованы и отправлены в тюрьму Гестапо в Берлине, а в 1942 г. переведены в специальный политический блок концлагеря Заксенхаузен.

Такая развязка показала позиции ОУН (Б) и Германии: выяснилось, что *украинская государственность в любой форме пока в немецкие планы не входит, а ОУН, заявив о подобных намерениях, теперь стала во главе освободительного движения без каких-то подозрений в коллаборационизме. Проблемой была потеря руководства и необходимость восстанавливать структуру организации.*

Следует заметить, что проблемы с потерей руководства и восстановлением структуры теперь будут постоянно преследовать ОУН и ее военные подразделения. Но ничего плохого не случается только с тем, кто ничего не делает.

10. Два «источника» Украинской Повстанческой Армии

В обыденном восприятии людей с советским воспитанием Украинская Повстанческая Армия (УПА) – это исключительно «бандеровцы», которые были «за немцев» и против советской армии-освободительницы. На самом деле УПА – это *самооборона местного населения против немецкого и советского режимов*, возглавленная представителями *двух* течений украинской национальной политики: сначала – «петлюровским» Правительством Украинской Народной Республики в изгнании. Позже, в ходе дальнейшей борьбы контроль над повстанческими отрядами перешел к оуновцам Бандеры, у которых была более дисциплинированная и разветвленная организационная структура и лучше налаженная политико-пропагандистская работа.

Но давайте рассмотрим события по порядку. Конференция руководителей бандеровской организации, не попавших в объятия Гестапо (М. Лебедь (Максим Рубан) во главе, Д. Мирон (Орлик), И. Клымив (Легенда), В. Кук (Юрко, Лемиш) и другие), постановила перевести основную массу членов ОУН (Б) на нелегальное положение и перейти к подпольной

работе. В распоряжении руководства было лишь 12 тыс. членов и 7 тыс. сочувствующей молодежи. В сложившейся ситуации предлагалось в открытый конфликт с немцами не вступать, всячески использовать все возможности легальной деятельности для расширения скрытого влияния ОУН на местную администрацию. Пришли к следующему выводу: ход военных действий показывает, что Германия должна победить в войне против основного и (пока) более жестокого врага – СССР, поэтому, видимо, в дальнейшем предстоит вести продолжительную политическую и дипломатическую борьбу с немцами за признание Украины. К дальнейшим практическим шагам следует отнести *призыв к национально-сознательной молодежи энергично вступать в ряды вспомогательной полиции, чтобы немцы за свой счет обучали и вооружали оуновские кадры*. Немцы еще оценят значение этого решения, когда большая часть их полиции весной 1943 г. уйдет в лес. Но некоторые подозрения у них были уже тогда, и директивные документы *рекомендовали включать в ряды полиции русских и представителей других (неукраинских) национальностей*, чтобы воспрепятствовать чрезмерному взаимопониманию полиции с местным населением.

В это время и другие украинские политические организации – Правительство УНР в изгнании, ОУН Мельника, гетманцы Павла Скоропадского – придерживались той мысли, что глупо выступать против немцев, когда они представляют собой решающий фактор в победе над Советами, и, следовательно, они же и будут решать в дальнейшем, быть ли Украине в роли рейхскомиссариата или какой-то другой.

Еще одним важным моментом было, по мнению историка Анатолия Кентия, то, что бандеровцы в глазах эмиграционного украинского политикума выглядели менее легитимными в своих претензиях на украинское государство, нежели продолжатели дела 1917–1921 гг. – уэнеровцы и гетманцы. Последние часто воспринимали радикализм ОУН как украинский «большевизм». Но ОУН не нуждалась в признании своей легитимности со стороны других течений «украинства»: эта организация была вполне самодостаточной.

Активность оуновского подполья привлекала внимание немецкой полиции безопасности и СД. К примеру, 25 ноября 1941 г. они получили следующий приказ:

> *«Несомненно установлено, что движение Бандеры готовит восстание в рейхскомиссариате, цель которого – создание независимой Украины. Все активисты движения*

Бандеры должны быть немедленно арестованы и после подробного допроса тайно уничтожены как грабители».

В немецких документах фигурирует понятие «*украинского движения сопротивления*», к которому относят, в первую очередь, ОУН (Б) и группу Тараса Боровца-Бульбы на Волыни (последний декларировал свою приверженность политике УНР).

В это время начинаются репрессии против членов ОУН Мельника, которые действовали легально. Особенно это коснулось Киева. Перейти на нелегальное положение пришлось поэту Олегу Ольжичу; в феврале 1942-го нацисты арестовали его сподвижницу поэтессу Олену Телигу, судьба которой оборвалась в Бабьем Яру (да, в этом страшном месте лежат не только украинские евреи, но и украинские националисты). Но, пожалуй, из всех групп ОУН Мельника только эта (киевская) действительно принадлежала к движению сопротивления, поскольку у Андрея Мельника отношение к Германии оставалось весьма лояльным.

Политика ОУН Бандеры (сам Бандера, как мы помним, пребывал в это время в тюрьме и концлагере) характеризуется такой цитатой из листовки, распространяемой на северо-западных украинских землях (Волынь–Полесье):

> *«Украинский народ! … Не дай вывести себя из равновесия. Не время тебе сегодня вступать на путь вооруженной борьбы с оккупантами [в оригинале: «наїзниками». – К. Г.]. Сегодня выступление твое окончилось бы провалом, неудачей. Пусть империалисты, которые дерутся за наши богатые земли, пожрут друг друга до конца. Тогда придет твой час, когда враги выдохнутся».*

Поэтому относительно антинемецких действий бандеровцев в конце 1941 – начале 1942 гг. можно сказать, что они сводились преимущественно к актам пассивного сопротивления, саботажа немецких приказов, особенно по вывозу продовольствия и украинского населения на принудительные работы. Эксперты СД оценивали бандеровские намерения как желание сохранить силы и накопить ресурсы, пока Германия и Советы истощают друг друга, а потом сказать свое «последнее слово».

Тем временем аресты оуновцев продолжались и на западе, и на востоке Украины (в Харькове). Немцы боялись, как свидетельствуют документы, что бандеровское подполье и «большевистские» партизаны объединятся,

или же Советы смогут использовать националистов в своих интересах. Заметим, что действующих советских партизан на Украине на 1942 г. уже фактически не осталось. А о реальном подполье мы же знаем в основном советские мифы и фальсификации. Например, всем известная «Молодая гвардия» Олега Кошевого (которой на самом деле руководил Виктор Третьякевич) тесно сотрудничала с националистическим подпольем и распространяла его листовки «Смерть Гитлеру, смерть Сталину!». И это не какой-нибудь Львов, а Краснодон на Донбассе.

К декабрю 1942 г. относятся успешные акции и облавы немецких служб безопасности против ОУН: были схвачены многие активисты и некоторые из лидеров организации – Я. Старух, И. Клымив (последний погиб на допросе в гестапо). Но сама структура организации оставалась живучей, как и прежде. Вместо отрубленной ветви вырастали новые.

В целом можно согласиться с историком Анатолием Кентием, что националистическое движение сопротивления в 1942 г. *«не проявлялось в активных формах, которые бы составили реальную угрозу немецкому оккупационному режиму… Был принят тезис о том, что “в то время, когда на Востоке стоят еще миллионные большевистские армии, любая наша вооруженная акция против немцев была бы помощью Сталину”»*.*

Итак, на протяжении 1942 г. на землях Волыни и Полесья начинают формироваться те вооруженные группировки, которые потом превратятся в Украинскую повстанческую армию (УПА). Эти силы формировались из двух источников – подразделений Тараса Бульбы-Боровца, который считал себя представителем Правительства УНР и организовал первые действенные отряды, и все того же бандеровского подполья. Поэтому сначала можно говорить как о двух ОУН, так и о двух УПА.

Тарас Бульба-Боровец (1908–1981) – практически неизвестный широкой общественности основатель УПА. На протяжении 1930-х годов он выполнял поручения разведотдела военного штаба УНР на Волыни, был пойман поляками и посажен в концлагерь «Береза Картузская». С 1939 г. он действует фактически самостоятельно. Немцы же все время считали его бандеровцем, хотя он таковым никогда не был. Преимуществом Боровца была сформированная перед войной агентурная сеть, множество симпатизирующих и то, что на Волыни были относительно свежи воспоминания об Украинской Народной Республике и Втором Зимнем походе с участием Украинской Повстанческой Армии. Во время советского присутствия на Волыни Боровец находился в лесах на нелегальном положении, а в июне 1941 г. пытался вступить в оуновскую «полицию», но был отвергнут.

* ОУН-УПА. – С. 112.

Дальше он пробует создать свои вооруженные подразделения, которые бы позволили вести с немцами переговоры об украинской государственности. Эти подразделения сначала получили название «*Украинская Повстанческая Армия*» – «*Полесская Сечь*» («*Поліська Січ*»). С них, собственно, и начинается история Украинской Повстанческой Армии. Продолжаются дискуссии о том, когда возникла эта «подпольная армия», но наиболее вероятно, что все же с началом германско-советской войны. Первыми ее жертвами стали отступающие советские части.

Еще одна попытка Боровца договориться о сотрудничестве с ОУН (Б) – уже с ее новым руководством, после ареста Бандеры и Стецько, – была неудачной. Проще сложились отношения с мельниковцами, которые помогали УПА Боровца командными кадрами. Сам Боровец не питал особого интереса к жесткой дисциплине и политико-пропагандистской работе в духе бандеровцев, что впоследствии печально сказалось на судьбе его армии. Но, тем не менее, его более квалифицированные сотрудники с уэнеровским прошлым и хорошим образованием подготовили достаточно серьезные документы, например, «За что борется УПА»:

> *«УПА борется за настоящую, а не фиктивную свободу мысли, слова, веры и действия каждого гражданина украинского государства, без различия национальности, пола, происхождения, политических и религиозных убеждений… УПА признает законной и правильной национализацию большинства ресурсов государством, но одновременно стоит на страже интересов трудового люда перед государственным капиталом, так же, как и перед частным… УПА борется за быстрейшее установление в украинском государстве: государственной собственности, коммунальной собственности, кооперативной собственности, частной собственности. Каждая форма собственности равноправна перед законом».*

Далее речь шла о еще многих аспектах: образовании, культуре, социальной помощи. В тексте ощущается руководящаю роль уэнеровской социалистической идеологии.

В августе 1941 г. подразделения Бульбы-Боровца (численностью около 3 тыс. человек) уже контролировали огромную территорию в полосе Слуцк–Гомель–Житомир, которую немецкие войска обошли, а гражданская оккупационная администрация туда не добралась. Отношения с немецкими властями

были поначалу взаимовыгодными, поскольку те не могли контролировать все районы Полесья, а части Боровца являлись очевидными противниками Советов. Однако позитивно отреагировать на предложения Боровца о признании «Полесской Сечи» украинской воинской частью и возложить на нее контроль над Полесьем немцы отказались (в ноябре 1941-го) и в дальнейшем стремились расформировать все возможные украинские подразделения. Не желая вступать в конфликт с немцами, Боровец объявил формальную демобилизацию «Полесской Сечи» и с наиболее верными соратниками числом 300 человек ушел в леса Ровенской области. Там в декабре 1941 г. он отменил название «Полесская Сечь», и его отряд остался просто Украинской Повстанческой Армией, или, как сокращают историки, – УПА (Б-Б).

С приходом весны 1942 г. немцы взялись наводить порядок в окрестностях Ровно – центра рейхскомиссариата «Украина». Бульбовцам при этом порядком досталось, что заставило их постепенно наращивать свои силы и переходить к активным антинемецким действиям. Этому способствовали и настроения населения, озлобленного оккупационным террором.

Разочарование населения в немецкой политике вызывали не только конфискации продовольствия, но и вывоз населения в Германию. Оно началось после появления циркуляра рейхсминистра восточных территорий Альфреда Розенберга от 6 марта 1942 г. Планировалось взять в восточных районах 627 тыс. работников, из которых 527 тыс. должны были быть мобилизованы в Украине. Позднее эта цифра значительно увеличилась. Естественно, это были только «лирические» проявления оккупационного режима, который практиковал более жестокие репрессивные меры: уничтожение мирного населения, запугивающие карательные акции, когда сжигались жители целых сел («Хатынь» повторялась в Украине неоднократно).

Военные действия УПА Бульбы-Боровца препятствовали действиям немецкой администрации, включая даже нападения на райцентры, мелкие гарнизоны и железнодорожные станции, однако не представляли серьезной угрозы с военной точки зрения. Нужно понимать, что повстанцам не было особой нужды в разрушении немецких коммуникаций, срыве движения войск и снабжения на Восточный фронт, поскольку они совершенно не были заинтересованы в возвращении Советов и не собирались им помогать в тылу немцев. Посему *их действия представляли собой скорее самооборону местного населения* без определенного вектора – просто против всех, кто чрезмерно покушается на его жизнь, хозяйство и имущество. Боровец не оставлял планов договориться с немцами, чтобы те прекратили репрессии против местных жителей и признали перспективы украинской государственности, но с их стороны взаимности не последовало.

11. Война на два фронта

Свидетельства советского подполья, которое вряд ли можно заподозрить в чрезмерных симпатиях к националистам, говорят о том, что в 1943 г. нападения УПА (Б-Б) на немцев участились. Об этом сообщалось и в Украинский штаб партизанского движения, возглавляемый генералом Строкачем. Как писал в своем дневнике комиссар Сумского партизанского соединения Семен Руднев, «*националисты – наши враги, но они бьют немцев*».

Параллельно с УПА (Б-Б) действовала УПА бандеровцев, которая, вопреки распространенному мнению, возникла не в Карпатах, а тоже на Волыни (летом 1942 г.), на территориях вокруг зоны влияния бульбовцев в районе Сарны–Ровно – и севернее, и западнее, и южнее. Методы были приблизительно те же, но перспективы получше, поскольку эта УПА опиралась на разветвленное оуновское подполье и была намного дисциплинированней. Возможно, объединение бандеровского и бульбовского УПА дало бы более серьезную боевую силу, но они не смогли договориться о совместных действиях. Отношения между УПА (Б-Б) и ОУН Мельника складывались получше – мельниковцы были более толерантны к другим национальным группировкам, но они не имели такого влияния в крае, как ОУН (Б).

На территорию Галиции активные партизанские действия пока не переносились, поскольку оккупационный режим в дистрикте «Галиция» генерал-губернаторства был мягче, чем в рейхскомиссариате «Украина». Немцы пытались создать из бывшей австрийской Галиции некий буфер по отношению к остальным оккупированным территориям, и положение выровнялось лишь тогда, когда в Прикарпатье пробилось большевистское Сумское партизанское соединение во главе с Сидором Ковпаком.

Зимой 1942–1943 гг. националистическое движение активизируется: ситуация на Восточном фронте говорила о том, что переждать, пока немцы и Советы истощат друг друга, может, и не получится. Напряжение огромных человеческих и экономических ресурсов СССР постепенно давало результаты, и чаша весов стала склоняться в его пользу. Пока что «истощались» немцы. В начале 1943 г. Провид ОУН (Б) призывает «*подняться на освободительную борьбу против немецких и московско-*

большевистских оккупантов под лозунгом свободы народам и человеку во имя своих самостоятельных независимых государств».

Тогда же в докладной записке генерала Т. Строкача в Политбюро ВКП(б) отмечалось: «*Предполагая серьезную угрозу со стороны оуновцев и ощущая их неприязнь к себе, немецко-фашистская власть начала репрессии против оуновцев и в первую очередь против сторонников Бандеры как наиболее опасных своих "друзей"*».

В это же время, в феврале 1943 г., состоялась III конференция ОУН (Б), которая официально провозгласила активные действия против Германии. Однако возникли весьма разные мнения относительно того, как именно разворачивать эти действия. Чрезмерные оптимисты призывали поднять всенародное восстание против немцев, попытаться восстановить государственность и получить признание среди антигитлеровской коалиции – т. е. найти внешнюю поддержку со стороны США и Великобритании в условиях приближения советских войск. Реалисты же, в лице влиятельного лидера ОУН на Волыни Д. Клячкивского и военного руководителя ОУН Романа Шухевича (которые и отстояли свою позицию), считали, что такое восстание лишь подорвет силы сопротивления и край обескровленным упадет в руки Сталина. Посему нужно продолжать тактику самообороны населения, а немцев, которые и так терпят поражение, «беспокоить» меньше, кроме того, активизировать действия против советских партизан и поляков. Нужно заметить, что в ожидании поражения Германии и украинские, и польские националисты подозревали, что послевоенное устройство в Восточной Европе западные страны будут осуществлять так же, как и после Первой мировой, – по этническим границам. Это мотивировало этнические чистки – резню поляков на Волыни украинцами и резню украинцев поляками на Холмщине, – которые и стали одной из наиболее трагических страниц украинско-польских отношений.

Тогда же за партизанскими отрядами ОУН официально закрепляется название «УПА». В марте–апреле 1943 г. по приказу ОУН (Б) значительная часть украинской полиции (шуцманов), числом 4–5 тыс. человек, с оружием ушла в лес до того, как немцы успели ее разоружить. В этом случае дала свои результаты тактика ОУН относительно активного добровольного вступления в любую «милицию» и «полицию» оккупантов.

С этого времени ОУН (Б) выстраивает территориальную и командную структуру УПА, назначаются командиры. Но первое командование УПА погибло почти сразу же – в бою с немцами в мае 1943 г. В дальнейшем УПА на Волыни (Северную группу) возглавлял упомянутый Д. Клячкивский. На юге Ровенской и севере Тернопольской области дислоцировалась УПА-Юг.

В августе 1943 г. было решено распространить действия УПА и на Галицию, где образуется УПА-Запад. В это же время УПА сознательно формирует национальные отряды в русле своего лозунга освобождения всех угнетенных народов. В эти отряды попадали и бывшие советские солдаты, и беглецы из плена, и люди, насильно зачисленные в немецкие подразделения. Наиболее активно в них вступали татары, грузины, узбеки, армяне, ингуши и даже (!) русские.

Советские партизаны (в частности А. Сабуров) в своих отчетах в Центр, сильно преувеличивая, утверждали, что 40 % УПА – это неукраинцы. В основном же УПА состояла:

- на 60 % – из галичан;
- на 30 % – из волыняков и полещуков;
- на 10 % – из восточных украинцев.

Однако автор не уточняет, какой процент составляли представители других национальностей.

Большинство солдат УПА – это украинские крестьяне из середняков и бедняков.

Очевидно, что человеческие и материальные ресурсы УПА не позволяли создать из нее какие-либо регулярные части. Если советские партизаны получали помощь с «большой земли» в виде оружия, медикаментов и, что особенно важно, квалифицированного комсостава, то воины УПА имели только то, что могли отбить у немцев или тех же красных партизан. Поэтому у них обычно не было вооружения более мощного, чем стрелковое оружие – винтовки, автоматы, пулеметы (иногда – минометы, танки и легкие орудия), и они не могли вступать во фронтальные столкновения с регулярными войсками. Тактика оставалась одна – подпольно-партизанская. Перспективы этой борьбы были более чем сомнительными, но мы можем лишь констатировать жертвенный героизм людей, которые защищали свободу своей страны против двух великих держав без очевидно близкого успеха и с весьма вероятной перспективой жестокого поражения.

Историк Анатолий Кентий, критически резюмируя данные о численности УПА в последний период войны, считает, что в целом за десять лет (1942–1952) через УПА прошло около 100 тыс. человек, одномоментной же наибольшей численности она достигала в 1944 г., а именно 25–30 тыс. Хотя, если брать отчеты советских органов госбезопасности, которые мы будем упоминать в дальнейшем (из той же итоговой монографии об ОУН-УПА), то они говорят о гораздо большем числе

убитых, обезвреженных и сдавшихся «бандитов», однако, скорее всего, это «приписки» – для оправдания многолетних чекистских трудностей в западноукраинском регионе.

Вместе с тем, в силу всех перечисленных особенностей повстанческого движения – и организационно-технических возможностей, и идеологических приоритетов, – можно утверждать, что борьба против немцев не принесла ожидаемых результатов. Воспрепятствовать массовому вывозу полумиллиона украинского населения в Германию не удалось. Повстанцы порядком досаждали немцам, масштабные планы последних по конфискации продовольствия, вывозу оборудования и т. д. не были выполнены, но силы сторон были слишком неравными, поэтому наибольшие успехи были достигнуты в борьбе с приблизительно равным им по силе соперником – советскими партизанами. Хотя тут ситуация была парадоксальной: повстанцы воевали и с партизанами, и с немцами, но при этом, соответственно, отвлекали на себя внимание немцев от борьбы против советских партизан.

Основным достижением антинемецкого фронта УПА было то, что немцам не удалось уничтожить повстанческую армию, несмотря на их активные усилия и карательные операции в 1943–1944 гг.. Постоянные столкновения украинских повстанцев с немцами фиксировались как немецкой отчетностью, так и советскими партизанами. Однако летом 1944 г., когда стратегическая ситуация в Украине окончательно прояснилась, ОУН (Б) на страницах своего официального печатного органа «Идея и действие» делает следующий основополагающий вывод:

> *«Германия, которая стоит сейчас перед катастрофой, не представляет для нас угрозы. Германия, которая проигрывает, употребляя известное выражение, не стоит костей одного украинского националиста. Вооруженная борьба в данной ситуации – нецелесообразна».*

Резюмируя, можно сказать, что, выбирая между двумя врагами – Германией и СССР, – руководство как ОУН, так и УПА все же ощущали бульшую угрозу со стороны Советов. Несмотря на вооруженную борьбу с немцами и пребывание предвоенного руководства организации (включая Бандеру) в немецком концлагере, ОУН и УПА «антисоветские предчувствия» не обманули: Германия пришла и ушла, а Советы возвращались. И надолго.

12. После немцев: антисоветский фронт УПА

Если говорить о начале антисоветских действий УПА (Б-Б) и УПА (ОУН), то это – 1942 г., когда развернулись их военные акции против немногочисленных советских партизан. Эти конфликты продолжались до прихода советских войск на Правобережье и Западную Украину в 1943–1944 гг., хотя иногда различные подразделения повстанцев достигали с партизанскими отрядами соглашений о нейтралитете. Ход войны заставлял советское командование в 1943 г. перебрасывать партизанские отряды с востока и севера Украины на запад для разрушения немецких коммуникаций. Имея информацию о действиях УПА, известный партизанский командир Михаил Наумов писал в дневнике перед рейдом на запад: «*Я молю своего бога, чтобы немцы до моего прибытия выгнали бандеровские банды из Кременецких лесных массивов и вообще из Западной Украины*».

Разрозненные весной 1943 г. стычки с партизанами уже летом переросли в ожесточенные бои. «Интерес» был взаимным: красные партизаны старались «расчистить» территорию от УПА, поскольку подходящие регулярные советские части могли бы сильно пострадать (как считал, например, Петр Вершигора) – ведь раньше они не сталкивались с направленными против них партизанскими действиями. Следует отметить, что военные акции против партизан на Западной Украине имели успех, но к востоку от старой границы население с большим подозрением относилось ко всем разновидностям партизан и повстанцев. В этом направлении рейды УПА осуществлялись с разной мерой успешности, но обосноваться и закрепиться там все же не удавалось. После «славных» тридцатых годов мятежный дух украинского населения на востоке был окончательно надломлен.

Ситуацию в 1944 г. достаточно выразительно характеризуют сведения заместителя главы Украинского штаба партизанского движения И. Старинова. В марте 1944-го он телеграфировал в Центр с Подолья: «*Отряды, которые перешли в тыл врага на участке Тернополь–Проскуров**, *вели жестокие бои с националистами, и не только в селах, но и в лесах, несли значительные потери*». И несколько позже: «*Четвертую войну воюю, но никогда не встречал такой враждебной среды, как в освобожденных районах Тернопольской области*». Заметим, что Старинов явно не бывал на Надднепрянщине в каком-нибудь 1919 г., – в этом случае он ощутил бы некие аналогии.

* Проскуров – старое название современного Хмельницкого.

1.

2.

3.

4.

Просто люди

(1) Бандеровские зоологические националисты.
Пулеметчик Иван Олийнык «Максим» с дочкой Маричкой возле села Тухолька, Львовщина. Мрачное было время, если с детьми фотографировались возле пулемета.

(2) Бандеровские зоологические националисты.
Сотник Васыль Скрыгунець «Гамалия» и куренной Петро Мельник «Хмара», весна 1945 г.
Крестьянская повстанческая война вполне ощутима, тут – в преемственности (соучастии) поколений.

(3) Бандеровские зоологические националисты.
Сидят себе веселые сельские хлопцы в лесу. У каждого – известные нам имя, фамилия и кличка: «Дуб», «Довбуш», «Ромко», «Мак»… Печально, но это уже 1950 г., Станиславовщина/Ивано-Франковщина. Они очень многих пережили, но и им самим уже очень мало осталось жить.

(4) Бандеровские зоологические националисты.
Схрон. Семейное фото. Дмитро Олексюк «Илак» и его жена Павлина Ткачук «Орыся», выглядывает надрайонный командир Иван Шведюк «Сирко».
Все фото: «Армія безсмертних». Львов, 2002.

Продвижение советского фронта на Запад отряды УПА останавливать не собирались – у них не было на это ни сил, ни возможностей, – они просто продолжали партизанскую войну уже против советских войск. Последние к этому были в принципе готовы, поскольку за фронтовыми армейскими частями двигались войска НКВД, которые и проводили зачистку территории. Примером таких столкновений может считаться бой 22–25 апреля 1944 г. под Гурбами, в упомянутых Наумовым Кременецких лесах. Там сошлись 4–5 тыс. бойцов УПА с многократно превосходящими их числом внутренними войсками, подкрепленными армейскими частями с танками. По оценкам из отчета Л. Берии Государственному комитету обороны, выходило, что в ходе 26 боев в период с 21 по 27 апреля было убито 2 018 и захвачено в плен 1070 участников УПА. С советской стороны потери назывались подозрительно слишком маленькие – 11 убито и 46 ранено. Понятно, что оценки УПА были противоположными. Факт – это то, что советским войскам уничтожить эти повстанческие отряды не удалось, и те отошли на запад. Летом войска НКВД уничтожили около 5 тыс. повстанцев на Львовщине.

На освобожденных от немцев территориях восстанавливались структуры советской власти, но, как писалось в официальной переписке, *«районный актив сидит в основном в своих райцентрах, а в селах бывает очень редко, а в ряде сел (контролируемых националистами) совсем не были, боясь вооруженного нападения. В результате этого мобилизация, хлебоснабжение и другие мероприятия в районах срываются»*.

Советская власть разрабатывала соответствующие контрмеры. Никита Хрущев, информируя Сталина, предлагал следующее:

> *«Чтобы лишить возможности националистов вербовать или добровольно, или принудительно участников своих банд, необходимо провести мобилизацию всего мужского населения призывного возраста. Всех мобилизованных немедленно отвести в тыловые округа и после фильтрации лучшую часть отправить в боевые формирования»*.

Для этого были привлечены армейские части, «полевые военкоматы» которых просто насильно угоняли мужское население. За первые четыре месяца 1944 г. Красную армию пополнило 450 тыс. западных украинцев. Принудительная мобилизация усилила ряды УПА теми, кто не хотел

воевать за Советы. Следует заметить, что пристальное внимание советской власти ощутили на себе не только украинцы, но и поляки, 50 тыс. которых (только из Львова) за участие или отношение (члены семей) к Армии Крайовой отправили в Сибирь.

Практически сразу после вступления советских войск в западные регионы Украины 1943 г. было санкционировано выдачу личного оружия представителям советского и партийного аппарата (в мае 1944-го). Снова началась коллективизация, которая явно не порадовала западноукраинское крестьянство. Политика советской власти была весьма разнообразной – это и громкие декларации, и социально привлекательные программы, и мощная идеологическая обработка населения, и жестокое физическое уничтожение всех недовольных. Общая ситуация оставляла место как и искреннему желанию администрации наладить мирную жизнь, так и произволу, насилию и грабежу по отношению к местному населению. Последнее же часто оказывалось заложником и официальных властей, которые карали за неповиновение, и повстанцев, которые наказывали за сотрудничество с властью.

Одна из участниц выездов партийно-советского актива «на борьбу с бандитизмом» искренне жаловалась заведующему отделом кадров ЦК КП(б)У на происходящее в Тернопольской области: «*Кто едет на операцию против бандеровцев, очень хорошо живет, поскольку там по селам ловят гусей, кур у семей бандеровцев, это все отбирают себе…*

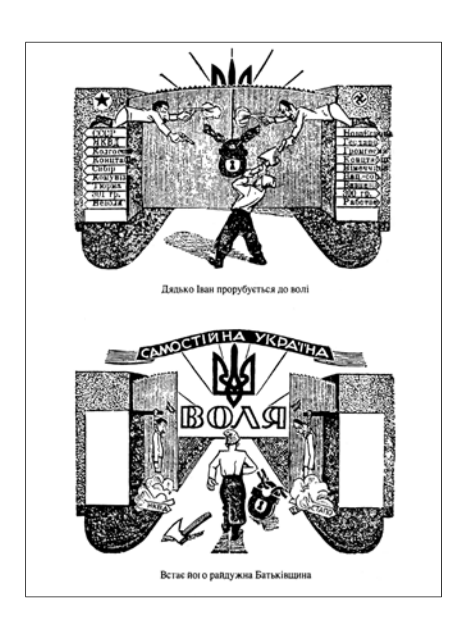
Зав. отделом агитации и пропаганды райкома КП(б)У говорит, что когда поедешь в село проводить работу, то лишь изредка тебя накормят, а нужно приставить пистолет ко лбу, тогда будешь сыт. Когда я сказала заместителю по гособеспечению тов.Кириллову, что попробую прекратить эти бесчинства, он ответил, что все так сжились с ними, что ты не встретишь ни у кого поддержки, а если будешь им мешать, то когда поедешь на операцию, то тебя убьют свои, и посоветовал мне, пока я не приняла должность, выехать [в Киев] и рассказать там, чтобы кто-то навел порядок в этом районе».

Этот случай не был единственным. Документы того времени полны сведений о чинимом беспределе, как войсками, так и администрацией. Мы видим, что действия части «освободителей» давали основания пропаганде ОУН-УПА называть эту политику оккупационной и колонизаторской. Такая обстановка лишь усиливала симпатии населения к подполью. Во второй половине 1944 г. численность украинских повстанцев оценивается в 30 тыс. человек. Осенью того же года военные подразделения ОУН (М) перешли под общее командование УПА.

1.

2.

«Слава Украине – героям слава»

(1) Гравюра на дереве тех времен, Н. Хасевич. «Літопис УПА», т. 2. Киев, 1999.

(2) «Дядька Иван прорубается на свободу. Приветствует его Отчизна». Вероятно, тоже гравюра Н. Хасевича.

Мировоззрение украинского повстанца: слева – Сталин и НКВД, справа – Гитлер и гестапо. Как пройти между ними? Сцилла и Харибда античности были лишь слепыми силами мифологической природы, эти же две скалы века 20-го были очень конкретными жерновами смерти. «Літопис УПА», т. 2. Киев, 1999.

3.

4.

(3) «За Украинское Независимое Соборное Государство», гравюра на дереве Н. Хасевича. Тогда не вышло, но шансы пока есть. «Літопис УПА», т. 2. Киев, 1999.

(4) «Мы встали на страже свободы», гравюра на дереве Н. Хасевича. Эта вполне пасторальная картинка лесной жизни (просто мужики ходят с автоматами) отражала гораздо более суровые реалии. «Літопис УПА», т. 2. Киев, 1999.

С другой стороны, современные историки, в частности Александр Лысенко, констатируют, что руководство ОУН-УПА несколько запаздывало с выработкой новых форм политико-идеологической борьбы, которые бы предполагали выход за границы узкопартийных приоритетов, возможность подняться над ситуацией, провозгласить какие-то более универсальные социальные и освободительные приоритеты в борьбе против сталинского режима, новые подходы к жителям незападноукраинских областей.

Потенциал мировоззренческого сдвига у восточных украинцев был минимальным: национальные ценности у них почти вытравили 20 лет репрессивного советского режима и его тотальный пропагандистский аппарат. *«Для распространения самостийнической идеологии среди населения Большой Украины не существовало объективных предпосылок»* (Александр Лысенко). Как я сказал выше, «хребет» восточных украинцев уже был сломан.

Западную Украину же освобождать от советской власти было некому, кроме лесных повстанцев. А их перспективы в этой борьбе были явно печальными. Тем более что поддержка населения когда-то должна была сойти на нет – ведь обычные живые люди, с семьями и хозяйством, не могут жить бесконечно в условиях войны и ежедневного риска для своей жизни и жизни своих близких. По мере ощущения того, что Сталин пришел всерьез и надолго, местное население все больше склонялось к тому, чтобы смириться с печальными реалиями, но сохранить жизнь.

Тем не менее борьба продолжалась. Повстанцы уничтожали солдат, сотрудников госбезопасности и военкоматов, партийно-советский актив и тех, кто им сочувствовал или помогал среди местного населения. По мере ужесточения конфликта методы борьбы становились все более схожими – показательные казни «активистов» и членов их семей чередовались с показательными казнями «бандитов», их «пособников» и опять же членов семей.

На протяжении 1944 г. повстанцы осуществили против советских войск и администрации почти 3 000 вооруженных нападений, диверсий и террористических актов. Но это мало что могло изменить в общем ходе событий. Осенью 1944-го советская власть начала проводить против повстанцев масштабные операции с участием регулярных войск и частей НКВД. Бывшие партизанские отряды, опытные в партизанском виде боевых действий, переводились в состав НКВД и направлялись на антиповстанческие действия, а их командиры занимали высокие посты в органах госбезопасности западных областей. *Спецподразделения НКВД направлялись в леса под видом повстанцев*, в роли которых выявляли места дислокации

отрядов УПА и терроризировали местное население. В целом за время борьбы с УПА органы создали *379 фиктивных повстанческих подразделений* (около 6 тысяч человек), которые вырезали целые села (по данным историка Виктора Короля).

Ежедневная хроника перманентной войны на Западной Украине, как пишет Александр Лысенко, «может занять сотни страниц». Мы тут будем давать лишь общую статистику. Данные Львовского обкома КП(б) У за 1944 г. говорят о 10 тыс. убитых и 7 тыс. пленных бойцов УПА. На Тернопольщине в конце года в 204-х вооруженных столкновениях 3 484 повстанца погибло, 297 захвачено в плен. Хрущев в докладе Сталину указывал, что со времени освобождения края от гитлеровцев на 15 ноября 1944 г. было уничтожено 45 372 и взято в плен 38 тыс. «бандитов». Также он писал:

> *«Считаю необходимым* ***ввести военно-полевые суды при войсках НКВД****. Для запугивания бандитов по приговорам этих судов осужденных на уничтожение не расстреливать, а вешать. Суды необходимо проводить открыто с привлечением местного населения. Результаты судов в прессе не освещать. Исполнение приговоров военно-полевых судов осуществлять публично в селах, по возможности там, где совершил преступление осужденный. Это подействует на бандитов отрезвляюще».*

Публичные повешения, в том числе и вниз головой, стали проводиться десятками. Как считает Александр Лысенко, в целом характер и последствия противостояния на Западной Украине были для ОУН и УПА малоутешительными. Бескомпромиссная борьба требовала больших жертв. За 1944 г., по данным НКВД, в ходе карательных операций было убито 57 405 «бандитов», 50 387 задержано, 15 990 явились с повинной. За этот период были выселены в отдаленные районы 4 744 семьи, связанные с подпольем (13 320 человек). Захвачено 35 орудий, 328 минометов, 211 ПТР, 4 230 автоматов, 18 591 винтовка, 32 939 гранат, 135 раций, 18 телефонных коммутаторов, 153 телефонных аппарата, 18 типографий, 18 автомашин, 20 мотоциклов, 741 склад. Было уничтожено много повстанческих отрядов и руководителей подполья.

Однако настроение командования повстанцев было бодрое: в новогоднем приветствии командующий УПА Роман Шухевич констатировал, что УПА успешно пережила переход фронта через западноукраинские

1.

2.

3.

В СССР
В „Новій Європі“
В Самостійній Україні
Ані хліба, ні свині,
Тільки Сталін на стіні.
Нема хліба, ні свині,
А є Гітлер на стіні.
Сало й хрін до нього є,
Є корова, хліб, земля!
І довкола все моє
Й на стіні в портреті — я!

4.

Карикатуры из подпольной прессы УПА

(1) «Командир – стрельцу: Охраняй, друже, бдительно этого здоровенного и упитанного немецкого ополченца. Мы эту сволочь законсервируем и сдадим в паноптикум как доказательство того, что немцы «освобождали» Украину от хлеба, сала, масла и яиц».

(2) «Обращение правительства УССР к населению Западной Украины дошло до самых отдаленных уголков украинского села», 1947.

(3) Тяжела судьба крестьянского народа, за счет которого живут окружающие «великие державы». Эти карикатуры укрепят российских патриотов в мысли об исконной жлобской сущности хохлов. Но и у крестьянских народов есть желание достичь свободы, как это ни смешно для жителей даже очень больших городов.

«Украинский перец», октябрь 1943 (далее по-украински все в рифму): 1. В СССР: Ни коровы, ни свиньи, – только Сталин на стене. 2. В «Новой Европе»: Нет ни хлеба, ни свиньи, но есть Гитлер на стене. 3. В самостийной Украине: Сало есть, и хрен к нему / Есть корова, хлеб, земля! /И вокруг – все мое, / На стене в портрете – я!

(4) «Украинский перец», сентябрь 1944. «Послал Сталин Хрущева запрягать Украину в большевистское ярмо. Так встречают сталинского бандита в украинском селе». Источник: «Літопис УПА», т. 1. Киев, 1995.

земли и выстояла после репрессий осени 1944 г.. Можно было бы сомневаться в искренности таких оценок, но мы знаем: Шухевич был готов идти до конца – что он собственно и сделал. Александр Лысенко описывает характерную ситуацию: во время последней встречи с Шухевичем его жена убеждала, что неравная борьба не дает шансов на победу. «*Вы без машин, – говорила она, – без ничего, да они вас всех перестреляют, выловят*». Роман Шухевич ответил: «*Ты знаешь, как я тебя люблю. Но Украину – больше, чем тебя*».

С 1944 г. на Шухевиче лежали обязанности по руководству борьбой на землях Западной Украины, а общее лидерство ОУН перешло к вышедшему из концлагеря Степану Бандере. Интересно, что руководство ОУН (Б) теперь уже провозглашало свою надпартийность, общенациональность своих задач:

> «*Каждый воин УПА должен называть себя своим настоящим названием, а именно “украинским повстанцем”, и это название популяризировать.* ***Название “бандеровец”, которым с удовольствием называют нас наши враги, не отвечает содержанию нашей борьбы и является для нас бесполезным и вредным***».

Начинался 1945 г., который приносил движению сопротивления все новые и новые жертвы и потери. Социальная база движения сокращалась, накапливалась усталость бойцов и населения, терялись склады, уничтожались лучшие командиры, тысячи гибли и тысячи отправлялись в Сибирь. Можно лишь поражаться упорству этих людей, которые готовы были или победить, или умереть.

Накануне гибели Рейха, ввиду очевидного превосходства СССР в Восточной Европе снова начали встречаться друг с другом представители украинского эмиграционного политикума – в поисках единого руководства и представительства. Оуновцы были близки к соглашению с гетманом Павлом Скоропадским, однако Бандера не договорился с Мельником. Но даже если бы консенсус и был достигнут, только окончательные послевоенные реалии могли определить новую мировую ситуацию и расстановку сил. В апреле 1945 г. под бомбами союзников гибнет Скоропадский, что обезглавливает консервативную часть эмиграции. Других же деятелей украинства, в том числе Бандеру, советско-германский фронт «вытеснял» все дальше на запад; контакты с Украиной терялись. Повстанцы оставались, по сути, без внешнего, пусть и формального руководства; дальше

они действовали лишь сообразно с логикой изнурительной борьбы в лесах и горах своего края, уничтожаемые советской карательной машиной.

Решения Потсдамской конференции не оставили украинским патриотам перспектив на признание извне: они потерялись в дебрях огромной советской зоны контроля, а для великих держав существовало гораздо больше других важных дел, нежели украинские повстанцы. Их «вопрос» должны были решить «в рабочем порядке» советские власти.

Шухевич пытался восстановить контакты с Бандерой, но посланные им подпольщики были схвачены НКВД: один застрелился при задержании, другой покончил с собой в тюрьме.

На протяжении 1945 г. борьба велась в тех же формах, что и раньше. Определенным новшеством стали рейды УПА на территорию Польши, Чехословакии, Румынии и Венгрии; основная их миссия была пропагандистская – подать объективную информацию о себе, опровергнуть советскую пропаганду. В этот период активизируется деятельность Службы Безопасности ОУН, направленной на разоблачение советской агентуры в рядах движения. В ситуации активных агентурных действий, перевербовок и провокаций со стороны НКВД «шпиономания» в ОУН приобретала раздутые размеры и часто не столько помогала, сколько вредила.

Эта ситуация еще более успешно использовалась советскими органами безопасности, которые бросали тени подозрения на все большее число людей. Теперь «чистка» рядов происходила с двух сторон, что не способствовало укреплению подполья и усилению его морального духа. На 1946 г. количество информаторов, агентов и резидентов НКВД и НКГБ на Западной Украине приближалось к 20 тыс. человек. Можно согласиться с Александром Лысенко, что в благоприятной ситуации хорошо подготовленный агент мог нанести повстанцам больший ущерб, чем целый полк регулярных войск; подрывная деятельность агентов органов безопасности была более чем успешной – активно использовались провокации, «приманки», стравливание между собой участников движения, шпиономания.

За первое полугодие 1945 г. советскими органами безопасности было проведено 9 238 спецопераций, в результате которых убито 34 210 повстанцев, взято в плен – 46 059, явилось с повинной – 25 868, всего – 106 137. Выселено 2 395 семей «пособников» (12 773 человек). В противоположном лагере было убито 92 сотрудника НКВД (МГБ), 808 – ранено, 62 – пропали без вести. Очевидно, что многие цифры энкаведистской статистики завышены, но нам сложно их откорректировать.

Советские органы госбезопасности, набравшись «опыта» на территории Восточной и Центральной Украины в 1920–1930 гг., использовала его

и на Западной. 1 августа 1945 г. в село Дрячинов Черновицкой области после облавы привезли двух повстанцев и в присутствии согнанного населения отрезали им половые органы, а потом оставили умирать в страшных мучениях. На Гуцульщине пленным бойцам УПА вырезали на теле трезубцы, ломали кости, забивали в нос патроны. Продолжались изнасилования, грабежи, другие издевательства над местными жителями. Все это, понятно, не добавляло симпатии к советской власти, но функцию запугивания, думаю, выполняло неплохо.

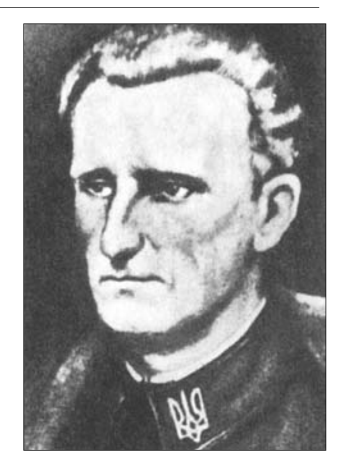
В январе 1946 г. в НКВД УССР были подведены предварительные итоги по борьбе с ОУН-УПА с февраля 1944 г.: 39 778 операций, убито 103 313 повстанцев, явилось с повинной 50 058 человек. Задержано 83 тысячи человек, уклонявшихся от призыва. Выселено 7 393 семьи «пособников» (17 497 человек).

13. Агония повстанческой борьбы

В 1946 г. было очевидно, что Западная Украина и Литва – единственные регионы новоприсоединенных к СССР территорий, где продолжалось серьезное движение сопротивления. Но это никак не облегчало судьбу его участников. Их надежда на то, что после разгрома Германии западные союзники «не договорятся» с СССР и конфликт перерастет в войну, не оправдалась. Конечно, Черчилль произнес уже в марте 1946 г. свою знаменитую «Фултонскую речь» о «железном занавесе», но это не повлекло никаких значимых последствий для антисоветского подполья. Правда, официальная идеология ОУН, ссылаясь на различную аргументацию, утверждала, что ОУН проиграть не может, но для нас это уже лишь слова, оправдывающие желание хоть как-то продержаться, пока не изменится ситуация в мире.

Заметим, ведь последние несколько лет для западных украинцев все постоянно менялось – власти, фронты, оккупанты, враги… Кто же знал, что система «холодной войны» на 40 лет законсервирует границы, «расписанные» еще в начале 1945-го в Ялте? Это повторяло те «конвульсии», которые пережило руководство УНР в 1919–1921 гг.: взяли власть – потеряли, взяли – потеряли, взяли – потеряли. Очень трудно угадать момент, когда качели уже остановились, а «соревнование» действительно

закончилось. Победители уже стоят на пьедестале, а проигравшие все еще пытаются доползти до финиша. Строятся планы, отдаются жизни, но темп постепенно падает, падает, падает, надежда все меньше и меньше... Прежние лозунги повторяются, однако все знают, что *ничего этого уже не будет*. Но признать это – означает сдаться, а сдаваться нельзя (если ты веришь в свое дело, конечно).

Роман Шухевич
(Тарас Чупрынка)

Генерал-хорунжий и весьма популярный командир УПА. В отличие от многих командующих на разных войнах, до конца разделил судьбу своей армии. Убит в бою в 1950 г.

В 1946 г. советская администрация имела уже гораздо больше возможностей «дожать» УПА: война окончилась, часть войск вернулась, образован Прикарпатский военный округ, появились пограничники, налаживается погранохрана в «подконтрольных» Польше и Чехословакии. Сеть на западный регион наброшена и затягивается все туже. Была даже мысль «одним махом» разделаться со всеми и объявить в западных областях военное положение, но отказались – из-за пропагандистской сомнительности этого шага.

Ситуация УПА становится критической – потери в этом году не такие, как в прошлом, но это потери уже *из остатков* повстанческой армии. Документы УПА говорят: *«Самый сильный удар было нанесено по ОУН и УПА в период с 11. 01. 1946 по 10. 04. 1946 г., когда отряды МВД заблокировали все села западных областей Украины. В этот период УПА понесла основные потери и с этого момента перестала существовать как боевая единица».*

В мае генерал Т. Строкач, бывший партизан, а теперь министр внутренних дел УССР, констатировал, что украинским националистам нанесено решающее поражение. Это подтверждают данные советской статистики: в августе–сентябре 1946-го в 27 тыс. засад и облав против бойцов УПА принимало участие около 100 тыс. солдат внутренних войск, а захвачено и убито

Умиротворенные…

Борьба за свободу имеет свой конец. Почти все эти веселые и семейные хлопцы с предыдущих фотографий, рисовавшие показанные карикатуры, и воевавшие несколько лет с немецкими и советскими солдатами, – погибли на этой своей последней войне.

Советские органы безопасности должны были чем-то доказывать свою борьбу с националистами – убитыми с оружием в руках. Благодаря им нынешние историки имеют посмертные фотографии тех, кто погиб за Украину в конце 40-х – начале 50-х. На фото – Иван Процайло «Колосенко» и «Олесь», погибшие 30 января 1950 г. на Львовщине.

Иногда доказательство смерти бандита должно было быть показательным и для земляков бандита, этих убогих западных украинцев, – ведь надо же было их убедить в преимуществах советской власти. Итак: выставка достижений любимой власти, – трупы, подпертые палками и поставленные вертикально. Очень наглядно, – это известный принцип педагогики.

Мы видим Ивана Клымчака Лысого (ему около 20 лет, но мертвый он выглядит гораздо старше), Ивана Дийчука Карпатского и неизвестного повстанца, выставленного на показ в г. Косив, Гуцульщина.

всего лишь 48 человек (вообще цифры отчетности слишком часто резко меняются). Но в целом это было показателем и изменения тактики УПА. Роман Шухевич в июле объявил, что, поскольку международное положение сложилось не в пользу повстанцев и масштабность действий советских войск не позволяет вести партизанскую борьбу, следует воспользоваться опытом Армии УНР 1920–1921 гг. и перейти к подпольно-конспиративной работе. УПА перешло от партизанских акций к индивидуальному террору, мелким засадам, саботажу и диверсиям. Крупные отряды были рассредоточены. Поэтому применение многотысячных облав в лесах уже не имело смысла. Но сама борьба затягивалась еще на несколько лет. А точнее – на десять.

Руководство УССР делает надлежащие выводы. В феврале 1947 г., во время выборов, все избирательные участки были взяты под охрану. Началась вторая волна тотального наступления на движение сопротивления. За первый квартал того года ОУН-УПА потеряли 966 человек убитыми и 1 478 захваченными в плен. Официальная реакция выражалась в ряде постановлений «Об усилении борьбы…» и *передачей западно-украинской проблемы из ведомства МВД в МГБ*.

Повстанцы же готовили планы на случай третьей мировой войны. Именно в 1947 г. оставшиеся за границей лидеры ОУН-УПА вступают в контакты со спецслужбами Запада – сначала с французами, а потом с англичанами и американцами. После контакта сторонников Бандеры с американцами в Украину был отправлен специальный эмиссар В. Дишкант с целью проинформировать командование УПА о новой ситуации, о новых методах борьбы. Американцы считали продолжение вооруженной борьбы бессмысленным и предлагали участникам подполья легализироваться и делать советскую карьеру. Но эмиссар был перехвачен чекистами, и послание до адресатов не дошло. Однако сама надежда на новую войну являлась той спасительной соломинкой, которая поддерживала веру подпольщиков: «*каждую весну ждут войны…*».

МГБ развернула свою войну против ОУН-УПА во второй половине 1947 г., уничтожив около 750 человек и арестовав более 10 тыс. членов ОУН-УПА и подозреваемых. Одновременно с целью ликвидации локальной базы националистического движения в восточные районы СССР было вывезено более 77 тыс. лиц (26 332 семьи) из членов семей и «пособников». Это втрое больше, чем за 1944–1946 гг., – однако индивидуальный террор продолжался: гибли главы сельсоветов, партийные деятели, советские работники, а малые рейдовые группы УПА посещали Киевскую и Кировоградскую области; оуновское подполье было раскрыто даже под Киевом. В конце 1947 г.

происходят ожесточенные вооруженные столкновения, в которых гибнет по 200–400 человек с каждой стороны (оценки потерь противоположные). Что интересно: в 1947-ом МГБ насчитало на 500 проявлений деятельности ОУН-УПА больше, чем само ОУН-УПА! То ли советские спецработники решили преувеличить опасность и оправдать свою зарплату и дальнейшую «рубку с плеча», то ли продолжалось стихийное сопротивление мелких подразделений или обычных жителей, которое уже не направлялось командованием повстанцев.

Параллельно, в том же 1947-ом состоялась депортация коренного украинского населения из юго-восточной части новосозданной «народной Польши» в рамках *операции «Висла»*. С мест своего древнего проживания (Лемковщина, Надсанье, Холмщина, Подляшье) было выселено около 150 тыс. украинцев (по официальным данным) и рассеянно на землях, полученных Польшей от Германии, – на восток от Одера. Таким образом, польские власти избавились от неблагонадежных украинцев и украинского движения сопротивления, а ОУН утратила значительную часть территории своего базирования и народной поддержки.

В 1948 г. борьба продолжалась в уже вполне рутинных и привычных формах, которые просто увеличивали счет потерь с обеих сторон. Хрущеву в очередной раз докладывали об *«увеличении масштабов националистического движения»*. Например, в Ровенской области насчитывалось около 100 боевых и подпольных групп ОУН-УПА. За первую половину 1948 г. военные трибуналы МВД УССР осудили на разные сроки более 2 200 членов ОУН-УПА и 1 625 «пособников».

В 1950 г. в бою против Советов погиб командующий УПА Роман Шухевич (Тарас Чупрынка), что можно считать завершением организованной борьбы украинских повстанцев против советской власти. Его мать, сестра и жена были сосланы, а дети отданы в детский дом.

В общем, можно устать от перечисления всей статистики акций и контракций, и контракций на контракции, возмездия за возмездие. Благо, что итоговая монография рабочей группы украинских историков более чем изобилует этой информацией. Объем описанной (а сколько неописанной!) человеческой трагедии чрезмерен: с 1939 г. – более 10 лет войны, три оккупации, не считая предыдущей польской, море насилия и унижений, смертей и репрессий, сотни тысяч погибших и еще больше депортированных. Одни героически гибли за идею, другие просто попали под молох великой войны.

Может вызвать лишь удивление факт, *как долго и упорно украинские патриоты западных областей держались против самого могущественного*

тоталитарного государства в эпоху апогея его миллионной смертной статистики. Можно восхищаться или ненавидеть УПА, но *не признать ее воюющей стороной нельзя*, и украинское государство (за которое, собственно, УПА и боролось) *должно* доживших до независимости как-то отблагодарить. *Они не были коллаборантами*. У нас же не ищут коллаборантов среди тех, кто сотрудничал после войны с советской властью на Западной Украине, хотя этот поиск был бы логичен и имел бы под собой такие же основания, как и поиск сотрудничавших с немцами, – ведь пока не подсчитано, кто больше урона нанес Украине – Рейх или Советы. Правда, не имеет смысла преподносить признание УПА *как приравнивание* к ветеранам Великой Отечественной. У воинов УПА была своя Отечественная война, которая с Великой советской очень не совпадала, – эти войны велись за очень разные, скорее даже противоположные, идеалы. Поэтому ветераны явно не помирятся, а рассудит их только история. В любом же случае, «мертвые сраму не имат».

14. Украинизация: «большевики конструируют украинскую нацию»

Говоря о конце сопротивления на Западной Украине, логично вспомнить о том, что случилось с украинцами в СССР, – дабы понять и вторую (гораздо большую) часть исторического наследия, полученного независимой Украиной в 1991 г. Кроме национальных идей, у нас же была еще и «радость советской жизни».

Основной исторический опыт нынешних украинцев связан, прежде всего, с советской эпохой. Ее роль в развитии украинского национализма такая же, как и Российской империи: пытаться его искоренить, уничтожить, бороться против непонятно откуда берущегося и все время возрождающегося у населения Украины желания (часто неосознанного) сохранить свою украинскую индивидуальность и тем самым укрепить свое порой безнадежное упорство в ожидании грядущих изменений.

Если не считать повстанческого движения на Западной Украине, то после Второй мировой войны национализм – точнее, демократический, *антитоталитарный* национализм – являлся верой узких кругов диссидентского движения. Их целью была демократизация советского режима,

которая воспринималась как неотъемлемая составляющая реанимации национальной культуры. Ситуация с диссидентством несколько напоминала времена царской России – это были тайные общества без перспективы повлиять на власть и государственную политику. Однако, как и с давнишними тайными обществами, сохранения традиции и преемственности в малом числе людей оказывалось достаточно, чтобы перенести национальную идею через «потерянные годы», сохранить до тех времен, когда она станет востребованной. Но давайте посмотрим на ситуацию в комплексе: начнем с той «пользы», которую принесла советская власть, и закончим той ценой, какую пришлось за нее заплатить.

В ходе борьбы против УНР в 1917–1921 гг. лидеры российских большевиков смогли реализовать свою экспансию на украинские земли через «Украинскую Советскую Республику», которая, в зависимости от расположения фронта, то изгонялась с Украины, то возвращалась в нее. Искусственность «Советской Украины» подтверждается еще и тем, что Украинская большевистская партия всякий раз «создавалась» при вторжении на украинскую территорию и «упразднялась», когда красные Украину покидали. Право наций на самоопределение декларативно подтверждалось, но дефакто это «право» касалось лишь тех, кто был способен свою независимость удержать. Упустить же Украину Россия не могла по понятным экономическим и геополитическим причинам. Российская империя в новой, большевистской, ипостаси без Украины становилась пустым звуком. Поэтому вопрос о том, делать какую-то «Украинскую республику» или «отдельную» компартию – или не делать, не был принципиальным. Делалось то, что в данный момент было оправданным.

Метод организации бутафорских советских национальных государств, возникший ситуативно во время российской гражданской войны, впоследствии регулярно использовался Советами для «легитимно-добровольного» расширения территории. Последним таким реликтом была Карело-Финская ССР, к которой так и не удалось присоединить маленькую, но крепкую Финляндию и которую пришлось преобразовать из ССР в АССР, когда нейтральная Финляндия превратилась в стабильный геополитический буфер между Востоком и Западом. Заигрывания большевиков с «национальными окраинами» в конце общероссийской гражданской войны позволили образоваться *квазинациональной украинской государственности*. Возможно, что для Советов было бы выгоднее раздробить Украину в духе «Донецко-Криворожской Советской Республики», но тогда наиболее «украинская» ее часть, в пределах предлагаемой автономии лета 1917 года – Полесье, Подолье, Киевщина, Черниговщина и Полтавщина, оказалась бы потенциально

1.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КАРТА
РОССІЙСКОЙ
ИМПЕРІИ
Отъ Іоанна Грознаго до нашего времени
Масштабъ 1/16,500.000

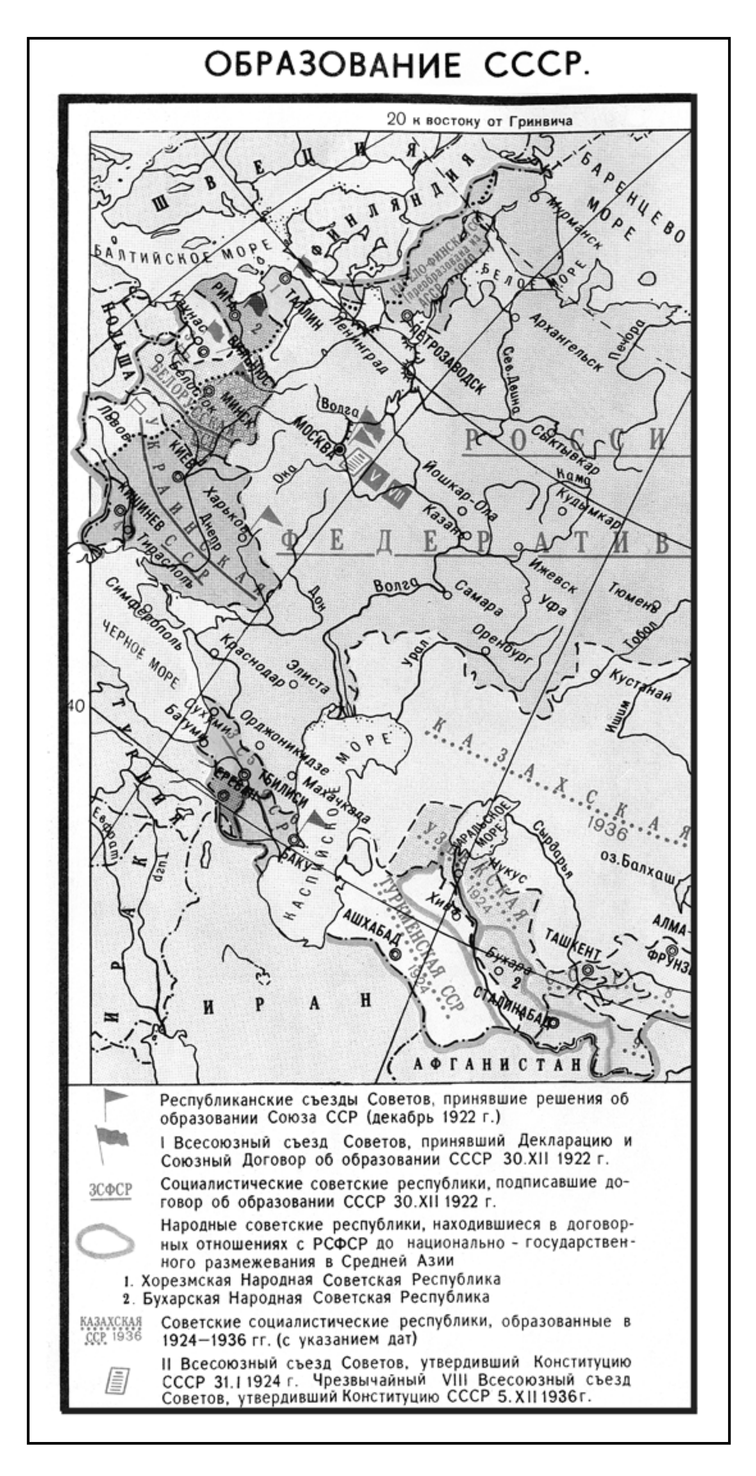
УСЛОВНЫЯ ЗНАКИ
I Россія при царѣ Іоаннѣ IV
ПРІОБРѢТЕНІЯ ЦАРЕЙ
II Іоанна IV
III Феодора Іоан.
IV Бориса Годун.
V Василія Шуйскаго
VI Михаила Федоровича
VII Алексѣя Михайловича
ИМПЕРАТОРОВЪ
VIII Петра Великаго
IX Анны Іоанновны
X Елисаветы Петровны
XI Екатерины II
XII Павла I
XIII Александра I
XIV Николая I
XV Александра II
XVI Александра III
XVII Николая II

Смысл державной жизни

Многие философы, историки и политики спорят о том, в чем должен состоять смысл «украинской национальной идеи». Вопрос сей темный и запущенный. Исследованию подлежит, но поддается с трудом. На уровне здравого смысла все те же философы, историки и политики согласятся, что смысл состоит в том, чтобы Украина достигла того состояния, когда ее существование хотя бы не будет подвергаться сомнению собственными гражданами и соседними странами. Тогда можно будет перевести дух и наконец-то подумать – ради чего? Будет ли именно тогда обретен «смысл» или же его надо изобрести заранее, чтобы вообще достичь этого состояния – пока неясно. Где здесь причины, а где следствия – тоже уловить сложно, поскольку все философские проблемы обычно сводятся к классическому вопросу о том, что было раньше – курица или яйцо. России в этом плане было проще.

Поскольку, обретя свой суверенитет (позволим себе этот более поздний термин) в 1480 г., она вышла на «старт» государством с жесткой вертикалью власти и хорошо развитым культом «державы», своей миссии «истинно православного царства». Затем Россия разрасталась быстрее, чем успевала сообразить, зачем это происходит. И что делать с теми, кто все время попадает в состав России? А число подданных все время росло. При отсутствии «естественных границ» приращение территории превращалось в оправдание существующего устройства, в некий «вечный двигатель». И пока держава росла, не могло возникать сомнений в правильности данного политического режима или его идейных оснований. Если присмотреться, все демократические реформы и «революции» в истории России случались лишь после неудачных войн (Крымской, Японской, первой мировой и проваленной «холодной»), вызывавших сомнение в «системе». Правда, если распад СССР мы не спишем на пагубное воздействие антиалкогольной кампании…

2.

ОБРАЗОВАНИЕ СССР.
20 к востоку от Гринвича
ШВЕЦИЯ
ФИНЛЯНДИЯ
БАРЕНЦЕВО МОРЕ
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
БЕЛОЕ МОРЕ
Мурманск
Архангельск
Печора
ПЕТРОЗАВОДСК
Ленинград
ТАЛЛИН
РИГА
КАУНАС
ВИЛЬНЮС
ПОЛЬША
Белосток
МИНСК
БЕЛОРУССКАЯ
Львов
КИЕВ
УКРАИНСКАЯ ССР
Харьков
Днепр
КИШИНЕВ
Тирасполь
Симферополь
ЧЕРНОЕ МОРЕ
МОСКВА
Волга
Ока
Сев. Двина
Сыктывкар
Кама
Кудымкар
Йошкар-Ола
Казань
Ижевск
Уфа
Самара
Оренбург
Тюмень
Тобол
РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ
Дон
Волга
Краснодар
Элиста
Урал
Кустанай
Ишим
Сухуми
Батуми
Орджоникидзе
Махачкала
ТБИЛИСИ
ЕРЕВАН
БАКУ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
КАЗАХСКАЯ 1936
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
Сырдарья
оз.Балхаш
Нукус
Хива
ТУРКМЕНСКАЯ ССР 1924
УЗБЕКСКАЯ 1924
АШХАБАД
Бухара
ТАШКЕНТ
АЛМА-АТА
ФРУНЗЕ
СТАЛИНАБАД
ТУРЦИЯ
ИРАК
ИРАН
АФГАНИСТАН
Евфрат
Тигр
40
Республиканские съезды Советов, принявшие решения об образовании Союза ССР (декабрь 1922 г.)
I Всесоюзный съезд Советов, принявший Декларацию и Союзный Договор об образовании СССР 30.XII 1922 г.
ЗСФСР
Социалистические советские республики, подписавшие договор об образовании СССР 30.XII 1922 г.
Народные советские республики, находившиеся в договорных отношениях с РСФСР до национально - государственного размежевания в Средней Азии
1. Хорезмская Народная Советская Республика
2. Бухарская Народная Советская Республика
КАЗАХСКАЯ ССР 1936
Советские социалистические республики, образованные в 1924—1936 гг. (с указанием дат)
II Всесоюзный съезд Советов, утвердивший Конституцию СССР 31.I 1924 г. Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд Советов, утвердивший Конституцию СССР 5.XII 1936 г.

*Мы можем взглянуть на источники психологического равновесия извечного российского гражданина. «Учебный атлас А. Ильина» (1) (нач. XX ст.) покажет нам **«Историческую карту Российской империи»**, где сия история состоит из «приобретений» пронумерованных соответственно царям и императорам, начиная от Иоанна IV (Грозного) и до Николая II, при котором успели таки чего-то прихватить в Средней Азии, пока не случилось оплошности с Японией. Утраты после 1917 г. были весьма существенны. Большевики «отпустили» наиболее «непохожих» на надежных россиян финнов, прибалтов и поляков, но, веря в «мировую революцию», не теряли надежды на возврат утраченного и приумножение числа стран социализма. Далее: похожий ракурс из школьного «Атласа истории СССР» для 9-10 классов (М., 1988) покажет нам **«Образование СССР. Развитие союзного государства (1922–1940)»** (2). Мы утешимся: большая часть утраченного – «приобретена» вновь; мы знаем, что потом был создан «мировой социалистический лагерь», что является неплохим эвфемизмом для эпохи неоколониализма. Однако советский колониализм (как и российский до 1917 г.) останется загадкой: зачем нужны такие колонии, на которые метрополия тратит больше средств, чем получает от их эксплуатации? В чем «прикол»? Когда мы ответим на этот вопрос, мы сможем постигнуть историческую траекторию России, так сказать, – «истоки и смысл».*

*В последнее время (1991) опять случились потери, – но с 2008 наконец-то можно на карте закрасить Абхазию и Южную Осетию в российские цвета – ну чего там лукавить с их «независимостью»… Правда, это можно сделать только на карте российской, никарагуанской, движения «Хамас» и острова Науру – однако неизвестно, пользуются ли последние картами, и знают ли в Никарагуа, где находятся Абхазия и Осетия… Наконец-то все опять **налаживается:** держава растет…*

слишком сепаратистской. Ее было желательно «растворить» в Большой Советской Украине, уравновешенной индустриальными и обрусевшими регионами, управляемой из более близкого к России Харькова. Таким образом, УССР территориально вынуждено повторила «буржуазно-националистическую» УНР конца 1917 г. (в переделах III Универсала Центральной Рады). Официальным обоснованием внутренних границ в СССР должны были служить *границы этнические*, хотя в данном случае им следовали отнюдь не строго, оставив значительную часть украинских этнических территорий вне УССР.

В 1920-е годы в Украине, как и по всей стране, проводилась политика «*коренизации*». В Украине это была «*украинизация*». Причиной такой политики являлось не только «заигрывание» с национальностями, но и *необходимость идеологической обработки населения в процессе ликвидации безграмотности*. Поначалу безграмотные украинцы при советской власти учились читать и писать по-украински, что формировало у них (параллельно с вдалбливанием коммунистической идеологии) также представление о естественности и легитимности украинской культуры и языка (чего относительно широких масс до 1917 г. сказать нельзя). Часть руководства Украинской ССР еще представляла собой «украинских левых», хоть и большевиков (было даже такое течение – национал-большевизм). Украинский язык внедрялся в администрации и делопроизводстве, образовании и СМИ. Суть «коренизации» состояла еще и в том, чтобы «закоренить» советскую партийную и административную структуру путем продвижения «национальных кадров», не вызывая их отторжения местными из патриотических соображений.

На практике украинизация началась в 1925 г., стала замирать к 1929 г. и закончилась в 1933 г. Недолго, прямо скажем, поэтому не стоит переоценивать ее «украинизирующие усилия»: это был лишь краткий период закрепления и распространения украинскости на фоне гораздо более долгих периодов русификации и репрессий.

Впрочем, несмотря на идеологические ограничители, этот короткий период справедливо считается целой эпохой *национального культурного возрождения* в Украине и отмечен большими достижениями в сфере национальной культуры и искусства (а если бы это длилось хотя бы лет двадцать, какие горы мы бы своротили…). Украинизация проводилась также в районах компактного проживания украинцев вне УССР (местах автохтонного проживания и на новоосвоенных землях) – на Курщине, Воронежчине, Кубани, Дальнем Востоке, что временно приостановило процесс ассимиляции украинцев в РСФСР. Но ограничивать украинизацию

начали практически сразу после ее начала: преодолели «уклон Хвылевого» (который требовал полной украинизации пролетариата), разогнали национальные творческие объединения (1928–1929), подвергли репрессиям Академию Наук, Украинскую автокефальную церковь и национальную интеллигенцию (процесс «Союза освобождения Украины» и ряд других). «Возрождение» по естественной советской логике стало *«Расстрелянным Возрождением»*. Окончание украинизации совпало с катастрофическим голодомором 1932–1933 гг. (о котором чуть дальше), после чего столицу УССР можно было уже спокойно возвратить в Киев (1934): угроз от украинского национализма больше не ожидалось.

Новый курс в языково-культурном вопросе с 1932–1933 гг. имел жесткий русификаторский характер и был направлен на уничтожение национальной интеллигенции, ограничение ее творческой активности как деятельности «националистического характера». Параллельно происходили и обычные советские «рубки леса», не имевшие «национального критерия». Просто так.

Интересным аспектом в оценках советской украинизации является бытующая среди российских историков мысль о том, что именно советская власть в результате украинизации «создала украинскую нацию». Вот, например, сотрудник Института российской истории РАН Андрей Марчуков в своей монографии «Украинское национальное движение. УССР. 1920–1930-е годы. Цель, методы, результаты» (Москва, 2006) склонен все украинское подвергать сомнению – как истинный ученый. Полемизируя с американским автором Романом Шпорлюком, автор легко сотрясает все традиционные основы украинства:

> *«Подход Р. Шпорлюка к проблеме появления “Украины” как национального организма заслуживает внимания, но после того как будет пересмотрена его основная посылка, а именно: положение о наличии “украинцев”. Такая посылка является широко распространенной, причем не только среди сторонников этногенетического подхода. Это считается как бы само собой разумеющимся, поэтому стереотипы мышления ведут и к одинаковым выводам. Но вот существовал ли “украинский народ” как некий вполне оформленный самодостаточный организм, осознающий себя таковым? Факты свидетельствуют об обратном» (с. 25–26).*

Не очень хорошо понимаю, что такое *«некий вполне оформленный самодостаточный организм»*, поскольку украинцам было необязательно исключительно из этнических украинцев формировать свою «самодостаточность» (если мы говорим о гражданской нации). Но общий подход автора вполне понятен, поскольку существует старая проблема: считать представителями определенного этноса тех, кто соответствует определенным внешним «объективным» критериям (язык, бытовая культура, религия и т. д. – «этнос-в-себе») или только тех, кто четко и сознательно, «субъективно», определяет себя представителем данного этноса (это уже «этнос-для-себя»). И сколько именно «национально сознательных» представителей (сто? миллион?) необходимо для того, чтобы А. Марчуков сказал: «Да, вы существуете»? Однозначно и доказательно разрешить эту проблему не получится, поскольку она является продолжением давнего спора о существовании этносов (наций) в объективной реальности. Пределов в разбирательствах о том, «кто я – то, что я о себе думаю, или то, что думают обо мне другие?», просто не существует. Экстремальный пример подобного конфликта – транссексуалы: все думают, исходя из внешних характерных признаков, что данный индивид – мужчина, но он сам считает себя женщиной (или наоборот). Кто же сей индивид в действительности? – А черт его знает. Но с этносами, думается, дело обстоит несколько проще. Украинский национализм, уже в силу того, что он весьма давно существует в невыгодных для себя обстоятельствах, явно имеет под собой некое надежное этническое основание, – ибо нельзя внедрить в головы миллионов (а хватало порою и сотен) совсем уж несусветную вещь, чтобы за нее люди согласились даже жизнь свою положить или же на протяжении десятилетий всячески «вредничать». Для меня простейшей реакцией на такие констатации было бы желание начать подвергать сомнению «русскость» русских, но это было бы в данной книге определенным подражанием, и я не буду. Далее А. Марчуков утверждает:

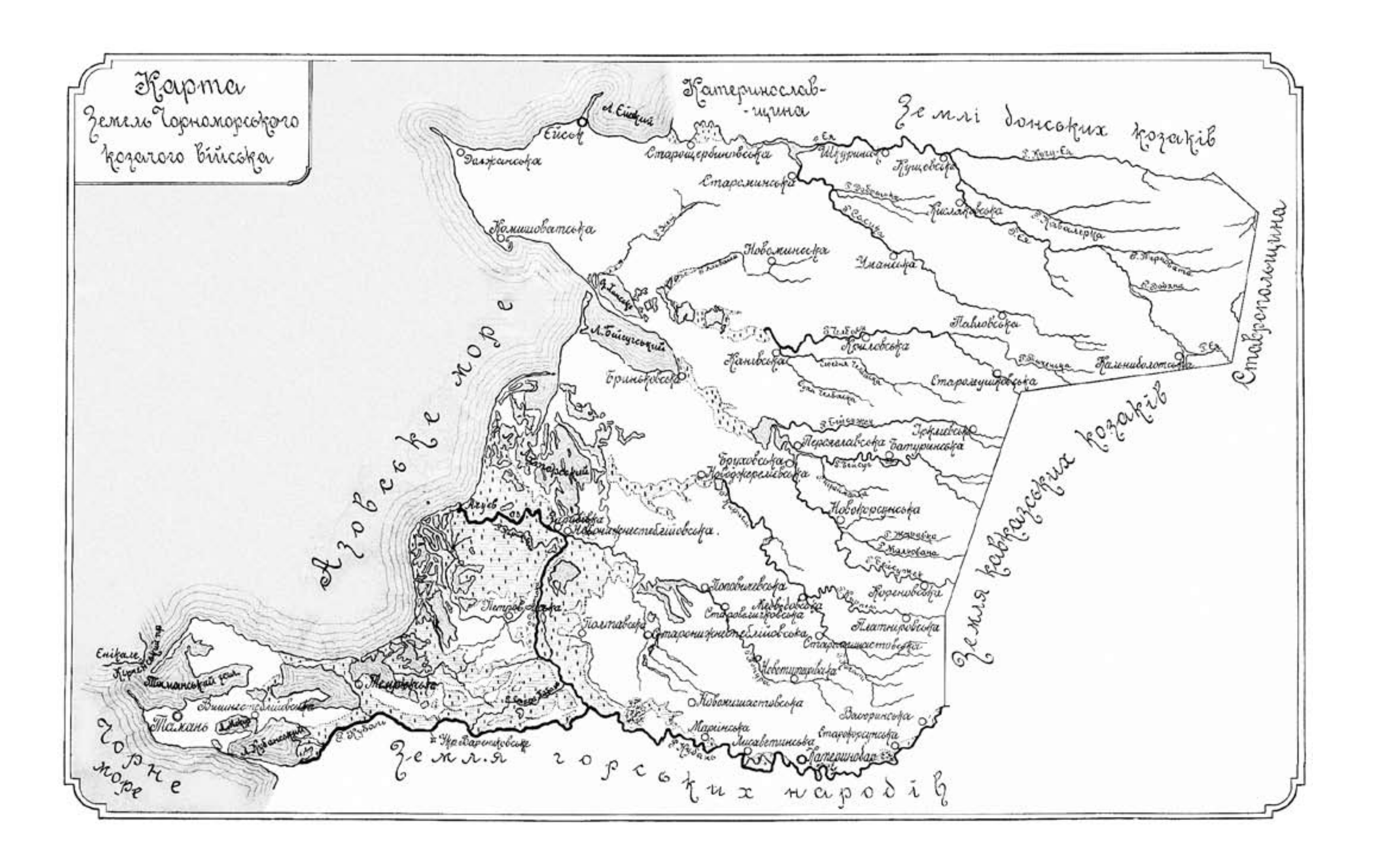
> *«По нашему мнению, решающим периодом в формировании у малорусского населения украинского национального самосознания и в становлении украинской нации вообще стала первая половина XX в., а особенно 1920-е и, как это не покажется странным, зная содержание этого десятилетия, 1930-е годы. Последние, быть может, имели для становления национального сознания и утверждения идентичности даже большее значение. Важнейшим рубежом, зафиксировавшим самосознание украинского*

> *населения и сложение украинской нации, стали Вторая мировая и Великая Отечественная войны» (с. 30).*

Если всерьез применить авторский ключевой критерий самосознания, то столь же обоснованно можно сомневаться в существовании «малорусского населения», которое потом стало «украинцами». С «малорусскостью» в таком случае проблем, логично, возникает не меньше, чем с «украинскостью». Другой российский автор, Елена Борисенок («Феномен советской украинизации», Москва, 2006) пишет:

> *«В истории становления различных наций существуют особые периоды, определяющие их дальнейшее развитие. Без сомнения, таким периодом для украинцев стала большевистская практика национального строительства, выразившаяся в политике украинизации 1920–1930-х гг.*
>
> *Коренизация была логичным воплощением взглядов большевиков на национальный вопрос в бывшей Российской империи. Лозунг самоопределения наций, обусловленный во многом чисто тактическими целями, потребовал от большевиков принять конкретные практические меры по его реализации. Собрать империю на прежней унитаристской основе было невозможно по многим причинам, и внешнеполитический фактор сыграл тут далеко не последнюю роль. В конечном итоге большевики вынуждены были поддержать лозунг создания украинского государства, конечно, в единственно приемлемой для них советской форме. Дальнейшие их шаги вольно или невольно были направлены на то, чтобы придать этому государственному образованию, национальному лишь по форме, соответствующее содержание» (с. 239).*

Выглядит это все так, как будто большевики считали необходимым реализовывать свои лозунги на практике. Если мы вспомним смысл этих лозунгов, то возникают определенные сомнения: что-то ни «национального самоопределения», ни «земли – крестьянам», ни «заводов – рабочим» так и не получилось. Так что, если уж «вынужденность» и присутствовала, то, видимо, носила какой-то иной характер. На мой взгляд, ближе к истине другой вывод Елены Борисенок:

Карта
Земель Чорноморського
козачого війська
Катеринославщина
Землі донських козаків
Ставропольщина
Земля кавказьких козаків
Азовське море
Земля горських народів
Чорне море

«Карта земель Черноморского казачьего войска». Из кн. Николая Аркаса «Історія України-Русі», СПб., 1908. Кубань – хороший пример советских способов проведения границы между русскими и украинцами.

В 1783 г. река Кубань стала границей между Османской и Российской империями. Ногайская орда, которая постоянно кочевала на Кубани, частично была уничтожена российскими войсками, частично выдворена в Ставрополье. Для заселения Правобережной Кубани (Черноморщины) использовались донские казаки и украинское Черноморское казачье войско атамана Антона Головатого. Последнему в полное владение предоставлялся Таманский полуостров и земли восточного побережья Азовского моря от Ейского лимана с севера и до реки Кубани с юга. В 1829 г. по Адрианопольскому миру вся территория Кубани (нынешний Краснодарский край) вошла в состав Российской империи, и на Левобережную Кубань начинается переселение из Украины Азовского казачьего войска. В 1860 г. после создания Кубанского Казачьего войска и объединения территории Черноморского казачьего войска с восточной частью Кубани и Левобережной Кубани, возникает отдельная административная единица – Кубанская область.

Население Кубани, начиная с конца XVIII в., в подавляющем большинстве состояло из украинцев. Для пополнения Черноморского казачьего войска и дальнейшего заселения Кубани продолжалось массовое переселение с бывшей Гетманщины и со Слобожанщины: в 1809–1811 гг. на Черноморщину было переселено 41 тыс. чел., в 1821–1825 гг. – свыше 48 тыс., в 1848–1850 гг. – около 16 тыс. чел. В 1861 г. на Черноморщине жило 189 тыс. чел., в т. ч. лишь 5 тыс. неказаков. В 1897 г. население области возросло до 1 919 тыс. (украинцев – 53 %, на Черноморщине – 80 %), в 1914 г. – уже составляло 3 051 000 (украинцев – 54 %, на Черноморщине – 80 %).

В нач. XX в. возникает украинское национальное движение, формируются местные ячейки РУП («Черноморская громада»), отделения «Просвиты», укрепляются культурные и политические связи с Украиной. Во время революции 1905–1907 гг. усиливается стремление кубанского казачества к возрождению традиционных принципов запорожского самоуправления – образуется Военная рада, кубанские делегаты принимают активное участие в работе украинской фракции в Государственной Думе.

В 1918 г. возникает Кубанская Народная Республика, которая оказывается между белыми и красными, которым национальные особенности Кубани были неинтересны. Планы ее присоединения к независимой Украине при Скоропадском не реализовались. В конце 1920 г. Кубань была занята Красной армией. До 1925 г. здесь фактически сохранялось военное положение, вызванное непризнанием советской власти кубанским казачеством и размахом повстанческого движения. Казаки были лишены избирательных прав и фактически находились вне закона. С 1925 г. в связи с политикой коренизации на Кубани начинается массовое движение за украинизацию образования, общественной и культурной жизни. По переписи 1926 г. украинцы составляли на Кубани 1 644 тыс. чел. (54,1 % населения). На украинский язык обучения переходит 746 школ Кубанского округа, работает 12 украинских педагогических техникумов, в Краснодаре открылся Северокавказский украинский институт, выходили украиноязычные газеты и журналы. В 1929 г. на Кубани начинается коллективизация, следствием которой стал искусственный голод 1932–1933 г., который совпал с насильственными процессами свертывания украинского национально-культурного развития и началом русификации Черноморщины. Вследствие голода, депортаций и репрессий украинское население Кубани утратило 25-50 % своей численности. Большинство выживших во время проведения паспортизации в 1933 г. были записаны русскими. Все украинские учебные заведения были закрыты или переведены на русский язык обучения. По переписи 1939 г. украинцы составляли на Кубани уже только 4,3 %. Куда же подевалось еще 50 % населения?

«Центральное партийное руководство не всегда могло контролировать процессы, проходившие в среде украинской элиты, поскольку, чтобы осуществить задуманное и воплотить на практике свой национальный курс, вынуждено было использовать национальную украинскую интеллигенцию. При этом среди интеллигенции далеко не последнюю роль играли уроженцы Галиции, традиционно настроенные более радикально, нежели представители Большой Украины.

Так наметилось определенное противоречие между интересами союзного и республиканского руководства: первое ориентировалось на централизаторские методы управления, второе – на бульшую самостоятельность Украины, на расширение ее прав в союзном государстве.

В этой борьбе интересов удача сопутствовала сталинскому руководству. Оно сумело полностью подчинить себе КП(б)У, применяя при этом весьма жесткие меры воздействия. Впрочем, репрессивная политика не носила избирательного характера и не была направлена исключительно на выразителей «националистического уклона». В этом плане перед Кремлем все были равны: украинцы и русские, рабочие и "спецы", крестьяне и представители творческой интеллигенции. Не избежали репрессий конца 1930-х гг. и партийные вожди Украины, внесшие решающий вклад в свертывание украинизации, – П. П. Постышев и С. В. Косиор» (с. 240–241).

В культурной политике УССР до 1923 г. этнокультурная ситуация характеризовалась эвфемизмом «борьбы двух культур» – более прогрессивной пролетарской и отсталой крестьянской, что означало приоритет развития русской пролетарской культуры за счет украинской крестьянской, т. е. очередную русификаторскую стратегию. Тем более что политические силы или режимы, проводившие в 1917–1920 гг. любую по форме дерусификацию / украинизацию, были признаны «шовинистическими», «буржуазно-националистическими» или «реакционными», что было весьма нежелательным примером для подражания.

Уступка в виде «УССР», территориально копирующей УНР, была вызвана тем, что местному населению следовало предоставить нечто такое, что ему уже обещали «националисты», – но в приемлемой для Кремля форме ситуативных административных образований «военно-политического союза советских республик». Стабилизация положения Советской России после 1921 г. позволила партийному руководству переосмыслить основания национальной политики и попытаться исправить разительное несовпадение между «этническим происхождением» молодых советских республик (с титульными нациями) и преимущественно русским национальным составом их партийных организаций (в КП(б)У, например, украинцы составляли разительное меньшинство). Не последним фактором стало то, что изгнанные за пределы советской страны «буржуазные националисты» небезосновательно критиковали за рубежом большевистскую власть за игнорирование интересов национальностей. Сочетание внешнеполитических, пропагандистских и внутриполитических факторов обусловило временное изменение «линии партии». Именно это вызвало «национальный ренессанс» 1920-х гг. в СССР, который в УССР принял характер ряда поощрительных мер в отношении к титульной национальности и национальным меньшинствам. Этапным моментом стал 1923 г. и XII съезд РКП(б), давший толчок разным региональным направлениям «коренизации». Полярные оценки этой политики зависят от того, всерьез ли вы воспринимаете обещания коммунистической партии.

В Украине новая политика означала «украинизацию», в осуществлении которой нельзя было обойтись без представителей местной национальной интеллигенции, выразителями которой остались те украинские левые, которые в 1919–1921 гг. не пошли за Директорией УНР (например, члены Украинской коммунистической партии – союзной КП(б)У организации). Они оставались в равной мере и коммунистами, и украинцами, веря, что советская власть позволит им реализовать также некие национальные украинские приоритеты. Как это ни «странно», количество «сознательных украинцев» за период бурных 1917–1921 гг. весьма увеличилось, и далеко не все они покинули пределы УССР. Многие из них оказались на важных постах в административной верхушке УССР. Особенно на ниве образования. Их, в числе многих других, привлекли для практической реализации «украинизации», и они приняли в ней активное участие, – за что и были позже наказаны, ибо этим выявили свою «контрреволюционную и враждебную сущность».

«Украинизация» парадоксальным образом некоторое время удовлетворяла в равной степени и национальную интеллигенцию, и местную

компартийную номенклатуру. Последняя старалась на фоне «национальных послаблений» выторговать себе побольше властных полномочий от союзного Центра, а сторонники украинской культуры и образования получали временную возможность попробовать легально реализовать те культурно-просветительские (отнюдь не политические) задачи, которые были поставлены еще в период Гетманата Скоропадского и Директории УНР. Верхушка же КП(б)У помнила, что до формального образования СССР в декабре 1922 г. УССР была (пусть только де-юре) субъектом международных отношений, на равном основании с РСФСР подписывая международные соглашения, – например Рижский мир с Польшей в 1921 г. То есть, были и у руководства УССР поводы для иллюзий.

Сам же союзный Центр до поры позволял харьковским коммунистам играть в украинизацию, пока борьба группировок среди верхушки ВКП(б) требовала участия и поддержки украинской партийной организации. Когда в Москве наступила «окончательная ясность», украинцам все былые «послабления» припомнили. Тогда и стало *окончательно ясно*, что «Украинская ССР» – это не какая-то форма украинской национальной государственности, а просто административная декорация, которая бросала подачку в виде признания существования украинской национальности, но брала за это весьма тяжкую и кровавую плату, порой равноценную ломанию хребта этой самой национальности. Тут уже не имело значения, карала ли советская родина всех кого ни попадя, или же только «идейных», или просто этнических украинцев.

Обратим внимание на существование некого аморального выверта поклонников «восточнославянского единства»: ну чего вы там обижаетесь, что при советской власти вас истребляли, ведь истребляли всех и вся! А что, разве столь широкий «замах» большевистской партии и карательных органов является оправданием? Как ни посмотри, украинцев все равно где-то втрое меньше, чем русских. Что русским, возможно, и «по фиг» (миллион туда – миллион сюда), украинцам – весьма существенная потеря. Чего уж о каких-то эстонцах говорить, – для них такая «арифметика» равносильна смерти. Не удивительно, что они такие «обидчивые» и «злопамятные». Не хватало у них людей на «колебания линии партии»… Может, «неблагодарным» постсоветским нациям пора начать извиняться за свою щепетильность? Именно в таких «мелочах» и прячется дьявол, – ибо подобный маленький нюанс в отношении к национальной проблеме способен превратить нормального человека в сволочь. Для такого все, как встарь: один погибший – трагедия, а миллион – только статистика. Но пора перестать думать о прошлом

«статистически», ибо прошлое – это история реальных живых людей и их реальных смертей, сколько бы их ни было.

Относительно снисходительного отношения к террору показательна позиция уже цитированного историка А. Марчукова:

> *«Перелом в судьбе национального движения произошел на рубеже 1929–1930 гг. и стал следствием резкого изменения социально-экономической политики – начала форсированной социалистической модернизации СССР, получившего название "великого перелома". Необходимость сплочения всех сил страны, пересмотр прежней нацеленности на мировую революцию в пользу защиты государственных интересов, требовали унификации и централизации всех сторон жизни Советского Союза. А это вступало в противоречие с широко пропагандировавшимся ранее правом наций на самоопределение, отношением к республикам как к основе Союза и вытекавшим из этого положением о приоритетности поддержки экономического и прочего развития республик, помощи "ранее угнетенным народам", всемерном содействии их национальному развитию, борьбе с великодержавным шовинизмом, которое автоматически подразумевало терпимое отношение к деятельности национальных движений.*
>
> *Прежний подход (точка зрения на республики как основу государственности СССР, на расширение их полномочий как гарантию национального развития их народов) вступал в противоречие с новой реальностью. Национальное украинское движение, отстаивающее именно этот подход и традиционно негативно настроенное по отношению к центру (тем более, ассоциирующемуся с Россией), оказывалось в числе тех субъектов, чья деятельность и само существование становились несовместимыми с новым курсом страны.* ***Поэтому в 1930-е гг. происходит сначала идейная, а затем организационная ликвидация структур движения и физическое устранение многих его участников. Но при этом не стоит забывать, что ликвидация движения была лишь одним из***

> ***эпизодов, пусть и значительным, в грандиозной "перетряске" страны и общества 1930-х гг».*** *(с. 559–560, выделение мое. – К. Г.).*

Ну что, товарищи украинцы, вы ощутили всю незначительность «идейной, а затем организационной ликвидации структур [украинского] движения и физического устранения участников»? Ведь не только нас «мочили», – размах-то был какой! Перетряска-то какая! Все общество! Всем досталось поучаствовать в величии советской родины. А мы тут пристаем к серьезным людям со всякими мелочами, которые у нас – малороссов вульгарных – тянут всего-то на несколько миллионов трупов. Вам же говорят: модернизация! Отряхнем, товарищи, прах с наших ног!

Что уж говорить о настроениях современной российской общественности, если сами историки частенько не ощущают, как легко выносят «приговоры» целым народам. Если исследование Елены Борисенок вполне академически корректно, то все тот же А. Марчуков не смог избегнуть некоторой вульгаризации своего «научного» подхода. Показательно, например, «трогательное» отношение А. Марчукова к украинскому языку:

> *«Чтобы наглядно представить, как выглядело и воспринималось конструирование украинского языка, стоит вспомнить пьесу Бернарда Шоу "Пигмалион, или Моя прекрасная леди". Неизвестно, что стало бы с английской культурой и Англией, если бы талантливый профессор Хиггинс не учил бы Элизу Дулитл литературному английскому языку, а вознамерился бы сделать ее говор эталоном и создать новый язык на основе кокни (cockney) – своеобразной "мовы" восточных районов Лондона и лондонского порта. А потом и обучать на нем простой народ в школах» (с. 65).*

Действительно, зачем обращать внимание на 27 млн. (столько было перед Первой мировой войной) этих «кокни» с их вульгарной «мовой»? Для 150 млн. русских цифра в 27 млн. выше было оговорено, что украинцев всего в три раза меньше – это, возможно, что-то вроде «восточного Лондона». Вспомним, что еще указы периода царизма оставляли за малороссами право создавать произведения «изящной словесности», – это от образования на народном наречии их «отсекали». Что ж, выходит, что г-н царский министр Валуев «теплее» относился к культурным «позывам»

малороссов, чем современный российский исследователь г-н Марчуков? Это ж как времена изменились…

Интересно, что приводимые этим автором тезисы частенько противоречат его весьма сдержанному отношению к украинскости:

> *«Так, в немалой степени из-за наличия украинского движения были созданы и сохранены украинская советская государственность, компартия Украины, проводилась политика украинизации. Это опосредованное воздействие движения стало весьма сильным и, в конечном счете, способствовало появлению на свет "Украины" и "украинцев"» (с. 549).*

Оставив за скобками «появление на свет», замечу, что ничего себе взлетел «восточный Лондон»! Так, что даже пришлось для «кокни» отдельную республику организовать, – а вы, кстати, не слышали, в Великобритании Восточный Лондон еще не уравняли в правах с Шотландией или Уэльсом?

Впрочем, нельзя забывать и о том, что в своей основе украинское движение, «оказывается» было подрывным и криминальным. Как замечает цитируемый автор, «*в течение первых лет после окончания Гражданской войны на Украине весьма активно действовало националистическое подполье, координировавшееся эмиграцией (в которой после войны оказалось немало адептов движения). Подполье ставило своей целью свержение большевиков и установление режима УНР – "истинной", как считали националисты, формы украинской государственности. Подполье было тесно связано с бандитизмом, получившим те годы большое распространение. Своими корнями бандитизм уходил в крестьянское повстанчество времен Гражданской войны, которое было порождено ее долгим и непростым характером, борьбой крестьянства за землю, разрывом экономических связей между городом и селом, противодействием крестьян попыткам насильно коммунизировать село*» (с. 549–550).

Откровенно жаль, что «крестьянский бандитизм» носил украинский характер, ведь крестьяне могли не любить советскую власть и без всяких националистических идей об УНР. В общем, чувствуется явная искусственность украинского движения, не имеющего никакой поддержки в массах. Какие странные выводы делало крестьянство из-за разрыва связей между городом и селом! Что же, в таком случае, заставляло это крестьянское «повстанчество» симпатизировать «националистическому подполью»?

Я неоднократно встречался с практикой отождествления любого движения сопротивления советской власти исключительно с бандитизмом. Помнится, наши доблестные «органы» так считали, хотя теперь, возможно, так принято думать в Институте российской истории соответствующей Академии наук? Крепим, товарищи историки, единство рядов, дадим отпор буржуазно-националистическим «наймитам» империализма и троцкистско-бухаринским агентам фашизма! Как показывает практика, это легко можно делать также и в рамках интеллектуальных мод начала XXI столетия, ведь А. Марчуков – выразительный «конструктивист» и, возможно, местами даже «постмодернист». Правда, эти его «крайне современные» взгляды почему-то касаются исключительно «сконструированных» благожелательной советской властью и националистическими бандитами «украинцев». Потому что автор твердо уверен в том, что уж русские с их национальным движением гораздо более естественны и избавлены от всяких там «конструктивизмов» и «бандитизмов». Они просто есть.

Но вернемся к украинцам:

> *«Создание “Украины” и украинской нации велось в советских формах, с социалистическим содержанием, и к тому же, в значительной степени руками большевиков, что вызывало раздражение и бессильную ярость националистов (с. 563). […] Пока государство было крепким, пока советское общество не было дезориентировано новыми, заманчивыми с виду, но обманчивыми по сути, идеями и теориями, пока не были подточены его моральные устои, не осмеяны и развеяны в прах его идеалы, не поставлены под сомнение его прошлое и будущее, украинское национальное движение тлело на диссидентских кухнях и в кассах американских исследовательских центров» (с. 564).*

Мне остается только присоединиться к этому скрежету зубовному и упомянутой «бессильной ярости», – поскольку эти чертовы «форма» с «содержанием» основательно портят нынешнюю украинскую жизнь, не позволяя современным украинцам вырваться из «совкового» состояния и построить хоть что-то человеческое и эффективное, что можно было бы называть «Украиной» с гордостью, а не со скрытой горечью.

Но оставим творение А. Марчукова, поскольку оно нам уже достаточно выразительно показало, как нас видят не какие-то околокремлевские

«ястребы», а обычный российский историк, потративший много усилий и труда, чтобы написать о межвоенных советских украинцах книжку на 600 страниц. Мог бы ограничиться и парой слов на заборе, – зачем было время-то драгоценное тратить?

15. К «единому советскому народу»

Очередное усиление русификаторской политики состоялось в 1940–1950-е гг., одновременно с присоединением к УССР западноукраинских земель, где существовало движение сопротивления. За это время сложилась ситуация, когда деятельность административных и партийных учреждений, делопроизводство, высшее, среднее и профессиональное образование осуществлялось на русском языке. Численность украинских школ сократилась до 20 %. В книгоиздательстве, радио, а позже и на телевидении также преобладала русскоязычная продукция. Украинская научная лексика корректировалась с целью сближения с русской терминологией и постепенного растворения. Внешние послабляющие моменты, т. н. «оттепели», для ситуации на украинском культурном «фронте» были лишь временными. Подобной «оттепелью» стало время руководства местной компартией *Петра Шелеста* (1963–1972), когда начали шире использовать украинский язык и поддерживать национальную культуру. Эта «тихая украинизация» скорее отражала объективный процесс миграции украинского населения из сел в города, усиления в них «украинского фактора», процесс урбанизации.

Возрождение в Великую Отечественную имперских традиций, символики, риторики о «великом русском народе» имело логичным результатом общий продукт российских и украинских советских историков – «*Тезисы о Воссоединении Украины с Россией*», сформулированные по случаю 300-летия Переяславской рады (1954). Если до этого в учебниках шла речь о «*при*соединении» и реакционном характере царской России, то теперь этот момент назывался *восстановлением утраченного древнерусского единства*. Считалось, что все народы присоединились к Российской империи, бывшей ранее «тюрьмой народов», «добровольно» (и сегодня употребляется термин «добровольное вхождение»). В академическом плане фундаментом «воссоединения» была *теория «древнерусской народности», которая*

лишь переформулировала дореволюционный тезис о триединой русской нации. Причиной «возникновения» украинцев в XIV в. (согласно советской хронологии) стал захват части древнерусских земель Литвой, что, видимо, повлекло за собой «порчу» части «истинно русского» населения. Если до этого в интерпретации украинской истории еще витал сдобренный более интенсивной классовой борьбой дух украинского социалиста-народника Грушевского, то теперь эта история окончательно выхолащивалась до исторического и окончательного решения Хмельницкого о «воссоединении».

В 1970-е гг. в национальном вопросе в СССР воцарилась концепция «*формирования единого советского народа*», которая означала на практике ускорение ассимилирующих процессов, одним из традиционных инструментов которых оставалась русификация. С тогдашней точки зрения, украинцы родились только для того, чтобы раствориться в русскоязычном советском пространстве. В Украине проводником русификаторской политики была республиканская компартия во главе с *Владимиром Щербицким* (1972–1985). Ослабление политики русификации совпадает с «перестройкой» и процессом очередного национального возрождения в Украине.

Некая теоретическая польза для Украины от советской власти была в «*собирании украинских земель*». Хотя ранее это «собирание» уже происходило – при УНР, уничтоженной Советами. В 1939 г. была присоединена к УССР Западная Украина, в 1940 г. – Южная Бессарабия и Северная Буковина. В 1954 г. был «подарен» Крым, который был лишь частично украинским и после депортации татар пребывал в разрухе (и до сих пор является дотационным регионом, но о Крыме подробнее – в следующей главе). Понятно, что Сталин, заслугой которого являются наибольшие за XX в. приращения Московского государства, делал это не из симпатии к украинцам, а с целью расширить свою империю. Новые части присоединялись к уже заранее подготовленным «национальным республикам» типа УССР, БССР, Молдавской АССР, повышенной в статусе до ССР. Каждая «воссоединенная» и «добровольно вошедшая» земля заплатила советскому режиму за свое «воссоединение» положенную кровавую дань – уничтожаемой интеллектуальной и экономической элитой, коллективизацией, репрессиями против широких масс населения: от расстрелов до депортаций. Заметим, что присоединения к Украине, осуществленные Сталиным, делались *лишь за счет других государств*, а по внутренним границам *в пределах СССР ее скорее урезали – вопреки декларированным принципам «этнических границ»*.

За годы советской власти произошла индустриализация и *урбанизация*, из преимущественно аграрного региона Украина превратилась

в индустриально-аграрный. Свыше 70 % ее населения теперь живет в городах. Получив при Хрущеве паспорта, украинские селяне все интенсивней стали перебираться в города, «поближе к цивилизации», что повлекло за собой выравнивание перекоса в социальной структуре украинского этноса: все больше его представителей привлекалось в различные ниши индустриального общества. Сегодня уже не скажешь, как в 1917 г., что украинцы – это крестьянский народ и малочисленная интеллигенция. Традиции аграрного общества, конечно, еще живы, даже в Украине XXI в.: это и наличие у большинства горожан «бабушки в селе», и их симпатии к садоводству и огородам, и сильные структуры кумовства и землячеств от рядовых граждан до власть предержащих – социальная инерция велика во всех изменяющихся обществах. Однако урбанизация не только массово привлекала украинцев в города и на заводы, но и в культурном плане растворяла их, ассимилируя в общесоюзном русскоязычном пролетарском пространстве. Они осваивали в городе «базовый русский» или начинали говорить на смешанном суржике.

Поскольку советское государство ожидало (и желало) скорее гибели украинской культуры, чем ее возрождения, то оно, следовательно, не заботилось о сохранении украинского культурного стандарта, что подразумевало бы какую-то поддержку национального языка по мере социального роста и расширения кругозора его носителей. В социальных статусах украинцев сохранялась старая имперская иерархия: крестьяне-«хохлы» остались «хохлами», такими же хозяйственными, но туповатыми и хитрыми, более продвинутые «малороссы» стали «украинцами», «мазепинцы» превратились сначала в «петлюровцев», а потом в «бандеровцев». Как и сто лет назад, культурный и карьерный украинец должен был говорить по-русски, а украинский язык – это для бескультурных сельских жлобов и декоративной полупровинциальной украинской интеллигенции. Говорить по-украински – считалось унизительным социальным и культурным диагнозом второсортности человека. Делая карьеру, советский украинец «перерастал» украинский язык и начинал снисходительно смотреть на еще сохранивших его отсталых собратьев.

Еще одна сторона советской урбанизации – *маргинализация*, все более углубляющийся и расширяющийся упадок городской культуры. В пролетарской массе советская власть не развивала потребности культурно совершенствоваться, поскольку рабочий человек – это уже вершина развития, гегемон, мера всех вещей. Комфорт, чистота и вежливость – это привычки буржуазных высших классов. Поэтому вне производства такой человек обычно превращался в агрессивного хама, и даже в больших городах Украины нормой

стали грязь, выбрасывание мусора из окон и загаженные лифты. (Поэтому сейчас так трудно приживаются у нас цивилизованные нормы человеческого общежития – от «родного» подъезда до общественного туалета.) Советский человек привыкал счастливо жить в дерьме, в загрязненной (им же) социальной и природной среде, а когда, с концом Союза, появилась возможность в дерьме не жить – он начал испытывать культурный шок и ностальгию по старым «славным» временам. *Хамство как глобальное социальное явление – основное гуманитарное наследие советской власти.* В этом плане многие и украинцы, и жители Украины других национальностей представляют собой население с искаженной системой ценностей: и те, и другие – «*совки*». Доводы о том, что СССР был сверхдержавой в области образования и науки, запускал ракеты в космос и т. д., – по меньшей мере, несерьезны, поскольку для этого потребовалось расстрелять миллионы, угробить сельское хозяйство, превратить страну в свинарник, а каждого человека – в потенциального вора и беспринципного приспособленца, воспитать десятки миллионов рабски послушных и по-дебильному этим же счастливых «маленьких людей-винтиков». Такой механизм достижение величия – одно из свойств российско-советской «цивилизации».

Многие страны, не запускавшие ракеты в космос, жили и живут гораздо более достойно с любой точки зрения. СССР унаследовал от старой России огромный комплекс неполноценности – желание быть сверхдержавой, не будучи способным предложить миру что-то более интересное, чем благосостояние и свобода, уже монополизированные «коварным» Западом. Пугать весь мир из космоса, бегая при том по земле без штанов, – вот стиль российско-советской сверхдержавы и особенность ее «цивилизации». Создавать великую культуру и науку на фундаменте бесправия, крови и хамства, раздувать мыльный пузырь величия за счет унижения человека, взращивать варварство, вооруженное атомной бомбой, – весьма сомнительное «продвижение» по пути прогресса.

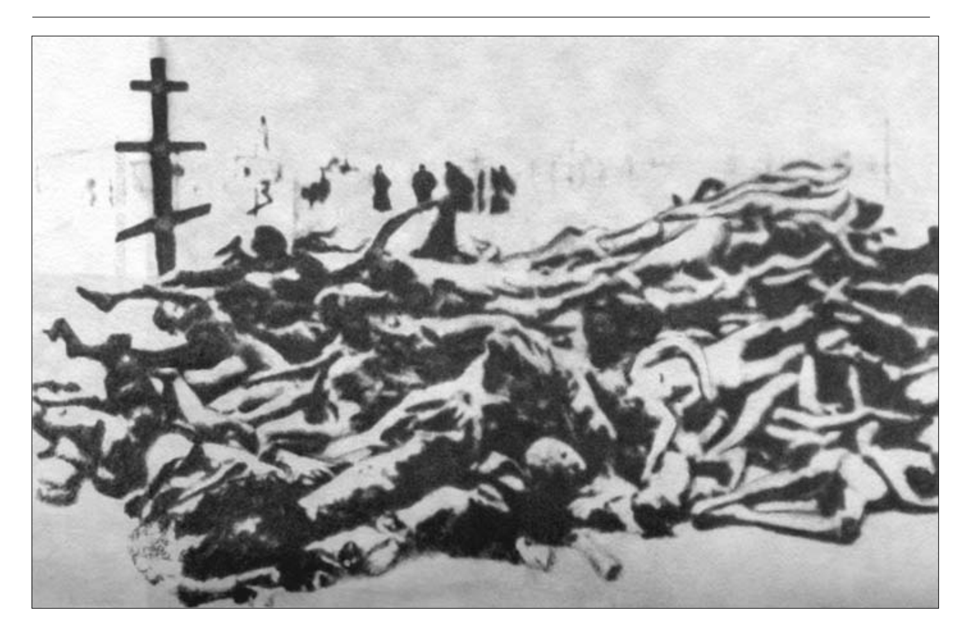
Грустно и прискорбно, что взращенный комплекс неполноценности безболезненно передался «новой России», которая еще не может придумать какой-то новой сверхценной идеи (типа коммунизма), но, тем не менее, мечтает о возрождении, как минимум, российского имперского величия. Однако большинству россиян (если верить соцопросам) в этой атмосфере вполне комфортно; по телевизору бравые спецназовцы интенсивно «мочат» разнообразных неславян (похоже, Россия снова «вспряла ото сна» в естественных для себя проявлениях). Неужели старый французский просветитель Монтескье, писавший в XVIII в., что Россия в силу своих размеров просто не может избежать деспотизма, был прав *навсегда*?

Но вернемся к украинцам. Ассимиляция в больших городах к середине 80-х была еще слишком свежа, и поэтому в том же Киеве «перестройка» способствовала тому, что *очень быстро не то выкристаллизовалась, не то возродилась украинская идентичность*, которая держится на этнической памяти, ощущении украинского культурного единства и более хорошем образовании и кругозоре. Городская украинская культурная среда была подготовлена советской властью к билингвизму – двуязычию, при котором для разных сфер жизни и в общении с разными людьми используются разные языки: где-то – украинский, где-то – русский. Теперь (но, увы, не везде в русскоязычном украинском пространстве) показателем культурности человека становится *правильность* обоих используемых языков, и качественный, богатый украинский уже может служить предметом уважения к его носителю.

Заметим, что сейчас никак невозможно (как бы кому-то ни хотелось) организовать в Украине дискриминацию того же русского, поскольку он де-факто более чем жив: – он используется, на нем говорят, пишут и думают. Поэтому пугать русскоязычных «запретами» – это только для слабонервной аудитории. Относительно же Западной Украины можно сказать, что, в силу культурных отличий и традиций, а также из-за более позднего «воссоединения» растворить и ассимилировать ее Советам было гораздо сложнее, что, собственно, и не получилось, – там удалось навязать только внешние формы советской жизни. К неистребимым реликтам прошлого, не изувеченным тоталитаризмом, можно отнести, к примеру, хороший кофе – как традицию (он «начинается» сразу за старой австрийской границей), большую вежливость и качество обслуживания – вещи, весьма полезные в жизни обычного человека. Не всюду, оказывается, проникли «высокие стандарты» власти народа.

16. Рай мертвецов

Украина, кроме описанных выше социальных изменений, вынесла из СССР максимально обедненный и изувеченный украинский язык, расстрелянную и подорванную культуру, советскую ментальность и мифологическое сознание населения, жившего 70 лет в воображаемой реальности, привыкшего к навязчивой заботе государства и отвыкшего от проявлений

Геноцид, которого «не было»

Эта фотография лишь просто очень похожа на достижения Адольфа Гитлера и лишь случайно относится к 1933 г., СССР. Советская народная власть - но просто, видимо, «перегибы на местах», так сказать, «головокружение от успехов».

инициативы. Постсоветский кризис 90-х – не только результат чьих-то действий или бездействия, но *логичный результат развития системы*, которая уже гнила и должна была, видимо, догнить до конца в ситуации малоквалифицированного политического менеджмента.

К этому следует добавить катастрофические *демографические потери*, ведущие к сокращению населения и его старению. Это не значит, что в последние десятилетия кого-то массово истребляли. Просто на объективный процесс изменения модели семьи в городах (с малым числом детей), сокращения рождаемости и роста смертности в ухудшившихся экономических условиях накладываются переданные через поколения циклы «не родившихся и не родивших» после… – а далее следует список, который пострашнее самого страшного сна.

В 1914 г. население в современных границах Украины составляло **46 млн человек**, из них «малороссов»-украинцев – около 32,7 млн. Далее. Первая мировая и последующие войны – погибшие, выехавшие, эмигрировавшие не поддаются точному исчислению; голод 1921 г. – 300–350 тыс. умерших.

По мнению историков (Станислав Кульчицкий), с высокой степенью вероятности можно утверждать, что к концу 1920-х прирост народонаселения едва смог компенсировать потери 1914–1923 гг.

В 1930 г. население (всех национальностей) в современных границах Украины достигло **41,776 млн человек**. Далее: коллективизация и геноцид 1932–1933 гг – **3–6 млн*** (**от 7 до 14 % населения**, по различным методикам исчисления); массовые репрессии 1929–1938 годов – арестовано свыше 650 тысяч человек, погибло (расстрелянных или в лагерях) от трети до половины из них; депортации населения приграничных областей УССР в 1935–1941 гг. – 40 тыс. поляков, более 23 тыс. поляков и немцев; депортации населения Западной Украины 1939–1941 гг. – более 200 тыс. (процент погибших – аналогичный); Вторая мировая война – **8 млн (19 % населения);** голод 1946 г. – до 1 млн человек; на Западной Украине в 1944–1952 гг. репрессиям подверглось свыше 500 тыс.(убито – более 150 тыс., депортировано – более 200 тыс., из них погибло более трети). Вообще же за 1936–1952 гг. на спецпоселения из УССР было отправлено свыше 552 тыс. граждан. Сколько погибло на поселениях, сколько осталось, сколько вернулось?

Итак, **1959 г.**: население в современных границах Украины достигло **41,869 млнчеловек**, т. е. **было существенно меньшим, чем в 1914 г**. Цифры 1914 г. население Украины достигло лишь **в первой половине 60-х**. И уточним: мы ведем речь не об украинцах как таковых, а ***обо всем населении Украины***. Естественно, что проблемы, которые касаются

* Неплохо было бы еще подсчитать десятки тысяч украинцев, погибших тогда же на Северном Кавказе.

И снова в братской семье…

Не путать с Бухенвальдом: это процветающая Советская Украина.

*Меня всегда интересовало: что чувствовали люди, которых **такими** фотографировали – в Украине (1933), в Бухенвальде (1945)? И чувствовали ли что-то? Что в них осталось человеческого, смогли ли они снова **ожить**? Многие ли из них потом говорили: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство» или «Спасибо фюреру Гитлеру»? Сколько лет живет ужас от такой жизни, на сколько десятилетий ломается психика людей? Лев Троцкий говорил, что память о голоде живет в трех поколениях, которые **боятся**.*

Поиски врагов

Иностранная журналистка с голодающим ребенком. Харьков, 1933. Иностранные так называемые правозащитные организации почему то всегда возражали против того, что в СССР людей уничтожают миллионами. Странные эти западные люди – нашли проблему! Советских – их чем больше мочишь, тем более счастливы и благодарны оставшиеся. Именно так достигается советское счастье: спасибо, что живой и посему к любым свершениям готов!

лишь сельского населения (конфискация зерна, раскулачивание и террор голодом) били в основном по украинцам. Зато «большой террор» 1937–1938 гг. косил без разбора представителей всех национальностей. От советских голодов 1921 г. и 1932–1933 гг. не пострадали только жители Западной Украины, которым повезло находиться в то время под панской Польшей (там стеснялись совсем лишать население пищи). Они же меньше пострадали и от голода 1946 г., поскольку деятельность «бандеровцев» не позволила советской власти конфисковать зерно в необходимых для полноценного «счастья трудящихся» объемах. Правда, власти компенсировали эту недоимку депортациями и расстрелами по «националистическим» статьям.

Перестроечный и чернобыльский спад рождаемости начался в 1986 г., и позитивный рекорд переписи 1989 г. – **51,452 млн человек** – в ближайшие десятилетия вряд ли будет снова достигнут. К концу первого десятилетия XXI в. численность населения Украины «опустилось» ниже **47 млн** (Госкомстат Украины). Усилила этот процесс массовая эмиграция конца 80-х и первой половины 90-х. Это означает, что в ближайшие десятилетия все меньшее количество молодых украинцев будет содержать все большее число украинцев пожилых.

Основной демографический удар славной эпохи советской власти был нанесен по украинскому крестьянству, приведя его к покорности и деморализации – тому, что ученые называют *«постгеноцидным синдромом»*. Если сравнивать народы с биологическими единицами, то для украинцев голод 1932–1933 гг. был чем-то вроде популяционной катастрофы, ставящей под сомнение перспективы генофонда этой популяции. Так давайте уточним теперь наш взгляд на геноцид.

С ним, кажется, все просто: советской стране нужен хлеб на экспорт, поскольку нужна валюта на индустриализацию. Рабочие (пролетариат-гегемон), опять же, хотят кушать на стройках заводов этой самой индустриализации. Крестьяне же продовольствие в нужных объемах добровольно не сдают – неохота им почему-то *бесплатно отдавать* выращенный хлеб. Значит, нужно его отобрать. Если все равно нормы сдачи не соблюдаются – наказать, не оставить им на прокорм вообще ничего. А чтобы не разбегались, дабы «урвать» еды себе где-то еще, – оцепить районы, где уже нечего жрать, и не выпускать! Если сдохнет от 3 до 6 млн хохлов – туповатых сельских жлобов, – никаких гуманитарных потерь от этого не случится… Страшно слушать рассказы коллег-историков, которые после независимости первыми окунулись в этот «исторический материал». Люди (а историки – это живые люди) были более чем в шоке. К жуткой информации о гитлеровских концлагерях мы немного попривыкли, а вот чтобы в родной советской стране такое… и не каких-то там «врагов народа» – а кого угодно, просто так, без статьи, без повода, без имени... И если Гитлеру для уничтожения евреев пришлось кое-какие бумажки оформить (об «окончательном решении» еврейского вопроса), то советской власти было просто незачем и не для кого обосновывать причины того, почему в украинских селах (а это Украина – житница) люди едят крыс, собак, своих детей, а потом, если не помирают, почему-то сходят с ума.

Документов, доказывающих эти факты, то, что *это действительно было,* – предостаточно. Нужно только иметь совесть и очень крепкие нервы, чтобы признавать очевидное и понимать. Кто-то не хочет или не может? *Чем больше узнаешь о советской родине – тем больше удивляешься тому, как сильна кое-где ностальгия по этому палаческому «братству».*

Кстати, некоторым голодным гражданам удавалось вырваться из оцепления, но это им уже не помогало. Моя бабушка, вспоминая Киев того славного 1933 г., как бы между прочим говорила: «Да, помню, как в парадное приходили страшно опухшие люди и тут умирали». Бабушка ездила с киевскими комсомольцами убирать урожай в вымершие села, где валялись трупы. Велика сила советской власти: люди живут рядом с ужасом, но он становится для них постепенно *нормальным явлением жизни*.

Так был ли это *геноцид*? Нет бумажки с текстом: «Заморить голодом хохлов». То есть – не хватает юридического обоснования. А что выдохло столько – разве это проблема? Не геноцид, а просто «решение актуальных хозяйственных задач». А как-то, по случаю очередной годовщины Голодомора, в телепередаче депутат от украинских коммунистов сообщил, что – таки да, таки умерли от голода, но ведь «надо было пролетариат

кормить». Вот такая нечеловеческая логика… и удивляешься грустному факту: ведь только *случайное* «выпадение» СССР из числа союзников Гитлера обусловило то, что *нацизм* осужден гуманным человечеством, а *большевизм* – режим и идеология, плодящие подобных моральных уродов, а их садистская «партия» – нет.

Обратимся к первоисточникам. Для примера нам придется прочитать длинный документ*:

Постановление Политбюро ПК ВКП(б)
«О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области»,
14 декабря 1932 г.

Приложение
Секретно
Не для печати

О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области
Постановление ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР от 14 декабря 1932 г.

[…] ЦК ВКП(б) и СНК СССР постановляют:

1. Обязать ЦК КП(б) Украины и Совнарком УССР, под личную ответственность тт. Косиора и Чубаря, закончить полностью план заготовок зерновых, подсолнуха до конца января 1933 г.

2. Обязать Северо-Кавказский крайком и крайисполком, под личную ответственность тт. Шеболдаева и Ларина, закончить полностью план заготовок зерновых к 10–15 января 1933 г., а подсолнуха к концу января 1933 г. […]

4. Ввиду того что в результате крайне слабой работы и отсутствия революционной бдительности ряда местных парторганизаций Украины и Северного Кавказа в значительной части их районов контрреволюционные элементы – кулаки, бывшие офицеры, петлюровцы, сторонники Кубанской Рады и прочие, сумели проникнуть в колхозы в качестве председателей или влиятельных членов правления, счетоводов, кладовщиков, бригадиров у молотилки и т. д. Сумели проникнуть в сельсоветы, земорганы, кооперацию и пытаются направить работу этих организаций против интересов пролетарского государства и политики партии, пытаются организовать контрреволюционное движение, начав с саботажа хлебозаготовок, саботажа сева, – ЦК ВКП(б) и СНК СССР

* ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 1. 1918–1933 гг. / Сост. Л. С. Катагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. – М., 2005. – С. 696–698.

обязывают ЦК КП(б) Украины, Севкавкрайком, СНК Украины и Крайисполком Северо-Кавказского края решительно искоренить эти контрреволюционные элементы путем арестов, заключения в концлагеря на длительный срок, не останавливаясь перед применением высшей меры наказания к наиболее злостным из них.

5. ЦК и СНК указывают партийным и советским организациям Советского Союза, что злейшими врагами партии, рабочего класса и колхозного крестьянства являются саботажники хлебозаготовок с партбилетом в кармане, организующие обман государства, организующие двурушничество и провал заданий партии и правительства в угоду кулакам и прочим антисоветским элементам. По отношению к этим перерожденцам и врагам советской власти и колхозов, все еще имеющим в кармане партбилет, ЦК и СНК обязывают применять суровые репрессии, осуждение на 5–10 лет заключения в концлагеря, а при известных условиях – расстрел.

6. ЦК и СНК отмечают, что вместо правильного проведения национальной политики в ряде районов Украины украинизация проводилась механически, без учета конкретных особенностей каждого района, без тщательного подбора большевистских украинских кадров, что облегчило буржуазно-националистическим элементам, петлюровцам и прочим создание своих контрреволюционных ячеек и организаций.

7. В особенности ЦК и СНК указывают Северо-Кавказскому крайкому и крайисполкому, что легкомысленная, не вытекающая из культурных интересов населения, небольшевистская украинизация почти половины районов Северного Кавказа, при полном отсутствии контроля за украинизацией школы и печати со стороны краевых органов, дала легальную форму врагам советской власти для организации сопротивления мероприятиям и заданиям советской власти со стороны кулаков, офицерства, реэмигрантов-казаков, участников Кубанской Рады и т. д.

В целях разгрома сопротивления хлебозаготовкам кулацких элементов и их «партийных» и беспартийных прислужников, ЦК и СНК Советского Союза постановляют:

а) выселить в кратчайший срок в северные области СССР из станицы Полтавской Северного Кавказа как наиболее контрреволюционной, всех жителей, за исключением действительно преданных советской власти и не замешанных в саботаже хлебозаготовок колхозников и единоличников, и заселить эту станицу добросовестными колхозниками-красноармейцами, работающими в условиях малоземелья и на неудобных землях в других краях, передав им все земли в озимые посевы, строения, инвентарь и скот выселяемых;

«Год 1933»

Художник Виктор Цимбал. Из кн. Б. Горыня «Туга Віктора Цимбала». – К., 2005.

Кто вспомнит о миллионах умерших от голода на самой плодородной в Европе земле? Только «зарубежные украинцы». Более пятидесяти лет память о геноциде украинцев 1932–1933 годов сохранялась лишь украинской политической эмиграцией. Большому цивилизованному миру, за исключением единиц ученых-советологов (светлой памяти Роберта Конквеста), были в основном безразличны печальные воспоминания одного из счастливых советских народов. Виктор Цимбал (1901–1968) – один из выдающихся украинских графиков. Юношей воевал в Армии УНР, с ней был интернирован в Польше, жил в Чехословакии, Франции, Аргентине, США.

Ответственность за проведение этого решения возложить на тт. Ягоду, Гамарника (с заменой т. Булиным), Шеболдаева и Евдокимова;

б) арестованных изменников партии на Украине (как организаторов саботажа хлебозаготовок), бывших секретарей районов, предисполкомов, заврайзу, предрайколхозсоюзов, а именно: Ореховский район – Головина, Пригоду, Паламарчука, Ордельяна, Луценко; Балаклейский район – Хорешко, Уса, Фишмана; Носовский район – Яременко; Кабелякский район – Ляшенко; Большетокмакский район – Ленского, Косяченко, Дворника, Зыка, Долгова – предать суду, дав им от 5 до 10 лет заключения в концентрационных лагерях;

в) всех исключенных за саботаж хлебозаготовок и сева коммунистов выселять в северные области наравне с кулаками;

г) предложить ЦК КП(б)У и СНК Украины обратить серьезное внимание на правильное проведение украинизации, устранить механическое проведение ее, изгнать петлюровцев и другие буржуазно-националистические элементы из партийных и советских организаций, тщательно подбирать и воспитывать украинские большевистские кадры, обеспечить систематическое партийное руководство и контроль за проведением украинизации;

д) немедленно перевести на Северном Кавказе делопроизводство советских и кооперативных органов украинизированных районов, а также все издающиеся газеты и журналы с украинского языка на русский язык как более понятный для кубанцев, а также подготовить и к осени перевести преподавание в школах на русский язык. ЦК и СНК обязывают крайком и крайисполком срочно проверить и улучшить состав работников школ в украинизированных районах;

е) в отмену старого решения разрешить завоз товаров для украинской деревни и предоставить тт. Косиору и Чубарю право приостановить снабжение товарами особо отстающие районы, впредь до окончания хлебозаготовительного плана.

Председатель СНК Союза ССР В. Молотов (Скрябин)
Секретарь ЦК ВКП(б) И. Сталин

В примечаниях составителей сборника документов есть еще некоторые интересные моменты:

«В проекте постановления Политбюро ЦК, подготовленном комиссией, имела пункт “Особое постановление”, в котором говорилось: “ЦК решительно осуждает выступления и предложения, исходящие от отдельных украинских товарищей, об обязательной украинизации целого ряда районов СССР (например, в ДВК [Дальневосточном крае], Казахстане, Ср. Азии, ЦЧО [Центрально-черноземной области] и т. д.). Подобные выступления могут только быть на руку тем буржуазно-националистическим элементам, которые, будучи изгнаны из Украины, проникают во вновь украинизированные районы и ведут там разлагающую работу.

Поручить крайкому ДВК, обкому ЦЧО и Казахскому крайкому немедленно приостановить дальнейшую украинизацию в районах, перевести все украинизированные газеты, печать и издания на русский язык и к осени 1933 г. подготовить переход школ и преподавания на русский язык”.

Проект постановления комиссии подвергся правке И. В. Сталина и Л. М. Кагановича. В окончательный вариант “Особое постановление” не вошло, а 15 декабря 1932 г. было оформлено отдельным постановлением “Об украинизации в ДВК, Казахстане, Средней Азии, ЦЧО и других районах СССР”».

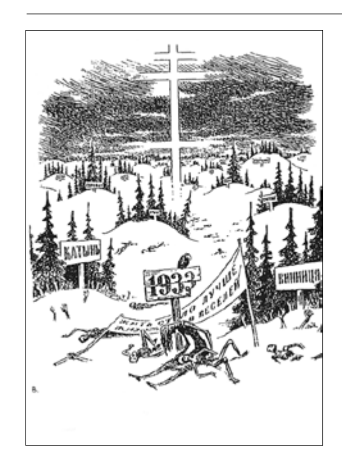
Ну, как впечатления? Надеюсь, теперь читатель не будет считать гитлеровцев изобретателями концентрационных лагерей? Или он станет сомневаться в том, что состояние хлебозаготовок и состояние украинизации – какие-то независимые друг от друга вещи? Или у него останутся вопросы о национальности жителей станицы Полтавской? или о трогательной лояльности крестьянства и новообращенных колхозников? или относительно тех гадких идей, которые лелеяли эти самые «контрреволюционные элементы»? Во всяком случае, этот текст показателен в вопросе о том, на каких документах основываются «геноцидные претензии» украинцев. Тут действительно не написано: «уничтожать украинцев». Тут просто решаются

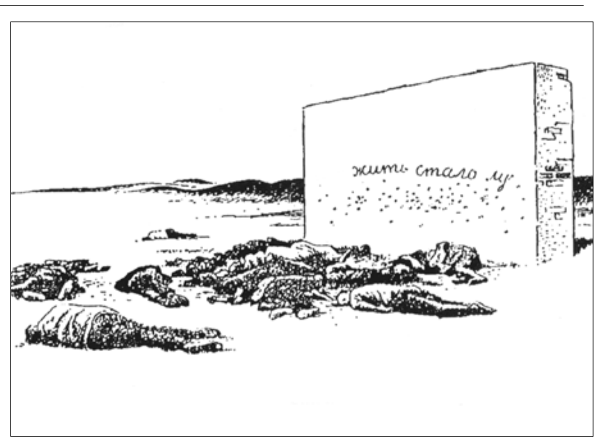
конкретные народнохозяйственные задачи и корректируется образовательная политика. Зато теперь понятно, каким загадочным образом начали исчезать этнические украинцы на территории РСФСР.

Также удивляют постоянные реплики с российской стороны о том, что «муссирование темы Голодомора» – это, дескать, «недружественный шаг по отношению к России». Мол, голод был практически везде в хлебных районах, вот смотрите – половина казахов вымерла. Но несчастные казахи тут не пример: им запретили кочевать, «осадили», а научить заниматься земледелием не успели. Извините – так получилось… Конечно, советская власть пыталась террором вытравить дух индивидуализма и собственничества у крестьян везде. Но только на Украине у них отнимали *всю* пищу, и только Украину и Кубань оцепляли заградотряды НКВД. Только относительно хлебозаготовок на Украине и Кубани в одном постановлении фигурировали и заготовки, и сворачивание украинизации. «Свернули», нечего сказать, – так, что нескольких миллионов человек не досчитались. И если в самой России голод, возможно и не явился чрезмерным ударом по демографическим и культурным ресурсам, то для Украины, в которой крестьянство всегда было надежным резервуаром украинскости и свободолюбия, Голодомор стал переломом позвоночника этноса. Запуганные и забитые до скотского состояния, выжившие уже не будут сопротивляться «народной власти». Да, будут встречать немцев хлебом-солью и сдавать им партизан и коммунистов. Да, будут по возможности бежать в города, а оставшиеся – тихо спиваться.

И теперь, вместо того чтобы вместе осудить преступления этого нечеловеческого режима, говорят о «недружественных шагах». А Голодомор – это был «дружественный шаг»? Кстати, в новейших российских учебниках пишут, что одной из причин сталинских репрессий является «*стремление обеспечить максимальную эффективность управленческого аппарата*», а итоги кровавых чисток представлены как «*формирование нового управленческого класса, адекватного задачам модернизации в условиях дефицита ресурсов*». При таком-то отношении к своей истории (это – не о голоде и не об украинцах) вообще нечего выставлять украинцам какие-либо претензии. Почему в современной Германии не пишут в учебниках, что «уничтожение евреев имело целью культурное единение Германии, а развязывание Второй мировой войны – ее модернизацию»?

И относительно того, что Украина, мол, может выставить России какие-то материальные претензии, – это все лукавство. *Украинские* коммунисты

На темы Пушкина

У каждого времени и обстоятельств – свое восприятие Пушкина. Тут у нас два рисунка из цикла Виктора Цимбала «Лукоморье»: ***«Там лес и дол видений полны»*** *(«Катынь» – место казни НКВД 22 тысяч польских офицеров и служащих в 1940 г., «Винница» – казнь 9 тысяч человек в винницкой тюрьме НКВД в 1936-1938 гг., «1933» - и так понятно) и* ***«Там на неведомых дорожках следы невиданных зверей».*** *Из кн. Б.Горыня «Туга Віктора Цимбала». К., 2005.*

сами тогда с большим энтузиазмом уничтожали свой народ, стараясь «перевыполнить» план хлебозаготовок, спущенный из Москвы. Последние крохи отбирал у голодающего свой же брат-украинец.

Усилия оносительно формального признания Голодомора «геноцидом» по нормам международного права вряд ли увенчаются успехом (по тем же формально-юридическим причинам – нет документа с текстом: «Извести хохлов»), – но *моральная* позиция, отношение, оценки останутся. И поэтому признания факта геноцида нужно продолжать требовать, поскольку это действительно – дело принципа, показатель того, насколько мы еще остаемся нормальными людьми. 28 ноября 2006 г. Верховная Рада Украины приняла решение о признании Голодомора геноцидом. Голосование по этому решению показательно: оно засвидетельствовало, какие нынешние украинские партии не имеют никакой моральной позиции в этом вопросе, – ими оказались коммунисты и Партия регионов.

Самые счастливые для советских граждан брежневские годы были вершиной развития советской системы: безнадежно проигрывая Западу в развитии экономики, технологий (и особенно – в их

применении в жизни), оставаясь на уже отсталом этапе технического развития, СССР расцвел на нефтедолларах, что являлось не заслугой «системы», а результатом ближневосточного кризиса. *Именно тогда и возник столь популярный сегодня в России принцип в отношениях с Украиной – «посадить на трубу».* Основной загадкой остается то, почему страна, обладающая столь необычайными ресурсами и бесконечной территорией, не может дать своим гражданам достойного и цивилизованного образа жизни. Украинцы, наследуя имперское российское и советское прошлое, точно так же не способны пока рассчитать свою рентабельность, занимая между Россией и Голландией промежуточное положение по населению и территории, но, не имея Сибири и Дальнего Востока, почему-то не могут разобраться со своими ресурсами и начать экономить.

ПОСЛЕ 1991: ЭВОЛЮЦИИ И РЕВОЛЮЦИИ

Логично уделить время и оживленной современности. Торжество советской власти остановило реализацию украинской национальной программы на второй фазе – создания независимой государственности. Ситуация повторилась более успешно в 1991 г., чем в 1917 г., но: остается *третья фаза – консолидация уже возникшего национального государства*.

Перестройка в очередной раз оживила украинское мировосприятие, которое воплотилось в форме Народного Руха и следствием которого стала «Декларация о государственном суверенитете» 1990 г. и независимость 1991 г. Последняя была, конечно, результатом многовековых чаяний украинского народа, но случилась скорее в силу крушения СССР, нежели дозревания и массового торжества идей украинского национализма в пространстве УССР. Тогда казалось, что Украина – страна богатая и все здорово заживут, но ошибочка вышла: советская система хозяйствования и страны побогаче обращала в бедность. А тут и эта система «накрылась». Суровые реальности жизни отвлекли население от политики, и воспряло оно ото сна (массовый социальный факт) лишь через 13 лет – в 2004 г.

Социология могла бы сказать, что это объективный цикл смены поколений, и если предыдущее имело «свою революцию» в 1991 г., то у следующего эта потребность была нереализована. Я и сам, как преподаватель, замечал по анонимным опросам в своих аудиториях, что студенты психологически страдают от отсутствия социально значимых вещей, каких-либо идеалов, придающих смысл общей украинской жизни, – оно несло в себе потенциал нереализованного идеализма. В 20 лет хочется верить в лучшее. Вспомним, на Западе в какие-нибудь веселые 60-е годы «кто в двадцать не был коммунистом – тот не был молодым». В конце 2004 года в Киеве кто не стал искренним украинцем

и не исполнял каждый вечер многосоттысячным хором на весь Майдан национальный гимн, – тот уж точно стал старым (заодно, кстати, и гимн выучили). А кроме молодых, появилось достаточно много людей, самих себя реализовавших в нашей весьма сложной жизни и нуждающихся в уважении к себе, – молодой, еще только осознающий себя средний класс, люди за 30 и за 40, сами себя кормящие и дающие нормальный старт своим детям. Имеем уже две возрастные и социальные группы: – одна переменчивая и мятущаяся как все 20-летние, другая более стабильная и упрямая, как все, кому за 30 и 40. У одних энергия, у других – основательность. И приплюсовалась привычка Киева мыслить в духе исконной столицы Украины. И мало еще реализованный потенциал коренной, исторической Украины позиционировать себя как *людей*, а не как внеисторическое «быдло». И здесь мы наблюдаем освежение, *модернизацию украинского национализма*: в силу то ли закономерного, то ли случайного стечения социальных, географических и политических обстоятельств в данный момент он постепенно синтезируется в сочетание *национальных ценностей и гражданских* – идеи нации и идеи свободы. Это – всего лишь идея свободной страны и банального патриотизма, а не какой-то ксенофобии. *Идея гражданской нации*. По тексту мы тут добавим характеристику Оранжевой революции, ее прелюдии и последствия, осветим ситуацию русских в Украине и проблему Крыма. Завершим прогнозами на будущее.

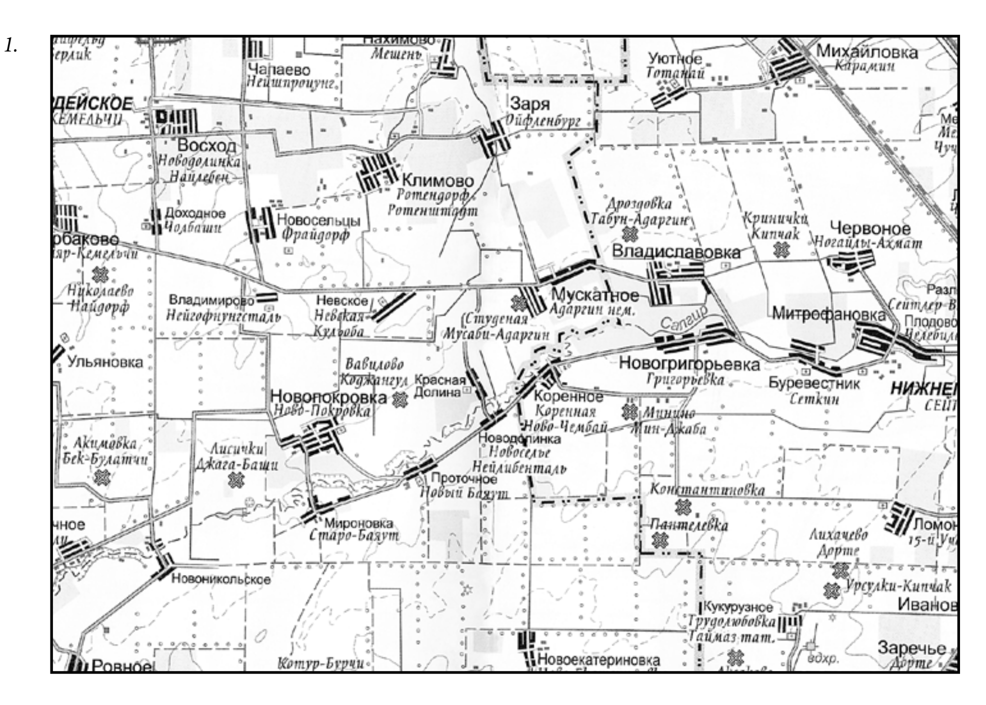
1. Бездарные прелюдии

Наиболее значимым событием для Украины последних лет стала, вне сомнения, Оранжевая революция конца 2004 г., независимо от нашей ее нынешней оценки. Ведь независимость 1991 г. была, повторюсь, скорее результатом системного коллапса Советского Союза, нежели результатом упорной борьбы украинских националистов. Понятно, что усилия бывших диссидентов и национально ориентированной интеллигенции, демократический Народный Рух и его массовая поддержка сыграли свою роль, но тогдашняя советская административная элита УССР в действительности не имела альтернативных вариантов действий в условиях гибели старой системы. Дабы обезопасить себя от внешнего контроля,

возможного постсоветского хаоса, закрепить свой властный статус, Верховная Рада провозгласила после «путча» Акт о независимости 24 августа 1991 года. Этот документ более важен для истории Украины, нежели для большинства его непосредственно принявших депутатов и достаточно бездарно реализовывавших политиков. Декабрьский референдум показал такую же безальтернативность представлений населения: более 90 % проголосовавших отдали свои голоса за независимость. Отметим, что для очень многих это решение было лишь выражением надежды на лучшую жизнь в, казалось бы, неплохо обеспеченной Украине. «Оранжевые события» через тринадцать лет наоборот, выявили определенные уже сознательные ожидания части населения, которые нашли свое внешнее выражение в протестных акциях.

Но скажем сразу про 1991 г.: выгодные стартовые позиции нужно уметь реализовать через эффективный менеджмент и четкое представление о своих возможностях и своих желаниях. Такого эффективного менеджмента в Украине не было и до сих пор нет. Обусловлено это целым рядом причин, а первое место среди них занимает тормоз шаблонов советского мышления и неготовность местной элиты к квалифицированному управлению страной, ограниченность ее кругозора. Построение национальной государственности – задача для людей, широко мыслящих и много знающих. Привычка украинских партийцев ездить за указаниями в Москву обусловила их неспособность думать самостоятельно, мыслить еще и государственными категориями, а не исключительно личными интересами. Я не приверженец альтруизма в политике, но показателем профессионального качества политика является реализация личных амбиций через конструктивные формы взаимодействия с обществом. Этим политики отмеряют себе место в истории, удовлетворяя при том максимально свои личные амбиции. У нас амбиции были и остались, а взаимодействия как не было, так и нет. Эту психологию маленького человека, плывущего по воле обстоятельств, характеризует известный афоризм президента Леонида Кравчука: «*Имеем то, что имеем*». Единственным плюсом (или следствием) этого взгляда на мир стало отсутствие в независимой Украине вооруженных конфликтов. Потенциал деструктивного соглашательства в украинском политикуме всегда был сильней конструктивной конфликтности. Что очень ярко проявилось и после Оранжевой революции. Борьба за власть была и остается чередой компромиссов, единственным исключением из чего (да и то временным) является непосредственный внешний ход «оранжевых событий».

1.

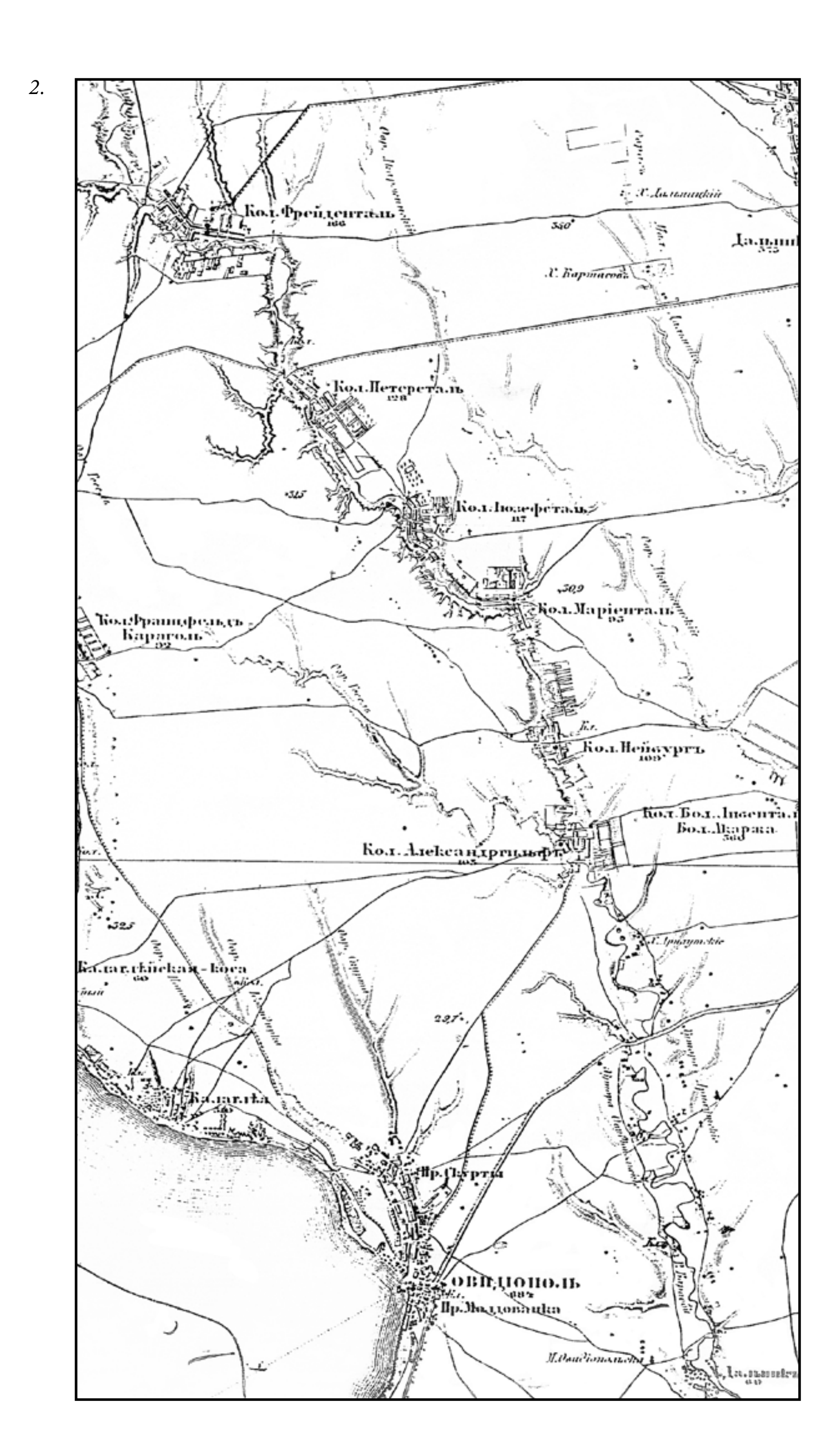

Исконно русские земли

(1) Все мы знаем, что точно так же, как Севастополь – «город русской славы» (там, правда, не было выиграно ни одной битвы, и сей город – просто памятник доблестным поражениям), так и Крым – «исконно русская земля». Если купить на симферопольском вокзале в киоске карту «Призраки прошлого на карте Крыма» («1708 исторических названий, 934 утраченных населенных пункта»), мы узнаем, что 90 % названий населенных пунктов («исконно русских») полуострова могут похвастаться историей, начиная всего-то с 1945 г. А многие ли нынешние жители Крыма знают, как по-настоящему называется их деревня/город? Фрагмент карты – не экзотического Южного берега, а просто некая часть банального степного Крыма. Курсив – это исторические названия. Много в них «русского»? То-то же…

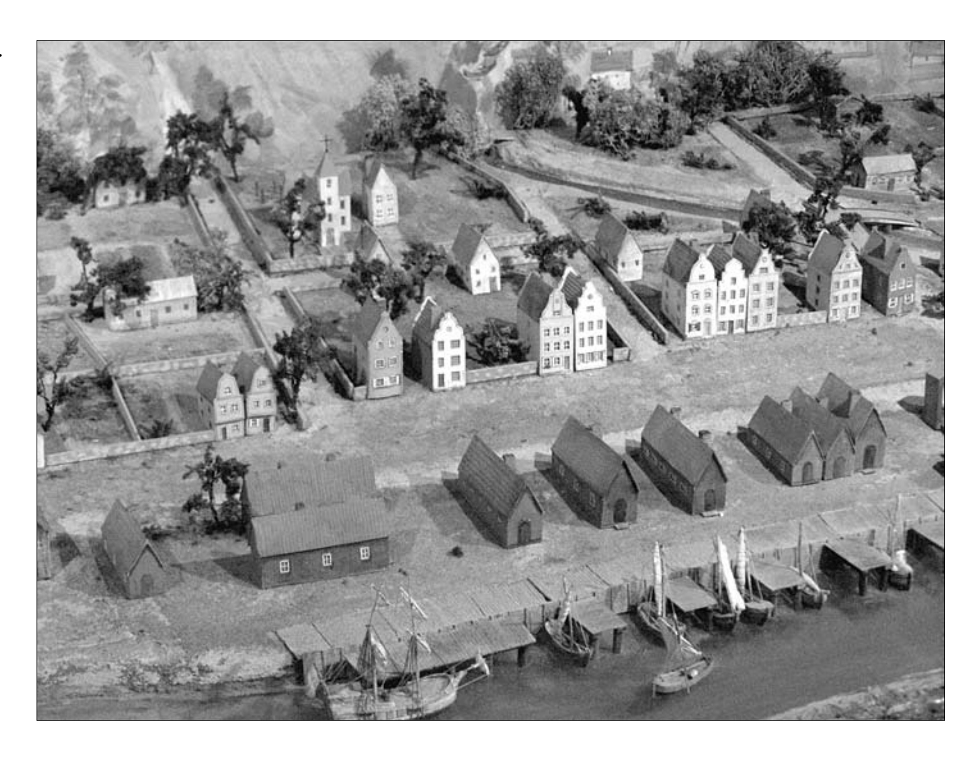
(2) Район между Одессой и Овидиополем, карта сер. XIX в.
Еще одна исконно славянская земля – Новороссия. До присоединения к России в 1791 г. она называлась Едисан (здесь кочевала Едисанская орда ногайских татар) и здесь стояли турецкие крепости (Хаджибей – Одесса, Хаджидере – Овидиополь). Ногайцам пришлось удалиться в Крым или на Северный Кавказ. Потом эти земли колонизировали представители многих народов – украинцы, русские, поляки, немцы, не говоря уж о пестром населении самой Одессы. Несколько загадочно должны выглядеть карты обороны Одессы 1941 г. с учетом тех названий населенных пунктов, которые существовали тогда: Александргильф, Либенталь, Нейбург, Мариенталь, Юзефсталь, Петерсталь, Фрейденталь, Францфельд. Такое впечатление, что военные действия происходят уже в Германии. Правда, на тот момент 400 тыс. украинских немцев уже были депортированы на восток. В Украину они потом в своей массе (после «отпуска» в 1989 г.) так и не вернутся. И кому стало от этого хуже? Увы (для Украины), явно не немцам. А слегка к востоку по карте – Арнаутовка («арнауты» - албанцы), Татарка, Молдаванка…

2.

Кол. Фрейденталь
166
Х. Карташовъ
350
Кол. Петерсталь
128
315
Кол. Іозефсталь
117
309
Кол. Маріенталь
95
Кол. Францфельдъ-Караголь
92
Кол. Нейбургъ
105
Кол. Бол. Либенталь
Бол. Акаржа
Кол. Александргильфъ
103
325
227
Калаглѣйская-коса
60
Калаглѣя
Пр. Сурта
ОВИДІОПОЛЬ
682
Пр. Молдованка

3.

3) А вообще – забавно было узнать о симпатичном шведском городке Ниен, стоявшем в устье Невы до Санкт-Петербурга. На фото: макет города Ниен и форта Ниеншанц из музея «Ниеншанц» (Санкт-Петербург). Пафос постройки новой столицы будущей Российской империи на болотах как-то скрыл для широкой общественности тот факт, что Петр I в этом месте явно был не «первым»… К сожалению, для Санкт-Петербурга (в отличие от Ниена) было выбрано затапливаемое место: видимо, шведы были лучше русских знакомы с гидрографией Невы (они там регулярно бывали задолго до возникновения Древнерусского государства). Или же сообразили расспросить об этом местных жителей, представителей финских народов ижорцев и карелов – чьей, собственно, «исконной землей» эта территория и являлась. И поэтому не суть важно, что до Ниена на этом месте стоял «Невский городок» московских царей, а до этого (в 1300 г.) – опять же шведская крепость Ландскрона, через год после постройки разрушенная новгородцами. Земля-то «исконная» – все равно не шведская и не русская…

И напоследок о том, что роднит две известные русские столицы Киев и Петербург. Остатки Ниены изучены в ходе археологических раскопок 1990-х гг. и являются уникальной находкой для Восточной Европы. Эта территория является археологическим памятником, охраняемым государством. Тем не менее, теперь там будет «Охта-центр» – офисное здание «Газпрома». Точно также, как и в Киеве, где прошлое великого города варварски уничтожается в пользу своих местных карликовых газпромов. И еще более сроднит обе столицы «черный список» ЮНЕСКО для мест, где уничтожают всемирное культурное наследие.

Выход экономики из кризиса, ощутимый с 2000 г., стал результатом скорее самодеятельности населения, разобравшегося что к чему в новых капиталистических реалиях, а не спланированной реализацией программы реформ. Возможно, украинские экономисты со мной и поспорят, но я пока не слышал никого, кто бы связно и, как модно говорить, концептуально изложил видение тех процессов, которые происходили последние пятнадцать лет. В пространстве политическом наблюдались те же явления, что и в других странах СНГ: обнищавший электорат выпал из политического процесса, который стал способом обогащения, коррупции и кражи, слияния [пост]коммунистической власти и бешеных криминальных денег «новых украинцев». Ярким примером является «загадочное исчезновение» при Кравчуке самого большого в мире Черноморского морского пароходства, из-за чего украинские моряки теперь плавают на тех же судах, но уже принадлежащих совсем другим людям и странам. При этом отпочковавшееся в 1970-е от Черноморского Новороссийское пароходство если и не процветает, то очень неплохо себя чувствует.

Политический режим, достигший своего апогея при позднем президентстве Кучмы, «красного директора», никак нельзя назвать тоталитарным, как это делали многие наши «революционеры». Если бы он таковым был, никакой легальной оппозиции, которая могла бы выйти на площадь и собрать людей, не существовало бы в природе. Авторитарным – тоже, поскольку авторитарные методы у кучминского менеджмента были, но никакого «авторитета» у Кучмы (социологические данные подтвердят), и это было просто «распуханием» исполнительной ветви, которая все чаще игнорировала нормы законодательства, и «семейным бизнесом» Кучмы. Просто партия власти попыталась сформировать режим так наз. «*управляемой демократии*», идя вслед за путинской Россией и лукашенковской Белоруссией, когда всякая бутафория в виде «Конституции», «демократии», «свободы слова» и «открытых выборов» присутствует, но не работает. При пассивности населения это все вполне достижимо. Главное – не разжигать страсти и поддерживать стабильность. Но декоративные выборы являются все же несколько «стремным» процессом, поскольку электорат вроде как и контролируется, и направляется (да и СМИ уже «заткнулись» и все излагают по спускаемым сверху «темникам»), но может повести себя и непредсказуемо. Попытка сделать выборы *полностью предсказуемыми*, то есть навязать электорату определенный выбор различными формами давления и, на всякий случай, сфальсифицировать часть

результатов голосования и была той косой, которая нашла на камень «оранжевых событий». Это была попытка отойти от практики компромиссов, когда конкуренция двух политических сил находилась в ситуации нестойкого равновесия. Каждый близко подошел к победе, что и обусловило нарушение временного консенсуса элит. Все революции начинаются с того, что исчерпывается возможность политического класса достигать компромисса «внутри себя». Тогда кто-то обращается к широким массам. Если у тех есть поводы для недовольства существующим положением и достаточно желания поучаствовать в «процессе», то начинаются Большие События.

2. Осмысленный бунт

В восприятии «оранжевых событий» доминируют два взгляда: 1) что эта была народная революция в защиту прав и свобод человека и 2) что это был заговор или «спецоперация» Запада, а люди были «зомбированы». Поскольку я не политтехнолог и не сотрудник Органов, а историк и социолог, я мыслю не узко политически-манипулятивно и не профессионально-параноидально. Объясню. Менталитет политтехнологов и сотрудников безопасности (в России эти сферы, наверное, сливаются) говорит о том, что всякие политические действия являются результатом спланированных акций узкой группы заинтересованных лиц, а любые проявления неконтролируемых массовых акций – невозможны. В этом смысле вся политическая история мира – это история «психологических» и «политических спецопераций», когда определенные подготовленные люди, манипулируя массовым сознанием, достигали поставленных политических целей – от древних шумеров до коварных пентагоновских ястребов. В этой истории нет места людям: они являются лишь сонмищем скота, тупо идущего за пастухами и умирающего за них. Для такого видения мира, имеющего порой под собой основания, общественные науки нужны лишь как прикладные дисциплины по формированию концепции идеологической трамбовки человеческой массы. Однако общество – штука гораздо более сложная и очень часто непредсказуемая, чему в истории – тьма примеров. Загадочные сочетания рационального и аффективного, агрессии и смирения, жертвенности и тупой пассивности – все

эти проявления человеческого и социального делают пиар-технологии и «спецоперации» столь же непредсказуемыми по последствиям, как и любые человеческие намерения: может получиться, а может провалиться. Человек предполагает, а Бог располагает.

В 2004 г. граждане Украины смогли выбрать между двумя пиар-кампаниями, из которых выиграла та, которая пользовалась *гораздо более слабым медийным ресурсом и имела против себя жесткий ресурс административный*. Почему же «зомбировала» в результате людей именно та сторона, которая была обречена на поражение? Посему гораздо полезнее выбраться из области «технологий» и «манипулирования» в область более простых вещей, доступных обычным смертным. Значит, некие, измеряемые той же социологией, долгоиграющие объективные факторы создали отзывчивую социальную почву для реализации определенных политических лозунгов. Степень успешности в реализации этих идей – вопрос, которого я коснусь несколько позже, а пока – приблизимся к социологии.

По данным социологических мониторингов, в первую очередь Института социологии НАН Украины и Фонда «Демократические инициативы» (ведущимся с 1994 г.), можно попытаться отследить ту почву, которая дала оранжевые всходы:

- граждане оценивали экономическую ситуацию в Украине на 2004 г. в 2,6 балла по десятибалльной шкале. Своим положением в обществе были недовольны 58,2 %;
- из них политикой интересовалось 79 %, симпатию к капитализму питали 11,7 %, к социализму – 25,2 %, индифферентны в таких ориентациях – 60,6 %; не разбирались и не определились в политических течениях – 34,2 %;
- 40,2 % считали, что социальной группой, играющей основную роль в жизни украинского общества, является мафия (преступный мир);
- 54,9 % считали, что в Украине можно свободно высказывать свои политические взгляды; 21,1 % – наоборот;
- деятельность президента Леонида Кучмы оценивали в 2,7 балла по десятибалльной шкале. 58,1 % граждан ему не доверяли; Верховной Раде не доверяло 63,1 %; правительству Виктора Януковича (Партия регионов) – 57,7 %;
- 55,3 % считали политическую ситуацию в стране напряженной, а 11,1 % – критической, взрывоопасной;

- 62,8 % скорее позитивно оценивали присоединение Украины к союзу России и Белоруссии; 47,9 % так же относились к вступлению в Европейский Союз (как видим, эти стремления у части людей загадочно сосуществуют, поскольку их сумма больше 100 %). К вступлению в НАТО негативно относилось 38,5 %, а позитивно 18,8 %.
- 22,2 % считали вероятными массовые выступления населения в защиту своих прав, а 28 % были готовы принять в них участие. Эффективной формой протеста 21,8 % считали собирание подписей под петициями, 19,2 % – законные митинги и демонстрации, 5,1 % – пикетирование государственных учреждений;
- 42,1 % считали, что нужно активно протестовать против ухудшения условий жизни, а 34,2 % предпочитали любой ценой сохранять порядок, мир и спокойствие;
- 44,9 % (2001) считали, что им не хватает политических идеалов, которые заслуживают поддержки, а 70,1 % (2001) – уверенности в том, что ситуация в стране будет улучшаться;
- для 75,4 % (2002) не хватало порядка в обществе, а для 70,8 % (2002) – исполнения действующих в стране законов, 72,2 % (2002) – уверенности в собственном будущем. 42,7 % считали, что в ближайший год никакого улучшения жизни не произойдет, иной точки зрения придерживались 18,4 %.

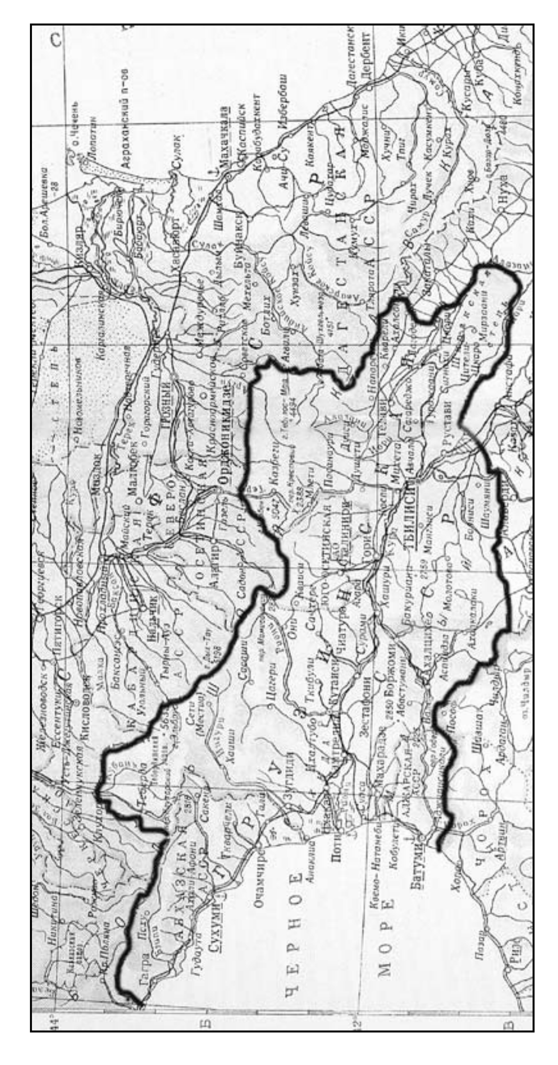
Понимать эти сухие цифры можно по-разному, поскольку по ряду показателей 2004 г. не был самым худшим по «протестным» показателям; но мы видим тот комплекс недовольства у части населения, который в случае кризиса мог бы сподвигнуть *активную его часть* на политическое оживление. Активности активной части обычно хватает на изменение ситуации. Не все было в порядке в «украинском королевстве», но для того, чтобы вытолкнуть людей на улицы, необходим был нарастающий кризис, доводящий психологическое напряжение в стране до апогея. Президентская избирательная кампания имела откровенно конфликтный характер, а часть пиар-стратегии технологов Януковича была ориентирована на разжигание национальных страстей в обществе, задевая у одной его значительной части чувство национального достоинства, а у другой возбуждая боязнь национализма. Рекламная стратегия «бело-голубых»

формировала взгляд на конкурента-Ющенко как на националиста и фашиста, который поделит граждан на три сорта. (В программе и лозунгах кандидата Ющенко никакого языкового и этнического ущемления не предполагалось. Он занял роль эдакого социального критика «бандитской власти».) Естественно, что в провокационных картах Украины юго-восточному электорату Януковича отводилась роль «третьего сорта», а «первый» – бандеровцам с Западной Украины. Но Украина пестра культурно и этнически, и что хорошо для одних – неприятно для других. Если относительно Юго-востока эти «послания» и имели результат, будя старые советские мифы, то для Центра и Запада это стало «красной тряпкой», поскольку подрывало некую сложившуюся за годы независимости у этнических украинцев уверенность в логичности украинского государства и чувство его необходимого единства.

Виктор Янукович как кандидат от властей был достаточно неудачно подобран: слишком выразительно отстаивая интересы одного региона (Донбасса) и одной олигархической группировки и слишком очевидно представляя полукриминальную социальную среду, из которой он вырос как политик – плюс его явные пророссийские ориентации. Все это делало его политиком не «национального масштаба», за что ему и пришлось расплатиться политическим проигрышем. Если для Донбасса, региона социально весьма противоречивого, карьера Януковича от двух отсидок до кандидата в президенты и могла восприниматься как пример для подражания, то многих людей в других частях страны это просто пугало в социальном и культурном плане – в Киеве «бандитские времена» вроде уже миновали, да и как может повести себя при таком выборе человек с нормальным высшим образованием (у нас таких достаточно много) и не любитель шансона? К тому же, поставить во главе немалой европейской страны человека, который может говорить только по написанному или заученному наизусть, – унизительно для самой страны. Глава государства, рассуждающий с трибуны о «козлах, которые мешают нам жить», о поэтессе «Анне Ахметовой», обращающийся к кинематографистам «дорогие кинематографы»? Путающий «геноцид» и «генофонд»…

(Не могу не добавить из 2008 г.: путаница с Бебелем и Бабелем – уж вообще хрестоматийная вещь!) Естественно, я дважды поверю, что он «большой поклонник балета» и иного высокого искусства. Мне (как и большинству граждан) не надо, чтобы президентом был высоколобый интеллектуал, играющий по вечерам на рояле Брамса, – но хотя бы что-то достойное…

1.

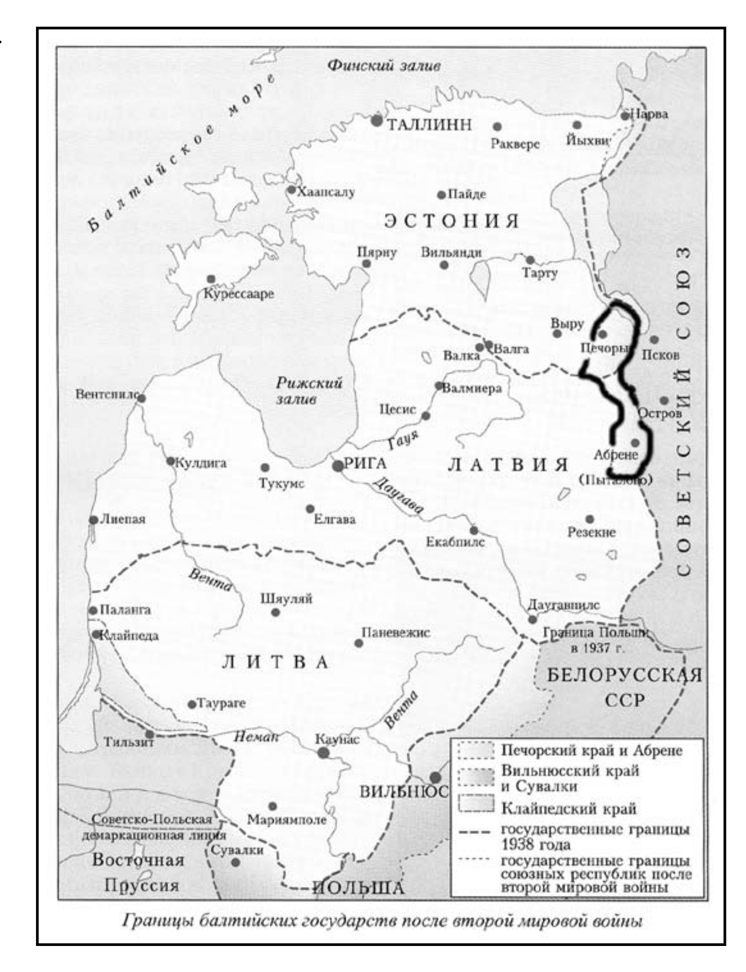
Давайте сдвинем!

Популярные в России темы грузинской агрессивности или борьбы за свободу народа Южной Осетии всего лишь скрывают неловкий вопрос о том, будут ли меняться постсоветские границы. Запад признал суверенный статус Косово, нарушив статус-кво бывших югославских республик, Россия ощутила свободу рук (как и в августе 1939, подружившись с Гитлером), так что теперь, видимо, - да, будут меняться. Поэтому полезны иллюстрации меняющихся границ советских республик. Крым в своем «перемещении» не одинок: вот например (1) северные границы Грузии из советского атласа 1954 г. Можно сравнить с современными. Я не интересовался, почему случились такие трансформации (в атласе 1940 г. их еще не было) и почему потом все поменялось назад, однако поводы для выяснений есть – и тут уж не в пользу России. Или же Молдавская АССР (2), карта

2.

из Малой советской энциклопедии (1930, т. 5). Где должна проходить украинско-молдовская граница? И это не претензии, наоборот: упаси нас, Боже, от Приднестровья. Там СССР еще жив, а нездоровые места надо изолировать. Или же (3) территориальные изменения в Прибалтике после ее оккупации Советским Союзом: у Эстонии и Латвии отобраны территории, Литву в 1939 г. нарастили, а потом урезали (источник: «История Балтийских стран», изд-во «Авита», 1999). Нарастили ее после Пакта, зная, что все равно вся потом достанется, максимум через год. А после решили, что многовато дали и отрезали в пользу Белоруссии. А если вспомнить интересный 1919 г.? Тогда новообразованную Белорусскую ССР решили разделить, передав ее нынешние восточные области в состав РСФСР, а западные – слить с Литвой в Литовско-Белорусскую ССР. Потом

3\.

Границы балтийских государств после второй мировой войны

эти восточные края опять вернули Белоруссии; потом в 1939 г. присоединили к ней «Западную Белорусию», образованную наполовину из того, что еще несколько лет назад в советских справочных изданиях называлось «Западная Украина» (Брест и околицы). Где же начинается и где заканчивается Белоруссия? Где ее запад, где ее восток? Как постигнуть кремлевскую логику? Поэтому стоит ли начинать двигать границы «по справедливости»? Ведь «концов» уже не найти… Причем это еще при советской власти встречались некие обоснования «приобретений», а до 1917 г. просто «занимали» все, что еще не было «занято» кем-то посильнее…

Проблемой для пиар-кампании Януковича оказалось то, что она была рассчитана на обрусевший и превалирующий по населению пролетарский Юго-Восток, в котором можно было разбудить советское подсознательное на предмет «бандеровцев-фашистов», «руки Запада» и т. д., а также использовать импортируемые из России формы и стратегии влияния на электорат. Мало восприимчивые к таким «посланиям» Центр и Запад были отданы под административное давление и фальсификацию выборов через многократное голосование «мертвых душ» и по открепительным талонам. Не имея среди своих рекламных сюжетов рецептов для *всей* Украины, кампания кандидата-Януковича крайне раздразнила другую половину этой самой Украины. Жесткий стиль психологического давления и физического насилия достаточно явно поставил для многих граждан вопрос вообще о чувстве человеческого достоинства. Почва для протеста зрела, но для явного проявления недовольства было необходимо, чтобы кандидат-Ющенко со своей командой пошел на открытый конфликт с властями. Народ просто так на улицу не ходит: ему нужно место, возможность и лидеры, указывающие путь. Если питательная социальная среда созрела, а вектор борьбы ясен, можно ожидать чего-то массового.

Вот наши результаты голосования по турам президентских выборов:

31 октября 2004 г. I тур. Есть другие кандидаты, но мы их тут не указываем.

Кандидат	**% ЗА**	**Голосов ЗА**
Ющенко В. А.	39,90	11 188 675
Янукович В. Ф.	39,26	11 008 731

21 ноября 2004 г. II тур. Только два кандидата.

Кандидат	**% ЗА**	**Голосов ЗА**
Янукович В. Ф.	49,46	15 093 691
Ющенко В. А.	46,61	14 222 289

26 декабря 2004 г. Переголосование II тура по решению Верховного Суда.

Кандидат	% ЗА	Голосов ЗА
Ющенко В. А.	51,99	15 115 712
Янукович В. Ф.	44,20	12 848 528

Между сухими рядами цифр второй и третьей таблицы – наиболее интересное событие независимой украинской истории – *Оранжевая революция*.

Скажем сразу: согласно данным социологии родимой, по образованию, достатку и прочим общим объективным характеристикам электорат Януковича мало чем отличался от электората Ющенко. Разница в том, что один на улицу вышел, а другой – нет. Один электорат оказался заряжен протестными настроениями, а другой – нет, хотя окончательный результат выборов поклонникам бело-голубых не понравился так же, как любителям оранжевых – предварительный. Основной конфликт был скорее этнокультурный или культурно-исторический: за Ющенко голосовала исконная Украина, ее этническое ядро, население которого в большинстве совершило за 13 лет естественный переход от постсоветской идентичности к украинской (смотри главу «*Атрибутика украинского национализма*» про регионы). Они не стали думать как «Запад» или «Европа», никакой особой революции в их ментальности не произошло, просто украинскость опять утвердилась на своей органичной почве. Люди просто стали украинцами, а не «советскими людьми». Несколько более традиционное общество, несколько больше живого украинского языка и несколько больше к нему уважения и симпатии у тех, кто думает и говорит по-русски, несколько больше сельских корней, несколько больше «генетического украинского». В последние несколько сот лет поддержания украинскости этого всегда хватало. Не хватало политической реализации.

Юго-Восток отличается своей историей (опять же смотри «Атрибутику») и иной ментальностью. Что явно роднит его с Россией – это в опросах общественного мнения *предпочтение порядка свободы*. Колонизированные Российской империей земли на территориях изгнанных кочевых народов или депортированных оседлых в силу объективных

обстоятельств получились в основном этнически украинскими (о Крыме – отдельно ниже) – просто Украина была объективно ближе к ним, чем Россия. По этническим границам Юго-Восток – вполне легитимная Украина. Но национальность, как мы помним, – это не диагноз. Индустриализация и миграции населения народа украинский индустриальный пояс людьми без заметных этнокультурных корней – просто «советскими людьми», со всеми их положительными и отрицательными чертами. Их украинский язык сократился до мощного брежневско-януковичского «г», и таких же мизерных размеров их знакомства (в массовых стереотипах) с исторической судьбой своей страны. Свое мнение о советской пролетарской культуре я уже высказал. Юго-Восток по сравнению с исконной Украиной – несколько менее традиционное общество, меньше живого украинского языка и меньше к нему уважения и симпатии у тех, кто думает и говорит по-русски, меньше сельских корней, несколько меньше «генетического украинского». И «городские корни» здесь не являются залогом более высокой культуры. Результат – пока еще постсоветское, но не национально-гражданское сознание. Симпатии к России – да, они органичны здесь, но не осмыслены, не рационализированы в смысле их жизненной необходимости и полезности. Есть две разные (хоть и похожие) страны, но *благополучие граждан Украины зависит от благополучия украинского государства, а не российского.*

Посему симпатия должна быть осмысленной и процеженной через поправку национальных вполне прагматических экономических и человеческих интересов. И газ нужно экономить, поскольку Тюмень, хоть и населена во многом украинцами, – находится за границей. Наиболее существенный момент: постсоветская ментальность умирает хоть и долго, но – умирает. В виду отсутствия идеологических альтернатив она может преобразовываться лишь в 1) региональную или в 2) национальную. Региональная (локальная) ментальность является нормой для четверти украинцев (как, в общем, и для других европейских народов). Но ее усиление на фоне этнокультурных и исторических различий регионов (наследие советских представлений в пролетарской зоне этому способствует) ведет прямым путем к утрате любой украинскости. И вот тогда наступит конец стабильности, которую так любит Юго-Восток Украины. Грядет Большое Приднестровье.

Но это я отвлекся. У нас же Оранжевая революция! Поначалу я собирался дать ее объективное видение (соцопросы, исследования и проч.), но это было необходимо в 2005 г., и социологи уже сделали это.

Пишу это все не для киевлян, а для тех, кто не видел этого своими глазами. Из граждан Украины в киевском Майдане поучаствовало около 7 %. Так вот, жители города Киева пронаблюдали, как после второго тура выборов Президента соорудили в ночь с воскресенья на понедельник на Крещатике палаточный городок (голоса еще считали, но было ясно, что электорат «кидают»), где поселились в основном студенты*. Было холодно. Зима – неудобное время для народных протестов. (Всегда считал, что выборы надо перенести на май – перед летней сессией – и имели бы студенческую революцию каждый раз.) Сначала на Майдан вывалили холерики, возбужденные несправедливостью властей. Их было много, но холериков хватает ненадолго. К среде подошли сангвиники, раздраженные неуважением властей (мы – не быдло). Офисы и конторы поделились на смены, – кто когда «стоит». Наиболее банальная мотивация этого «стояния» – чем больше людей, тем больше вероятность, что власти струхнут и не решатся на разгон. Киев – большой город (конечно, не Москва – у нас только 3 миллиона, слава Богу), но достаточно обеспеченный по сравнению с остальной страной. Киев может спокойно прокормить ресурсами своих жителей революцию, если это *их революция*. Никакая Америка тут не нужна. Соседние рестораны Крещатика палаточников кормят, а весь город носит им еду. Фирмы закупают теплую одежду и валенки. Вспышка необычайного альтруизма случилась с населением. За те пару недель люди замолили себе порядочно скопидомских грехов. И хоть бы кто кому морду набил… Вежливость развилась. Подъем эмоциональный. Преступность по статистике МВД упала вдвое. Эпидемия гриппа из-за пребывания людей на воздухе достала всех только в марте. Правда, не совсем верно, что все были необычайно трезвы, – холодно, знаете ли.

Параллельно было страшно, особенно когда глава Центризбиркома Сергей Кивалов объявил официальные результаты голосования. В эти пару дней и решалось – разгонять или нет, и, как известно, приказы разгонять давали, машины и люди «на разгон» выезжали, но позже их отзывали. Потом сомнения охватывали, а «оранжевые вожди»

* Как преподаватель я имею в своем наборе противоположные мнения моих студентов, которые в этом городке обитали: от позитивных до отвращения. Пока не обнаружилось массовой поддержки населения, в него селили, платя деньги, кого попало, а потом быстро вокруг возникло море юных идеалистов-бессребреников. (Помню от студента истфака возле палатки: «Меня мама благословила, пусть нас хоть танками давят – мне до фонаря». И в каком настроении после такого общения пойдет преподаватель домой? Все они – и наши дети тоже. И они могут (и должны) позволить себе идеализм.)

вели глубокие и закулисные переговоры с власть предержащими – об условиях неразгона. Сей последний фронт нам *неведом* – мы только ощущаем сейчас разочаровывающие плоды тогдашних компромиссов в верхах (надеюсь, что они были – иначе совсем уж обидно) и радуемся своему сохранившемуся здоровью. Если кому-то не хватало вдохновения для продолжения борьбы – приходишь домой и смотришь российские новости. Как сейчас помню: возвращаешься с площади, на которой сотни тысяч людей, и смотришь дома РТР. Корреспондент в прямом эфире находит удачный ракурс с горки (Майдан – он в ложбине), закрывает своим телом широкие народные массы и оглашает: «На Майдане собралась горсточка протестующих оппозиционеров». Ну как тут не ощутить себя «проклятьем заклейменным» и не восстать? С тех зимних и холодных пор, пока в Украине еще живет свобода слова, каждый украинец имеет по отношению к России «кукиш в кармане»: мы можем выбирать из *разных правд*, а в России – «*правда*» *одна*. Потому что порядок ценнее свободы. У нас же – все равно беспорядок. Что со свободой, что – без.

По прошествии четырех лет после этих Интересных Событий разочарованные и раздраженные участники майданного «стояния» избегают вспоминать о пережитом. Уж очень сильна обида на тех «оранжевых вождей», которые заставили нас всех ощутить себя по прошествии недолгого времени одураченными или, говоря современным русским, – «кинутыми как лохи». Могу от себя заметить только одно: Оранжевая революция нужна была хотя бы для того, чтобы мы твердо знали: *такое бывает, это – возможно.* И, несмотря на скотство тех людей, которые призвали нас на Майдан, а потом забыли о нашем существовании, мы твердо знаем: *украинцы существуют*! Нам – безразлично, на каком языке украинец говорит и представителем какой национальности является. Лишь бы он был готов разделить наш совместный поход за нашими «исконными вольностями». Мы эти вольности заслужили. Наша гражданская нация точно, *доказуемо и наглядно* существовала на протяжении тех двух недель! и в глубине души для нас действительно значимы такие слова, как «свобода» и «права человека». Значит, мы – Люди, значит, мы – достойны лучшей судьбы. История может терзать нас по-всякому, но некоторые вещи ей у нас не отнять: *мы помним то короткое время, когда мы действительно ощущали чувство собственного достоинства*. Это – немало и не всем дано.

3. «Иван носит плахту*, а Настя булаву»

Упомянутое выражение относится ко временам первого гетмана Скоропадского при Петре I. Он пришел на смену «самостийнику» Мазепе и был марионеточной политической фигурой. По народным преданиям, он был еще и подкаблучником, и за него многие дела решала энергичная жена Настя. Сейчас это выражение тоже уместно вспомнить, оценивая деятельность президента Виктора Ющенко.

Если подводить предварительные итоги пребывания у власти «оранжевых» (2005–2009), то Ющенко имел больше года для того, чтобы реализовать обещания, данные во время Оранжевой революции. Мои соображения явятся также попыткой решить вопрос: *была ли революция действительно революцией.*

С точки зрения политической науки и всяких сопутствующих, революция – это радикальная смена власти, в результате которой значимо изменяется либо политический, либо экономический строй общества. В этом смысле Оранжевая революция на «революцию» тянет слабо, поскольку прозвучавшие в эйфории весны 2005 г. соображения некоторых авторов, что она, мол, – «классическая буржуазная революция», это – выдавание желаемого за действительное. Авторы школьных учебников поторопились сразу же внести в них главу о Революции как о «новой эпохе в истории Украины». Кто поспешил – тот людей насмешил. Если прямо говорить, то Оранжевая революция – *это массовые протесты населения против фальсификации выборов в пользу одного из кандидатов*. Она победила благодаря этим протестам и переходу конфликта в легитимное русло, поскольку второй тур по решению Верховного Суда переголосовали, устранив системные фальсификации. То есть *из изменений украинцы получили лишь нового легитимного президента и его временное влияние на формирование исполнительной ветви власти* (областные администрации и правительство). Даже парламент остался старым и заметно не отвечающим переменчивым настроениям в обществе. Где же «революция»?

Политический строй у нас остался прежним, но несколько изменился конституционный – в результате «политреформы», сделавшей Украину с 2006 г. не президентско-парламентской, а парламентско-президентской республикой. Но нельзя утверждать, что эта реформа была желанием тех людей, которые голосовали за Ющенко: это был его политический

* Плахта – вышитая украинская юбка, элемент национальной одежды.

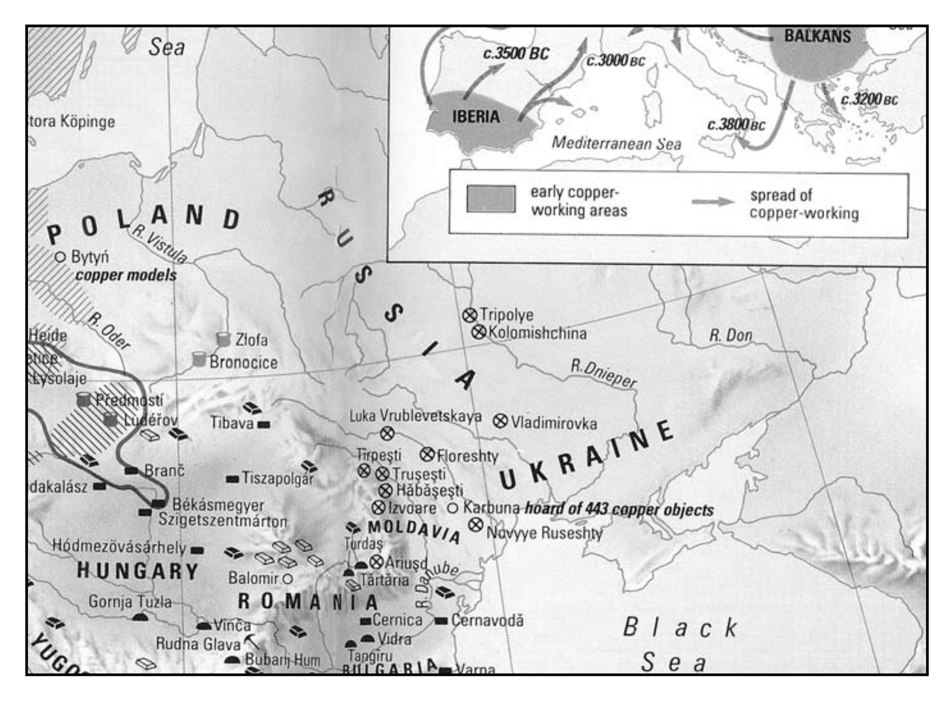

Знакомые образы

Культурное влияние России на современную Украину приобретает порой неожиданные формы. Достижения российского киноискусства, например, используются в украинском предвыборном черно-белом пиаре: обработка афиш фильмов «Сволочи» и «Ночной дозор». Автор данной книги, понятное дело, не несет ответственности за представленные трактовки образов украинских политиков.

компромисс со старым парламентом и частью его политических соратников (социалистами). Если брать мониторинги общественного мнения, то украинцы в своем подавляющем большинстве отдают предпочтение персональной политической ответственности лидера, а не размытой ответственности парламентариев или ее разделению между президентом, премьером и спикером. Украинский вариант такой реформы делает этих персон политически почти равновесными. Что приводит к естественному параличу ветвей власти во взаимной борьбе (если они все не возглавляются представителями одной партии). Украину ожидает бесконечная чехарда сомнительных политических коалиций и недолгих правительств*, что повторит неудачный опыт французской IV Республики, упраздненной

* Писалось это в основном еще в 2005 г., и, к сожалению, реалии оказались именно такими. В 2009 г. я просто поменял «настоящее время» на «прошедшее».

«Ukraine» - что это?

Интерес к географии не иссякает у меня даже в XXI в., когда «белых пятен» на карте уже не осталось. И не зря. Как оказалось, вопрос о том, где заканчивается Россия и начинается Украина, сохраняет свою актуальность – так же как в старину – есть ли морской путь в Индию. Например,не ясны эти вопросы для англичан. Если обратиться к респектабельному атласу «The Times Archaeology of the World» (1999), то мы увидим весьма интересную комбинацию из «Russia» и «Ukraine»: Украина расположена в степях Таврии, а Россия – в Западной Белоруссии и на Правобережной Украине. Даже с учетом того, что карта посвящена периоду медно-каменного века (когда оба названия никому и не снились), ситуация выглядит несколько странной. Относись дело к XIX в., я бы не обратил внимания, поскольку тогда пределы Российской империи доходили до Вислы и Прута. Но в энеолите?... Будучи крайне озадачен, я внимательно проштудировал атлас и выяснил, что его составители воспринимают Россию не как государство с определенными современными границами, а вполне в духе Василия Ключевского: как факт географический. «Russia» в этом издании просто обозначает все пространство между «Europe» и «Siberia», от Прибалтики до Кавказа. Другие же названия «всплывают» по мере конкретной надобности. В «утешение» украинцам замечу, что на карте скифских степей в этом атласе «Ukraine» есть, а вот «Russia» отсутствует.

Де Голлем в 1958 г. Он сделал Францию президентско-парламентской республикой и вывел ее из глубокого кризиса. У Де Голля было достаточно политической воли и народного доверия, чтобы сломать неэффективную систему. Французы после этого говорят, что одного хорошего президента хватает лет на пятьдесят нормальной работы государства. Но в Украине повторился бестолковый год Центральной Рады – одни декларации, сдачи позиций и потеря инициативы.

Проблема Ющенко в том, что доверие он имел, но им не воспользовался. Весной 2005 г. рейтинг доверия к властям в Украине был рекордным за все ее независимое существование, – население позволило бы Ющенко сделать практически все, что угодно. Таким высоким этот рейтинг уже не будет в ближайшее десятилетие, поскольку пока не ощущается приближения событий, по своему оптимистичному заряду сравнимых с Оранжевой революцией. Такие эмоциональные всплески случаются нечасто.

Радикальные реформы подразумевают непопулярные меры. Видимо, от них отказались в виду близящихся выборов, но воздействие *непопулярных мер* часто бывает идентично воздействию *отсутствия популярных*. Виктор Ющенко угодил в эту рокировку – не сделал противного, но и не сделал хорошего. Но тогда не нужно было давать такие обещания, какие он давал.

У украинских политиков есть одна иллюзия: они думают, что достаточно самого факта их, таких «классных» («свои хлопцы»), пребывания у власти для того, чтобы любовь народная к ним крепчала. Настроения в любом обществе – изменчивы, и самым опасным чувством является разочарование и обида после вспышки неоправданного (как потом оказывалось) оптимизма. Президент Ющенко, очевидно, знал, что времени у него мало, а обещания он давал на своей инаугурации просто необыкновенные. Другому бы президенту люди это простили, но Ющенко имел иную легитимацию власти, нежели его предшественник Кучма: «за него» стояли в мороз сотни тысяч людей и некоторое время подвергались при этом опасности, и он даже на какое-то время заработал себе явную общественную харизму. Поэтому электорат Ющенко ценил его как *свое порождение*: «*Мы привели его к власти*». То есть и ожидали взаимной ответственности. ***Оранжевая революция состояла в революции оптимистических ожиданий***, которые ненадолго изменили психологическое состояние общества, тональность ожиданий и перспектив.

Ющенко оказался в старой как мир ловушке самоубийственных компромиссов, когда каждый следующий закрывает дорогу к той цели, ради которой эти компромиссы заключаются. И лишь от наших индивидуальных

впечатлений от его деятельности зависит то, насколько негативно, и в каких плохих и нецензурных словах мы это впечатление отразим. Во время Революции, очевидно, был достигнут компромисс с Кучмой о том, что «старый президент» не разгоняет людей, а его самого и его компанию «новый президент» и «новые власти» трогать не будут. Хотя суд над бывшим президентом, как в Южной Корее или на Филиппинах просто был бы логичен после столь героической борьбы с «бандитской властью». За фальсификации выборов не тронули никого, кроме каких-то стрелочников на местах, хотя все общество знает, кого бы стоило на самом деле поспрашивать. Проявления сепаратизма («Юго-Восточная украинская автономная республика». Есть чудесная украинская аббревиатура этого названия – «ПИСУАР») были оставлены без категорически необходимого для государства, которое хочет сохранить свою целостность, законного наказания. Их одиозные герои пребывают на свободе. Это ли не было плевком в лицо электорату Ющенко? Этот самый электорат свой долг уже выполнил: обычные люди не могут каждый день заниматься политикой и стоять на майданах, они просто избирают тех, кто должен реализовать их «наказ». Кому-то ведь нужно и работать. Рассказы о том, что за год 5 тысячам чиновников были предъявлены обвинения в коррупции – всего лишь абстрактные цифры, поскольку для населения наглядны не 5 тысяч мелких винтиков системы, а один конкретный посаженный власть предержащий, известный всей стране. Дело убитого журналиста Гонгадзе, ставшего национальным мучеником борьбы со «старой властью», было откровенно «слито», несмотря на заклинания президента про «долг чести». И что то ли грустно, то ли смешно, – президент так и не смог, имея ресурсы всего государства, разобраться, кто же его отравил диоксином осенью 2004 г. И смех и грех.

Не могу не добавить от своего исторического цеха о мелочи, которая характеризовала весь подход к «проблемам» главы государства. Президент известен всей стране как коллекционер всяких археологических вещей и народного творчества. Это – его хобби. То есть человек явно что-то знает об этом прошлом и об этом творчестве, тепло, понимаешь ли, к этому относится. Если это личный интерес президента – то его нужно хотя бы *узаконить*. У нас в стране частные археологические коллекции имеют полулегальный статус, поскольку формируются добычей «черной археологии». Коллекцию Ющенко, человека, официально заботящемся о национальном наследии, нельзя вывезти за границу на выставку дальше союзной ему Польши, поскольку она может быть арестована. Банальный эгоист при власти решил бы хотя бы «личные проблемы». Очень показательно: не решить простую законотворческую проблему даже со своим весьма душевным хобби… Что уж говорить о «национальных задачах».

Если бы все эти компромиссы компенсировались изменением уровня жизни и состояния экономики, было бы еще ничего. Но оказалось, что у «новой власти» (и президента в частности) не было, собственно, даже *плана* того, что же они хотят сделать, некой программы типа: «а вот в мае мы делаем налоговую реформу», а «вот за год (два-три…) переходим к страховой медицине через такие-то шаги», а «вот за такое время через такие этапы мы реализуем стратегию энергетической безопасности, начинаем экономить и избавляемся от сырьевой зависимости от России», а вот с «жилищно-коммунальным хозяйством мы как шарахнем…». Но, увы, корабль плыл без руля и без ветрил. О чем Ющенко думал в 2005 г.? В 2006 г.? В 2007 г.? В 2008 г.? Думал, что любовь народная вечна, бесконечна и альтруистична? и дело не в «планах развития», ведь уже нет нужды писать «планы», поскольку давно известно, что и где нужно делать. На государство работает прорва аналитиков и ученых, которые все это сто раз уже повторили в своих «докладных» и «аналитических записках», вписали в президентские официальные «обращения» ко всем, кому не попадя. Надо было просто взяться и делать. *Хотя бы, как минимум, последовательно создавать ощущение того, что что-то последовательно делается.* Не делаешь дела – сделай хоть пиар, – ну хоть какой-то «профессионализм». Тоже не получилось.

А ведь, вспомним, братья-украинцы, «плохие парни» *реально боялись*! Олигархи поначалу разбежались по заграницам «отдыхать», часть героев эпохи Кучмы удрала в Россию (последнему прибежищу всех «обиженных» сволочей постсоветского пространства), у чиновников случился временный взяточный перепуг – даже киевское ГАИ (не знаю, как в других местах) перестало деньги брать. Это говорит о том, что *общество было готово поверить в то, что жизнь может измениться. Что могут измениться правила.* Но для реализации изменений нужна политическая воля и сила, а не соглашательство – или безразличие. В 2006 г. мне могли бы еще сказать: «Хорошо тебе судить, вон, сидишь в своем университете, лидера нашей революции грязью поливаешь, – а у президента, может, здоровье подорвано, ему мешают низкие люди, и все сказанное тобой гораздо проще написать в книжке, чем сделать в реальной жизни». А вот в 2008 г. мне бы такого уже не сказал никто: рейтинг общественной популярности Виктора Ющенко сравнялся с рейтингом Леонида Кучмы. Увы, увы! После описанного в этой книге пути украинцев по историческим лабиринтам все больше хочется увидеть, что история хоть кого-то чему-то научила. Опять увы. Ведь судить будет не историк Кирилл Галушко (это – не мой жанр, я не люблю политику), а *история Украины*, которая не избалована историческими

шансами. Добавлять автору будущего учебника еще одну печальную главу об упущенных возможностях? Вряд ли нынешняя украинская политическая элита хоть когда-то выйдет из детского возраста мелких амбициозных самореализаций и начнет мыслить системно и государственнически (это ведь тоже самореализации и карьере помогает)? Риторический вопрос, постановка которого заставляет сомневаться в уме автора. Каюсь – туп необычайно. Таким, видимо, и помру.

У страны был очередной шанс на прорыв, а она опять сползает в болото. И при этом сознательная часть народа свой долг исполнила до конца, – отстояла *своего Ющенко*, а вот Ющенко, пока имел шансы что-то изменить, не ответил, не смог. Если судить по результатам его президентской каденции, то мы имеем *Ивана, который носит плахту*. Что дальше будем одевать? Стринги?

Может быть, Ющенко хотел выступить в роли консолидатора нации, объединителя Запада и Востока? Он вполне *мог*, в виду своей к этому склонности и общей компромиссности характера. Но объединить *вокруг чего*? Не надо путать консолидацию с соглашательством и унижением. Сначала нужно было дать Востоку реальные изменения, показать правду и силу, политическую волю, а не сдавать позиции своим вчерашним противникам из тех же «бандитских» бело-голубых, многие из которых и воплощают собственно то, против чего выступали некоторые люди – *всего лишь жалкие пятнадцать миллионов человек, голосовавшие за Ющенко*. Наведи порядок и установи реальный закон, а потом вволю себе консолидируй вокруг этого. Шевченковского «*Вашингтона с новым и праведным законом*» придется, видимо, еще подождать. Де Голль тоже не пришел. Разве что Ющенко – это того же Шевченко «*Моисей*»? Но тот водил, к сожалению, сорок лет по пустыне. В общем, электорат обиделся, и если испросить его «волю», то политически он Ющенко похоронит*.

Было б хоть как-то легче, если бы ощущалось, что Виктор Андреевич понимает или хоть как-то слышит общество… Но увы, он решил видеть себя неким «мессией», открывающим смыслы украинского бытия и указующим путь. Проблема в том, что «смыслы» он открывает только себе для внутреннего употребления, а «путь» непостижим вообще никому. «Сам пью, сам гуляю»… А у народа есть один простой вопрос, старый как мир: а что вообще ты сделал полезного?..

После высказанного о Президенте и бело-голубых логично ожидать, что автор начнет расточать комплименты «*Насте, которая носит булаву*», – Юлии Тимошенко. Они с Виктором Ющенко представляют два

* Что и случилось на выборах 2010 года.

противоположных украинских психотипа: один – спокойный темперамент с интравертными наклонностями (живет своей внутренней жизнью) и склонностью к ненужным компромиссам – как у нас говорят: «пасечник», другой – экспансивный, взрывной, амбициозный, но анархический, без четкого вектора и ясности цели, без понятного направления движения («казак»). Ее политическая деятельность показывает, что у милой дамы в наличии переизбыток политической воли и энергичная боевитость, может вполне носить булаву, – но вот *куда и зачем* она этой булавой махать будет – остается вечной загадкой. Популизм – удобная вещь перед выборами, но вот что дальше? Пока смысла не ощущается. Чистая политика.

Оказалось, что у «оранжевой» власти нет системного государственного мышления, а есть узкий политический кругозор и взаиморазрушающие амбиции. Неужели опять «*имеем то, что имеем*»? Что и не позволило добиться хоть чего-то, кроме недолгих симпатий «прогрессивного человечества» и пока еще более-менее *реальной свободы слова*. Хотя, – спасибо и на том: и дышать легче, и жизненного опыта прибавилось. Остается одна терапия, как в «оранжевую зиму», – посмотреть по ТВ российские новости (или съездить в Белоруссию) и перекреститься: *нет, у нас все-таки что-то изменилось. У нас еще есть шанс.* Но этот шанс возможен только с другими людьми «наверху», поскольку нынешний правящий класс – это просто национальный позор. Такого сборища моральных уродов – еще поискать. Хоть что-то у нас «круче», чем у других. Тут нам конкуренты – только соседние восточные славяне.

4. Русские в Украине

А теперь поговорим о судьбе русских в Украине, поскольку в «ликбезе для русских» без этого не обойтись. Главная неожиданность для украинских русских после 1991 г. состояла в том, что они вдруг превратились в «национальное меньшинство» – вещь невообразимая для этнической группы, которая вообще лет триста не нуждалась ни в каких «статусах». Потому немножко уточнимся о русских вообще. Об Империи мы уже писали, о СССР пару слов уже сказали: и там, и там русские очень часто могли жить *хуже*, чем покоренные инородцы, но у них всегда было «гордое имя» – «великий русский народ», «первый среди равных»,

«старший брат», который идет на жертвы ради «младших», воспитывает их, цивилизует, учит, как нужно жить, какую жизнь строить. (Хотя в качестве образца предлагает обычно по-петровскому мало понятый и уцененный европейский секонд-хенд на фоне обычного скотства.) При Союзе РСФСР даже не имела отдельной партийной организации – да и зачем она тем, кто и так является народом *вселенским* в пределах великой страны, чьим широким горизонтам не нужны мелкие подачки, ведь вся культура, язык, видение мира и перспективы для Российской империи и СССР были исключительно *русскими*? С поправкой на то, что, претендуя на мировую роль, нельзя было быть только русскими, необходимо было поднять культурную целину окружающих народов. Нельзя только от себя разговор вести. (Вон англичане сколько своих колониальных раджей и шейхов пообучали в Оксфордах-Кембриджах…) Русский язык не имел шансов умереть, а культура – перспектив превратиться в сезонное развлечение для этнографов и археологов. Русскость не нуждалась в защите, она была очевидной объективной подавляющей реальностью. Кто с этим не согласен, – тот не любит, не знает и не понимает Толстого и Достоевского, Лермонтова и Пушкина. Россия – это брэнд, вон даже Запад столетиями трепетал и восхищался.

Еще одно удобство русских в том, что они люди обычно лояльные к высшим российским властям (а всякие бунты у них были «бессмысленные и беспощадные»), а еще их *много. Очень много.* Ежели, не дай Бог, какой кризис, война, или же в верхах некомпетентность случилась, профукали чего, то всегда найдется несколько миллионов дешевых русских, которых можно бросить на коварного врага, вооружив рогатинами, – и в 1812 г., что в 1941 г. И они честно погибнут, бросив себя на амбразуру. Хороший народ, жаль, что используется для затыкания дыр. И смерть красивая, искренняя – за Родину. Никто не откажется. А «дыры» происходят от наличия чрезмерных амбиций при неспособности достойно обыграть конкурентов – по уму, а не дулями крутить в ООН. А почему так легко умрут миллионы? А потому, что мессианское предназначение у них есть – *светлая идея*, да и народ наш лучший, самый гуманный и добрый, и понимающий… А что пока «добровольно» к себе присоединяли всех, сколько инородцев положили убогих, культуру им дали, интеллигенцию им воспитали – лишь бы любили… Полячишек вон сколько перевоспитывали – не прозрели, убогие, не поняли своего счастья, один лишь Дзержинский оценил российские возможности. Ради светлой идеи, в корнях которой зреет под кроной «Третьего Рима» и «коммунизма» *великая российская держава*, можно и бездумно растрачивать свои недра, ибо *Велика* Россия, и нет ей конца

и края. Есть такая, продлевающая до бесконечности их конвульсии, трагедия континентальных империй, у которых колонии не *заморские*, а прирастающие прямо к телу, как сиамские близнецы. Больно это. Повезло (пока) всяким Англиям и Франциям – расстались с «окультуренными» ими странами, вернулись в «естественное состояние». И, пожалуй, вздохнули облегченно. А какое у России «естественное состояние»? Где ее «естественные границы»? Велика Евразия. России не суждено скромное буржуазное англо-французское счастье. Ибо страна она без чувства географической меры. На чем, впрочем, и стояла.

Понять ли русским с их вселенским масштабом мышления подвиг поляков, сохранивших себя на протяжении ста лет под контролем трех империй, снося онемечивание и русификацию, поднимаясь на борьбу и умываясь кровью? (А в учебниках истории России их стараются даже не упоминать – «образ» портят.) А тех же прибалтов – скромных, расчетливых, трудолюбивых и педантичных, медлительных персонажей анекдотов, махоньких наций на своих «карликовых» территориях, вырвавшихся из «российского моря», сохранив себя и чувство своей судьбы? и в космос не летают, и нефти у них нет, – «на чем» живут мерзавцы? Может, просто хорошо работают и умом своим живут? Как любят писать швейцарцы на своей сувенирной продукции: «*Страна маленькая, но гордая*». Даже очень маленькая страна оставляет место для человеческого достоинства. Очень маленькие страны выживают именно на достоинстве, а не на природных ресурсах.

Но здесь я, увы, отвлекся, – есть и более политкорректная информация…

Горькая доля нацменьшинств часто заключается в том, что их *социальный статус* бывает более низким. Социальный статус этнических групп обычно определяют по тому, какое место они занимают в социальной структуре определенного общества (например, украинского) по материальному положению, политическим и гражданским правам, уровню квалификации и образования, участию во властных структурах, престижности их позиции, идентичности и пр. Вопрос *идентичности* важен в том аспекте, что имеет ли значение для самих представителей национального меньшинства их происхождение (в данном случае – русскость), в том, как они себя позиционируют в данном обществе (в Украине). Далее мы проследуем за социологом Ларисой Колесник*, изучавшей как раз эти моменты на примере юго-востока Украины.

…………………………………………………

* Колесник Л. Соціально-етнічний статус росіян в сучасній Україні (на прикладі південно-східного регіону). Дис.' ... канд. соц. наук. – Дніпропетровськ, 2003.

В XVII–XVIII вв., как мы помним, с наличием русских в Украине были определенные проблемы, кроме крайне необходимых военных и присланного чиновничества. В XIX в. миграции из России усиливаются. К началу XXв. на индустриализуемом юго-востоке страны формировался русскоязычный город с приблизительно одинаковой численностью украинского и русского населения и украиноязычное село, где русские были представлены незначительно и быстро растворялись среди украинцев. В советский период сохранялась тенденция роста русскоязычного населения за счет миграции из России и ассимиляции украинцев в промышленных городах.

На момент последней советской переписи 1989 г. русские в Украине составляли 22 % населения, были более урбанизированными по сравнению с украинцами в Украине и русскими в России; расселялись дисперсно, вперемешку с украинцами – т. е. не проживали где-либо компактно, кроме Крыма; имели более высокий, чем украинцы, образовательный и квалификационный уровень, играли важную роль в экономике, особенно в наиболее технологизированных отраслях промышленности. Для русских в Украине при советской власти не существовало никаких границ для осуществления украинской и общесоюзной карьеры, они имели все возможности получения образования и культурных продуктов на родном русском языке. СССР был вполне русской страной.

Его распад повлек за собой повышение социального статуса «титульного населения», в данной ситуации – украинцев, создавших свою государственность. В подобных ситуациях, как в Украине (употребления двух языков), эти процессы обычно обусловливали дискриминацию людей, употребляющих другой язык, и существенно сокращали употребление «теперь второго» языка. Однако, несмотря на сначала официальный (с «Закона о языке» еще 1989 г.), а потом и государственный статус украинского, с русским ничего страшного не приключилось. То есть, как пишет Лариса Колесник, на массовом уровне языковая ситуация остается достаточно «инерционной» – весьма мало меняется. Русский язык как употреблялся среди подавляющего большинства обитателей индустриального юго-востока, так и продолжает употребляться. Подавляющее большинство печатных изданий (добавим – по всей Украине) как выходило на русском, так и выходит. Реальное использование украинского языка в повседневном общении на юго-востоке не увеличивается, а скорее сокращается, *посему какой язык нужно «спасать» и какой «защищать» в независимой Украине – становится непонятно.* Лишь в структурах госслужбы знание украинского стало реальным фактором социальной мобильности – продвижения на более

престижные должности. Как всегда, карьерная мотивация стимулирует людей к работе над собой.

В общем, русский язык русских в Украине на юго-востоке никак не выделяет их среди окружающих. У русских региона, что обусловлено уже вполне индустриальным характером их миграции в Украину, практически *отсутствуют* такие этнические маркеры (отличия и показатели), как особые национальные традиции и бытовая культура, территория. Большинство русских недовольно понижением статуса русского языка по сравнению с былыми временами, но положительно относятся к возрождению украинского языка и культуры. Эти позиции несколько противоречивы, как и многие нынешние украинские реалии. Религиозный фактор столь же мало выделяет русских из окружающей социальной среды, как и языковой. Абсолютное большинство опрошенных русских никогда не сталкивалось с антипатией к себе по этническим мотивам. Среди опрошенных русских почти в два раза больше, чем среди украинцев, людей, готовых принять представителей других этнических групп в качестве членов семьи, трудового коллектива, друзей, соседей.

Исследование Ларисы Колесник позволяет говорить о «национальном характере» русских юго-востока Украины как о *более завуалированном, размытом, не так четко сформулированном и менее осознаваемом, нежели у украинцев в Украине или русских в России*. Незначительная этнокультурная дистанция между русскими и украинцами юго-восточных регионов не способствует кристаллизации внутриэтнической жизни русских, формированию системы их общественных организаций. Последние в странах с большой этнокультурной дистанцией служат основным средством преодоления «культурного шока». В Украине для русских «культурного шока», похоже, нет.

От себя добавим, что если посмотреть на данные переписи 2001 г., то мы увидим, что русских в Украине стало на 27 % меньше, т. е. вместо 11 млн 335 тыс. – 8 млн 334 тыс. Цифра эта во многом объяснится, если учесть, что население Украины с 1989 г. сократилось на 7 %, но число украинцев при этом – лишь на 1 %, а в России при этом количество украинцев сократилось на 33 %. Просто кто-то (немногие) после развала уехал на «историческую родину», но в основном многие украинцы в России уже считают себя русскими, а многие русские в Украине считают себя украинцами. К последним, в частности, относятся украинцы, в советских реалиях «обрусевшие», а потом вспомнившие о своих корнях. Так что «рост» количества украинцев можно считать скорее некоторым восстановлением утраченной идентичности, нежели навязчивой украинизацией или активным размножением. Не все

так навязчиво и, увы, не так активно мы размножаемся. Русские остались наиболее урбанизированной этнической группой Украины (84 % живут в городах) и имеют наибольший процент людей с высшим образованием (раньше первенство было за евреями, но их количество сократилось в Украине за 30 лет их эмиграции на 90 %).

По приведенным тем же автором данным социологических опросов, среди русских больше, чем среди украинцев людей, недовольных своим материальным положением, но *при этом они не считают, что украинцам живется лучше, чем русским.* (Чем старше возраст респондентов, тем хуже они оценивают свое материальное положение.) Среди русских больше, чем среди украинцев, людей, довольных своей работой. Русские больше удовлетворены тем, что дают обществу, и меньше тем, что от него получают. Среди русских (мы все время сравниваем с украинцами) меньше тех, кто ставит себя на последнюю условную ступень в обществе. Уровень занятости среди городского русского населения региона остается выше, русские чаще меняли место работы, но реже были безработными. Среди работающих русских больше тех, кто занят в частном секторе. Среди них выше доля тех, кто занят умственным, а также высококвалифицированным физическим трудом. В тоже время часть русских, занятых управленческой работой, меньше, нежели среди украинцев. Но, по уровню образования, повторимся, русские украинцев опережают, несмотря на тенденцию к уравниванию. Несмотря на данные о меньшей относительной доле русских «во властях», абсолютное большинство что русских, что украинцев считает, что в их регионе нет проблем с защитой прав и интересов местного русского населения. В Украине не существует исключительно русских по своему членскому составу политических партий, правда, есть несколько партий, которые претендуют на выражение интересов этнических русских. На выборах успеха за ними не замечалось практически нигде. Аполитичность у русских более выражена, нежели у украинцев, но среди первых больше тех, кто симпатизирует левым и левоцентристским политическим партиям.

Доминирующей моделью в украино-русских отношениях в русскоязычных регионах Украины является интеграция, двукультурность, ситуация, когда люди выбирают в зависимости от ситуации при решении определенных проблем «где, когда и с кем быть русским или украинцем». При отсутствии графы «национальность» в паспорте для этого есть все возможности. В общем, в совокупности с ними и без них достаточно пестрым населением юго-востока, русские

представляют скорее часть общего своеобразного регионального социокультурного комплекса, который определяется *лишь в сравнении с другими регионами Украины* и в котором вопрос «пользы» или «вреда» для социальной жизни и карьеры русского этнического происхождения более чем вторичен.

Возвращаясь к исследованию Ларисы Колесник, скажем, что автор резюмирует свои изыскания следующим образом:

«русское население в городах юго-восточного региона как по объективным показателям, так и по своему этническому сознанию, на данном этапе не отвечает классическим представлениям о национальном меньшинстве. Русские в Украине являются в своем роде «суперменьшинством» и, вместе с украинским большинством, представляют ныне одну из наиболее важных составляющих демографической базы страны».

Отсутствие заметных этнических и культурных границ, проявлений дискриминации и сегрегации имеет одним из последствий тенденцию к украинизации русских в Украине не по языку, но по их *самоидентификации*.

5. Гражданская или этническая модель нации?

Положение украинцев как государствообразующего этноса, с одной стороны, не вызывает никаких сомнений, а с другой – может быть скорректировано тем фактом, что на референдуме 1 декабря 1991 г. лозунг независимости был поддержан 90 % населения, что явно больше численности этнических украинцев в пределах Украины. За независимость проголосовало 68 % этнических украинцев, 55 % этнических русских и 46 % представителей других меньшинств, гораздо менее многочисленных, чем первые две группы. Т. е., на новом старте независимости украинское государство могло опереться на гораздо более ощутимый консенсус лояльности иноэтничных групп, чем в 1917–1920 гг. Соответственно, субъектом самоопределения выступил не один лишь украинский этнос, что подняло вопрос о форме национальной государственности – «*нация-государство*» или «*государство-нация*».

Но в 1991 г., как и в 1917 г., украинское национальное движение, хотя и включало в себя представителей других национальностей,

позиционировало себя прежде всего в отстаивании этнокультурных приоритетов украинцев – защиты украинского языка, восстановления национального культурного стандарта и реализации политических требований украинцев вплоть до суверенизации. Поскольку все эти требования формулировались в контексте общей демократизации общества, то в их число не входили лозунги этнократического («Украина – для украинцев») или ксенофобногоого характера. Однако при дальнейшей реализации национально-государственного проекта необходимо было более четко сформулировать ответ на вопрос: независимая Украина – это государство украинцев или государство всех граждан?

При всей условности и «символичности» подобных определений в условиях демократии и общегражданского равенства *они важны при выработке приоритетов культурно-гуманитарного развития и соответствующих долговременных культурных стратегий, воспроизводящих тот консенсус лояльности, который был показан референдумом декабря 1991 г.* Однако, за исключением ряда ожидаемых шагов, начатых еще в конце 1980-х («Закон о языках УССР» 1989 г.) и продолженных в начале 1990-х, новых решений по украинизации не последовало. Уточним, что эта самая украинизация – компенсационная, восстанавливающая утраченные статусы украинского языка. Дальнейшая культурная стратегия украинского государства осталась «недосказанной» и соответственно, неразвитой. Широкие права, предоставленные меньшинствам, носили общеправовой демократический характер. *В экономических реалиях 1990-х говорить о каких-то культурных стратегиях было вообще сложно, и вопрос о сущности и формах гражданской нации для Украины повис в воздухе.*

Ситуация мировоззренческого хаоса оставила до сегодняшнего дня интерпретацию понятия «нация» в украинском общественном мнении двусмысленной: первая реакция преимущественно негативная, основанная на советском этническом определении этого слова со стандартной привязкой в лице «национализма», – опять же в исключительно негативном понимании. Понятно, что боязнь слова «нация» негативно отражается на всех возможных его смыслах, а тем более тех, которые еще не прижились в общественном восприятии. Поэтому популяризация идеи «гражданской нации» столь же сложна, как и «этнической», причем последняя может быть хоть и не популярной, но уже гораздо более знакомой, поскольку опирается на привычные советские стереотипы.

Однако в политическом пространстве Украины четкое определение позиций в этом вопросе и реализация соответствующих

информационных и культурно-гуманитарных стратегий почему-то не происходит. Причины этого достаточно просты: при приблизительном равенстве сил и электорального ресурса внешне «принципиально противоборствующих» группировок правящего класса («оранжевых» и «красно-бело-голубых») никто не склонен к продолжительным (и в силу этого не дающих немедленных политических дивидендов) стратегиям культивирования в обществе определенных принципов и настроений. Уж тем более – к достижению неких мировоззренческих консенсусов с выведением определенных («уже решенных») вопросов из круга публичной полемики.

Гораздо проще эксплуатировать уже давно подготовленные в результате предшествующей истории полярные региональные этнокультурные и исторические стереотипы, поскольку они являются наиболее отзывчивым ресурсом при мобилизации немедленной электоральной поддержки. И, что наиболее существенно, не требуют никаких «инвестиций», поскольку уже давно существуют: на них поработали и Российская империя, и Советский Союз. Соответственно, в политическом процессе доминируют стратегии регионализации и раздела «эксплуатационных зон» (помните «Сухаревскую конвенцию» «детей лейтенанта Шмидта»?), а не интеграции украинских региональных пространств и электоратов. Поэтому вопрос государственного языка, к примеру, является политически наиболее прибыльным, ибо (как и проблема «насильственной украинизации») никак не связан с действительными реалиями, а как некий законодательный шаг – нереализуем при данной расстановке политических сил. Это делает языковую проблему перманентной и весьма удобной для многих электоральных кампаний подряд.

В обществоведческой литературе за пределами Украины частенько возникают споры исследователей о том, какую стратегию реализует украинское государство: построения «нации-государства» (этнической нации) или «государства-нации» (гражданской, политической нации). Я бы занял в этих спорах гораздо более простую позицию: у украинского государства сейчас нет никаких стратегий, а повод для дискуссий ученых создают хаотические и бессистемные шаги разных правительств и разных ведомств. Поскольку стратегии нет, то неудивительно, что по этому поводу возникают споры: аналитики пытаются что-то из этого бардака вычленить, сформулировать, назвать. Но это – бессмысленно, поскольку нет какой-либо постижимой «политики», есть просто «политический процесс». Поэтому наш бардак никакой «алгеброй» не проверить…

6. Языковый баланс

Одной из регулярных тем в общественной и политической полемике в Украине является уже упомянутый выше вопрос о государственном и официальном языке, а точнее – о возможности предоставления такого статуса русскому языку. Следует отметить чрезмерную политизированность этой проблемы, что мешает участникам дискуссии трезво взглянуть на нее (если вообще присутствует такое желание), учитывая данные статистики и опыт других государств. Подобная попытка была сделана участниками круглого стола экспертов «Языковый вопрос в Украине», проведенного Центром им. В. Липинского в июне 2007 г.

Один из ведущих экспертов по данному вопросу Олег Медведев осуществил в 2006–2007 гг. исследование использования языков в разных сферах общественной жизни страны («Языковый баланс Украины»*). Основные выводы О. Медведева сводятся к следующему:

1. Украина в целом является двуязычным государством, в котором относительно большей является группа исключительно украиноязычных и несколько меньшими две приблизительно одинаковые группы – двуязычных и исключительно русскоязычных. *Однако двуязычными являются преимущественно этнические украинцы и те, кто считает родным языком украинский. Этнические русские и те, кто родным языком называет русский, являются большей частью одноязычными*: соответственно 80 % и 85 % говорят лишь по-русски. Среди этнических украинцев доля двуязычных в 2,7 раза больше, чем доля двуязычных среди этнических русских. Среди тех, кто считает родным языком украинский, количество двуязычных почти в 2 раза выше процента двуязычных среди тех, кто родным языком называет русский.

Граждане Украины в целом хорошо знают как украинский, так и русский языки, причем последний даже лучше. По данным социологических опросов, «свободно или на достаточном уровне» украинским владеет 86 %, а русским – 92 % населения.

Вопреки распространяемой известными политическими кругами мысли о том, будто в Украине украинский язык развивается «за счет русского», можно ответить, что *все «нерусские» языки, распространенные в Украине*

* http://www.obozrevatel.com/news/2007/3/23/162212.htm.

(в том числе и украинский) были и остаются «донорами» по отношению к русскому языку. Значительная часть граждан неукраинской и нерусской национальностей, а среди некоторых этносов – подавляющее большинство, равно как и 15 % этнических украинцев, считают родным русский язык, а не язык собственной национальности. Почти 20 % этнических украинцев общаются исключительно на русском языке.

Тот факт, что соотношение носителей украинского и русского языков не отвечает соотношению этнических украинцев и русских, свидетельствует об определенной *деформации* языковой ситуации.

2. В будущем благодаря естественному движению населения *количество людей, которые используют лишь русский язык, увеличится, а тех, кто говорит лишь по-украински, – уменьшится*, что будет означать сокращение украиноязычной практики и инерционное продолжение русификации, ранее на протяжении десятилетий являющейся государственной политикой Российской империи и СССР. Эти прогнозы основываются на социологических данных, согласно которым количество тех, кто считает родным украинский язык и кто говорит на нем в возрастной категории до 30 лет, является меньшим, чем в целом по массиву опрошенных, и меньшим, чем в старшей возрастной группе.

3. В целом по Украине *во всех сферах общественной жизни, кроме образования и частично государственного управления, доминирует русский язык. Во многих сферах присутствие украинского является крайне низким или приближается к нулю,* как-то: в бизнесе, интернете, сфере услуг, шоу-бизнесе, кино- и видеопрокате*, производстве телесериалов и т. п.

В подавляющем большинстве сфер публичной жизни уровень распространенности и использования украинского языка не отвечает ни этническому распределению населения на украинцев или русских (77,8 % на 17,3 %), ни количеству граждан, которые соответственно считают родным украинский или русский язык (67,5 % на 29,6 %), ни реальной языковой бытовой практике, где 68,6 % граждан так или иначе употребляют украинский язык, а 61 % – русский. При такой численности национальных и языково-практикующих сообществ («украинофонов» и «русофонов»), при существенном преобладании тех, кто родным считает украинский язык, реальное его присутствие в большинстве сфер – ниже 50 %, равно как и ниже уровня распространенности русского языка.

* С 2008 г. фильмы нероссийского производства в кинопрокате начали дублировать на украинском языке.

Языковые права этнических русских, а также тех, кто считает родной язык русским, и в целом русскоязычных граждан Украины обеспечены значительно лучше, чем языковые права этнических украинцев и тех, кто считает украинский язык родным, и украиноязычных.

Если исходить из того, что в Украине все же существует дискриминация по языковому признаку, то статистика дает значительно больше оснований говорить о дискриминации украиноязычных граждан, чем русскоязычных.

4. Процесс возрождения и распространения украинского языка в разных сферах общественной жизни все же является очевидным, как и факт его ускорения на протяжении последних лет. Однако сам факт не является гарантией продолжения этой тенденции в дальнейшем.

Украинский язык стал доминирующим в сфере образования, при этом в восточных и южных регионах сохранена мощная инфраструктура русскоязычного образования. Возрастает влияние украинского языка на телевидении. Увеличилось количество украиноязычного музыкального продукта в шоу-бизнесе, на ТВ и радио. Пройдена «точка падения» на книжном рынке, крайне медленно, но оживает украиноязычная литература. Сдвинут с мертвой точки вопрос относительно распространения украинского языка в кинотеатрах и видеопрокате.

Однако в целом граждане не считают языковый вопрос приоритетным. В общем перечне тридцати острейших проблем, которые стоят сегодня перед страной, вопрос статуса русского языка граждане Украины поставили на 26-е место, а украинского – на 24-е. В список десяти приоритетных проблем, которые определял каждый респондент, вопрос русского языка внесли лишь 8 % наших соотечественников, главным образом из Крыма и Донбасса, а украинского – 9 %, большей частью на Западе Украины. *52,1 % граждан отнесли языковый вопрос к «неактуальным и вообще несуществующим».*

Нынешнее соотношение сил в украинском политикуме определяет принципиальную (или же просто техническую) невозможность изменения языкового законодательства. В данных условиях попытка его ревизии будет иметь следствием лишь обострение общественно-политической ситуации. Очевидно, уместным является сохранение статус-кво, зафиксированного в компромиссном, еще советском (и ныне действующем) законе о языках 1989 г. и зафиксированных в его развитие нормах других законов.

По мнению О. Медведева, для Украины является важным достижение компромисса между двумя наибольшими языковыми сообществами. Украинофоны должны согласиться с ощутимым присутствием в Украине

русского языка и осознать, что демократического пути к «одноязычной» Украине нет, впрочем, как и недемократического. Русскоязычные же обязаны понять, что время безраздельного господства русского языка прошло, что жить в Украине и быть свободным от украинского языка невозможно, а государственная поддержка украинского языка и вмешательство государства в языковую сферу необходимы для того, чтобы компенсировать отрицательные последствия многовековой дискриминации украинского языка и уравнять его в фактических правах с русским.

Социологическое исследование О. Медведева удачно дополняется мнением известного украинского дипломата и правоведа, эксперта по языковому законодательству европейских стран Владимира Василенко.

Согласно его сравнительному анализу, в подавляющем большинстве европейских государств основополагающие принципы языковой политики определяются их конституциями, прежде всего, путем определения официального (государственного) языка или языков. Сегодня в 50 государствах Европы статус официальных (государственных) языков, которые используются на всей территории страны, имеют 42 европейских языка. В этой связи, уточняет автор, термины «официальный язык» и «государственный язык» являются тождественными, поскольку официальный язык страны не может не быть государственным, а государственный язык не может не быть официальным. Неслучайно в конституциях европейских государств используется или термин «официальный язык», или термин «государственный язык», но никогда оба термина в одном законодательном акте – именно потому, что они *тождественны*. В конституциях отдельных государств, таких как Швейцария, Ирландия, Мальта, наряду с термином «официальный язык» используется термин «национальный язык» для определения языка или языков коренных титульных наций, а Конституция и законодательство Финляндии ограничиваются всего лишь термином «национальный язык», который можно понимать и как официальный язык. В конституциях некоторых государств кратко утверждается, что языком государства является язык титульной нации без прилагательных «официальный» или «государственный» (Франция, Турция).

По мнению В. Василенко, анализ конституций и законодательства европейских государств дает основания для вывода о существовании трех типичных моделей решения вопроса официального (государственного) языка.

Первая модель предусматривает безоговорочное признание официальным (государственным) исключительно один язык.

Вторая модель предусматривает возможность существования наряду с одним официальным (государственным) языком, который

применяется на всей территории государства, других официальных в *отдельных частях государства*.

Третья модель предусматривает сосуществование в государстве нескольких официальных (государственных) языков.

Первую применяет подавляющее большинство европейских государств, признавая официальным (государственным) язык титульной нации, которая исторически сформировалась и автохтонно существует на территории данного государства, составляет большинство ее населения и дала название данному государству. К этим государствам принадлежат наибольшие и наиболее влиятельные европейские демократические государства, такие как Великобритания, Италия, Германия, Франция, Португалия, а также все государства Центральной и Восточной Европы (за исключением Белоруссии), прибалтийские и скандинавские страны. Исключениями являются Финляндия, Болгария, Румыния, Сербия, Турция.

Вторая модель применяется в государствах, в определенных частях территорий которых компактно проживают представители отличных от титульной наций *автохтонных этносов*. Такими государствами являются, например, Испания, Македония, Словения, Хорватия, Россия.

В рамках модели официального многоязычия, прежде всего, нужно выделить языковое законодательство государств, в пределах территорий которых существуют более или менее четкие этнические границы между автохтонными этническими группами. Такой является, например, Швейцария. Аналогичные, но отнюдь не тождественные модели, применяются такими государствами, как Кипр, Босния и Герцеговина. Особые режимы многоязычия существуют в Бельгии и Финляндии.

Анализ национального законодательства, языковой политики и языковой практики европейских государств свидетельствует, что каждое из них решает языковый вопрос, исходя из специфики языковой ситуации, присущей ей и обусловленной ее историческим прошлым и современными реалиями. Соответственно, в Европе, как и в мире, существуют разные модели определения статуса языков и регулирование порядка их применения. Вместе с тем, в рамках этих моделей можно выделить определенные общие правила, которыми руководствуются государства, выстраивая основы своего языкового законодательства и языковой политики.

- Подавляющее большинство европейских государств применяет конституционно закрепленную норму: одно национальное государство – один официальный (государственный) язык, который используется на территории всего государства. *Причем*

это правило применяется независимо от того, какая концепция нации – этническая или гражданская – положена в основу развития государства.

- Вместе с тем практически во всех европейских государствах существует законодательство, направленное на обеспечение языковых прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам. Тем не менее, далеко не все европейские государства стали участниками «Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств», очевидно, считая достаточными уже существующие национальные системы защиты прав национальных меньшинств.
- Признание такими государствами, как Испания, Македония, Россия, Словения и Хорватия возможности существования наряду с общегосударственным официальным языком других официальных языков с территориально ограниченным статусом является скорее подтверждением, а не опровержением общего правила. Дело в том, что в определенных частях упомянутых государств компактно живут автохтонные этносы или отдельные этнические группы, которые составляют там преобладающее большинство населения и представители которых традиционно используют свой родной язык. Итак, в таких случаях общеевропейская норма «одно национальное государство – один официальный общегосударственный язык» не отрицается, а модифицируется в правило: одно национальное сообщество – один официальный язык, применяемый в традиционных этнических границах этого сообщества. Практически это правило действует также в Швейцарии, Бельгии, Кипре, Боснии и Герцеговине и частично в Финляндии.
- Конституции европейских государств устанавливают, что вопрос определения статуса языков, как и общего порядка их применения, относятся к компетенции высших законодательных органов государства и регулируются исключительно общегосударственным законом.
- Административно-территориальные единицы, не наделенные правом определять статус языков, могут вводить местный режим использования языков лишь согласно предписаниям Конституции и на основании законов, принятых компетентным законодательным государственным органом.

Сравнительный анализ правового регулирования языкового вопроса в Европе и в Украине дает основания для вывода о *принципиальном соответствии*

украинского языкового законодательства европейским стандартам, несмотря на тот факт, что сегодня в Украине является действующим «Закон о языках в Украинской ССР», который был принят еще в 1989 г. Основополагающие нормы этого Закона о государственности украинского языка, применении языков и защите языков национальных меньшинств подтверждены действующей Конституцией Украины, в частности ее статьей 10, и конкретизированы решением Конституционного суда Украины о толковании этой статьи. В Украине действует норма, согласно которой в работе государственных органов, учреждений и предприятий и органов местного самоуправления, расположенных в местожительствах большинства граждан других национальностей, могут наряду с государственным использоваться другие национальные языки. Это открывает значительные юридические и практические возможности для применения языков национальных меньшинств, включая русский. Итак, предоставление русскому языку статуса регионального по решению некоторых органов местного самоуправления является необоснованным и антиконституционным, поскольку статус языков и порядок их применения согласно Конституции Украины могут определяться лишь законами Украины. Правовой нигилизм, продемонстрированный этими органами, не оправдывает и ссылка на «Европейскую хартию», поскольку этот документ не регламентирует порядок предоставления любого языкового статуса, а лишь вводит определенные механизмы защиты языков меньшинств, *прежде всего тех, что оказались под угрозой исчезновения*. От себя добавим, что статистика, проанализированная О. Медведевым, ничего не говорит о возможности исчезновения русского языка в Украине. Скорее наоборот, подобного рода проблемы могут в будущем ожидать украинский язык.

Критика действующего языкового законодательства Украины относительно его несоответствия европейским нормам основывается на незнании этих стандартов, а если точнее – то на намеренном их искажении и нежелании понять исторические условия их формирования и применения в конкретных государствах. Языковые ситуации в тех государствах, где внедрено несколько официальных языков, не являются тождественными языковой ситуации в Украине и принципиально отличаются от нее.

Заметим здесь, что с внедрением в Беларуси в 1996 г. русского языка как государственного наряду с белорусским привело к резкому сокращению сфер использования последнего и обрекает его на упадок и возможное исчезновение с языковой карты Европы.

По мнению В. Василенко, в силу особенностей украинской ситуации внедрение русского языка как второго официального языка неизбежно приведет к упадку украинского языка, к постепенному вытеснению его из всех сфер публичной жизни.

7. УССР жива: все тот же стиль управления

Возвращаясь к вопросу об украинской элите, мы предварительно уточним, что *ведущую роль в этнокультурном позиционировании элитной страты в Украине играет ее региональная принадлежность, социальное происхождение и преемственность с поздней советской бюрократическо-управленческой прослойкой*. По мнению украинского эксперта Сергея Гнатюка, в Украине пока еще не произошла свойственная подавляющему большинству постсоциалистических стран «кадровая революция», т. е. смена поколений в корпусе госслужащих и управленцев. Среди представителей местных органов власти 52 % представляют те, кто находился на государственной службе в советское время, в центральных органах власти доля таких людей составляет 46 % (и позиции этой категории в силу возраста «начальственные», т. е. она формирует профессиональный стандарт и кадровую политику). Это обусловливает соответствующий менталитет, ценностные приоритеты и навыки управленческой деятельности, их трансляцию в будущее.

Поэтому говорить о том, что современные украинские управленцы реализовывают «приоритеты украинского национального государства», во многом ошибочно. Они реализовывают приоритеты, определенные актуальным состоянием государственно-административной структуры, которая лишь движется в направлении формирования *несоветской* национальной государственности. Региональная принадлежность чиновников обуславливает их относительную отзывчивость на локальные этнокультурные стандарты и соответствующую «историческую память», но последний фактор не стоит преувеличивать. Поэтому будет корректнее говорить о том, что мы имеем дело с управленческой элитой пост-УССР, сколь бы ни стали велики ее «буржуазные» или «национальные» мотивации. Глобальные «меседжи» и «ориентации» высшего государственного руководства, независимо от их содержания, основательно просеиваются через фильтр советской управленческой структуры. Подобные процессы, хоть и в меньшей степени, касаются научно-преподавательской, творческой и предпринимательской элиты. В последней традиционно сильны т. наз. «комсомольцы» (младшее поколение поздней советской элиты), а полукриминальный бизнес 1990-х уже надежно легитимировался через сращивание с вышеописанным государственным аппаратом и политическими структурами.

Социальное происхождение нынешней украинской элиты больше говорит не о ее национальном позиционировании (идентичности), а о локальных социальных стандартах, опирающихся на идентичность более низкого уровня. По данным другого исследователя, А. Зоткина, 58 % представителей истеблишмента родились в селах, еще 30 % – в городах с населением меньшим, чем 100 тыс. Это, конечно, говорит нам об их преимущественно украинском этническом происхождении. Сами эти факты, понятно, могут ничего нам не сказать в качественном смысле, но в конкретных украинских условиях такой контингент привносит в политический и управленческий процесс черты консервативные и свойственные замкнутому сельскому сообществу, а не современному государству с определенными моделями кадровой политики и широты административного и кадрового мышления.

Поэтому в данном случае «теоретическая» украинскость отнюдь не является залогом государственного украинского мышления, заменяясь стратегиями земляческого выживания и выстраивания групповых «кумовских» или корпоративных стратегий, абсолютно не зависящих от факта «украинскости», «российскости» или «советскости» государства, в котором все это происходит. А. Зоткин делает интересный вывод относительно «засилья» во властной элите выходцев из неразвитых (аграрных) областей Украины. Эта тенденция не имеет характера «похода на Киев», присущего мощным региональным бизнес-элитам (днепропетровской, донецкой), которые занимают сразу «командные высоты», а является результатом закономерного поглощения столицей лучшего социального капитала ближайшей периферии. Очевидно, что в этом смысле основным источником кадров являлся и является Центр страны.

Социологические данные свидетельствуют, что индустриально более развитые области Востока и Юга представлены в элитных стратах украинского общества меньше, чем Центр или Запад. Приведем цифры: Винницкая область – 5 %, Житомирская – 7 %, Черкасская – 5 %, Черниговская – 4 %, Кировоградская – 2 %. Если объединить эти данные с количеством выходцев из Киева и Киевской области (13 % и 9 % соответственно), то 44 % властной элиты Украины окажутся выходцами из центрального региона. Вместе с этим большие региональные центры представлены в высших органах власти гораздо меньше: Днепропетровская область – 3 %, Донецкая – 5 %, Харьковская – 4 %, Львовская – 3 %. Однако число выходцев из таких региональных центров среди политиков превышает «наследственный» столичный истеблишмент: Днепропетровщина – 6 %, Донецкая область – 7 %, Львовщина – 7 %. Позиции лидеров

в бизнесе и среди руководителей предприятий также принадлежат выходцам с Днепропетровщины (8 %) и Донбасса (12 %).

Теперь уточним: властная страта украинского общества на 80,4 % состоит из украинцев. При этом в аспекте ценностно-поведенческих приоритетов им свойственен низкий уровень национального самосознания, государственного патриотизма, недостаток ощущения собственной «сверхзадачи» и адекватной групповой самореференции. Т. е. это еще советский государственный аппарат – «функционеры», не дорастающие до характеристик того, что социологи называют «ценностно-функциональной элитой». В данном контексте украинская элита, как и марксистский пролетариат, по сути, не имеет национальности. Во всяком случае, такой, какая бы отражалась на стиле и стратегии ее менеджмента.

Создается впечатление, что достигающие властных вершин представители финансово-промышленных групп юго-востока страны в любом случае на уровне центрального аппарата государственного управления обслуживаются представителями Центра, сформировавшимися как управленцы при советской власти. То же происходит при эпизодической смене политических лидеров и их «сверхценных идей», которые проходят такую же «усушку и утруску» в корзине УССРовской управленческой вертикали. Качество реализации идей и исполнения решений (независимо от их характера) получается соответствующее. В свою очередь, пробившиеся в «походе на Киев» группировки из «больших городов» юго-востока функционируют как пирамидально-самодостаточные замкнутые структуры, напоминающие земляческо-кумовские структуры госслужащих, происходящих из сел и местечек центра страны. В этом смысле они мало чем друг от друга отличаются, и поэтому их взаимодействие происходит на вполне прагматической основе, основанной на бизнес-интересе. Ясно, что если «юго-восточная структура» занимает господствующую политическую позицию в стране, то ее решения выполняются, но в силу неэффективности существующей управленческой модели, государственная структура просто «вибрирует» в унисон с нынешней «линией партии». Можно спорить относительно того, является ли подобная модель отношений «Центр (столица) – региональные центры» жизнеспособной в перспективе и дает ли она Украине некий «баланс» в достижении среднего между крайностями, однако подобная модель функционирования государства не способствует достижению четкости его приоритетов и векторов развития.

В любом случае, понятно, что этнокультурные регионы, определенные нами в начале книги, и очевидная советская преемственность

формируют украинскую социальную реальность гораздо больше, чем этническая принадлежность управленческих кадров. Конечно, нам мог бы помочь анализ национального состава населения областей и регионов, но это будут всего лишь иноэтничные «вводные» в преимущественно украинское население регионов Украины, а на социальный статус этнических групп влияет, прежде всего, их поселенческая модель, региональная локализация и степень урбанизированности. По фактам, уже изложенным мною, наиболее выгодные позиции на украинском «этническом фоне» занимают русские, независимо от того, позиционируют ли они себя «как русские» и позиционируют ли они себя как «неукраинцы» (что им просто сложно сделать в виду известного отсутствия графы о национальности в паспорте). Поэтому вполне справедливым будет термин, используемый украинскими авторами по отношению к русскому национальному меньшинству, – «суперменьшинство». Его представители могут занимать различные социальные позиции, их вертикальная мобильность никак не ограничивается, поскольку для этого отсутствуют как правовые, так и культурные ограничители. Доступ русских к хорошим образовательным ресурсам и стабильная позиция урбанизированной этнической группы является гарантией лучшего карьерного старта и достижения престижных квалификаций, нежели для представителей относительно более аграрных украинцев. Однако существенную роль в социальном статусе русских в Украине является их дисперсная (рассеянная) поселенческая модель, при которой они вне Крыма не опираются на компактный этнический ареал, задающий культурно-идентичностные стандарты, воспроизводя (и политизируя) их этничность. Поэтому вне пределов Крыма на большей территории страны этнические русские выступают как представители определенных регионов, а не этнической группы, носители региональной идентичности, а не этнической.

В результате русские «теряются» на соответствующем региональном варианте «украинского фона» – и не в силу своей ассимилированности украинцами, а в результате регионализации украинской идентичности и продолжительной русификации украинцев. Соответственно, «доминирующие» украинцы просто не могут создать контраст, «оттенить» 8 млн русских; их (украинцев) национальная (как этническая, так и гражданская) идентичность пребывает еще лишь в процессе становления, преодолевая локальные территориальные варианты и советские анахронизмы.

8. Чей Крым? Долгая история и некие ответы

…Независимость татар в Крыму ненадежна для нас и… надобно помышлять о присвоении сего полуострова.

Статс-секретарь императрицы Екатерины II
Александр Безбородко, 1777

Крым, как известно, представляет собой главное яблоко раздора в украинско-российских отношениях. Являясь этнически по преимуществу русским, он был непонятно зачем «подарен» Хрущевым Украине в 1954 г. В 1991 г. местные жители оказались заброшены в «другую страну», отчего, по российскому мнению, «страдают», подвергаясь насильственной украинизации. В общем, несправедливо это все по отношению к крымчанам. Их мнения никто не спросил. Никто не спрашивает, однако, справедливо ли было «засовывать» Украину в Советский Союз, а Крым – в Российскую империю, но тут явно не вопрос реванша. Попробуем прояснить ситуацию: основная неясность у нас не с Украиной или Россией, а с самими крымчанами и советской логикой Хрущева и советской логикой проведения границ и передач территорий. Наиболее часто замечаемой «оплошностью» российских специалистов по «крымскому вопросу» является то, что они слишком часто забывают о коренном населении этого полуострова и ведут его историю, начиная с «присоединения» к России. Это то же самое, что начинать историю Киева с момента «воссоединения» с Россией, или историю Америки – с ее «открытия» Колумбом. Столь же часто отрицаются какие-либо контакты Украины с Крымом до товарища Хрущева.

Углубимся посему несколько в крымскую историю. Издавна Крым населяли самые разные люди: тавры, греки, скифы, сарматы, готы, евреи, славяне, хазары, печенеги, половцы, итальянцы и прочая и прочая. Находясь на цивилизационном перекрестке, он впитывал в себя огромную мозаику народов и культур. Назывался он сначала Таврикой, Тавридой. Именно в Крыму проживают три из четырех «*коренных народов*» *Украины – крымские татары, крымчаки и караимы*. В середине XIII в. в Крым проникли монголо-татары, которые образовали юрт (удел) Золотой Орды с центром в городе Солхат, названом ими Крым (теперь Старый Крым). Потом это название распространилось на весь полуостров. В 1449 г. наместники

Крымского удела во главе с Хаджи Гиреем (или Гераем) при содействии Польши и Литвы провозгласили независимость от Золотой Орды, которая распадалась, и сформировали новое политическое образование – Крымское ханство со столицей в Бахчисарае. В 1475 г. ханство попало в вассальную зависимость от Османской империи. Крымское ханство занимало внутреннюю часть полуострова (ЮБК принадлежал непосредственно туркам), а также земли Северного Причерноморья, Приазовья и Прикубанья. Со второй половины XVI в. вассальную зависимость от Крыма признала Малая Ногайская орда, которая прикочевала из Прикаспийских степей в Северное Причорноморье. После ее распада в 20-е гг. XVII в. окончательно сформировалось структура из Белгородской, Едисанской, Джамбуйлуцкой и Едичкульской орд, которые пребывали в вассальной зависимости от Крыма и Турции. Утверждать, что этническая история крымских татар начинается с монголо-татар, – в корне неверно, поскольку антропологически они являются во многом потомками древнего населения Крыма (тавров, греков, готов, частично хазар и половцев), просто принявшего новое имя и ассимилированного на основе принятия тюркского языка (кыпчацкой группы), а в дальнейшем – ислама. То, что они все были кочевниками, – тоже неверно, их образ жизни отличался в зависимости от природной среды и местных традиций; само кочевание экономически исчерпало себя к середине XVIII в. Среди крымских татар до XX в. существовали четыре субэтноса с различными этническими корнями: 1) южнобережные (таты с языком огузской группы тюркских); 2) горные (пастухи и садоводы, тюркизированные бывшие греки, готы); 3) центральнокрымские пастухи и садоводы; 4) кочевые степные, по происхождению в основном ногайцы. Одни были выразительными европеоидами, другие в своем облике несли монголоидные черты.

Крымское ханство играло роль своеобразного рычага, который влиял на расстановку политических сил в Восточной Европе, выгодную для османской Порты. При этом внешнеполитические акции Крыма сводились как к непосредственным грабительским вторжениям в границы Великого княжества Литовского, Польши, Московского государства, так и провоцированию конфликта между ними.

С 1480-х гг. (после упомянутого нами союза крымцев с Иваном III против Литвы) одним из основных источников обогащения экономики ханства стали грабительские нападения на украинские, русские, молдавские, польские, литовские и др. земли. Главным покупателем невольников-рабов была Турция, которая использовала их на латифундиях, на галерном флоте, а также (после соответствующей подготовки)

для комплектования корпуса янычар.

С конца XV в. основным ближайшим соседом (то союзником, то врагом) Крыма стало запорожское казачество. Порубежье украинских земель с Ханством было не только театром конфронтации и военных столкновений, но и зоной межэтнических контактов, политического, хозяйственного, торгового, бытового, языкового, этнографического, культурного и духовного взаимовлияния. Да и само казачество как общественный институт явилось результатом этого продолжительного взаимовлияния. Русы жили в городах Крыма еще со времен Руси (но мы не разберемся до конца – не были ли это одни лишь варяги), но дальнейшее количество украинцев увеличивалось в ханстве за счет невольников (ок. 2 млн с конца XV в. до середины XVII в.), которых после семи лет рабства отпускали на волю без права покидать Крым. По подсчетам историка Ярослава Дашкевича, во второй половине XVII в. украинцы стали основными, в абсолютном исчислении, жителями Крыма. Понятно, что они исламизировались и растворялись в местной среде – *становились татарами*. Посему «доля» украинцев в генофонде крымских татар весьма существенна. Добровольное переселение украинцев-казаков на земли Крымского ханства происходило после 1708 в. и 1775 г., когда российские власти разгоняли Сечь. Крымскотатарские выходцы бывали в казацкой среде, оседали в степной Украине, мигрировали на северные земли и компактно жили на Волыни, в Белоруссии, Литве, кочевали в украинских степях во времена Б. Хмельницкого и П. Дорошенко во второй половине XVII в. Украинские гетманы как воевали с Ханством, так и вмешивались в его династические распри, и привлекали крымцев к участию в своих военных кампаниях.

Российское завоевание и начало колонизации

В XVIII в. все изменилось. Усилился конфликт ханов Гиреев с Турцией и вассальными ордами, а грабительские походы перестали играть столь важную роль в экономике страны. Во второй половине XVIII в. сложилась и качественно новая политическая ситуация в Северном Причерноморье. Во времена походов российских войск на Крым 1727 г., 1738 г., а также 1739 г. осуществлялось физическое уничтожение местного населения и политика «выжженной земли». В ходе российско-турецкой войны 1768–1774 гг. был подписан мирный договор между Россией и Крымом (1772) о независимости Крыма от Османской империи. В 1774 г. независимость ханства (за исключением религиозных вопросов) признала и Турция. Однако существование политически нестойкого и экономически

Коренные крымчане

Судьба крымских татар во время второй мировой была схожа с судьбой украинцев – им пришлось повоевать с обеих сторон. Но их оказалось возможным, в отличие от украинцев, выселить с родины всех. На верхнем фото: татары в отряде самообороны, целью которых было защитить свои села от советских партизан (нетатар). Нижнее фото: народ изменник. Группа татар – офицеров I Украинского фронта. Всего на советской стороне воевало 60 тыс. крымских татар, из них 43 тыс. погибло в боях. Советская родина их душевно отблагодарила: их семьи были вывезены на восток, а демобилизовавшиеся солдаты отправились туда же. К числу крымских татар относится и дважды Герой Советского Союза ас-истребитель Амет-Хан Султан. Он мог бы утешиться, лишь если бы воевал за советскую родину вообще, а не и за свой «народ-предатель» в придачу. (Фото из журн. Корреспондент, № 36, 2005)

А вот, товарищи, – чей собственно Крым. В Крыму есть три коренных народа: крымские

татары, караимы и крымчаки. И если первых сейчас около 250 тыс., вернувшихся из изгнания, то караимов осталось чуть более 700, а крымчаков не наберется и трех сотен. Нет здесь на фотографиях греков, армян, итальянцев, евреев, цыган. Если крымчаков и евреев уничтожали немцы во время оккупации, то всех остальных в неизмеримо больших масштабах изгоняли и убивали советские. Крым – один из тех многих краев бывшего СССР, где не было особой разницы между советской и нацистской властью. И той, и другой власти все время мешали какие-то народы, исчезавшие в быстро и профессионально организованной мясорубке. Советское изгнание татар, греков, армян, итальянцев и немцев лишь продолжило традицию депортаций и вытеснения ненадежных инородцев Российской империи. Поэтому тот, кто говорит, что Крым – исконно русский, – не только лукавит, но и разделяет моральную ответственность за десятки тысяч смертей и личных трагедий коренных жителей полуострова. (Фото из кн.: Тюркские народы Крыма. – М., 2003; Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма. – Симферополь, 2005)

отсталого Крымского государства, которому кроме полуострова принадлежала большая территория Северного Причерноморья и Приазовья, не отвечала интересам ни России, ни Турции. Борьба между ними за Крым продолжалась разными способами, направленными на внутреннюю конфронтацию между сторонниками протурецкой и пророссийской ориентации. В начале 1775 г. ханский престол занял ставленник Турции Девлет Гирей, который не признавал условий русско-крымского (1772) и русско-турецкого Кючук-Кайнарджийского (1774) договоров. В ответ русский 25-тысячный корпус овладел Перекопом (1776), а весной 1777 г. вошел в Крым. Ханом был провозглашен сторонник России Шагин Гирей. Со своей стороны, турецкий султан назначил ханом Селим Гирея, который высадился в Кафе. Одновременно турецкие войска оккупировали территорию между Днестром и Южным Бугом (т. н. «Ханскую Украину»). При поддержке небезызвестного Александра Суворова Шагин Гирей овладел Кафой (Феодосией) и заставил Селим Гирея бежать. В 1778 г. с целью поставить Шагин Гирея в полную зависимость от России, из Крыма на северное побережье Азовского моря российскими войсками были переселены все крымские христиане (ок. 32 тыс. чел.), преимущественно греки и армяне (после чего греки основали Мариуполь). Именно они составляли почти все ремесленно-торговое налогооблагаемое население, за счет которого пополнялась ханская казна. Официальной мотивацией было спасение от внутренних конфликтов в ханстве и угрозы турок, которые бы отомстили христианам за пророссийские симпатии. Как писал графу Румянцеву-Задунайскому хан Шагин-Гирей:

«*Ваше сиятельство меня уверили, что ея императорского величества воля гласит выводить одних только тех христиан, кои добровольно на то согласятся, но генерал Суворов и резидент Константинов на сие не взирая, многих к тому угрозами принуждали, отзываясь, что они знают, что делают*». Т. е. переселение имело как добровольный, так и принудительный характер.

Это было первой осуществленной Россией депортацией крымских народов. В дальнейшем эта традиция активно продолжится. Ожидаемые результаты были достигнуты. Уже в 1778 г. в разоренном Крыму начался голод. Про переселенцев-христиан в приазовской степи на годик забыли, отчего те терпели всяческие лишения, голод и болезни. Потом вспомнили, предоставили им ряд церковных, административных и судебных привилегий, которых, правда, потом лишили (1787, 1859–1875, по Наталье Бацак)*.

....

* Наталья Бацак: Терентьєва Н., Бацак Н. Греки Криму: проблема двох переселень // Крим в історичних реаліях України. – К., 2004. – С.128–149.

Я был бы глубоко не прав, если бы валил все коллизии завоевания Крыма и антитатарских действий только на «плохих русских». Понятно, что украинские пикинерские и запорожские полки принимали во всем этом активное участие (правда, не принимая по сему поводу политических решений). Упомянутый уже выше в исторических экскурсах статс-секретарь Екатерины представитель проимперской украинской элиты Александр Безбородко был одним идеологов присоединения Крыма к России. В 1776 г. он пишет императрице историческую записку «О Российских с татарами войнах и делах», где обосновывает необходимость ликвидации крымской угрозы. В 1777 г. он в предложениях Коллегии иностранных дел прямо указывал: «*независимость татар в Крыму ненадежна для нас и что надобно помышлять о присвоении сего полуострова*» (цитирую по Богдану Короленко).* В «Мемориале» 1780 г., в качестве повода к аннексии он надеется на обстоятельства, что «*буде бы, паче чаяния, тамошнее население по смерти нынешнего хана, или по каким либо непредвидимым замешательствам нашлось для нас невыгодным и вредным*». Крымские планы Безбородко были частью его известного «греческого проекта», программы завоеваний для России в черноморско-средиземноморском регионе. Именно перу Безбородко, а не Потемкина (как часто ошибочно считают) принадлежит текст манифеста о вхождении Крыма в состав России от **8 апреля 1783 г**.

Шагин Гирей держался у власти при поддержке российских войск. Учитывая благоприятную международную обстановку (большинство европейских стран в силу разных обстоятельств не могли воспрепятствовать действиям России), Екатерина II в 1783 г. подписала рескрипт о включении Крымского ханства в состав Российской империи. В июле Шагин Гирей вынужден был отречься престола, а ханство прекратило свое существование. 2 февраля 1784 г. была создана Таврическая область. Итак, до конца XVIII в. говорить о «русском Крыме» смысла, очевидно, не имеет. Он был просто захвачен российскими войсками в ходе борьбы за Северное Причерноморье.

До середины XIX в. (Крымской войны) полуостров воспринимался в русском обществе как культурно чужая колония, осколок исламского мира. Это уже оборона Севастополя «заставила решить», что обороняется «что-то свое». С начала XIX века российские власти варварски уничтожали древние рукописи, разрушали памятники архитектуры, в результате чего мало что осталось от культурного наследия этой интересной

* Короленко Б. Приєднання та колонізація Криму кінця XVIII століття: український аспект // Там же. С. 86–106.

страны. С 1802 г. началась колонизация Крыма русскими, украинцами, немцами. По логике империи его ожидала колонизация *лояльным* населением, которой должны были предшествовать депортации аборигенов и разнообразные, говоря современным русским языком, «зачистки». Местное население в силу исторических, религиозных и культурных причин не могло стать благонадежным. Судьба же «неблагонадежных народов» в России всегда была трагична. Бежать из «освобожденного» Россией Крыма татары начали уже в 1770–1780-х гг. (эмигрировало, по разным данным, вплоть до половины их численности). В 1850–60-е годы, в связи с Крымской войной и дальнейшей несимпатией российских властей перестало существовать 784 татарских села, а количество выехавших в это время достигло 140–150 тыс. Это было частью массового бегства завоеванных Россией мусульманских народов – от Крыма до Кавказа, отчего их диаспорная часть в исламских странах чаще больше, чем число тех, кто проживает на исконных землях. Прилегающие степи «зачистили» от кочевых ногайцев, вынужденных удалиться в Предкавказье. С 1897-го по 1926-й численность крымских татар в Крыму сократилась со 187 тысяч до 105 тысяч, ведь эмиграция и далее продолжалась, независимо от того, царская была власть или советская. Мусульман всячески подталкивали к тому, чтобы они освободили свои земли для «более приличных людей».

С момента присоединения и начала колонизации в конце XVIII в., по данным Государственного архива АРК, преобладали среди колонистов жители ближайших малороссийских губерний, переселение которых поощрялось в частности распоряжением к местным генерал-губернаторам 1787 года. Двигались в Таврию и беглые украинские крестьяне, но их основная масса все же стремилась на Кубань, на земли Черноморского казацкого войска атамана Антона Головатого. По подсчетам крымского исследователя Д. Прохорова, в штате местного чиновничества в конце XVIII в. большинство составляли украинцы. Первыми кораблями после турецких в Ахтиарской бухте (Севастополь) были суда Днепровской и Азовской флотилий запорожцев. Украинцы на тот момент считались более-менее «благонадежным» народом, который обитал ближе всех к новоколонизированным крымским землям, посему им и довелось начать этот процесс заселения. Далее же этнически пестрые колонисты (от русских до чехов, эстонцев и швейцарцев) занимали те территории, которые постепенно «освобождались» от местных жителей. В ходе модернизации и расширения военной, экономической и промышленной инфраструктуры Крыма в административных центрах, городах и портах демографический баланс

постепенно смещался в пользу русского населения. К началу же XX века, после очередной волны татарской эмиграции русские становятся наиболее многочисленной этнической группой всего Крыма. Пропорции старожильческого и новоприбывшего населения после революции были следующими: в 1926 г. из проживающих в Крыму коренными крымчанами (старожильческим населением) было 84 % крымских татар (остальные приезжали из Приазовья), 53 % русских, 44 % украинцев, 56 % немцев, 33 % евреев.

Первые автономии

В ноябре 1917 г. татарами была провозглашена Крымская республика, признанная украинской Центральной радой. В марте 1918 г. появилась ССР Таврида. В апреле немецкие и украинские войска овладели Крымом. По настоятельной рекомендации немцев украинцы покинули Крым, и там было организовано Краевое правительство генерала Сулькевича. В мае правительство гетмана Павла Скоропадского начинает прояснять «крымский вопрос», поскольку Рада, провозглашая Украинскую Народную Республику, Крым в ее пределах не указывала, но и не оговаривала ситуацию на случай дальнейшего распада России. Это ставило вопрос о «принадлежности» Крыма и Кубани, имевших значительное украинское население и не симпатизировавших советской власти. По мнению вполне прагматического военного и политика Скоропадского, исходя из ряда объективных стратегических и экономических причин, Крым являлся естественным продолжением территории Украины. В ноте от 10 мая 1918 г. указывалось:

«*Таким образом, Украина без Крыма стать сильным государством не могла бы, и особенно с экономической стороны была бы слабой. Так неестественно отрезанная от моря, Украина должна была бы взращивать стремления к захвату этого морского побережья, а вместе с этим возникли бы обостренные отношения с тем государством, которому было бы передано владение Крымом*».

Логика гетмана была вполне понятна. Не встретив «понимания» со стороны Сулькевича, гетман решил уяснить масштабы связей Крыма с Украиной при помощи экономической блокады полуострова. Ясность наступила, и были проведены переговоры о вхождении Крыма в состав Украины в качестве автономного края. В компетенцию украинских властей входила внешняя и таможенная политика, руководство армией и флотом. В отличие от правительства Сулькевича, гетманские представители настаивали на утверждении этих соглашений всеми национальными группами Крыма. Уже тогда очевидным было «исторически-правовое-

демографическое», если можно так выразиться, противоречие между тем, что *большинство населения* Крыма – это русские, но основания для автономного статуса Крыма в любом большем государственном образовании – это пестрый этнический состав, сложная этнокультурная ситуация и вопрос национального возрождения крымских татар как основной массы *коренного исторического населения, тем более имевшего свою историческую государственность.* Государственность в прошлом – неплохой повод для автономии в настоящем. И если большинство населения видело себя в составе имперской или советской России, то у крымских татар накопилось к России достаточно исторических претензий, чтобы попытаться изменить вектор развития края. Если русское, греческое, армянское и еврейское население полуострова чаще поддерживало российских большевиков, то татары желали независимости. В дальнейшем хаосе гражданской войны Украина от Крыма отступила. В процессе борьбы за полуостров большевистская Москва действовала вполне ситуативно, не решая окончательно, к Украине или к России будет относиться Советский Крым: крымская партийная организация *несколько раз* переходила из подчинения украинскому ЦК и назад – к российскому.

В 1921-м была организована Крымская АССР в составе РСФСР. Хозяйственная разруха, вызванная войной, заставляла руководство Крыма снова вспомнить об экономических связях с Украиной: предлагалось передать КАССР южные районы Херсонщины, поскольку их принадлежность Украине тормозила нормальное экономическое и культурное развитие Крыма (1923). Украинское партийное руководство по понятным причинам не поддержало эту идею. Для успокоения крымских татар, все более проявлявших симпатию к кемалистской Турции, в Крыму тоже проводилась политика коренизации (татаризации), прошедшая по тому же сценарию, что и украинизация в Украине, закончившись уничтожением крымско-татарской интеллигенции и национального партийного руководства. Со второй половины 1930-х проводится массированная русификация, а лишь недавно переведенный на латинскую графику крымско-татарский язык переводится уже на кириллицу. Национальные районы упраздняются.

Большая зачистка и ее последствия

С началом войны с Германией по постановлению от 15 августа 1941 г. из Крыма было депортировано более 61 тыс. немцев. В январе 1942 г. из восточной части Крыма было выселено полтысячи остававшихся там итальянцев – граждан СССР. В июне 1944 г. были депортированы на восток

38 тыс. греков, армян и болгар. 18 мая 1944 г. по обвинению в коллаборационизме началась депортация крымских татар, численностью около 230 тыс. человек. Татары-военнослужащие Красной Армии по окончании войны отправились вслед за «коллаборационистами». Татары оставили после себя 80 тыс. домов, 34 тыс. приусадебных участков, около 500 тыс. голов скота. Были закрыты мечети, школы, ликвидированы библиотеки. Таким образом, крымские татары были лишены своей этносоциальной и этнокультурной среды проживания, создаваемой веками, и любых элементов государственности. Советская власть в крымской автономии уже не нуждалась. 30 июня 1945 г. КАССР была преобразована в Крымскую область. *Стопятидесятилетняя «зачистка» была завершена.* Лишние «инородцы», пусть они и коренные жители края, были выброшены из него. Советские мероприятия 1944 г. естественно продолжили уничтожение гитлеровцами во время предшествующей оккупации крымских евреев и крымчаков. Общее число депортированных за годы войны превысило 300 тыс. На полуострове осталось всего 780 тыс. человек.

Теперь надо было продолжить дело колонизации, поскольку демографическая ситуация привела к экономической и продовольственной катастрофе. К концу 1944 г. из южных и центральных областей России было переселено около 65 тыс. человек. Новые, «хорошие» крымчане создавались за счет очередной русской колонизации. Тогда были заселены русскими крестьянами бывшие татарские районы вокруг Алушты, Ялты, Судака, Бахчисарая, Севастополя, Старого Крыма, Белогорска, районы традиционного разведения эфирно-масличных культур, табака, виноградарства и садоводства, отраслей, совершенно непривычных для большинства русских мигрантов (здесь мы следуем за В. Степановым, «Тюркские народы Крыма», Москва, 2003).

Крым, хорошо или плохо, – это явно не центральные области России. Полученные от государства кредиты были быстро исчерпаны, продуктивный скот попросту съеден, и наступили для переселенцев голодные времена. Многие из них пытались вернуться, но это противоречило политике советского государства. Посему переселенцы продолжали прибывать в Крым до середины 50-х гг. За два послевоенных года в сельское хозяйство полуострова было вложено столько средств, сколько за все три довоенные пятилетки. Переселялись целыми колхозами, с инвентарем и постройками, на льготные условия. Но приспосабливались к новой среде обитания люди плохо. Дефицит трудовых ресурсов так и не был компенсирован вплоть до начала 1960-х гг. Идею скорейшего заселения Крыма русскими до конца реализовать не удалось.

В результате многие специфические отрасли сельского хозяйства Крыма (горно-долинное садоводство, виноградарство, табаководство, эфирно-масличные культуры) не только не возродились, но и продолжили приходить в упадок из-за неумения и нежелания переселенцев овладеть новым для них делом. Те же, кто умел, – татары, греки, армяне – осваивали уже Среднюю Азию. Характерно, что даже зерноводство и картофелеводство для мигрантов тоже оказались не по силам – другие природа, климат, необходимость орошения. В послевоенные годы под посевами оказалось существенно меньше площадей, чем раньше. Многие земли так и не освоены до сих пор.

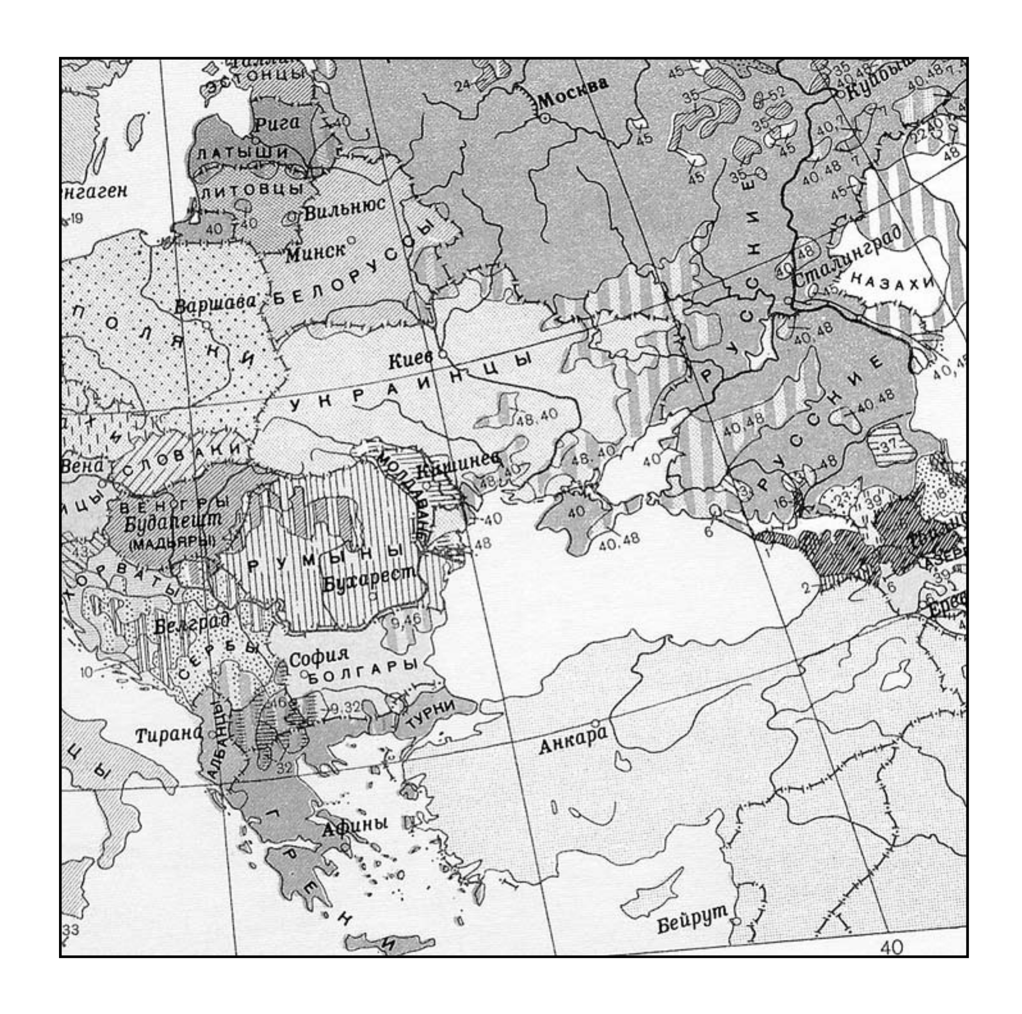
«Подарок Хрущева»

19 февраля 1954 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР (а 26 апреля – закон Верховного Совета) о передаче Крымской области в УССР, что обосновывалось экономическими и хозяйственными причинами. Впоследствии это стало многими восприниматься как личный «подарок» Хрущева Украине или же как его подарок по случаю 300-летия Воссоединения (которое тогда же отмечалось). Однако заметим, что в начале 1954 г. (и года не прошло после смерти Сталина) Хрущев еще не занимал тех позиций, чтобы по своей воле («волюнтаризма») чего-то кому-то дарить в таких масштабах. Он был одним из девяти членов президиума ЦК КПСС, а с сентября 1953 г. – первым секретарем ЦК. Были еще Маленков, Ворошилов, Молотов, которые вполне могли и осадить зарвавшегося новоиспеченного лидера. Только с 1957 г. и разгрома «антипартийной группы» Хрущева можно считать вождем, который мог себе позволить такие жесты. Посему, вспомнив описанные выше крымские реалии, мы можем понять, что «научное размещение продуктивных сил», «единый народнохозяйственный комплекс» и экономическая целесообразность играли вполне даже опережающую роль. Управлять Крымом проще из Киева, а не из Москвы, а бессмысленность такой передачи, которая была бы тогда «вредна интересам» Москвы, и говорить глупо. Существовало централизованное управление народным хозяйством, где функции распределялись независимо от «национальных интересов». Из Киева решить проблему разрухи в Крыму было легче. Если уж крымская проблема совпала с юбилеем Воссоединения, мог быть в этом и какой-то идеологический подтекст. Но в указах и законах о «передаче» они никак не фигурируют. Хотя почему бы и нет? Может, сделали бы это год спустя или за год до того, а так – повод, который можно использовать в пропагандистских целях. Но о «вредном

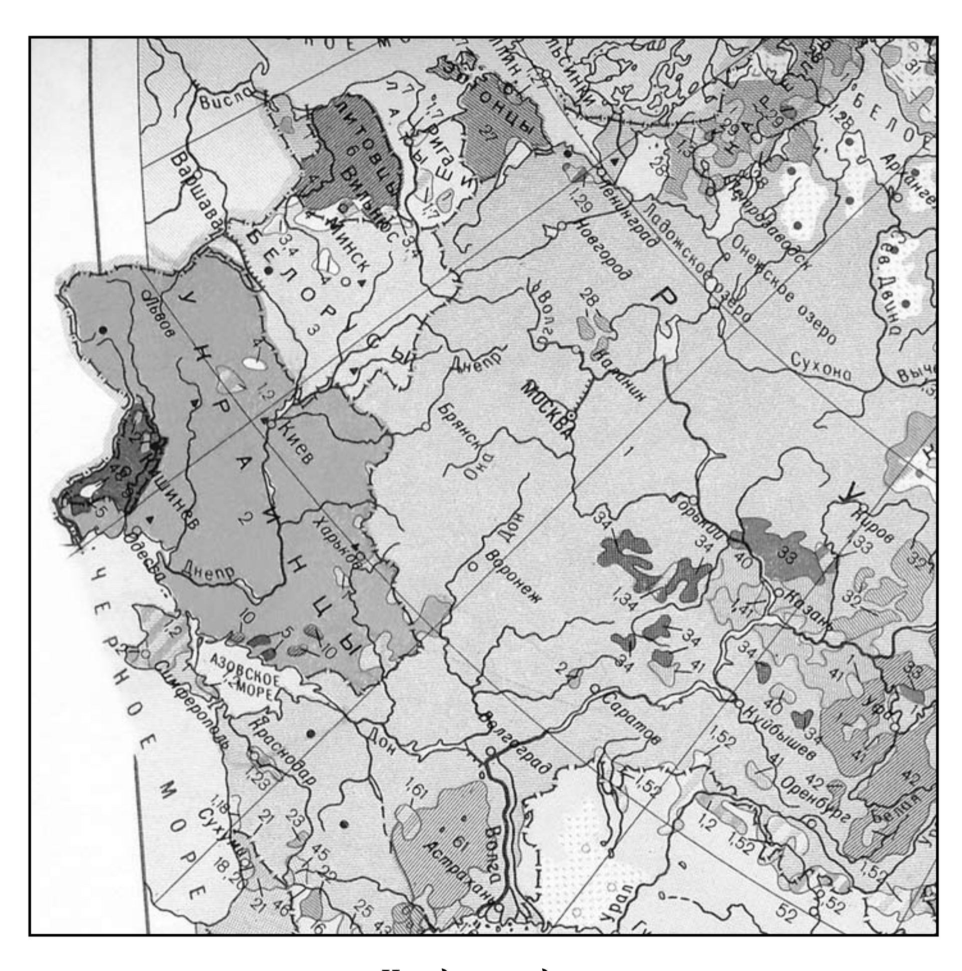
и бессмысленном подарке» говорить, видимо, не стоит. Почему никто не вспоминает передачу Молдавской АССР из состава Украины к Молдавии, хотя большинство населения Приднестровья составляли украинцы? *Та же советская логика* – чтобы народнохозяйственный комплекс аграрной Молдавии укрепился более промышленным регионом, пока она врастет в советский экономический организм. Что-то Украина не заявляет претензий на этот «подарок молдаванам». Или «сталинские подарки» более правильные, чем «хрущевские»? Как, например, Шахтинский округ, переданный РСФСР в 1925 году? Или территории, заселенные украинцами и считавшиеся «Западной Украиной», но переданные Белоруссии в 1939 г.? Или этнически украинские районы Курской и Воронежской областей, после революции оставленные в РСФСР, хотя границы проводились по «национальному принципу»? Если уж делить, – так делить. Как в известной старой комедии «Закон есть закон»: «*все итальянское должно находиться в Италии, а все французское – во Франции*».

1992-й год снова дал Крыму автономию, в составе Украины (о чем, собственно, уже шла речь в 1918 году), – не этническую, а территориальную. Право на некую этническую автономию имеют крымские татары, являющиеся коренным народом и имеющие традицию государственности на этих землях, но они не составляют большинство населения, представленное более поздними мигрантами. Караимы и крымчаки (как еще два коренных народа Крыма) слишком немногочисленны, чтобы играть заметную роль в политическом процессе региона. Автономия была компромиссом между статусом обычной области и реализацией лозунгов отделения. Породило это конституционный парадокс, поскольку Украина – унитарное государство, что, по идее, наличия автономий совсем не предусматривает.

Раздел военно-морского Черноморского флота СССР породил проблему базирования уже Черноморского флота Российской Федерации на украинской территории, правила чего были оговорены (но не до конца) в базовом соглашении Украины и России от 1997 года. Это соглашение противоречит постулированному в Конституции Украины внеблоковому статусу, – ведь это делает странным наличие в стране иностранных военных баз. Условия этого соглашения, во многом двусмысленные, так и не были доведены до логического завершения, поскольку дешевый российский газ делал чрезмерный интерес к Севастополю для украинских властей времен Кучмы «излишним», а России это не было выгодно, поскольку позволяло военно-политическое присутствие де-факто сделать более существенным, чем де-юре. По этой же причине субаренда флотских территорий и помещений превратилась в выгодный теневой бизнес, а владельцы незаконно

ЭСТОНЦЫ
Москва
Рига
ЛАТЫШИ
ЛИТОВЦЫ
Вильнюс
Минск
БЕЛОРУСЫ
Варшава
ПОЛЯКИ
Киев
УКРАИНЦЫ
РУССКИЕ
Сталинград
КАЗАХИ
Вена
СЛОВАКИ
ВЕНГРЫ
Будапешт
(МАДЬЯРЫ)
МОЛДАВАНЕ
Кишинев
РУМЫНЫ
Бухарест
ХОРВАТЫ
Белград
СЕРБЫ
София
БОЛГАРЫ
ТУРКИ
Тирана
АЛБАНЦЫ
Анкара
Афины
ГРЕКИ
Бейрут
40

Народные пределы

Карты из «Географических атласов для учителей средней школы» 1954 и 1981 гг.

Ну, что ни говорите, карты – вещь поучительная. Видно, что ракурс сменился – в 1954 на фоне Европы, в 1981 – на фоне СССР. На 1954 г. мы наблюдаем полное смешение украинцев и русских, что в УССР, что в РСФСР. Понять, почему границы союзных республик проведены именно так, крайне сложно. К 1981 г. все упростилось. Символические «анклавы» русских в УССР и украинцев в РСФСР сохранились, однако носят уже не «ковровый», а «точечный» характер. При этом, заметим, доля русских по переписям в том же Донбассе не сокращалась. Значит, надо было сменить критерии «раскраски»: республики устоялись, утряслись… Приятно, что после 1954 г. в Украине появились «мелкие национальности», например, греки в Приазовье, да и болгары... В 1954 г. еще не было уверенности, какие «малые народы» имеет смысл отмечать на карте – вдруг их завтра «того»?... Снег убирать… Самое смешное, что в Крыму после его передачи УССР ареалы «русско-украинский» и «чисто русский» поменялись местами, – вряд ли население поменялось местами: в чем резон? Будем искать логику…

возведенных особняков на берегу моря упорно сопротивляются инвентаризации имущества флота. Всякая такая попытка расценивается как нарушение Украиной «базовых договоренностей». Мысли о том, как сильно зависит экономика Севастополя от денег за аренду военно-морской базы и рабочих мест для местных жителей, – морально устаревшие, поскольку мировые цены за подобную аренду в десять раз больше, и любой другой флот на том же месте этот самый Севастополь озолотил бы. С другой стороны, милитаризация города и окружающего региона выводит из индустрии туризма и отдыха огромные территории, приносившие бы в виду известной специализации экономики Крыма тоже гораздо большие деньги. День, когда российский флот покинет Крым, станет самым важным сигналом о том, что украинское государство наконец-то стало считать свои деньги и рассчитывать возможности, к вящей пользе своих граждан и бюджета, не говоря уже о таком банальном вопросе, как стабильность и предсказуемость ситуации на полуострове.

А что же крымские татары? Они были реабилитированы лишь в 1967 г., но в отличие от тех же чеченцев, они (как и южноукраинские немцы) так и не получили права вернуться на свою родину до 1989 года. Рассеянные от Средней Азии до Краснодарского края, они сохранили связи между собой и при первой возможности стали возвращаться на историческую родину. Ситуация рассеяния сделала их опытными мигрантами (им пришлось многократно менять места жительства) и народом более городским, чем сельским. При переезде в Крым ситуация кардинально изменилась: более 60 % вынуждены были обосноваться в сельской местности, на необустроенных землях. Многие татары покидали Среднюю Азию, фактически не сохранив сбережений и имущества. Места компактного проживания татар до депортации оказались наиболее заселенными новыми мигрантами и являются теперь самыми престижными районами отдыха (ЮБК и Горный Крым). *Места в Крыму для его коренных жителей не оказалось*. Экономический кризис 90-х при и так слабом экономическом развитии полуострова, плюс появление 250 тысяч татар, – все это весьма усложнило обстановку в регионе: от неимоверно возросшей безработицы до накала межнациональных отношений. Вернувшиеся татары оказались в фактически дискриминированном положении, составив армию безработных, людей случайных заработков, занимающихся самостроем в степных районах и наблюдающих, как другие люди живут в их домах, на их землях и зарабатывают не физическим или каким другим трудом, а просто на сдаче этих самых помещений на этих самых землях. Репатриация крымских татар

не вызвала энтузиазма у «новых крымчан», часто считающих коренных жителей полуострова «оккупантами» (сам слышал такое), «чурками», навязчивыми людьми «второго сорта», «черными», лишь мешающим им спокойно жить на «исконной славянской земле». Отношение крымских татар к «местным жителям» тоже вполне предсказуемо.

Все это лишь укрепило консолидацию крымскотатарского народа, выступающего весьма организованно со времен депортации и особенно после своей концентрации в Крыму. Организация иерархии меджлисов (органов самоуправления общин) и чрезвычайная консолидация усилий в условиях борьбы за физическое и экономическое выживание позволяет татарам целеустремленно отстаивать различные позиции в социальной и экономической жизни полуострова. Однако заметим, что только крайняя зависимость экономики Крыма от политической стабильности, позволяющей спокойно приезжать отдыхающим и столь же спокойно оставлять свои деньги «на море», не позволяет выйти межэтническим конфликтам на более заметный уровень. Без отдыхающих Крым в экономическом смысле – откровенно бесперспективный, депрессивный и этнически конфликтный регион.

Постоянными являются и разные электоральные предпочтения татар и «новых крымчан». Как-то заставить законно потесниться послевоенных переселенцев могут лишь киевские власти; они же способны сделать более прозрачным распределение земель на Южном Берегу, что для коррумпированного руководства автономии (сидящего буквально на «золотом дне») совершенно невыгодно, а большинству населения до этого в основном и дела нет. Посему татары пока голосовали за проукраинские движения, в отличие от русских. Киев для них – единственный гарант прав. Это является основным отличием татарской проблемы от чеченской: если чеченцы выступали против центральной российской власти, то татары выступают против властей местных и доминирующих настроений местного населения, ориентируясь на «украинский центр».

Насколько «украинский центр» сможет отвечать исторически справедливым требованиям крымских татар, настолько долго Крым будет стабильным регионом. Необходимо знать, что у татар (как тюрков и мусульман) всегда будет парочка весьма неприятных для крымчан и Киева политических альтернатив: ориентация на Турцию как наиболее родственную страну, впитавшую в себя сотни тысяч татар за столетие их вынужденной эмиграции под российским давлением, и варианты с распространением исламского радикализма по чеченскому сценарию

в ситуации невозможности отстоять свои права в коррумпированной политической системе крымской автономии. Также необходимо знать, что в Крыму базируются российские военные части, которые в случае необходимости реализуют политическую волю Москвы, если политическая нестабильность в Крыму станет выгодной восточному соседу Украины: ну как не защитить интересы русских в условиях «исламской угрозы», тем более, если Киев это «не сможет» в должной мере. В этом смысле Крым – это территория, где суверенитет украинского государства является в реальности ограниченным и неработающим. Пребывание здесь российского флота – постоянная угроза стабильности Крыма и Украины в целом, поскольку рассчитывать на дружественные отношения с Москвой сейчас уже откровенно не стоит, – неудивительно для «несостоявшегося» (словами Владимира Путина) украинского государства. Возрождение великодержавных настроений в России настолько очевидно, что вопрос о том, когда же начнется большой передел Украины как «искусственного образования», – только вопрос времени. Посему для любителей обсуждать «крымскую проблему» рекомендую обратиться к изучению истории Эльзаса–Лотарингии и их роли в отношениях Франции и Германии.

9. Украина и Россия в контексте «исторической политики»

Среди наших восточных соседей-россиян распространено представление, что в Украине работает мощная пропагандистская машина, которая вбивает в головы несчастным украинцам обезображенное видение их истории. Такое негативное явление, конечно, нуждается в официальной реакции «небезразличных». Поэтому произошло так, что в российско-украинских «исторических отношениях» ведущую роль играют не научные институты, а внешнеполитические ведомства, и путь Украины через века реконструируется в обмене дипломатическими нотами: одни дипломаты делают ударение на «недружественных шагах», а другие в ответной ноте пишут, «что вы все не так поняли». Приятно, что украинские мидовцы будто бы еще держатся (т. е. отбрыкиваются), но ощущается, что украинская «историческая политика» осуществляется лишь в форме объяснений и оправданий. Почему-то никто не задает

логичного вопроса: а почему, собственно, кто-то требует от Украины отчета о том, почему украинцы позволяют себе отмечать (праздновать или печалиться) судьбоносные события собственной истории?

Думаю, нет нужды обосновывать мысль о том, что события 300- или 500-летней давности парадоксально существенно влияют на сегодняшнюю жизнь. Немцы в 1914 г. были откровенно утешены тем, что нанесли поражение русским на том же самом месте, где в 1410 г. они сами были разгромлены поляками, литовцами и русинами (Грюнвальд–Танненберг). Моральной компенсации пришлось ждать 500 лет. Теперь «мяч» – на поле других участников средневековой битвы. Понятно, что в 2010 г. юбилей Грюнвальда будет отмечен в Польше и Литве с энтузиазмом, хотя и без «угара», поскольку потомки участников той битвы сегодня – искренние и взаимно приязненные жители «европейского дома». И будет явным чудом, если МИД Германии начнет слать гневные ноты МИД Польши по поводу самого факта отмечания этой давней битвы. Или представьте себе протест Франции по поводу празднования в России очередной годовщины Бородина? Или Германии по поводу 9 мая 1945 года? Или Польши по поводу российского «дня национального единства», приуроченного к победе над поляками в 1612 г.?

Процитирую из комментария российского МИДа (10.06.2008) по поводу того, что в Украине собрались в 2009 г. отмечать 350-летний юбилей победы войска гетмана Ивана Выговского над московской армией: «*Кровавая битва из-за очередного предательства очередного гетмана*». Поскольку мало у какого гетмана с Москвой отношения заканчивались «по хорошему», то здесь с низким и аморальным предательством смешивают сотню лет украинской истории, когда Гетманщину возглавляли сплошные «иуды». Весьма оскорбительное заявленьице…

Уместно обратиться к другой рекомендации московских «историков в штатском»: «*В этих условиях приходится уповать на мудрость украинского народа*». Давайте, действительно, подумаем, чему появляются такие заявления (комментарии)? Кроме обычной великодержавной наглости, лишнего напоминания своим россиянам о «внешних врагах», нашему населению таким способом напоминают, что «с вами еще не все ясно», – т. е., если вернуться к цитированному мною в разделе о советской украинизации московскому историку А. Марчукову, еще актуален вопрос: «А существуют ли украинцы?». Можно и не придираться к словам В. Путина о том, что Украина как государство «не состоялась», – просто существует с восточной стороны украинско-российской границы большое сомнения на счет того, а законно ли западнее расположилась какая-то Украина?

Наглядный монументализм

Тема Голодомора 1933 г. была излюбленной в «исторической политике» Президента Виктора Ющенко. Кроме ознакомления общественности с историческими фактами сооружается еще и мемориал на склонах Днепра. Однако украинские вожди в своей тяге к монументализму частенько забывают, что общественная значимость исторического события отнюдь не зависит от размеров материального увековечивания. Вот хороший пример: памятник жертвам ирландского голода 1845–1847 гг. на набережной Дублина. Думаю, на прохожих он производит большее впечатление, чем что-то громоздкое и величественное.

Ясно, что не хочется для Украины такой «исторической политики» как в России, когда тебе историю объясняют в пределах представлений и формулировок советского школьного военрука, для которого немцы до сих пор стоят под Москвой, а в небе барражируют пентагоновские ястребы. Но все же хочется *хоть какой-то политики, которая бы осуществлялась* (это напоминает все другие аспекты украинской государственной политики). При чем эту политику нет необходимости выдумывать, ведь каждое государство имеет известные основания своей легитимности, неслучайности своего существования, и подавляющее большинство из этих оснований лежит в прошлом, – т. е. в истории. Былая утраченная государственность, былые достижения и победы, трагедии, живые традиции, память. Когда у граждан государства возникает все больше сомнений в том, что это государство заслуживает существования, когда верится, что ее история – это ложь и выдумка «врагов», то это государство рано или поздно исчезнет с карты. Но кажется, что призывать наших «вождей» к государственной логике и мышлению – без толку, хотя их государственная «кормушка» не настолько стабильна, как кому-то может показаться (смотри ниже прогнозы на будущее).

Существует иллюзия, что «историческая политика» – это то, чем занимался Президент Виктор Ющенко. Правда же заключается в том, что «историческая политика» является всего лишь составляющей намного более масштабной культурной и гуманитарной политики государства, и если не осуществляются эти последние, то и первая является лишь иллюзией. Когда существует только «политический процесс», а «политики» нет, не следует надеяться на эффективность хаотических телодвижений одного политика, который живет в своем выдуманном мире, – иллюзиях о своей исторической миссии и роли в истории Украины. К тому же существует один важный нюанс. «Исторической политикой» не должен заниматься один политик, поскольку политическая популярность очень даже преходяща, – а поэтому не стоит подвергать эту «политику» риску разделить непопулярность среди граждан с ее «реализатором». Если украинским гражданам категорично не нравилось то, что делал Президент Л. Кучма, то с такой же предопределенностью им не понравится то, что делает Президент В. Ющенко, если его рейтинг будет столь же низок (а нынче это так). Поэтому некие универсально и вневременно значимые для государства вещи, такие как его «фундаментальные основания» нельзя отдавать на откуп кому-то одному из политиков. Потеря исторической легитимности Украины в восприятии общества из-за разочарования в одном «деятеле» станет общим «достоянием»

политического бомонда. Было бы еще ничего, если бы у В. Ющенко было какое-то здравое, рациональное понимание сути, методов и цели этой «исторической политики», но, увы…

«Историческая политика» Виктора Андреевича, вопреки очевидной небезосновательности определенных вещей, имела по обыкновению характер ритуальных шаманских заклинаний, интересных только ему самому речей, которые подкрепляются принесением ценных жертв в виде масштабных сооружений загадочного назначения – в киевском Музейном Арсенале, бывших гетманских столицах Батурине и Чигирине, других дорогих декораций или макетов. Новейшие «потемкинские села» стоят столько, сколько стоила бы нормальная «историческая политика» системного характера. Почему «потемкинские»? Потому что мало что известно о том, как в реальности выглядели те сооружения (уничтоженный Меншиковым Батурин тому яркий пример), которые сейчас торжественно восстанавливают. Увековечивать определенные события и персоналии, конечно, нужно, но не следует превращать это в дорогостоящую профанацию. Существуют давно известные международные нормы охраны и восстановления памятников истории. Но это нам – не указ, ведь зато сколько денег государственных можно «правильно потратить»: создать в спешке голливудскую декорацию Батурина (даже «выдумывать» можно исторически более квалифицированно), наставить всяких монументов, исполненных «придворными скульпторами» (слава Богу, что еще не в стиле Церетели). Виктор Ющенко, будучи детищем советской эпохи, не представляет себе иной «исторической политики», кроме советской «монументальной пропаганды» в том же, вполне известном нам, убогом стиле. У наших украинских вождей, увы, очень большие проблемы с художественным вкусом. Одна уличная скульптура голодающего 1933 г. в «натуральную величину» где-нибудь посреди тротуара в центре современного сытого Киева производила бы на людей гораздо больше впечатления, чем величественный монумент на склоне Днепра, который «красиво видно издали». Уместно сравнить с «монументальным воплощением» аналогичного украинскому по катастрофическим последствиям ирландского голода 1845–1848 гг. – на набережной Дублина (смотри фото). Зато киевский вариант в сотни (если не в тысячи) раз дороже. Что больше на душу зрителя влияет? Синдром гигантских «родин-матерей» у нас еще, к сожалению, не изжит. Под «дешевые» памятники не получится много украсть…

Если уж хочется «масштабности», то полезнее было бы позаботиться о формировании «украинского национального пантеона». Если украинское государство опирается на «тысячелетнюю традицию творения

государственности» (так, во всяком случае, записано в Акте провозглашения независимости 1991 г.), то надо эту традицию «визуализировать», воплотить в зримые образы. У нас население знает «в лицо» только любимого и советской властью Шевченко и тех «украинских деятелей», которые изображены на деньгах. А вне этого далеко не полного списка? Жители венгерской периферии могут посетить столицу – Будапешт – и узреть на Площади героев величественную композицию из скульптур тех людей, которые веками творили Венгрию. Или зайти в свой парламент и увидеть еще более «расширенный» список выдающихся венгров. Очень наглядно. Мне можно возразить, что такие мемориалы – тоже разновидность «монументальной пропаганды», только с позиции национальной идеологии. Конечно, – но в некоторых аспектах Украина еще решает те же задачи, что и Венгрия во второй половине XIX в. Вопрос в адекватности самого подхода к «монументализму».

Ясно, что жертв таких трагедий, как Голодомор, надо увековечивать, но: *нельзя увековечивать только трагедии*! Создается впечатление, что современным украинцам внушается мысль о непреодолимой трагичности и жертвенности их исторической судьбы. Если наше прошлое не имело светлых страниц, то нечего ожидать чего-то хорошего и от будущего. Из истории борьбы 1917–1921 гг. у нас «на знамя» подняты студенты и юнкера, погибшие под Крутами в начале 1918 г., и глава Центральной Рады Михаил Грушевский, который их туда послал (не удосужившись создать регулярную армию). А где украинские победы и достижения? Где памятники людям, которые, несмотря на все горькие исторические обстоятельства, передали потомкам само представление об Украине? Они могли не оказаться победителями, но их упорство и вера тоже достойны увековечения. Чем Грушевский (вполне, тем не менее, заслуженно попавший в «пантеон») лучше Павла Скоропадского или Симона Петлюры? Чем многократно увековеченный в Украине палач украинцев Петр I «лучше» Ивана Мазепы? Чем Ленин, «указующий путь» в каждом райцентре центральной и юго-восточной Украины, заслужил такое продолжительное почтение? Советская бойня у нас торжественно увековечена, а вот свои собственные украинские достижения и воля к свободе – нет. Столкнуться бы молодому современному украинцу «лицом к лицу» со столь же молодым сотником Дмитром Витовским, нахальная единоличная инициатива которого позволила галичанам в ночь на 1 ноября 1918 г. взять власть во Львове и провозгласить свою республику, – и спросить себя: а что я сделал для страны?

В каждом селе есть памятники односельчанам, погибшим в Великую отечественную. Справедливо? Да. Но неплохо бы добавить к ним списки

тех же односельчан, погибших не за СССР, а за Украину, или умерших от террора голодом, – ибо их тоже много, и смерть их не менее достойна увековечения и памяти потомков. И вставали на свой смертный путь они не на другой планете, а в этом же самом селе. Если на Западной Украине вполне естественно появились памятники Сечевым стрельцам и другим украинским воинам, галицкому королю Даниле, Степану Бандере и бойцам УПА, то в других частях страны советский ментальный барьер еще не преодолен. Сколько украинских солдат и офицеров периода 1918–1921 гг. (а это столь же Восточная Украина, сколь и Западная) уже 90 лет ждут признания потомков… Понятно, что они уже давно умерли и им, может быть, уже все равно. Но это вопрос не к ним, а к нам – которые живут в стране, кровь за которую проливали *не мы, а они*.

Но вопрос о «визуализации» – гораздо шире, чем вопрос, кому ставить памятник, а кому – нет. В независимой Украине пока не снято ни одного исторического сериала из отечественной истории и ни одного достойного кинофильма. Любой украинец знает, как выглядел красноармеец и комиссар-большевик, а вот на кого был похож боец украинской армии того же периода – нет. Хотя одни топили нашу страну в крови, а другие ее защищали. Один хороший фильм с таким мощным психологическим зарядом, как «Храброе сердце» Мела Гибсона (про борьбу шотландцев за свою свободу) дал бы большее просветление в душах украинцев, чем десятки памятников. Государство вроде бы и догадывается о необходимости «что-то такое делать», но обильные средства на это даются людям, неспособным квалифицированно воплотить эту идею, но приближенным к дающим деньги. «Молитва за гетмана Мазепу» Юрия Ильенко (2002) вызывает дрожь: этот фильм был бы уместен, если б он был уже хотя бы третьим про этого персонажа (уже уместно искать новых радикальных трактовок), а вот как первый – ну никак. «Хмельницкий» Николая Мащенко (2008) – исторически безграмотный и творчески мертворожденный. Неудивительно, что наиболее достойным фильмом про тогдашних украинцев остается «Огнем и мечом» (1999) поляка Ежи Гофмана. Не можете нормально снять сами – хоть пригласите специалиста. Украина имеет гораздо меньше финансовых возможностей для масштабного пропагандистского кинопроизводства. Если в России это все – на потоке («1612», «Александр: Невская битва», «Адмирал» и т. д.), то вещи бездарные хоть как-то компенсируются другими удачными проектами или как минимум масштабами проката («пипл все схавает»). Фильм про Александра Невского может быть насквозь высосанным из пальца (вспомним, что эту самую «Невскую битву» уже начали выбрасывать из российских учебников истории) и по сути своей гэбэшно-

параноидальным, но его посмотрят миллионы на всем постсоветском пространстве – и поверят в такого дутого «героя», как Александр Невский. Для поддержки патриотического духа в Польше солдат водят смотреть «Катынь» Анджея Вайды, в России – «Адмирал» Алексея Кравчука, а в Украине? На фоне прорвы советских фильмов про гражданскую войну, методично прокручиваемых по разным телеканалам, нет абсолютно ничего про «мазепинцев», «гетманцев», «петлюровцев» и т. д. Как будто их и не было. И кто-то еще удивляется, почему украинские граждане совершенно не способны разобраться со своей историей: просто в украинском информационном пространстве ее почти нет. Отсутствует государственная поддержка научно-популярных изданий на украинскую историческую тематику, – а ведь взрослые люди, интересующиеся историей, не будут читать школьные учебники! Зато все шаблоны советского учебника, по которому они учились, у них в голове крепко-накрепко пропечатаны. На этом фоне может вообще показаться удивительным, почему Украина до сих пор не распалась, поскольку ее гражданам за последние полтора десятка лет не было ничего дадено вместо советских исторических бредней. Держимся, соотечественники, на одном энтузиазме…

В качестве противоположного примера «исторической политики» приведу подготовку к торжественному юбилею побед Петра I в Северной войне. Ощутил я эту подготовку не в России, а в части Союзного государства – Белоруссии (правда, при активном участии российских «товарищей»). На научной конференции по поводу 300-летнего юбилея битвы при Лесной 1708 г. («матери полтавской баталии») все аспекты тогдашних событий излагались в духе Великой отечественной войны, как будто враг еще не покинул советскую землю: шведские агрессоры, вторжение, героическая борьба народных масс. Такое впечатление, что с дьявольской последовательностью раз в сто лет злобный Запад дает России возможность проявить свой неувядаемый патриотизм: то Лжедмитрий, то Карл XII, то Наполеон, то кайзер и фюрер… Не вижу в патриотизме ничего плохого, а в хорошем знании своей истории – уж тем более. Но ведь не был Карл XII «агрессором» – Россия со своими союзниками напала на Швецию; приход шведов в Белоруссию (которая тогда была частью Великого княжества Литовского, союзного Швеции) не было «вторжением», народные массы с одинаковым энтузиазмом сопротивлялись солдатам обоих армий (поскольку они одинаково грабили и бесчинствовали). А потом о чем еще думать, когда вся эта Северная война XVIII в. резюмируется в духе: «а вот теперь [имеется в виду – после Грузинской войны] все поняли, что с нами надо считаться», то понимаешь, что украинские комплексы неполноценности – это еще «детский сад» по сравнению с российскими. Российское общество «воюет»

постоянно, – и со шведами, и с поляками, и с французами, и с немцами, и с грузинами (другие времена – другие масштабы…): это все происходит прямо сейчас, а не в каком-то там XVIII в. И после этой конференции я переосмыслил свое отношение к украинскому «бардаку»: ведь в Украине события XVIII в. оцениваются историками именно как события XVIII в.; в научных конференциях принимают участие именно ученые, а не «идеологические работники» и «историки в штатском»; тема твоего доклада не вызывает испуга организаторов, если ты отклоняешься от «линии партии»; а слова о том, что «события Северной войны оцениваются в украинском обществе неоднозначно», в Украине, слава Богу, не воспринимаются с удивлением: а как это можно «неоднозначно» что-то воспринимать? Но моя симпатия к украинской «неоднозначности» отнюдь не означает, что все «исторические темы» нужно исключительно пускать на самотек: все нормальные (и вполне демократические) государства понимают, что их настоящее очень сильно зависит от прошлого, и чем лучше люди в этом прошлом ориентируются, тем более адекватными и ответственными гражданами они будут. Спонтанная активность граждан в «исторической области» часто просто глохнет от безнадежности, отсутствия перспективы и хоть какой-то поддержки «сверху». А вообще же украинским политикам желательно прислушаться к тем неприятным прогнозам, которые вполне небезосновательно формулируются учеными, и уж если откровенно слаба компетенция в решении проблем настоящего, то можно хотя бы дать гражданам возможность ощутить ясность в прошлом. Хоть что-то бы полезное сделали.

БУДУЩЕЕ УКРАИНЫ: СЦЕНАРИИ

Если вспомнить, что украинским национализмом в его нынешнем состоянии мы называем все идеологии и движения, которые стараются консолидировать и укрепить Украину, то судьба нашего национализма напрямую связана с судьбой украинского государства. Образованное в 1991 г., оно приближается к своему двадцатилетию в весьма плохоньком состоянии: имея внешние атрибуты суверенной государственности, Украина как гражданская нация еще не обрела более-менее единого и общеприемлемого видения себя в мире, своего прошлого и своего будущего. Нынешний правящий класс, сформированный из советской номенклатуры и полукриминальных кругов 1990-х годов, так и смог выработать практику эффективного государственного менеджмента и достичь консенсуса в вопросе приоритетов развития страны, ограничиваясь реализацией возможностей по «дерибану» ее ресурсов. Подобная безответственность, свойственная всем политическим силам, делает будущее Украины нестабильным и непредсказуемым. Вероятность того, что поколения политической элиты в ближайшее время сменятся – невелика, поскольку младшее поколение политиков своими склонностями и представлениями отнюдь не вызывает оптимизма, - в основном такие же уродцы, как и их «воспитатели». В стране отсутствуют моральные авторитеты и лидеры, способные, опираясь на народное доверие, изменить направление движения страны. Мы движемся во времени, но какое новое качество в результате может обрести Украина? Я попробую изложить некоторые из возможных вариантов развития страны на ближайшее десятилетие. Варианты обычно в футурологии называются «сценариями», назовем и мы их так.

Базовыми интегральными сценариями развития Украины, на наш* взгляд, являются следующие:

- реалистический (инерционный): медленная стагнация;
- пессимистический: коллапс и распад;
- оптимистичный: евроатлантическая фантазия.

1. Инерционный сценарий: стагнация и деградация

До 2020 г. численность населения Украины сократится еще на 4 млн – приблизительно до 42 млн человек, из которых свыше 20 % будут составлять люди старше 65 лет (в 1990 г. их было около 12 %), а доля трудоспособного и наиболее активного населения – в возрасте от 25 до 64 лет – почти 47 % (в любом случае пенсионный возраст будет поднят выше нынешних 55 и 60 лет). Среди них почти половину будет представлять возрастная категория 45–64 года, которая будет формировать когорту следующих пожилых граждан страны – процент последних после 2020 г. станет еще большим. Количество детей до 14 лет будет вдвое меньше сравнительно с 1990. Эти общие показатели, *одинаковые для всех сценариев*, свидетельствуют о неотвратимом старении народа Украины, которое однозначно будет продолжаться – даже при условиях успешной демографической стратегии. Последняя может лишь замедлить темпы старения.

Социальные обязательства государства будут вынуждать все больше увеличивать налоговое бремя на трудоспособное население, перенося родственные и государственные инвестиции с поддержки молодой генерации и инновационных проектов на содержание пожилых сограждан. Это будет объективным фактором для продолжения популистской экономической политики (правительствами всех партийных ориентаций), которая будет формировать «бюджеты проедания», а не развития, заводя страну в глухой угол экономической стагнации. Рост доли социально зависимого консервативного населения, которое хочет стабильной государственной поддержки, а не каких-либо общественных изменений, существенно будет содействовать популизму власти. С окончанием масштабной приватизации

* Сценарии написаны при участии Лидии Смолы и Евгения Магды.

государство останется без источника «легких денег» на социальные расходы. Налоговый прессинг и отсутствие перехода к инновационному развитию будут тормозить формирования малого и среднего бизнеса, будут лишать граждан мотиваций к активной предпринимательской деятельности, не будут создавать условий для возникновения рабочих мест в высокотехнологических и наукоемких сферах. Государственных ресурсов для поддержки и развития последних просто не будет существовать. Утратив остатки собственной инновационности в научной сфере, Украина станет зависимой от иностранных инвестиций и критически зависимой от иностранных технологий.

Такая ситуация будет содействовать активной миграции молодой и квалифицированной рабочей силы за пределы страны, где окажется до 30 % молодых украинцев. Наиболее высокообразованные «кадры» будут двигаться на Запад – в страны ЕС и США, где они будут склонны уже к натурализации (получении гражданства), пользуясь льготными условиями, которые там создаются. Оседание украинских «рабочих рук» за пределами страны логически уменьшит объемы временной трудовой миграции, а это, в свою очередь, существенно сократит инвестиции мигрантов в отечественную экономику. Рабочая сила средней квалификации частично будет двигаться в противоположном направлении – в Россию, у которой будет больше возможностей для устройства трудовых ресурсов из постсоветских стран ради преодоления собственных демографических и экономических диспропорций.

Что касается демографических проблем Украины, то в нашей стране наибольшую «популярность» получит нуклеарная модель семьи, возрастет количество неполных семей, поскольку социальные обстоятельства не будут содействовать повышению рождаемости и стабильности брака. Многодетные и молодые семьи, как и сегодня, будут пополнять ряды неблагополучных, малообеспеченных и неимущих, что особенно распространится на селе и в небольших городах. Активная миграция молодежи, прежде всего квалифицированной и образованной, из сел и городков в городские агломерации приведет к еще большему старению сельского населения, катастрофическому разрушению медицинской и образовательной инфраструктуры села и, как следствие, – к его физическому вымиранию, исчезновению десятков населенных пунктов, особенно в Центральном и Северном регионе. Постепенное формирование рынка сельскохозяйственных земель и их распределение между несколькими монополистами приведет к неравномерности экономического развития аграрных регионов, поделив их на развивающиеся и на стабильно депрессивные и вымирающие. Все

большая часть трудоспособного сельского населения будет страдать от алкоголизма, хронических болезней, а отсутствие на этом фоне контроля рождаемости и планирования семьи сделает село мощным источником социального сиротства.

Такие социально-экономические обстоятельства не будут содействовать существенному реформированию и активизации функционирования системы здравоохранения и социальных служб, поскольку их реальная деятельность, как и сейчас, будет сосредоточена преимущественно в больших городах и административных центрах. Эта деятельность и в дальнейшем не будет престижной, вследствие чего в неблагополучных местностях будет ощущаться значительный кадровый голод. При этих условиях влияние структур социальной и медицинской сфер на образ жизни населения будет минимальным, что приведет к усилению существующих негативных тенденций.

Дефицит рабочей силы в отечественной экономике будет составлять несколько миллионов людей, а качество тех трудовых резервов, которые останутся в пределах страны, лишь будет ухудшаться – вследствие социальных болезней: алкоголизма, туберкулеза, ВИЧ/СПИДа, наркомании. Учитывая динамику распространения употребления спиртного среди взрослых и, особенно, подростков, существует вероятность, что на 2020 год зависимых от алкоголя может стать почти вдвое больше, чем сегодня, – они составят приблизительно 10 % населения. Если нынешние темпы распространения социально опасных болезней не будут преодолены, в названном году почти 5–8 % украинцев будут болеть туберкулезом, а 4–5 % – ВИЧ/СПИД. Понятно, что эпидемии туберкулеза и ВИЧ/СПИДа ассоциированные, то есть взаимно усиливают друг друга; т. е. больные СПИДом будут умирать преимущественно именно от туберкулеза. Поэтому суммарный процент пострадавших от обеих эпидемий может и не достигнуть 12–13 % населения, но однозначно охватит его десятую часть. Количество наркозависимых, кроме очевидных социальных причин, будет существенно зависеть еще и от миграционной ситуации и криминогенной обстановки. Итак, подытожив, можем говорить о том, что, даже без учета «обычных» хронических болезней (которые также зависят от социальных условий), приблизительно 20 % жителей Украины будут исключены из производственного процесса лишь из-за социальных болезней, а это, вместе с дальнейшим ростом смертности, будет приносить (кроме гуманитарных потерь) экономике страны огромные убытки. Речь уже будет идти не столько о профилактике, сколько о регулярном лечении миллионов людей, значительная часть из которых будет нетрудоспособной.

Добавим к этой цифре социально зависимых пенсионеров (свыше 20 %), инвалидов, хронически больных, детей дотрудоспособного возраста (приблизительно 15 %) – и мы увидим, что действительно работать сможет лишь немногим более 40 % населения, а остальные 60 % (!) станут, при государственном перераспределении, их иждивенцами. Поэтому приведенные нами выше нынешние миграционные ориентации молодого трудоспособного и социально мобильного населения отнюдь не покажутся нам завышенными: 30% молодежи уже сейчас хотели бы покинуть страну. Дополнительными факторами, которые будут содействовать эмиграции, останутся коррупция, незащищенность частной собственности, неэффективность судебной системы, пессимистические социальные ожидания, вызванные продолжительным отсутствием ощутимых положительных изменений в жизни общества, неверием в возможность что-то изменить к лучшему, недоверием к правящему классу, политической элите. Социальный капитал (социально активные граждане, общественные организации) остается неиспользованным и не накапливается, а следовательно, и не станет партнером и опорой государства в стремлении улучшить жизнь общества. Институты гражданского общества – в состоянии эмбрионального развития, поэтому социальные изменения оказываются замкнуты в области неуклюжей и ситуативной административной политики. Неудовлетворение состоянием вещей, распространенное в украинском обществе, сегодня вызвано системным комплексом факторов, а не конкретными политическими фигурами или силами. Уныние продиктовано и отсутствием хоть приблизительно очерченного видения общего будущего, национальной идеи, социально значимых и конструктивных ценностей, стратегии (не декларативной, а реально действующей) развития страны, отсутствием даже краткосрочных сформулированных планов, не говоря об их выполнении.

При этих условиях едва ли можно ожидать существенного роста производительности труда в украинской экономике – то есть того, что является основным залогом конкурентоспособности экономики в общем, увеличения ВВП и экономического прогресса. Существенной проблемой развития нашей страны является закрепление потребительской модели существования и патерналистских установок, когда объем взятых кредитов не отвечает ни способности потребителей их уплатить, ни возможности слабо капитализированных отечественных банков справиться с ними самостоятельно, без масштабных внешних займов. Результатом станет «финансовый пузырь», который лопнет с вероятными катастрофическими последствиями для банковской системы и потребителей.

В Украине, с ее экономическими проблемами и тенденциями, нынешнее чрезмерное количество слабо капитализированных банков обанкротится или будет выкупленная иностранными инвесторами. В результате придется смириться с почти полной зависимостью банковской системы от иностранных финансовых структур. Единственным «мерилом успешности» украинской экономики станут мировые цены на основные статьи экспорта, которые и будут определять ее общий рост или убыль. Низкое качество рабочей силы станет причиной уменьшения иностранного инвестирования в условиях недостаточности внутренних ресурсов для капитализации. Непрестижность рабочих специальностей, продолжительный упадок профессионально-технического образования, имеющееся несоответствие государственного заказа на специалистов реальным нуждам экономики вычеркнут Украину из списка стран, где относительная дешевизна рабочей силы привлекательно усиливается ее квалификацией.

Наши догадки о том, что бы произошло, если бы украинская экономика попала под влияние непредусмотренного внешнего фактора, являются лишними, поскольку количества очевидных внутренних негативных социальных факторов уже целиком хватает для того, чтобы они самодостаточно вызвали кризисные явления в Украине (по крайней мере в продолжительной перспективе). Итак понятно, что этот, уже существующий и действующий, комплекс факторов может так ослабить украинскую экономику и ее социальный сектор, который при условии наступления дополнительно еще и внешнего кризиса ей будет тяжело удержаться на ногах*. Авторы также сознательно пытались игнорировать вероятное разыгрывание «украинской карты» как традиционными, так новыми влиятельными игроками на международной арене. Однако, вернемся к отечественным реалиям.

Депопуляция и старения населения будут присущи всем регионам страны, кроме больших городских агломераций, где сосредоточатся основные финансовые ресурсы, рабочие места и инфраструктура, где социальная сфера не деградирует так, как в сельской местности. Если в центральных (кроме Киева) и северных областях причинами депопуляции станут преимущественно природно-демографические и миграционные факторы и алкоголизм, то на Востоке и Юге на сокращение населения в основном будут работать, кроме «традиционного» пьянства, еще и распространение туберкулеза,

* От автора: сценарии эти были написаны в первой половине 2008 г., поэтому уже неприятно наблюдать как часть их уже вполне реализуется, - например, в условиях мирового финансового кризиса, которого тогда еще не было. Дальше может что по «мелочам» изменили, но результаты президентских выборов 2010 г., думаю вряд ли что-то изменят.

ВИЧ/СПИДа, наркомании. В индустриальных районах наибольшей будет диспропорция между количеством мужчин и женщин – вследствие значительно высшей смертности мужчин среднего возраста. В относительно лучшем социально-демографическом положении будет оставаться, как и сейчас, Западная Украина, однако там огромная трудовая миграция в Европу будет подвергать испытанию прежде всего институт традиционной семьи и качество воспитания детей (если сегодня в этом регионе доля сирот приблизительно в 10 раз меньше, чем на Востоке, то со временем ситуация может измениться в худшую сторону). Следует также добавить, что все указанные выше социальные факторы принадлежат к тем, которые содействуют росту в стране преступности, – и «ведущими» регионами в этом тоже будут оставаться Восток, Юг и Центр.

Социальная структура украинского общества и в дальнейшем будет формироваться по модели стран «третьего мира» – с огромной поляризацией доходов и социальным расслоением. Учитывая очерченные тенденции, становление среднего класса будет происходить чрезвычайно медленно: его пополнение и в дальнейшем будет ограниченным со стороны слаборазвитого, не стимулированного государством малого и среднего бизнеса и, вместе с тем, будет оставлять в стороне работников медицины, образования, социального сферы – вследствие непрестижности и недостаточного финансирования этих отраслей.

Деформированное становление среднего класса замедлит появление в стране «ответственного избирателя», поскольку вследствие объективных социально-демографических процессов (в случае невмешательства государства в управление ими) основную массу граждан все больше будут составлять люди социально зависимые, неимущие, бедные, а следовательно, – склонные откликаться на популистскую демагогию и поддерживать ее. Поэтому невозможность что-либо изменить путем демократической избирательной процедуры со временем приведет к политическому равнодушию даже социально активных личностей (их будет весьма мало, к тому же, они– наименее дисциплинированные избиратели) и стремлению изменения ситуации радикальным путем – благодаря «*твердой руке*». Вместе с тем политическая и социальная пассивность украинского общества может стать его перманентной чертой, и ожидать каких-то взрывов социального недовольства или массовых протестов в реальности не следует. Помня о разочаровании послеоранжевого периода и руководствуясь принципом «моя хата скраю», молодые украинцы 2020 г. будут просто избирать себе страну с лучшими условиями жизни и более гуманным обществом или же будут заниматься обычным делом – делать индивидуальную карьеру вопреки любым условиям.

Упомянутый нами дефицит рабочей силы приведет к скоплению в Украине большого количества иностранных мигрантов: часть из них будет находиться в нашей стране временно – с тем, чтобы со временем перебраться в ЕС, а часть будет ориентирована на постоянное местожительство. В зависимости от соблюдения миграционного законодательства, прозрачности европейской и российской границ их количество может достигнуть сотен тысяч. Они будут источником дешевой неквалифицированной рабочей силы и станут питательной средой для организованной международной преступности, наркоторговли и торговли людьми. Учитывая то, что странами выхода этих мигрантов будут преимущественно Западная, Южная и Юго-Восточная Азия, для их интеграции в украинское общество будет существовать ряд социальных, культурных и ментальных препятствий. Опыт других стран показывает, что в условиях стихийности, неконтролированности процесса миграции и обустройства прибывших, они со временем формируют замкнутые анклавы (гетто), которые становятся источником (и объектом) социальной и межэтнической вражды, особенно, если в обществе, которое их принимает, распространяются ксенофобные настроения (что при названных условиях неизбежно даже в странах, значительно более благополучных, чем Украина). Понятно, что иммигранты будут жить в больших городах (местное село нигде в мире не стало местом их локализации), и потому в последних постепенно будут формироваться этнические кварталы. Поскольку города станут основной сердцевиной социального расслоения, конфликты на социальном уровне в них часто будут приобретать межэтнический погромный характер (что сейчас происходит в России).

Теперь, очертив основные характеристики украинского общества при развитии реалистического (инерционного) сценария, следует попробовать определить, какие политические условия и какой «стиль менеджмента» делают такое развитие сейчас очень вероятным. Простейшим ответом станет следующий: *условия, при которых политический процесс и партийно-политическая система в Украине не испытают сущностных изменений, а от евроинтеграционных планов придется отказаться или они останутся лишь декларативными. В этом смысле инерционный сценарий становится автоматическим путем к воплощению пессимистического.*

На сегодня общей чертой украинских политических «кланов» (поскольку «невиртуальных» политических партий в стране практически не существует) является отсутствие четкой системы ценностей, вместо которой существуют рефлексы приобретения наживы, на основе которой развиваются сами «кланы», и предлагают соответствующую модель развития страны. Из

общепризнанной системы ценностей проистекают правила, по которым конкурируют и сосуществуют разные группы интересов в обществе. Но отсутствие такой системы, или же ее изначальная порочность порождают безответственность и наблюдающийся сегодня хаос. Отсутствие такой системы ценностей порождает отсутствие цели функционирования общественных институтов, а от этого происходит их очевидная слабость и неэффективность. Любой институт, у которого отсутствует цель, начинает заниматься обеспечением своих привилегированных участников (обогащением).

Отсутствие у правящего класса стратегических ценностных приоритетов (постсоветский синдром, отсутствие новой программы действий) привели к неадекватности представлений политической элиты о состоянии общества, а также– к неспособности осознать те известные риски, которые существуют, и отсутствия соответствующего стремления их минимизировать. Риски, заметим, в одинаковой мере затронут и правящий класс, а не только широкие массы граждан. Убытки от неудачной внутренней политики будут относительно одинаковыми для всех категорий украинцев, но в абсолютном измерении цифр и объемов собственности они, однозначно, поставят точку – в достижениях нынешней верхней страты общества и «крест» – на ее влиянии на ход событий. Возможно, что местной элите удастся «удержаться на плаву», но при реальном сокращении государственного суверенитета Украины (неминуемом при нынешнем развертывании событий) ей придется привыкать к новым «правилам игры» – то есть к тому, что ее воля не будет решающей.

Пока что руководство государства не способно сформулировать приоритеты общественного развития и выработать стратегическую программу действий и мер, которые необходимо и можно осуществить. Поскольку об этико-нравственных определениях политической деятельности в Украине говорить нет смысла, мы ограничимся оценками функционального характера. Пока не появились новые (или «новые-старые») политические игроки с эффективным проектом «третьей альтернативы», политическое равновесие между нынешними политическими лагерями в Украине является достаточно стабильным. Однако это равновесие отнюдь не является реальной, «принципиальной» *поляризацией*, поскольку декларативные идеологические расхождения нынешних конкурентов имеют не идеологически-фундаментальный, а технологический характер, ориентированный на перманентный избирательный процесс. Поэтому определить в Украине четкий политический цикл (как в США, например) с соответствующими стратегиями участников для каждой его фазы – невозможно. Несовершенство украинской Конституции, очевидное с 2005 года, является довольно удобным для

действующих политических игроков, потому что из-за своей ежедневной «напряженности» оно не позволяет появиться на политической арене «третьей силе», а существующие две держит в таком равновесии, которое делает успех одинаково достижимым для них обеих. Соответственно, истинного желания усовершенствовать Основной закон у них нет, разве что под этот результат будет заключен продолжительный политический союз.

Но основная проблема для украинского общества заключается в том, что такая ситуация программирует политиков только на *тактические действия*, которые исключают продолжительную стратегию, – а от нее, собственно, и зависит «в сухом остатке» судьба граждан. Тем временем и управленческая, и пропагандистская активность при пребывании при власти или в оппозиции содержат лишь суетную мотивировку, продиктованную той или другой насущной необходимостью сегодняшнего дня. Поскольку основной месседж каждой политической силы состоит в возражении месседжу соперника, то при смене правительств или парламентских коалиций невозможно достичь *преемственности и последовательности в решении стратегических вопросов развития страны*. В этих условиях ни одна из политических сил не склонна становиться «идеологической партией», потому что идеология требует хотя бы относительного соблюдения определенных принципиальных приоритетов от выборов до выборов. Такая ситуация логически ведет к размыванию административной вертикали – не в смысле конституционного увеличения полномочий местной власти, а в направлении ее все меньшей контролированности в тех политических вопросах, которые не являются сферой ее компетенции, а именно: языковой и образовательной политики, отношению к территориальной целостности и суверенитету государства. Это означает, что все больше регионов Украины станет объектом целенаправленных деструктивных внешних влияний, которые будут готовить грунт для распада страны. Деятельность же силовых структур будет неэффективной, что будет обусловлено соответствующей кадровой политикой, нечеткостью концепции самой национальной безопасности, перманентными ротациями, вытеснению профессионалов, низким финансированием - эти тенденции мы можем уже наблюдать. Сегодняшнее осуществление действующего законодательства может завтра закончиться репрессиями для его исполнителей.

Технологический характер ведущих украинских политических проектов, как ни грустно об этом говорить, *целиком отвечает запросам общества, неимущего и слабо структурированного, которое пребывает в мировоззренческом хаосе.* Такое общество склонно слушать популиста и демагога,

а популист и демагог не склонен делать общество другим – дабы не потерять шанс на завтрашнюю победу ради воображаемой стратегии на послезавтра. Результатом такого «завоевания масс» является паралич всех ветвей государственной власти, которая делает невозможным эффективный контроль за социальными процессами и попытки их коррекции.

При условиях стабильной внешней ситуации такое состояние может длиться достаточно долго, но геополитическое расположение Украины может лишь обещать нам наше «удобство» в качестве геополитического «буфера» между мировыми державами. Для «Запада вообще» мы – определенный «ограничитель» для продвижения России, для прагматического Евросоюза – «отстойник» для мигрантов и нестабильный транзитер энергоресурсов, для российского капитала – «свободная территория», лишенная собственного контроля. Для нас самих это вообще ничего не гарантирует и является лишь хорошим стартом для преобразования в «банановую республику» с марионеточной политической «элитой». Дальнейшее выживание Украины как самостоятельного субъекта будет зависеть лишь от мощных целенаправленных усилий правящего класса и граждан для консолидации страны на основании осознания национальных интересов. Шансы на это, сознаемся, –весьма невелики.

Накопленное общественное разочарование и недоверие мешает сотрудничеству и организации новой политической силы, поскольку избирателей уже неоднократно одурачивали и они получили «прививку» от одноразовых проектов. Тем более, что члены устоявшихся политических «кланов» считают нарушение взятых ими обязательств перед общественностью или другими группировками правящего класса нормой.

Новый политический проект требует наличия просвещенных квалифицированных людей, которых, как правило, на практике заменяют «раскрученные» политтехнологи. Но последние всегда работают только на «одну избирательную кампанию» – не далее.

Концентрация финансовых ресурсов у олигархов ограничивает возможности финансирования новых проектов. Поскольку политическое спонсорство рассматривается как краткосрочное бизнес-соглашение, то выполнение обязательств перед спонсорами обязательно вступает в противоречие с заявленными перед избирателями целями «новых проектов».

Единственная причина, способная склонить чашу весов в сторону более эффективного государственного менеджмента, – это или выразительная внешняя угроза положению правящего класса (его основной общий капитал – это государственный суверенитет Украины), или комплекс жестких, опять же – внешних, обязательств относительно

внутренней политики. После 2005 г. внутренний ресурс социальной активности населения пока что исчерпан, поэтому для правящего класса решающее значение имеет именно внешний фактор, который принудит его к по крайней мере формальной консолидации ради объективно общих интересов. Конечно, ожидать реальной угрозы собственной стране, лишь бы «вдохновиться» на какие-то общественно полезные действия, – это весьма унизительная ситуация, но она является именно таковой. Вместе с тем, нет абсолютно никаких оснований говорить о том, что упомянутый «основной общий капитал» хотя бы как-то осознается даже теми (численно очень небольшими) категориями населения, огромное богатство которых непосредственно зависит от сохранения этого «капитала».

К упомянутым внешним факторам давления мы можем отнести: 1) интеграцию в политико-экономические или военные союзы других государств с четкими требованиями относительно условий членства или 2) угрозу внешней агрессии. Во втором случае «консолидироваться» может быть уже слишком поздно – и часть правящего класса сможет плавно перейти в категорию марионеточных политических фигур, управляемых извне. Относительно первого варианта мы должны заметить, что четкие требования к состоянию общества, экономики, политических институтов имеют лишь такие союзы, как ЕС и НАТО. Если же мы ведем речь об интеграции с Российской Федерацией (принимая во внимание продолжительную предсказуемость, стабильность, преемственность ее политики на последующие годы), то для нее основным критерием является *подчиненность и лояльность, а не соответствие тем социальным и политическим стандартам, которым она сама не может соответствовать*. Реинтеграция с Россией может дать пролонгацию потребительской экономики еще на несколько лет благодаря «благодарности за лояльность», – однако практика свидетельствует, что экономический «пряник» российской внешней политики очень быстро заканчивается жесткой потерей экономического и политического суверенитета. Ответственность же за неудачную внутреннюю политику будет лежать на местном диктаторе на манер Лукашенко (которого игнорируют ведущие демократические государства), а не на «суверенно-демократической» и очень самодостаточной России, которой в ближайшие двадцать лет практически некого бояться, кроме «безумных» западных общественных (неофициальных) правозащитников. Позиция западных официальных представителей будет значительно более сдержанной. Им, последним, Украина де-факто не является позарез необходимой, разве что некие глобальные кризисы (о которых мы предпочитаем не загадывать) заставят их по-другому отнестись к нашей стране.

При таком ходе событий мы можем выбирать лишь между более скорым и более медленным исчезновением Украины как самостоятельного государства – и катастрофой украинского национального проекта, который реализуется, с переменными победами и поражениями, уже на протяжении 150 лет. Ныне мы получаем шанс потерять «все, за что боролись», не из-за военной агрессии, а тихо и мирно, – а следовательно, гораздо постыднее. Поэтому, если мы говорим о состоянии украинского общества и самих украинцев, единственным внешним мотивирующим фактором для положительных внутренних изменений может быть ориентация на «западные стандарты». Понятно, что для лечения общественных болезней совершенно необязательно требовать от Брюсселя «захотеть» членства Украины в ЕС, – ведь можно просто самостоятельно осуществлять системные общественные реформы. Правда, очерченные нами выше внутренние факторы этому, очевидно, помешают: правящий класс пока что не демонстрирует своей адекватности в осознании собственной ответственности. Расплата за некомпетентность на таком уровне всегда была весьма суровой, особенно на тесноватом Европейском континенте. Тут нет смысла выдумывать «страшилки»: они уже есть – и работают.

2. Пессимистический сценарий: коллапс власти и распад страны

Пессимистический сценарий предусматривает крах украинской государственности в ее нынешней форме. Если не принимать во внимание глобальные климатические катастрофы, военные конфликты и экономические кризисы, крах Украины может состояться лишь вследствие целенаправленных враждебных действий со стороны ее непосредственного геополитического окружения при условии неконсолидированной позиции национальной политической элиты. Внутренняя «неуверенность» является для агрессора залогом экономии масштабных военных (а потому внутриполитически невыгодных) усилий – можно обойтись сугубо экономическими и политико-манипулятивными действиями, что значительно более привлекательно и выгоднее.

На сегодня и на ближайшую перспективу территориальные споры Украина имеет на западе лишь с Румынией, которая как член ЕС и НАТО

не может самостоятельно выступить инициатором агрессии, и на востоке – с Россией, которая склонна возобновить свой военно-политический контроль над постсоветским пространством. Умолчим о мотивациях ее руководства: геополитических, экономических и т. п., – ограничимся самим фактом. В случае сохранения нормальных отношений с Западом и переведения их в более конструктивные (на уровне взаимных обязательств) Украине не следует бояться посягательств со стороны Румынии – они вынырнут на поверхность, лишь если Украина как субъект международных отношений исчезнет из политической карты. Относительно России политику вести необходимо такую же, как и с Западом, но с вынужденной ограниченностью в масштабах интеграции, которая станет результатом трудного и неудобного выбора. Румынию можно сдерживать сколько угодно (здесь наша позиция – не решающая), а вот Россия – самостоятельный игрок, который временами может «играться» почти свободно. Зависимость России от мировых экономик и политических сил существует, но она может позволить себе демонстративно этим фактом пренебречь. Для сопротивления восточному соседу Украине достаточно лишь не стать новой «больным человеком Европы», каким двести и сто лет тому была Турция, или «пороховой кадкой Европы», которой дважды побывали Балканы. Хотя однозначно: не существует никакой уверенности, что Украина может стать поводом для действительно серьезного конфликта между большими мировыми «игроками». *С одной стороны – это грустно: мы не станем поводом ни для горячей, ни для холодной войны (стыдно…).* Но это является определенно отрадным фактом, который основную ответственность за судьбу страны возлагает на ее *внутреннее состояние*, – т. е. на украинских граждан, которым все и решать... Останется вопрос: способны ли украинские граждане решать свою судьбу? Итак, программа-минимум для выживания Украины как государства, как субъекта международных отношений не является весьма сложной, однако при этом остается *почти недосягаемой*.

В более широком контексте судьба Украины в будущем будет зависеть от качества отношений между Западом (в лице ЕС и США) и Россией. Сегодня продолжается процесс формирования новой европейской системы региональной безопасности, который происходит на фоне постоянно возрастающей военной активности США и их союзников в регионе Ближнего Востока, Персидского залива, вокруг Афганистана и Пакистана, а также активизации официальных и неофициальных «торгов» США с РФ относительно содержания и формы нового соглашения об ограничении стратегических наступательных вооружений. *Для Украины наиболее «интересным» будет*

решение относительно того, действительно ли международные отношения возвращаются к практике «сфер влияния», при которой все «вводные» скажут о том, что мы окажемся в «сфере компетенции» России в оплату за ее «лояльность» к реализации будущих амбиций США.

С прагматической точки зрения, ведущие страны ЕС (Германия, Франция, Италия) имеют более всего мотиваций, лишь бы вообще «забыть» о существовании Украины и определить восточную границу Европы с «российской сферой влияния» по восточной границе Польши. Дальнейшее расширение ЕС на восток (с Украиной) в ближайшие двадцать лет может быть вызвано лишь уважительной, жизненно важной для Евросоюза причиной, которой способен стать или полный коллапс отношений с Россией, что минимизирует для ЕС экономическую мотивацию в пользу стратегической, или же мировой продовольственный кризис, связанный только с климатической катастрофой. Будем учитывать (мы же избегаем воображаемых глобальных катастроф), что для «принципиальной» ссоры ЕС с Россией поводы найти очень тяжело – весьма их контакты взаимовыгодны. Поэтому исходим из того, что Евросоюз не очень будет протестовать против «поглощения» Украины Россией, если она не будет применять какую-то брутальную военную агрессию, а использует уже имеющиеся внутренние украинские дестабилизирующие факторы. Последние оставят для ЕС все возможные пути для сугубо «бумажной борьбы» и дипломатических отступлений с «сохранением собственного лица». Европа спокойно остановится на восточной польской границе и будет считать, что это ее естественные пределы. Правда, страны, которые имеют опыт жизни в советском блоке, не сдадутся сразу. Возможно, что преодоление перманентного внутреннего кризиса в Евросоюзе (а он чрезвычайно устраивает «старые» евродержавы вроде Германии и Франции) позволит «новой Европе» больше влиять на формирование единой позиции ЕС во внешней политике. В другом же случае (при нестабильности структуры ЕС) восточная часть блока останется под бо́льшим влиянием США, поскольку именно США сможет гарантировать ей безопасность и – не будем кривить душой – выживание на фоне угрозы с востока. То есть: если Евросоюз не стабилизируется и не захочет дальнейшего собственного расширения (возможно, для этого появятся непреодолимые экономические мотивации), единственным и крайне необходимым партнером восточной части ЕС и Украины в сфере безопасности будут оставаться только США.

При таких обстоятельствах произойдет переход Украины к «серой» зоне региональной безопасности Европы и дальнейшее «сползание» в исключительно российскую зону влияния в условиях отсутствия четких гарантий безопасности со стороны ведущих мировых и региональных сил.

Принадлежность Украины к «серой» зоне безопасности в европейском регионе, *отсутствие реальных гарантий безопасности внешнеполитическими партнерами*, в сочетании со сложной внутриполитической и экономической обстановкой в стране, а также существующее состояние ее военной организации *объективно спровоцирует использование против Украины широкого спектра возможных средств влияния и вероятного вмешательства в ее внутренние дела заинтересованных сторон* – от политического, экономического до прямого военного давления и проведению специальных, и не исключено, даже военных операций.

Восстановление полномасштабного сотрудничества США, стран НАТО с Россией и отсутствие практических украинских внешнеполитических инициатив может привести к геополитическому размену «украинской карты» с результатами, сомнительными для суверенитета Украины.

Очевидным стало на сегодня резкое, даже критическое, уменьшение боеготовности военной организации государства в условиях дальнейшего роста реальной военной угрозы как в масштабах территории Украины, так и в региональном и мировом измерениях. Рост военных затрат большинства влиятельных стран мира, развертывание в европейском регионе военных формирований нового типа (экспедиционных мобильных сил с возможностью их количественного и качественного наращивания в короткие сроки), принятие и подготовка новых военных доктрин и стратегий (Россия, НАТО, США и т. д.), реальные действия стран вокруг Украины и политические заявления их влиятельных официальных лиц (РФ, Румыния, Польша, Турция, Грузия, Азербайджан и т. п.) свидетельствуют об *объективном повышении фактора военной силы* (который стремительно продвигается к позиции ведущего) в обеспечении задач безопасности государства.

Что же до возможности прямой военной агрессии со стороны России, то до конца следующего десятилетия качество ее военных мощностей будет оставаться невысоким (не следует безоговорочно доверять декларациям и пропаганде). Однако они неуклонно будут наращиваться. При этом нельзя оставлять без внимания некоторые «фоновые» события, например американо-израильскую антииранскую кампанию, когда «благожелательная» российская позиция обусловит передачу в ее «сферу» стран СНГ. Приобретает явные очертания угроза в связи с принятием в РФ законопроекта «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обороне», который законодательно предоставляет президенту РФ возможность быстро и оперативно использовать вооруженные силы РФ за пределами российской территории. Более того, заявленное в новой редакции «Военной доктрины РФ»

возможное применение тактического ядерного оружия в региональных и локальных конфликтах может активно использоваться в качестве инструмента сдерживания НАТО, шантажа и запугивания соседних стран.

Как ни странно, российские эксперты и аналитики при том отмечают возрастающие тенденции ослабления России с дальнейшими вероятными экономическими и политическими катаклизмами для страны. Однако, при любых вариантах, при ведении войны обычными вооружениями шансы на легкую победу над Украиной выглядят иллюзорными (а политическая «цена» такой военной кампании для самой России будет весьма высокой) – разве что планы перевооружения украинской армии останутся целиком нереализованными. Избежать последнего можно или при стабильном повышении расходов на оборону до 2 % бюджета (что маловероятно, учитывая его перманентный социально-популистский характер), или при условии вхождения Украины в военный союз – НАТО (что существенно облегчило бы поддержание обороноспособности или и целиком решило эту проблему самым фактом). Учитывая неоднозначное общественное отношение ко вступлению в Североатлантический альянс, которое будет сохраняться при дальнейшем существовании современной партийно-политической системы и технологического характера политических проектов, Украина, скорее всего, будет просто доводить сотрудничество с этим блоком до такого уровня, когда вопрос официального членства просто станет формальностью. Однако этот вариант действий может происходить лишь при условии *понимания* (пусть даже недекларативного) реальных интересов страны административной верхушкой государства, независимо от смены коалиций и кабинетов. Дело в том, что этот процесс будет требовать той преемственности в соблюдении стратегических решений, которая априори отсутствует в украинском политикуме. Имея перед собой консолидированную позицию украинской власти, Россия не будет применять силового сценария, а вот в ситуации продолжительной внутриполитической слабости Украины «восточный сосед» может осуществить, например, «ограниченный силовой сценарий»: он не будет иметь характера широкомасштабной агрессии, но достигнет тех же стратегических целей значительно меньшими средствами. Потом победителей не будут судить. Россия также может еще более «экономно» применить стратегию «*soft power*» («мягкой силы»), суть которой сводится к влиянию одного государства на поведение и интересы других политических образований косвенным образом – посредством культурных и идеологических моментов. «Мягкая сила» выделяет более тонкие, «деликатные» эффекты влияния, которые достигаются через культуру, церковь, ценности и распространяемые через СМИ идеи, в отличие от «прямых» и брутальных средств

влияния на статус соседних государств, таких как военные действия и экономические средства влияния (что называют «жесткой силой»).

Очевидной хронологической «планкой» решения основных украинско-российских противоречий станут годы перед 2017* – датой вывода Черноморского флота с украинской территории. Роль Черноморского флота РФ является не военной (в этом смысле он совершенно декоративен), а политической, обеспечивая фактом своего присутствия в Крыму постоянное идеологическое и подрывное влияние России на нестабильный регион, и некий «запасной», потенциальный рычаг для возможного силового сценария передела «украинского наследства». Поэтому обстановка в Крыму станет «ключом» к будущему Украины как суверенного государства в нынешних территориальных границах. За годы независимости Киев показал свою неспособность (за исключением урегулирования ситуации в 1992 г.) контролировать и корректировать социальную и этническую ситуацию на полуострове. Тем временем она аккумулирует в себе ряд конфликтов, которые и станут наиболее банальным поводом для вмешательства России в украинские внутренние дела. Если уж отказаться от стратегии «мягкой силы», то для «жесткой» подойдет как повод исключительно Крым. Заведение в безысходность социальных проблем крымских татар, непрозрачность земельной политики в АРК создают питательную почву для образования радикальных политических течений, вероятно исламско-фундаменталистского характера, которые отстранят от руководства национального крымскотатарского движения умеренные силы.

При возможной негласной внешней поддержке (в том числе со стороны России) ситуация дойдет до межэтнического противостояния, актов насилия, погромов и террористической деятельности. Пророссийская «пятая колонна» (политические сепаратистские силы полуострова при поддержке населения) обратится – возможно, на официальном уровне Верховного Совета АРК – за помощью к Российской Федерации и ее Черноморскому флоту. Россия осуществит «антитеррористическую операцию», которая будет сопровождаться привычными этническими чистками и изгнанием мусульманского населения. Декларативно это будет обусловлено «защитой соотечественников», поскольку «киевская власть не способна контролировать ситуацию на полуострове». Если к тому времени Европейский Союз существенно не диверсифицирует источники поставки энергоресурсов, то он негласно согласится с

* После харьковских соглашений Медведева–Януковича не стоит торопиться снимать дату «2017». Придерживаться договоренностей не свойственно украинским политикам.

ограничением территориальной целостности Украины и ее суверенитета – из соображений экономической стабильности. В случае быстрого жесткого реагирования США и НАТО российскую агрессию придется ограничить Крымом, но конфликт не будет разрешен – он лишь законсервируется. Конечно, если на тот момент Украина станет членом НАТО, подобный сценарий не возможен в принципе, но шансы на будущее членство остаются незначительными.

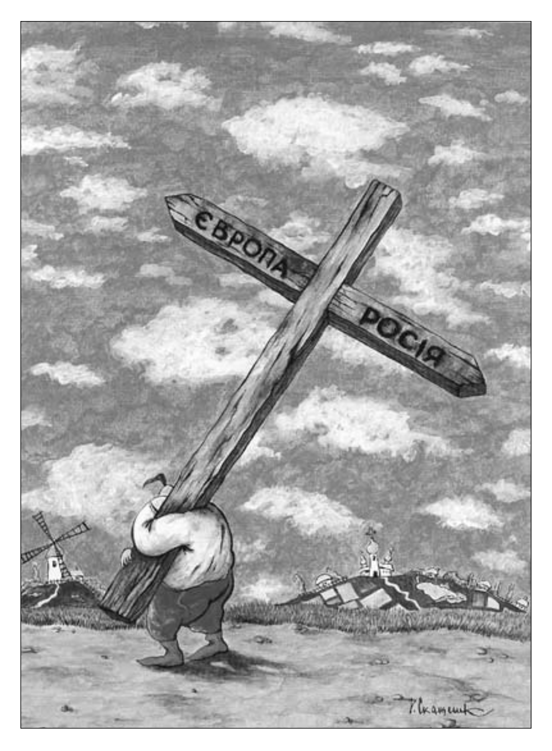
Описанный вариант развития событий вероятен лишь при условии дальнейшей неэффективности центральной киевской власти и продолжительности политического противостояния, которое делает невозможным достижение единства позиции государства относительно защиты своей территориальной целостности. При сохранении на наивысшем уровне политического влияния пророссийских сил развитие ситуации может привести к провозглашению автономии юго-восточных регионов и перехода их под российский протекторат. Невозможность действенного военного отпора и отсутствие единства политических сил Украины сделают ее Вооруженные силы неуправляемыми, что позволит России ввести свои войска через сухопутную границу до Днепра. Другие соседние страны (Румыния, Польша) будут вынуждены «для контролирования ситуации» ввести, в свою очередь, собственные «миротворческие подразделения», которые в дальнейшем будут контролировать определенные части украинской территории. Повторится история раздела «украинского наследства» между соседями. Международные гарантии территориальной целостности и суверенитета Украины, как и сейчас (*вспомним Будапештский протокол 1992 г., когда со стороны США и России давались гарантии безопасности Украины в обмен на ее отказ от ядерного оружия*), останутся декларациями, и украинская государственность прекратит свое существование в нынешней форме.

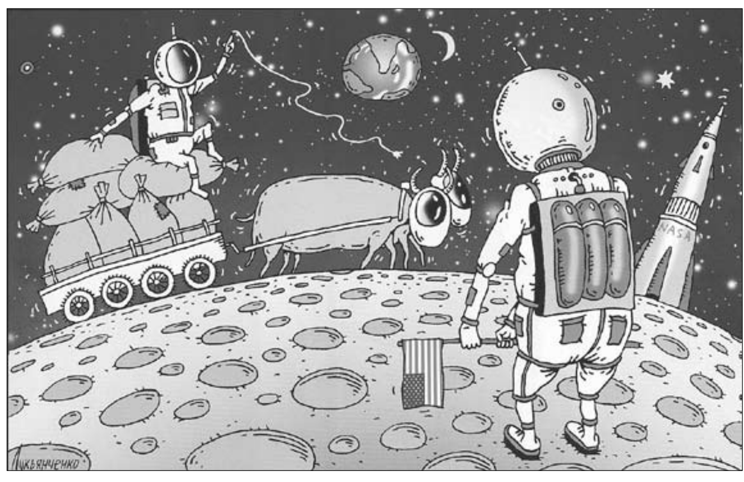
3. Авторитарный сценарий: олигарх-популист

В предыдущих оценках мы исходили из того, что политическая система Украины в дальнейшем будет сохранять нынешние черты парламентской демократии. Однако продолжительная политическая нестабильность, разочарование граждан в демократической процедуре могут сформировать

общественный заказ на «твердую руку» – и повернуть развитие страны в русло авторитарного сценария. Для этого необходимо, чтобы кто-то из политических лидеров, популярность или харизматичность которого будет «достаточной», решился разрушить тот консенсус в среде правящего класса, который имеется сегодня. При невозможности осуществить конструктивные конституционные изменения, направленные на увеличение эффективности ветвей власти, может возникнуть соблазн установить авторитарный режим под поводом разрешения перманентного политического кризиса. Наиболее удобно совершать это, уже владея президентскими полномочиями по контролю силовых структур, поскольку тогда можно без заметного применения силовых методов «обратиться к народу», инициировать референдум относительно увеличения полномочий главы государства. Формальные признаки демократии будут сохранены, но Верховная Рада превратится в «карманный орган», который механически будет утверждать уже принятые лидером решения. На выборах победит провластная партия, а несколько мелких политических движений останутся для имитации плюрализма.

Единственным в каком-то смысле положительным вариантом авторитарного сценария может быть «голлистский вариант»: когда конструктивные силы общества, гражданские инициативы будут консолидированы и привлечены для модернизации страны, системных реформ, а деятельность власти не будет репрессивной. Тогда, после переходного периода радикальных изменений и оздоровления общества, демократический характер политического режима может быть восстановлен и наполнен конструктивным содержанием. Однако такой вариант маловероятен, и если авторитарный сценарий в Украине реализуется, то это будет, скорее всего, *популистский олигархический режим*, который осуществит очередное перераспределение собственности, проведя ряд показательных процессов над «коррупционерами» или «олигархами» из лагеря политических противников и подкупая граждан интенсивными социальными подачками. Такая политика не изменит негативных тенденций в развитии общества и экономики. Вопреки стремлению сохранить внешнюю видимость демократии, этот режим окажется в международной изоляции (бесспорно, со стороны Запада) и повторит путь режима Лукашенко в Беларуси. В этом случае Украина безальтернативно окажется в орбите российского влияния, а украинская власть станет заложником отношения к себе Кремля, который и без силового сценария достигнет реализации своих внешнеполитических планов по созданию «союзного государства» или «контроля традиционных сфер влияния». Поэтому авторитарный сценарий мы считаем одним из пессимистических вариантов – он тоже приведет к потере государственного суверенитета, хотя,

Константы

Каким бы ни было украинское будущее, ему все равно будут свойственны извечные дилеммы и сюжеты украинского бытия. Карикатуры Дмитрия Скаженика и Игоря Лукьянченко.

возможно, с сохранением нынешних административных границ (т. е. территориальной целостности) Украины. Однако тогда останется лишь вопросом времени момент утраты украинской идентичности, который приведет к растворению этого административного образования в новом российском «евразийском пространстве».

4. Оптимистичный сценарий: евроатлантическая фантазия

Конечно, может показаться, что выше (в реалистично-инерционном сценарии) мы очертили очевидный «замкнутый круг»: объективные социально-демографические процессы, имеющиеся тенденции распространения социальных болезней и социально негативных явлений неотвратимо ведут нашу страну к стагнации и деградации. Но исторический опыт системных реформ в разных странах мира свидетельствует о возможности сдерживания и преодоления кризисных явлений. Однако предпосылкой для этого должно быть наличие *политической воли и единства позиции правящего класса* в приоритетных вопросах развития страны. *Корни нынешних украинских общественных проблем лежат именно в политической плоскости.*

Есть основания говорить о том, что необходимые сдвиги могут произойти лишь при смене поклений политической элиты, потому что основные политические фигуры и акторы сегодняшнего дня неспособны подняться над ситуацией и дать адекватную оценку состояния страны и неутешительным перспективам ее безопасности. Однако пока что трудно утверждать, кто из политических фигур «младшего возраста» и «второго эшелона» современного политического истеблишмента ментально отличается от «старших товарищей». Но, поскольку мы должны представить себе «оптимистичный сценарий», попробуем представить, хотя он – как заявлено в названии – *будет всего лишь фантазией*…

Одним из вариантов мог бы стать политический проект, альтернативный нынешней «двупартийной системе». Вследствие перманентного политического кризиса и паралича центральной власти в социально и политически активной части общества вызревает стремление создать *идеологический политический проект*, который бы принципиально отличался от уже дискредитированных и дал бы надежду на возможность реальных изменений. Такой проект должен основываться на ином, открытом принципе

партийного строительства – в отличие от существующих диктата руководства политических движений и закрытых партийных списков. Это бы дало возможность привлечь к проекту активную часть общественности, движение могло бы получить новое «лицо», поскольку «нынешние привычные» гражданам уже надоели и целиком дискредитировали себя. Идеологический характер этого движения позволил бы ему *перейти границы устойчивых электоральных регионов*, но территориальной основой для его развертывания стал бы, вероятно, центр и восток страны (без Донбасса, Крыма и Запада) – именно там (в «середине») конструктивный социальный ресурс остается наименее использованным, а мировоззренческие ориентации населения еще можно изменить. Если бы этому политическому движению удалось избежать в своем распространении четкого размежевания на «восток-запад», его миссия получила бы более всего шансов на реализацию. Соответственно, его социальной базой стали бы наиболее активные представители малого и среднего бизнеса, молодые средние прослойки. Обычная опора новых политических проектов сразу на ресурсы определенной финансово-промышленной группы («клана» или определенного «олигарха») обычно задает быстрый старт, но ограничивает распространение, поэтому диктата одного «спонсора» необходимо избегать. Исходным принципом политической деятельности должна была бы стать готовность к продолжительному политическому планированию *на две или три будущих избирательных кампании* – с целью постепенной аккумуляции электорального ресурса благодаря соблюдению стойких мировоззренческих и политических приоритетов, формированию доверия избирателей, подготовке гражданских кампаний, систематической работе с молодежью. *Такое движение следует начинать с доктринально оппозиционной позиции.*

В условиях нынешней политической системы первым успешным шагом этого движения может быть получение позиции «третьей силы» в парламенте с соответствующей «золотой акцией» при формировании коалиции (при сохранении современного проходного процентного барьера на выборах в парламент). Позиция принципиального «третьего меньшего» между двумя ведущими популистскими силами содержит в любом случае больше потенциальных политических дивидендов, чем сегодняшнее участие в ситуативном большинстве. Активизация социального ресурса, конечно, дает потенциально больше возможностей – сравнительно с нынешним временным владением властными позициями. Такое движение способно уравновесить *региональную мировоззренческую (сугубо технологическую) поляризацию*, создав стабильный «центр» и перевесив чаши весов в пользу осуществления стратегических реформ.

Однако наиболее очевидным препятствием на пути реализации такого проекта является пассивность общества, разочарование, неверие в собственные силы и в возможность лучших перспектив, недоверие граждан ко всем представителям политического истеблишмента, зависимость малого и среднего бизнеса от коррумпированной власти на всех уровнях, которая, по понятным причинам, будет стремиться уничтожить любые политические альтернативы в зародыше. Тем более, такой проект не будет предоставлять его инициаторам перспектив для получения быстрых властных или экономических дивидендов. «Идеализм» или «идеология» требуют значительно более долгосрочных инвестиций, чем сугубо технологические проекты, рассчитанные на ближайшие выборы.

Другой возможностью для Украины выйти из тупика могут стать лишь взаимные уступки основных политических акторов ради достижения консолидированной политической позиции относительно будущего страны и перенесения идеологической конкуренции «этажом ниже» – на конкретные варианты действий в пределах общей парадигмы. Следствием станет образование «широкой коалиции», которая позволит изменить Конституцию Украины, четко разграничив в ней полномочия ветвей власти. В этом случае не является принципиальным то, как именно будут распределены полномочия, поскольку проблема состоит не в характере Основного закона государства, а в том, *работает он или нет*. В любом случае необходимо будет вернуться к мажоритарной системе формирования местных органов власти, лишь бы высвободить местные конструктивные социальные ресурсы. Первой консолидированной позицией должно стать определение внутренне- и внешнеполитических приоритетов – исходя из соображений национальной безопасности. Этот вопрос не оставляет альтернативы необходимости вхождения Украины в определенную систему коллективной безопасности – учитывая факт объективной угрозы со стороны России. План действий относительно членства в НАТО, который сам по себе не является критическим условием членства, будет необходимым, потому что он будет предусматривать комплекс реформ в военной и общественной сфере – тех, на которые украинский правящий класс не способен при условиях самодостаточности. Жесткий комплекс внешних обязательств есть необходимым, поскольку других стимулов к системным реформам в стране не существует. Однако этот вариант развития («широкая коалиция») является наименее вероятным.Очевидно, что до 2020 г. Украина не станет членом ЕС, даже если подкрепит это свое стремление общенациональным консенсусом. Препятствием на этом пути станет продолжительный внутренний кризис Евросоюза, который сам не способен достичь консенсуса собственных

членов в вопросах развития наднациональных учреждений и внешней политики. К наиболее острым экономическим проблемам ЕС последних лет относится рост дефицитов государственных бюджетов стран-членов и уровня безработицы (это говорит о внутренних экономических конфликтах), не говоря уже об объективном нежелании «старых евродержав» сокращать свое политическое влияние на формирование общей «европозиции». Поэтому определяющими в политике ЕС на востоке останутся прагматические позиции руководящих континентальных стран (Германии, Франции, Италии), а восточноевропейские симпатики Украины (Польша, страны Балтии) будут оставаться в ситуативной оппозиции.

Единственным весомым толчком к приему Украины в Европейское сообщество может стать лишь осознание последним такой стратегической угрозы со стороны России, которая перевесит скромный комфорт надежных энергопоставок, – или же на это повлияет ситуация новой глобальной нестабильности.

Однако, ориентируясь на общественные стандарты ЕС, Украина может начать преодолевать внутренние социальные нелады, а именно: реформировать систему здравоохранения, социальные службы, правоохранительные структуры, судебную систему, армию, стремясь при этом преодолеть негативное системное влияние всеохватывающей коррупции. Реформа судов и правоохранительных органов станет основным залогом улучшения инвестиционного климата и изменения пессимистического отношения общества к проблемам социальной справедливости. Параллельно с этим преодоление кризисной ситуации относительно социальных болезней (эпидемии туберкулеза и ВИЧ/СПИДа, алкоголизма и наркомании), образовательная реформа (приспособления к реальным нуждам общества) позволят спасти трудовые ресурсы страны от деградации. Поддержка общественных организаций и налаживание их партнерских отношений с государством позволит эффективно аккумулировать социальный капитал. Изменение общественного самоощущения к лучшему, рост доверия к государству и власти будут формировать здоровую социальную среду и будут консолидировать граждан вокруг конструктивных ценностей. Такое состояние вещей или будет содействовать достижению соглашения с ЕС относительно реальной перспективы членства Украины в этой структуре, или позволит Украине (в зависимости от состояния самого ЕС) в нее не вступать, ограничившись тесным ассоциированным сотрудничеством.

При таком развитии событий будут осуществлены необходимые шаги для законного прекращения антигосударственной деятельности ряда ирредентистских организаций в Крыму и на востоке страны. Из вышеизложенного

становится очевидным, что наиболее критическим для политического истеблишмента при выборе пути развития страны станет осознание реальности российской угрозы суверенитету Украины, поскольку пророссийская позиция остается одним из самых важных действующих факторов технологического конфликтного манипулирования украинским электоратом. Поэтому отказ руководящих политических сил от ориентации на Россию станет ключевым вопросом выживания украинского государства. Конечно, наиболее удобной для Украины была бы дружеская (или хотя бы конструктивная) позиция России – наибольшего торгового партнера и неизменного исторического соседа, но непреложным фактом настоящего является то, что существование суверенной Украины отрицается Российской Федерацией если не де-юре, то де-факто. Это – суровая и неприятная реальность, которая не оставляет Украине других альтернатив, кроме ориентации на военно-политический союз с Западом.

По оптимистичному прогнозу, новое языковое законодательство учтет практические рекомендации экспертов относительно приоритета развития украинского языка и защиты языков меньшинств, а языковый вопрос перестанет использоваться в политической пропаганде в масштабах государства (при том, что локальных языковых конфликтов избежать будет невозможно – но необходима будет рамочная легитимная схема их разрешения). Информационное пространство страны станет контролируемым благодаря соблюдению действующего законодательства и четкому регулированию, основанному на приоритете национальных интересов. Будут осуществлены программы государственной поддержки национального культурного продукта, создано общественное телевидение, которое будет формировать мировоззренческое единство общества в пределах конструктивного понимания украинской гражданской идентичности. Государственная поддержка отечественного кино- и телепроизводства позволит создавать сериалы (прежде всего) и фильмы на украинскую тематику, осветив в частности ряд принципиально важных исторических сюжетов. Пока что украинцы не могут даже визуально себе представить собственных исторических предшественников, оставаясь в пределах советско-российского, т. е. идеологически тоталитарного видения прошлого. Льготы для украинской книжной продукции позволят исправить заведомо проигрышные позиции отечественного издателя. Будут осуществлены весомые инвестиции в продолжительную культурную стратегию мировоззренческой внутренней интеграции Украины, формирование национально-гражданской идентичности, которая будет требовать реализации долгосрочной гуманитарной стратегии. Последняя должна была бы учитывать специфику всех возрастных категорий населения и сложившихся историко-культурных регионов.

Показателем политической воли украинской власти к реформированию страны станет оздоровление ситуации в Крыму – наиболее проблемном регионе страны. Урегулирование вопроса по распределению земель и компенсационных мер для крымскотатарского сообщества определят четкую государственную политику в сфере межэтнических взаимоотношений и собственности. Учет опыта других стран по созданию работающей туристической инфраструктуры создаст новые перспективы для региона и, особенно, для Севастополя в условиях преобразования города из военной базы в курорт. Налаживание постоянного и интенсивного экономического и военно-политического сотрудничества с Турцией обезопасит регион от вспышки исламского радикализма. Создание в Крыму филиалов ведущих украинских университетов, ориентированных на европейские стандарты образования, создаст условия для нормального социального и образовательного роста крымской молодежи. В результате это изменит к лучшему отношение регионального сообщества к украинской государственности, лишив в перспективе полуостров статуса «украинских Судетов».

Но, к сожалению, мы вынуждены резюмировать, что данный вариант развития Украины является *наименее вероятным*. Впрочем, «прогнозы - дело неблагодарное»…

ПОСЛЕСЛОВИЕ

К читателю, который дочитал до «Послесловия»

Ну что ж... Есть у нас и прошлое, и настоящее, и будущее… Изложение первого основано на исторических фактах, второго – на житейских впечатлениях и социологических наблюдениях, а третьего – на небезосновательных предположениях.

Автор догадывается, что «единства мнений» по поводу всего изложенного не будет. Да и не нужно, поскольку автору до сих пор нравится плюрализм мнений и тот романтизм и искренность, которые так захватывали и вдохновляли его в 16 лет – на рубеже восьмидесятых и девяностых. И пусть с точки зрения житейского опыта мы можем скептически относиться к своему юношескому романтизму, но часто именно о нем нам потом приятно вспоминать. Потому что он искренний. А вспоминаем о нем тогда, когда хочется сказать нашим детям: «Я прожил интересную жизнь». Потому что дети ценят ту настоящую правду, которая обещает интересную жизнь и им самим. И они никогда не простят нам общественно бесполезного существования – т. е. банального равнодушия к судьбам Родины. Ведь мы сами и есть «народ», и только от нас сегодня зависит, что унаследуют те, кто через десять или сто лет будут называть себя: «мы – Украинский Народ».

Моя семилетняя дочка спрашивает: «Папа, а почему на рекламе написано: “Любите Украину”? Ведь все украинцы и так любят Украину? Может, чтобы любили еще больше?» Что ей ответить? Что такую рекламу оплачивают идиоты? Или что взрослые украинцы по-разному ее любят? Или что Украиной называют очень разные страны, которые, к своему несчастью, находятся на одной и той же территории?

Источник: http://pdrs.dp.ua/pedia

Я отвечаю: «Конечно, всегда хочется больше любви, но не стоит это пожелание писать на рекламных щитах». Но ведь есть вопросы и посложнее: «Папа, а против кого Украина воевала в эту прошлую войну?» – «Да против всех чужих, тех, кто приходил с оружием в руках на ее землю». И не будем пока уточняться, кто это был (сначала выучим географию и историю). Главное – Украина себя героически защищала. Что ей всегда было свойственно, ибо украинский народ пережил многое, но и в XXI в. он остается на своей земле.

Вспомним себя недавних – двадцатилетней давности. Новые чувства и ощущения. Длинная человеческая цепочка вдоль трассы от Ивано-Франковска до Киева снежной зимой 1990 г. Годовщина настоящего воссоединения Украины – января 1919 г. Тогда польские, венгерские, чехословацкие, гэдээровские, румынские «дальнобойщики», вдохновленные собственными революциями и освобождениями, что-то радостно нам кричали, высовываясь из кабин грузовиков и махая руками… Тогда (это было где-то в Житомирской области) какая-то старенькая бабушка из ближнего села вынесла нам на трассу старый-старый, вылинялый от времени сине-желтый флаг. Как он уцелел, будучи десятилетиями гарантией статьи и отсидки для своей хозяйки? И что заставило сохранить его после всего, что пережило украинское село за предшествующих 70 лет? Наверное, то живучее чувство, о котором и написано в этой книге.

Перемены конца 80-х открыли и для автора неожиданные «семейные тайны» – и оказалось, что его прадед не только «старый большевик», но еще и деятель украинской автокефальной церкви, репрессированный за «буржуазный украинский национализм».

Побуждения

Идея этой книги возникла довольно банально: в 2005 г. стало очевидно, что русскоязычный читатель явно остро нуждается в некоем ликбезе о стране с названием Украина. Конечно, книгу можно было назвать и «Ликбез для русскоязычных», но «для русских» звучит не так конъюнктурно. Ибо «русские» – это вечно, а вот «русскоязычный в Украине» – как всякий пропагандистский жупел явление все равно временное. Не потому, что с ними должно произойти что-то ужасное, а потому, что это сюжет сиюминутной политики. Ведь понятие «лингвистически своеобразная часть граждан Украины» подразумевает и венгерскоязычную, и румыноязычную, и болгароязычную и т. д. Украину. Просто пока ощущение украинского гражданства еще не всегда совпадает с (русско)язычностью. Но, как показывает история, все когда-нибудь становится на свои места…

В какой-то мере написание этой книги оказалось ликбезом и для самого автора. Жанр научно-популярной литературы тем и сложен, что требует от автора по возможности очень ясного изложения – для этого надо не только самому очень хорошо разбираться в том, что излагаешь, но и уметь найти общий язык с теми, кто пока не знает столько, сколько знаешь ты, но хочет и не поленится для этого поработать. Поначалу предполагалась книжечка объемом раза в три меньше. Но, пробираясь сквозь дебри украинского исторического процесса, автор начинал вязнуть в целом ряде проблем, – и если по ряду пунктов он мог уверенно опираться на оценки коллег, то иногда у него возникала острая необходимость хорошенько «проветрить помещение».

К тому же русскоязычный читатель, интересующийся историей, неплохо знаком с российским видением украинской истории, которое обычно страдает, мягко говоря, предвзятостью. Поэтому автору пришлось поработать и в том жанре, который в советское время назывался «разоблачением буржуазных фальсификаций», а здесь мог бы называться «критикой имперского мифотворчества». Продукт получился сложный – четыре года работы отображают разное

Источник: http://pdrs.dp.ua/pedia

понимание и настроение, ведь автор – вполне живой человек, который вместе со всеми украинцами пережил социальные и политические потрясения последних лет. Издательство, увы, не хотело одного лишь «прошлого», поэтому у автора – профессионального историка – «настоящее» носит скорее характер житейского восприятия, чем научного изложения. Вот лет через 50…

Что ж, пусть эта книга тоже станет историческим источником по мировосприятию некой части украинства начала XXI в., вполне русскоязычной – но не склонной создавать из этого каких-либо проблем ни себе, ни другим. К сожалению, украинскими т. н. «национально-демократическими силами» общественный позитивный ресурс украинских русскоязычных был откровенно проигнорирован – отчего и достижения сомнительные. Ведь нас таких – треть страны. А то, что мы «меньше любим Украину», – вранье тех, кто манипулирует украинским общественным мнением. Да мы за Батьківщину можем вжарить не хуже «бандеровцев» с Западной Украины! И проводить «границу» по региональному принципу между вменяемыми украинскими гражданами (между дураками можно, конечно, но смысл?) – зазря, поскольку границ между нами никаких быть не может по определению вменяемости. И фигура из трех пальцев на обложке книги – как минимум! – является нашим общим неисчерпаемым ресурсом. Всегда покажем: кому явно, а кому – в кармане. Но обязательно покажем. Не как хамский жест, а как констатацию того, что мы сами за себя отвечаем, живем своим умом, и не надо нас так навязчиво учить.

Переход из советского мира вранья, мифов, двойной морали, самоцензуры и приспособленчества в неопределенное украинское будущее оказался, бесспорно, болезненным. Очень многие из предоставленных шансов были не использованы и потеряны. Зато очень многие из советских «моральных качеств» теперь пригодились – и стали довольно прибыльными.

Украина еще не стала молодой страной, она пока еще доживает свой «постсовет», т. е. старость жалкого огрызка бессмысленной империи. Оказалось, что построить новую нормальную жизнь гораздо сложнее, чем вернуться в прошлое и жить своими иллюзиями о нем. Выбор у страны предельно прост: или побороться за то, чтобы обрести новую жизнь, или вернуться в «патологию», которая всегда дешевле и проще, поскольку «норма» – это прежде всего адекватное и критичное отношение к себе и окружающему. Просто, но почему-то постсоветскому человеку это дается гораздо труднее, чем комфортное и безответственное существование в идеологическом бреду, где весь мир удобно черно-бел и все, кроме «наших», – либо враги, либо дураки. Трудно, потому что у советского человека были проблемы только «бытовые», а вот мировоззренческие сомнения – никогда!

Такая «патология» похожа одновременно и на старческий маразм, и на инфантилизм: «дяди плохие и дяди хорошие». Это – старческая категоричность в купе с инфантильной безответственностью: вера на слово «взрослым» (то есть властям), самовлюбленный снобизм (мы – белые люди, а они – чурки), а главное – нежелание и неспособность понимать других.

Нам неизбежно предстоит попытаться построить нормальную жизнь, главным критерием которой во все времена были не богатство или «всеобщее равенство», а просто-напросто человеческое достоинство, или – общечеловеческие ценности. Мало что в них в применении к отдельной стране изменилось со времен Никколо Макиавелли, мечтавшего 500 лет назад о свободной Италии: доверие к власти, хорошие законы и хорошая армия. Немного? Правда над реализацией идей Макиавелли пришлось поработать 300 лет. Но иного пути все равно нет… И мы, скорее всего, тоже пройдем этот путь, поскольку история Украины не заканчивается, пока есть люди любящие ее.

Откуда такая уверенность? Окиньте взглядом вышеизложенную историю украинского народа от славянских племен VI в. до актуальной

Источник: http://pdrs.dp.ua/pedia

попытки создать гражданскую нацию в XXI в. – у нас нет иного выхода. И не из-за безысходности или запрограммированности «украинского исторического процесса» на некий успех. Мы, как и другие, уже многие поколения «придумываем» себе основания для достойной жизни, опираясь на наше прошлое – мы протягиваем ниточку надежных житейских оснований из прошлого через настоящее в будущее. Но в наших «выдумках» есть много очень реальных вещей: «история украинцев» имеет дело с реальным народом, живущем на своей Родине Бог знает сколько лет; «история Украины» – со всеми, кто жил и живет на реальной территории нынешнего украинского государства. Поэтому никто не может сказать, что у них нет общего прошлого и не должно быть общего будущего.

Возможно, в какой-то из многочисленных «историй России» и не найдется место для такой соседней страны, как Украина: это если Россия – от Ужгорода до Владивостока. Но не будем придираться к соседям: это их личное дело. Если живешь в свободной стране – можешь научиться уважать свободу других. Жаль, правда, что другие не всегда уважают твою свободу.

Подобно другим народам мы будем «выдумывать себя» – как и делали это все те полторы тысячи лет, сколько осознаем себя на своей земле. Конечно, один факт «долгого пребывания» здесь далеко не главный аргумент.

Важен смысл, идея. А «украинская идея» всегда была идеей уже упомянутого человеческого достоинства. И в этом вопросе совершенно неважно, сколько было адептов украинской идеи в разное время или как в разное время называли себя те, кто сегодня называется «украинцами».

«Украинский национализм» вполне подпадает под подзабытую риторику «вождя мирового пролетариата» В. И. Ленина: он был всегда национализмом «угнетенной нации» и не нес в себе заряда «великодержавного шовинизма». В силу известных исторических обстоятельств люди, называвшие себя «свидомыми украинцами», всегда находились в оппозиции. Стать «русским» или «поляком» последние 500 лет было проще. Украинский проект последних 200 лет был обречен обстоятельствами на борьбу с притеснениями, унижениями и тиранией. И если каждый национализм имеет две ипостаси: «для себя» и «по отношению к другим», то украинский все время должен был искать себе поддержку среди соотечественников другой национальности и противостоять внешним давлениям. Поэтому часто идеологами и учасниками украинского движения все время оказывались люди неукраинского этнического происхождения – просто имеющие совесть. Один из инициаторов Кирилло-Мефодиевского общества – Николай Костомаров – был наполовину русским; зачинатель «украинской истории» и «хлопоман», человек, отвергнутый своей социальной средой, – польский шляхтич Владимир Антонович; один из авторов радикального украинского национализма – русский Дмитрий Донцов; идеолог украинского консерватизма и монархизма – поляк Вячеслав Липинский. В XXI в. украинство имеет шанс создать общий для всех живущих в стране Украинский Дом. Что, правда, безусловно подразумевает со стороны всех граждан знание и уважение украинского языка, украинской истории и любовь к своей Родине. Слава Богу, Украина не охвачена манией величия. Да и вряд ли когда-нибудь станет великой державой – но, может, это как раз и хорошо? Неплохо быть и «средним европейским государством». Из всероссийской гражданской войны 1917–1920 гг. в свою неожиданную независимость вырулила, например, одномиллионная Эстония – лишь благодаря своей внутренней консолидации, мудрости и терпению своих политиков и военных. А до этого у них даже не было «самостийников»! А 40 миллионов украинцев пропустили свой шанс. Тогда.

Возникает вопрос: а является ли то независимое государство, которое существует с 1991 г., настоящей «Украиной»? Мой ответ: пока еще нет, поскольку УКРАИНСКОЕ государство должно кое-чему соответствовать. Существует ряд критериев, согласно которым Украина и должна выстраивать свою легитимность, – и далеко не все они пока что соблюдены.

Реализации наших исконных вольностей добивались Богдан Хмельницкий и Иван Мазепа; идею общественного договора элит отстаивал мазепинец Пилип Орлик; за реабилитацию «народного языка» выступали полтавчанин Иван Котляревский в 1798 г. и галицкая «Русская троица» в 1837; к сохранению украинской идентичности стремились галичане во время «Весны народов» 1848 г.; свобод для человека и местных общин добивались и кирилло-мефодиевские братчики 1840-х, и громадовцы 1870-х; равноправных отношений с соседями хотели все украинские партии и движения в предыдущую борьбу за независимость – 1917–1920 гг.; «Воля народам! Воля людині!» («Свобода народам! Свобода человеку!») – именно этого хотели бойцы УПА, воюя против Гитлера и против Сталина; за соблюдение прав человека выступали члены украинских диссидентских организаций послевоенного периода. За эти ценности проливали свою кровь тысячи наших соотечественников, миллионы из них своими жизнями расплачивались за свои устремления. И что – кто-то теперь мне скажет, что нынешняя «Украина» – это то, за что они боролись?

Нам еще есть за что побороться – и что построить! Но кроме ожидаемых испытаний – это наш шанс приобщиться к реализации одного из действительно достойных проектов Новейшей эпохи – украинского. И пусть нас всех не смущает текущая политика – это все пена на фоне настоящих ценностей.

Украину всегда созидали обычные люди. Поэтому не стоит недооценивать свою роль в истории – ведь это действительно наша история! Как было написано на значках Сичевых Стрельцов в 1914 г.: «Не ридать, а здобувать!» – («Не рыдать, а достигать!»). Сто лет прошло, – а не поспорите...

Так, может, пора?..

НЕБЛАГОДАРНОСТИ

Поскольку в Украине в 2010 г. уже нельзя быть уверенным в том, что подобного рода книжки не повлекут за собой определенные санкции – не только для автора, но и для «пособников», то автор был вынужден отказаться от выражения «благодарностей» – мало ли что? По логике вещей остается отметить тех, кто мешал появиться на свет сему националистическому опусу. Титулов и званий тех, кто мешал работе, указывать не будем – на всякий случай, а перечислим по «форме соучастия» и по алфавиту, а не по степени вредительства.

Автор неблагодарен: Юлии Олийнык, которая так долго мешала написанию книги, что в результате решила ее издать.

Автор также неблагодарен археологу Евгению Синице, историкам Андрею Плахонину и Алексею Сокирко, картографу Дмитрию Вортману, которые не читали отдельные разделы книги и не сделали мне ряд весьма полезных и профессиональных замечаний. Дмитрию Вортману – отдельная неблагодарность за подготовку карт. Также работе автора совершенно не способствовали Евгений Магда и Лидия Смола. Но поскольку все эти люди лишь мешали, то все ошибки в тексте, очевидно, останутся на совести автора – как случилось бы и в том случае, если б они ему помогали...

Также в некоторых разделах не были пересказаны или «расширенно конспектированы» фрагменты текстов других авторов, со взглядами и позициями которых автор был категорически несогласен: Владимира Василенко, Владислава Верстюка, Виктора Горобца, Ярослава Грицака, Андреаса Каппелера, Георгия Касьянова, Ларисы Колесник, Александра Лысенко, Олега Медведева, Алексея Миллера, Ивана Патрыляка, Алексея Толочко, Ирины Шлихты, Наталии Яковенко. Ссылки и цитирование (в этих

А все-таки она вертится...

Семейный портрет 2010 г. Второй слева - автор рисунка, третий слева - автор этой книги (не путать с четвертым)

и других случаях) – всего лишь жалкая попытка автора подвести под подозрение невинных людей.

Автор весьма неблагодарен своему бывшему научному руководителю Анатолию Буравченкову за то, что у того так и не вышло сделать из автора более-менее профессионального историка. Продолжение таких попыток не увенчалось успехом и у моего последующего шефа Юрия Терещенко, который, зная мои украинско-националистические взгляды, «бросил» меня на политически более нейтральные истории Британии и консерватизма. А Владимир Евтух на протяжении нескольких лет безуспешно пытался меня воспитать как этносоциолога и специалиста по глобализации. Вопреки усилиям этих благородных людей (и благодаря ряду оплачиваемых халтур и преподаванию ряда очень разных дисциплин в очень разных вузах), автор получился человеком более-менее некомпетентным во многих отраслях общественных наук – чем и пользуется для тлетворного влияния на читательскую аудиторию.

Поскольку нельзя быть одинаково некомпетентным во всех темах, поднятых в данной работе (а хотелось!), автору пришлось обращаться к настоящим специалистам, мнения которых тут были надлежащим

образом проигнорированы. Поскольку мнения специалистов по одной проблематике, естественно, противоречат другу другу, то “контролирующим органам” будет довольно сложно определить: мнение какого именно специалиста было особенно проигнорировано. Но не могу не назвать:

- лингвистов Григория Пивторака и Константина Тищенко;
- социолингвиста и литературоведа Ларису Масенко;
- литературоведа и критика Владимира Панченко;
- археологов Наталию Бурдо, Михаила Видейко, Леонида Зализняка, Максима Леваду, Ростислава Терпиловского;
- историков Елену Бойко, Тамару Вронскую, Сергея Гнатюка, Игоря Гирича, Ольгу Ковалевскую, Руслана Йолтуховского, Владимира Лободаева, Ивана Монолатия, Татьяну Осташко, Андрея Руккаса, Бориса Черкаса, Тараса Чухлиба, Валентину Шандру, Наталию Юсову.
- краеведов А. Шляхтицкого и О. Дойчева за предоставленные важные материалы, существенно задержавшие окончание книги.

Автор также очень и очень неблагодарен всем своим друзьям и коллегам, которые морально и профессионально его не поддерживали на протяжении четырех лет работы. Их всех назвать и перечислить будет просто невозможно, как бы ни хотелось… Да и в целях их безопасности… Но они догадаются...

Отдельная неблагодарность первым «непрофессиональным» читателям (и, естественно, суровым критикам подобных националистических инсинуаций) – семье Довгаленко.

Моим терперливым и горячо любимым жене Кате и дочке Кате, которые справедливо отказались читать эту книгу, ибо одной такое читать уже поздно, а другой – еще рано. К тому же они эту книжку четыре года выслушивали в исполнении автора… Им я, естественно, крайне и категорически неблагодарен!

Своим дорогим родителям и близким родственникам я неблагодарен (кроме всего прочего) за их безуспешные попытки привить мне с детства чувство любви к родной стране. Правда, семья моя порочна: ее опыт гласит, что с какого старта не начинай, «сидеть» все равно будешь за «украинский национализм». А хорошие традиции надо беречь – даже (и особенно) на свободе; да и смену надо готовить…

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Добровольное, «чиста-сердечное» признание вины по обвинению в украинском национализме уместно всегда начинать с биографических сведений о подозреваемом. Облегчу работу компетентным органам…

Подозреваемый родился в 1973 г. в Киеве в семье потомственных украинских националистов, перешедших для маскировки своей враждебной сущности на русский язык. Прадедушка подозреваемого (сапожник, из крестьян) был обучен грамоте Марией Ульяновой (проживавшей тогда в Киеве), привлечен ею к революционной деятельности, «сидел» при царизме за подстрекательство к забастовкам и перевозку «Искры». Но в 1920-х годах сбился с пути и примкнул к украинской автокефальной церкви. В 1938 г. справедливо осужден органами госбезопасности как «украинский буржуазный националист» и «троцкистско-бухаринский агент фашизма».

В 1991 г. подозреваемый закончил среднюю школу № 170, которая, вопреки устоявшемуся мнению, готовит не только футболистов киевского «Динамо». В 1989–1991 гг. принимал участие в массовых акциях т. н. «национально-демократических сил» и посильно способствовал развалу нашей великой родины – СССР. В 1991–1996 гг. учился на историческом факультете Национального университета им. Т. Шевченко, где прошел школу извращения отечественной истории в духе националистических фальсификаций. В том же 1996 г. путем интриг стал председателем Научного общества студентов и аспирантов университета, а благодаря изощренному плагиату стал победителем конкурса НАН Украины для молодых ученых-историков. В 2001 г., несмотря на справедливые возражения блюстителей чистоты науки, защитил в Институте международных отношений при Университете им. Т. Шевченко кандидатскую диссертацию, посвященную контрреволюционному идейному течению «украинского

консерватизма». Последний был придуман буржуазным наймитом, польским помещиком Вячеславом Липинским (1882–1931) и имел задачей сбить с пути социалистического строительства идейно незрелые классовые прослойки. Потом подозреваемый проводил подрывную работу в разных киевских вузах, маскируя ее под «преподавание». С 2009 г. занимается этим же самым в Национальном педагогическом университете им. М. П. Драгоманова. Подозреваемый прошел сложный порочный путь растления прогрессивной научной общественности: с 2003 г. – член редколлегии научного сборника «Украинский консерватизм и гетманское движение»; в 2008 г. – ученый секретарь Института европейских исследований НАН Украины; в 2008–2009 гг. – директор Центра социогуманитарных исследований им. В. Липинского; с 2009 г. – председатель правления всеукраинского Научного гуманитарного общества. В 2008–2009 гг. – член редакционного совета общественно-политического еженедельника «Український тиждень». Автор многочисленных псевдонаучных, лживых и подстрекательских статей в разных враждебных изданиях. Водит знакомства с иностранцами и имеет родственников заграницей.

Автор гнусных книг, наполненных клеветническими измышлениями: монографии «Консерватор на фоне эпохи: Вячеслав Липинский и общественная мысль европейских “правых”» (К., 2002), брошюры «Этносы, народы, нации: найди отличия» (К., 2008), учебников «Древняя Шотландия» (К., 2003), «Кельтская Британия: племена, государства, династии с древнейших времен до конца XV в.» (К., 2005), «Британия в древности и средневековье» (К., 2010, в печати).

Соавтор: «Этносоциология: термины и понятия» (К., 2003, ошибочно отмечена премией им. Т. Шевченко одноименного университета как лучший гуманитарный учебник года), «Этнонациональная структура украинского общества. Справочник» (К., 2004), «Анатомия Оранжевой революции» (Штутгарт, 2005), «Гуманитарная политика украинского государства» (К., 2006). Автор статей с разными инсинуациями в многотомной «Энциклопедии истории Украины» (с 2003) и «Социологической энциклопедии» (К., 2008).

Контакты с сообщниками поддерживает через электронную почту: u.nationalism@gmail.com

К. Галушко

Украинский национализм:
ликбез для русских,
или
Кто и зачем придумал Украину

Редактор: Катерина Туз
Коректор: Юлія Железна
Дизайн та верстка: Марія Кисельова

Підписано до друку 30.06.2010. Формат 70x100/16
Папір офсетний. Друк офсетний. Гарнітура Міньон
Умовн. друк. арк. 51,2. Облік.-видавн. арк. 56,32
Наклад 2000. Замовлення № ??????

ТОВ «Темпора»
01030, м. Київ, вул. Б. Хмельницького, 32, оф. 4
Тел./факс: (044) 234 4640
www.tempora.com.ua
Свідоцтво про внесеннядо державного реєстру:
ДК № 2406 від 13.01.2006

Віддруковано в друкарні ТОВ «??????»
Свідоцтво про реєстрацію ??? № ???????
м. ?????, вул. ????????